

КЭТРИН БЕЛТОН

ЛЮДИ ПУТИНА



О ТОМ, КАК КГБ ВЕРНУЛСЯ В РОССИЮ,
А ЗАТЕМ ДВИНУЛСЯ НА ЗАПАД

Кэтрин Белтон

Люди Путина

О том, как КГБ вернулся в Россию,
а затем двинулся на Запад

*Моим родителям Марджори и Дереку, а также Ричарду и Кэтрин
Биркетт.*

PUTIN'S PEOPLE

First published in Great Britain by William Collins in 2020

Copyright © Catherine Belton 2020

Перевод с английского Александры Сисс

Редактор Эмма Дарвис

Корректор Нина Силкина

Дизайнер Ян Гаршнек

Автор фото на обложке: Алексей Дружинин (Reuters/РИА
«Новости»)

Авторские права на перевод: Александра Сисс и издательство
KAVA KIRJASTUS, 2022

ISBN 978-9916-9806-2-0

Содержание

[Главные действующие лица](#)

[Пролог. Московские правила](#)

[ЧАСТЬ I](#)

[Глава 1 Операция «Луч»](#)

[Глава 2 Внутренняя работа](#)

[Глава 3 Вершина айсберга](#)

[Глава 4 Операция «Преемник»: «Дело было уже за полночь»](#)

[Глава 5 Игрушки в грязной луже](#)

[ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)

[Глава 6 «Его создало ближайшее окружение»](#)

[Глава 7 Операция «Энергия»](#)

[Глава 8 После террора – пробуждение империализма](#)

[Глава 9 «Аппетит приходит во время еды»](#)

[ЧАСТЬ 3](#)

[Глава 10 Общак](#)

[Глава 11 Лондонград](#)

[Глава 12 Битва начинается](#)

[Глава 13 Черный нал](#)

[Глава 14 Мягкая сила в железном кулаке: «Я называю их «православным Талибаном»](#)

[Глава 15 Сеть и Дональд Трамп](#)

[Эпилог](#)

[Благодарности](#)

[Список использованной литературы](#)

Главные действующие лица

Ближний круг Путина

Силовики

Игорь Сечин – доверенное лицо Путина, бывший агент КГБ из Санкт-Петербурга, сделал карьеру в качестве заместителя руководителя кремлевской администрации и руководил национализацией российского нефтяного сектора. Из-за своего пристрастия к заговорам прославился как «русский Дарт Вейдер».

Николай Патрушев – влиятельный экс-руководитель Федеральной службы безопасности (ФСБ), действующий секретарь Совета безопасности.

Виктор Иванов – бывший офицер КГБ, служил вместе с Путиным в ленинградском КГБ, во время первого президентского срока Путина был заместителем руководителя администрации, организовал первичную экспансию Кремля в экономику.

Виктор Черкесов – высокопоставленный сотрудник КГБ, глава петербургского отделения ФСБ и наставник Путина, переехал вместе с ним в Москву и остался приближенным советником вначале как первый заместитель главы ФСБ, затем – как директор Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков.

Сергей Иванов – бывший офицер ленинградского КГБ, один из самых молодых генералов в российской внешней разведке 1990-х годов, во время путинского президентства

сначала назначен министром обороны, а затем – руководителем кремлевской администрации.

Дмитрий Медведев – юрист, начал с должности заместителя Путина в администрации Санкт-Петербурга в возрасте чуть старше двадцати лет и далее шел по путинским следам: вначале стал заместителем руководителя администрации Кремля, потом – председателем правительства РФ и затем временно сменил Путина в президентском кресле.

Бизнесмены, связанные с КГБ

Геннадий Тимченко – предположительно бывший агент КГБ, сделал карьеру в сфере советской торговли и стал сооснователем одной из первых нефтяных компаний до развала СССР. Тесно сотрудничал с Путиным с начала 1990-х годов и, как утверждают некоторые его коллеги, еще до падения советского режима.

Юрий Ковальчук – физик, присоединился к группе связанных с КГБ бизнесменов, чтобы забрать петербургский банк «Россия», который, по информации Минфина США, стал личным банком Путина и других высших чинов.

Аркадий Ротенберг – бывший путинский партнер по дзюдо, стал миллиардером после того, как государство передало его компаниям многомиллиардные подряды на строительство.

Владимир Якунин – высокопоставленный сотрудник КГБ, работал под прикрытием в представительстве ООН в Нью-Йорке, затем вместе с Ковальчуком возглавил банк «Россия». Путин назначил его главой государственной железнодорожной монополии.

**Семья – круг родственников, чиновников
и бизнесменов из близкого окружения первого
президента России Бориса Ельцина**

Валентин Юмашев – журналист, завоевавший доверие Ельцина во время совместной работы над мемуарами; назначен главой администрации президента в 1997 году. Женился на дочери Ельцина Татьяне в 2002 году.

Татьяна Дьяченко – дочь Ельцина, официально работала имидж-консультантом президента, но в основном выполняла функцию доверенного лица.

Борис Березовский – математик, сколотил состояние на торговых схемах АвтоВАЗа, выпускающего символ советской эпохи автомобиль «Жигули», чем завоевал расположение Ельцина и Семьи. С приобретением нефтяной компании «Сибнефть» стал ключевым игроком в среде связанных с политикой олигархов эпохи Ельцина.

Александр Волошин – экономист, совместно с Березовским реализовывал приватизационные и другие схемы; переведен в Кремль в 1997 году на должность заместителя Юмашева, главой администрации стал в 1999 году.

Роман Абрамович – торговец нефтью, протеже и коллега Березовского. По свидетельству Александра Коржакова, являлся «бухгалтером» Семьи, но сам этот факт отрицал. Считается, что поддерживал «хорошие взаимоотношения» с Путиным.

Сергей Пугачев – православный российский банкир, разрабатывал сложные схемы финансирования ельцинского Кремля, затем приобрел известность как путинский банкир. Сооснователь Межпромбанка, курсировал между Семьей и силовиками.

Олигархи эпохи Ельцина, вступившие в конфликт с людьми Путина

Михаил Ходорковский – комсомольский функционер, первый и самый успешный российский бизнесмен эпохи перестройки и 1990-х годов.

Бандиты и рядовые сотрудники КГБ

Санкт-Петербург

Илья Трабер – советский подводник, в годы перестройки занялся торговлей антиквариатом на черном рынке, затем стал посредником между службами безопасности Путина и Тамбовской организованной преступной группировкой (ОПГ), которая контролировала ключевые стратегические активы Петербурга, морской порт и нефтяной терминал.

Владимир Кумарин – глава Тамбовской ОПГ, потерял руку во время покушения; стал известен как «ночной губернатор» Санкт-Петербурга; участвовал в бизнес-деятельности вместе с людьми Путина, в основном с Ильей Трабером.

Москва

Семен Могилевич – член организованных преступных сообществ, в конце восьмидесятых годов стал банкиром наиболее влиятельных ОПГ России, включая Солнцевскую. За счет перекачки денег на Запад и торговли наркотиками и оружием создал собственную криминальную империю. В 1970-

х годах был завербован КГБ и стал «криминальной рукой российского государства».

Сергей Михайлов – предположительно глава Солнцевской ОПГ, тесно сотрудничал со связанными с КГБ бизнесменами, позже наладил отношения с магнатом недвижимости в Нью-Йорке Дональдом Трампом.

Вячеслав Иванков (Япончик) – бандит, был отправлен Могилевичем на Брайтон-Бич, Нью-Йорк, для контроля за находящейся там Солнцевской преступной группировкой.

Евгений Двоскин – бандит с Брайтон-Бич, после возвращения в Москву вместе со своим дядей Иванковым обрел печальную известность как «теневого банкир» России. Объединив усилия с российскими спецслужбами, отправлял миллиарды долларов черным налогом на Запад.

Феликс Сатер – друг детства Двоскина, ключевой бизнес-партнер организации Трампа, участвовал в ряде его строительных проектов, одновременно поддерживая связь с высшими чинами российской разведки.

«Руководители российских организованных преступных группировок, их члены, их коллеги переезжают в Западную Европу. Они покупают недвижимость, открывают банковские счета, интегрируются в местные сообщества, и к моменту, когда Европа поймет, что происходит, будет слишком поздно».

Роберт Левинсон, бывший специальный агент ФБР

«Я хочу предупредить американцев. На человеческом уровне вы имеете очень наивные представления о том, что такое Россия и каковы ее намерения. Вы полагаете, что, если Советского Союза уже не существует, то Россия стала вам другом. Но это не так, и я могу показать, как именно СВР пытается разрушить США даже сейчас и делает это еще яростнее, чем КГБ во времена холодной войны».

Сергей Третьяков, бывший полковник Службы внешней разведки России (СВР) в Нью-Йорке.

Пролог

Московские правила

Поздний майский вечер, 2015 год. Сергей Пугачев листает страницы старого семейного альбома. На одной фотографии – празднование его дня рождения на московской даче. Сын Виктор устался в пол, а дочь Владимира Путина Мария с улыбкой что-то шепчет ему на ухо. На другом снимке Виктор и его брат Александр позируют на фоне деревянной винтовой лестницы в кремлевской президентской библиотеке в компании обеих дочерей Путина. В сторонке стоит Людмила Путина, тогда еще жена российского президента. Она улыбается.

Мы сидим на кухне в последнем пристанище Пугачева – трехэтажном таунхаусе в престижном районе Лондона Челси. Дом озаряет вечерний свет, проникая через огромные окна, слышен щебет птиц, а со стороны недалекой Кингс-Роуд доносится приглушенный гул машин. Та великосветская жизнь, которой Пугачев когда-то жил в Москве – постоянные сделки, подковерные соглашения, «понимание» между друзьями, встречающимися в кремлевских коридорах власти – кажется теперь бесконечно далекой. И все же присутствие Москвы ощущается – словно тень, притаившаяся за дверью дома.

Накануне Пугачев обратился за защитой в британское управление по борьбе с терроризмом. Его телохранители обнаружили подозрительные устройства с торчащими проводами, прикрепленные к ходовой части его «роллс-ройса», а также к автомобилю, на котором возили в школу троих младших детей – семи, пяти и трех лет. Теперь на стене гостиной сотрудники отдела по борьбе с терроризмом SO15 установили

среди семейных портретов серый ящичек. Он оснащен сиреной, которая включится в случае нападения.

Пятнадцать лет назад Пугачев был кремлевским инсайдером: умело лавируя за сценой, он помог привести Владимира Путина к власти. Когда-то известный как кремлевский банкир, он преуспел в организации закулисных сделок, и эта ловкость рук позднее превратилась в основной принцип управления страной. Долгие годы Пугачев был неприкосновенен и входил в близкое окружение властной верхушки, которая создавала и меняла правила исключительно под себя: правоохранительная система, суды и даже выборы должны были обслуживать только ее нужды. Но теперь кремлевская машина повернулась против него. Этот высокий мужчина с темной бородой и дружелюбной улыбкой, верующий, стал одной из последних жертв стремительно расширяющейся путинской сферы влияния. В начале охоты Кремля на его бизнес-империю Пугачев покинул Россию – уехал во Францию, затем – в Англию. Люди Путина прибрали к рукам проект по строительству гостиницы, который ему пожаловал президент – камень прилетел со стороны Кремля, и, конечно, никакой компенсации. Затем ближайший союзник Путина Игорь Сечин забрал у него два судостроительных завода стоимостью 3,5 миллиарда долларов, выплатив лишь часть этой суммы. Крупнейшее в мире месторождение коксующегося угля в регионе Тувы стоимостью 4 миллиарда долларов отошло приближенному лицу brutального президента Чечни Рамзана Кадырова и было куплено за 150 миллионов долларов.

Между тем люди Путина обвинили Пугачева в крахе Межпромбанка, который он основал в 1990-х годах и который открыл ему путь к власти. Кремлевские чиновники возбудили

уголовное дело и обвинили Пугачева в организации банкротства путем вывода 700 миллионов долларов в швейцарский банк в 2008 году. Кремль не принял во внимание тот факт, что это были личные деньги Пугачева. Не имело значения и то, что приобретение судостроительных заводов Сечиным по столь низкой цене и стало основной причиной дефицита банковских средств – ведь нужно было расплачиваться с кредиторами. То есть Кремль умыл руки.

— Люди государственной системы то и дело переписывали правила игры, чтобы банк рухнул, и неудивительно, что выиграли от этого только они сами, – заявил банковский эксперт по России Ричард Хейнсворт.

Кремлевская машина захватывала все новые и новые сферы влияния. Вначале была открыта охота на политических оппонентов, затем мишенями стали бывшие союзники Путина. Первым из круга приближенных пострадал Пугачев. Теперь кремлевская охота передислоцировалась – бесчеловечные закрытые суды в Москве сменились шикарными декорациями Верховного суда Лондона. Последний с легкостью выдал ордер на замораживание всех активов Пугачева, что связало магната по рукам и ногам.

Кремль не прекращал преследования с того момента, как Пугачев покинул Россию. Во Франции его навестили три члена мафиозной группировки, посланные ликвидатором Межпромбанка: вывезли на яхту у побережья Ниццы и потребовали 350 миллионов долларов в обмен на гарантии безопасности для семьи. Такова «цена мирового соглашения», заявили они, цена за то, чтобы закрыть уголовное дело о банкротстве Межпромбанка (это подтверждают документальные свидетельства).

В британских судах Пугачев оказался совершенно беспомощным, так как не знал ни законов, ни процедур. В кремлевском прошлом он привык к подковерным играм, положение и власть позволяли ему игнорировать эти законы и процедуры. На компромиссы он не шел, поскольку был убежден в собственной правоте, верил в то, что стал жертвой кремлевского рейдерства, и полагался на себя, а не на правила, принятые в британских судах. Он не стал следовать судебным решениям по замораживанию его активов и впустую потратил миллионы фунтов со счета, который скрыл от английского суда. Считая разглашение информации недостойным поступком и мелочью по сравнению с катастрофическим крахом бизнес-империи, Пугачев рассматривал ситуацию как продолжение кремлевской кампании по преследованию и запугиванию. Впрочем, Кремль действительно взял на вооружение практику преследования врагов через британскую судебную систему и одновременно запустил пропагандистскую машину – страницы таблоидов запестрели материалами о российском олигархе, разбогатевшем за счет хищений.

Сначала Кремль наблюдал, как сработала судебная система Британии при разбирательстве дела Романа Абрамовича и Бориса Березовского – ссыльного олигарха, самого безжалостного критика Путина. И это дело, похоже, перевернуло с ног на голову всю российскую историю. Когда-то Березовский считался красноречивым кремлевским лжецом. В Верховном суде Лондона он безуспешно попытался отсудить 6,5 миллиарда долларов у своего бывшего партнера Романа Абрамовича, в прошлом – губернатора Чукотского автономного округа. Судья Элизабет Клостер не стала учитывать заявление Березовского о том, что они с Абрамовичем были совладельцами

двух промышленных гигантов – компании «Сибнефть» и алюминиевого завода «Русал», а также о том, что Абрамович вынудил его продать свои акции по бросовой цене. Ее честь Клостер сказала, что считает Березовского «исключительно ненадежным свидетелем» и встала на сторону Абрамовича, который заявил, что упомянутые активы никогда Березовскому не принадлежали, а плату он получал за политическое наставничество и покровительство. В России такое заявление встретили с удивлением, поскольку именно Березовский считался владельцем «Сибнефти». Березовский был возмущен такой предвзятостью. Перед началом судебного заседания Клостер объявила, что на раннем этапе слушаний интересы Абрамовича представлял ее пасынок, а адвокаты Березовского отметили, что участие пасынка этим не ограничивалось, однако жалобу не подали.

Кремль продолжил действовать внутри судебной системы Великобритании. На этот раз под преследование попал Мухтар Аблязов, казахский миллиардер, главный противник действующего президента Казахстана и последовательного союзника Кремля Нурсултана Назарбаева. Против Аблязова выступило российское Агентство по страхованию вкладов, обвинив его в выводе более 4 миллиардов долларов из казахстанского банка БТА, председателем которого он являлся и который имел представительства в России. Агентство наняло команду профессионалов из ведущей адвокатской конторы Лондона Hogan Lovells, в результате чего против Аблязова было открыто одиннадцать гражданских дел о мошенничестве в Великобритании, а также получен ордер на замораживание его активов. По данным частных детективов, 4 миллиарда долларов

были перенаправлены в офшорные компании, подконтрольные казахскому магнату.

Но в случае с Пугачевым никаких предположительно украденных или спрятанных активов установить не удалось. Не были предъявлены и обвинения в мошенничестве – ни в Великобритании, ни в одной другой стране за пределами России. Та же адвокатская команда из Hogan Lovells добилась ордера на замораживание активов только на основании решения российского суда и мастерски обыграла Пугачева, пока он метался в попытках разобраться в многочисленных судебных постановлениях. Его допрашивали на предмет местонахождения его активов и сочли лжесвидетельством показания о продаже угольного бизнеса, поскольку было неясно, кто участвовал в продаже – он сам или его сын. При этом, похоже, судью не волновал сам факт продажи бизнеса за одну двадцатую от реальной стоимости, зато чрезвычайно интересовало, насколько добросовестно Пугачев выполнил все процедуры и задекларировал все свои активы. У него забрали паспорта и запретили покидать территорию Соединенного Королевства на весь длительный период допросов, связанных с поиском активов, – кремлевские недруги постепенно сжимали кольцо. Он обращался к разным адвокатам, но одни не решались браться за беспрецедентное по тем временам дело, а другие видели в нем только легкую добычу. Адвокатские конторы были завалены аналогичными делами, за участие в слушаниях в Верховном суде Лондона московские магнаты платили втридорога, и цены на подобные услуги взлетели до астрономических высот. Судя по документам, адвокатские услуги Пугачеву оказаны не были. PR-фирмы предлагали ему защиту имиджа за 100 000 фунтов в месяц.

— Теперь он на нашей территории, — заявил партнер международной фирмы, представляющей интересы Пугачева.

Вначале Пугачев считал, что дело против него заведено по инициативе вышедших из-под контроля мелких кремлевских сошек, жаждавших завладеть его бизнес-империей, но по мере развития ситуации начал опасаться за свою физическую безопасность, полагая, что кампания была инициирована самим Путиным.

— Как он мог так со мной поступить? Это же я сделал его президентом, — сокрушался он, сидя на кухне в Челси, шокированный визитом SO15 и подозрительными устройствами на своих автомобилях. Один из его бывших друзей, направленный Кремлем в Лондон, сообщил, что Путин лично контролирует каждый этап этой кампании, и предупредил: «У нас тут все под контролем, все схвачено».

Пугачев давно наблюдал за тем, как деньги Кремля покупают влияние в Лондоне. До этих судебных разбирательств он встречался с английскими лордами — они улыбались, пожимали ему руку и говорили о величии Путина. В те дни еще подразумевалось, что Пугачев — по-прежнему «путинский банкир», как называла его пресса, и его постоянно просили сделать пожертвование в пользу Консервативной партии — без всяких задних мыслей. Все его кремлевские друзья перевезли в Лондон родственников и любовниц и навевывались к ним по выходным, осыпая город наличностью. Бывшая жена Сечина Марина и его дочь жили в частном доме. Заместителю председателя правительства Игорю Шувалову принадлежал престижный пентхаус с видом на Трафальгарскую площадь. Сыновья путинского партнера по дзюдо миллиардера Аркадия Ротенберга учились в одной из самых престижных частных школ

Британии, а бывшая жена Наталья отплатила ему за такую заботу неблагодарностью – подала на развод в Верховный суд Лондона. Много лет жила в Лондоне дочь вице-спикера Государственной Думы Сергея Железняк, яркого российского патриота и принципиального противника западного влияния.

— Список официальных резидентов Лондона бесконечен, – иронично замечает Пугачев. – Они очень хорошо устроились на этом острове с отвратительной погодой.

В Британии деньги всегда играли решающую роль. Путин отправлял агентов подкупать британские элиты. Лондон привык к лавине российского налета. Цены на недвижимость взмыли вверх: вначале российские магнаты, а потом и чиновники стали раскупать дорогие особняки в районах Найтсбридж, Кенсингтон и Белгравия. Доходы от российских акций – в первую очередь государственных Роснефти, Сбербанка и ВТБ – позволяли оплачивать аренду и расходы на престижные лондонские PR-агентства и юридические фирмы. Британские лорды и бывшие политики получали щедрое вознаграждение за то, что соглашались войти в правление российских компаний, хотя и понятия не имели о сфере их деятельности. Повсюду чувствовалось российское влияние. Бывший офицер КГБ и банкир, позиционирующий себя как ярый борец за свободу прессы в России, Александр Лебедев приобрел влиятельное в Лондоне издание Evening Standard, стал завсегдатаем столичных вечеринок, а его имя возглавляло списки самых желанных персон на званых ужинах. Другим желанным гостем был украинский магнат Дмитрий Фирташ, выбранный Кремлем для торговли газом, который, несмотря на свои связи с главным русским бандитом Семеном Могилевичем (его разыскивало ФБР), пожертвовал миллиарды Кембриджскому университету.

Его лондонский приспешник Роберт Шетлер-Джонс перевел миллионы фунтов в поддержку тори, а самые известные члены партии заседали в правлении британско-украинского общества Фирташа. Были и менее заметные игроки. Как минимум одному из них удалось завязать близкие отношения с мэром Лондона, представителем элитных кругов тори Борисом Джонсоном.

— Все считают, что шпионы — это подозрительные типы, которые носят темные очки и выглядят, как в кино, — говорит Пугачев. — Но здесь они повсюду. И выглядят, как обычные люди. Вы никогда не догадаетесь.

Пугачев не знал, действительно ли у Кремля «тут все под контролем, все схвачено», как ему заявил кремлевский гонец, или его просто хотят запугать. Но после обнаружения подозрительных устройств и слухов о возможной экстрадиции в Россию решил, что больше не готов гадать и рисковать. Несмотря на близость к Путину и многочисленные контакты с кремлевским кланом бывших кагэбэшников-силовиков, встреча с высшим чином из МИДа Великобритании отменилась в последний момент. Кремлевский гость сообщил, что вместо этого ему нужно встретиться с человеком из МІ6, завербованным российской разведкой. Все встало с ног на голову. Пугачев опасался, что правительство Британии готовится к сделке с Россией по его экстрадиции, и вспоминал судьбу своего товарища Бориса Березовского — в марте 2013 года его нашли мертвым на полу в ванной своего загородного дома в Беркшире с обмотанным вокруг шеи любимым черным кашемировым шарфом. Обнаруженные отпечатки пальцев идентифицированы не были, Скотланд-Ярд проводить расследование не стал и передал дело местной полиции Долины

Темзы, которая сочла смерть олигарха суицидом и закрыла расследование.

— Похоже, они договорились с Россией не поднимать шумихи, — переживал Пугачев.

И вот через несколько недель после нашей встречи в Челси, в один прекрасный июньский день 2015 года, Пугачев внезапно исчез, не предупредив даже свою партнершу, мать троих детей, лондонскую светскую львицу Александру Толстую — она весь вечер прождала его на праздновании восьмидесятилетия ее отца. Все его телефоны были выключены. Последний раз его видели на встрече с адвокатами, где его предупредили, что для залога в связи с неизбежным запросом на экстрадицию потребуется 10 миллионов фунтов, но доступа к таким деньгам у Пугачева не было. Через несколько недель он всплыл во Франции, гражданство которой получил еще в 2009 году — французские законы защищают своих граждан от экстрадиции в Россию. Здесь, на своей вилле-крепости в горах над заливом Ниццы, за железным забором, с бесчисленными камерами и с вооруженной охраной, он оказался в относительной безопасности,

Кремль с легкостью сумел открыть дело против Пугачева в английской столице, и это стало первой ласточкой — началом насаждения московских правил игры в Лондоне. Теперь Кремль мог ломать и менять юридические процедуры и преследовать собственные цели, а главная проблема, связанная с экспроприацией пугачевской многомиллиардной бизнес-империи, была искусно погребена под ворохом мелких решений, касающихся ордера по замораживанию активов и корректности выполнения этих предписаний. Конечно, Пугачев — не ангел. Непонятно, что случилось с теми 700

миллионами долларов, в выводе которых из Межпромбанка его обвинили. Но спустя какое-то время эти активы – которые, между прочим, совсем не интересовали Верховный суд Лондона – нашлись. Оказалось, что 250 миллионов вернулись в банк, а остальная сумма растворилась в компаниях, которые ликвидировал бывший союзник, ныне активно сотрудничающий с Кремлем. Позже швейцарские прокуроры, получив от России требование заблокировать банковские счета Пугачева, не обнаружили доказательств преступления при переводе 700 миллионов долларов со счетов компаний Пугачева в Межпромбанке на швейцарский счет на пике кризиса 2008 года.

Кремлевским юристам так и не удалось возбудить в Британии дело о мошенничестве без каких-либо свидетельств хищения средств, но гражданское преследование Пугачева продолжалось. Юристы, работающие на российское Агентство по страхованию вкладов, настаивали на том, что застали его «на месте преступления» в момент банкротства Межпромбанка.

— Если вы получаете от регулирующего органа наличность, ее нужно использовать для того, чтобы банк остался на плаву, а не ради личной выгоды, – говорит лицо, приближенное к команде юристов.

Потеряв бизнес-империю и испытывая опасения за свою жизнь, из-за побега из Британии Пугачев был признан также виновным в неуважении к суду и приговорен к двум годам тюрьмы заочно: на слушаниях его часто уличали во лжи, он проигнорировал предписания ордера по замораживанию активов и не только покинул страну, но и перевел во Францию деньги, полученные от продажи двух автомашин. Одна из судей, ее честь Вивьен Роуз, заявила, что «не может полностью

полагаться ни на одно из данных им показаний». Многомиллионный новозеландский траст, который он основал под свою недвижимость, включая дом в Челси, оказался подставным.

Пугачев же настаивал на том, что стал мишенью российской государственной вендетты, в которую оказались втянуты и британские суды. В Кремле, похоже, всеми способами пытались скрыть даже намек на прежние связи с Пугачевым и на то, что он может обладать компрометирующей Москву информацией. К тому же основное внимание британские спецслужбы теперь сосредоточили на исламской террористической угрозе, и малоизвестная личность бывшего кремлевского игрока их особо не интересовала. Пугачев не давал интервью (пока дела в Лондоне окончательно не испортились), о его роли в восхождении Путина знали немногие – эти заслуги обычно приписывали Борису Березовскому, и адвокатам из Hogan Lovells просто объяснили, что Пугачев – круглый ноль, а его дело никак не связано с политикой.

— Нет никаких свидетельств того, что он чем-то занимался в Кремле, – сообщило лицо, приближенное к адвокатам. – Нужно действовать с предельной осторожностью. Похоже, Пугачев говорит то, что взбрет ему в голову. А люди, с которыми нам довелось общаться, заявляют, что он просто наглый прохвост.

Но Пугачев действительно работал в Кремле и был посвящен в некоторые тайны: он знал, как именно Путин пришел к власти. И это, казалось, было одной из главных причин, по которым Кремль упрямо преследовал Пугачева и стремился связать его по рукам и ногам, причем на законных основаниях. Еще до

захвата Кремлем бизнес-империи Пугачев хотел уехать из России, убежать от бесконечных разборок и интриг. Путинские приспешники из КГБ отстранили его от дел в Петербурге, и уже в 2007 году он обратился с прошением о получении гражданства Франции. Для посвященных это преследование выглядело как наказание Пугачева за попытки вырваться из хитросплетений властной системы России, из мафиозного клана, откуда никому нет выхода.

— Пугачев — как почка. Он необходим для функционирования системы. Но он рехнулся, решив, что может уйти и заняться бизнесом в одиночку. Конечно, был отдан приказ на его уничтожение, — сказал один из главных банкиров России, вовлеченный в финансовые операции с Кремлем.

В спешке собираясь на самолет из Британии во Францию, Пугачев оставил весьма выразительные улики. Детективы, которые работали на кремлевских адвокатов, обыскали его офис в Найтсбридже по судебному ордеру, выписанному через несколько дней после его исчезновения. Среди кип документов нашлись и жесткие диски. На одном из них остались записи: российские спецслужбы с конца девяностых годов тайно записывали каждую встречу в его офисе в центре Москвы.

Одна из таких записей достоверно подтверждает: Пугачев сожалел о том, что помог Путину продвинуться во власти. Запись была сделана в офисе Пугачева во время встречи с Валентином Юмашевым. Они обедали и за бокалом хорошего вина обсуждали свои запутанные невеселые дела — в Москве случился очередной политический кризис. Стоял ноябрь 2007 года, через несколько месяцев заканчивался второй президентский срок Путина, и, по Конституции, он должен был уйти. Несмотря на туманные заявления о том, что после

президентства он собирается занять место премьера, о его реальных намерениях никто точно не знал, и в коридорах Кремля бывшие и действующие силовики устроили настоящую крысиную возню в надежде выбиться в преемники.

Пугачев и Юмашев чокнулись бокалами. Ситуация казалась тупиковой. Непонятно, кто станет преемником, и это напоминало 1999 год – именно тогда они помогли Путину прийти к власти. Казалось, это было тысячу лет назад. Теперь их оттеснили питерские соратники Путина из КГБ, а сами они выглядели реликтами ушедшей эпохи. Структура власти необратимо изменилась, и они пытались понять, что было сделано не так.

— Помнишь, как было, когда он пришел к власти? – слышен на записи голос Пугачева. – Он тогда сказал: «Я – просто менеджер. Наемное лицо».

Тогда казалось, что Путин неохотно примерял на себя роль лидера и с соратниками вел себя мягко и уступчиво.

— Между нами. Вначале я думал, что он просто хотел разбогатеть, зажить красивой жизнью, решить свои личные проблемы, – продолжает Пугачев. – И, в принципе, эти проблемы он довольно быстро решил. [...] Но за четыре года своего первого срока он понял: есть что-то такое, что никогда не даст ему уйти.

Первый путинский срок ознаменовали кровопролития и раздоры. За время президентства Путина случилось несколько смертельных терактов. В октябре 2002 года чеченские террористы захватили заложников в театре на Дубровке, спецназ ФСБ провалил штурм и отравил газом зрителей, которых предполагалось спасти, – погибло более сотни человек. Войны с повстанцами из мятежной Чечни обернулись тысячами

смертей, включая 294 погибших в череде взрывов домов. По Москве ходили слухи, что за этими кровавыми атаками стоят спецслужбы, потому что конечным результатом стало ужесточение требований безопасности, что лишь укрепило президентскую власть.

Беспечных олигархов 1990-х годов прижали к ногтю. Путину достаточно было открыть всего одно дело против богатейшего человека страны и его соратников, чтобы разрушить свободный рынок ельцинской эпохи и запустить национализацию имущества.

— Я думаю, он бы с радостью ушел через четыре года, — продолжает Пугачев. — Но тут случились все эти события. Учитывая положение на Западе, сейчас ситуация тупиковая, почти что кубинский кризис. А он решил пойти еще дальше. [...] Он понимает, что в этом случае пути назад уже не будет.

Выстроенный Путиным конструкт, сосредоточивший в его руках всю власть, не казался собеседникам стабильностью.

— Это пирамида. Нужно лишь ударить разок, и она развалится. [...] Он это понимает, но изменить себя не может, — предположил Пугачев.

— У меня нет ощущения, что он хоть что-то понимает, — заметил Юмашев.

— Странно было бы, если бы он заявил: «Все, что я сделал, было ошибкой», — перебил Пугачев. — Его решения, как правило, строятся на его собственных представлениях о мире. И эта тема патриотизма — он искренне в нее верит. Он говорит, что развал Союза — трагедия, он искренне в это верит, [...] это и есть его ценности. Он все делает искренне. И искренне ошибается.

Консолидацию власти на всех уровнях – отмену губернаторских выборов, подчинение судебной системы Кремлю – Путин часто оправдывал тем, что в эпоху стабильности такие меры призваны положить конец хаосу и неопределенности девяностых годов. Но за мобилизирующими патриотическими лозунгами прятался тревожный фактор: захватив экономику через цепочки лояльных соратников, Путин и силовики монополизировали власть и внедрили новую систему, в которой государственные должности использовались как средство для личного обогащения. Существенное различие с антикапиталистическими и антибуржуазными принципами советского государства, которому они когда-то служили.

— Эти люди – мутанты, – говорит Пугачев. – Смесь гомо советикус с дикими капиталистами последних двадцати лет. Воруя, они наполнили карманы, перевезли семьи в Лондон. Но когда они заявляют, что кого-то нужно уничтожить во имя патриотизма, они говорят это искренне. Если бы их мишенью был Лондон, они в первую очередь вывезли бы оттуда свои семьи.

— Это все ужасно, – добавляет Юмашев. – Теперь некоторые мои друзья искренне радуются: как здорово, что мы разбогатели. В девяностых такое было невозможно – ты или в бизнесе, или работаешь на благо страны. А теперь они занимают государственные должности, чтобы обогатиться. Министры раздают лицензии за деньги. Конечно, все начинается с головы. [...] Первое, что говорит [Путин] новому госслужащему: это твой бизнес, ты делишься им только со мной, за это я тебя защищаю, [...] а если ты не [используешь свое положение для заработка], значит, ты идиот.

— Путин сам это сказал, — поддерживает Пугачев. — Открыто. Я с ним разговаривал. Он сказал: «А чего он ждет? Почему не зарабатывает? У него есть должность. Так пусть зарабатывает». Они — как те, что испили крови и не могут остановиться. Теперь государственные работники стали бизнесменами.

— Осталось очень много настоящих бизнесменов, — соглашается Юмашев, грустно качая головой. — Атмосфера в стране очень изменилась. Воздух другой. Теперь он душит. Душит.

Оба вздыхают. Все изменилось — кроме их способности идеализировать свои роли.

— Девяностые были прекрасны тем, что не было лжи, — продолжает Юмашев.

— Конечно, — вторит Пугачев. — Для меня всю мою жизнь правда была равнозначна свободе. Я зарабатывал деньги не для богатства, а для свободы. Ну сколько ты можешь потратить? Если тебе хватает на две пары джинсов, все в порядке. Но свобода дала мне одну вещь — теперь мне не нужно лгать.

Им обоим кажется, что теперь президент окружен соглашателями, они славословят его, говорят, что его послал бог спасти страну, а они — верные слуги. И все же Пугачев считает, что эти соглашатели понимают все лицемерие системы и фальшивость демократии, представляемой правящей партией «Единая Россия».

— Посмотри на тех, кто окружает ВВ [Путина], они говорят: Владимир Владимирович, вы — гений! — продолжает Пугачев. — А сами ни во что не верят. Понимают, что все это — дерьмо: «Единая Россия» — дерьмо, выборы — дерьмо, президент — дерьмо. Они все это понимают, а потом выходят на публику

и заявляют, что все прекрасно. И произносят лживые тосты. Сидят и рассказывают [...] всякую чушь про то, как дружили со школьной скамьи. Но позже те же ребята в соседнем кабинете скажут: как только он выйдет, мы его прикончим. Такой цинизм. Полагаю, им тоже некомфортно. Тем, кто добрался до власти. [...] Мне их жалко. Воруют все, что под руку попадет, а потом выходят на публику и рассказывают о том, как Путин борется с коррупцией. А я смотрю на них и думаю – это конец. Мне их жаль. [...] ВВ всегда спрашивает: «Какое слово начинается на с? Совесть». У них даже рецепторов совести нету. Они не понимают, что это. Они забыли и само слово, и его значение. Все перевернули с ног на голову.

Собеседники единодушны во мнении: все достижения эпохи Путина – экономический рост, увеличение доходов, богатства миллиардеров, превративших Москву в сверкающий мегаполис с дорогими иномарками и уютными кафе на каждом углу, – обусловлены лишь резким скачком цен на нефть.

— В 2000 году нефть стоила 17 долларов, и мы были счастливы, – говорит Юмашев. – Мы с тобой были у власти, когда могло быть и 10, и 6 долларов. Моим лучшим временем были те две-три недели, когда цена достигла 16 долларов. А теперь нефть стоит 150, и все, на что они способны, – это понастроить себе уродливые особняки.

— Государство ничего не делает с этими деньгами. Могли бы давно поменять инфраструктуру страны. Но он думает: если начнем строить дороги, то все разворуют. [...] Время бежит так быстро, – сокрушается Пугачев.

— Восемь лет прошло. В 2000 году мы передали начальнику отлаженную нефтяную машину. И все заработало. А что в итоге получилось? – спрашивает Юмашев.

— Мы не понимали, что он не собирается ничего развивать. Я считал его либералом, — отвечает Пугачев.

— Что для меня было принципиально важным, — так это его возраст, он был молодой, — говорит Юмашев.

— Ты же понимаешь — оказалось, что он из другого теста.

— Да, это совсем другие люди, — соглашается Юмашев.

— Это другие люди, особенные. Нам этого не понять. Вот Устинов [генпрокурор] очень хорошо это понимал, — говорит Пугачев. — Он мне сказал: «Видишь ли, эти ребята из спецслужб — они иные. Высоси у них всю кровь и прикрути им чужие головы, они все равно будут иными. Они живут внутри своей системы. И ты никогда таким не станешь. Совершенно другая система.

Эта запись — уникальное свидетельство откровенной беседы между людьми, которые привели Путина к власти, и их ужаса от ситуации, которую они же и создали. В этой книге изложена вся история системы — приход к власти путинской кагэбэшной когорты и ее постепенная трансформация в стремлении обогатиться в условиях нового капитализма. Это история торопливой передачи власти от Ельцина Путину и последующего развертывания глубинного государства агентов КГБ, которые в годы ельцинского правления присутствовали незримо, но затем вернулись, чтобы монополизировать власть минимум на двадцать лет и в конце концов начать угрожать Западу.

Книга начиналась с попытки проследить процесс захвата российской экономики путинскими соратниками, но вылилась в расследование, которое обнажило ужасающие факты. Клептократия эпохи Путина имела целью не просто наполнение карманов президентских друзей, а установление режима, при

котором полученные миллиарды долларов стали активно использоваться для подрыва и разрушения институций и демократии Запада. Тактика КГБ времен холодной войны, когда Советский Союз сеял раздор и несогласие на Западе, спонсировал лояльные политические партии и подрывал устои «империализма», обрела новую актуальность. Но теперь, в отличие от тех времен, Кремль черпал ресурсы из глубокого колодца с наличностью, чтобы интегрироваться в рынки и запустить свои щупальца в институции Запада. Новая кремлевская элита восприняла капитализм как способ свести счеты с Западом. И началось все очень давно, задолго до развала Союза.

Захват стратегических денежных потоков означал не только получение контроля над экономикой страны. При этом режиме богатство не распространялось на рядовых граждан России, а использовалось для укрепления власти и завоевания новых позиций на мировой арене. Система, которую создали люди Путина, стала гибридным кагэбэшным капитализмом, аккумулирующим средства на подкуп и корруммирование должностных лиц на Западе, где политики успокоились после окончания холодной войны и быстро забыли о советских тактиках недалекого прошлого. Западные рынки открыли двери новым денежным потокам из России и не обращали внимания на то, какие темные силы стоят за ними. Еще до распада СССР КГБ и российские ОПГ слились, перекачивая миллиарды долларов за драгметаллы, нефть и другие товары из госучреждений в связанные с Комитетом фирмочки. С самого начала агенты внешней разведки сосредоточили в своих руках черный нал, необходимый для сохранения и поддержания жизнедеятельности агентурных сетей, которые, как считалось,

исчезли вместе с крахом СССР. Во времена ельцинского правления эти силы держались в тени, но с приходом Путина альянс КГБ и ОПГ вернулся и показал свой оскал. А чтобы понять суть этого процесса, мы должны вернуться в самое начало, во времена развала Советского Союза.

Для людей, которые помогли Путину прийти во власть, реванш означал также и то, что им предъявят счет. Пугачев и Юмашев затеяли передачу власти в отчаянной спешке – здоровье Ельцина ухудшалось, и они пытались спасти будущее страны, устранить коммунистическую угрозу и обеспечить собственную безопасность. Но они тоже забыли новейшую советскую историю. Люди, которых они привели к власти, не остановились бы ни перед чем и не побрезговали бы никакими методами, чтобы остаться на вершине.

— Нужно было больше с ним разговаривать, — вздохнул Юмашев.

— Конечно, — сказал Пугачев. — Но у нас не было времени.

ЧАСТЬ I

Глава 1

Операция «Луч»

Санкт-Петербург. Начало февраля 1992 года, служебная машина мэрии медленно движется по главным улицам города. Серое месиво кое-где сметено с тротуаров, обвешанные сумками пешеходы в теплых бесформенных пуховиках ежатся под холодным ветром. За обветшалыми фасадами когда-то красивых зданий на Невском – почти пустые магазины. Таковы последствия шока от внезапного краха Советского Союза. Прошло лишь полтора месяца с того момента, как СССР перестал существовать, с того судьбоносного дня, когда президент России Борис Ельцин и лидеры двух других советских республик одним росчерком пера положили конец существованию огромной страны. Городская продовольственная система не может быстро реагировать на перемены – цепочки поставок и цены на продукты годами контролировались строгими советскими правилами, которые внезапно перестали существовать.

В очередях на автобусных остановках и на бесчисленных стихийных рынках жители распродают обувь и другие личные вещи, продовольствия не хватает, введены продуктовые талоны, город живет в темноте. Ситуацию усугубляет гиперинфляция, в которой сгорели сбережения граждан. Некоторые опасаются голода – еще живы воспоминания о блокаде Ленинграда во время Второй мировой войны.

В объективе камеры за рулем черной «Волги» – молодой чиновник из городской администрации. Он худощав, собран, взгляд устремлен вперед. Это Владимир Путин. Ему 39 лет, он – заместитель мэра Санкт-Петербурга, недавно его назначили председателем комитета по международным связям, в его обязанности входит контроль за импортом продовольствия.

Это кадры из серии документальных фильмов о новой администрации города. В следующей сцене появляется здание мэрии в Смольном. Путин отчитывается о тоннах зерна, ввезенных в качестве гуманитарной помощи из Германии, Англии и Франции, и заверяет, что беспокоиться не о чем. Минут десять подробно объясняет, какие меры принял комитет для экстренного обеспечения города продовольствием, включая новую сделку стоимостью 20 миллионов фунтов на поставки зерна для домашнего скота. Об этом договорились на встрече мэр города Анатолий Собчак и премьер-министр Британии Джон Мейджор. «Если бы не этот щедрый жест британцев, молодое поголовье скота в регионе погибло бы», – говорит Путин.

Поразительно, как он точен в деталях и как хорошо осведомлен о многочисленных экономических проблемах города. Он энергично говорит о необходимости развития малого и среднего бизнеса – главной опоры новой рыночной экономики. Он прямо так и говорит: «Класс предпринимателей должен стать основой для процветания нашего общества в целом». Он с удивительной точностью описывает проблемы перехода оборонных предприятий на производство товаров народного потребления, что позволит спасти эти заводы. Они занимают огромные территории – например, Кировский завод в южной части города выпускает танки и артиллерию. Теперь

они остановлены, так как непрерывные заказы на военное оборудование, которые питали и в итоге обанкротили советскую экономику, внезапно закончились. Необходимо приглашать западных партнеров и интегрировать заводы в мировую экономику, заявляет молодой чиновник из городской администрации.

Внезапно он с жаром начинает говорить о вреде, который нанесли коммунисты, искусственно отгородив Советский Союз от контактов со свободным рынком развитого мира. «Лозунги Маркса и Ленина нанесли стране колоссальный ущерб. В моей жизни был период, когда я интересовался учением марксизма-ленинизма. Много читал. Но по мере взросления, возмужания для меня все очевиднее становилась истина, что все это – не более чем красивая и вредная сказка. Большевики-революционеры 1917 года действительно ответственны за сегодняшнюю трагедию – развал нашего государства, –уверенно заявляет он корреспонденту. – Они разбили наше отечество на республики, которых раньше не существовало, наделили эти княжества правительствами и парламентами и уничтожили то, что стягивает, сплачивает народы цивилизованных стран, а именно – рыночные отношения».

Прошло лишь несколько месяцев с момента назначения Путина на должность заместителя мэра Петербурга, а уже такое сильное, тщательно подготовленное выступление. Он оседлал стул задом наперед, что выглядит слегка небрежно, но все прочее свидетельствует о точности и подготовленности. В пятидесятиминутном фильме показано, как он занимается дзюдо, через плечо бросая противников на маты, как свободно общается на немецком с заезжим бизнесменом, как обсуждает по телефону с Собчаком последние сделки по иностранной

помощи. Педантичность во всем – в том числе в выборе интервьюера и режиссера фильма: это Игорь Шадхан, еврей по национальности, известный документалист. Он недавно вернулся в Петербург, отсняв на севере серию фильмов об ужасах ГУЛАГа, его до сих пор бросает в дрожь при воспоминаниях о том, как в СССР притесняли евреев, и, по его признанию, он по-прежнему втягивает голову в плечи, когда проходит мимо бывшей штаб-квартиры КГБ на Литейном. И все же именно его выбрал Путин, чтобы засвидетельствовать свои откровения и поведать миру о службе в структуре, которую боялись и ненавидели. И все это – во времена первой демократии, когда такое признание могло скомпрометировать шефа Путина Анатолия Собчака – страстного оратора, ставшего мэром на волне обнародования преступлений советского режима. Теперь Шадхан размышляет о том, не был ли обусловлен выбор Путина хорошо подготовленным планом по самореабилитации.

— Я всегда задавался вопросом, почему выбрали меня. Он понимал, что ему нужен именно я, и мне он готов был рассказать, что служил в КГБ. Он хотел показать, что люди из КГБ могут мыслить довольно прогрессивно. Путин сделал правильный выбор. Как заметил один критик, я всегда облагораживаю своих героев безотносительно того, кто они такие, – вспоминает Шадхан. – Облагородил и его. Я хотел знать, кто он такой и что он видел. Я всегда критиковал советскую власть, так как сильно от нее пострадал. Но ему я сочувствовал. Мы подружались. Он казался мне человеком, который поведет страну вперед, который действительно сможет что-то сделать. А на самом деле он меня нанял.

На протяжении всего фильма Путин искусно подчеркивает хорошие качества людей из КГБ. Отвечая на непростой вопрос, брал ли он взятки, заявляет: там, где он служил, такое считалось предательством родины и наказывалось по всей строгости закона. Он был должностным лицом, чиновником, и это слово не должно иметь отрицательных коннотаций, убежден он. Сначала служил родине как военный чиновник, а теперь служит как гражданское должностное лицо, «вне политической конкуренции».

В конце документального фильма Шадхан, кажется, начинает во все это верить. Фильм заканчивается реверансом великому прошлому КГБ: в финальных кадрах Путин смотрит на замерзшую Неву – человек из народа в меховой шапке за рулем белого жигуленка, квадратной неуклюжей машинки, коих в те времена на улицах было предостаточно. Он наблюдает за городом, покровитель со стальным взором, звучит музыка из телефильма «Семнадцать мгновений весны», главный герой которого русский разведчик-кагэбист внедрился в правящие круги нацистской Германии. Это было решением Шадхана.

— Он человек своей профессии. Я хотел показать, что он по-прежнему в своей профессии.

Однако в интервью Путин постарался убедить зрителей, что оставил службу в КГБ сразу по возвращении в Ленинград в феврале 1990 года. Он рассказал Шадхану, что ушел в отставку «по многим причинам», не только из-за политики, и подчеркнул, что оставил должность еще до мая, то есть до начала работы с Собчаком, на тот момент – профессором Ленинградского Государственного университета, стремительно восходящей звездой демократического движения в Ленинграде. Путин вернулся в столицу царской России, проработав пять лет

в Дрездене (Германская Демократическая Республика, ГДР) – там он был связующим звеном между КГБ и Штази, министерством государственной безопасности Восточной Германии. Спустя какое-то время появилась новая легенда – якобы он признавался коллеге в опасениях, что по возвращении придется работать таксистом и лучшего будущего у него нет. Путин из всех сил старался убедить зрителя, что все его связи с прошлым разорваны, что он влился в стремительно меняющуюся новую Россию.

Интервью Шадхану стало началом целого ряда путаных заявлений о его карьере в спецслужбе. В разваливающейся империи ничто не оставалось таким, каким казалось. Из виллы КГБ на берегах Эльбы с видом на живописный пейзаж Дрездена Путин наблюдал крушение советской империи, конец так называемой социалистической мечты. Блок союзников СССР по Варшавскому договору разваливался, гражданское население массово выступало против коммунистических режимов. Он наблюдал – сначала издалека – как множились волнения по всему Советскому Союзу и как, вдохновленные падением Берлинской стены, в стране возникали националистические движения, вынудившие Михаила Горбачева пойти на серьезные компромиссы с лидерами нового поколения. К моменту интервью с Шадханом один из таких лидеров, Борис Ельцин, уже вышел победителем в августовском путче 1991 года. Заговорщики ставили целью возврат к политической и экономической несвободе и потерпели сокрушительное поражение. Ельцин положил конец существованию Коммунистической партии Советского Союза. Внезапно старый режим, как казалось, рухнул навсегда.

Но то, что пришло на смену, явилось лишь частичной трансформацией. Ельцин убрал высший эшелон КГБ и указом разделил Комитет на четыре внутренние службы. Однако в итоге появился гидроголовый монстр, где многие офицеры типа Путина остались на теневой службе и продолжили работу. Нетронутой оставалась лишь мощная служба внешней разведки. В той системе правила нормальной жизни давно не действовали. Это была страна теней, страна полуправд и формальной видимости, а все осколки старой элиты незримо цеплялись за руины своего царства.

Путину пришлось придумать несколько версий своего ухода из КГБ – менялись и время, и обстоятельства. Однако, по словам близкого к нему высшего чина КГБ, ни одна из них не была правдивой. Он рассказывал интервьюерам, занятым написанием его официальной биографии, о том, что уволился через несколько месяцев после начала работы с Собчаком в университете, однако приказ об увольнении почему-то потерялся на почте. Он настаивал на том, что в дни путча Собчак звонил главе КГБ Владимиру Крючкову, чтобы подтвердить увольнение. Эта история и стала официальной версией, но выглядит, как художественный вымысел. Вероятность того, что Собчак в такой момент сумел дозвониться до Крюčkова, чтобы договориться об увольнении одного сотрудника, кажется призрачной. На самом деле, по словам путинского соратника, тот продолжал получать зарплату в спецслужбах по меньшей мере еще в течение года. К моменту увольнения Путин прочно закрепился на руководящей должности в новом правительстве второго по значимости города России, глубоко внедрился в новое демократическое руководство страны и стал ключевой фигурой, связывающей администрацию и правоохранительные

органы, включая и преемника КГБ – Федеральную службу безопасности (ФСБ). Его работа в должности заместителя мэра, как следует из интервью Шадхану, уже встала на прочные рельсы.

История о том, как и когда Путин уволился из КГБ и начал работать на Собчака, – это иллюстрация того, как при переходе страны к демократии комитетчики начали внедряться в новую властную верхушку, как люди из внешней разведки долго и тайно готовились к переменам, прячась за сумбурными реформами перестройки. Путин, казалось, стал частью этого процесса еще во время службы в Дрездене. После воссоединения Германии спецслужбы стали подозревать, что он принадлежал к группе, занятой в операции «Луч», которая минимум с 1988 года готовилась к падению режима в Восточной Германии. В ходе этой операции планировалась вербовка агентов для работы после краха режима.

Дрезден

В 1985 году, когда Путин прибыл в Дрезден, Восточная Германия была на грани банкротства и выживала за счет многомиллиардных займов в дойчмарках, взятых у Западной Германии. Все громче звучали голоса несогласных. Путин приехал в Германию в возрасте тридцати двух лет. Его рабочее место находилось на вилле в стиле ар-деко, с широкой лестницей и балконом, выходящим на тихую тенистую улочку с разноцветными домами элитных сотрудников Штази. Неподалеку расположилось серое здание штаб-квартиры Штази, где в крошечных камерах без окон содержались политические заключенные. Местный лидер правящей Социалистической

единой партии Германии (СЕПГ) Ганс Модроу прославился как реформист, предпринимающий неуключие попытки устранить нарастающие разногласия. Протестные настроения, подогреваемые нищетой, тотальным дефицитом товаров и жестокостью правоохранительной системы, росли по всему восточному блоку. Увидев перспективы, американская разведка с помощью Ватикана начала передавать печатное оборудование, средства связи и наличность протестному движению «Солидарность» в Польше, где антисоветские настроения всегда были сильны.

Владимир Путин всю жизнь мечтал о карьере во внешней разведке. В годы Второй мировой войны его отец служил в НКВД – работал в тылу врага, пытался устраивать диверсии в Германии, едва избежал тюрьмы и получил тяжелые ранения, от которых чуть не умер. Героические подвиги отца вдохновили и сына – с малых лет он был одержим идеей служить в КГБ, учил немецкий и еще до окончания школы позвонил в ленинградский отдел и попросился на службу, но ему ответили, что для этого надо окончить университет или отслужить в армии. Наконец, в возрасте около тридцати лет он поступил в Краснознаменный Институт имени Андропова, позже переименованный в Академию внешней разведки, и этот рубеж ознаменовал окончание периода бедности. Детство Путина прошло в коммунальной квартире, он гонял крыс в подъезде и дрался с соседскими ребятами. Его любовь к уличным дракам трансформировалась в любовь к дзюдо, в основе которого лежит изящное умение лишить нападающего равновесия. В выборе профессии Путин строго следовал всем рекомендациям местного отдела КГБ: поступил на юридический факультет Ленинградского университета и после окончания юрфака в 1975

году какое-то время работал секретным агентом в ленинградской контрразведке.

Приехав по первому официальному назначению в Дрезден, Путин увидел самый обычный город. Ничего общего с блистательным Восточным Берлином, где подрывом «империалистической» власти занималась тысяча оперативников КГБ, тогда как в Дрездене было всего шесть офицеров. Он делил кабинет со старшим коллегой Владимиром Усольцевым – тот звал его Володей или «маленьким Владимиром». Каждый день Путин выходил из ничем не примечательного здания, где жил с женой Людмилой и другими офицерами КГБ, и отводил обеих дочек в немецкий детский сад. Такая жизнь казалась скучной и провинциальной, совсем не похожей на шпионские страсти Восточного Берлина. По всей видимости, у Путина оставалось время на спорт и на обмен любезностями с коллегами из дрезденского Штази, которые называли советских гостей «друзьями». Он любил поговорить о немецкой культуре и языке с подполковником Хорстом Йемлихом. Тот был помощником шефа дрезденского Штази, знал в городе всех и вся, отвечал за конспиративные квартиры, а также за закупку товаров для советских «друзей».

— Путина занимали некоторые немецкие идиомы, и он с большим энтузиазмом расспрашивал о таких вещах, – вспоминает Йемлих. – Никогда не выпячивался, не вылезал вперед. Был ответственным мужем и отцом. И очень добрым.

Но взаимоотношения между советскими шпионами и их коллегами из Штази не ограничивались просто дружбой, и в провинциальном Дрездене проворачивались серьезные дела. Во-первых, город находился в прифронтной линии контрабандистской империи, которая долгое время

поддерживала жизнь экономики ГДР. Именно здесь появился «Роботрон» – крупнейший производитель электроники в Восточной Германии, выпускавший универсальные ЭВМ, персональные компьютеры и другие приборы. Это сделало Дрезден центром борьбы СССР и ГДР за незаконное приобретение чертежей и компонентов западных высокотехнологичных товаров, ключевым звеном в заведомо проигрышной битве восточного блока за возможность оснащения армии стремительно развивающимися технологиями Запада. В семидесятые годы «Роботрон» успешно клонировал IBM и установил прочные связи с западногерманской компанией Siemens.

— Контрабанда высоких технологий в основном шла через Дрезден, – сказал западногерманский консультант по безопасности Франц Зедельмайер, который позже работал с Путиным в Санкт-Петербурге, а начал свою профессиональную деятельность в 1980-х годах с семейного бизнеса в Мюнхене, специализировавшегося на продаже оборонных товаров НАТО в страны Ближнего Востока. – Дрезден был центром подпольной торговли.

Там же располагался отдел коммерческой координации при Министерстве внешней торговли ГДР (Kommerzielle Koordinierung, KoKo), специализирующийся на контрабанде высокотехнологичных товаров в условиях западного эмбарго.

— Они экспортировали антиквариат и оружие, а импортировали высокие технологии, – сказал Зедельмайер.

— Дрезден всегда был ключевой точкой индустрии микроэлектроники, – заявил Хорст Йемлих, добавив, что разведотряд, возглавляемый легендарным восточногерманским

шпионом Маркусом Вольфом, «внес в это существенный вклад», однако не уточнил, какой именно.

Шеф внешней разведки дрезденского Штази Герберт Кохлер в это время работал главой разведывательного отряда, специализирующегося на информации и технологиях, что говорит о том, насколько важную для города роль играла контрабанда находящихся под эмбарго товаров. Восточный блок пытался выжить, потому серьезно зависел от черного рынка и контрабанды. Государственная казна Советского Союза была разорена войной, и в Восточном Берлине, Цюрихе и Вене организованные преступные группировки работали рука об руку с советскими спецслужбами и контрабандистами, переправляя на восток сигареты, алкоголь, бриллианты, редкие металлы и пополняя запасы наличности спецслужб. Вначале торговля на черном рынке была необходимостью – коммунистические лидеры оправдывали ее тем, что она подрывает устои капитализма. Но в 1950 году объединенный Запад наложил эмбарго на все высокотехнологичные товары двойного назначения, и контрабанда стала образом жизни. Экономические свободы капитализма и жажда прибыли вызвали бум технологического развития на Западе, тогда как плановая экономика социализма заморозила развитие на долгие годы. Предприятиям спускался годовой план по выпуску продукции, и даже товары первой необходимости можно было приобрести только на сером рынке. В условиях изоляции за железным занавесом контрабанда стала единственным способом угнаться за стремительным развитием капиталистического Запада.

Задачей отдела коммерческой координации во главе со словоохотливым Александром Шальк-Голодковским была

организация контрабанды для получения твердой валюты и приобретение находящихся под эмбарго технологий для Штази. Сначала КоКо отчитывался перед разведотрядом Штази Маркуса Вольфа, но затем стал самостоятельным подразделением. Подставные фирмы открывались в Германии, Австрии, Швейцарии и Лихтенштейне, их возглавляли доверенные агенты, часто с несколькими паспортами. Через контрабандистские сделки они ввозили жизненно необходимую твердую валюту и нелегально продавали оружие в страны Ближнего Востока и Африки. За этими операциями пристально следили советские коллеги. КГБ имел доступ ко всем высокотехнологичным схемам и добытым Штази запрещенным товарам. В Штази жаловались, что разведка – это игра в одни ворота.

В момент прибытия Путина в Дрезден Восточная Германия начала играть более значимую роль в поставках высокотехнологичных товаров. КГБ все еще приходил в себя после удара в начале восьмидесятых годов, когда свои услуги предложил Западу сотрудник специализирующегося на закупке научных и технологических секретов Управления Т офицер Владимир Ветров. Он передал имена всех 250 офицеров КГБ, работавших на «Линии Икс», то есть задействованных в контрабанде технологий в посольствах по всему миру, а также тысячи документов, что перечеркнуло все усилия советского промышленного шпионажа. В результате из Франции были высланы 47 агентов, а США начали разрабатывать развернутую программу саботирования нелегальных закупок в советских структурах.

В ответ КГБ вдвое расширил деятельность в Германии и начал вербовать агентов из коммерческих компаний, включая

Siemens, Bayer, Messerschmidt и Thyssen. Путин был вовлечен в этот процесс. Репутация компании «Роботрон» как крупнейшего производителя электроники в Восточной Германии сделала ее весьма привлекательной для западных бизнесменов.

— Я знаю, что Путин и его команда работали с Западом, у них были там контакты. Но в основном они набирали агентов здесь, — сказал Йемлих. — Они отбирали подходящих студентов, вербовали их перед отправкой на Запад и просчитывали, какую пользу те могли бы принести.

Но Йемлих не знал обо всех махинациях, которые проворачивали его «друзья» из КГБ — последние частенько действовали за спиной у товарищей из Штази, вербуя агентов в том числе и в самой службе госбезопасности. Йемлих, например, заявил, что никогда не слышал, чтобы Путин для прикрытия своей деятельности использовал другие имена. Однако спустя много лет Путин рассказывал студентам, что для работы во внешней разведке взял себе несколько «технических псевдонимов». Один из тогдашних приятелей рассказывал, что Путин назвал себя Платовым — первым кодовым именем, полученным им в академии КГБ. Согласно некоторым сообщениям, во время работы руководителем Дома советско-германской дружбы в соседнем Лейпциге он пользовался фамилией Адамов.

Одним из шпионов Штази, с которым тесно сотрудничал Путин, был Маттиас Варниг — невысокий круглолицый немец, впоследствии ставший неотъемлемой частью путинского режима. Как позже заявил завербованный Путиным бывший офицер Штази, Варниг входил в ячейку КГБ, организованную «под эгидой бизнес-консультаций». В те дни Варниг считался

большим человеком, по слухам, в восьмидесятые годы он завербовал минимум двадцать агентов, которые выкрали западные технологии военных ракет и летательных аппаратов. С начала службы в 1974 году он быстро поднимался по карьерной лестнице и к 1989 году стал заместителем главы департамента Штази по информации и технологиям.

Путин любил коротать время в маленьком темном баре «Ам Тор» в историческом центре Дрездена, в нескольких трамвайных остановках от штаб-квартиры КГБ на холмах. По словам бывшего коллеги, там он встречался с агентами. Основной территорией охоты стал отель «Белвью» на берегу Эльбы. Поскольку только он принимал иностранцев, то стал главным местом вербовки посещавших город западных ученых и бизнесменов. Отель принадлежал департаменту по туризму Штази: его рестораны с высокими потолками, уютные бары и шикарные номера были напигованы камерами и жучками. Бизнесменов заманивали проститутки – «медовые ловушки», действо в номерах снимали на видео, а затем шантажом принуждали к сотрудничеству.

— Конечно, я понимал, что для таких целей мы использовали агентов-женщин. Так делает любая спецслужба. Иногда женщины могут добиться гораздо больше, чем мужчины, – со усмешкой сказал Йемлих.

Наверное, мы никогда не узнаем, осуществлялась ли охота Путина и на Западе. Официальным отчетам того времени доверять нельзя. Он сам утверждал, что никогда такого не делал, а его коллеги больше любили рассказывать о долгих и неспешных «туристических» поездках в соседние городки ГДР. Но одной из задач Путина был сбор информации о «главном оппоненте» – о НАТО, а в Дрездене находился форпост

вербовки агентов из Мюнхена и Баден-Вюртемберга – там, всего в пятистах километрах, размещались американские военные части и войска НАТО. Впоследствии один западный банкир рассказал мне историю о своей тете, русской княгине Татьяне фон Меттерних. Она вышла замуж за немецкого аристократа и жила в замке недалеко от Висбадена, где располагалась главная база армии США. Она рассказала племяннику, какое сильное впечатление произвел на нее молодой офицер КГБ Владимир Путин, посетивший ее в поместье и, несмотря на службу в КГБ, продемонстрировавший истинную религиозность.

В работе Путин старался не привлекать внимания, оставался за кулисами. Однако в какой-то момент ситуация пошатнулась. Руководство КГБ осознало всю ничтожность ресурсов СССР по сравнению с Западом и начало готовиться к следующей фазе. Несмотря на масштабные усилия КГБ и Штази по выкупу западных технологий, советских запасов не хватало, восточный блок отставал, и разрыв только увеличивался. Когда президент США Рональд Рейган объявил о создании стратегической оборонной инициативы, получившей известность как «Звездные войны», советский блок еще крепче вцепился в западные технологии.

С начала восьмидесятых годов прогрессивно мыслящие сотрудники КГБ приступили к работе над так называемой трансформацией. В московском Институте мировой экономики занялись разработкой реформ, которые позволили бы внедрить в советскую экономику некоторые рыночные подходы, но при сохранении полного контроля Коммунистической партией. Прихода к власти Михаила Горбачева в 1985 году стал стимулом к такому развитию. Он запустил политические и экономические реформы, началась эпоха гласности и перестройки, целью

которых стало постепенное ослабление контроля над политической и экономической системами страны. В восточном блоке росли протестные настроения – люди выступали против давления коммунистов, и Горбачев сумел убедить лидеров стран – участниц Варшавского договора в необходимости подобных реформ как единственного способа выстоять и избежать волнений и расколов. Понимая, что конец неизбежен, небольшая группа прогрессивных сотрудников КГБ стала готовиться к крушению режима.

Словно предвидя это, начальник Главного управления разведки Министерства госбезопасности ГДР Маркус Вольф в 1986 году вышел в отставку – после тридцати с лишним лет неустанной работы на благо Штази. Он прославился своим умением нещадно эксплуатировать человеческие слабости, использовать шантаж и вымогательство. Под его руководством великому и ужасному управлению разведки удалось глубоко внедриться в западногерманское правительство и создать обманчивое впечатление, что эти многочисленные агенты работают на ЦРУ. Но теперь он вдруг решил все бросить.

Согласно официальной версии, они с братом Конрадом решили написать мемуарами о своем детстве в Москве. Но на самом деле он тоже готовился к переменам: наладил тесное сотрудничество с теми сотрудниками КГБ, кто верил в перестройку, проводил тайные встречи в своей роскошной берлинской квартире, на которых обсуждалась постепенная либерализация политической системы. Эти планы перекликались с реформами, запущенными Горбачевым в Москве, – там с позволения властей появились неформальные политические течения и ослабили цензурные ограничения. Но, согласно плану, эти реформы должны были остаться под

контролем спецслужб. Позднее выяснилось, что все это время Вольф тайно получал зарплату в Штази.

Отчетливо понимая все риски краха коммунистической системы, КГБ в середине восьмидесятых годов негласно приступил к операции «Луч» – начал готовиться к потенциальной смене режима. Вольф был осведомлен о происходящем, но его преемник на посту главы управления внешней разведки Штази ничего не знал. В августе 1988 года КГБ отправил высокопоставленного чиновника Бориса Лаптева в посольство СССР в Восточном Берлине проконтролировать ситуацию. Официальная миссия Лаптева заключалась в формировании параллельно с официальным отрядом КГБ группы агентов для секретной работы по внедрению в оппозиционные круги Восточной Германии.

— Мы должны были собирать информацию об оппозиционных движениях и тормозить развитие, а также предотвращать любые попытки объединения Германии, – заявил он позже.

Однако в реальности антикоммунистические настроения усиливались, и тщетность подобных попыток становилась очевидной – в конце концов миссия превратилась в свою противоположность. Группа сосредоточилась на создании новой сети агентов для внедрения в политические круги ГДР первого и второго эшелонов. КГБ искал агентов для продолжения работы под прикрытием даже в объединенной Германии, не засветившись до момента развала ни в одной руководящей роли.

Есть свидетельства того, что в этом процессе был задействован Путин. В те дни он работал секретарем партии, что подразумевало частые контакты с дрезденским шефом СЕПГ

Гансом Модроу. Похоже, в КГБ надеялись, что из Модроу удастся вырастить потенциального преемника бессменного восточногерманского лидера Эриха Хонеккера, и, очевидно, даже полагали, что он сумеет возглавить страну во времена квазиперестроечных реформ. В 1986 году глава внешней разведки КГБ Владимир Крючков специально наведлся к Модроу в Дрезден.

Но Хонеккер решил держаться до конца, что вынудило КГБ усиленно вербовать новых агентов для работы на спецслужбы и после падения восточного блока. Крючков всегда утверждал, что в те времена он ни разу не встречался с Путиным, и отрицал его участие в операции «Луч», как и участие Маркуса Вольфа. Но западногерманский близнец MI5 – Федеральное ведомство по охране конституции Германии (Bundesamt für Verfassungsschutz) – располагал сведениями, которые противоречили этим утверждениям. Спустя какое-то время ведомство даже устроило многочасовой допрос Хорсту Йемлиху на предмет характера занятий Путина. Йемлих же подозревал того в предательстве.

— Они вербовали людей из второго и третьего эшелонов нашей организации, проникли во все органы власти, но не вступали в контакт с руководством или генералами. Все делалось за нашей спиной.

Другие отделы Штази тоже начали секретную подготовку. В 1986 году шеф Штази Эрих Мильке поддержал планы элитной группы офицеров (Offiziere im besonderen Einsatz) по удержанию власти в случае прекращения существования СЕПГ. Основная фаза по спасению будущего Штази началась с переправки средств через сеть контрабандистов и хитросплетенные структуры компаний на Запад для создания

тайников с наличностью, что позволило бы организации функционировать и после падения власти. Один высокопоставленный немецкий чиновник подсчитал, что в 1986 году через подставные компании из Восточной Германии были вывезены миллиарды западногерманских марок.

Дрезденская контора Путина стала центром подготовки. Глава дрезденского управления внешней разведки Герберт Кохлер имел непосредственное отношение к созданию подставных компаний, так называемых агентских фирм, которые скрывали свою связь со Штази и хранили черный нал, чтобы обеспечить выживание агентурных сетей Штази после крушения режима. Кохлер тесно сотрудничал с австрийским бизнесменом Мартином Шлаффом, завербованным Штази в начале восьмидесятых годов. Задача Шлаффа заключалась в контрабанде находящихся под эмбарго компонентов, необходимых для строящегося в Турингене завода по производству жестких дисков. С конца 1986-го до конца 1987 года фирмы Шлаффа получили от восточногерманского правительства более 130 миллионов марок за сверхсекретный и один из самых дорогостоящих проектов Штази. Но завод так и не появился, компоненты не дошли до адресата, а сотни миллионов марок, предназначенных на его строительство, и деньги от противозаконных сделок исчезли в подставных компаниях Шлаффа в Лихтенштейне, Швейцарии и Сингапуре.

Все эти финансовые махинации проворачивались в то время, когда Путин являлся связующим звеном между КГБ и Штази в Дрездене, в частности с управлением Кохлера. Однако неясно, участвовал ли он лично в организации этих сделок. Через много лет сотрудничество Шлаффа с Путиным стало очевидно – австрийский бизнесмен снова всплыл в связи с сетью компаний

в Европе, ставших основными инструментами в операциях влияния путинского режима. А в восьмидесятые годы Шлафф по меньшей мере один раз навещал Москву – для переговоров с советскими чиновниками из сферы внешней торговли.

О характере деятельности Путина в Дрездене достоверно известно немного, поскольку КГБ, по сравнению со Штази, действовал более эффективно и перед крушением режима сумел уничтожить или переправить довольно много документов.

— С русскими у нас проблемы, – сказал Свен Шарль, который изучал архивы Штази в Дрездене. – Они почти все уничтожили.

Папка с делом Путина – очень тоненькая и изрядно потрепанная. Есть приказ шефа Штази Эриха Мельке от 8 февраля 1988 года о награждении майора Владимира Владимировича Путина бронзовой медалью «За заслуги перед Национальной народной армией ГДР». Есть поздравительные письма от шефа дрезденского Штази Хорста Бёма товарищу Путину по случаю дня рождения. Есть план рассадки для званого ужина 24 января 1989 года в честь семьдесят первой годовщины Всероссийской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК). Есть фотография посещения музея 1-й Краснознаменной танковой армии – на ней более сорока человек из Штази, КГБ и других военных. Путин почти неразличим в серой массе. На недавно найденных фотографиях он выглядит усталым и неуклюжим: в светло-сером пиджаке, в ярких замшевых ботинках, с букетом в руках, он поднимает бокал на торжествах по случаю награждения важной персоны из отдела разведки Штази.

Единственный след, ведущий к агентурной работе, – это письмо Путина Бёму, в котором он просит помощи

в восстановлении телефонной связи с информатором из немецкой полиции, который «нас поддерживает». В письме нет подробностей, но сам факт прямого обращения Путина к Бёму свидетельствует о широте его полномочий. Позже Йемлих подтвердил, что Путин был основным связующим звеном со Штази и действовал от лица шефа резидентуры КГБ Владимира Широкова. Среди недавних находок есть еще один многозначительный документ – выданное Путину удостоверение от Штази. Оно открывало ему прямой доступ в здания министерства госбезопасности и облегчало работу по вербовке агентов, потому что в этом случае ему не нужно было упоминать про свою связь с КГБ.

Много лет спустя, когда Путин уже стал президентом, Маркус Вольф и бывшие путинские коллеги из КГБ упорно настаивали на том, что во время службы в Дрездене он был мелкой сошкой. Как заявил Вольф немецкому журналу, Путин был «малозначимым», и той бронзовой медалью, которую он получил, награждали даже уборщиц. Владимиру Усольцеву, с которым Путин в дрезденский период сидел в одном кабинете, каким-то образом удалось написать книгу о тех временах, где он подчеркивал рутинность их работы, но не раскрывал ее подробностей. И хотя Усольцев признал, что они работали с «нелегалами», как называли тогда глубоко законспирированных агентов, он заявил, что семьдесят процентов их деятельности занимало написание «бессмысленных отчетов». Согласно утверждениям Усольцева, за весь пятилетний срок в Дрездене Путин сумел завербовать только двух агентов и в какой-то момент прекратил попытки найти кого-то еще, так как понял, что это лишь потеря времени. Город казался им провинциальным болотцем, и «сам факт

нашей службы в Дрездене говорил о том, что карьерных перспектив у нас нет», писал Усольцев. Путин и сам признавался, что потратил уйму времени на пиво и даже набрал двенадцать кило. Однако на фото того времени не видно, чтобы у него был лишний вес. Позднее российское государственное телевидение заявило, что Путин никогда не был замешан в чем-то противозаконном.

Однако сведения, полученные из первых рук, говорят о том, что путинские заслуги на дрезденской работе умалялись специально, для прикрытия другой незаконной миссии. Предположительно его направили туда именно потому, что тихое дрезденское болотце не попадало в поле зрения агентов в Восточном Берлине, где за происходящим пристально следили французы, американцы и немцы из Западной Германии. Член ультралевой Фракции Красной армии (Rote Armee Fraktion, РАФ) утверждал, что встречался с Путиным в Дрездене и что тот поддерживал членов группы, совершавшей теракты в ФРГ в 1970–1980-х годах: «В Дрездене не было ничего, абсолютно ничего, кроме левых радикалов. Никто не следил за Дрезденом – ни американцы, ни Западная Германия. Там ничего не было. За исключением одного – встречи с этими товарищами проходили именно там».

В имперской битве между Востоком и Западом советские спецслужбы долгое время предпринимали так называемые активные меры для дестабилизации и подрыва оппонента. Став заложниками холодной войны, они понимали, что отставание в технологическом плане преодолеть невозможно, а в военном столкновении их ждет крах. Именно поэтому с 1960-х годов Советский Союз полагался в основном на дезинформацию, фальшивые публикации в прессе, дискредитацию западных

лидеров, убийства политических оппонентов и на поддержку подставных организаций, разжигающих войны в странах третьего мира и сеющих разногласия на Западе. В арсенал таких мер входила и поддержка террористических организаций. По всему Ближнему Востоку КГБ завязывал знакомства с многочисленными марксистскими террористическими группами, в частности с Народным фронтом освобождения Палестины (НФОП) – группировкой, отколовшейся от Организации освобождения Палестины (ООП), которая в 1960–1970-х годах устраивала угоны самолетов и взрывы. Секретные документы из архивов Политбюро говорят о том, насколько глубоки были эти связи. Есть также свидетельства того, что глава КГБ Юрий Андропов одобрил три запроса на получение советского оружия от лидера НФОП Вади Хаддада – в документе тот назван «доверенным агентом КГБ».

В Восточной Германии КГБ активно склонял Штази к «политическому сотрудничеству» в странах третьего мира. Фактически поддержка международного терроризма стала одной из неоценимых услуг, оказанных КГБ Министерством госбезопасности ГДР. К 1969 году Штази успели открыть под Восточным Берлином законспирированный тренировочный лагерь для членов ООП Ясира Арафата. Главное управление разведки под руководством Маркуса Вольфа было широко задействовано в работе с террористическими группами по всему арабскому миру, включая печально известного Карлоса Рамиреса Санчеса, или Шакала Карлоса, из НФОП. Военные командиры Штази открыли сеть лагерей для подготовки террористов по всему Ближнему Востоку. И когда в 1986 году один из офицеров контрразведки Штази, ужаснувшийся катастрофе, почти достигшей немецких земель, попытался

предотвратить запланированные группой ливийцев взрывы в Западном Берлине, шеф Штази Эрих Мельке сказал:

— Наш главный враг — Америка. Наша задача — ловить американских шпионов и не беспокоить наших друзей из Ливии.

Через несколько недель в Западном Берлине на дискотеке «Ла Белль», завсегдатаями которой были американские солдаты, произошел взрыв. Погибли трое военнослужащих и один гражданский, сотни были ранены. Потом выяснилось, что КГБ знал не только о планирующемся нападении, но и о том, каким контрабандным путем оружие было переправлено в Берлин. Очевидно, в борьбе с «империалистами США» все способы были хороши.

Сбежавший в Штаты генерал КГБ Олег Калугин назвал такую деятельность «сердцем и душой советской разведки». Бывший глава внешней разведки Румынии Йон Михай Пачепа, высший чин разведки восточного блока, сдавшийся в США, первым открыто заговорил об операциях Комитета с террористическими группами. Пачепа писал, что глава отдела внешней разведки КГБ генерал Александр Сахаровский часто говорил ему: «В современном мире из-за ядерного оружия военная мощь устарела, поэтому нашим главным оружием должен быть терроризм». Пачепа утверждал также, что шеф КГБ Юрий Андропов инициировал операцию по разжиганию антиизраильских и антиамериканских настроений в арабском мире, одновременно с которой на Западе должен был расцвести внутренний терроризм.

Западная Германия находилась на линии фронта с конца 1960-х годов — с того момента, как Фракция Красной армии открыла серию взрывов, убийств, похищений и ограблений банков. Во имя свержения «империализма

и монополизирующего капитализма» они убивали крупных западногерманских промышленников и банкиров, включая главу банка «Дрезднер» в 1977 году, и устраивали взрывы на военных базах США, где пострадали сотни военнослужащих. Однако к концу семидесятых годов, когда западногерманская полиция осуществила череду арестов, сотрудники Штази начали предоставлять убежище членам группы на востоке. Приютили не одного, а целых десятерых. Как рассказывал немецкий консультант по безопасности Франц Зедельмайер: они жили в неприметных кварталах Дрездена, Лейпцига и Восточного Берлина, их снабжали фальшивыми документами и отправляли в тренировочные лагеря. Одна девушка из группы, Инге Ветт, в течение четырех лет, с 1983-го по 1987 год, жила под чужим именем в пригороде Дрездена, пока сосед не съездил в Западный Берлин и не увидел ее лицо на объявлении «Разыскивается». Это была одна из самых опасных разыскиваемых преступниц, «бабушка терроризма», обвиняемая в покушении на убийство главнокомандующего НАТО и главнокомандующего войсками США в Европе генерала Фредерика Кроезена.

Сразу после падения Берлинской стены западногерманские власти считали, что Штази лишь обеспечивали членов РАФ убежищем и поддельными документами. Но в ходе прокурорского расследования появились свидетельства более тесного сотрудничества этой группы со спецслужбами. Его результатом стали арест и предъявление обвинений пяти бывшим офицерам Штази из отдела по борьбе с терроризмом в сговоре с группировкой и подготовке взрывов на военной базе США в Раммштайне в 1981 году, а также в попытке убийства генерала Кроезена. Эти же обвинения были предъявлены

и Эриху Мельке. Один из членов РАФ рассказал, что Штази частенько использовали их для транспортировки оружия террористам из арабского мира. Еще один член группировки сообщил, что в восьмидесятые годы он занимался делами Карлоса Шакала, который в то время жил под протекцией Штази в Восточном Берлине и проводил время в роскошных отелях и казино. Инге Ветт позже призналась, что была в тренировочном лагере в Восточной Германии, где ее готовили к нападению на генерала Кроезена в 1981 году.

Однако в хаосе, воцарившемся после объединения Германии, политики не выказывали желания расследовать преступления ГДР и отправлять под суд людей из госбезопасности. Пятилетние ограничения, наложенные на сотрудников Штази за сотрудничество с РАФ, истекли, и обвинения были сняты. Воспоминания о преступлениях померкли, а связи КГБ с РАФ вообще никогда не расследовались. Но Советы всегда следили за операциями Штази, и на каждом уровне был связной офицер. В высшем эшелоне Штази КГБ контролировал каждый шаг, и, по словам одного из членов РАФ, «Мельке и пернуть не мог без разрешения из Москвы». «ГДР ничего не предпринимала без согласования с Советами», – заявил высокопоставленный перебежчик из Штази.

Именно в такой среде работал Путин, и история, рассказанная бывшим членом РАФ про Дрезден, это полностью подтверждает. По его словам, в те годы Дрезден превратился в постоянное место встреч с членами РАФ. Этот город был выбран для контактов потому, что «там больше никого не было», – утверждает он.

— В Берлине присутствовали и американцы, и французы, и британцы, то есть все. Для своих дел нам нужна была

провинция, а не столица.

Еще одна причина, по которой встречи решили проводить именно в Дрездене, заключалась в том, что Маркус Вольф и Эрих Мельке хотели дистанцироваться от подобных операций.

— Вольф был очень осмотрительным, ни во что не впутывался. Последнее, чего бы хотел такой парень, как Вольф, так это быть пойманным с поличным на поддержке террористической организации. [...] Мы раз десять там [в Дрездене] встречались.

Вместе с другими участниками террористической группировки они приезжали в Восточную Германию на поезде, их встречали агенты Штази, отвозили на советском ЗИЛе в Дрезден, и уже там в секретном месте с ними встречался Путин и его коллега из КГБ.

— Мы никогда не получали от них прямых инструкций. Обычно они просто говорили: «Мы слышали о ваших планах — как вы собираетесь их осуществлять?» и делали предположения. Они предлагали другие мишени и спрашивали, что нам для этого требуется. Нам всегда нужны были оружие и деньги.

В Западной Германии члены РАФ вряд ли могли приобрести оружие, так что списки необходимого вручались Путину и его коллегам, затем передавались агенту на Западе, запрошенное оружие складировалось в тайном месте, и оттуда его забирали члены РАФ.

Часто роль Путина в дрезденских операциях описывают как пассивную, но все было наоборот. По свидетельству бывшего члена РАФ, Путин был одной из ключевых фигур, и именно от него получал указания один из генералов Штази.

Член группировки РАФ вспоминал, что серия страшных взрывов посеяла хаос в Западной Германии, а деятельность

группы стала ключевой в попытке КГБ расшатать и дестабилизировать Запад. Конец советской власти и ГДР был уже близок, и есть вероятность того, что РАФ переориентировалась в своей деятельности на защиту интересов КГБ.

Одна из таких атак произошла через несколько недель после падения Берлинской стены. 30 ноября 1989 года в 8.30 утра глава «Дойче Банка» Альфред Геррхаузен вышел из своего дома в Бад-Хомбурге, сел в машину и поехал на работу. Когда автомобиль набрал скорость, раздался взрыв – 150 фунтов взрывчатки разнесли армированный лимузин на куски, а сам банкир погиб на месте. Детонатор сработал, когда лимузин попал под пересекавшие дорогу инфракрасные лучи. Убийство было выполнено с военной точностью, использовались самые современные технологии. «Эту атаку, должно быть, спонсировало государство», – заявил один из экспертов западной разведки. Как выяснилось позднее, офицеры Штази участвовали в организации тренировочных лагерей, где члены РАФ учились обращению со взрывчатыми веществами, противотанковыми ракетами и приборами детонации снарядов через фотоэлектрические лучи. Именно так было организовано убийство Геррхаузена.

Видный представитель деловых кругов ФРГ Геррхаузен был советником западногерманского канцлера Гельмута Коля. Убийство произошло в тот момент, когда появились реальные возможности объединения страны. В этом процессе «Дойче Банк» мог существенно обогатиться на приватизации восточногерманских государственных предприятий, но на эти активы претендовал также «Дрезднер Банк», в котором скоро должен был начать работать друг Путина офицер Штази

Маттиас Варниг. По словам бывшего члена РАФ, уничтожение Геррхаузена было в интересах Советов: «Я знаю, что мишень выбиралась Дрезденом, а не самими РАФ». Теперь для этого участника группировки те дни почти забылись, но все же он с сожалением констатирует, что был лишь марионеткой в политических играх за расширение советского влияния.

— Мы просто оказались полезными идиотами для СССР, — с грустной усмешкой говорит он. — Так все и началось. Нас использовали для того, чтобы расшатывать и дестабилизировать Запад и сеять хаос.

После вопроса о поддержке РАФ со стороны КГБ и Штази по довольному лицу Хорста Йемлиха пробегают тень. Мы сидим за столом в залитой солнцем квартире, где он живет со времен ГДР — это в двух шагах от штаб-квартиры Штази и от виллы КГБ. Кофе подан в изящных фарфоровых чашках, стол застелен кружевной скатертью. Он утверждает, что членов РАФ привезли в ГДР только затем, чтобы отговорить их от терактов.

— Штази хотели предотвратить теракты, не позволить им вернуться к террористическим методам и дать шанс начать с чистого листа.

Но при вопросах о том, встречались ли в Дрездене члены РАФ с Путиным, задавал ли тон КГБ и оттуда ли исходил приказ убить Геррхаузена, его лицо мрачнеет.

— Я об этом ничего не знаю. И не знал, ведь дело было засекречено. Я не знаю, были ли вовлечены русские спецслужбы. Но если это так, то КГБ ограничил бы доступ к таким материалам и заявил, что это внутренняя проблема Германии. Они уничтожили гораздо больше документов, чем мы.

Историю бывшего члена РАФ невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть. Многие из его сподвижников в тюрьме или на том свете. А те, кто предположительно участвовал в таких встречах, бесследно исчезли. Близкий соратник Путина говорил, что подобные заявления весьма опрометчивы, и настаивал, что доказательств связей КГБ с РАФ и с другой террористической группой в Европе не существует.

— И даже не пытайтесь это доказать! — добавил он.

Однако его рассказ об уходе Путина из спецслужб снова поднял больной вопрос. По словам бывшего коллеги из КГБ, Путину оставалось всего полгода до выхода на пенсию, и именно в тот момент, в возрасте тридцати девяти лет, он уволился. Тридцать девять — это гораздо ниже официального пенсионного возраста, для его звания подполковника — пятьдесят два года. При этом КГБ весьма неохотно отправлял на досрочную пенсию тех, кто отличился в защите чести родины. Для тех, кто служил в США, стаж засчитывался как год к полутора, а кто в тюрьмах — один к трем. Возможно, Путин досрочно вышел на пенсию потому, что ему засчитали рабочий стаж как год за два из-за высоких рисков работы с РАФ?

Через много лет доверенный сотрудник Путина в Штази Клаус Цукольд, позже сбежавший на Запад, раскрыл кое-какие подробности его участия в других операциях того времени. Он рассказал немецкому журналу *Correspondent*, что Путин пытался заполучить исследование о смертельных ядах, не оставляющих следов, и планировал скомпрометировать его автора с помощью порнографических материалов. Неясно, была ли реализована эта операция. По словам Цукольда, Путин занимался также делом печально известного неонациста Райнера Зоннтага, которого депортировали в Западную Германию в 1987 году

и который вернулся в Дрезден после падения Берлинской стены, чтобы возглавить ультраправых. К тому моменту, когда я приступила к розыскам Цукольда, чтобы спросить его о предположительном сотрудничестве между Путиным и РАФ, он залег на дно и на запросы об интервью не отвечал. По словам человека, имеющего связи в западной разведке, Цукольд находился под особой защитой Федерального ведомства по охране конституции Германии.

Если сотрудничество с террористами из РАФ могло выглядеть для Путина как отработка активных мер против империалистского Запада, то все, что случилось после падения Берлинской стены, стало опытом, который он усвоил на десятилетия. Хотя было предельно ясно, что восточный блок не выстоит, социальные протесты расколют его на части и волнения докатятся до СССР, Путин и его коллеги из КГБ в Дрездене всеми силами пытались спасти свои агентурные сети.

В какой-то момент все закончилось. Рулить ситуацией больше было некому, а десятилетия борьбы и подковерных шпионских игр потеряли смысл. Под давлением сопротивления границы рухнули. И когда через месяц протесты докатились до Дрездена, оказалось, что Путин и его коллеги к такому совсем не готовы. Разъяренная толпа два дня осаждала штаб-квартиру Штази, а кагэбэшники в это время забаррикадировались на вилле. Позже он вспоминал этот период так:

— Мы день и ночь жгли документы. Уничтожали все — наши связи, списки контактов и агентурных сетей. Я сам сжег огромное количество материалов. Мы жгли столько, что печка треснула.

Ближе к вечеру несколько десятков протестующих откололось от основной толпы и направилось к вилле КГБ.

Оказалось, что советские военные с ближней военной базы просто бросили комитетчиков на произвол судьбы. Путин обратился за подкреплением, однако солдаты прибыли лишь через несколько часов. Он звонил советскому военному командованию в Дрезден, но дежурный офицер лишь пожимал плечами:

— Мы ничего не можем сделать без распоряжения из Москвы. А Москва молчит.

Для Путина это выглядело предательством всего, на благо чего они работали, и фраза «Москва молчит» долго не выходила у него из головы. Империя сдавала свои форпосты один за другим, геополитическая мощь Советского Союза рушилась, как картонный домик.

— Появилось ощущение, что страны больше не существует. Что она исчезла. Было понятно, что Союз смертельно болен. И что это терминальная стадия болезни – паралич власти, – сказал Путин позднее. – Советский Союз потерял свои позиции в Европе. И хотя умом я понимал, что эти стены довольно шаткие, я бы хотел, чтобы на их месте выросло что-то другое. Но ничего другого не предлагалось. И это было больно. Они просто все бросили и ушли.

Но еще не все было потеряно. Хотя сила протестов и стремительное приближение коллапса, казалось, застали КГБ врасплох, некоторые отделы Комитета вместе со Штази были готовы к такому дню. Определенные силы спланировали плавный переход, чтобы, оставаясь за кулисами, удержать часть своего влияния и контроля.

До того, как протестующие ворвались в штаб-квартиру Штази, офицеры КГБ в Дрездене сумели заполучить от своих коллег из Штази материалы о совместной работе с Советами.

Владимир Усольцев вспоминал, что офицер из Штази передал Путину целую подшивку документов.

— Через несколько часов от них остался только пепел, — вспоминал он.

Кипы документов отвезли на ближайшую советскую военную базу и выбросили в траншею — планировалось уничтожить их напалмом, но вместо этого их облили бензином и сожгли. Еще двенадцать грузовиков с документами уехали в Москву. Как позднее сказал Путин, «в Москву отправили наиболее ценное».

В течение следующих нескольких месяцев, когда шла подготовка к отъезду из Дрездена, сотрудники КГБ находились под специальным прикрытием начальника Управления нелегальной разведки Юрия Дроздова, легендарного офицера, отвечающего за сеть нештатных агентов КГБ по всему миру. Шеф дрезденского отдела Владимир Широков рассказывал, что Дроздов лично отвечал за то, чтобы с него не сводили глаз с шести утра и до полуночи. Под покровом ночи люди Дроздова вывезли Широкова с семьей в безопасное место в Польшу. Позже бывший коллега Путина сказал журналистке Маше Гессен, что перед возвращением домой Путин встречался с Дроздовым в Берлине.

Дрезденские кагэбэшники бесследно растворились в ночи и оставили немецких коллег самым разбираться с народным гневом. Хорст Бём был помещен под домашний арест и покончил с собой в феврале следующего года.

— Он не видел иного выхода, — сказал Йемлих.

Два других руководителя Штази соседних регионов тоже покончили жизнь самоубийством. Мы, вероятно, никогда не узнаем, чего конкретно они так боялись — они умерли до того, как были допрошены. Многим офицерам КГБ тоже

пришлось оставить посты, но кого-то все-таки удалось сохранить. Части агентурной сети, нелегальные разведчики были глубоко засекречены, до них не докопались бы никакие проверки. Впоследствии Путин с гордостью говорил о том, что его работа в Дрездене в основном касалась коммуникаций с нелегальными «кротами»:

— Это уникальные люди. Не каждый способен отказаться от собственной жизни, от близких и родственников, на много лет покинуть свою страну, чтобы посвятить себя служению отечеству. На это способны только избранные.

В декабре 1989 года при поддержке Советов Ганс Модров принял на себя временное руководство Восточной Германией и негласно разрешил отделу внешней разведки Штази самоликвидироваться. В процессе ликвидации исчезли бесчисленные активы, а сотни миллионов марок были переправлены через подставные компании Мартина Шлаффа в Лихтенштейне и Швейцарии. Все внимание было сосредоточено на объединении Германии, и на этом фоне голоса сбежавших на Запад агентов Штази звучали слишком тихо.

— При определенных обстоятельствах агентурная сеть может быть снова частично активирована, — сказал один из эмигрировавших. — Никто на Западе не гарантирует, что эти агенты не возобновят работу при помощи КГБ.

В феврале 1990 года Путин вернулся из Дрездена в Россию. Падение Берлинской стены аукнулось волнениями во всему Советскому Союзу. Крепли националистические движения, что грозило развалом страны. Михаил Горбачев вынужден был отступить, освободив пространство для новых демократических лидеров. КПСС постепенно теряла монополию на власть, а сама законность существования Коммунистической партии вызывала

все больше вопросов. В марте 1989 года, почти за год до возвращения Путина, Горбачев согласился провести первые честные выборы в новый парламент – Съезд народных депутатов. Плохо организованная группа демократов под предводительством диссидента Андрея Сахарова и восходящей звезды российской политики Бориса Ельцина, исключенного из Политбюро за критику партийной верхушки, впервые получила мандаты и вступила в дебаты с представителями КПСС. Конец семидесятилетнего правления коммунистов приближался.

В этом хаосе Путин должен был выжить. Однако он не сел за руль такси, не последовал традиционным путем вернувшихся домой сотрудников внешней разведки, не остался в московском КГБ, а выбрал иную миссию. От своего дрезденского наставника и босса полковника Лазаря Матвеева он получил приказ ехать домой – в Ленинград. И попал в самое пекло – город лихорадило в связи с выборами в городской совет народных депутатов. Это тоже были первые честные выборы времен горбачевских реформ, и демократическое движение набирало силу. Впервые демократы получили реальный шанс обойти коммунистическое большинство.

Путин не встал на защиту старой гвардии, а наоборот, примкнул к ленинградскому демократическому движению. Одним из самых бесстрашных и принципиальных демократических лидеров была Галина Старовойтова. После ее знаменитой речи перед городскими выборами о преступлениях советской власти Путин, никому тогда еще неизвестный, подошел к ней и сказал, что глубоко потрясен ее словами, а также выразил готовность помочь. Старовойтова сочла такую инициативу подозрительной и ответила отказом.

Первым назначением Путина стала должность помощника ректора Ленинградского Государственного университета (ЛГУ), юридический факультет которого он окончил перед службой в КГБ. В круг его обязанностей входило налаживание международных связей университета и контроль за иностранными студентами и приглашенными зарубежными профессорами. Поначалу такое назначение казалось серьезным понижением – после работы в Дрездене ему предстояло вернуться к скучным отчетам о перемещениях иностранцев. Но уже через несколько недель он занял место в руководстве демократического движения страны.

В ЛГУ профессором права был Анатолий Собчак. Высокий, привлекательный, харизматичный, эрудированный, он был любимцем студентов и в своих пламенных речах яростно критиковал Коммунистическую партию и КГБ. По результатам мартовских выборов он был избран в городской совет, а в мае возглавил его. Почти сразу после этого Путин стал его правой рукой: выполнял поручения Собчака, служил его каналом связи со спецслужбами и тенью следовал за ним по пятам. Его назначение устроил КГБ.

— Путин получил это назначение. У него была своя миссия. В КГБ так и заявили Собчаку: это наш человек, он о вас позаботится, – сказал Франц Зедельмайер, предположив, что должность Собчака на юрфаке была прикрытием, так как он тайно работал на КГБ. – Лучшим прикрытием для этих людей было их юридическое образование.

Несмотря на приверженность демократическим ценностям и выступления против злоупотреблений коммунистов, Собчак понимал, что ему не удержать политическую власть без определенной опоры на истеблишмент. Он стал жертвой

раздутого самомнения и тщеславия и больше всего жаждал карьерного роста. Одновременно с Путиным он нанял человека из старой гвардии – коммуниста контр-адмирала Вячеслава Щербакова – и назначил его первым заместителем председателя Ленинградского городского совета. Соратники Собчака по демократическому лагерю пришли в ужас от такого решения, но для продвижения вверх такие компромиссы были необходимы. На выборах мэра в июне 1991 года он вырвался вперед и с легкостью победил.

В августе группа сторонников жестких политических мер, напуганная постоянными уступками Горбачева, организовала путч, и Собчак, полагаясь на старую гвардию, в частности, на Путина и его связи в КГБ, рассчитывал, что и он, и город выстоят без кровопролития. Путчисты ввели чрезвычайное положение и объявили, что Советский Союз перешел под их контроль. Чтобы не дать Горбачеву подписать новый союзный договор и передать во владение лидеров мятежных республик их собственные ресурсы, заговорщики взяли его в заложники на летней даче в Форосе.

Однако и в Ленинграде, и в Москве демократические лидеры выступили против путчистов. Пока члены городского совета занимались обороной штаб-квартир в обшарпанных залах Мариинского дворца, Путин и Собчак заручились поддержкой руководства местной милиции и шестидесяти милиционеров и уговорили директора Ленинградского телевидения предоставить Собчаку прямой эфир, чем он и воспользовался в первый же вечер путча. В своем выступлении он назвал путчистов преступниками, его речь вдохновила жителей города, и на следующий день на улицы вышли сотни тысяч ленинградцев. Перед Зимним дворцом огромная толпа

поддержала демократов. Собчак выступил перед собравшимися, призывал к объединению и открытому сопротивлению, однако главную миссию переложил на своих заместителей – Путина и Щербакова. После своего телевизионного выступления в первую бессонную ночь путча Собчак заперся в кабинете в Мариинском дворце, а в это время Путин и Щербаков вели переговоры с местным шефом КГБ и с областным ленинградским командованием, пытаясь предотвратить появление путчистских танков в городе. На следующий день Собчак снова выступил перед собравшимися на Дворцовой площади, а Путин и Щербаков продолжали переговоры. Когда танки подошли к границам города, Путин с Собчаком и группой спецназовцев спустились в бункер под Кировским заводом и уже оттуда через зашифрованную систему связи продолжили переговоры с КГБ и военачальниками.

Когда на следующее утро Путин и Собчак вышли из бункера, путч закончился. Попытка захвата власти потерпела поражение. В Москве элитные подразделения КГБ отказались открывать огонь по Белому дому. Там находился избранный лидер РСФСР Борис Ельцин с тысячей сторонников, выступивших против путчистов и поддержавших горбачевские реформы. Коммунистическая партия была разгромлена. Лидеры новой демократической России были готовы приступить к работе. Какими бы ни были мотивы Путина, на тот момент он поспособствовал этой победе.

Верный заветам КГБ, Путин умел подстроиться под любого, с кем приходилось работать: сначала – под своего нового демократического шефа, потом – под старую гвардию.

— Он так быстро менял свои взгляды, что нельзя было понять, кто он на самом деле, – сказал Зедельмайер.

Глава 2

Внутренняя работа

Мы говорили о том, что темные силы никогда не сдаются. Французская революция, советская революция и все прочие революции вначале выглядят как борьба за свободу, но вскоре превращаются в военную диктатуру. Герои первой волны теперь походят на идиотов, бандиты показывают свое истинное лицо, и цикл (что совсем не похоже на революцию) завершается.

Кристиан Мишель

Москва, 25 августа 1991 года. Поздним вечером Николай Кручина с трудом добирался до своей квартиры на 17-м этаже в охраняемом квартале для партийной элиты. Четырьмя днями ранее, 21 августа, потерпела поражение попытка коммунистов устроить путч и вернуть советскую власть. И теперь ведомства, в которых всю свою жизнь работал Кручина, рушились на глазах. Вчера он несколько раз встречался со своим высокопоставленным боссом из отдела международных связей ЦК КПСС Валентином Фалиным – тот выглядел изможденным. Кагэбэшник из внешнего наблюдения заметил, что Кручина шел, опустив глаза, – это свидетельствовало о его нежелании разговаривать.

За эти четыре дня произошли ужасные перемены. Во-первых, Борис Ельцин в прямом эфире подписал указ, приостанавливающий деятельность Коммунистической партии и завершающий десятилетия ее правления. Он открыто и резко выступил против путчистов, чем только увеличил свою популярность. Он затмил Горбачева – тот смущенно мялся с краю трибуны, когда Ельцин обращался к парламенту. Заявив, что именно Коммунистическая партия виновата в организации путча, Ельцин приказал опечатать разросшуюся, словно спрут, штаб-квартиру ЦК КПСС в Москве на Старой площади. Сотни

кабинетов хранили тайны финансовой империи Советского Союза, эта сеть охватывала тысячи административных зданий, гостиниц, дач и санаториев, в нее входили и партийные счета в твердых валютах, и никому не известные сотни, если не тысячи подставных иностранных фирм, созданных как совместные предприятия в последние дни режима. Через эти банковские счета и фирмы финансировались стратегические операции КПСС и партий союзников. Средства шли на борьбу Советов с Западом. И возглавлял всю эту империю Кручина – управляющий делами ЦК КПСС с 1983 года. А теперь его отдел стоял опечатанным, символизируя проигранную битву.

В тот вечер жена Кручины легла рано, полагая, что муж поспит на диване. Утром ее разбудил стук в дверь – дежурный кагэбист сообщил, что ее муж выпал из окна квартиры. Рядом с телом Кручины нашли скомканную записку: «Я – не заговорщик, но я – трус. Сообщите об этом советскому народу». КГБ тут же заявил, что это было самоубийство. Однако до сих пор никто не знает, что же произошло на самом деле, а если кто-то и знает, то вряд ли поведаст об этом миру. Глава Госбанка Виктор Геращенко тоже был в центре событий, но его объяснения ограничились загадочной фразой: «Он упал», а влиятельный руководитель аналитического отдела КГБ Николай Леонов утверждал, что Кручина после крушения империи впал в тяжелую депрессию.

Прошел месяц с небольшим, и участь Кручины повторил его предшественник на этой должности: вечером 6 октября из окна своей квартиры выпал и разбился насмерть Георгий Павлов. Его смерть в возрасте 81 года также была квалифицирована как самоубийство. Через одиннадцать дней после Павлова еще один видный член Коммунистической партии Дмитрий Лисоволик,

связанный с ее финансовыми механизмами, упал с балкона и погиб. И снова смерть признали суицидом.

Троих погибших объединяло знание тайных принципов функционирования финансовых систем КПСС в тот момент, когда в условиях горбачевских реформ КГБ готовился к переходу на рыночную экономику. Имущество Коммунистической партии достигало 9 миллиардов долларов, а зарубежные активы, по оценкам западных экспертов, были в разы выше. Однако в первые дни после крушения КПСС новые правители России с изумлением обнаружили, что партийная казна практически пуста. Ходили слухи, что чиновники Кручины переправили через совместные иностранные предприятия, спешно открывавшиеся в последние годы режима, миллиарды рублей и сбережений в других валютах. Российская прокуратура, которой Ельцин поручил выяснить степень участия КПСС в августовском путче, вскоре невольно переключилась на поиски пропавших денежных средств партии.

Несмотря на распоряжение Ельцина опечатать кабинеты ЦК, заведующий международным отделом ЦК КПСС Валентин Фалин приказал своим починенным начать уничтожение документов. Эти архивы могли бы помочь воссоздать преступные схемы коммунистического режима и, что важнее, отследить бесследно исчезнувшие деньги.

Самые секретные операции совершались в кабинете 516, где размещалась так называемая группа парттехники при международном отделе ЦК КПСС. Ее руководитель и специалист по теневым операциям Владимир Осинцев отвечал за кампании влияния КПСС в тех странах, где партия не была представлена официально – в Сальвадоре, Турции, ЮАР и Чили. Когда в октябре 1991 года следователи в конце концов

вломились в этот кабинет, то увидели на полу только полосы уничтоженных документов. Однако по некоторым косвенным признакам можно было догадаться, на какие ухищрения шли парработники, чтобы сохранить связи со засекреченными «кротами». Прокуратура обнаружила кипы иностранных паспортов, проездных документов и поддельных печатей, толстый фотоальбом со снимками всех генотипов и рас, набор париков и накладных бород, а также резиновые напальчники для поддельных отпечатков пальцев.

Сотрудник международного отдела Анатолий Смирнов был возмущен происходящим и предал гласности все документы, которые смог вынести. Документы под грифом «Совершенно секретно», которые он сумел достать, содержали данные о выплатах сотен миллионов долларов связанным с коммунистами зарубежным партиям. Например, согласно поручению от 5 декабря 1989 года, Госбанк СССР должен был перевести 22 миллиона долларов на счет Фалина в пользу международного фонда партии для поддержки левых организаций, а поручение от 20 июня 1987 года обязывает Госбанк перевести миллион долларов куратору по международным связям в пользу Французской коммунистической партии в качестве дополнительных средств. Технически перевод денег во Францию осуществлял КГБ.

Смирнов был убежден: если КПСС регулярно залезает в государственную казну, чтобы спонсировать свои операции влияния и политические дела за границей, то «против народа совершается преступление». Он решил, что это уже перебор и нарушение всех советских законов – такие операции должны производиться за счет пожертвований членов партии, а не спонсироваться из государственной казны.

Прокуратура подсчитала: в последнее десятилетие существования КПСС для финансирования коммунистических партий из страны было выведено более 200 миллионов долларов. По мнению Смирнова, эта сумма существенно выше. Ничего не выяснилось про деньги, переведенные тайными способами и предназначенные для секретной деятельности.

Однако при изучении сохранившихся архивов прокуратура нашла документы, проливающие свет на многочисленные тайные схемы по перекачке миллиардов долларов. Одна из них подразумевала привлечение так называемых дружественных фирм – оперирующих на черном рынке приближенных компаний в эпицентре огромной системы, которую поддерживал восточный блок. В их число входили подставные компании, которые чиновник из министерства торговли ГДР Александр Шальк-Голодковский открыл по всей Восточной Германии, а также в Австрии, Швейцарии и Лихтенштейне. Одни фирмы занимались контрабандой технологий в условиях эмбарго, другие – перепродажей оборудования по сильно завышенным ценам советским нефтяным, атомным и производственным предприятиям, а доходы использовались для финансирования деятельности коммунистических партий и левых движений в Италии, Франции, Испании, Британии и по всему миру.

Известный итальянский банкир Антонио Фаллико, тесно связанный с верхушкой советской элиты, а позже – и с путинским режимом, считает, что деньги, официально выделенные КПСС для финансирования деятельности компартий, несравнимы с суммами, которые переправлялись через «дружественные фирмы». Официальные пожертвования, которые Итальянская коммунистическая партия ежегодно

получала от СССР, составляли «всего 15–20 миллионов долларов. Это даже не деньги». Реальное финансирование шло через посредников:

— Все итальянские фирмы, которые хотели торговать в Советском Союзе, должны были платить этим компаниям, и это были колоссальные денежные потоки.

Прокуратура опубликовала список из сорока пяти таких «дружественных фирм». Среди загадочных компаний, занятых импортом-экспортом, нашлось как минимум одно известное название – Pergamon Press Роберта Максвелла. Это солидное издательство долгое время служило каналом для продажи советских научных публикаций на Запад. За несколько дней до обнародования этого списка тело бывшего члена партии лейбористов и медиамагната было обнаружено в Атлантическом океане рядом с его яхтой.

По словам бывшего агента КГБ – бизнесмена, работавшего с «дружественными фирмами» и близко сотрудничавшего с Путиным в девяностых годах, в число компаний, предпочитавших оставаться в тени, входили такие титаны европейской промышленности, как Fiat, Merloni, Olivetti, Siemens и Thyssen. Он заявил на условиях анонимности, что под видом медицинского оборудования его фирма поставляла военную продукцию:

— Медицинское оборудование служило прикрытием. На самом деле фирма производила очень серьезное военное оборудование. То же самое было с компаниями Siemens и ThyssenKrupp. Все они производили для СССР товары двойного назначения. Эти «дружественные фирмы» не были подставными – все было не так, как это делается сейчас. Это были ведущие европейские компании.

Сеть «дружественных фирм» занималась не только импортом. По словам соратника Горбачева, некоторые фирмы заключали и бартерные сделки с семидесятых годов. Например, государственный монополист «Союзнефтеэкспорт» был частью изящной бартерной схемы: нефть выменивалась на товары под эмбарго. Бывший компаньон монополиста рассказал, что нефть поступала через посредников в многочисленные хранилища в Финляндии, о стране происхождения этой нефти никто не знал, а затем сеть посредников продавала ее в обмен на технологии и другие заблокированные товары. Удобрения тоже входили в эти схемы.

В поиске партийных денег при любой попытке найти информацию о таком бартере прокуратура каждый раз упиралась в глухую стену. Продажа нефти, металлов, хлопка, химикатов и оружия «дружественным фирмам» по бросовым ценам приносила огромные доходы. Под видом экспортных сделок они скупали сырье по внутренним, зафиксированным плановой экономикой ценам и перепродавали по рыночным, получая внушительный доход. Например, мировая цена на нефть почти в десять раз превышала внутреннюю цену в СССР. Вырученные средства распределялись по многочисленным счетам в дружественных банках Европы, например, в швейцарском Banco del Gottardo, и прятались в налоговых убежищах на Кипре, Нормандских островах, в Лихтенштейне, Панаме и Гонконге. Эти доходы могли использоваться для поддержки деятельности зарубежных компартий, для активных мер по дестабилизации Запада. Весь процесс контролировался КГБ, чьи доверенные лица управляли «дружественными фирмами» и имели серьезное влияние на советское министерство торговли.

— «Дружественные фирмы» продавали приобретенные товары по мировым ценам. Прибыль никогда не возвращались в СССР, — писал руководивший расследованием генеральный прокурор Валентин Степанков. — Все контакты с осуществлялись через КГБ.

Перекачка товаров заметно усилилась в последние годы советского режима. Глава группы по экономическому анализу советской военной разведки Виталий Шлыков заявил, что к моменту краха СССР огромные запасы сырья для тяжелого вооружения — горы алюминия, меди, стали, титана и других металлов, которые предполагалось использовать для поддержания работы советской военной машины, — стремительно уменьшались. Однако прокуратуре удалось найти об этом лишь обрывочные сведения.

Роясь в обрывках уничтоженных документов, следователи обнаружили один важный документ — служебную записку от 23 августа 1990 года за подписью заместителя Генерального секретаря ЦК КПСС Владимира Ивашко о создании «невидимой экономики». Очевидно, руководство партии осознавало необходимость срочного создания сети фирм и совместных предприятий для защиты финансов во время горбачевских реформ, погрузивших страну в хаос. Партии предстояло инвестировать свои ресурсы в твердой валюте в капиталы международных фирм, которыми управляли «друзья», причем связь между средствами и бизнес-ассоциациями должна была быть «максимально невидимой».

Любопытные документы о масштабах сети посредников обнаружили следователи в квартире Николая Кручины сразу после его гибели. В одном из них напротив пунктов ФИО, дата

начала партийного стажа, номер членского билета и подпись доверенного лица стояли пробелы.

«Я, _____, член КПСС с ____ года, партийный билет № _____, настоящим подтверждаю сознательное и добровольное решение стать доверенным лицом партии и выполнять порученные мне задания на любом посту и в любой обстановке, не раскрывая своей принадлежности к институту доверенных лиц. Обязуюсь хранить и бережно использовать в интересах партии доверенные мне финансовые и материальные средства, возврат которых гарантирую по первому же ее требованию. Все заработанные мною в результате экономической деятельности на фонды партии средства признаю ее собственностью, гарантирую их передачу в любое время и в любом месте. Обязуюсь соблюдать строгую конфиденциальность сведений и выполнять поручения партии, передаваемые мне через уполномоченных на то лиц.

Подпись члена КПСС _____

Подпись лица, принявшего обязательство _____».

Прокуратура терялась в догадках, что мог означать такой документ. Мало кто из партийной элиты мог прояснить этот вопрос. Однако следователям улыбнулась удача, когда они вышли на бывшего полковника КГБ Леонида Веселовского. Испугавшись репрессий, он откровенно рассказал о своей работе агентом внешней разведки КГБ – он был завербован для содействия в переправке и сокрытии имущества и денег партии. Были также допрошены офицеры внешней разведки. Они отчитывались управделами ЦК КПСС Кручине, шефу КГБ Владимиру Крючкову, его первому заместителю Филиппу Бобкову и секретарю ЦК КПСС Владимиру Ивашко.

Специалист по международной экономике Веселовский в ноябре 1990 года был отозван со своего поста в Португалии для работы над созданием программы «невидимой экономики», которая позволила бы спасти активы партии. Именно он предложил систему доверенных хранителей, или доверенных лиц, наделенных правами хранить и распределять средства от имени партии, и подготовил служебные записки для Кручины с предложениями по сокрытию партийных денег: инвестирование в благотворительные и социальные фонды, а также анонимные вклады в акции и облигации. Процесс контролировался КГБ.

— С одной стороны, это обеспечит стабильный доход, независимо от дальнейшего положения партии, а с другой — в любой момент позволит эти акции реализовать на фондовых биржах с последующим размещением капитала в иных сферах с целью обезличивания партийного участия, но с сохранением контроля, — писал он. — Принятие данных мер потребует организовать срочный отбор особо доверенных лиц, которым будет поручено выполнение отдельных пунктов программы, не исключается возможность создания категории негласных членов партии, которые будут обеспечивать ее жизнедеятельность в любых условиях чрезвычайного периода.

В другой записке он предлагал создать сеть компаний и совместных предприятий, включая брокеров и торговые фирмы, в налоговых убежищах типа Швейцарии, где акционерами стали бы доверенные лица.

В тот момент, когда путем перевода средств в сеть подставных компаний в подготовку включились Штази, КГБ начал готовить партию к смене режима, полностью осознавая, что ее монополия на власть скоро окажется под ударом. Для

вовлеченных в работу агентов внешней разведки приказ Крючкова о создании частных компаний однозначно сигнализировал о том, что дни коммунистического режима сочтены.

— Как только это началось, я понял, что это конец, — сказал высокопоставленный комитетчик Юрий Швец, проработавший в Вашингтоне до 1987 года.

Когда после августовского путча КПСС прекратила свое существование, никто не понимал, что станет со структурами, занятыми спасением партийных денег, и кто за них отвечает. Обнаруженные в ходе расследования документы лишь слабо намекали на существование сети. Все было засекречено: персоналии, посреднические компании, посредники, доверенные лица, сети компаний, совместных предприятий и брокеров. Отвечая на вопросы о документах, бывшие члены Политбюро утверждали: все рухнуло так неожиданно и стремительно, что на воплощение в жизнь планов Ивашко по созданию «невидимой экономики» просто не было времени. Однако прокуратура обнаружила массу свидетельств того, что проект как минимум частично был запущен и даже достаточно долго работал, причем курировал его, вероятно, отдел внешней разведки КГБ.

Одним из таких свидетельств служит сама карьера Веселовского. За две недели до путча он ушел со своего поста, переехал в Швейцарию и получил должность в торговой фирме под названием Seabesco. Эта «дружественная фирма» продала огромное количество советского сырья. Возглавлял ее советский эмигрант Борис Бирштейн — в 1970-х годах он уехал в Израиль, оттуда — в Канаду, где открыл несколько совместных предприятий, включая компанию, обслуживавшую интересы

советской внешней разведки. Есть подозрения, что люди из КГБ отслеживали всю работу Seabesco.

— Ничего этого не могло произойти без патронажа КГБ, — сказал бывший агент внешней разведки Швец.

На допросе бывший шеф КГБ Владимир Крючков признал, что эта торговая фирма создавалась в качестве канала для перекачки средств КПСС, но настаивал на том, что планы так и не реализовались — на это не осталось времени, режим рухнул очень быстро. Запись телефонного разговора о созданной торговой сети партнера Seabesco Дмитрия Якубовского с шефом внешней разведки попала в открытые источники. Партнер публично заявил о том, что фирма получала десятки миллионов долларов на финансирование операций КГБ в Европе.

В какой-то момент Веселовский бесследно исчез из Швейцарии, а вместе с ним испарились и все шансы прокуратуры отыскать деньги. В условиях дефицита финансирования, имея в своем распоряжении только обрывки документов, она зашла в тупик. В самой России удалось отследить трансферы миллиардов рублей из отдела Кручины на счета более сотни партийных фирм и коммерческих банков, но любые попытки пройти в расследовании дальше заканчивались ничем.

Новое правительство Ельцина, казалось, не очень-то и стремилось найти эти деньги. В какой-то момент блеснула надежда на перемены: круглолицый премьер-реформист Егор Гайдар громогласно объявил, что для поиска партийных денег правительство нанимает международную фирму Kroll, занимавшуюся крупными расследованиями. Однако при полуторамиллионном контракте за год поисков партийных денег по всему миру расследователи Kroll добились еще

меньших результатов, чем прокуратура. Отчитываться было не о чем.

— Они ничего не нашли, — сказал министр Петр Авен, инициировавший привлечение Kroll. — Только счета горстки высокопоставленных бюрократов на сумму не более полумиллиона долларов.

Проблема, похоже, заключалась в том, что само правительство не хотело, чтобы деньги нашлись. В конце концов расследователи Kroll вернулись с пустыми руками — вероятно, потому, что не получили содействия от кабинета министров.

— Российское правительство не было заинтересовано в том, чтобы что-то нашлось, поэтому мы ничего не нашли, — сказал бывший глава Kroll Томми Хелсби, участвовавший в расследовании. — Оно хотело только поковырять названием нашей фирмы на пресс-конференциях, создать впечатление, что идет настоящее расследование.

Задача усложнялась еще и тем, что деньги переводились в основном не прямыми переводами, а через «дружественные фирмы» типа Seabesco по сырьевым торговым схемам. По словам Хелсби, в этих схемах был замешан Марк Рич — основатель женеvской компании Glencore, крупный оператор и товарный спекулянт. Стоявшие за этой схемой агенты внешней разведки КГБ заполучили ключи к спрятанным богатствам.

— Когда Советский Союз развалился и все кончилось, местонахождение денег было известно только людям из КГБ, — сказал Хелсби. — Но к тому моменту они работали на уже несуществующее советское государство.

Однако некоторые удержались на своих местах, и агентурные сети внешней разведки КГБ частично сохранились. За кулисами,

посреди всеобщего хаоса, некоторые деятели продолжали, по словам Хелсби, «заправлять деньгами от имени КГБ».

В ту ночь, когда Николай Кручина выбросился из окна, капиталы КПСС были переданы новой элите, однако часть этих денег ушла в агентурные сети внешней разведки КГБ. Конечно, какие-то суммы были украдены высшими партийными функционерами и членами ОПГ. Однако когда Ельцин отправлял КПСС на свалку истории, контроль над счетами был у агентов внешней разведки. Кручину, возможно, постигло горькое осознание того, что люди, занимающиеся партийными деньгами, вышли из-под его контроля. И не исключено, что эти же самые люди могли сбросить его с балкона, чтобы он не проболтался.

— Вероятно, Кручина испугался допроса — его могли спросить о том, куда делось все имущество, — сказал Павел Воцанов, пресс-секретарь Ельцина и журналист, много лет занимавшийся расследованием пропажи партийного имущества. — А теперь он не знал, куда все делось. Государство рушилось. И на тот момент никто не знал, куда исчезли эти парни из КГБ и кем именно они были.

Вскоре все забыли о прокуратуре, занимавшейся поисками партийных денег, в стране усиливались растерянность и неразбериха. Однако находки следствия давали ключ ко всему, что случилось после. Контрабандные схемы, «дружественные фирмы» и доверенные хранители стали моделью, на которую опирался путинский режим и по которой реализовывались операции влияния. Доказано, что с 1982 года, когда бывший шеф КГБ Юрий Андропов взял на себя руководство страной, части элитной внешней разведки начали готовиться к транзиту.

В начале 1980-х годов группа советских экономистов заговорила о необходимости перехода к рынку – на кухнях шептались о хронической неэффективности плановой экономики и печатали самиздатовские трактаты о новых реформах. Одновременно у небольшой элитной группы разведчиков росло понимание того, что советская экономика вошла в смертельное пике, что империя восточного блока дальше существовать не сможет, не говоря уже о сферах влияния и подрывных кампаниях в Южной Америке, на Ближнем Востоке, в Африке и на Западе.

— Если вы хотите проводить политику империи, вы должны иметь возможность тратить огромные деньги, – сказал человек, тесно работавший в те дни с реформаторами из внешней разведки. – Но конкурировать с США мы не могли. Потому что это было дорого, трудноосуществимо и, вероятно, нереализуемо.

Прогрессивно мыслящие комитетчики еще не начали готовиться к возможному перевороту в Восточной Германии, но уже заговорили о реформах в самом СССР.

Советская экономика, вынужденная в ходе гонки вооружений производить военное оборудование и конкурировать с Западом, испытывала серьезный недостаток в ресурсах для всего остального. Теоретически коммунистическое государство должно было обеспечить всех работающих бесплатным образованием и медициной, но на практике плановая экономика не работала, и граждане государства, которых, по идее, оно должно было защищать, жили в нищете. Государство через коррупционные схемы продавало огромные природные ресурсы, но не смогло развить легкую промышленность и производить конкурентоспособные товары широкого потребления. Не было частной собственности

и даже понимания того, что такое прибыль. Вместо этого правительство распределяло по предприятиям производственные квоты, контролировало доходы и фиксировало цены. У людей не было мотивации, система не работала. Установленные цены на потребительские товары были недопустимо низкими, поэтому в стране образовался тотальный дефицит – от хлеба, колбасы и других продуктов питания до автомобилей, телевизоров и квартир. Дефицит означал очереди и нормирование, и порой ждать товара приходилось месяцами. Неофициальные связи и взятки чиновникам часто являлись единственным способом избежать ожидания в длинных очередях и получить самые необходимые услуги – от ремонта обуви или места в больнице до гробов и похоронных церемоний. Чрезмерная власть советской бюрократии стала причиной всеобщей коррупции и процветания черного рынка.

В конце 1960-х годов воротилы черного рынка (цеховики) начали открывать подпольные фабрики, на которых использовались запчасти и материалы, вынесенные с государственных заводов. За такую деятельность можно было получить от десяти лет тюрьмы, но постепенно продукция таких фабрик стала единственным способом хотя бы частично закрыть дефицит, порожденный плановой экономикой. Валютные спекулянты бродили по залам отелей «Интурист» и, рискуя сесть в тюрьму, скупали доллары у туристов по завышенному курсу. На этом и наживались: при всеобщем дефиците любой имеющий доступ к твердой валюте чувствовал себя королем. Доллары открывали двери в элитные магазины «Березка», где полки были завалены качественными товарами с Запада. В таких магазинах можно было купить одежду, пластинки с поп-

музыкой и все, что производилось за пределами унылой советской экономики, то есть все, что можно было продать с большим наваром. Дефицит был всеобъемлющим, и, по словам Юрия Швеца, торговали все. Директора фабрик мухлевали с бухгалтерией и поставляли материалы воротилам черного рынка в обмен на часть прибылей. Сотрудники правоохранительных органов закрывали глаза на валютных спекулянтов в обмен на взятки и доступ к буфету отеля. А на вершине пирамиды стояла партийная элита, которая с начала семидесятых годов получала прибыли с контрабандных и торговых схем. И все это подрывало любые усилия по улучшению производства.

— Советский Союз не мог произвести даже пару колготок или ботинок, — говорил Швец. — Проститутки отдавались в первую ночь за один чулок, а в следующую — за другой. Это был кошмар.

Систему нужно было менять, и яснее всех это понимали сотрудники внешней разведки. Они имели возможность путешествовать, наблюдать, как работает рыночная экономика, и осознавали, что социалистическая система не может угнаться за техническим прогрессом западного мира. К числу этих сотрудников относился и легендарный шеф внешней разведки Михаил Мильштейн — он много лет служил в США, а затем вернулся в Москву, чтобы возглавить кафедру разведки в Военной академии СССР. В семидесятых годах он перешел на работу в Институт США и Канады, где тесно сотрудничал с международным отделом под руководством Фалина и продумывал, среди прочего, пути восстановления дружественных отношений с Западом. Институт располагался в красивом дореволюционном здании на тихой московской

улочке, и в его аудиториях Мильштейн с коллегами из внешней разведки работал над предложениями по разоружению. В поисках выхода из, как он называл, «порочного круга» противостояния Западу он завязал тесные отношения с госсекретарем США Генри Киссинджером.

А на другом конце города в темной многоэтажной башне образца семидесятых годов к разработке реформ по ослаблению государственной монополии в экономике приступила группа экономистов из Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО). В группу входил и талантливый молодой экономист, сын советского генерала из внешней разведки Райр Симонян. Он тесно сотрудничал с заместителем отца агентом внешней разведки Андреем Акимовым, который позже возглавил банк внешней торговли СССР в Вене и стал одним из главных финансистов режима Владимира Путина. Симонян бывал в ГДР в связи с исследованиями и понимал, как чудовищно отстают советская экономика. Он сказал:

— Это был другой мир.

Уже в 1979 году Симонян разрабатывал реформы, которые позволили бы привлечь в экономику иностранный капитал – для этого требовалось создание совместных предприятий. Такие смелые меры угрожали монополии советской экономики и потому незамедлительно попали под запрет – так распорядился директор института. Но когда во время правления Андропова в 1983 году в институт пришел новый директор, по словам Симоняна, «началась совершенно другая жизнь». Им стал бывший посол СССР в Канаде Александр Яковлев, считавшийся наставником Горбачева и крестным отцом перестройки. Симонян тесно сотрудничал также с Евгением

Примаковым. Этот агент внешней разведки с китайской внешностью много лет работал на Ближнем Востоке в качестве корреспондента газеты «Правда» и укреплял связи с Саддамом Хусейном и другими восточными лидерами, попавшими под советский патронаж. В семидесятые годы Примаков работал в ИМЭМО и сотрудничал с Мильштейном из Института США и Канады, а когда Яковлева повысили до члена Политбюро, занял его место директора ИМЭМО. Теперь Примаков возглавил один из самых прогрессивно настроенных отделов внешней разведки, и ИМЭМО стал стартовым механизмом перестроечных реформ.

При Андропове сформировалось новое поколение экономистов. Молодые ученые Егор Гайдар и Петр Авен заговорили о далеко идущих планах в сфере рыночных реформ, которые, по их мнению, сыграли бы ключевую роль в выживании восточного блока. В восьмидесятые годы оба они работали в другом, не менее важном исследовательском институте – Всесоюзном институте системных исследований, оба – выходцы из советской элиты. Отец Авена был одним из самых уважаемых академиков страны, а отец Гайдара под прикрытием корреспондента «Правды» работал на Кубе, где дослужился до адмирала. Дома его навещали Фидель Кастро и Че Гевара, а сын рос в окружении советских генералов. И Гайдар, и Авен должны были сыграть решающую роль в переходе на рыночную экономику и становлении новой России.

— Все рыночные реформаторы – от Горбачева до младореформаторов – выросли в институтах, созданных Андроповым, – сказал Владимир Якунин. – Первые рыночные реформы задумывались в этих институтах.

С приходом Андропова прогрессивные силы КГБ, возглавляемые Главным управлением внешней разведки и Управлением по борьбе с экономической преступностью, начали экспериментировать с созданием нового класса предпринимателей, способных работать вне рамок плановой экономики. И начали они с воротил черного рынка – с цеховиков.

— Настоящая перестройка началась с Андропова, – заявил Кристиан Мишель, который более десяти лет заведовал финансами советского и затем российского режима. – Было приказано закрыть глаза на все, что происходит на черном рынке. Он понимал, что в ином случае страну ждет массовый голод.

— Черный рынок создавался намеренно, – согласился с ним бывший агент военной разведки Антон Суриков. – Работать на черном рынке или вести теневой бизнес без связей в КГБ и без протекции КГБ было невозможно.

То, что начиналось как внутрисистемная коррупция, превратилось в выпестованную КГБ чашку Петри, в которой вращивалась рыночная экономика будущего и спешно формировались временные меры для восполнения дефицита при административно-командной системе. Воротилами черного рынка в основном были представители нацменьшинств. Выбора у них не было, так как партийные элиты с подозрением относились к людям нетитульных наций, что автоматически ставило крест на их карьере.

— Там крутились только те, которые не имели перспектив в официальной системе. Представители этнических меньшинств – грузины, чеченцы, евреи – уперлись в стеклянный потолок

и не видели возможностей для дальнейшего роста, – сказал Мишель.

Эксперименты на черном рынке ознаменовали также ускорение темпов перекачки огромных богатств страны за рубеж через «дружественные фирмы». Так начался вывоз трофеев из СССР. Одновременно было положено начало взаимовыгодному сотрудничеству КГБ с организованной преступностью – при участии фирмы Бориса Бирштейна Seabesco в Швейцарии, компании Nordex в Вене, а также через торговлю металлами при посредничестве Михаила Чернея и его бруклинского партнера Сэма Кислина. Бирштейн и владелец Nordex Григорий Лучанский были завербованными советскими эмигрантами; как заявила швейцарская разведка, они были нужны для переправки партийных и государственных средств перед крушением СССР. Позже Бирштейн и Кислин стали частью сети, через которую деньги Советского Союза перекачивались в Америку, что косвенно затронуло и бизнес-империю Дональда Трампа.

Во время пребывания Путина в Дрездене прогрессивные силы КГБ в Москве начали готовиться ко второму этапу рыночного эксперимента – им предстояло отобрать и вырастить собственных предпринимателей из числа комсомольцев. Вскоре они заметили Михаила Ходорковского – молодого москвича с большими амбициями. В возрасте чуть больше двадцати он уже дорос до заместителя секретаря комитета местного ВЛКСМ. Ходорковский стремился забыть ужасы детства в коммунальной квартире на севере Москвы – именно там он узнал, как выглядит падение в пропасть. Семья соседей по коммуналке была наглядной иллюстрацией сломанной жизни: отец семейства –

полоумный большевик, расхаживал по квартире без штанов, пугая мать Ходорковского, сын был алкашом, а дочь – представительницей древнейшей профессии.

— Вся атмосфера заставляла его следовать ленинскому принципу «Учиться, учиться и еще раз учиться». Он понимал, что если не приложить все возможные усилия, то в этой жизни ничего не достичь.

Когда Ходорковский стал подростком, семья выехала из коммуналки, но та атмосфера оставила неизгладимое впечатление. Родители его были инженерами, а сам он начал работать с четырнадцати лет – после школы подметал двор. Мы встретились с ним много лет спустя, после его стремительного взлета и столь же сокрушительного падения, и он сказал, что в те годы мечтал стать директором завода, но боялся, что, будучи евреем по отцу, никогда не сможет получить такой пост.

В те дни Ходорковский был похож на уличного грабителя – с темными усами, в джинсовом костюме и в очках с толстыми стеклами. Благодаря своей исключительной целеустремленности он вскоре занял высокий пост в комитете ВЛКСМ – организовывал дискотеки для студентов Химического института им. Менделеева. Его предпринимательские способности оказались столь впечатляющими, что комитет ВЛКСМ предложил ему заняться перспективной инициативой – Центрами научно-технического творчества молодежи (НТТМ), которые выступали связующим звеном между московскими научно-исследовательскими институтами, помогали монетизировать науку и обучать молодежь компьютерному программированию. Кроме того, центры открывали доступ к потенциально бесконечному источнику безналичных средств. В плановой экономике, как в сказке «Алиса в Стране чудес»,

доходы ничего не значили, так как все – от цен на материалы до стоимости готового продукта – определялось государством. Все госпредприятия должны были строго выполнять спущенный сверху производственный план. В результате наличность заводов ограничивалась суммой заработной платы, в остальном они имели дело с безналичными единицами учета. Из-за этого стоимость реального рубля могла в десять раз превышать стоимость безналичного.

Советские законы запрещали предприятиям обменивать безналичные рубли на наличные. Однако во времена горбачевских реформ НТТМ получили разрешение обменивать безнал на реальные рубли простым переводом средств с одного счета на другой. Это высвобождало огромные объемы капитала и сулило невероятные доходы. К тому времени Ходорковский объединил усилия с Леонидом Невзлиным – сладкоголосым сероглазым молодым политиком, получившим образование в сфере кибернетики, и Владимиром Дубовым – сотрудником Объединенного института высоких температур, засекреченного исследовательского комплекса, плотно занимавшегося исследованиями лазерного оружия и вооружениями для Звездных войн. Глава института Александр Шейндлин передал в распоряжение команды 170 тысяч рублей – огромную по тем временам сумму, и даже не спросил, что они собираются делать с этими средствами.

Ходорковский с соратниками возглавил новое движение и взялся за формирование первых в стране кооперативов – фактически первых частных бизнесов. Новаторские законы, принятые в 1987 году, легализовали частные предприятия, их можно было открывать в наиболее дефицитных областях – в сфере потребительских товаров, услуг по ремонту обуви

и прачечных. Через год закон расширили, и теперь под него подпадал наиболее прибыльный бизнес – торговля сырьем. Вместе с командой Ходорковский выгодно обменял полученные от Института высоких температур безналичные на твердую валюту, вырученную за экспорт древесины, а затем потратил ее на импорт компьютеров. Впрочем, эти действия частично контролировались сверху. Советская экономика остро нуждалась в западных технологиях, так как собственные компьютерные системы безнадежно отставали. Но западное эмбарго на высокотехнологичные товары создавало серьезные проблемы для импорта компьютеров. Ходорковскому и команде пришлось воспользоваться секретными торговыми каналами КГБ.

— Новое поколение бизнесменов появилось не из ниоткуда, – заявил директор российского отдела в Совете национальной безопасности США Томас Грэм. – Им помогали. В советском правительстве и в 1-м управлении КГБ некоторые люди понимали принципы работы западного мира и осознавали необходимость перемен.

— Горбачев приветствовал эти перемены, они стали официальной политикой, – сказал Кристиан Мишель, который в 1989 году уже работал финансовым управляющим Ходорковского. – Особенно заинтересованы в этом были две структуры КГБ: управление, занимавшееся черным рынком и экономическими преступлениями, и управление внешней разведки. Там гораздо лучше, чем в Политбюро, понимали происходящее и к тому же имели доступ к огромным деньгам. Эти средства нужно было пустить в дело, поэтому их выдавали таким, как Ходорковский, со словами «Иди и отыграй».

Во время нашей встречи Ходорковский заявил о полном неведении того, что стал частью эксперимента КГБ. Он утверждал, что был слишком молод, одержим целью преуспеть и потому не осознавал своей роли в воплощении какого-то глобального плана. Долгие годы, говорил он, эта деятельность представлялась ему просто работой, и только в 1993 году он понял, что может сам стать владельцем бизнеса, который был вверен ему в управление. Все это время он получал определенные инструкции.

— Они спрашивали: «А ты можешь поставить компьютеры туда-то и туда-то? А то-то и то-то можешь сделать?» У них было право отдавать приказы, но они всегда просто спрашивали. (Имена этих людей он не назвал.)

Сотни молодых бизнесменов начали открывать кооперативы. В основном все хотели импортировать компьютеры или торговать потребительскими товарами. Но наиболее успешными дельцами, получившими доступ к рынку сырья или сумевшими открыть банковский бизнес, были люди с внушительными связями. Одним из таких воротил черного рынка был круглолицый, дерзкий и амбициозный комсомолец Михаил Фридман. Путь в лучшие университеты страны для него был закрыт из-за негласного антисемитизма и соответствующих квот, и ему пришлось поступить в Московский институт стали и сплавов. Он сосредоточился на учебе, а параллельно приторговывал театральными билетами в обмен на товары. Вместе с друзьями он учредил один из первых кооперативов «Альфа-Фото»: вначале фирма занималась мойкой окон, затем импортировала компьютеры, а потом вошла в число немногих компаний, получивших право торговать товарами. Фирма получила новое название «Альфа-Эко» и прочно обосновалась

в Швейцарии, став одним из первых советско-швейцарских совместных предприятий.

— Все делалось под полным контролем Советов, — сказал бывший правительственный чиновник, хорошо знакомый с деятельностью Фридмана.

КГБ стремился удерживать жесткий контроль над экспортом товаров, однако после принятия закона 1988 года, который допускал к торговле кооперативы, задача стала практически непосильной. Директоров госпредприятий тоже охватила золотая лихорадка, и они начали создавать собственные кооперативы для экспорта хранившихся на заводах огромных объемов сырья — алюминия, стали, меди и удобрений. Пришлось перехватывать промышленные денежные потоки, самостоятельно приватизировать компании — и все это еще до того, как слово «приватизация» было произнесено впервые. И хотя КГБ стремился удерживать контроль над стратегическими товарами, например, нефтью, часть сырьевого рынка быстро стала общедоступной. Реформы Горбачева выпустили джинна из бутылки. Запасы государства разграблялись, а власть КПСС над экономикой и страной стремительно таяла.

В законе о кооперативах мало кто заметил строку, позволяющую открывать финансовые и кредитные предприятия, то есть банки. Одним из первых на нее обратил внимание Ходорковский. Он пошел в ближайшее отделение Жилсоцбанка и попросил для своего кооператива кредит. Ему ответили, что кредит дадут, но только если он сначала откроет собственный банк. Он снова получил помощь сверху, и Жилсоцбанк согласился стать одним из учредителей его собственного банка, который был зарегистрирован под названием «Менатеп». В совет директоров вошел руководитель

Института высоких температур. Ходорковский вложил капитал, полученный с прибылей НТТМ, и вскоре начал брать кредиты для финансирования собственного бизнеса по импорту компьютеров. Затем он обнаружил лазейку, дающую еще больше возможностей, – обмен твердой валюты, после чего его бизнес действительно взлетел. Он мог обменивать рубли на доллары по фиксированному государственному курсу – шестьдесят пять копеек за доллар, а затем продавать компьютеры по цене, основанной на курсе в сорок рублей за доллар. Прибыли были нереальными. Центробанк выдал банку «Менатеп» одну из первых лицензий на торговлю твердой валютой, и вскоре банк начал переводить за границу огромные суммы.

Торговля твердой валютой открыла огромные возможности для перевода сотен миллионов долларов на зарубежные счета. Все это стало реальностью в тот момент, когда Владимир Ивашко подписал план по созданию «невидимой экономики», а Леонид Веселовский предложил использовать систему хранителей, или доверенных лиц. Согласно легенде, «Менатеп» был одним из основных каналов трансфера денег КПСС за границу. Ходорковский всегда это отрицал, но то, что «Менатеп» использовался как прикрытие для перевода наличности партии, утверждали минимум три человека: высокопоставленный московский финансист и два высших чина из внешней разведки.

— Огромные суммы ЦК были потеряны. Я точно знаю, что Ходорковский в этом участвовал, – заявил финансист.

Скорость развертывания экономических реформ в начале 1989 года привела Горбачева в ужас, и он собирался ввести

ограничения доходов для владельцев кооперативов. План заключался в следующем: сами владельцы и работники должны были получать не более ста рублей в день, а остальные деньги нужно было хранить на специальном счете в государственном банке. Горбачев попытался ограничить масштабы разграбления государства – тогда уже стало ясно, что казна пуста. Однако такое предложение вызвало обратную реакцию. Владелец кооперативов и первый рублевый миллионер Артем Тарасов публично выступил против нововведения, заручившись поддержкой половины членов Политбюро, включая Александра Яковлева и экс-шефа КГБ Виктора Чебрикова. Горбачев предполагал, что реформы будут вводиться постепенно и это удержит экономику в рамках социалистического государства. Но теперь само партийное руководство пустилось в погоню за богатством, и пропасть между прогрессистами и консерваторами старой гвардии лишь ширилась. Сторонники реформ один за другим выражали поддержку Борису Ельцину, который при тайном содействии людей из КГБ все яростнее критиковал правление Горбачева. Во времена перестройки Ельцин завоевал авторитет своими лидерскими качествами – в 1990 году его избрали председателем Верховного совета РСФСР, а в июне 1991 года выбрали президентом Российской Федерации.

Во время перехода российской экономики на новые рельсы Ельцина поддержали и экономисты из породы «молодых волков», и политические тяжеловесы, например, Александр Яковлев. Ходорковский вместе с командой частично профинансировал предвыборную кампанию Ельцина, проявив медийную активность и наладив личные связи с его администрацией. В тот роковой вечер 18 августа 1991 года, когда к кованым воротам летней резиденции Горбачева в Форосе

подъехали пять черных автомобилей «Волга», Коммунистическая партия Советского Союза фактически уже прекратила свое существование.

Некоторые подразделения КГБ не поддержали путчистов. Заговорщики объявили, что шеф КГБ Владимир Крючков – на их стороне, однако сам Крючков от активных действий по подавлению протестов воздержался. Когда на следующее утро Ельцин прибыл из Казахстана в Москву, КГБ его не арестовал, а элитное спецподразделение «Альфа», сидевшее в кустах вокруг его дачи в Подмосковье, позволило Ельцину спокойно обдумать дальнейшие шаги. Он беспрепятственно проследовал к Белому дому, где заседал парламент, и возглавил толпу тех, кто решительно выступил против путчистов. Десятки тысяч людей подтянулись к Белому дому, чтобы выразить поддержку Ельцину. Когда вечером третьего дня заговорщики наконец отдали приказ штурмовать здание, в котором находился Ельцин, подразделение «Альфа» открывать огонь отказалось. Утром того дня погибли трое, Крючков отменил приказ, группа протестующих забаррикадировала ближайшую улицу, пытаясь защититься от танков. Никто больше не хотел кровопролития.

Прогрессивные силы КПСС и КГБ открыто поддержали демократических лидеров – никому не хотелось, чтобы поток наличности иссякал.

— Некоторые люди из КГБ поддержали Ельцина, – сказал советник по экономическим вопросам в первые годы президентства Путина Андрей Илларионов. – Ельцин виделся им альтернативой, человеком, способным провести рыночные реформы.

— И бизнес, и люди, стоявшие у истоков перестройки, решили, что им нужно больше, – заявил Райр Симонян. –

Процесс стал политическим, потому что всем было ясно: в противном случае все усилия пойдут насмарку. Горбачев оказался слишком нерешительным.

Долгое время консерваторы из КГБ заявляли, что развал СССР был запланирован и реализован агентами США. Многие были убеждены, что именно под американским влиянием затрещали по швам все прорехи системы, что вызвало протесты в странах Варшавского договора, – и отчасти это была правда. Ходили слухи, что Александр Яковлев был внедренным агентом ЦРУ, а Борис Ельцин – американской марионеткой. Однако правдой было и то, что революция, положившая конец семидесятилетнему правлению коммунистов, по большому счету обошлась без кровопролития, так как многие внутри самой системы жаждали краха партии и социализма.

— Высший эшелон советской номенклатуры был сметен, и страной стали править второй и третий эшелоны, – сказал Томас Грэм. – Эти люди понимали, что без идеологии жизнь только улучшится. Страна разваливалась, потому что люди из второго и третьего эшелонов не были заинтересованы в ее спасении. Они полагали, что в новой системе у них будет больше шансов выжить.

В конце концов развал СССР стал итогом подрывной работы изнутри. По словам одного из бывших агентов, высшие чины внешней разведки КГБ решили «взорвать свой собственный дом».

И когда прокуратура приступила к поискам пропавших партийных денег, именно 1-е управление внешней разведки предприняло все возможное, чтобы воспрепятствовать следствию. Кампанию прикрытия возглавил Евгений Примаков: оставаясь невидимой движущей силой реформ, он после путча

получил от Ельцина новое назначение и занял пост главы новой внешней разведки.

Шеф резидентуры ЦРУ в СССР в начале 1990-х годов Ричард Палмер сказал:

— Примаков саботировал только одну операцию – попытку расследования огромных хищений, опустошивших российскую казну.

Все это время Евгений Примаков и Михаил Мильштейн работали над планами по прекращению противостояния России и Запада, одновременно засылая туда новые группы агентов под видом советской эмиграции для сохранения и частичного восстановления структуры, занимавшейся деньгами внешней разведки. Деньги перекачивались за границу и накапливались для будущих более изощренных схем. Бывший офицер внешней разведки Сергей Третьяков позже заявил, что для поддержания работы сетей внешней разведки КГБ за границу переводились десятки миллиардов долларов. Сотни подставных западных компаний и совместных предприятий были открыты за год до путча; одни финансировались эмигрантами, другие – засланными шпионами из числа комсомольцев.

Возможно, советская империя потерпела крах, но прогрессивные круги внешней разведки знали, что битва с Западом неизбежна. Для них конец коммунистической эпохи означал не окончание вражды, а возможность продолжить работу в более благоприятных условиях.

Новый день

Когда, щурясь на солнце, 19 августа 1991 года Борис Ельцин вышел из Белого дома, весь мир понял, что на политической

арене возшла новая звезда. Он взобрался на танк и пожал руки танкистам. В следующие дни на волне эйфории на Лубянской площади снесли памятник Феликсу Дзержинскому – своеобразный символ мощи и власти КГБ. Вскоре западные банкиры и правительственные чиновники поспешили в Россию консультировать новое правительство Ельцина по вопросам создания рыночной экономики. В новый кабинет вошли перспективные молодые экономисты, в том числе Егор Гайдар и Петр Авен. России предстояла интеграция в западные рынки – наступила новая эра сотрудничества.

В октябре 1991 года Ельцин подписал указ о роспуске КГБ, разбив комитет на четыре службы, и за несколько месяцев до этого назначил главой организации Вадима Бакатина. Это свидетельствовало о том, что меры носили косметический характер. Бакатин был человеком со стороны, на закате советского режима успел недолго побыть министром внутренних дел, и комитетчики существенно превосходили его в профессиональном плане. Он признался московской журналистке Евгении Альбац, что не контролировал подчиненных, которые манипулировали им и утаивали от него информацию.

— Я убежден: того, что они не хотят, чтобы я знал, я знать не буду.

Официально КГБ распался, но мощное крыло внешней разведки под предводительством Примакова, теперь переименованное в Службу внешней разведки (СВР), осталось нетронутым. Сотни тысяч деморализованных офицеров уволились из спецслужб, мечтая заняться бизнесом, но многие ушли в подполье. Например, «Путин и Собчак оставались

в тени», – сказал работавший на КГБ и пожелавший остаться анонимным посредник:

— На самом деле они все сохранили. Они изменили фасад, поменяли название. Но больше ничего не изменилось.

Официально бюджет СВР сократили, но вскоре обнаружились и неофициальные источники финансирования. В то время как правительство было не в состоянии выплачивать пенсии и зарплаты учителям, врачам и другим государственным служащим, новый премьер-министр Егор Гайдар сумел обеспечить достаточное финансирование стратегических форпостов внешней разведки. Одна такая выплата в 1992 году составила 200 миллионов долларов – деньги ушли на поддержку режима Фиделя Кастро на Кубе, что позволяло внешней разведке продолжать прослушивать США на станции Лурдес. Платеж провели по сложной схеме, которая включала обмен нефтепродуктов на импорт сахара, такие же контрабандные операции проворачивал КГБ через «дружественные фирмы». Трансфер в 200 миллионов долларов был осуществлен в тот момент, когда официальный бюджет России на 1992 год составлял 148 миллионов долларов. В тот же год Гайдар перевел через другие каналы миллиардный заем из Международного валютного фонда, предназначенный для стабилизации экономики, на поддержку Евробанка – советского государственного банка в Париже и одного из финансовых столпов российской сети внешней разведки.

В первой половине 1990-х годов КГБ оставался закулисной силой. По-прежнему везде присутствовали агенты – их нанимали как торговых консультантов и руководителей отделов безопасности. До 1995 года нефтяной сектор оставался в руках

государства, а экспорт контролировался агентами внешней разведки КГБ.

— И это прослеживалось повсюду, во всех компаниях, во всех правительственных учреждениях, — говорил Кристиан Мишель. — Это были не отдельные частные лица, а целая сеть. Люди из КГБ контролировали такие сети, без них ничего бы не сдвинулось.

Вначале многие высшие чины КГБ, способствовавшие переходу к рыночным отношениям, ушли работать на молодых олигархов, которых сами же и взрастили в процессе горбачевских реформ. Иногда они просто являлись за своей долей, но в некоторых случаях хотели и власти.

— Они говорили: «Делаешь деньги и откатываешь нам», — заявил Юрий Швец.

Сориентировавшись в рыночных реформах правительства, заработав состояния и получив власть, молодые магнаты постепенно задвигали на задний план своих бывших спонсоров из КГБ. Казалось, рождается новая Россия, в которой вчерашние комсомольцы превращаются в сияющие символы новой эпохи капитализма. Ходорковский с командой банка «Менатеп» даже выпустил манифест, прославляющий ценности богачей: «Наши цели ясны, задачи определены — в миллиардеры. [...] Хватит жить по Ильичу. Наш компас — прибыль, наш кумир — Его Финансовое Величество Капитал. Богатство раскрепощает». 50 тысяч таких листовок раздали на улицах. Магнаты стремились выбиться в миллиардеры, хотели доказать, что в обогащении нет ничего плохого — и это после десятилетий коммунистической идеологии, когда получение прибыли считалось преступлением. Но «молодые волки» выбрали кратчайший и легчайший путь к богатству.

Реформы, которые претворяло в жизнь правительство Гайдара, должны были переключить Россию на рыночные отношения максимально быстро, невзирая на последствия. Консультантами выступили американские экономисты из Гарварда под руководством Джеффри Сакса. Он надеялся, что результаты превзойдут итоги реформ «шоковой терапии» в Польше, где стремительный переход на рыночную экономику был реализован за два года. Но в России развитие существенно тормозилось советским наследием. Гайдаровские реформаторы оказались в меньшинстве, а прогнившая система, в условиях которой запускались эти реформы, ударила по экономике. В выигрышной позиции были только такие, как Ходорковский, успевшие открыть банки в последние годы советской власти. Какое-то время казалось, что американские экономисты смирились и с этим. Они надеялись помочь вырастить новый класс предпринимателей и были готовы на все, чтобы ослабить хватку старой гвардии.

В ночь на 1 января 1992 года цены были освобождены. Новоиспеченные магнаты ринулись делать деньги, а правительство и население вступили в борьбу за выживание. Отпуск цен вызвал разрушительную гиперинфляцию, так как поставщики и производители пытались компенсировать наследие плановой экономики – дефицит. В отличие от Польши, где после первой волны инфляции все быстро нормализовалось, Гайдара ждала конфронтация с макиавеллевским главой Центробанка Виктором Геращенко. Прежде он занимал видные должности в различных советских зарубежных банках, финансировавших операции КГБ, и теперь просто продолжал печатать деньги, невзирая на обстоятельства. Цены на потребительские товары выросли на 400 процентов

и выше. Гиперинфляция серьезно пошатнула покупательную способность и лишила население последних сбережений, но Ходорковский и другие магнаты сумели выстоять. Через свои банки они получили доступ к твердой валюте и с легкостью переводили в доллары любые рублевые доходы.

Преуспели банкиры и на следующем этапе рыночной реформы – приватизации госпредприятий. Бывшие комсомольцы, воротилы черного рынка, организованные преступные группировки, агенты КГБ и директора госпредприятий были единственными игроками, кто успел перехватить денежные потоки и обладал солидными средствами для участия в так называемых массовых приватизациях. По словам Григория Явлинского, одного из самых принципиальных экономистов, выступавших за постепенное введение реформ, приватизация в условиях гиперинфляции лишь ускорила концентрации богатств в руках этой маленькой группы:

— Как можно проводить приватизацию, когда деньги исчезли как институт? В таком случае она может быть только преступной. Следующим шагом была преступная приватизация.

— Когда Гайдар начал приватизацию, все уже было конфисковано, – сказал политолог Глеб Павловский. – Самая большая ошибка премьер-министра была в том, что, приступив к реформам, он думал, что имеет дело с экономикой 1987 года. Но советской экономики к тому моменту уже не существовало.

Правительство Гайдара хотело сделать процесс приватизации общедоступным – рабочим раздавали ваучеры, которые можно было перепродать. Но чтобы выжить в условиях гиперинфляции, рабочие были вынуждены обменивать ваучеры на деньги или даже на хлеб.

Впрочем, самой легкой и крупной добычей магнатов стало предоставление банкам доступа к хранилищам наличности. Вместо того чтобы создать собственную казну, хранение стратегических средств российского бюджета на депозитных счетах государство доверило банкам, что стало для фаворитов Кремля схемой моментального обогащения. Они могли вложить миллионы государственных долларов в сверхприбыльные инвестиции или потратить их в приватизационных аукционах, а правительству оставалось сидеть и ждать, когда деньги вернутся. Жизненно важные программы – расходы на оборону, поддержка населения в опустевших регионах Крайнего Севера – замораживались, выплаты останавливались, а государство только раздавало пустые обещания. Правительство сидело на мели, а «молодые волки» от экономики изобретали хитроумные схемы, чтобы не платить налоги и таможенные сборы.

Новоявленные миллионеры оказались гораздо смекалистее своих наставников из КГБ и быстро адаптировались к новому рынку, превратившись в франкенштейновских монстров и обставляя своих создателей. Момент, когда контроль над экономикой безвозвратно перешел в руки магнатов, пришелся на середину 1995 года. Это был последний год перед первыми постсоветскими президентскими выборами. Казна правительства оставалась пустой, зарплаты и пенсии задерживались месяцами, рейтинги доверия Ельцину рухнули до ничтожных 6 процентов. Магнаты боялись возврата к коммунизму – в этом случае они лишились бы состояний и, весьма вероятно, свободы. Они давно присматривались к самым лакомым отраслям индустрии – крупным государственным промышленным предприятиям. Все уже приобретенное выглядело мелочью по сравнению

с огромными ресурсами, все еще находившимися под контролем государства.

Велеречивый отпрыск советского дипломата Владимир Потанин стал одним из главных банкиров страны. Он изобрел, казалось бы, гениальную схему: предложил молодым банкирам помочь ельцинскому правительству серией займов в обмен на акции крупнейших предприятий страны. Магнатам передавалось управление предприятиями и предоставлялась возможность продать акции, если правительство не сможет вернуть займы. Когда эта идея была озвучена, наблюдатели посчитали, что ее шансы на успех равны нулю. Слишком велик, говорили они, потенциальный риск коррупции, ведь у банкиров были все возможности перепродать акции самим себе.

Но у магнатов нашлись в правительстве влиятельные друзья. И лучшим из них был автор программы приватизации Анатолий Чубайс, рыжеволосый вице-премьер и близкий соратник Гайдара. Заручившись серьезной поддержкой команды экономистов из США, Чубайс намеревался любой ценой ослабить душащую экономику государственную хватку. Слишком много промышленных объектов все еще находилось во владении государства, во власти «красных директоров» и КГБ, а опасность возвращения коммунизма по-прежнему существовала. Если правительство одобрит предложение банкиров, это позволит создать новый класс собственников, а за счет займа в 1,8 миллиарда долларов заодно наполнит государственную казну. Магнаты же, в свою очередь, в предвыборной борьбе с коммунистами поддержат Ельцина и сохранят свои состояния. Чубайс верил, что это ознаменует окончательную победу либеральных реформаторов над старой гвардией.

Однако схема обернулась первородным грехом российской рыночной экономики, позорным пятном, замаравшим все и вся. После этого сама законность приобретения имущества неоднократно ставилась под вопрос. Приватизация осуществлялась по схеме «займы за акции», и эта внутренняя сделка способствовала передаче национальных ресурсов в руки молодых банкиров по бросовой цене. Новоиспеченные магнаты обыграли своих наставников из КГБ: они были более гибкими, лучше разбирались в финансах и, благодаря стремительному росту их банков и размещенным государственным депозитам, имели неограниченный доступ к наличности. Сотрудники КГБ и «красные директора» объединили усилия, но победить смогли только в двух аукционах, где торговали акциями нефтяных компаний: 5% за «Лукойл» и 40% за «Сургутнефтегаз». Руководству заводов стоило больших усилий отбить атаку молодых банкиров. Ближайший аэропорт к Сургуту, где проводились торги, был закрыт, а вдоль главных дорог вооруженные охранники блокировали проезд.

Но большая часть остатков советской индустрии перешла в руки новоявленных банкиров через подставные аукционы. Потанин получил вожделенный приз – контрольный пакет акций крупнейшего мирового производителя никеля и платины «Норильский никель» – огромного завода за Полярным кругом. Доходы предприятия в 1995 году составляли 1,2 миллиарда долларов. Завод удалось заполучить, выдав правительству заем всего на 170 миллионов долларов, а затем, после победы Ельцина на выборах, как и ожидалось, обнищавшее правительство вернуть его не смогло, что позволило Потанину выиграть аукцион за сумму, лишь слегка превышающую размер займа. Ходорковский долгое время примеривался к компании

ЮКОС, которой принадлежали крупнейшие месторождения в Западной Сибири, и получил ее в управление, предоставив правительству заем на 159 миллионов долларов в обмен на 45% акций, а затем в качестве инвестиций в дополнительные 33% выплатил еще 150 миллионов. Другой нефтяной гигант, «Сибнефть», ушел за 100 миллионов долларов Борису Березовскому, на тот момент он уже контролировал продажи крупнейшего автопроизводителя России и возглавлял собственный банк. Большинству этих банкиров едва исполнилось тридцать, но при содействии симпатизирующих им правительственных чиновников они смогли заложить основы состояний, которые через несколько лет будут стоить миллиарды, а затем – и десятки миллиардов долларов. Чуть позже Березовский хвастался тем, что семерка банкиров сумела взять под контроль 50% национальной экономики.

Залоговые аукционы ознаменовали собой серьезный сдвиг в экономике. Именно этот процесс превратил обычных банкиров во владельцев крупнейших активов страны и открыл им доступ к серьезным денежным потокам.

— Именно тогда они начали создавать себя заново, – сказал Кристиан Мишель. – Они заполучили реальные активы и теперь значили гораздо больше, чем банки.

К концу 1990-х годов магнаты начали разбираться с советским наследием – убыточными производствами, бесконечными долгами и халатностью. Но для спецслужб, выпестовавших этих новых миллиардеров, залоговые аукционы стали точкой невозврата, они были не готовы ни простить, ни забыть. Это и определило последующий реваншизм КГБ. Раньше люди из госбезопасности, оставаясь в тени, контролировали основные денежные потоки, которые

приносила торговля нефтью, но теперь их сместили, и контроль за финансами оказался для них вне зоны досягаемости.

— Переход контроля в руки магнатов стал поворотной точкой, — сказал Райр Симонян. — Это изменило всю парадигму.

Впрочем, в те дни короли нового российского порядка были опьянены своими успехами. Они быстро превращались в олигархов и усиливали свое влияние на слабеющее правительство Ельцина. Последние представители старой гвардии были изгнаны из правительства в ходе скандалов, сопровождавших предвыборную президентскую гонку, и лидирующие позиции заняли прозападные реформисты типа Чубайса. Ошеломленный успехом своей схемы «займы за акции», Потанин занял пост вице-премьера, Березовский — секретаря Совета безопасности, а Чубайс — руководителя администрации президента. Это был апофеоз. Казалось, теперь страна принадлежит им. КГБ отступил.

Но, как сказал Юрий Швец, «олигархи забыли, кому они должны». В стремлении укрепить свои позиции и сосредоточить в своих руках еще больше богатств, они не замечали, что из Санкт-Петербурга потянуло холодком. Там дела вершились иначе. Вдали от московской золотой лихорадки и экономического бума в городе с более жесткой экономикой КГБ имел гораздо больше возможностей в борьбе за денежные потоки.

Глава 3

Вершина айсберга

Санкт-Петербург

На юго-западной окраине Санкт-Петербурга, где Финский залив сливается с Балтийским морем, над изящными фасадами вытянувшихся вдоль берега дореволюционных дворцов высятся горы контейнеров и краны. На островке в ожидании танкеров лежат груды металлической и деревянной стружки, а на другом берегу канала красуются чудом сохранившиеся здания из красного кирпича – когда-то здесь размещались таможня и склады самых зажиточных дореволюционных торговцев. Западнее расположилась бетонная дамба, ведущая к Золотым воротам – нефтяному терминалу, ставшему центром самых кровавых бандитских разборок 1990-х годов.

На архипелаге этих островов раскинулся петербургский морской порт, сыгравший в российской истории важную роль. Основав в начале XVIII века Санкт-Петербург, Петр I собирался превратить его в крупнейший морской порт России и сделать связующим звеном между необъятными евразийскими землями империи и рынками Запада. Тысячи крепостных трудились и умирали на топких болотах ради того, чтобы здесь выросли особняки в стиле барокко и появились красивые каналы. Санкт-Петербург должен был стать «окном в Европу», само появление которого поставило бы жирную точку на средневековом азиатском прошлом страны, независимо от цены, которую пришлось заплатить.

Корабли с тканями, чаем, шелками и специями прибывали сюда из колониальных империй Запада, а богатства российской империи – древесина, меха, пенька и поташ – отправлялись на Запад. Купцы и аристократы Санкт-Петербурга процветали, население города росло, но его положение постоянно ухудшалось. На принизывающем северном ветру и под ледяным дождем докеры перетаскивали корабельные грузы на своих спинах. В 1917 году Владимир Ленин призвал рабочих свергнуть Временное правительство, и портовые грузчики оказались в авангарде революции. Ленинград пережил блокаду нацистов во времена Второй мировой войны, и на линии фронта оказался порт, где развернулась борьба за выживание.

Когда Россию сотрясла третья за XX век революция, порт Санкт-Петербурга снова сыграл решающую роль – стал отправной точкой для возникновения альянса КГБ с организованной преступностью под протекцией вице-мэра города Владимира Путина. Он тесно общался как с лидером ОПГ, который руководил операциями, так и с нефтяным трейдером, монополизировавшим экспорт на терминале. Эти отношения крепили, а изощренная схема бартерных и экспортных сделок стала моделью будущей России.

В начале 1990-х годов порт считался одним из самых опасных мест города: именно там постоянно случались бандитские перестрелки и ожесточенные схватки за наличные.

— История морского порта – это грязная история преступности, – сказал один из бывших чиновников Ленсовета.

— Порт стал совершенно криминальным местом. Там много стреляли, – вспоминал представитель крупнейшей Тамбовской ОПГ.

В итоге победил альянс представителей ОПГ и КГБ – в девяностые годы именно они проворачивали свои дела в Санкт-Петербурге. Владимир Путин стал ключевой фигурой группировки. Если в Москве силы КГБ в основном оставались в тени, то в Санкт-Петербурге их деятельность стала весьма заметной. По масштабу экономики Петербург был в разы меньше Москвы, за наличность шли отчаянные сражения, а мэрия опутала своими щупальцами практически весь городской бизнес. Мэр Анатолий Собчак почти не интересовался повседневной жизнью города, что и стало основной причиной роста влияния КГБ. Он передал решение всех внутригородских вопросов Путину, который возглавлял комитет по внешним связям, и тот заполучил контроль над всей торговлей и бизнесом города. Второй заместитель Собчака Владимир Яковлев отвечал за экономические вопросы.

Собчак и его заместители перевели мэрию из Мариинского дворца, где раньше заседал демократически настроенный городской совет, в извилистые коридоры Смольного, где со времен ленинской революции городом правили коммунисты. Наследие они оставили ужасающее: опустошенная городская казна, пустые полки магазинов, гниющее на обочинах зерно. Ситуация усугублялась последними неурожайными годами. Мэрии пришлось разбираться не только с продовольственным кризисом, но и с резким ростом преступности. После развала СССР страна погружалась в хаос, властные институты исчезали, а их место занимали организованные преступные группировки, практикуя рэкети́рство и захватывая торговлю.

Собчак, восседающий в своем кабинете за величественными колоннами ветшающего фасада Смольного, был не в состоянии справиться с ситуацией, ухудшающейся день ото дня. Он был

убедительным и впечатляющим оратором, но его отношения с обломками правоохранительной системы города оставляли желать лучшего.

— Собчак был придурком, — сказал офицер КГБ, работавший вместе с Путиным в Санкт-Петербурге. — Он любил влезть в дорогой костюм и часами толкать речи. Ему нравилась вся эта атрибутика власти, а его жена хотела жить, как аристократка. Ему нравилось кататься на лимузинах — но кому-то надо было и работать. Кто-то должен был убирать дерьмо с улиц и разбираться с бандитами.

Немногие правоохранители готовы были вообще отвечать на звонки Собчака.

— Бывший шеф питерского КГБ даже в одну с ним комнату не заходил, — сказал отставной комитетчик. — Попробовали бы вы объяснить ему, как работает система безопасности, — это как объяснять ядерную физику. Но Путин мог объяснить все. Ему можно было сказать: «Володя, у нас тут и тут сложилась ситуация». И когда он звонил милиционерам, чтобы разобраться, они готовы были с ним говорить и не бросали трубку.

Так что Собчак полагался на Путина, а тот отвечал за коммуникацию с высшими чинами КГБ: его бывший наставник Виктор Черкесов из великого и ужасного 5-го Управления ленинградского КГБ стал новым руководителем Санкт-петербургского ФСБ.

— Он мог позвонить и сказать: «Сделайте то-то и то-то, иначе вас ждет кошмар», — рассказывал бывший офицер КГБ. — Он мог договориться с генералом, прежде руководившим спецназовцами, а тот давал ему дельные советы и даже

обеспечивал поддержку. У этих людей были связи. Система рухнула, но часть ее устояла.

То, что родилось из разрухи, хаоса и неэффективной работы Собчака, превратилось в союз Путина и его кагэбэшных соратников с организованной преступностью, которая стремилась прибрать к рукам городскую экономику. Порядок наводился не ради блага жителей города, а ради собственных выгод. К тому же разруха давала шанс для обогащения, а Путин и его компания видели в ней возможность создать стратегический запас, который позволил бы сохранить структуры и связи организации. Формирование такого запаса основывалось на бартерных схемах работы КГБ с «дружественными фирмами». Позже эти схемы были распространены на морской порт, а затем – и на нефтяной терминал. Управление осуществлялось силами петербургских представителей Тамбовской ОПГ. Как утверждал бывший офицер ФСБ, бизнес строился на «рейдерских захватах и убийствах»:

— У тамбовских все руки в крови.

Ближе к концу 1991 года Марина Салье заметила нечто странное. Убежденная демократка, на тот момент – главный соперник Собчака и претендент на место демократического лидера в Санкт-Петербурге, она получила от горсовета задание разобраться с продовольственным кризисом. Ей – за пятьдесят, она – геолог по профессии. Пушистые седеющие волосы, пристальный взгляд, черные круги под глазами – бесстрашная Салье была неутомима. Той осенью ей удалось убедить власти ввести систему продовольственных карточек. Нормирование продовольствия вводилось впервые с голодных и страшных дней

блокады. Теперь же Салье предложила бартерную схему обмена сырья на импортируемое продовольствие. Казалось, это единственный выход из тупика. Систему уже одобрили на федеральном уровне, так как кризис грозил всей стране. Правительство начало распределять квоты, позволяющие в обмен на продовольствие экспортировать установленные объемы ресурсов госпредприятий – например, металлов, нефтепродуктов и древесины. Но когда Салье заговорила в мэрии о вводе экспортных квот, ей по секрету сообщили, что комитет по внешним связям их уже распределил.

— Какие квоты? Где квоты? Толком никто ничего не знал, – сказала она интервьюеру.

Попытка получить какую-то информацию от мэрии завершилась ничем – ее письма просто игнорировали. Она обнаружила, что схема работала как минимум с начала декабря, но об этом никому не сообщили. Огромной проблемой являлось то, что предполагаемое импортируемое продовольствие было негде взять. Город вступал в новый год, а запасов еды оставалось на месяц.

Салье направила парламентский запрос с требованием предоставить информацию по сделкам. Наконец Владимир Путин отреагировал – выступил в горсовете и на голубом глазу заявил депутатам, что это коммерческая тайна. Однако это разительно отличалось от документов, которые Салье в ходе собственного расследования получила из государственной таможни и других учреждений.

Когда пазл сложился, выяснилось, что возглавляемый Путиным комитет передал лицензии на экспорт более 95 миллионов долларов сети подставных компаний, однако продовольствие в город так и не пришло. Следующая серия

экспортных квот на 900 миллионов долларов была выдана федеральным правительством, включая 717 миллионов на алюминий. Нельзя точно утверждать, что Путин по собственной инициативе раздал и эти дополнительные квоты, поскольку Салье не получила доступа к документации. Но она подозревала, что именно так и произошло.

Салье вместе с заместителями принялась изучать документы. Назревал скандал. Государственные таможенники и представители министерства иностранных дел в Петербурге обратились к Путину с жалобой на выдачу экспортных лицензий в нарушение действующих законов о бартерных сделках. Экспертное мнение комитета Салье было следующим: участвовавшие в сделке компании имели настолько мутную репутацию, что могли исчезнуть сразу после получения выручки. За свои услуги они получали огромные комиссионные – 25–50% от стоимости сделки вместо обычных 3–4%. Некоторые контракты позволяли им закупать сырье по цене гораздо ниже рыночной. Одну такую квоту Путин выдал предприятию, открытому всего за два месяца до начала работы схемы, она давала право на приобретение 13 997 кг редкоземельных металлов по цене в две тысячи раз ниже рыночной, что после продажи на мировых рынках приносило огромную прибыль.

Схема, вскрытая Салье, была идентична практике совместных предприятий, которая применялась Комитетом в последние дни существования СССР: потоки сырья вывозились из страны через государственные предприятия и выкупались по внутренним ценам, а прибыли от последующих торгов, существенно превышавшие цену закупки, оседали на заграничных банковских счетах. В те дни любое предприятие,

намеревающееся заняться экспортом сырья, должно было получить лицензию от министерства внешней торговли, ряды которого пополнялись сотрудниками КГБ. Когда в попытке предотвратить надвигающийся гуманитарный кризис правительство запустило ряд бартерных схем, сделки осуществлялись аналогичным путем. Однако у Путина имелось специальное разрешение на выдачу собственных квот, лицензий и контрактов в рамках городской схемы «сырье в обмен на продовольствие», и он не был обязан согласовывать свои действия с министерством. Разрешение выдал Егор Гайдар и министр внешней торговли Петр Авен. Последний решил воздержаться от критики Путина, когда эти сделки стали объектом пристального внимания.

Один из контрактов Путин передал советско-финскому совместному предприятию «Сфинкс»: в конце декабря 1991 года в обмен на 200 тысяч тонн фуражного зерна оно получило квоту на торговлю дизтопливом, цементом и удобрениями. Другим предприятием оказалось советско-немецкое «Тамиго», получившее лицензию на торговлю 500 тонн меди в обмен на поставки сахара и пищевого масла. Предприятие «Джикоп», получившее контракт на приобретение 13 997 кг редкоземельных металлов по цене в две тысячи раз ниже рыночной, находилось в совместном управлении, одним из ответственных лиц был брат университетского однокурсника Путина. Их объединяла любовь к боевым искусствам. Еще одним получателем квот на дизельное топливо стала фирма «Интеркоммерц» под руководством Геннадия Мирошника, осужденного преступника, который участвовал в схеме перекачки 20 миллионов дойчмарок из средств, выделенных на вывод вооруженных сил СССР из ГДР. Впоследствии жена

Путина Людмила рассказывала друзьям, что «Интеркоммерц» был связан с восточными немцами, с которыми ее муж познакомился в Дрездене.

Как заявил тогдашний глава горсовета Санкт-Петербурга Александр Беляев, курировавший расследование Салье, «бартерные сделки раздавались его друзьям».

— Квоты раздавались тем, кому Путин доверял. Законных тендеров не проводилось, и было понятно, что квоты получают те, кого Путин знает лично и кого можно контролировать. Что касается нефтепродуктов, то они в основном шли из Киришей. Практически они стали монополистами — Тимченко, Катков, Малов.

Люди, с которыми Путин проворачивал сделки, очевидно, представляли собой не просто компанию друзей. Непоседливый и очаровательный Геннадий Тимченко бегло говорил по-немецки и по-английски и немного владел французским. Вместе с партнерами Андреем Катковым и Евгением Маловым он открыл нефтеторговую фирму «Киришинефтехимэкспорт». Это произошло в тот момент, когда в 1987 году Горбачев ввел послабления на торговлю, предоставив семидесяти организациям, включая нефтеперерабатывающий завод в Киришах под Ленинградом, право на торговлю вне рамок советской монополии. На своих предыдущих постах в министерстве внешней торговли Катков и Малов занимались в основном составлением документов на экспортные сделки и теперь не упустили шанс начать собственный бизнес. Тимченко, как гласит его официальная биография, работал главным инженером в министерстве внешней торговли. Он вместе с Путиным изучал немецкий язык в Академии КГБ, потом Путина направили в Дрезден, а Тимченко — в Вену

и Цюрих, где он, по словам двух отставных высших офицеров внешней разведки, работал в качестве агента под прикрытием в советских торговых организациях. Если судить по словам третьего офицера в отставке, который дал интервью российской газете «Ведомости», возможно, Тимченко отправляли в Европу заниматься банковскими счетами, на которых хранились средства для финансирования сетей и нелегалов КГБ.

— Не исключаю, что на тот момент Тимченко был знаком с Путиным, — усмехнувшись, сказал один из бывших офицеров.

Тимченко всегда отрицал наличие связей с КГБ, называя их выдумкой. Но один крупный близкий к спецслужбам банкир тоже утверждал, что Тимченко контактировал с Путиным во время его службы в Дрездене. Тимченко отрицал и то, что фирма «Киришинефтехимэкспорт» имела какое-то отношение к скандально известным сделкам «сырье в обмен на продовольствие», и добавил, что все операции были «законными и прозрачными». Однако один из бывших партнеров Тимченко рассказал мне, что фирма все же участвовала в данной схеме, и это подтвердили два других партнера. Все трое утверждали, что все импортируемое продовольствие доставлялось в Санкт-Петербург. Но в конце концов схема потерпела катастрофу: выяснилось, что импортировалась лишь малая часть продовольствия. Салье подозревала, что средства пошли на сохранение агентурных сетей КГБ. Как она сказала своим друзьям, ее запрос обнажил лишь «вершину айсберга». Она полагала, что под ней скрывается разветвленная структура, выросшая на заграничных резервных деньгах КГБ, на сетях, из которых и появилась эта схема.

Оказывается, Салье была права.

— Салье — дура! Все это было. Это абсолютно нормальные торговые операции. Но как это объяснить безумной климактеричке?

В мае 2013 года, через двадцать с лишним лет с момента внедрения той схемы, высокопоставленный сотрудник Управления внешней разведки КГБ Фелипе Туровер рассказал мне историю о том, как он помогал Путину реализовывать схему «сырье в обмен на продовольствие» в Санкт-Петербурге. Мы сидели на залитой солнцем террасе кафе в Боадилья-дель-Монте, сонном торговом городке у подножья гор в окрестностях Мадрида. Схема, официально представленная в начале девяностых годов как механизм, позволявший обеспечить город необходимым продовольствием, по его словам, фактически имела иную цель. На самом деле никакого импорта продовольствия даже не предполагалось. Возникли более серьезные проблемы, и их нужно было решать в первую очередь:

— А этот доклад Марины Салье — полная брехня. Все было абсолютно не так. Ситуация приближалась к катастрофе. Отсутствовало федеральное финансирование проектов, а в Москве только пили и воровали. Чтобы все не рухнуло, нам пришлось что-то предпринимать. Представьте себе корабль без капитана, вы поворачиваете штурвал, а корабль заваливается. Примерно так оно и было. Если бы мы не начали работу, Санкт-Петербург утонул бы в дерьме.

Сложенный, как бодибилдер, с бритой головой, в темных очках, Туровер демонически смеется. Он — просто кладезь историй о временах краха СССР. Его отец преподавал языки в Краснознаменной Академии КГБ и работал переводчиком у Леонида Брежнева. Другом отца был бессменный итальянский

премьер-министр Джулио Андреотти. В советские времена Туровер работал с Владимиром Осинцевым, легендарным комитетчиком, который возглавлял группу парттехники при международном отделе ЦК КПСС – отвечал за черные операции и внедрение нелегалов в странах, где коммунистические партии были запрещены. В хаосе, последовавшем после развала Союза, Туровер должен был найти возможность выплатить долги «дружественным фирмам», составляющим основу тайных финансовых схем КГБ и участвовавшим в операциях влияния КПСС за границей. Многие фирмы поставляли в СССР необходимое оборудование, в том числе для энергетической инфраструктуры, и продавали его по рыночным ценам.

Проблема была в следующем: после краха Союза Россия унаследовала все внешние долги бывших советских республик, забрав их в обмен на их заграничное имущество, а затем объявила себя банкротом. На все внешние долги был объявлен международный мораторий. Туроверу же предстояло обойти запреты и тайно выплатить долги «дружественным фирмам». Он заявил, что именно для этого и были придуманы бартерные схемы. В итоге, как свидетельствуют документы, он организовал платежный канал через небольшой швейцарский банк в Лугано.

— Не могли же мы сказать, что заплатили кому-то и не заплатили «Филипп Морис», – сказал он. – Это не мелочи. Какие-то вещи нужно было оплачивать, и быстро. Если бы мы не оплатили оборудование для атомных заводов, случилась бы катастрофа. Когда страна перестает существовать, поставки прекращаются.

Как сообщил Туровер, его направили в Санкт-Петербург на помощь Путину в создании собственной схемы выплат долгов в пользу некоторых «дружественных фирм». Одной из них было

итальянское предприятие Casa Grande del Favore – инженерная компания, выполняющая сложные операции по ремонту сливных систем каналов Санкт-Петербурга:

— Нужно было платить, потому что иначе Петербург залило бы дерьмом по самые купола.

Он посоветовал Путину внедрить схему «сырье в обмен на продовольствие», потому что, как он утверждал, для быстрых выплат нужны были работающие инструменты.

Туровер признал, что с самого начала целью этой схемы был не импорт продовольствия, а создание городского фонда в твердой валюте. Но без дополнительных проверок невозможно определить, ушли средства на оплату долгов «дружественным фирмам» или были потрачены на поддержание агентурных сетей КГБ за границей. Туровер заявил, что другого способа не существовало, так как положение Внешэкономбанка (ВЭБ) было близко к катастрофическому. В январе 1992 года, когда правительство объявило о дефиците средств, все счета банка оказались замороженными.

— Это была чистая необходимость, – сказал Туровер. – Другого способа покрывать расходы города не существовало. Любые счета в твердой валюте, имеющие отношение к мэрии, как и все остальные, были бы заморожены – из-за банкротства СССР. Если бы средства хранились на счетах города, результат был бы примерно таким же, как если бы средства хранились в ВЭБ. Но если деньги хранились на заграничных счетах в Лихтенштейне, оплату можно было произвести сразу.

Центробанк России действовал по той же схеме: переводил сотни миллиардов из государственных резервов в твердой валюте через крошечную офшорную фирму в Джерси «Фимако», появившуюся лишь в ноябре 1990 года. Это

случилось вскоре после того, как Ивашко инициировал создание «невидимой экономики». Как позже заявил глава Центробанка, тайные переводы денег через «Фимако» были необходимы, иначе после объявления банкротства СССР их бы отняли. Деньги ушли на выплаты внешних долгов советской международной банковской системы.

Но эти транзакции никто не отслеживал, и многие подозревали, что деньги использовались в основном не на погашение долгов, а на финансирование агентурных сетей КГБ за границей. По многим признакам становится очевидно, что манипуляции Центробанка с «Фимако» и схема «сырье в обмен на продовольствие» создавались по одному лекалу.

— Ну, конечно, часть денег он использовал. Ему приходилось их тратить и распределять, нужно было ездить, платить за гостиницы, чем-то питаться.

Фактически в те годы был создан *общак* — так в уголовной среде называется общий котел с наличностью, или резервный фонд, принадлежащий одной банде. Модель строилась по принципу раздачи благ людям из числа жестко контролируемых союзников, однако границы между тратами на стратегические операции и тратами на личные нужды исчезли. Такая модель стала основой клептократии режима Путина, а впоследствии использовалась также в таких операциях влияния, как тайные агентурные сети и системы платежей КГБ.

Салье как политическая фигура потерпела поражение. Собчак наложил запрет на любое расследование схемы «сырье в обмен на продовольствие», автором которой был его протеже. В середине девяностых годов Салье переехала в Москву, и ее голос затерялся в столичном шуме. Однако накануне избрания Путина президентом она снова оказалась в центре внимания,

опубликовав первую подробную статью на основе расследования о сделках под названием «Путин – президент коррумпированной олигархии». И хотя в среде либералов это расследование произвело фурор, в масштабе страны оно не имело никакого эффекта. После выборов она переехала в провинциальное местечко почти у финской границы. Немногочисленные журналисты, желающие взять у нее интервью, добирались до нее по ухабам проселочной дороги. Расследование этой схемы оставалось делом ее жизни до последних дней. Она умерла в 2012 году, через несколько недель после того, как Путин начал свой третий президентский срок. Она понимала, что в тех сделках режим впервые показал свое истинное лицо.

Подводник, солдат, трейдер, шпион

Люди из КГБ, вместе с Путиным получившие контроль над Санкт-Петербургом, гораздо лучше разбирались в коммерции, чем представители предыдущего поколения. Несмотря на то, что они оплакивали падение советского режима, многие представители второго эшелона спецслужб сумели оценить идеи капитализма и отказаться от догм Коммунистической партии. Молодое поколение считало, что именно коммунизм развалил империю, оставив их в холоде и голоде в Афганистане и бросив на произвол судьбы в ГДР.

— Они считали, что коммунистический режим их предал, — сказал Андрей Илларионов.

Своим становлением эти люди были обязаны КГБ и операциям, запущенным в последние годы советской власти. В ходе операций создавались сети из иностранных фирм. Все это

делалось в строжайшей секретности, поэтому можно предположить, что методы восьмидесятых годов с самого начала напоминали операции по отмыванию денег.

Покончив со схемой «сырье в обмен на продовольствие», соратники Путина переместились в морской порт, который вместе с нефтяным терминалом и флотом изначально был частью огромной государственной компании «Балтийское морское пароходство» (БМП). Для питерских комитетчиков БМП долгое время являлось стратегическим активом, а история его захвата людьми Путина неразрывно связана с историей укрепления союза между мэрией и Тамбовской преступной группировкой. В советские времена кагэбэшники разъезжали на кораблях пароходства – прикрытием служила должность помощника капитана. Им были доподлинно известны все маршруты, составы грузов, контрабандные схемы и вырученные на этом суммы. В те славные времена сотни кораблей отправлялись из Ленинграда с нефтепродуктами, металлами и зерном, а привозили фрукты, сахар и контрабанду из Южной Америки – последнее было важно для подпольных операций и получения выручки. В те дни БМП обеспечивало стратегический денежный поток города. Даже в 1991 году, когда рухнул Союз, чистые доходы БМП исчислялись сотнями миллионов долларов. БМП не только владело почти двумя сотнями пассажирских и грузовых судов, но и отвечало за весь Ленинградский морской порт, включая нефтяные терминалы, а также за ближайшие порты в Выборге и Калининграде. Все это было залогом процветания города.

Во времена ельцинской революции Балтийским морским пароходством руководил убежденный либерал Виктор Харченко. В ходе горбачевских реформ он получил от

правительства разрешение на переоформление части компании в собственность. С квадратной челюстью и массивным телосложением, Харченко становился все более независимым. Его детство прошло в детдоме, а теперь он стал одним из самых уважаемых предпринимателей города. В 1990 году он арендовал БМП у государства, которое удерживало 50% прибыли на реинвестирование. Харченко стал близким соратником Ельцина, а после августовского путча и крушения советского режима бесцеремонно вышвырнул из парходства всех людей из КГБ. Пока питерские кагэбэшники отчаянно пытались сохранить контроль над денежными потоками, Харченко строил собственную империю.

На подготовку реванша у КГБ ушел год – мешала неразбериха после краха СССР и попытки ОПГ получить доступ в порт и нефтяной терминал. Все началось поздним февральским вечером 1993 года, когда Виктор Харченко возвращался из Москвы со встречи с Ельциным. Правоохранители остановили поезд, на котором он ехал, выволокли его из вагона, предъявили обвинение в хищении у БМП 37 тысяч долларов и упрятали в тюрьму. Через четыре месяца Харченко выпустили под залог, но к тому моменту его уже сместили с руководящего поста БМП, на его место поставили своего директора и распродали весь флот многочисленным офшорным компаниям. В процессе один из директоров БМП был застрелен.

— Это был настоящий рейдерский захват, – сказал партнер Харченко. – Они распродали все суда за копейки. Все исчезло. Они вывезли из страны все.

Бывшие коллеги Харченко до сих пор боятся говорить о том, что тогда случилось и кто стоял за захватом. Но следы местного

КГБ остались повсюду.

— Нужно было лучше замечать следы, — сказал партнер. — А они плевать на все хотели. Просто взяли и разграбили ВМП.

Затем порт и нефтяной терминал были выведены из состава Балтийского морского пароходства, оформлены как самостоятельные предприятия и приватизированы питерской мэрией.

— БМП лишилось портовых стен, — сказал партнер Харченко.

Подводник

Мэрия начала процесс приватизации акций морского порта. Илья Трабер, предположительно питерский бандит, которого испанская прокуратура позже идентифицирует как члена Тамбовской преступной группировки, даром времени не терял. С началом распродажи его люди принялись скупать у портовых рабочих акции, так называемые ваучеры. Сам процесс шел с чудовищными нарушениями.

— Во время приватизации порта законы то и дело преступались, — сказал бывший партнер Трабера. — Но все это скрывалось.

Похоже, Трабер был в выигрышном положении с самого начала. Согласно документам, государство оставило себе 49% акций порта: 20% — через федеральное министерство имущества и 29% — через мэрию Санкт-Петербурга. Но клерк из городского департамента имущества каким-то образом лишил мэрию права голоса на 29-процентную долю «неправильной подписью», оставив Траберу и его соратникам возможность делать все, что они пожелают.

— Рейдерский захват не случился бы без поддержки мэрии, — сказал бывший офицер ФСБ.

После ряда ожесточенных разборок Трабер стал главным посредником между питерским КГБ и Тамбовской группировкой, а также установил контроль над нефтяным терминалом.

Впервые он появился в Ленинграде в начале восьмидесятых годов после демобилизации — он служил офицером на атомной подлодке. Плотный и кряжистый, с толстой шеей и близко посаженными глазами, он устроился в бар «Жигули» — излюбленное место ленинградских бандитов и воротил черного рынка: работал барменом и администратором, а попутно приторговывал валютой и антиквариатом царской эпохи. Вскоре он захватил этот рынок, получив кличку Антиквар. К концу восьмидесятых годов Трабер вывел свой бизнес из подполья и открыл на Невском проспекте роскошный антикварный магазин. Затем подружился с новоизбранным мэром Анатолием Собчаком и его женой Людмилой Нарусовой, они стали его частыми гостями. Тесные отношения с Трабером продолжались и после того, как Собчак покинул мэрию.

Трабер всегда активно сотрудничал и с местным КГБ: вряд ли он смог провозить контрабандный антиквариат без поддержки Комитета.

— Понятно, что у него были хорошие отношения с правоохранительными органами, — сказал высокопоставленный чиновник горсовета.

А офицер ФСБ из отдела по борьбе с контрабандой заявил, что Трабер «вел дела и с Тамбовской группировкой».

Солдат

В то время Тамбовская группировка была самой влиятельной преступной организацией города. Ее лидер Владимир Кумарин отбыл срок после ожесточенной стычки с другой мафиозной группировкой. После его освобождения тамбовцы с помощью Путина, Трабера и других начали прибирать к рукам весь топливный и энергетический бизнес города. Столкновения противоборствующих группировок продолжались: в 1994 году Кумарина пытались взорвать, и он лишился руки. Однако к тому моменту он уже успел основать Петербургскую топливную компанию (ПТК), которая стала монопольным дистрибьютором нефти в Петербурге. В это время Илья Трабер осваивал морской порт и нефтяной терминал, выступая от лица Тамбовской группировки. (Позже прокуратура Испании установит, что Трабер был совладельцем ПТК вместе с Кумариным .) Фактически Трабер представлял темную сторону мэрии.

Путин же в этих маневрах, был, похоже, ключевой фигурой, отвечающей за логистическую поддержку от мэрии. Он работал со своим доверенным лицом и заместителем Игорем Сечиным – тот дежурил в приемной и встречал посетителей. Именно Путин выдавал лицензии, которыми воспользовался Трабер для установления контроля над портом и нефтяным терминалом. Именно Путин заключил с Кумариным и его ПТК эксклюзивный контракт на поставку топлива для машин скорой помощи, автобусов, такси и милицейского автопарка.

Первым свидетельством сотрудничества Путина с Тамбовской группировкой стала регистрация в конце лета 1992 года российско-германского совместного предприятия St Petersburg Immobilien Aktiengesellschaft (SPAG) в комитете по внешним связям; предприятие создавалось для инвестирования в городскую недвижимость. Позже немецкая прокуратура

предположила, что SPAG стало механизмом для отмыwania незаконных средств Тамбовской группировки и колумбийского наркокартеля. Во время работы вице-мэром Путин входил в экспертный совет SPAG. В Кремле заявили, что это была одна из многих «почетных» должностей, которые он занимал на своем посту. Однако один из основателей SPAG сказал, что встречался в Санкт-Петербурге с Путиным пять или шесть раз для обсуждения деловых вопросов, касающихся SPAG.

Трейдер

Геннадию Тимченко тоже было жизненно необходимо получить доступ к нефтяному терминалу. Он гордился своим умением убеждать и, раздавая интервью, часто объяснял свой успех талантом продать что угодно и кому угодно. Он родился в семье советской элиты. Его отец был высокопоставленным военным офицером, и детство Тимченко провел в Восточной Германии. Знание немецкого помогло ему получить работу в сфере внешней торговли и, по словам бывших партнеров, продвинуло в ряды КГБ, где он, как предполагается, работал под прикрытием в качестве торгового представителя в Вене и в Швейцарии. Ему удалось наладить партнерские отношения с высокопоставленным комитетчиком Андреем Панниковым. Плотный, с широкой улыбкой и огромными, как сковородки, ладонями, Панников изучал офшорное финансирование в Институте советской торговли, затем с благословения шефа внешней разведки КГБ Леонида Шебаршина открыл первое совместное предприятие и получил лицензию на экспорт нефтепродуктов в обход советской монополии. Принадлежавший Тимченко «Киришинефтехимэкспорт»

образовал партнерство с компанией «Юралс» Панникова, после 1990 года Тимченко какое-то время руководил представительством «Юралс» в Финляндии. По отчетам французской разведки, изначально компания была основана в восьмидесятых годах Комитетом госбезопасности как часть сети для переводов активов Коммунистической партии. Впрочем, Тимченко это отрицал.

Но даже с такими связями Тимченко и Панников два года не могли подобраться к петербургскому терминалу. Не только потому, что он частично принадлежал Харченко, но и потому, что с уходом советской власти терминал стал местом жестоких разборок между воюющими группировками города. Нефтеторговая компания, сооснователем которой стал Тимченко, была торговым представителем нефтеперерабатывающего завода в Киришах, относящегося к «Сургутнефтегазу», и открывала доступ к поставкам. Однако без доступа к петербургскому терминалу нефть пришлось бы транспортировать по железной дороге в порты в Эстонии или Финляндии, что увеличивало издержки.

Обретение контроля над экспортом через петербургский терминал было настолько важным, что Тимченко обратился за помощью к Путину. В январе 1992 года при содействии компании «Юралс» Панникова он открыл совместное предприятие «Золотые ворота» под эгидой возглавляемого Путиным комитета по внешним связям. Это позволяло обойти существующий терминал, который осаждали бандиты и контролировал Харченко, и привлечь западное финансирование для строительства нового терминала.

В этот момент связь между Путиным и Тимченко впервые стала очевидной. Почти год Путин обсуждал с французским

банком BNP Paribas возможность получения льготного кредита на строительство нового терминала под залог экспорта «Юралс», но переговоры окончились ничем: один из главных переговорщиков в Париже бывший офицер КГБ Михаил Гандорин умер за считанные дни до одобрения кредита.

— Выглядело так, будто ему что-то дали, — сказал один из участников переговоров. — Он звонил мне за два дня до смерти и не мог говорить.

Тем летом еще одному представителю группы «Золотых ворот» — Сергею Шутову — угрожали и велели держаться подальше.

Проект казался лакомым куском сразу нескольким мафиозным структурам Петербурга, включая Тамбовскую группировку: все они стремились заполучить контроль над прибылями, которые сулил существующий терминал. Напряжение настолько возросло, что, по словам двух западных банкиров, в целях безопасности Путин отправил обеих дочерей в Германию. Свидетельств участия Тимченко в стычках, сопровождавших захват Трабером терминала и порта, не существует. Однако в итоге вместо строительства нового терминала он монополизировал экспорт через существующий терминал.

Бывший соратник Трабера, партнер Тимченко и сотрудник КГБ заявил, что последний стал монополистом только благодаря тесным контактам с Трабером.

— У Трабера всегда были хорошие отношения с Тимченко, — сказал бывший коллега Трабера. — И монополия Тимченко на экспорт стала возможной только благодаря этим связям.

— Когда вы отгружаете нефть, а порт кишит бандитами, приходится идти на уступки, — сказал сослуживец Путина

в девяностых годах. – Нужно было достичь соглашения.

Адвокаты Тимченко заявляли, что эти отношения были «исключительно коммерческими и вполне конкурентными», а любые предположения о причастности Тимченко к организованной преступности, коррупции и любой иной нелегальной активности в Санкт-Петербурге, «с Трабером или без Трабера», являлись ложью и клеветой. В 2011 году представитель Тимченко сказал «Новой газете», что Тимченко был знаком с Дмитрием Скигиным, вместе с Трабером владеющим морским портом и нефтяным терминалом, но их не связывали никакие совместные деловые проекты.

Для финансирования своих торговых операций Тимченко пользовался сетью КГБ, объединявшей западных банкиров. Вначале это был банк «Дрезднер», петербургский филиал которого возглавлял товарищ Путина из Штази Маттиас Варниг, входивший в ячейку КГБ в Дрездене. Затем появился Андрей Акимов, ранее работавший с Евгением Примаковым в Институте мировой экономики, – он стал самым молодым руководителем советского Внешбанка в Вене, где за год до краха Союза открыл частное предприятие IMAG. Оно финансировало Тимченко.

Все это время Путин оказывал поддержку Тимченко через лицензии, которые позволяли тому использовать нефтехранилища в морском порту Трабера, а также организовывал поставки из «Киришинефтехимэкспорта» Тимченко в ПТК Кумарина. Последний же в это время вошел в совет директоров нефтеперерабатывающего завода в Киришах, поставлявшего топливо обеим компаниям.

– Все было очень хорошо организовано, – сказал совладелец другого нефтеторгового предприятия города Максим Фрейдзон. – Путин и его ребята заручились поддержкой мэрии. Благодаря

его прошлому в КГБ он смог организовать логистику. Они были одной командой.

Укрепляющийся альянс унаследовал советские традиции КГБ и адаптировал их для коммерческого использования.

— Насколько я помню, симбиоз бандитов и КГБ существовал всегда, — добавил Фрейдзон. — КГБ работал вместе с ними на валютных рынках и использовал проституток, которые были источниками информации. Это как естественный симбиоз. Их не ограничивали понятия нравственности. Бандитов они выставляли вперед, как пехоту. Те принимали удар на себя.

Интерес Путина к морскому порту и нефтяному терминалу выглядел как нечто выходящее за рамки обязанностей государственного чиновника, занимающегося городскими вопросами. Альянс с Ильей Трабером и другими доставлял беспокойство даже приезжим бизнесменам. Один из них прибыл в город по приглашению мэрии помочь с финансированием порта, а его из аэропорта Пулково в бронированном авто и в сопровождении милиции и охраны повезли напрямик к Траберу и высадили за высокими воротами на задворках. Ему пришлось идти мимо вооруженных охранников и рычащих немецких овчарок, через бесчисленные увешанные иконами помещения в кабинет Трабера. Тот ждал гостя в тренировочных штанах, тапочках и с толстой золотой цепью на шее — типичный городской бандит. Несомненно, бизнесмен понимал, с кем встречается.

— Как в кино, — сказал он. — Когда я увидел его, у меня остановилось сердце.

Сцена сильно отличалась от того, что он ожидал увидеть.

После напряженного разговора с Трабером одобрение было получено. На следующий день его отвезли в юридическую

контору делового партнера Трабера Бориса Шарикова на берегу одного из самых красивых каналов. На встрече присутствовали еще один партнер Трабера и бывший офицер КГБ, руководитель отдела имущества мэрии Михаил Маневич и Дмитрий Скигин. Последний был официальным лицом порта – обходительный, хорошо разбирающийся в международных финансах бизнесмен, он бегло говорил на английском и французском, а в свободное время занимался альпинизмом. По данным разведки Монако, отец Дмитрия Эдуард был близким другом Путина. Однако, по словам двух бывших партнеров Скигина, на самом деле его задачей было прикрывать другого криминального авторитета Петербурга, бывшего боксера с дерзким характером Сергея Васильева. Именно с ним Трабер заключил хрупкий мир на условиях совместного контроля над портом, а позднее – и над нефтяным терминалом.

Союз администрации Санкт-Петербурга и Тамбовской группировки изменил всю городскую инфраструктуру. Морской порт превратился в перевалочный пункт – через него из Колумбии в Западную Европу шли наркотики. Об этом рассказал в лондонском суде отставной офицер КГБ Юрий Швец. Ближайший соратник Путина из петербургских спецслужб Виктор Иванов содействовал Тамбовской группировке при захвате порта, а сам Путин, по словам Швца, обеспечивал поддержку со стороны мэрии. (Иванов упорно отрицал эти предположения, однако появились и другие свидетельства того, что петербургский порт использовался как основной канал наркотрафика.)

Контроль за портом был исключительно важен со стратегической точки зрения. В 1997 году председатель комитета по управлению городским имуществом Санкт-Петербурга

Михаил Маневич решил вернуть контрольный пакет мэрии – 29% акций, потерянных в ходе приватизации, но был застрелен снайпером по пути на работу.

— Маневич считал, что акции нужно вернуть городу, – сказал бывший коллега Трабера. – У него был рычаг давления: он мог отказаться продлевать лицензии на долгосрочную аренду порта, включая нефтяной терминал. И за это заплатил жизнью.

Бывший депутат питерского горсовета и близкий соратник Маневича Вячеслав Шевченко в протоколе допроса сообщил, что в последние дни его сильно удручала ситуация с портом.

— По просьбе Маневича я дважды ездил в порт и говорил с управляющим. Сделал им предложение: приедет британская страховая компания Lloyds и оценит финансовую ситуацию. А через неделю ко мне наведались два бандита от Трабера и сказали, что если я еще раз появлюсь в порту, они отрубят мне голову топором.

Трабер отказался комментировать этот факт, заявив, что все это – «фантазии и клевета».

Через три месяца после убийства Маневича акционеры порта согласились заключить долгосрочный договор на управление с новой компанией Трабера OВIP, принадлежащей фонду Nasdor Incorporated в Лихтенштейне. Единственным человеком, решившимся публично рассказать о разграблении БМП, стал тогдашний мэр Анатолий Собчак. Через несколько лет, уже после ухода с поста главы города, он написал статью для газеты, в которой первый и единственный раз открыто раскритиковал действия постсоветских кагэбэшников. «Смею утверждать, что прокуроры, следователи и оперработники Генпрокуратуры, ФСБ и МВД, которые принимали участие в этом деле, подлежат привлечению к ответственности за умышленное

злоупотребление служебным положением и за нанесение ущерба государству в крупных (крупнейших!) размерах. Эти-то горе-моряки и утопили Балтийское пароходство, нанеся стране невосполнимый ущерб», – написал он. Через четыре месяца Собчак умер.

— Боюсь, что это стоило Собчаку жизни, – сказал один из соратников Харченко.

Для коллег Путина из КГБ такие альянсы были единственным способом частично восстановить контроль над ситуацией после крушения Союза. Как заявлял один из его партнеров, организованные преступные группировки выступали как пехотинцы, помогая держать в узде людей на улицах, а также в тюрьмах. Это являлось типичной практикой КГБ, произрастающей из советского прошлого – например, из тех времен, когда Путин занимался нелегалами в Восточной Германии.

— Они работали с людьми. Именно так и было, – заявил сталкивавшийся с этим офицер КГБ. – Представьте, что вам нужно усмирить толпу разбушевавшихся альфа-самцов. Если вы не можете их перестрелять, вам придется нелегко.

Но за оправданием этих действий желанием поддерживать порядок стояло только стремление захватить власть. Схема «сырье в обмен на продовольствие» задумывалась якобы для спасения города – для завоза продуктов питания или для оплаты долгов, но в результате была создана сеть для перекачки черного нала, позволившая КГБ сохранить власть и связи.

В хитросплетениях этих отношений одна нить вела к структуре, созданной в рамках «невидимой экономики» в последние дни правления Коммунистической партии. Этой структурой оказался банк «Россия» – небольшой петербургский

банк, выполнявший роль главного посредника в некоторых сделках «сырье в обмен на продовольствие». Как и в случае с другими организациями и фирмами, открытыми партией на закате режима, управление банком «Россия» незаметно перешло в руки комитетчиков. В число новых акционеров вошел старший офицер КГБ и два связанных с Комитетом физика, специализировавшихся на редкоземельных металлах, – материалах настолько редких и стратегически важных, что торговать ими могли только люди из КГБ.

Шпион

Старший офицер КГБ Владимир Якунин оставил свой пост в ООН, вернулся в Ленинград в феврале 1991 года и был потрясен увиденным. После комфортабельных нью-йоркских апартаментов он оказался в мрачном рабочем районе Ленинграда с разбитыми фонарями и пустыми полками магазинов, приводивших в отчаяние его жену.

— По сути, страна, которая отправила меня работать за границу, страна, в которой я родился, вырос и провел свое детство, перестала существовать, – сказал он. – А вместе с ней умерли и все ее ценности – общественные и нравственные, которые создают фундамент любого общества. Вся страна погрузилась во мрак. Мы были воспитаны в духе преданности партии и народу и искренне верили, что делаем что-то полезное для родины. Никто не знал, как справиться с нарастающими проблемами. Разрыв между реальностью и идеологическими догмами привел к тому, что лидеры страны лишились доверия.

И хотя таких, как Якунин, серьезно подкосили крах империи и проигрыш в холодной войне, сам он быстро адаптировался

к новому российскому капитализму. Его тоска по стабильности, нравственности и ценностям, которые, как он полагал, являлись фундаментом коммунизма, не стала для него препятствием – еще до крушения СССР он активно занялся бизнесом и сумел запасти огромными суммами как для себя лично, так и для сохранения сетей КГБ. Через четыре года после распада Союза Якунин все еще оставался действующим офицером спецслужб. И хотя он утверждал, что приказам не подчинялся, он также признался, что вместе с партнерами развил деловую деятельность, чтобы спасти также оставшиеся активы:

— Нам нужно было перестроиться – создавать коммерческие предприятия и зарабатывать деньги... Мы все стали частью этого процесса. Мы сохранили традиции общения и сотрудничества.

Якунин объединил усилия с партнерами из престижного Петербургского физико-технического института имени Иоффе, где он работал до назначения в Нью-Йорк и занимался внешними связями. Среди его соратников был высоколобый 39-летний талантливый физик с ястребиным взглядом Юрий Ковальчук, который вместе с Андреем Фурсенко работал над чувствительными полупроводниковыми технологиями, используемыми в лазерных и спутниковых системах. Эта область входила в число приоритетов КГБ – использовались все возможные контрабандные схемы для обхода эмбарго и кражи западных технологий (есть предположения, что Якунин работал над контрабандными технологиями во время своей службы в Нью-Йорке). Якунин, Ковальчук и Фурсенко, благодаря своим знаниям и опыту, получили выгодное предложение – продать партию редкоземельных металлов, включая редкие и стратегические изотопы, используемые в космической и военной промышленности, а также в полупроводниковых

технологиях. Как только они приступили к работе, одно из созданных ими совместных предприятий «Темп» получило 24 миллиона рублей прибыли. В те дни это была огромная сумма, благодаря ей они прибрали к рукам банк «Россия».

Перед падением советского режима Якунин, Ковальчук и Фурсенко открыли несколько совместных предприятий. КГБ активно готовился к переходу на рыночную экономику, и в процессе уже был задействован банк «Россия». По словам Якунина, после августовского путча был риск потерять бизнес, так как счета в банке «Россия» оставались замороженными, как и все партийное имущество. Но их спасли связи и наличные, заработанные на сделках с редкоземельными металлами. Высокие чиновники из местного партийного комитета и КГБ дали добро на захват банка «Россия» и его реанимацию.

— Нас хорошо знали в партийных структурах Ленинграда, — сказал Якунин. — У нас были контакты, нам доверяли. Нам позволили получить контрольный пакет акций банка «Россия» именно потому, что нас уважали и нам доверяли.

С самого начала банк «Россия» был стратегически связан с комитетом по внешним связям, которым руководил Путин. Банк занимал кабинеты в Смольном, по соседству с мэрией, и это сыграло решающую роль в создании *общака* — общих резервных накоплений для людей Путина. Связанные с КГБ питерские бизнесмены, включая Якунина, Ковальчука и Фурсенко, с религиозным рвением следовали инструкциям КГБ, написанным в годы заката коммунистического режима, когда торговля с иностранными фирмами велась через совместные предприятия. Все эти предприятия открывались с разрешения комитета по внешним связям, и многим из них предписывалось иметь счета в банке «Россия». Миллионы

долларов из городского бюджета перекачивались через банк и оседали на счетах этих компаний. Наличность переправлялась через фонд «Двадцатый трест». В какой-то момент возникли опасения, что схема станет основой уголовного дела против Путина. Как и многие другие аналогичные резервные фонды, этот выделял деньги на стратегические нужды: на финансирование предвыборных кампаний, а также на личные приобретения для городских чиновников роскошной недвижимости в Финляндии и Испании.

Когда городская экономика была взята под контроль, Путин и его люди из КГБ решили реализовать свои буржуазные мечты. Один денежный перевод ушел на оплату пребывания Путина и главы «Двадцатого треста» в пятизвездочном отеле в Финляндии, где они встретились с архитектором Петербурга и, вероятно, обсудили строительство будущих дач. Об этом рассказал расследовавший дело старший офицер полиции.

— Советские люди всегда мечтали иметь дачу, — сказал партнер Путина тех времен. — При этом все понимали, что важно иметь не только кусок земли, но и хороших соседей.

Участок, который выбрал Путин для спокойного и уединенного досуга, находился севернее Петербурга среди лесов и озер Карелии. Не обозначенная на картах дорога в районе финской границы вела к группе деревянных домиков на берегу озера Комсомольское, которое славилось превосходной рыбалкой. Раньше к поселку вела разбитая грунтовая дорога, но с приходом новых жителей ее заасфальтировали и осветили фонарями. Были построены более мощные линии электропередач, однако до домов местных жителей электричество не дошло. Вместо этого старожилов попросили съехать в обмен на денежные компенсации или

готовые дома вдали от озера. Новые хозяева возвели на своих огромных участках модные финские коттеджи, объединились в кооператив «Озеро», обнесли его высоким забором, перекрыв старожилам подход к воде. За забором устраивались вечеринки с салютами и музыкой. Местным оставалось лишь наблюдать издали.

— Мама мне сказала простую вещь: не борись с сильными и не судись с богатыми, — заявил местный житель.

Единственный житель, который попытался бороться, проиграл все суды.

Люди, переехавшие с Путиным на озеро Комсомольское, были из элиты КГБ, в основном — акционеры банка «Россия», включая Якунина, Фурсенко и Ковальчука. Все они были связаны с Путиным еще до Санкт-Петербурга.

— Эти люди были близки к Путину с самого начала, — заявил его бывший соратник. — Они собрались там не по службе или из-за каких-то знаний, все они были старыми приятелями.

Именно этот принцип позднее заработал по всей стране. Когда Путин стал президентом, то приступил к захвату стратегических секторов экономики вместе с друзьями по дачному кооперативу «Озеро». Для этого понадобилось создать прочную сеть из преданных помощников — доверенных хранителей. Они взяли под контроль все крупные денежные потоки в стране и не подпускали к ним чужаков. Банк «Россия» стал ядром финансовой империи избранных, и они распространили свои щупальца по всей России и на Запад.

Вслед за Путиным во власть потянулись и люди, работавшие с ним в морском порту и на нефтяном терминале. Тимченко оказался среди них. Вначале, по словам двух бывших приближенных, он оставался в тени, работая неофициальным

советником, но потом стал крупнейшим нефтяным трейдером страны. Путин захватил стратегические активы страны, и люди, которые под присмотром Трабера заправляли петербургским морским портом, заняли высшие должности в государственном газодобывающем гиганте «Газпроме». Затем Путин предпринял первые попытки отвоевать у прозападных олигархов типа Михаила Ходорковского и нефтяную индустрию. Среди прочих, ситуация сыграла на руку Тимченко и Акимову.

Но в те дни, когда они только начинали, трудно было представить, что они зайдут так далеко. Члены дачного кооператива «Озеро» создали закрытый круг и почти не общались с соседями, часть которых переселили. Однако после переезда Путина в Москву кооператив опустел и роскошные виллы высились на берегу одинокими призраками.

— Им тут стало слишком тесно. В Москве перед ними открылись совершенно иные возможности, — сказал один из соседей.

Летом 1996 года Путин получил заманчивое предложение из Кремля, и генерал КГБ, следивший за его деятельностью в Петербурге, сказал, что доволен его работой:

— Он начал свою карьеру с нуля, — заявил журналистам Геннадий Белик. — Конечно, он совершал ошибки. Ему пришлось столкнуться с совершенно новыми проблемами... Ошибок не совершает только тот, кто ничего не делает. Но под конец своей работы в Петербурге Владимир Владимирович добился многого.

Ветеран службы внешней разведки КГБ Белик руководил в Санкт-Петербурге деятельностью фирм, занятых торговлей редкоземельными металлами. В каком-то смысле он был

наставником Путина в тот период, когда занимался экономикой города. По словам близкого соратника, он также поддерживал связь с бывшим шефом КГБ Владимиром Крючковым. Впрочем, хотя компания Путина и наложила руки на основные экономические секторы города, денежные потоки, проходившие через них в Петербурге, казались ничтожными в сравнении с теми деньгами, которыми ворочали прозападные магнаты типа Ходорковского в Москве. Люди Путина оставались на обочине главного действия, в то время как промышленную мощь страны осваивали новые олигархи эпохи Ельцина. Для многих питерских комитетчиков происходящее в Москве олицетворяло собой крах государства. Владимиру Якунину казалось, что страна разрывается между кликой коррумпированных заговорщиков из партийной элиты и людьми типа Ходорковского, которых он называл «преступниками». Ельцин представлялся кагэбэшникам таким пьяным фигляром, партийным функционером среднего звена, пляшущим под дудку Запада и разбазаривающим стратегические предприятия на радость банде коррумпированных жадных бизнесменов.

— Люди честно служили и жертвовали своими жизнями, а взамен получили от пьяного ублюдка палец в задницу. Между прочим, Ельцин ничем не лучше любого коммуниста, — заявил бывший офицер КГБ, работавший с Путиным в Петербурге.

Хотя в те времена это казалось маловероятным, но переезд Путина в Москву стал первым шагом на пути к перегруппировке сил. Повышение Путина произошло в тот момент, когда на самом деле его нужно было понизить или уволить. Летом 1996 года Анатолий Собчак проиграл выборы мэра Санкт-Петербурга. Предвыборной кампанией руководил Путин, так что проигрыш частично был и его виной. Собчак уступил всего 1,2% голосов,

что, как выразилась потом его вдова Людмила Нарусова, было равно голосам жителей одной большой квартиры. Ходили слухи, что проигрыш Собчака был подстроен Ельциным – тот хотел избавиться от конкурента. Щеголеватый и харизматичный Собчак мог стать серьезным соперником Ельцину на грядущих президентских выборах. Нарусова в этом не сомневалась:

— Он стал слишком независимым. Ельцин видел в нем соперника и поэтому приказал сфальсифицировать выборы.

Еще до начала кампании Собчак попал под уголовное преследование, предположительно за взяточничество. Многие считали, что эту грязную кампанию развернула старая гвардия из окружения Ельцина. Конечно, подозрения повлияли на результат выборов.

Сразу после проигрыша Собчака Путин уволился из мэрии Санкт-Петербурга. Кремлевские политтехнологи всегда подчеркивали преданность Путина Собчаку и тот факт, что он, следуя своим принципам, рисковал остаться без работы. Но на самом деле без работы он оставался меньше месяца: вскоре его пригласили в Москву, сначала – на престижную должность заместителя руководителя администрации президента. Все это время ему помогал Алексей Большаков – динозавр из ленинградского оборонного ведомства и, скорее всего, из КГБ – каким-то образом он стал вице-премьером в правительстве Ельцина. И хотя назначение Путина неожиданно было заблокировано новым главой администрации и королем приватизации Анатолием Чубайсом, Путин не пропал. Вместо этого ему предложили возглавить кремлевское управление российской заграничной собственностью, оставшейся после развала Союза: роскошные торговые и дипломатические представительства, сеть военных баз и другие приобретения,

тайные и явные. В империи многое оставалось неучтенным, но представляло собой стратегическое ядро национального богатства.

Это назначение стало началом головокружительного взлета Путина. Через семь месяцев его снова повысили – до начальника Главного контрольного управления президента Российской Федерации. Ему было поручено следить за тем, чтобы указы президенты выполнялись во всех мятежных регионах.

— Путина туда взяли не с улицы, – сказал один из приближенных. – В Москве его знали как советника Собчака, он имел влияние в Петербурге... Думаю, этот перевод был запланирован.

В 1998 году Путина назначили первым заместителем руководителя администрации президента по вопросам регионов, и он стал третьим по значимости лицом в Кремле. Через три месяца полковника Путина снова повысили – теперь до директора Федеральной службы безопасности. Это назначение было беспрецедентным: никогда еще эту должность не занимал человек в звании ниже генерала. Ходили слухи, что генералы ФСБ пребывали в шоке, но сторонники Путина утверждали: статус первого заместителя главы администрации приравнивается по рангу к генеральскому, просто, как говорили, это были гражданские должности.

Добродушный журналист, зять Ельцина и глава его администрации Валентин Юмашев утверждал, что чудесное восхождение Путина обусловлено его выдающимися способностями.

— Он был самым сильным среди моих заместителей, – сказал он мне. – Всегда прекрасно работал. Точно формулировал свои

взгляды. Точно анализировал ситуацию. Я был счастлив иметь такого зама.

Но люди, знавшие Путина по Петербургу, восприняли его повышение как сюрреалистичное. Некоторые коллеги полагали, что его продвинули генералы КГБ, которые были его наставниками в начале карьеры.

— Представьте, что у него было задание через работу с Собчаком внедриться в демократическое сообщество, — заявил один из них.

Потом нужда в Собчаке отпала. Способствовал ли Путин его проигрышу на выборах?

— Возможно, Путин действовал по указанию Кремля, а когда задание было выполнено, он вошел в Кремль как важная фигура, — заявил бывший партнер. — Если представить, что это была специальная операция по устранению Собчака как соперника, то все встанет на свои места.

Некоторые утверждали, что Собчак вел себя странно, к тому же многим он казался заносчивым, поэтому перед выборами пошатнуть его и без того слабые позиции было несложно.

Как бы то ни было, Путин принял на себя руководство ФСБ и вскоре начал стирать грязные пятна своего петербургского прошлого. Одним из его злейших врагов тех дней был бывший заместитель Собчака Юрий Шутов. Он последовательно выступал против Путина и собирал на него компромат: о сделках «сырье в обмен на продовольствие», о приватизации городских активов и о связях с Тамбовской преступной группировкой. Вскоре Шутов был арестован. Кстати, он и сам слыл довольно противоречивой фигурой — ходили слухи о его связях с подпольным миром Петербурга. Но как только Путин возглавил ФСБ, подозрения превратились в уголовные

обвинения. Шутову вменили организацию четырех заказных убийств и два покушения. И хотя Шутова освободил местный суд, не нашедший оснований для уголовного дела, вскоре его опять арестовали и отправили в одну из самых строгих исправительных колоний «Белый Лебедь» в Сибири. Домой он не вернулся. Собранные им материалы о связях Путина с Тамбовской ОПГ просто исчезли. Хорошо знавший Шутова бывший городской чиновник Андрей Корчагин сказал:

— Он стал первым и единственным настоящим политзаключенным в России.

Через четыре месяца после назначения Путина шефом ФСБ случилось трагическое событие, многими расцененное как зловещее предзнаменование. Поздним ноябрьским вечером 1998 года в подъезде своего дома была застрелена правозащитница Галина Старовойтова. На тот момент она входила в число демократических лидеров Санкт-Петербурга и громче всех выступала против коррупции. Весь город оплакивал ее гибель, а страна пребывала в шоке. Многие комментаторы связывали это убийство с напряжением вокруг выборов в городской совет, которые должны были пройти в следующем месяце. Рядом с ней в момент выстрела был ее помощник Руслан Линьков, но он сумел спастись. Линьков полагал, что Старовойтову убили из-за ее расследований коррупции. Ближайший друг Старовойтовой и соратник по борьбе Валерия Новодворская была убеждена, что убийство заказали петербургские спецслужбы:

— Потому что в этом деле очевиден указ спецслужб. Очевидно решение спецслужб. Они стоят за кадром, они держат руку этих киллеров.

Бывший партнер Ильи Трабера заявил, что самая большая угроза Старовойтовой исходила от петербургских силовиков, которые контролировали морской порт, флот и нефтяной терминал.

— У нее было досье на группу лиц, державших под контролем нефтяной бизнес в Петербурге. Трабер мне сам рассказывал. Он говорил: «Какого черта она сунула свой нос в нефтяной бизнес?» Именно поэтому ее убили.

Впоследствии занимавшийся расследованием ее гибели бывший офицер ФСБ рассказал мне, что, по его подозрению, это действительно сделала Тамбовская группировка:

— Мы понимали, что с этим делом мы никуда не продвинемся.

Стремительный взлет Путина сопровождали поистине пугающие события. Однако в стране назревал очередной финансовый кризис, и, как водится, никто не обращал внимания на многочисленные тревожные сигналы. Здоровье Ельцина ухудшалось, и, если верить минимум одному источнику, генералы КГБ планировали свое возвращение. Однажды в Москве, вскоре после обрушившегося экономику дефолта 1998 года, на закрытый ужин собрались бывший шеф КГБ Владимир Крючков, бывший шеф службы безопасности Монако, работавший как информатор ФБР, Роберт Эрингер и помощник Крючкова, преподаватель Путина в Академии КГБ Игорь Прелин. Как утверждал Эрингер, Прелин сказал гостям, что КГБ скоро вернется к власти.

— Он говорил: «У нас есть человек. Вы о нем никогда не слышали. Мы не скажем, кто это, но он — один из нас, и когда он станет президентом, мы вернемся».

Глава 4

Операция «Преемник»: «Дело было уже за полночь»

Все забыли. Все думали, что теперь демократия никуда не денется. Все преследовали только свои личные интересы.

Андрей Вавилов, первый заместитель министра финансов в правительстве Ельцина

План А

Москва

Лето 1999 года. Кремль погружен в мертвую тишину. В паутине коридоров главного административного здания слышно только жужжание электромоторов: уборщики полируют паркетные полы. По залам эхом прокатываются цокающие шаги одинокого охранника. Кабинеты, обычно забитые просителями, теперь пусты – их обитатели нервно пьют чай на своих дачах подальше от Москвы.

— Было, как на кладбище, — сказал Сергей Пугачев, участвующий в консультациях по вопросам смены руководителей кремлевской администрации. — Словно компания обанкротилась. Внезапно ничего не осталось.

Для Пугачева и других членов ближнего круга Ельцина – Семьи, которая последней покинула Кремль, наступили тягостные времена. С октября Ельцин то и дело попадал в больницы, а за стенами Кремля, казалось, готовился очередной путч. Фундамент его правления рушился – следствие катастрофической девальвации рубля прошлым летом и дефолта по 40 миллиардам государственного долга. Легкие деньги и их дележ между избранными в годы стремительной

рыночной трансформации завершились чудовищным провалом. Правительство четыре года финансировало бюджет страны через краткосрочные долговые обязательства, и в результате возникла пирамида.

Разжились на этом лишь некоторые олигархи, «молодые волки» ельцинской эпохи. Они использовали плавающую процентную ставку по государственным облигациям и фиксированный курс обмена валюты, так что вся прибыль пошла им в карман, а в это время Центробанк, поддерживая стабильность рубля с помощью твердой валюты, шел ко дну. Рынок рухнул в августе 1998 года, и основной удар в очередной раз приняло на себя население. Многие банки олигархов разорились. Их владельцы успели переправить большую часть своих средств за рубеж, а сбережения населения сгорели. Парламент, в котором по-прежнему преобладали коммунисты, гудел. Ельцину пришлось занять оборонительную позицию и назначить премьер-министром Евгения Примакова, возглавлявшего службу внешней разведки и долгое время отвечавшего за связи КГБ. Разруха подорвала здоровье президента, он отправился на сочинский курорт, а в это время Примаков привел в правительство целую группу коммунистов во главе с бывшим руководителем Госплана. Ельцина то и дело госпитализировали, а кремлевский помощник мягко намекал, что пора бы ему уйти на покой.

В правительство один за другим возвращались бойцы старой гвардии и занимали ключевые посты. Финансовые скандалы не прекращались: всплывали факты растрат, допущенных их оппонентами. Возглавил обличительную кампанию генеральный прокурор Юрий Скуратов, известный как правоохранитель, склонный скорее не открывать, а тихо

закрывать уголовные дела. Однако теперь, на фоне всеобщего возмущения, ему пришлось разбираться с вопиющим беззаконием. Начал он с коррупционной верхушки и раскритиковал Центробанк. В обращении к спикеру-коммунисту Госдумы он подробно описал процесс перекачки банком 50 миллиардов долларов валютных резервов страны через офшорную фирму «Фимако» и открыл ящик Пандоры. Вслед за этим всплыли другие факты внутренних перепродаж и перекачки средств через правительственный долговой рынок.

За кулисами велись еще более пугающие расследования. Первое же дело могло привести прямо к счетам Семьи. Объектом расследования стала компания Mabetex – никому не известная фирма с представительством в швейцарском Лугано у границы с Италией. В 1990-х годах она заключила миллиардные контракты на работы по реновации Кремля, Белого дома и других престижных объектов. Поначалу расследование, инициированное Скуратовым и проводимое в сотрудничестве с прокуратурой Швейцарии, нацеливалось на откаты посредникам, предположительно связанным с жизнерадостным сибирским партийным боссом и управделами президента с 1993 года Павлом Бородиным, однако потом замаячили зловещие перспективы. Люди в Кремле отчетливо это понимали.

— Все были напуганы, никто не знал, что будет дальше, — сказал Пугачев. — Никто не решался прийти на работу. Все прятались по норам, как кролики.

Дело собиралось тихо и неторопливо. Часть старой гвардии, в частности, люди из спецслужб, остававшиеся в тени с начала правления Ельцина, искали способы от него избавиться. Они долго и с отвращением наблюдали за его заигрываниями

с демократией, а когда он выступил перед регионами со словами «берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить», сочли это реализацией плана Запада по ослаблению и затем разрушению Российской Федерации. Так и не оправившись после проигрыша в холодной войне, они воспринимали Ельцина посланцем Госдепа США, который, как они полагали, способствовал его продвижению и краху Советского Союза. Они презирали его дружбу с президентом США Биллом Клинтонem и полагали, что рыночные реформы, над которыми они же сами работали и которые позволили Ельцину прийти к власти, использовались для установления олигархического правления *семибанкирщины*. Эти семь банкиров обставили своих бывших наставников из КГБ и прибрали к рукам почти всю экономику страны. Демократические достижения людей из спецслужб не волновали: на их взгляд, этот чокнутый алкоголик не мог править страной, а Семья, в которую входили дочь Татьяна, глава администрации (и будущий зять) Валентин Юмашев и олигархи Бориса Березовского, представляла собой зловещий альянс, который незаконно захватил власть и тащит страну в пропасть.

— Определенная группа людей понимала, что дальше так продолжаться не может, — заявил один из участников заговора Фелипе Туровер. — Операция проводилась по необходимости. Другого выхода не было. Это нужно было сделать. Ельцин был алкоголиком и конченным наркоманом. Страной управляла его дочь и сборище идиотов, преследовавших только личные интересы... Губернаторы Кремлю не подчинялись, регионы превратились в независимые страны. Нужно было избавиться от этой дряни.

Туровер отказался назвать имена чиновников госбезопасности, планировавших отстранить Ельцина от власти. Но было понятно, что изначально задумывалось поставить на его место Примакова – он был кандидатом номер один из числа бывших шпионов. Группа искала свидетельства, указывающие на связь Ельцина с финансовыми коррупционерами. Нужно было найти что-то такое, что окончательно запятнает репутацию президента и разрушит вековые представления о хорошем царе и плохих боярах.

— Ельцина ценили как великого демократа, и никто не знал, как от него избавиться, – сказал Туровер. – Единственным верным путем был законный. Чтобы люди четко поняли: дело не в том, что царь хороший и непогрешимый, а бояре плохие. Все становится понятно, если сам президент – вор. Нам нужна была конкретика.

Туровер стал информатором. Именно он обнаружил и затем обнародовал материал, составивший основу дела. Он тщательно отследил тайные выплаты стратегического долга советских времен и сумел собрать и отсеять компрометирующие материалы, касающиеся внутреннего финансирования режима Ельцина, в надежде на то, что для использования этих сведений когда-нибудь наступит подходящий момент. Сам Туровер, близкий друг бывшего руководителя отдела КГБ по черным операциям и финансированию незаконных сделок за границей, еще с восьмидесятых годов входил в элиту офицеров госбезопасности. Это он в начале девяностых годов помог Владимиру Путину повернуть в Петербурге схему «сырье в обмен на продовольствие», которая легла в основу создания резервного фонда КГБ. Туровер помогал и с другими темными схемами, которые, как он говорил, были необходимы для

выплаты стратегических долгов СССР в пользу «дружественных фирм». Впрочем, наверняка и эти деньги ушли в резервные фонды КГБ.

Согласно документам, многие схемы проворачивались через Banca del Gottardo – маленький банк на окраине Лугано. В этом банке Туровер стал консультантом. По его признанию, Banca del Gottardo выбрали потому, что «нужен был очень маленький банк с очень грязной репутацией». Это был заграничный филиал Banco Ambrosiano – банка, связанного с Ватиканом и со скандалом лопнувшего в 1980-х годах. Его председателя Роберто Кальви нашли повешенным под лондонским мостом Блэкфрайерс. Теперь через счета банка шел мощный поток российского черного нал. Сделки включали бартерные и товарно-экспортные схемы, используемые для перекачки миллиардов долларов.

Это стало еще одним свидетельством того, что все попытки перейти к рыночной экономике и выстроить на руинах СССР новую Россию потерпели крах и что старые закулисные схемы комитетчиков живут и процветают. И хотя Ельцин раздал места в правительстве молодым реформаторам, стремящимся освободить экономику от контроля государства и внедрить прозрачность по всем канонам Запада, правила игры все равно оставили в выигрыше людей из госаппарата и внешней разведки. Такие схемы и скомпрометировали Семью. Этот факт красноречиво говорил о том, что главный удар по свободам, о которых мечтал Ельцин, нанесли именно люди из внешней разведки КГБ. Он не смог оградить ни страну, ни Семью от порочных практик прошлого.

В Banca del Gottardo обслуживались и счета Mabetex. Именно здесь всплыла связь между фирмой и Семьей. Узнав об этом,

Туровер отказался работать с денежными потоками, имеющими отношение к Ельцину и Семье.

— И тогда я остановился, решив, что это пригодится в будущем.

Среди счетов Banca del Gottardo он обнаружил также кредитные карты, выданные на имя Ельцина и членов Семьи. Они были выпущены основателем компании Mabetex, дерзким косовским албанцем Бехджетом Пацолли, который отлично ориентировался в мире криминальных финансов и строительства и с семидесятих годов работал на СССР. Как сказал Туровер, бывший помощник главы Компартии Югославии Пацолли участвовал в схемах с черным налом, перепродавая советскому режиму попавшее под эмбарго военное оборудование двойного назначения. На фоне этого кредитки выглядели как взятка, переданная Пацолли прямо в карман Ельцину и Семье, а тот факт, что они оплачивались со счета иностранного банка, являлся прямым нарушением российского законодательства: государственные чиновники не могли иметь счета в иностранных банках. Больше всего тратила дочь Ельцина Татьяна — ее ежегодные расходы достигали 200–300 тысяч долларов. Еще один миллион долларов был, очевидно, потрачен Ельциным в ходе официального визита в Будапешт.

На фоне сегодняшних многомиллиардных коррупционных скандалов такие суммы кажутся смешными. Но в те дни это выглядело совсем иначе. Баланс власти уже сместился от Кремля к Белому дому Примакова. Старая гвардия и коммунисты возвращались. После финансового кризиса рейтинги популярности Ельцина упали до минимума — 4%. Самая многочисленная в Думе Коммунистическая партия

объявила процедуру импичмента Ельцина, мечтая отправить его под суд за все грехи в годы безумного правления: за катастрофическую войну в Чечне, на которой погибло много русских солдат, за распад Советского Союза и за так называемый геноцид российского населения – то есть за рыночные реформы, которые обрушили уровень жизни и стали причиной, как полагали коммунисты, миллионов смертей. Предполагалось, что материалы по кредитным картам станут последней каплей.

— Ожидалось, что Примаков выступит в Совете Федерации и расскажет о том, что президент оказался вором, – сказал Туровер.

Расследование пугающе близко подбиралось и к более крупным суммам, которые выводились через экспортера нефти под названием «Международное экономическое сотрудничество» (МЭС), которое имело счет в Banca del Gottardo и было связано контрактами на реконструкцию Кремля. От правительства МЭС получило контракты на экспорт более 8% нефти и нефтепродуктов, и его годовой оборот в 1995 году составил около 2 миллиардов долларов. Компания работала на рынке с 1993 года – именно в тот момент старая гвардия в правительстве начала искать способы вернуть контроль за торговлей нефтью и для этого снова ввела систему спецэкспортеров, через которых вели торги все нефтяные компании. В результате такой внутренней игры обогатилась небольшая группа загадочных трейдеров, близких к службам безопасности администрации Ельцина. Изначально МЭС создавалось как компания, которая профинансирует восстановление Русской Православной Церкви (РПЦ) – при советском режиме церковь прозябала десятилетиями и теперь пребывала в разрухе. Однако нефтяные миллиарды долларов,

выделенные правительством при беспошлинном экспорте, существенно превышали любые суммы, когда-либо потраченные на восстановление Церкви.

МЭС стало улучшенной версией резервных фондов, созданных через схемы «сырье в обмен на продовольствие». Ни одна из операций не была прозрачной, и невозможно было понять, сколько именно тратилось на стратегические нужды и сколько шло на персональные расходы и взятки. В основном черный нал расходовался на удержание политического курса Ельцина, который выбрала группа кремлевских силовиков.

— Правительственным структурам всегда нужны деньги. Может показаться, что для этого существует госбюджет. Но если вам нужны деньги, чтобы обеспечить голосование на парламентских выборах, вы не полезете за деньгами в государственный бюджет, — позднее заявил мне Скуратов.

Деятельность МЭС была тесно связана с Mabetex и с проектом реконструкции Кремля. Когда Павел Бородин попросил правительство профинансировать эти работы, ему ответили, что денег в бюджете нет. Тогда он предложил провести нефтяные контракты через МЭС и таким образом найти финансирование. Однако все указы о квотах для МЭС (первые — на два миллиона тонн, следующие — на 4–5 миллионов тонн) были засекречены. Не публиковалось никакой информации о том, на что тратилась выручка. И затем, словно продаж через МЭС никогда не было, правительство официально заявило, что на реконструкцию Кремля ему потребуется 312 миллионов долларов в международных займах. МЭС, похоже, исчезло с арены, получив 1,3 миллиарда долларов за нефтяные сделки, при этом никто не мог объяснить, куда делись деньги.

А в центре всего этого стоял кремлевский банкир Сергей Пугачев, который потом сбежит сначала в Лондон, а затем – в Париж. Будучи экспертом по теневым сделкам, он объединил усилия с Бородиным. «Межпромбанк», сооснователем которого был Пугачев, стал главным кредитором Управления делами президента. В те дни этот отдел являл собой запутанное образование, которое контролировало миллиарды долларов в недвижимости, остающейся в собственности у государства после краха СССР. При помощи Пугачева отдел предоставлял членам правительства квартиры и дачи, медицинские услуги и даже поездки на отдых. Это была патронажная структура советского образца, которая, по всем признакам, содержала и Семью: Пугачев сказал, что через «Межпромбанк» он купил квартиру для дочери Ельцина Татьяны.

Официальные зарплаты в период перехода России к рынку по-прежнему нельзя было сравнить с доходами от бизнеса, и Пугачев утверждал, что именно деятельность Управления делами президента позволяла предотвращать взяточничество среди государственных чиновников. Но, по сути, отдел работал как главный резервный фонд Кремля, благодаря чему Бородин заполучил неограниченную власть, в том числе возможность содействовать или препятствовать чьему-либо карьерному росту.

— На аудиенцию к нему люди выстраивались в очередь, — сказал Пугачев. — Будь вы хоть министром, но откажи вам Бородин, вы бы ничего не получили. Если вам нужна была квартира, машина, ресурсы, за всем нужно было обращаться к Бородину. Он занимал весьма влиятельное положение.

Пугачев не пояснил, насколько тесно он был связан с МЭС. Однако его «Межпромбанк» участвовал в финансировании операции, а сам он завязал дружеские отношения с главой РПЦ

патриархом Алексием II и тесно сотрудничал с ним с момента его избрания. По сути, Пугачев сам выпестовал проект реконструкции Кремля, руководил каждым его этапом, стал адептом сложных финансовых схем и сказочно обогатился. В начале девяностых годов он ухитрился открыть финансовое представительство «Межпромбанка» в Сан-Франциско и большую часть года проводил в Соединенных Штатах. Получив прямой доступ к финансовым системам Запада, он втерся в доверие к высшим чиновникам в правительстве Ельцина.

— Я мог объяснить им, как работает западная финансовая система, — сказал он.

В Сан-Франциско он арендовал дорожный дом, а потом приобрел расписанную фресками виллу на юге Франции, на холме, с видом на залив Ниццы. Он вошел в число приближенных к Семье, в частности к Татьяне, когда работал в предвыборной команде Ельцина в 1996 году. Пугачев привез американских политтехнологов, которые запустили предвыборную кампанию по всем стандартам США, что помогло Ельцину исправить рейтинги и отразить угрозу возвращения коммунистов.

Все это время Пугачев тесно сотрудничал с Бехджетом Пацолли и лично следил за всеми этапами реконструкции Кремля — от подписания контрактов до работ по реновации. Это была весьма затратная операция. И хотя Пугачев утверждал, что гарантировал Кремлю минимальные цены, похоже, на материалах никто не сэкономил. На кремлевский паркет ушла древесина 23 видов, на декорирование залов — более 50 кг чистого золота, на отделку стен — 662 квадратных метра тончайшего шелка. После десятилетий коммунистического

правления, когда все сокровища дореволюционных времен – мозаичные полы, изысканные орнаменты, позолоченные зеркала и канделябры – были убраны и заменены простейшей отделкой, Кремль снова превратился в царский дворец. 2500 рабочих день и ночь строили терем для нового русского царя. Пугачев лично осматривал все детали. Если Ельцин спрашивал, зачем перед его кабинетом стоит урна, раз «мы тут не курим», Пугачев молча ее убирал, а когда интересовался, почему так скрипят новые полы, терпеливо объяснял, что под ними теперь проложены кабели, обеспечивающие суперсекретные коммуникации.

Проект был закончен. Гости с Запада ахнули, пораженные его грандиозностью. Президент США Билл Клинтон и канцлер Германии Гельмут Коль в изумлении замерли при виде золотых листьев на сводчатых потолках Екатерининского зала и многочисленных золотых канделябров.

— И эти люди просят у нас денег?! – воскликнул Коль.

Реконструкция обошлась примерно в 700 миллионов долларов – и это в то время, когда Россия получала миллиарды долларов иностранной помощи, что, как предполагалось, должно было ее спасти. Однако расходы, покрываемые государством, в несколько раз превысили начальную смету. Полтора миллиарда долларов составили только нефтяные квоты МЭС. При этом Ельцин подписал еще и официальный указ на 300 миллионов иностранных займов, а Пугачев убедил первого заместителя министра финансов Андрея Бавилова одобрить дополнительные 492 миллиона долларов в качестве гарантий по казначейской вексельной программе, что определенно стало еще одной схемой финансирования реконструкции Кремля. Все эти расходы не учитывались.

Пугачев знал о том, что Пацолли выпустил кредитки для президентской Семьи.

— Я спросил у него: «Зачем ты это сделал?» А он сказал, что благодаря этим картам он будет держать их на коротком поводке. Он понимал, что это противозаконно, что это фактически будет означать взятку президенту.

Пугачев сказал, что ему известно и о более крупных суммах, предположительно переданных Семье. Позднее выяснилось, что 2,7 миллиона долларов ушло на два счета Bank of New York на Каймановых островах – перевод был сделан на имя тогдашнего мужа дочери Ельцина Татьяны Леонида Дьяченко. Юрист нефтяной компании, которой руководил Дьяченко, сказал, что деньги были выплачены за сделанную им работу.

Когда холодным пасмурным утром в конце января 1999 года швейцарская прокуратура на вертолетах и бронированных автомобилях прибыла к представительству Mabetex в Лугано и забрала кипы документов, это, мягко говоря, всех шокировало. Пацолли сразу сообщил о полицейском рейде Пугачеву и Бородину, и новости отравленной стрелой долетели и до Татьяны, которая в отсутствие отца негласно исполняла роль главы государства, и до Валентина Юмашева – позднее он стал ее мужем. Валя, как его ласково называли, на тот момент руководил кремлевской администрацией. Пугачев счел ситуацию угрожающей, так как все деньги отмывались через МЭС. Расследование могло выйти не только на кредитки Татьяны и Юмашева, но и на более крупные суммы, которые, очевидно, переводились на частные офшорные счета.

Молча, никого не предупредив, генпрокурор Скуратов инициировал уголовное расследование в отношении перекачки через Mabetex средств, выделенных на реконструкцию Кремля.

До этого он несколько месяцев тайно сотрудничал с прокуратурой Швейцарии, но до рейда о расследовании никто не знал. Первую партию документов он получил сразу после августовского дефолта 1998 года. Опасаясь перехвата, швейцарский генпрокурор Карла дель Понте отправила их с дипломатической почтой через посольство Швейцарии в Москве. Спустя несколько недель, ближе к концу сентября, Скуратов провел с дель Понте тайное совещание и для этого во время официального визита в Париж заехал в Женеву. Там он впервые встретился и с Фелипе Туровером, информатором КГБ, который затеял всю эту историю и вскоре тайно наведлся в Москву, чтобы дать свидетельские показания. Об этом знал только верный заместитель Скуратова. Туровер успел проконсультироваться и с премьером Примаковым. Но когда в январе Скуратов дал отмашку на рейд в Лугано, тайна раскрылась.

— Провалились все наши попытки сохранить дело в секрете, — сказал Туровер. — В соответствии со швейцарскими законами, дель Понте должна была предъявить Пацолли международный ордер. Конечно, Пацолли тут же связался с Бородиным. Не нужно было ей устраивать такую шумиху и посылать вертолеты. Так Москва получила сигнал, что полиция изъяла документы.

Этот рейд случился именно тогда, когда Пугачев начал опасную игру в кошки-мышки — ему необходимо было сместить Скуратова и закрыть дело. И он вместе с Семьей разыграл партию, призванную спасти оказавшуюся в осаде Семью и привести Владимира Путина к власти.

— На организацию у них ушло всего четыре дня, — сказал Скуратов.

Теперь, вспоминая те дни, Пугачев говорит, что все выглядит, как в тумане: постоянные телефонные звонки, встречи, затянувшиеся далеко за полночь... Дни смешались, из ощущений остались только время года и погода за окном. Но сами встречи, особенно важные, запечатлелись в памяти навсегда. Многие остались в дневниковых записях тех дней. Решалось будущее России, и Пугачев старался действовать максимально быстро, чтобы не только разобраться с угрозами, исходящими от альянса Примакова с коммунистами, но и спасти собственную шкуру и шкуру Ельцина. Он и сам не заметил, как в конце концов поспособствовал возвращению КГБ. Нерассказанная история Пугачева – это история о приходе Путина к власти и о Семье.

На момент обыска в Mabtex Примаков был восходящей политической звездой, и его альянс с влиятельным мэром Москвы Юрием Лужковым и губернаторами регионов грозил поднять занавес над тайнами ельцинского режима, а открытое Скуратовым уголовное дело давало им дополнительный козырь.

Долгие годы Пугачев укреплял личные связи с сотрудниками прокуратуры. Как всякий влиятельный институт в России, прокуратура представляла собой террариум, где заместители подсиживали друг друга и собирали друг на друга компромат. В частности, союзником Пугачева был Назир Хапсироков – хитроумный глава управления делами прокуратуры, мини-версия кремлевского отдела Бородина. Хапсироков распределял среди работников квартиры и прочие льготы. Подобно Бородину, он мог или поспособствовать, или помешать карьерному продвижению сотрудника.

— Фактически это был мой человек в прокуратуре, — сказал Пугачев. — Он рассказал мне о заговоре против Ельцина, принес запись и сказал: «Мы засняли Скуратова с нашими девочками».

По словам Пугачева, вначале он не поверил Хапсирокову: такая запись была компроматом, способным сместить Скуратова и закрыть дело Mabetex.

Пугачев унес запись в свой кабинет, но не сумел вставить кассету в видеопроеигрыватель — не мог разобраться с настройками. В конце концов пришлось звать секретарей. Но когда видео включилось, он пожалел о том, что позвал их. На зернистой пленке можно было рассмотреть толстого голого генпрокурора, резвящегося в постели с двумя проститутками. Такая запись должна была привести зрителя в ужас. Пугачев, весь красный, откашлялся. Секретари сделали копию. Пугачев считает, что этот момент все и решил.

— Если бы мы не сделали копию, ничего бы этого не случилось, — сказал он. — История пошла бы по-другому. Путин бы не пришел тогда к власти.

Он сказал, что оригинальную запись отдал бывшему руководителю кремлевской администрации Юмашеву, который негласно оставался на своей должности. Тот должен был отнести пленку Николаю Бордюже, отставному генералу погранслужбы, который недавно сменил Юмашева на посту главы АП. А Бордюжа уже позвонил Скуратову, рассказал о записи и заявил, что такое поведение генпрокурора недопустимо.

Склонный переоценивать свою роль в происходящем, Пугачев заявил, что только он знал, как надо действовать:

— Их всех трясло.

После разговора с Бордюжей Скуратов согласился подать в отставку. Бордюжа передал ему записку, как бы намекая на то, что инцидент останется между ними.

Однако вместо того, чтобы сместить Скуратова, совещание в Кремле вечером 1 февраля окончательно завело дело в тупик. Должность генпрокурора подпадала под действие закона, гарантирующего его независимость. Отставку Скуратова должен был одобрить Совет Федерации, а в нем многие депутаты уже выбрали сторону Примакова и Лужкова, выступали против Кремля и планировали защищать генпрокурора. Сам Скуратов на несколько недель исчез из поля зрения – очевидно, лег в Центральную клиническую больницу, и голосование в Совете Федерации было отложено.

К тому моменту над Семьей нависла угроза переворота. Через несколько дней после январского рейда в Mabtex Примаков заявил, что с властью Ельцина пора кончать. Воспользовавшись поддержкой парламента, он предложил пакт о ненападении, якобы пытаясь снизить растущее напряжение между Кремлем и думскими коммунистами. Дума соглашалась отказаться от голосования по импичменту президента и выражения вотума недоверия правительству, по крайней мере, до парламентских выборов в конце года. В свою очередь, Ельцин должен был отказаться от роспуска Думы и правительства Примакова. Когда эти предложения изложили Ельцину, он пришел в ярость.

— Поскольку все это оформилось за его спиной, он был вне себя от гнева, — сказал Юмашев. — Дело в том, что Примаков уже не пытался скрывать свои намерения стать новым президентом.

Он даже предложил сохранить Ельцину неприкосновенность в случае, если всплывут какие-то преступления за его восьмилетнее правление, что только усугубило ситуацию.

Так начались трения между Примаковым и Семьей. За несколько часов до того, как Скуратова вызвали в Кремль, чтобы предложить ему отставку в обмен на кассету с *компроматом*, Примаков приказал освободить места в тюрьмах и подготовиться принять бизнесменов и коррумпированных чиновников. Это привело Семью в ужас.

— Мы понимали: приди он к власти, страна станет совершенно иной, — сказал Юмашев.

На следующий день за несколько часов до объявления о своей отставке представление устроил Скуратов — отправил следователей на обыск офисов «Сибнефти». Это подтверждало все, что сказал Примаков. Существовали подозрения, что Семья и «Сибнефть» чересчур сблизилась. Сама компания стала плацдармом Бориса Березовского для прыжка на прочную позицию олигарха. Компания торговала нефтью через двух трейдеров: один из них, «Руником», принадлежал партнеру Березовского Роману Абрамовичу, второй под названием «Белка Трейдинг» находился под управлением и во владении мужа Татьяны Леонида Дьяченко.

— Рейд на «Сибнефть» был смертельно опасен для Семьи, — сказал близкий партнер Березовского. Пытаясь минимизировать потери, она стала отдаляться от Березовского — с политической точки зрения он стал чересчур токсичен.

Юмашев покинул пост главы кремлевской администрации еще в декабре. По его признанию, он принял такое решение, когда понял, что Примаков метит в президенты, а это выходило за рамки договоренностей с Ельциным в момент назначения Примакова премьер-министром. Предполагалось, что Примаков возьмет на себя основные задачи, а Юмашев и Ельцин займутся подбором подходящего преемника на президентское место.

— Приглашение Примакова было в моей личной ответственности, — сказал Юмашев. — А затем он нарушил все наши предварительные договоренности.

Существовало предположение, что замена Юмашева новым главой администрации Бордюжей было попыткой смыть грязное пятно с Семьи.

Сергей Пугачев заявил, что он лично пытался достичь закулисных договоренностей с Советом Федерации и убрать из поля зрения Скуратова. Но губернаторы, имеющие серьезный политический вес в Совете Федерации, объединились вокруг Примакова и Лужкова. Напряжение, вызванное расследованием Скуратова, дошло и до высших эшелонов Кремля. Ужаснувшись возможным последствиям, соратники Ельцина один за другим начали отступать. Президента снова госпитализировали с язвенным кровотечением. Затем в Центральную клиническую больницу, очевидно, после инфаркта, угодил Николай Бордюжа, а вслед за ним — и Павел Бородин, оказавшись в фокусе расследования по Mabetex. Кремль стремительно пустел, и в этом кажущемся вакууме Скуратов вернулся к работе.

9 марта, через месяц с лишним после предложения Скуратову уйти по-доброму, Совет Федерации наконец назначил день голосования по его отставке. Попытки Пугачева заручиться голосами губернаторов успехом не увенчались. Однако в день голосования, 17 марта, генпрокурор неожиданно выступил с обращением к Совету: прочитал блистательную речь, заявил, что стал мишенью атаки влиятельных и близких к президенту врагов и призвал сенаторов голосовать против его отставки. Отставка была отклонена практически единогласно.

Вскоре слухи о скандальной записи со Скуратовым просочились в прессу. Однако изумленные исходом голосования

Юмашев и никому пока не известный Владимир Путин, которого прошлым летом сделали главой ФСБ, по словам Пугачева, взяли дело в свои руки: передали копию видеозаписи на центральный телеканал, и она была продемонстрирована многомиллионному населению страны. Репутация Скуратова и чувства его семьи никого не интересовали. Его просто хотели убрать.

— Скуратов — идиот, — сказал Пугачев. — С ним хотели разобраться достойно, а он взял и уперся рогами.

Именно тогда, сказал Пугачев, он впервые обратил внимание на Путина. Через сутки после трансляции Путин вместе с министром внутренних дел Сергеем Степашиным дал пресс-конференцию и во всеуслышание заявил, что запись подлинная. В отличие от четко и смело выступившего Путина, Степашин стоял, уставившись в пол, словно ему было стыдно за участие в этом шоу. Пугачев сказал, что именно тогда он начал воспринимать Путина как надежного союзника.

— Он очень хорошо говорил и в телетрансляциях выглядел героем. Я тогда впервые это заметил. О нем еще никто всерьез не задумывался. Но я подумал — он хорошо смотрится по телевизору. Сделаем его президентом.

Несмотря ни на что, Скуратов все еще оставался на своей должности и мертвой хваткой вцепился в дело Mabetex. 23 марта, во время повторного визита Карлы дель Понте, ситуация достигла точки кипения. Скуратов отправил следователей изъять документы в Управлении делами президента под руководством Бородина и в московских представительствах Mabetex. Визит прокуратуры в Кремль был беспрецедентным. И Семья, и Бородин, и Пугачев пребывали в шоке. Повисла зловещая пауза, а старая гвардия начала готовиться

к следующему броску. В тот же день лидер депутатов-коммунистов Виктор Илюхин усугубил ситуацию. Он выступил на пресс-конференции и заявил: у него есть доказательства того, что часть средств из срочного займа в 4,8 миллиарда долларов, выданного России Международным валютным фондом в пик финансового кризиса 1998 года, ушла в компании, связанные с Семей, включая 235 миллионов долларов, переправленных через австралийский Bank of Sydney в пользу компании, 25% акций которой принадлежали Леониду Дьяченко. Медийный скандал достиг апогея, и политические аналитики засомневались в том, что Ельцин все еще может полагаться на поддержку армии.

По словам Пугачева, он вернулся в Совет Федерации, чтобы снова попытаться провалить отставку Скуратова. Однако спикер Совета депутат-коммунист заявил, что у Скуратова есть влиятельные сторонники. Затем Пугачев встретился с Лужковым, его голос значил больше, чем голос депутата верхней палаты. Но Лужков сам после августовского финансового кризиса пытался организовать парламентские голосования против Кремля. Как сказал Юмашев, Лужков тоже стремился к власти:

— Лужков активно работал в Совете Федерации. Он говорил главам регионов: «Когда я буду президентом, я сделаю для вас вот это, дам вам вот это. Мы хотим сместить президента, и в этой схватке генпрокурор — наш влиятельный ресурс».

По сути, борьба шла за будущее президентство.

— Лужков хвастался, что за ним стоит 40 тысяч парней из московского МВД плюс местная ФСБ, — рассказывал Пугачев. — Примаков и Лужков сумели заручиться поддержкой десятков

тысяч офицеров среднего звена. И это уже очень напоминало государственный переворот.

Близкий Лужкову олигарх сказал, что политический вес мэра Москвы стремительно рос:

— Именно Лужков стал новым средоточием власти. К нему обращались маршалы и генералы. Шли на поклон к новому царю и получали от него приказы.

То, что произошло дальше, утверждает Пугачев, было продиктовано благими намерениями. Он не мог позволить Примакову и компании дорваться до власти — это поставило бы под угрозу свободы, отвоеванные в ельцинские годы. Как только Примаков с командой добрался бы до Кремля, в стране воцарились бы советский застой и коррупция:

— Первое, что они сделали, это потребовали взятки. Я потратил столько сил, пытаясь удержать демократов у власти и избавиться от коммунистов, — сказал он, вспоминая вторые выборы Ельцина в 1996 году. — Нужно понимать, что Семья — это нормальные люди. И это ничто по сравнению с сегодняшним масштабом коррупции. Я не хотел, чтобы все это рухнуло.

Однако страхи, связанные с расследованием Скуратова и возможными последствиями, усиливались.

Утром 1 апреля Скуратов вручил Ельцину отчет о найденных в швейцарских банках незаконных счетах двадцати четырех российских граждан. К вечеру Кремль предпринял еще одну попытку сместить Скуратова. Его заместитель Юрий Чайка и главный военный прокурор Юрий Демин были вызваны к главе администрации президента, стройному бородатому экономисту Александру Волошину, на тот момент близкому соратнику Березовского. Волошин, Путин, Патрушев (тоже

выходец из петербургского КГБ, в последние четыре года занимавший руководящие посты в ФСБ) и Пугачев принялись уговаривать Демина и Чайку открыть уголовное дело против Скуратова за его развлечения с проститутками. Чайка и Демин перепугались.

— Они не понимали, зачем их вызвали. Словно разговор слепого с глухим, — сказал Пугачев. — Оба были вне себя от страха. «Как мы можем открыть уголовное дело против генпрокурора?» — спросили они. И огляделись. И Путин, и Патрушев на тот момент особым влиянием не располагали. Они посмотрели на нас и сказали: «В итоге нас уволят и обвинят в попытке государственного переворота». Я прямо видел это в их глазах. Я понял это сразу. И поговорил с каждым отдельно.

В переговорную напротив кабинета Волошина сначала он пригласил Чайку.

— Я спросил у него: «Что нужно, чтобы открыть уголовное дело?» Но шансов, как я понял, не было. Тогда я пригласил Демина и спросил: «Ты готов стать генпрокурором?»

Понимая, что обещания щедрых вознаграждений и служебных повышений желаемого эффекта не дали, Пугачев попросил сообщить, что нужно для возбуждения уголовного дела.

— Мы проговорили шесть часов. Все досконально обсудили. Они сказали, что дело против генпрокурора может возбудить только генпрокурор. Я сказал Чайке: «Ты сейчас первый зам, ты займешь место исполняющего обязанности генпрокурора и сможешь открыть дело против бывшего генпрокурора». Он ответил: «Нет, это должен одобрить Совет Федерации». Я сказал: «Если уголовного дела нет, Совету Федерации нечего одобрять». Мы часами это обсуждали и возвращались к тому же.

Я понял, что договориться с ними не получится, ничто не могло их переубедить.

Дело было уже за полночь. У Пугачева закончились аргументы. Оставалась последняя попытка – он позвонил генпрокурору.

— Я сказал, что он мне нужен. Он ответил: «Да, Сергей Викторович, что вам нужно?» Я сказал, что это не по телефону. Но он снова спросил, в чем проблема. Сказал: «Я должен знать». И я отправил помощника с запиской к нему домой.

Но оказалось, что у Скуратова не было желания общаться лично. Пугачев полагал, что его успел предупредить Чайка. Когда через какое-то время Пугачев перезвонил, ему посоветовали обратиться к дежурному прокурору. Этим человеком оказался Вячеслав Росинский. В ту ночь он был в ужасном состоянии. Он много пил – его дочь недавно покончила с собой, и он безутешно оплакивал потерю. Тем не менее, Пугачев отправил за ним машину.

— Он был в растерянности, понятия не имел, куда его везут, – сказал Пугачев. – Вошел в мой кабинет, сел, от него разило перегаром. Я ему сказал: «Это очень просто. Открываешь уголовное дело против генпрокурора». Показал ему обвинительную схему – мы подготовили ее заранее. Он сказал, где и что нужно поправить. И подписал.

Пугачев задумался о том, что ему предложить взамен.

— Я сказал, что не смогу сделать его сразу заместителем генпрокурора. А он ответил: «Этого и не надо. Я не хочу. Если можно, я бы хотел должность генпрокурора Москвы».

Пугачев пообещал, что так и сделает. И хотя сдержать слово у него не получилось, значения это уже не имело. Уголовное дело против Скуратова по факту превышения должностных

полномочий было возбуждено. Ельцин немедленно отстранил его от должности. Положение ухудшилось, когда проститутки с видеозаписи заявили следователям, что их услуги были оплачены бизнесменом и банкиром, в отношении которых вел расследование сам Скуратов.

Какое-то время он еще сопротивлялся и заявлял, что видеозапись – подделка, а уголовное дело инспирировано политиками в стремлении закрыть расследование и не дать ему подобраться к коррупционерам в верхушке Кремля. Он сказал, что дело возбудили в обход закона, с чем согласилась и привлеченная к расследованию Московская военная прокуратура. При втором голосовании Совет Федерации снова отклонил его отставку – даже после открытого уголовного дела. Волошин выступил ужасно – он мычал, заикался, его то и дело перебивали сенаторы. Кремль проиграл во второй раз, о чем на следующий день раструбили все газеты. Это был четкий сигнал о том, что власти Ельцина приходит конец.

— Сегодня, 21 апреля 1999 года, власть президента России рухнула, – сказал один губернатор.

Примаков, думские коммунисты, региональные губернаторы из Совета Федерации, а также вцепившиеся в дело Mabetex люди из КГБ мечтали приструнить Семейю. Однако в какой-то момент все зашло слишком далеко. Пугачев сказал, что он пытался заставить Лужкова и Примакова отступить под угрозой обвинения в подготовке государственного переворота. На всякий случай была достигнута договоренность с Юмашевым – тот должен был предложить Лужкову место премьер-министра. Но все эти маневры Пугачева завершились бы ничем, если бы Ельцин с триумфом не вернулся на политическую сцену.

Долгие месяцы он периодически ложился в больницу, что еще больше ослабляло его положение в противостоянии с Примаковым – в отсутствие президента именно премьеру отходили бразды правления государством. Но к апрелю Ельцин собрался с силами. За три дня до назначенного Думой слушания по импичменту он, словно следуя инстинкту выживания, решил, что пришло время действовать: позвонил Примакову и сказал, что тот уволен. Примакова должен был заменить союзник Ельцина с первых дней демократического движения министр внутренних дел Сергей Степашин. И хотя в прессе давно обсуждалась возможность такого шага Ельцина, тем не менее, все были поражены. Ельцин ждал до последнего момента.

— Он понимал, что через три дня будет поздно, — сказал Пугачев.

— Дума была к этому совершенно не готова, — сказал Юмашев. — Многие наши коллеги в Кремле расценили такой шаг как политический суицид, решив, что это еще больше настроит Думу против нас. Но случилось противоположное. Ельцин предстал во всей своей мощи со всем своим талантом к зрелищным политическим гамбитам: с бесстрастным лицом он уволил такого влиятельного противника, как Примаков, и Дума зачарованно следила за этой демонстрацией силы.

Ответить Примакову было нечем, и решительность Думы заколебалась. Голосование по импичменту было забыто. Теперь все боялись, что следующим шагом Ельцин распустит парламент.

Придуманый КГБ план А провалился.

— Примаков, согласно этому плану, должен был стать президентом, — вздохнул Туровер. — В ходе второго голосования в Совете Федерации по Скуратову он должен был встать

и сказать: «Президент – вор». И предъявить доказательства. Уже были назначены слушания по импичменту. Достаточно было просто встать и сказать: «У меня есть законные полномочия положить этому конец». У него были доказательства. Но не было стальных яиц. В самый последний момент он растерялся.

Скуратов настаивал на том, что никогда не играл в политические игры, а просто пытался положить конец коррупционным сделкам в Кремле. Однако даже он отчетливо понимал, что Примаков мог положить конец правлению Ельцина.

— Тогда существовали два центра власти: одним были законодательная власть (Совет Федерации), правительство во главе с Примаковым и возглавляемая Лужковым мэрия Москвы, другим – Ельцин и Семья.

И, конечно, если бы Совет Федерации и Примаков договорились и надавили, Семья бы отступила. Все поддержали бы Примакова, в том числе и спецслужбы. Семья бы разбежалась, как тараканы, а Ельцин по состоянию здоровья передал бы президентское кресло Примакову. И страна была бы совсем иной. Но Примаков оказался слишком осторожным и, вероятно, недостаточно решительным. Он не был готов сражаться за страну до конца.

План Б

Евгений Примаков, дипломат до мозга костей, всегда был человеком консенсусов и никогда не пытался раскачивать лодку. Ему уже было под семьдесят, и он ушел в тень, признав временное поражение. Кремль, казалось, мог перевести дух.

Но если Примаков являлся частью предложенного КГБ плана А по захвату власти, то оставалась еще одна возможность. Случайно или специально, но все эти страхи (угроза судебного преследования, соперничество и чисто политический расчет) в итоге привели к тому, что власть перешла к более жестким кагэбистам младшего поколения. Семья не могла избавиться от мысли, что Примакова можно заменить только кем-то из спецслужб.

— После Примакова нельзя было назначить либерала, — сказал Юмашев. — Это должен был быть человек, которого и Дума, и общество считают сильной фигурой, такой, как генерал Степашин.

Но Сергей Степашин, вероятно, был самым либеральным из всех руководителей российских спецслужб — он даже вступил в прогрессивную партию «Яблоко». Несмотря на опыт службы в советском МВД, по образованию он был историк, к тому же долгое время был близок к Ельцину. Они работали вместе с тех пор, как Ельцин поручил ему возглавить федеральное расследование роли КГБ в августовском путче. Впрочем, для Юмашева и Пугачева он всегда был проходным кандидатом. Пугачев считал, что Степашин был нерешительным и вялым, поэтому не смог бы предпринять необходимые для их защиты действия:

— Мне казалось, он был способен на компромиссы с коммунистами.

Юмашев тоже начал сомневаться в Степашине. К тому же они завидовали дружбе Степашина с Анатолием Чубайсом, бывшим главой кремлевской администрации, королем приватизации, который долго виделся им соперником в борьбе за расположение Ельцина. До конца июня некоторые члены

Семьи примеряли на место преемника министра путей сообщения Николая Аксененко, который, как они полагали, вел бы себя более решительно при защите их интересов. Но его сильно невзлюбил Ельцин.

Сам Пугачев утверждал, что продвигал своего кандидата – человека, по его мнению, надежного, преданного и безопасного. Он поддерживал Владимира Путина, которого первым заметил в тот момент, когда тот эффектно разобрался со Скуратовым и проститутками. Впервые они встретились в Санкт-Петербурге в начале 1990-х годов, но узнали друг друга ближе, когда Путин занял место заместителя Бородина в Управлении делами президента. С тех пор, сказал Пугачев, контактировать приходилось почти ежедневно. «Межпромбанк» Пугачева был занят финансированием Управления делами президента (хотя Пугачев и не указал, в чем заключалась роль банка). Из своего маленького кабинета в бывшей штаб-квартире ЦК на Старой площади Путин решал вопросы, касающиеся бесчисленных иностранных владений России, унаследованных от СССР. После развала Союза многое из этой недвижимости перешло в третьи руки и досталось людям из КГБ и ОПГ. Предполагалось, что владения будут на балансе у министерства иностранных дел, но никто ничего не учитывал. В задачу Путина входил переучет всех владений, но неясно, занимался ли он этим и с каким результатом. Управление делами президента оказалось в фокусе стратегических интересов КГБ. И хотя Пугачев уверял, что доказательств причастности Путина к махинациям по накоплению резервных средств через Mabetex и МЭС не существует, доказательств его непричастности тоже нет. Пугачев и Путин оставались в близких отношениях и тогда, когда последний начал стремительное восхождение по

карьерной лестнице в Кремле: сначала стал начальником Главного контрольного управления президента, затем, в июле 1998 года, был повышен до директора ФСБ. Все это время, как говорил Пугачев, Путин оставался его протеже. И все потому, что Путину можно было отдавать приказы.

— Он был послушным, как собака.

Вначале, как заявлял Юмашев, он даже не думал о Путине как о кандидате, скорее склонялся к Аксененко, но был в курсе того, на что способен Путин. На посту главы администрации президента Юмашев следил за всеми перипетиями его карьеры. У них завязалась дружба. В марте 1997 года Путин стал заместителем руководителя АП и, по словам Юмашева, казался скромным и незаинтересованным в карьерном росте:

— Среди моих заместителей он был одним из сильнейших. Работал без нареканий. В какой-то момент пришел и сказал, что хочет уйти. Я попросил не делать этого. Он ответил: «С этой работой я разобрался. Хочется чего-то нового».

В мае 1998 года Юмашев повысил Путина до первого зама главы администрации, ответственного за регионы. Это была третья по влиянию должность в Кремле. Благодаря этому назначению Путин стал чаще общаться с Ельциным, а затем, через два месяца, Юмашев перевел Путина на должность руководителя ФСБ. Это свидетельствовало о том, что и Юмашев, и Семья начали безоговорочно доверять ему.

В те дни, всего за месяц до августовского кризиса 1998 года, над администрацией начинали стучаться тучи. Из-за задержки зарплат по стране прокатились шахтерские забастовки, волнения перекидывались на атомный сектор. Шахтеры перекрыли Транссибирскую магистраль — жизненно важную артерию экономики. Предшественник Путина в должности

главы ФСБ считался прокоммунистическим, и с началом забастовок и ростом угрозы экономического кризиса Кремлю в руководстве спецслужб был отчаянно нужен свой человек. Путин был лишь подполковником, не генералом, но и этот факт удалось затушевать – его представили как первое гражданское лицо в должности главы ФСБ. Измученное кризисом и волнениями население проглотило и это.

Юмашев утверждал, что никогда не сомневался в демократических воззрениях Путина. Больше всего его потрясла безусловная преданность Путина своему шефу и наставнику Анатолию Собчаку. В ноябре 1997 года произошел знаменательный инцидент.

— Причина, по которой я так настоятельно рекомендовал Путина на место главы ФСБ, заключалась в следующем. Во время работы начальником контрольного управления он пришел ко мне и сказал: «Планируется арест Собчака, я должен его спасти, должен вывезти из страны, потому что *силовики* – прокуратура, МВД и ФСБ – его арестуют в ближайшие два-три дня». Нам обоим было ясно, что на этом он может погореть, шансы были 50 на 50. И я сказал: «Владимир Владимирович, вы понимаете, что если вас на этом поймают, вы потеряете должность и, вероятно, больше не найдете работу? Вы нарушаете закон».

Однако должность Путин сохранил. Он утверждал, что дело против Собчака сфабриковано и является частью кампании, инициированной спецслужбами старой гвардии в 1996 году накануне переизбрания Собчака. Со спецслужбами у него были принципиальные идеологические расхождения. Затем Собчак попал в фокус уголовного расследования о предполагаемых взятках. Но при этом ни Путин, ни Юмашев не говорили о том,

что в случае ареста Собчака есть риск ареста и самого Путина. Никто не хотел думать о том, что случится, если он попадет в лапы к оппонентам.

Путин организовал вывоз Собчака из больницы в самый разгар праздников, когда никто ни за чем не следил. Он вывез его на частном самолете, который, по словам одного приближенного лица, принадлежал близкому другу Путина Геннадию Тимченко, предположительно бывшему агенту КГБ и обладателю экспортной монополии на петербургском нефтяном терминале. Когда Путин вернулся в Кремль, Юмашев испытал невероятное облегчение:

— Два-три дня я метался в ужасе и отчаянии. Если бы ФСБ или МВД поймали Путина с Собчаком при пересечении государственной границы, случился бы грандиозный скандал. Для меня было важно, чтобы преемник президента был способен пожертвовать карьерой ради справедливости. Когда Путин вернулся, я рассказал об этом Борису Николаевичу.

Юмашев рассказал еще об одном случае, который оставил у него сильное впечатление о Путине. В конце 1998 года, когда Примаков еще был премьером, Путин окликнул Юмашева из машины и сказал, что только что говорил с Примаковым и просит о срочной встрече.

— Он приехал и сказал: «Сложилась странная ситуация. Примаков вызвал меня и приказал мне как главе ФСБ начать прослушивать Явлинского».

Григорий Явлинский возглавлял в Думе либеральную оппозицию — именно его фракция заговорила о коррупции в кабинете Примакова. Вероятно, Примаков объяснил, что прослушка нужна потому, что Явлинский — американский шпион. Путин отказался, заявив, что для него это абсолютно

неприемлемо: если ФСБ начнет работать по советской схеме и охотиться за политическими диссидентами, это уничтожит спецслужбы. Путин сказал, что если Ельцин разделяет позицию Примакова, то он готов уйти в отставку.

Ничто из этого не состыковывалось с деятельностью Путина в Петербурге в должности вице-мэра, где делами заправлял безумный альянс КГБ и ОПГ. Не состыковывалось это и с деятельностью Путина в Дрездене, где он отвечал за работу с нелегалами на Западе. И все же Юмашев утверждал, что воспринял эти слова всерьез. Даже сейчас, после всего, что случилось за двадцать лет его правления, Юмашев говорит, что Путин был искренен:

— Я на сто процентов уверен, что он меня не разыгрывал. В той ситуации Путин действительно был готов уйти, он был очень решительно настроен против всего этого. Но, конечно, Борис Николаевич в жизни такое бы не одобрил.

Юмашев полагал, что Путин полностью поддерживает пылкие призывы Собчака к демократии, но, казалось, он не знал или не хотел знать о том, как в действительности осуществлялось управление в городе.

Путин был мастером вербовки агентуры. Как утверждал один его бывший сотрудник, это было основной его деятельностью в КГБ.

— В школе КГБ учат, как произвести хорошее впечатление на людей, с которыми вы общаетесь. Путин отточил это мастерство до совершенства, — сказал высокопоставленный агент внешней разведки. — В узком кругу друзей он был невероятно очарователен, мог обаять кого угодно. В должности зама был весьма эффективен: поручения выполнял быстро, с творческим подходом, не заморачиваясь выбором средств.

Если тогда, в год интенсивного давления и нападков на Семью со стороны Примакова, Юмашев оказался наивным, то, вероятно, наивен был и Борис Березовский – лукавый сладкоголосый олигарх, лихо проворачивавший подковерные сделки и способствовавший распределению основных активов и правительственных постов в узком кругу избранных бизнесменов. Во времена, когда автопромышленность скатилась в организованную преступность, он заработал огромное состояние на торговых схемах с символом советской эпохи АвтоВАЗом. Он выжил после покушения, пробрался в Кремль, чаевничал в кабинете шефа охраны Александра Коржакова, а затем подобрался и к самому президенту, и к Семье. Все это время он укреплял связи с лидерами чеченских сепаратистов. Клуб Березовского ЛогоВАЗ стал неформальным местом, где принимались правительственные решения. Достигнув пика влияния в 1996 году, младореформаторы из правительства Ельцина вместе с олигархами собирались в отреставрированном старом особняке и ночами напролет обсуждали меры против старой гвардии.

К 1999 году, однако, Березовский стал политически токсичен. Его отношения с членами Семьи попали под пристальное наблюдение правоохранителей. Рейд на «Сибнефть», в создании которой он участвовал, грозил разоблачить сделки с нефтеторговой компанией зятя Ельцина Леонида Дьяченко. Параллельно шло уголовное расследование бизнес-операций Дьяченко через «Аэрофлот», в котором тот имел внушительную долю. Президентом авиакомпании была вторая дочь Ельцина Елена. Семья хотела избавиться от Березовского. Пошли слухи, что его охранная фирма прослушивала кабинеты Семьи.

В апреле ему пришлось оставить пост исполнительного секретаря СНГ. Юмашева тоже тяготили эти отношения.

— Березовский то и дело твердил ему, что тот ничего не понимает, — сказал помощник Березовского. — Он стал всех нервировать.

Казалось, от Березовского отвернулись все. И когда в начале 1999 года Владимир Путин появился на вечеринке по случаю дня рождения жены Березовского Лены, олигарх был глубоко растроган этим жестом солидарности. Все остальные тайно точили ножи.

Такой поступок Путина успокоил Березовского, и тот перестал переживать о его прошлом в КГБ. Поначалу он полностью поддерживал Аксененко и видел его на посту преемника Ельцина. Отношения с Путиным охладели, когда он, будучи шефом ФСБ, в марте 1999 года приказал арестовать и посадить офицера ФСБ Александра Литвиненко. Однако осознавая постоянную угрозу собственного ареста, Березовский склонился к кандидатуре Путина. Придумывая мифы о своем огромном влиянии в Кремле, он не раз напоминал, что именно он привел Путина к власти, именно он предложил кандидатуру шефа ФСБ Юмашеву летом 1998 года. Рассказывал о тайных встречах с Путиным в лифте на Лубянке, где они обсуждали возможное президентство. В начале девяностых годов, когда Березовский приезжал в Санкт-Петербург, а Путин помогал ему с открытием представительства ЛогоВАЗа, они встречались лишь мимолетно. Бизнесом приходилось делиться и с мафией, и Березовский должен был знать о связях Путина с организованной преступностью. Как сказал партнер Березовского:

— Путин помогал ему во всех вопросах, связанных с продажей автомобилей ЛогоВАЗа в Петербурге. Бизнес был мафиозным, бандитским. В Москве Березовский организовал его с помощью чеченцев и коррумпированной бюрократии, а в Петербурге — с помощью Путина. Так что он все понимал и про связи, и про ситуацию. Он же не ребенок.

И хотя Березовский сыграл заметную роль в отстранении Примакова, он никогда не работал с Путиным так плотно, как Пугачев. По словам одного из его ближайших соратников Алекса Гольдфарба, не он познакомил Путина с Татьяной, не он предложил его как альтернативу Степашину и как возможного преемника Ельцина.

Все радикально изменилось в середине июля, когда Кремль опустел, а его обитатели разъехались на отдых. Именно тогда швейцарская прокуратура снова нанесла удар. Семья полагала, что с расследованием по Mabetex покончено — благодаря уголовному делу, которое помог открыть Пугачев, Скуратов уже несколько месяцев назад был отстранен. Но швейцарцы не унимались, а вместе с ними не дремали и заместители Скуратова. 14 июля швейцарская прокуратура объявила о возбуждении уголовного дела по факту отмыwania денег через счета швейцарских банков. Под преследование попали двадцать четыре россиянина, включая Павла Бородина и высших чиновников Кремля. Предполагалось, что средства были получены через «коррупционные схемы или злоупотребление властью». Один из швейцарских следователей, отвечая на вопрос, есть ли в списке дочь Ельцина Татьяна, ответил: «Пока нет». Но было понятно, что круг сжимается и, по словам Пугачева, начинается паника.

Женевская прокуратура заявила, что российские коллеги ведут параллельное расследование. Именно тогда Пугачев, по его словам, решил действовать:

— Нам нужен был человек, способный с этим разобраться. Степашин бы не справился. Но был Путин с ФСБ, Совет безопасности, Патрушев. Была целая команда.

Пугачев помнил, какое хладнокровие Путин продемонстрировал в вопросе с видеозаписью Скуратова, и сказал, что решил представить Путина Татьяне, которая в те дни была основным каналом связи с президентом. Случайно или нет, но на следующий день ФСБ начала уголовное расследование нарушений в строительном бизнесе, который принадлежал жене главного политического оппонента Ельцина Юрия Лужкова. Вначале Пугачеву пришлось переубеждать Татьяну в отношении кандидатуры Степашина и доказывать, что тот, в отличие от Путина, не сумел достойно прокомментировать запись со Скуратовым и проститутками после показа по ТВ.

— Я ей сказал: «Таня, тебе нужен человек, который тебя спасет. Степашин пойдет на компромиссы с коммунистами. И сделает это у нас на глазах. Посмотри, как он себя ведет. Путин гораздо понятнее. Он молодой, он готов слушать. Степашин больше никого не слушает».

После этого он забрал Путина из его кабинета в Совбезе и привез к ней. Позже Юмашев, по словам Пугачева, уговаривал ее пойти к отцу и убедить его сделать замену. Однако сам Юмашев утверждал, что в продвижении Путина Пугачев не сыграл никакой роли, а уголовное дело в Швейцарии и расследование в США угрозы не представляли:

— То, что это чем-то грозило, — полная чушь, — сказал Юмашев. — Единственное, что двигало и мной, и Волошиным,

и Ельциным – власть нужно было передать человеку, который морально, идеологически и политически был бы таким же, как мы. Мы все действовали как одна команда. И по поводу того, как работать с миром и с Россией, мы достигли полного взаимопонимания с Путиным.

Именно в те дни все и решилось. Мир Степашина, а также шансы на более либеральную администрацию были забыты. На первый взгляд, не было ни одной весомой причины рисковать и заменять Степашина неизвестным Путиным. Но Семье нужен был кто-то более лояльный и более жесткий, потому что дело Mabetex раскручивалось со страшной силой. Юмашев приводил в пользу замены неубедительные доводы – например, упомянул, что Степашин – подкаблучник. Он рассказывал длинные запутанные истории о том, какие он придумывал аргументы, чтобы, пока не поздно, успеть поменять кандидатуры преемников. Но никакие доводы не действовали – в расчет шла только паника из-за швейцарского расследования. Однако именно этот аргумент никогда не озвучивался Семьей – иначе бы стало понятно, что только их отчаянное желание спастись стало причиной продвижения Путина. Семье нужен был жесткий человек, способный защитить ее интересы. Даже Юмашев не хотел в этом признаваться. Однако Пугачев, озвучив собственную версию, отклонился от официальной версии Кремля и, похоже, сказал правду.

Вначале Ельцин колебался. Но в последнюю неделю июля чеченские повстанцы предприняли несколько вооруженных атак на границе с Дагестаном, и, как заявил Юмашев, Степашин не был готов иметь с этим дело. Еще 27 июля, до первой своей поездки в Вашингтон в роли премьер-министра, он публично пообещал, что новой войны с Чечней не будет. Но всю неделю

после его возвращения практически каждый день на границе шли столкновения. 8 августа произошла серьезная эскалация конфликта – 200–300 вооруженных чеченцев взяли под контроль две дагестанские деревни. Попытки Ельцина удержать Степашина в кресле премьера потерпели крах. И даже тогда, буквально в последнюю минуту, только услышав о готовящейся замене, планы Пугачева и Семьи попытался расстроить Анатолий Чубайс, близко сотрудничавший со Степашиным. Он попробовал застать Ельцина на даче и поговорить с ним до того, как тот сделает официальное заявление, но наткнулся лишь на охрану, которая быстро переключила его на Пугачева.

Разозленный попыткой сорвать его планы, Пугачев велел охраннику не докладывать Ельцину о звонке Чубайса.

— Я неустанно работал восемь месяцев, чтобы привести Путина к власти. Моими усилиями он из никому не известного главы ФСБ стал реальным претендентом на власть. Я за всем следил, все перепроверял. Где был Чубайс, когда мы влипли в скандал с Mabetex? – неистовствовал Пугачев. – Где он был? Что он делал? Испарился.

И даже на общей встрече в кабинете Ельцина ранним утром в понедельник 9 августа Ельцин, по словам Пугачева, все еще сомневался. Степашин отказался уходить с поста премьера без голосования в парламенте, и Ельцин вышел из кабинета, решив еще подумать.

— Я помню всю эту историю, – говорит Пугачев. – Степашин сказал Ельцину, что Путин – никто, что на этом месте он не выдержит. Но все уже было решено. Редкий случай, когда сам Ельцин ничего не решал. Это был вопрос жизни и смерти.

В тот же день Ельцин выступил с официальным заявлением и ошеломил страну выбором нового премьер-министра. Путин!

Никому не известный чиновник, серая фигура, он редко мелькал в новостях. Ньюсмейкеры с трудом наскребли о нем информацию. Больше всего поразило россиян заявление Ельцина – тот в телевизионном обращении открыто сказал, что надеется увидеть Путина на месте президента: «И сейчас я решил назвать человека, который, по моему мнению, способен консолидировать общество, опираясь на самые широкие политические силы, обеспечить продолжение реформ в России. Он сможет сплотить вокруг себя тех, кому в новом XXI веке предстоит обновлять великую Россию. Это секретарь Совета безопасности, директор ФСБ России Владимир Владимирович Путин».

Путин совершил самый безумный скачок в своей головокружительной карьере. Парламент был в шоке. Многие считали его человеком, которого через какое-то время можно будет легко сместить, и именно это соображение помогло большинством голосов утвердить Путина на пост премьер-министра. К тому времени из политической тени выплыл и Примаков, готовый в преддверии парламентских выборов сформировать прочный альянс с Юрием Лужковым. По сравнению с ними, как сказал Юмашев, «Путин выглядел, как ребенок». В Кремле многие считали, что с выбором преемника Ельцин зашел слишком далеко.

— Многие наши коллеги считали, что Ельцину ни в коем случае не стоило этого делать, потому что Путин был неизвестной субстанцией, а у Ельцина было всего пять процентов политической поддержки. И все думали, что после такого заявления Путину не победить, – сказал Юмашев.

Для стороннего наблюдателя все выглядело так, будто Семья рискует по-крупному. Однако в жизнь воплощались другие

планы. Как позднее заявил Степашин, в кулуарах уже обсуждалась возможность эскалации вооруженного конфликта в Чечне. Главная задача кремлевских чиновников и политтехнологов заключалась в том, чтобы превратить неуклюжего кандидата в реальную силу, с которой необходимо считаться. На первый взгляд, материал был некачественный. На совещаниях все обсуждали Путина. Нужно было создать ему имидж одного из самых популярных телегероев советской эпохи. Он должен был стать таким современным Максом Отто фон Штирлицем, шпионом под прикрытием, внедрившимся в ряды врага. Путину предстояло сыграть роль *кандидата-резидента*, патриота, способного возродить Россию. Основная задача заключалась в том, чтобы сделать его не похожим на членов Семьи, чтобы публика считала его независимым. Путин был молод, хорошо смотрелся на фоне стареющего и дряхлеющего Ельцина, и это давало ему серьезное преимущество. Связанные с Кремлем телеканалы показывали, как решительно он действует против сепаратистского вторжения в Дагестан. Два близких партнера Березовского заявили, что тот очень помог с организацией маленькой победоносной войны, и это поспособствовало восхождению Путина к власти.

Всеми силами стремясь упрочить позиции Путина, Пугачев не обращал внимания на опасные сигналы о его лицемерии. В том июле, когда Пугачев пытался разобраться со швейцарским расследованием и вел долгие переговоры с Путиным, Патрушевым и Волошиным в надежде, что те уговорят исполняющего обязанности генпрокурора Юрия Чайку уйти в отставку и освободить место для более лояльного союзника, сам Путин определенно вел двойную игру. Вначале Чайка сопротивлялся и согласился лишь через несколько дней после

разговора с Пугачевым, однако предупредил, что лояльность Путина Кремлю все еще под вопросом. Он сказал:

— С Путиным надо быть осторожным. Когда на встрече в Кремле вы шесть часов уговаривали меня уйти в отставку, после совещания он пошел меня провожать и сказал, что я был прав, когда не согласился. Иначе это было бы преступлением.

Но Пугачев сразу забыл о предостережении Чайки. История с Mabetex, несмотря на все усилия, никак не заканчивалась, а в конце августа, когда подробности о связях Семьи и расследования наконец стали известны, разразился скандал. Итальянская газета *Corriere della Sera* напечатала статью о том, что владелец Mabetex Бехджет Пацолли оформил кредитки для Семьи и сам оплачивал их счета. Газета сообщала: швейцарская прокуратура подозревает, что эти платежи являлись взяткой — откатом за контракт на реновацию Кремля. Фелипе Туровер указывался как главный свидетель обвинения.

Эти новости больно ударили по Кремлю. До этого момента только Семья и прокурор понимали, как далеко может зайти следствие. Пугачев снова поспешил на помощь.

— Таня была в ужасе, — сказал он. — Но я заверил, что с этим разделаюсь.

Он попросил Семью открыть счета в Межпромбанке, а затем объявил журналистам, что упомянутые кредитные карты были выпущены много лет назад через его банк. Такой шаг должен был запутать журналистов и снять вопрос о том, нарушал ли Ельцин закон, имея счета в иностранных банках.

Пугачев полагал, что вся эта история ужасно несправедлива. Он сказал, что Ельцин даже не понимал, откуда брались все эти деньги. Однажды, уже в подпитии, он попросил шефа охраны Александра Коржакова купить водки, достал из сейфа, где

хранил гонорар за книгу, написанную в сотрудничестве с Юмашевым, пачку банкнот и протянул тому 100 долларов.

— Он спросил у Коржакова, хватит ли этого. Он понятия не имел, что сколько стоит и что такое деньги. Ельцин никогда не имел дел с финансами.

С кредитки, выпущенной на имя Ельцина, практически ничего не снималось — лишь небольшие суммы во время официального визита в Будапешт. Его дочери, однако, тратили гораздо больше.

— Таня могла грохнуть 100 тысяч долларов в месяц на меха, — сказал Пугачев. — Они просто приходили в магазины с этим куском пластика и покупали вещи. Они не понимали, что кто-то должен покрывать кредит.

Как утверждал Юмашев, они думали, что кредитки оплачивались из гонорара Ельцина за книгу воспоминаний. Бородин сказал им именно так.

— Они наивно тратили эти деньги, полагая, что тратят гонорары за книги, — вспоминал Юмашев. — Но я не сомневаюсь, что глупостью Бородина могли воспользоваться недружественные силы, включая Примакова и Скуратова.

На горизонте сгущались тучи, а денежный след мог подорвать и без того шаткое положение. В первую годовщину финансового кризиса 1998 года газета *New York Times* опубликовала данные о другом финансовом скандале в России. Правоохранительные органы США расследовали дело о миллиардах долларов, подозревая отмывание денег российской ОПГ через Bank of New York. Спустя месяц появились сообщения о том, что обнаружилось связи между деньгами и Семей. Следователи отследили трансфер в 2,7

миллиона долларов на два счета в Bank of New York на Каймановых островах, открытые на Леонида Дьяченко. После этого из документов швейцарской прокуратуры выяснилось, что через Banca del Gottardo шли и более крупные переводы на счет, принадлежащий Татьяне. Однако никаких обвинений предъявлено не было, а Юмашев сказал, что любое предположение о том, что Татьяна когда-либо получала такие деньги, является «абсолютно лживым».

Но, устав от растущего напряжения и попыток спасти Семью, Пугачев не обратил внимание и на предостережение Анатолия Собчака, который заявил, что тот делает чудовищную ошибку:

— Я подумал, возможно, он просто завидует. Но, конечно, он все это знал.

Пугачев забыл и про обеспокоенность Березовского. Тот сказал: «Сергей, это самая большая ошибка в твоей жизни. Он из порочного круга. *Комитетчик* не меняется. Ты не понимаешь, кто такой Путин». Он забыл и о собственной ненависти к КГБ, о том, как много лет назад ему пришлось бегать от спецслужб, когда он в юности приторговывал валютой в гостиницах Ленинграда. Он забыл и предостережение Чайки. И никто – даже сам Пугачев – не замечал, что Путин частенько встречается с Примаковым, который, по идее, должен был стать его главным врагом. Выяснилось, что Путин вывез всех высших чинов ФСБ на дачу к Примакову, где те поздравляли его с новым назначением, а в октябре того же года появился на праздновании семидесятилетия экс-премьера и произнес торжественную речь.

И Пугачев, и Семья закрыли на это глаза. Они очень хотели верить, что Путин – один из них. В то лето, когда активно шли расследования, они отчаянно искали преемника из спецслужб,

способного их защитить. Почему-то они поверили в то, что это под силу только Путину. Ослабленный болезнями Ельцин вынужден был согласиться. С того момента, когда в разгар кризиса 1998 года Примаков занял кресло премьер-министра, Семья понимала, что для замены подойдет только кандидат из круга *силовики*. Финансовый крах запятнал и идеалы либерализма, и молодых реформаторов, среди которых Ельцин тщетно искал преемника.

— Мы проглотили столько свободы, что отравились ею, — горько сказал Юмашев.

Лицемерная поддержка Путиным рыночных отношений и демократических принципов заставила Семью поверить, что он продолжит начатый ею курс. Но их расчеты опирались лишь на дерзкую осуществленную Путиным операцию спасения Собчака.

— Эта демонстрация лояльности и бралась в расчет, [...] при выборе это был весомый фактор, — сказал кремлевский советник и политтехнолог Глеб Павловский.

Семья знала, что Путин гораздо жестче Степашина и не побрезгует средствами, чтобы при необходимости защитить союзников. Помимо этого, как сказал Пугачев, он казался послушным и преданным. Пугачев по-прежнему думал, что Путин будет ходить за ним по пятам, и верил, что тот унаследовал либеральные и демократические идеи Собчака.

— Я полагал, что его близость к Собчаку свидетельствовала именно о его либеральных взглядах. Я не сильно разбирался в том, что он собой представлял.

Более того, Путин с неохотой согласился на должность премьер-министра. Его пришлось уговаривать и заверять, что

это ненадолго, только до тех пор, пока ситуация не стабилизируется.

Однако Пугачев не знал, что Путин когда-то близко сотрудничал с человеком, попытавшимся опрокинуть ельцинский режим. Он не знал, что именно Фелипе Туровер, стоявший за утечками информации о Mabetex и имевший связи с легендарным отделом по черным операциям КГБ, помогал Путину с реализацией бартерной схемы «сырье в обмен на продовольствие» в Петербурге. Он никогда не слышал историю, рассказанную мне Туровером: когда в том августе его имя просочилось в итальянскую прессу, шеф охраны Ельцина предположительно отдал приказ ликвидировать его. Сразу после этого Путин встретился с гостившим в Москве давним другом, сообщил ему о приказе и посоветовал немедленно убраться из страны.

— Он велел мне уезжать, потому что президент приказал ему прикончить меня. Он сказал, что я уезжаю под его гарантии.

Пугачев также не знал, что все это время Путин вел двойную игру.

— Путин всегда сдерживал обещания, — сказал Туровер. — Он никогда не работал на Семью и против Примакова. Формально он работал только против Скуратова.

Пугачев также не догадывался о том, что Путин мог стать частью плана Б, разработанного КГБ после неудачной попытки с Примаковым. Пугачев, по его словам, всегда думал о Путине как о человеке, которого можно контролировать. Он не понимал, что тот мог лгать Семье, делая вид, что явился для поддержки. Путин «обманул их», сказал Туровер.

— Война основывается на обмане. Это стратегия Сунь-Цзы. 2600 лет назад он написал «Искусство войны». Путин хорошо

усвоил уроки дзюдо, – заключил он.

Глава 5

Игрушки в грязной луже

Семья ушла с политической сцены не из-за путча, готовящегося, как она подозревала, силами старой коммунистической гвардии, а из-за проигрыша силовикам в ползучем перевороте. Ее осадили со всех сторон, и ей оставалось только пойти на соглашение с КГБ, иного выбора не было.

— Нужно было подыскать компромиссную фигуру, — сказал близкий к Путину старший офицер КГБ. — Огромная армия бывших и действующих правоохранителей никуда не делась. Им нужен был человек, способный наладить отношения с этой армией после ухода Ельцина. Такое вынужденное решение объяснялось в основном их страхом: они до смерти боялись, что потеря Ельциным власти приведет к контрреволюции и потере всего, что было достигнуто чудовищными усилиями. Это был вопрос безопасности и договоренностей. Они думали, что Путин станет временной и контролируемой фигурой. Единственным человеком, активно выступившим против Путина, был Чубайс. Он опасался, что прошлое Путина — и конкретно его служба в КГБ — не позволит ему стать марионеткой в руках Семьи. И интуиция его не подвела.

Долгое время Путин многим виделся случайным президентом. Но на самом деле ни его продвижение в Кремле, ни его президентство не были случайны.

— Его еще до перевода Москву начали проверять на пригодность, — сказал соратник Путина по КГБ.

Если для внешнего мира ельцинская Россия была страной эпохальных перемен, покончившей с властью спецслужб, то внутри страны за непрозрачным фасадом спецслужбы

оставались силой, с которой надо было считаться. Во всех учреждениях, компаниях и даже в Кремле на должностях второго эшелона стояли выходцы из КГБ. Некоторые из них поначалу поддерживали переход к рынку, отлично понимая, что в условиях плановой экономики Советский Союз не может конкурировать с Западом, но затем увидели, как начатые ими реформы развились в нечто неконтролируемое. Оставаясь за кулисами, они наблюдали, как в условиях свободы стремительно обогащаются олигархи. К середине 1990-х годов эти ребята с легкостью обставили своих бывших наставников из КГБ. Свободы породили грабительский капитализм, который и помог спецслужбам скомпрометировать Ельцина и его окружение. Рынок рухнул – настало время силовиков. Семья оказалась в уязвимом положении из-за дела Mabetex и банковских счетов, вредили ей и близкие отношения с Березовским. Закулисные кремлевские игроки давно планировали реванш и возврат к государственной экономике.

— Институты спецслужб никуда не исчезли, – сказал бывший директор российского отдела в Совете национальной безопасности США Томас Грэм. – Личные связи никуда не делись. Им просто нужен был человек, который смог бы заставить эти связи заработать. И это было будущее. Если не Путин, они нашли бы кого-то еще, но такого же.

Влиятельная каста кремлевских силовиков стремилась обезопасить имущество и материальные ценности, полученные в ходе рыночных реформ. В Кремле бытовало убеждение, что новый президент должен быть выходцем из госструктур. Это послужит символическому реваншу госслужащих – учителей, врачей и правоохранителей, которые в ельцинскую эпоху пострадали больше всего.

— Нам нужно было собрать единую прокремлевскую коалицию, — сказал Глеб Павловский. — К власти должен был прийти политик нового типа и завершить постсоветский переход.

— В любом случае на смену режиму пришел бы КГБ, — сказал Андрей Илларионов.

Примаков, ставший частью плана А, представлял угрозу коммунистического реванша, а риск, что дуэт Примакова-Лужкова до конца жизни упрятет Ельцина и Семью за решетку, казался вполне реальным. Миссией Путина как силовика было спасение Ельцина. Путин оказался чародеем, сумевшим убедить Семью в своих прогрессивных взглядах и в том, что он такой же, как они.

— Путин — выдающийся политик, он провел успешную операцию по завоеванию доверия Семьи, — сказал Илларионов. — Примаков выглядел главным врагом Ельцина. И люди из спецслужб были правы, когда заявили, что Ельцин просто так власть не отдаст.

Однако в отчаянной попытке не сдать позиции Семья передала правление молодому поколению выходцев из КГБ. И в своем стремлении удержать власть эти люди оказались более беспощадными, чем любой из государственных деятелей старой гвардии типа Примакова. В Кремле плелись интриги, шла война кланов — даже внутри спецслужб, и власть переходила группе людей, чье становление прошло в условиях жестких переделов собственности в Петербурге. Эти люди жаждали власти и, доказывая свою лояльность, не остановились бы ни перед чем.

Политтехнологи Кремля неустанно работали над тем, чтобы представить Путина решительным противником вторжения чеченцев в Дагестан. Однако в первые месяцы премьерства

Путина рейтинги его одобрения почти не росли. Его по-прежнему часто называли бесцветным. Он оставался типичным бюрократом, тогда как популярность Примакова, недавно объявившего об альянсе с Лужковым, постоянно росла, в том числе среди губернаторов. Все это время тревожными звоночками в новостях мелькали сообщения о расследованиях за границей. Возможная связь Bank of New York с Семьей напоминала тикающую бомбу, а новости о расследованиях по Mabetex и выданных кредитках еще больше усугубляли ситуацию. В сейфе одного из кабинетов на Петровке лежали подписанные ордера на арест.

Но всех ждало еще более удивительное преобразование.

Именно тогда, как рассказывал мне Пугачев, он предложил исключительно дерзкий ход: он начал исподволь убеждать Татьяну и Юмашева в том, что Ельцину стоит уйти с поста досрочно, чтобы Путин унаследовал президентство до выборов. Это был единственный способ удержать для него кресло.

— Мы не смогли бы продержаться до президентских выборов, которые должны были пройти следующим летом, — сказал Пугачев. — Тот факт, что Ельцин обозначил желаемого преемника, ничего не решал. Ему нужно было отдать президентство.

Обсуждения длились часами. Юмашев был уверен, что Ельцин не согласится.

— Я сказал, что это вопрос его собственной безопасности и безопасности Семьи. И его, и нашей. Вопрос будущего страны. А он ответил: «Ты же понимаешь, он никогда не отдаст власть».

В конце концов, по словам Пугачева, Юмашев заявил, что сам пойдет к Ельцину. Они расстались поздним вечером, а на следующий день Юмашев позвонил Пугачеву:

— Он сказал, что вопрос решен.

Впрочем, сам Юмашев утверждал, что в тот момент решение еще не было принято. Официальная версия гласит, что Ельцин решил уйти досрочно только в конце года.

Однако два бывших кремлевских чиновника также заявляли, что решение было принято заранее, а близкий соратник Путина уже тогда заметил, что произошло что-то серьезное. В конце августа Путин в компании близкого друга на несколько дней уехал на дачу в кооператив «Озеро». По словам одного из посвященных, он был погружен в размышления, его явно что-то тяготило.

Но уже через три недели, после ужасной трагедии сентября 1999 года, общественность начала иначе воспринимать Путина. Все забыли про заголовки с упоминанием о Mabetex, Путин набирал политический вес, а Ельцин исчезал из поля зрения.

Поздним вечером 4 сентября 1999 года в жилом доме дагестанского Буйнакса взорвалось устройство, погибли шестьдесят четыре человека — в основном члены семей российских военнослужащих. Считалось, что взрыв стал ответом на эскалацию вооруженного столкновения с чеченскими повстанцами, которые в конце той же недели продолжили вторжение в Дагестан и захватили несколько деревень. Это произошло через день после того, как новый премьер-министр объявил о победе федеральных сил в Дагестане. Казалось, что это очередной трагический поворот в бесконечных стычках, участницей которых Россия поневоле была с самого начала чеченской войны, развязанной Ельциным в 1994 году.

Еще через четыре дня очередной взрыв разрушил центральную секцию жилого дома в спальном районе на юго-

востоке Москвы и унес жизни девяносто четырех человек, спавших в своих кроватях. Было ощущение, что военные действия России на Кавказе подошли к новому смертельному рубежу. Вначале следователи сказали, что взрыв мог произойти из-за утечки газа. Вряд ли какая-нибудь семья из того здания имела какое-то отношение к провозглашению независимости Чеченской республики. Какая связь могла быть у этого взрыва с военной операцией на другом конце страны? Едва спасатели успели извлечь тела из-под завалов на улице Гурьянова, 19, как через четыре дня следующий взрыв сровнял с землей серое девятиэтажное жилое здание на Каширском шоссе Москвы. Погибли сто девяносто человек. Единственное, что на месте трагедии напоминало о предыдущей жизни, – детские игрушки в грязной луже.

Москву охватила паника. Случай был беспрецедентным – через десять лет тлеющего кавказского конфликта война пришла в столицу. Все заговорили об угрозе национальной безопасности, и истории о связанных с Семей финансовых скандалах исчезли с первых страниц газет. В этот ключевой момент Ельцин выпустил бразды правления, Путин перехватил штурвал, стал главнокомандующим и в качестве мести за взрывы инициировал ковровые бомбардировки Чечни.

Той осенью число погибших от диверсий стремительно увеличивалось и уже перевалило за триста. В этот момент Кремль начал беспрецедентную и тщательно спланированную PR-кампанию. Почему? Это и было самой чудовищной загадкой продвижения Путина. Могли ли спецслужбы начать взрывать своих граждан в попытке инициировать кризис, который гарантировал бы ему президентство? Ответов на этот животрепещущий вопрос не было. Предположительно все люди,

серьезно занимавшиеся расследованием взрывов, погибли или были арестованы.

Однако невозможно представить, что без этих терактов и спланированной военной кампании Путин смог бы обрести серьезную поддержку и успешно противостоять Примакову и Лужкову. В ином случае Семью и дальше полоскали бы в новостях о расследованиях по Mabetex и Bank of New York, а преемник Ельцина тоже попал бы под подозрения. Но теперь, как по прописанному сценарию, Путин вдруг проявил себя уверенным и подготовленным государственным деятелем. Он предстал перед гражданами человеком слова – к 23 сентября он уже руководил бомбардировками Грозного. Он говорил с россиянами на языке улицы, обещая «мочить террористов в сортире»¹, называл отколовшуюся республику преступным государством, где свободно разгуливают «бандиты» и «международные террористы», порабоцевавшие, насилующие и убивавшие невинных русских. Для россиян это стало глотком свежего воздуха. В сравнении с больным и дряхлеющим Ельциным Путин казался ответственным лидером.

По ТВ транслировали встречи премьера с военным руководством в Дагестане. Выпрыгивающий из вертолета Путин в брюках цвета хаки и легкой куртке выглядел киношным героем. Показывали, как он торжественно поднимает тост, сидя в палатке с полевыми командирами.

— Мы с вами не имеем права позволить ни секунды слабости. Если мы это сделаем, тогда получается, что те, кто погиб, погиб напрасно, – твердо заявил он.

Его представляли как спасителя страны, русского Джеймса Бонда, который пришел, чтобы восстановить порядок и дать надежду.

Кампания должна была избавить россиян от чувства ущемленной национальной идентичности. Путин выглядел как человек, не имеющий отношения к хаосу и кризисам ельцинских лет. Жестокие бомбардировки на Кавказе стали триггером для всплеска национального гнева, копившегося с момента вторжения НАТО в традиционную сферу интересов России в Восточной Европе и бомбежек Косово в бывшей Югославии. Теперь ковровым бомбардировкам подверглась Чечня, под авиаударами гибли тысячи мирных жителей. Рейтинги Путина взлетели с 31% в августе до 75% в конце ноября. Если это была реализация операции «Преемник», то план сработал: в стране сформировалось значительное пропутинское большинство.

Но сомнения по поводу взрывов в Москве появились почти сразу. В попытке усилить истерию и дискредитировать Лужкова одним из первых забил тревогу депутат от коммунистов Виктор Илюхин, заявив, что за взрывами мог стоять Кремль. В Москве ходили слухи о том, что Кремль готов спровоцировать кризис как повод для отмены предстоящих выборов. За три дня до очередной серии взрывов в Волгодонске спикер Госдумы Геннадий Селезнев заявил законодателям о планируемых атаках. Вечером 22 сентября местный житель сообщил полиции, что стал свидетелем странной сцены в Рязани: три подозрительных типа перетаскивали из машины мешки в подвал его жилого дома. Это было еще одним зловещим предупреждением. К моменту прибытия полиции подозреваемые скрылись на машине, номера которой были залеплены. Полицейские осмотрели подвал и вышли оттуда потрясенные и испуганные: в подвале лежали три мешка, соединенные с детонатором и таймером. Жильцов сразу

эвакуировали и закрыли доступ к квартирам до вечера следующего дня. Изначально полиция заявила, что в результате анализа в мешках обнаружены следы мощного взрывчатого вещества гексогена. Шеф местного отдела ФСБ сказал, что таймер был выставлен на 5.30 утра, и поздравил людей со счастливым спасением. Все это произошло за несколько часов до потенциальной трагедии.

Полицейские и рязанские фээсбэшники начали масштабную операцию по поимке предполагаемых террористов и перекрыли все выезды из города. Через сутки, 24 сентября, министр внутренних дел Владимир Рушайло доложил о предотвращении очередной серии взрывов. Но уже через полчаса резкий и острый на язык шеф ФСБ Николай Патрушев заявил телерепортеру, что в мешках был сахар и что весь эпизод – не более чем учебная тревога, тест на гражданскую бдительность. Патрушев руководил маневрами за сценой. Он никогда не стеснялся в выборе средств, но его пояснения не только противоречили данным Рушайло, но и стали сюрпризом для рязанского ФСБ. Подозреваемые были уже в шаге от ареста. Общавшийся с полицией местный житель позже заявил, что в мешках была желтая субстанция, по текстуре больше похожая на рис, чем на сахар, и это описание, согласно показаниям экспертов, совпадает с описанием гексогена.

В следующие месяцы жильцы дома номер 14 на улице Новоселов метались между гневом, растерянностью и травмирующими переживаниями. Информация, полученная от правоохранителей, была противоречива. Некоторые утверждали, что не верят в учебную тревогу. Позднее появилось сообщение, что милиции удалось перехватить звонок, который,

как предполагалось, сделал подозреваемый террорист – он звонил на московский номер, связанный с ФСБ.

И если это правда, то, похоже, Патрушев со своим заявлением о том, что инцидент был постановкой и учебной тревогой, просто пытался остановить расследование. Местные правоохранители вдруг замолчали – отказались давать комментарии прессе и ограничились официальной версией об учебной тревоге. Специалист по взрывчатым веществам, занимавшийся первичными пробами, был переведен в специальное подразделение, сотрудникам которого общаться с журналистами запрещено. Все полученные данные срочно были засекречены.

В 2003 году полковника ФСБ в отставке Михаила Трепашкина, осмелившегося продолжить расследование взрывов в Москве, отправили под трибунал и осудили на четыре года тюрьмы. Арест случился через несколько дней после его заявления журналистам, что фоторобот одного из подозреваемых в первых взрывах на улице Гурьянова, 19 совпадал с внешностью человека, в котором он опознал агента ФСБ. (Фоторобот, созданный по показаниям одного из свидетелей, позже был заменен более подходящим описанием человека чеченской внешности. Сам чеченец утверждал, что обвинения сфабрикованы. Оригинальный фоторобот из документов расследования исчез.)

Если это и была страшная тайна, стоявшая за восхождением Путина, то она красноречиво говорила о том, как далеко готовы зайти люди из КГБ. Долгие годы вопросы об этих взрывах оставались без ответа, а журналисты, занимавшиеся расследованием и искавшие любые свидетельства, неизменно натывались на стену – Кремль все отрицал. Но официальная

версия начинала трещать по швам. Бывший кремлевский чиновник заявил, что слышал, как Патрушев говорил о происшествии в Рязани. Он был вне себя от ярости, узнав, что Рушайло почти раскрыл причастность ФСБ к этим взрывам: офицеры полиции установили связанных с ФСБ людей, которые закладывали взрывчатку. Рушайло чуть не сорвал всю операцию, когда попытался найти материалы, компрометирующие ФСБ и лично Патрушева. ФСБ пришлось отступить и заявить, что в мешках был просто сахар. Патрушев, очевидно, не испытывал угрызений совести, а бесился из-за того, что оказался в дурацком положении. Один бывший кремлевский чиновник сказал, что до сих пор не понимает смысл случившегося:

— Не было никакой необходимости в этих взрывах. Результаты выборов все равно были бы в нашу пользу.

Кремлевская машина пропаганды была достаточно мощной, чтобы обеспечить Путину гарантированную победу на выборах. Но Патрушев, по утверждению чиновника, «хотел навсегда привязать его к себе и запачкать кровью».

Пресс-секретарь Кремля Дмитрий Песков заявил, что это «полная ерунда». Валентин Юмашев также утверждал, что никакого заговора ФСБ за взрывами жилых домов не стояло:

— Я уверен, что это не так. В стране никто не хотел второй чеченской войны.

Первая война закончилась для России унижительным поражением: когда-то великая российская армия потеряла в крошечной республике столько людей, что «инициировать вторую войну в Чечне было бы самоубийством».

— Устроить взрывы в жилых домах — это как начать вторую войну, — сказал Юмашев. — То есть полностью уничтожить

политическое будущее человека, которого ты пытаешься поддержать.

Но война, которую вел Путин, существенно отличалась от ельцинской, забравшей столько жизней. Теперь акцент был сделан не на пехоту, а на бомбардировку. И Путин прояснил это с самого начала, заявив:

— На этот раз мы не отправим под огонь наших бойцов.

Павловский также отрицал наличие какого-либо заговора:

— С точки зрения выборов, взрывы жилых домов сыграли бы на руку Лужкову.

Но тот внезапно исчез с радаров. В том гексогенном сентябре московский мэр упустил свой шанс на лидерство в России.

Однако даже если бы Лужков и захотел отомстить за взрывы, он не имел полномочий наносить авиаудары по Чечне. И хотя на его стороне стоял медиамагнат Владимир Гусинский со своим телеканалом НТВ, Лужков не смог бы раскрутить пропагандистскую машину, способную противостоять государственному телеканалу РТР и принадлежавшему Березовскому ОРТ, которые с восторгом вещали о каждом шаге Путина. Все контраргументы Кремля не выдерживали критики. Если взрывы были инициированы ФСБ, то ближний круг Ельцина об этом мог и не знать. Люди Путина легко могли перехватить инициативу.

— Мы все считали, что это теракт. Мы и не думали, что за этим стоит что-то иное, — сказал приближенный к Семье человек.

Но если это был план ФСБ, то все зашло гораздо дальше кагэбэшных методичек несмотря на то, что уже с 1960-х годов Комитет поддерживал террористические группировки на Ближнем Востоке и в Германии в попытке дестабилизировать

и расколоть Запад. Немецкие террористы под руководством Штази и КГБ устраивали взрывы в берлинских ночных клубах, где гибли американские военные, и подкладывали взрывные устройства немецким банкирам, которые подрывались на бомбах по пути на работу. Сам Владимир Путин во время работы в Дрездене, если верить сообщениям бывшего участника немецкой РАФ, отвечал за коммуникацию с членами террористических групп. Однако устроить взрывы, в которых погибнут граждане твоей собственной страны, – это совершенно другое.

— Тогда я не мог поверить, что гражданин России готов убить такое количество мирных людей, лишь бы потешить свои политические амбиции, – сказал близкий к Березовскому российский олигарх. – Но теперь, хоть я и не уверен в их причастности, но точно знаю одно: они способны и не на такое.

— Он начал предвыборную кампанию со взрывов жилых домов, – сказал крупный российский банкир, имевший связи с внешней разведкой.

Перед россиянами Путин предстал жестким и бескомпромиссным лидером нового поколения.

— Кампания имела стилистические признаки национальной либеральной революции, – сказал Павловский. – Простой парень из ленинградской коммуналки, пришедший в Кремль ради блага народа... Решение Путина развязать войну в ответ на взрывы было спонтанным, но оно не разрушало изначальной модели. Оно соответствовало идее о новом и сильном режиме.

Долгие годы эти взрывы не мог забыть и Борис Березовский. Позднее, когда противоречия с Кремлем вынудили его бежать в Лондон, он много раз повторял, что ФСБ к ним причастна.

Но в те дни Березовский был еще на плаву и в преддверии парламентских выборов, запланированных на декабрь 1999 года, решил повременить с обнародованием непривлекательного прошлого Путина в КГБ и активно поддержал предвыборную кампанию. Даже лежа в больнице с гепатитом, он умудрился организовать на федеральном телеканале ОРТ разрушительную медийную кампанию по дискредитации репутаций Примакова и Лужкова. Эти политики сформировали мощный альянс «Отечество – Вся Россия», и думские выборы должны были стать первой проверкой его прочности. С больничной койки Березовский ночью звонил на ОРТ и давал указания популярному и влиятельному тележурналисту Сергею Доренко, который в своем разоблачительном угаре выходил за рамки даже привычно грязных российских медиавойн. В одном из выпусков Доренко обвинил Лужкова в присвоении полутора миллионов долларов в виде откатов от коррумпированного мэра курортного городка в Испании, а его жену Елену Батурину, крупнейшего строительного магната Москвы, – в перекачке сотен миллионов долларов через сеть иностранных банков. А в другом выпуске заявил, что шестидесятидевятилетний Примаков не годится на должность президента из-за операции на тазобедренном суставе, которую он недавно сделал в швейцарской клинике. В качестве дополнительной аргументации зрителям были предъявлены живописные кадры с костями и кровью, снятые в московской клинике во время аналогичной операции на другом пациенте. И словно этого было мало, Доренко заявил, что Примаков на посту руководителя СВР мог быть замешан в двух покушениях на президента Грузии Эдуарда Шеварднадзе. В попытке дискредитировать региональных губернаторов, вступивших

в блок «Отечество – вся Россия» и выразивших поддержку Скуратову, программа практически в режиме нон-стоп крутила кадры с прокурором и проститутками.

Неугомонный Березовский сказал, что намеревался уничтожить Примакова и Лужкова. Осенью он досрочно выписался из больницы и отправился напрямик к своему партнеру, чтобы организовать логистику предвыборной кампании.

— Он целиком погрузился в кампанию и выглядел сумасшедшим, — сказал партнер. — У него всегда было три мобильных телефона, и он все время с кем-то говорил. Он повторял «Я разнесу их в клочья. От них ничего не останется».

И хотя рейтинги одобрения Путина неуклонно росли, ставки все еще были высоки. Уголовные расследования, инициированные Примаковым в отношении деловой активности Березовского, оставались в подвешенном состоянии. Над Березовским нависла угроза ареста.

В организации медийных кампаний по дискредитации конкурентов Доренко оказался исключительно эффективным. Поддержка избирательного блока «Отечество – Вся Россия» начала постепенно снижаться. Впрочем, обвинения в адрес Лужкова и Примакова были не так интересны по сравнению с финансовыми скандалами вокруг Семьи, о чем подробно рассказывал конкурирующий канал НТВ, выступавший на стороне дуэта. Березовский занялся подготовкой плацдарма для создания в противовес альянсу «Отечеству – Вся Россия» новой прокремлевской партии «Единство», но пока она выглядела аморфной массой безликих и невнятных чиновников. К середине ноября рейтинги «Единства» едва достигли 7%, в то время как «Отечество – вся Россия» набрала почти 20%.

И лишь в конце ноября, когда Путин выступил с публичным заявлением в поддержку «Единства», рейтинги партии начали расти. В теленовостях каждый день освещали решительные действия Путина в Чечне, благодаря чему он фактически превратился в политического царя Мидаса, и спустя неделю рейтинги «Единства» взлетели с 8% до 15%, тогда как поддержка блока «Отечество – Вся Россия» рухнула до 10%, несмотря на то, что прежде россияне выступали на стороне Примакова. В лидеры гонки вышли коммунисты с 21%. Собственный рейтинг Путина взлетел до 75%. Даже с учетом активной деятельности Березовского и титанических усилий Доренко без путинской поддержки «Единства» Кремль легко мог потерять парламент.

В день голосования 18 декабря «Единство» получило рекордное число голосов – 23%, уступив коммунистам всего один процент. Альянс «Отечество – Вся Россия» Примакова-Лужкова был разгромлен, собрав всего 12,6% голосов. Юмашев заявил, что именно в тот момент Ельцин наконец поверил в мощь Путина, в его растущую политическую силу и решил уйти досрочно, чтобы освободить место. Юмашев утверждал, что Ельцин принимал решение сам, а роль Пугачева была минимальна.

В своих мемуарах, в работе над которыми участвовал Юмашев, Ельцин рассказал о разговоре с Путиным и о том, как он сообщил ему о своем уходе. Это было 14 декабря, за четыре дня до выборов. По словам Ельцина, на президентство Путин согласился неохотно. «Я хочу уйти в этом году, Владимир Владимирович. В этом году, – вспоминал тот разговор Ельцин. – Это очень важно. Новый век начнется с новой политической эры, эры Путина. Вы понимаете?» Путин помолчал, наконец

собрался с мыслями и сказал: «Я не готов к такому решению, Борис Николаевич. Это очень сложный выбор».

Но ни история о сомнениях Путина, ни разговоры о том, что Ельцин решил уйти в последнюю минуту, не совпадают с реальными событиями, не соответствуют свидетельствам Пугачева и двух других кремлевских чиновников, утверждавших, что решение было принято раньше. За время до парламентских выборов Путин уже успел переключить на себя управление армией и правоохранительной системой, а Ельцин исчез из публичного пространства. Путин не смог бы действовать столь решительно, по-президентски, как он повел себя во время военной операции в Чечне, если бы не заручился гарантиями будущего президентства.

И даже если сам Путин и сомневался в этом шаге, он принадлежал группе людей из спецслужб, которая намеревалась вернуть власть. Выступая на ежегодном собрании по случаю Дня чекиста в последние дни 1999 года, он ясно дал понять: бразды правления снова переходят в руки спецслужб:

— Я хочу доложить, что группа сотрудников ФСБ, направленная в командировку для работы под прикрытием в правительство, на первом этапе со своими задачами справляется.

Он произнес это с невозмутимым видом, но, закончив речь, усмехнулся. Если это и была шутка, то весь вид Путина – тени под глазами и суровая бледность – этому противоречили. Фактически он сообщал людям из спецслужб, что они наконец вернули контроль над страной. Эту ремарку, казалось, никто не заметил.

Но в Кремле сторонники Путина из спецслужб были заняты негласными приготовлениями. За три дня до конца года на

новом портале правительства Путин опубликовал статью «Россия на рубеже тысячелетий», и она выглядела как манифест спецслужб. В ней Путин впервые выразил свое видение будущего страны.

Из статьи можно было понять, что он планирует стать наследником Андропова. Он изложил программу новой эпохи государственного капитализма, в котором Россия будет управляться жесткой рукой государства с элементами рыночной экономики. Цель всего этого – модернизация и повышение эффективности через экономический рост и дальнейшую интеграцию в мировую экономику плюс стабильность и сильная государственная власть. С одной стороны, это звучало как очередное отрицание догм коммунизма. Сам Путин называл коммунизм тупиком, за который страна заплатила немыслимую цену; именно коммунистический режим «обрек страну на неуклонное отставание от развитых государств». Но статья однозначно сигнализировала также о том, что выбранный Ельциным путь либерализма по образцу западной демократии тоже отвергнут. Стране нужно было искать третий путь – с опорой на традиции и сильное государство. «Россия не скоро станет, если вообще станет, вторым изданием, скажем, США или Англии, где либеральные ценности имеют глубокие исторические традиции, – писал Путин. – Крепкое государство для россиянина – не аномалия, не нечто такое, с чем следует бороться, а, напротив, источник и гарант порядка, инициатор и главная движущая сила любых перемен».

Но в суе и подготовке к новогодним праздникам накануне нового тысячелетия на это мало кто обратил внимание. Статью Путина прокомментировали лишь в одной национальной газете; иначе бы ее вообще никто не заметил. Люди покупали

новогодние подарки, на заснеженных площадях продавались елки, машины стояли в пробках, а российские семьи, как всегда, собирались перед телевизором, чтобы посмотреть новогоднее обращение президента. Но в этом году с полночным боем часов приход нового тысячелетия обернулся шоком. Нетвердо стоявший на ногах, с опухшим лицом, но все же сохранивший достоинство, Ельцин объявил нации о своем досрочном уходе и назначении Путина исполняющим обязанности президента. Он сделал это заявление с той же драматичностью, которая характеризовала все беспокойные годы его правления. Решение до последнего момента держалось в тайне.

— Я много раз слышал: Ельцин всеми силами будет держаться за власть, он никому ее не отдаст, — сказал он. — Это — вранье. [...] Россия должна войти в новое тысячелетие с новыми политиками, с новыми лицами, с новыми умными, сильными, энергичными людьми. А мы — те, кто стоит у власти уже многие годы, — мы должны уйти.

Но Ельцин уходил с невероятным смирением. Он попросил у народа прощения за и десятилетний хаос, в котором пребывала страна после крушения советского режима, и за ошибки в конце президентства, которые не стали препятствием на пути к окончательной свободе:

— Я хочу попросить у вас прощения. За то, что многие наши с вами мечты не сбылись. И то, что нам казалось просто, оказалось мучительно тяжело. Я прошу прощения за то, что не оправдал некоторых надежд тех людей, которые верили, что мы одним рывком, одним махом сможем перепрыгнуть из серого, застойного тоталитарного прошлого в светлое, богатое, цивилизованное будущее. Я сам в это верил: казалось, одним рывком — и все одолеем. Одним рывком не получилось.

Это было пронзительное оплакивание несбывшейся мечты – и, вероятно, пророчество будущих событий. Он передавал страну, которая погрязла в экономических кризисах. Но он передавал страну человеку, которого привели к власти люди из спецслужб и который верил, что самое большое достижение эпохи Ельцина – установление базовых демократических ценностей – еще ближе подтолкнет нацию к краху. Когда Ельцин передавал правление Россией Путину, демократические ценности казались непоколебимыми. Губернаторов выдвигали на выборах. СМИ были свободны от вмешательства государства. Верхняя и нижняя палаты парламента стали платформой для критики государственной политики. Но те, кто поддержал восхождение Путина, полагали, что свободы, с таким трудом отвоеванные при Ельцине, завели страну слишком далеко и что под влиянием Запада в стране установился режим беззакония, в результате которого к власти пришли олигархи и разорили государство. Вместо того, чтобы укреплять демократические институты и разбираться с эксцессами эпохи Ельцина, люди Путина нацелились на саму демократию – и только ради того, чтобы укрепить собственную власть.

Если Ельцин и допускал, что Путин собирается вернуться в мрачное, серое тоталитарное прошлое, то старался не подавать виду. Но он передавал власть комитетчику, помазаннику из кадров внешней разведки – тех самых деятелей, которые инициировали переход Советского Союза к рынку, понимая, что перемены – это залог выживания. Для этих людей выдвижение Путина означало, что революция, которую они затеяли ради установления рыночных отношений, завершена. Фрагменты сетей КГБ, возникших по инициативе Политбюро для создания теневой экономики, теперь можно было возрождать.

Финансовый крах эпохи Ельцина сыграл силовикам на руку, и теперь они шли отвоевывать свое лидерство. Программа Путина, опирающаяся на идею сильного государства, была поддержана населением, разочарованным и уставшим от бесконечных переделов и конфликтов. Десять лет кризисы следовали один за другим, и люди с трудом пережили эти времена. А в это время кучка приближенных к власти бизнесменов захватила невообразимые богатства. Теперь при определенных усилиях можно было все переиграть.

— Приход Путина к власти был естественным следствием девяностых годов, — сказал бывший чиновник из правительственных кругов, тесно связанный со спецслужбами.

Сразу после того, как Ельцин объявил о своем уходе и о назначении Путина исполняющим обязанности президента, Примаков и Лужков отошли на задний план, освободив дорогу преемнику. После поражения на парламентских выборах альянса «Отечество — Вся Россия» ни один из них не мог участвовать в президентской гонке. Наоборот, они оба отказались от конкуренции и поддержали Путина. Примаков, стоявший у истоков реформ перестройки и ратовавший за окончание идеологического противостояния с Западом, уступил место человеку из нового поколения комитетчиков. Все нити управления страной получила группа, наиболее подходящая для завершения перехода к государственному капитализму, которому предстояло проникнуть на западные рынки. Люди Путина были не так испорчены коммунистическим прошлым, как Примаков, — несмотря на его ключевую роль в инициации рыночных реформ, в своих взглядах и решениях он опирался на советские идеи. Новые люди были более продвинутыми в финансах и любили представляться прогрессивно мыслящими.

Они были моложе, но пожилые генералы в верхушке российской внешней разведки наивно полагали, что по-прежнему смогут их контролировать. Примаков передавал эстафету людям, которые были более беспринципны и не остановились бы ни перед чем в стремлении получить больше власти.

И хотя Примаков, несомненно, мечтал о восстановлении российского государства и власти КГБ, он не строил карьеру на криминальных махинациях в Петербурге в девяностых годах. Он не имел отношения к ячейке КГБ, которая срослась с организованной преступностью, захватила городской порт и топливные сети, делилась наваром от приватизации городского имущества с Тамбовской ОПГ и отмывала деньги. Он не относился и к молодому поколению комитетчиков, которое в восьмидесятые годы перекачивало деньги и технологии Запада, используя связи КГБ и звериную капиталистическую хватку. Он был пожилым принципиальным госслужащим образца времен холодной войны, далеким от идеи расхищения активов, столь популярной в девяностых годах. Он не был похож на людей Путина, которые в момент передела чувствовали себя обделенными и мечтали о куске национального богатства лично для себя.

Последствия решения Семьи поддержать Путина, чтобы обезопасить себя от Примакова и прокурорского расследования, в следующие десятилетия отразились на всех – и на России, и на мире. Мы никогда не узнаем, что бы произошло, если бы президентом стал Примаков. Но справедливо предположить, что реванш в его исполнении не растянулся бы на такой долгий срок, как у Путина, и что Примаков не стал бы вести себя на международной арене чудовищным образом. Его

приверженность идеям коммунистической эпохи сыграла против него, он выглядел, как динозавр из прошлого. Президентство Степашина было бы более мягким и не пошло бы на ущемление свобод, к которым скатился режим Путина.

Согласившись уйти, Ельцин позволил откатить назад часть демократических завоеваний своего правления. После его ухода выдвижение Путина на должность президента стало свершившимся фактом. На президентском посту Путин заполучил всю административную мощь и по своему желанию практически единолично мог распоряжаться национальным бюджетом. Накануне выборов, назначенных на 26 марта, он подписал указ о двадцатипроцентном повышении зарплат учителям, врачам и другим государственным служащим. Никто не сомневался в его победе. Ему даже не нужна была предвыборная кампания – он с презрением относился к самому выборному процессу.

— Мне в страшном сне не могло присниться, что буду участвовать в выборах, – заявил он журналистам накануне выборов. – Мне казалось абсолютно неестественным раздавать какие-то обещания людям, зная, что определенные вещи невыполнимы. Я рад, что моя предвыборная кампания была построена таким образом, что я был избавлен от необходимости вводить в заблуждение огромные массы людей.

Он отказался принимать участие в теледебатах с другими кандидатами – убежденным коммунистом Геннадием Зюгановым и провокатором-националистом Владимиром Жириновским из Либерально-демократической партии. Оба они уже проиграли Ельцину в 1996 году, а против Путина шансов у них не было. Он намеренно воздерживался от промо-роликов,

снятых по западным лекалам, и шумных мероприятий, так популярных во времена Ельцина.

— Эти видео — просто реклама, — сказал он репортерам. — Выяснять в процессе рекламной кампании, что важнее — «Тампакс» или «Сникерс», думаю, неуместно. Поэтому я этим заниматься не буду, — усмехнулся он.

На самом деле в те дни Путин вряд ли выиграл бы любые теледебаты. Он никогда не был публичным политиком. Но ему охотно предоставляли эфиры. Вместо предвыборной кампании он как исполняющий обязанности президента получил в свое распоряжение полный телевизионный охват, в программах его рисовали непоколебимым лидером нации. Показывали, как он летает по всей стране, посещает заводы, даже в Чечню наведалься на истребителя «Сухой». Все эти мероприятия входили в его рабочее расписание и не имели отношения к выборам. И такая тактика прекрасно работала — людям надоело наблюдать за ельцинским паясничанием и политическими драмами. Им нужен был лидер. Конкуренты Путина остались далеко позади и казались второстепенными фигурами, не имеющими отношения к выборам. Результат был предрешен. За два дня до голосования Путин и Лужков появились вместе на строительной площадке в Москве в знак перемирия.

Кремль преподнесли Путину на тарелочке.

— Словно подарок на Новый год. Просыпаешься утром, а ты вдруг — президент, — сказал Пугачев. — Нормальных выборов не было, вся система была продумана заранее.

Но в суматохе, сопровождавшей приход Путина к власти, едва ли кто-то хотел замечать зловещие знаки. Он начал кампанию с прощания со своим наставником, с человеком, который представил его Семье как прогрессивно мыслящего

демократа. Внезапно умер Анатолий Собчак. Он вернулся в Россию из вынужденной командировки в Париж предыдущим летом, незадолго до назначения Путина на пост премьер-министра. Уголовное дело против Собчака, связанное со взяточничеством, закрыли – вероятно, сам Путин похлопотал. А теперь бывший протеже Собчака стремительно поднимался по карьерной лестнице и уверенными шагами шел прямо к креслу лидера нации. Больше не нужно было беспокоиться о возможных преследованиях. Со стороны могло показаться, что Собчак поддерживает предвыборную кампанию Путина. Но, по словам Пугачева, он предупреждал, что выдвижение Путина – ошибка, а в ноябре 1999 года внезапно разразился гневной тирадой в адрес питерского ФСБ и других правоохранителей, обвинив их в захвате Балтийского морского пароходства и заявив, что тех, кто обанкротил порт, нужно отправить в тюрьму. Такая публичная критика постсоветских правоохранительных органов города была вопиющим и единичным случаем.

Собчак умер 20 февраля 2000 года. В тот день рядом с ним был Шабтай Калманович – человек из теневого альянса спецслужб и ОПГ, агент КГБ, в 1988 году осужденный в Израиле на пять лет за шпионаж в пользу СССР. После освобождения он завязал тесные отношения с лидерами самой влиятельной Солнцевской группировки. Калманович был ближайшим партнером бизнесмена, через которого в Петербургском морском порту шел импорт южноамериканских фруктов, и, по словам бывшего чиновника горсовета, тоже вовлеченного в контрабанду. Вдова Собчака считала Калмановича другом семьи. Однако для ФРБ он был «влиятельным участником Солнцевской организации, миллионером, русским эмигрантом,

связанным с агентами КГБ и высокопоставленными государственными чиновниками в России, Израиле и других правительствах мира».

Казалось, Петербургский морской порт преследует Собчака всюду. В Париже его ближайшим соседом оказался один из главарей Тамбовской ОПГ Илья Трабер, который подружился с Собчаками в начале девяностых годов во время операций с антиквариатом. А перед смертью про порт ему напомнил и Калманович. В тот день, пожаловавшись на боли в груди, Собчак вернулся в отель пораньше. Он был в Калининграде, читал курс лекций в местном университете. Через полчаса его в бессознательном состоянии нашел «человек из соседнего номера». Дверь была не заперта. По каким-то причинам в течение следующего получаса никто не вызвал скорую, а через десять минут после приезда врачей Собчак был мертв. Как сказала вдова Собчака, его нашел Калманович.

Местные органы инициировали расследование, подозревая отравление, но вскоре объявили, что Собчак скончался от естественных причин. Ранее он перенес инфаркт. Однако некоторые его коллеги до сих пор задаются вопросом: не знал ли он чего-то такого, что не понравилось бы людям Путина? Собчак был посвящен в подробности темного бизнеса Путина в Санкт-Петербурге: схем «сырье в обмен на продовольствие», отмывания денег Тамбовской группировки через компанию SPAG, приватизации и расхищения Балтийского морского пароходства, в результате чего Трабер заполучил порт и нефтяной терминал. Никто не мог объяснить, почему скорую не вызвали сразу.

— Я не верю в то, что его смерть была естественной, — сказал один из бывших партнеров Трабера. — Он слишком много знал.

Конечно, от него избавились, но оказались достаточно сообразительными и не оставили следов.

Вдова Собчака Людмила Нарусова рыдала над гробом мужа в Таврическом дворце Петербурга. Путин утешал ее, а потом публично раскритиковал тех, кто обвинял бывшего мэра в коррупции, и заявил, что Собчак умер, не выдержав травли и преследований. Гламурная блондинка Нарусова, которая позже подастся в политику и станет сенатором в Совете Федерации, казалось, продолжала верить в преданность Путина. И только единожды, много лет спустя, она позволила себе усомниться в причинах смерти Собчака. Это случилось в ноябре 2012 года, вскоре после внезапного завершения ее политической карьеры: ее кандидатуру сняли во время подготовки к перевыборам. При Путине были искоренены последние парламентские свободы, а она слишком громко выступала с критикой. Ее отстранение и окончательное подавление политической активности в стране, по словам Нарусовой, «разрушило определенные иллюзии». Она утверждала, что знала Путина как «абсолютно честного, достойного и преданного человека», но при этом ей казалось, что его испортило окружение. После смерти мужа она заказала независимое вскрытие, и оно показало, что Собчак умер от остановки сердца. Но Нарусова не сказала, что именно произошло – согласно экспертизе, это не было следствием инфаркта.

— На сердце остались шрамы после инфаркта в 1997 году. Но почему его сердце остановилось – это другой вопрос, – сказала она журналисту, добавив, что знает ответ, но обнародовать его не может, потому что боится за жизнь дочери. – Я понимаю, на что способны эти люди, они не хотят слышать и слова правды.

Все документы хранятся за границей. Даже если со мной что-то случится, документы никуда не денутся. – Отвечая на вопрос, кто «эти люди», она сказала: – Некоторые из них – люди во власти.

Но больше с такими заявлениями она не выступала.

Заняв должность исполняющего обязанности президента, Путин начал приспосабливаться к новой жизни. Для этого пришлось попрощаться с некоторыми пережитками петербургского прошлого. На тот момент Ельцин с семьей располагался в огромной президентской резиденции в Горках-9 под Москвой, а Путин все еще жил на государственной даче премьер-министра. Они с Пугачевым поехали осмотреть три резиденции, пустовавшие с советских времен. Одна располагалась слишком близко к дороге, вторая не годилась ни по каким параметрам. Но третья – огромное дореволюционное поместье XIX века – оказалась подходящей. Для Пугачева резиденция в Ново-Огарево имела историческую и духовную значимость. Именно здесь на рубеже столетий жил сын императора Александра II Великий князь Сергей Александрович с женой Елизаветой Федоровной. В 1905 году он погиб от бомбы террористов. Его жена собрала с мостовой останки мужа и всю свою жизнь посвятила помощи бедным, а в конце постриглась в монахини. В 1918 году большевики сбросили ее живой в шахту и взорвали. В 1981 году она была канонизирована.

Для Пугачева, православного верующего, Ново-Огарево имело значение как религиозное святилище царского прошлого. Однако для Путина этот дом в неоготическом шотландском стиле оказался привлекательным с иной стороны: он имел пятидесятиметровый бассейн. Как сказал Пугачев,

увидев дом, Путин «застыл с круглыми от удивления глазами. Больше ему ничего в жизни не было нужно. Это был предел его мечтаний».

Пугачев, все еще, очевидно, верящий в возможность контролировать Путина, решил, что его легко будет впечатлить прелестями президентской жизни.

— До развала Союза большую часть своей жизни он жил в коммунальных квартирах. Когда он начал работать в мэрии, ему уже исполнилось сорок. — Он родился и вырос в обшарпанной ленинградской коммуналке и жил там с женой Людмилой до назначения в Дрезден. — Люда говорила, что пользоваться кухней можно было только с трех до пяти. И представьте: после этого он видит такое! — сказал Пугачев.

В советские времена поместье отреставрировали для приема иностранных правительственных делегаций. За оранжереей выстроили второй дом, копию первого, в нем проводил приемы ЦК КПСС. Здесь собирались главы советских республик для обсуждения союзного договора Горбачева — судьбоносной реформы отношений с республиками, что и стало одной из причин путча в 1991 году. Пугачев понимал, что до переезда семьи Путина кроме мелкого ремонта нужно возвести высокий забор.

Пугачев, похоже, все еще верил, что Путин принял руководство страной с большой неохотой. Он часто называл себя «наемным менеджером» и, казалось, не сомневался, что президентский срок ограничится четырьмя годами. С начала своей карьеры в Петербурге, с момента первого интервью Игорю Шадхану он всегда позиционировал себя «слугой государства».

Узнав вечером 26 марта 2000 года результаты президентских выборов, Путин, казалось, был изумлен своим внезапным

успехом. Даже когда число голосов перевалило за пятьдесят процентов, необходимых для победы в первом туре, он по-прежнему выглядел обескураженным.

— У всех есть право на мечту, — заявил он журналистам в предвыборном штабе. — Но никто не должен рассчитывать на чудо. Уровень ожиданий действительно очень высок, люди устали, жизнь сложна, и все ждут изменений к лучшему. Но у меня нет права заявлять, что с сегодняшнего дня начнутся чудеса.

А в это время дочь Ельцина Татьяна на подмосковной даче уже начала праздновать победу. Кадры из документального фильма Виталия Манского показывают семью Ельцина, собравшуюся вокруг большого дубового обеденного стола. Когда голоса за Путина перевалили пятидесятипроцентный порог, началось веселье. Открыли шампанское. Татьяна даже прыгала от радости.

— Можно пить шампанское. Маленькими глотками! — улыбнулась она. — Мы победили!

Но сам Ельцин, похоже, до конца так и не смирился с потерей власти и своего наследия. Опухший, ослабленный болезнями, он, казалось, не совсем понимал, что происходит.

— Папа, ты почему такой грустный? — спросила Татьяна. — Папа, ты рад? Ты все сделал. Ты посмотрел на него и понял, что он подходит.

В тот вечер Ельцин позвонил преемнику с поздравлениями — но в ответ получил неслыханное оскорбление. Человек, которому он передал президентство, оказался слишком занят, чтобы подойти к телефону. Ельцин снова стал никем — стариком, с трудом выговаривающим слова. Татьяна же не скрывала своей радости. Тем же вечером они с Юмашевым

появились в офисе, где наследники ельцинской эпохи Волошин, Павловский, Чубайс вместе с питерскими силовиками отмечали победу Путина. Это была их общая победа.

Теперь Семья наконец почувствовала себя в безопасности, полагая, что Путин сможет защитить от нападок и их самих, и их имущество. Как рассказал бывший высокопоставленный правительственный чиновник и близкий соратник Путина, когда Ельцин согласился досрочно уйти, с преемником был заключен негласный пакт. Получив президентство, Путин сразу подписал указ о предоставлении Ельцину неприкосновенности и защиты от уголовных преследований. Но за кулисами проворачивалась более серьезная сделка.

— В связи с уходом Ельцина и приходом Путина велись переговоры об имуществе, — сказал Андрей Вавилов, на тот момент первый замминистра финансов. — Предметом переговоров стало имущество, а не структура общества. Все всё забыли. Все думали, что демократия так и останется. Все заботились лишь о своих личных интересах.

Сделка гарантировала Семье неприкосновенность от уголовных преследований и сохранение бизнеса приближенных — в частности, владельца многочисленных компаний и ближайшего партнера Березовского Романа Абрамовича. Журналисты еще долго относили его к близкому кругу Семьи. Бизнес Абрамовича включал «Сибнефть» и алюминиевый концерн «Русал», учрежденный незадолго до 2000 года и контролирующий более 60% алюминиевого производства в России — внушительный символ неограниченной власти Семьи. Как заявил соратник Путина, сделка также подразумевала, что в течение первого президентского срока

ставленники Ельцина получают право продолжать свою экономическую деятельность.

Однако Юмашев отрицал сам факт существования таких сделок. Он сказал, что подписанный Путиным указ гарантировал неприкосновенность Ельцина, однако в нем не было упоминания о Семье, а у Семьи не было бизнеса, который следовало бы сохранять. Относительно состава правительства он заявил, что «в выборе Путин был совершенно независим и мог уволить кого угодно». Как сказал Юмашев, Ельцин верил в приверженность Путина идеалам демократии, и это было единственной причиной, по которой Путин пришел к власти.

Пугачев также упомянул об одном интересном моменте. Он утверждал, что они с Юмашевым и Татьяной пришли к решению покинуть страну и позволить Путину править так, как ему заблагорассудится. Единственное, что им, по его мнению, было нужно, так это гарантии неприкосновенности. Но Путин передумал в последнюю минуту – во время их встречи у него на даче вскоре после выборов, где они собирались отметить передачу власти, он настоял на том, чтобы Семья и ее люди остались в правительстве. Пугачев сказал:

— Я этого не понимал. Он все время говорил о том, что ему нужно чистое государство. А потом заявил им: «Мы сделаем это вместе. Мы – одна команда».

Несмотря на очевидный отскок, Пугачев, тем не менее, понимал, что режим изменится в любом случае. К власти пришли люди Путина, люди из КГБ, а он всеми силами стремился с ними консолидироваться.

— Было понятно, что к власти пришли люди из силовых структур – безопасники и шпионы, то есть силовики, – сказал

Пугачев.

После всего, что случилось, сама идея подобных пактов между Семей и Путиным до сих пор многих приводит в замешательство. В частности, партнера Ходорковского Леонида Невзлина.

— Если у них был доступ ко всем источникам информации, как они позволили привести его в Кремль? Он же был мафиози из Петербурга. Как они могли сделать его преемником?



Екатерина (Катя), вторая дочь Владимира и Людмилы Путиных, родилась во время службы Путина в Дрездене, август 1986 года. (Фото: Sovfoto/Universal Images Group/Getty Images)



Удостоверение Путина как сотрудника Штази (Министерство государственной безопасности ГДР) давало доступ в помещения службы и облегчало вербовку агентов.



Во время прохождения службы в Дрездене в качестве офицера спецслужб КГБ и Штази Путин разрабатывал «спящих» агентов, так называемых «нелегалов».



Сергей Пугачев (слева), в девяностые известный как «банкир Кремля», тесно сотрудничал с Павлом Бородиным (справа), занимавшего должность управляющего делами Президента РФ.



Дочь Бориса Ельцина Татьяна Дьяченко с мужем Валентином Юмашевым, руководителем Администрации президента РФ при Ельцине. (Фото: Shutterstock)



Евгений Примаков (слева), бывший глава службы внешней разведки и позже председатель правительства РФ, в 1999 г. стал представлять угрозу для президента Бориса Ельцина. (Фото: Itar-Tass/Pool/Shutterstock)



В канун нового тысячелетия (2000) Борис Ельцин передал свои президентские полномочия Владимиру Путину. (Фото: AFP via Getty Images)



Успех Путина на президентских выборах сыграл на руку Пугачеву (на фото справа от Путина, со спины, на вечеринке с близкими соратниками Путина: Владимиром Якуниным и Юрием Ковальчуком)



Чеченская война подняла рейтинг Путина и способствовала укреплению власти питерских силовиков под руководством Николая Патрушева — директора Федеральной службы безопасности. (Фото: Алексей Панов/AFP via Getty Images)



Дни разгула и сытности олигархов ельцинских времен — таких как Михаила Ходорковского (слева) и Бориса Березовского — подошли к концу, как только Путин

стал президентом. (Фото: Алексей Кондратов/AP/Shutterstock)



Михаил Ходорковский, в прошлом самый богатый человек в России, и его ближайший соратник Платон Лебедев в клетке на судебном процессе по обвинению в мошенничестве и уклонении от уплаты налогов в особо крупном размере. (Фото: Shutterstock)



Бывший председатель совета директоров и основной акционер банка «Россия» Юрий Ковальчук, известный также как «личный банкир Путина». 20 февраля 2010 года.
(Фото: Александр Николаев, AFP via Getty Images)



Мартин Шлафф — миллиардер, в прошлом агент Штази, который, как предполагают, в 1980-е годы торговал запрещенными технологиями «ноу-хау» в Дрездене. (Фото: STR/AFP via Getty Images)



Константин Малофеев, православный магнат. (Фото: Сергей Малгавко/TASS via Getty Images)



Дмитрий Фирташ, приближенный к Кремлю бизнесмен, занимающийся теневыми поставками газа между Россией, Украиной и Туркменистаном. (Фото: Simon Dawson/Bloomberg via Getty Images)



Владимир Путин и Людмила Нарусова на похоронах Анатолия Собчака — мэра Санкт-Петербурга и наставника Путина, загадочно быстро скончавшегося за месяц до того, как Путин стал президентом в 2000 году. (Фото: Sputnik/Alamy)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 6

«Его создало ближайшее окружение»

Вышагивая под сводчатыми потолками залов Большого Кремлевского дворца, Путин, казалось, все еще не верил в то, что именно в его честь устроена эта пышная инаугурация. С торжественным видом, с легкой улыбкой, опустив глаза и слегка покачиваясь из стороны в сторону, он шел, одетый в темный костюм, и мало чем отличался от обычного офисного работника. Он умел становиться непримечательным и знал, как слиться с любой средой. Но в этот день его приветствовали наряженные в бело-золотую имперскую форму трубачи, а госчиновники, заполнившие роскошные залы дворца, аплодировали ему, наблюдая за каждым его шагом. Он шел по красной ковровой дорожке прямо в Андреевский зал.

7 мая 2000 года кандидат-резидент прибыл в Кремль. Отставной офицер КГБ, всего восемь месяцев назад – типичный безликий чиновник сейчас готовился стать президентом России. Обильное золото на стенах и канделябрах было живым свидетельством, во-первых, осуществления плана КГБ по возрождению Российской империи, а во-вторых – существования тех странных контрактов с Mabetex по реновации Кремля. Теперь Кремль выглядел еще богаче, чем до революции, и именно это стало причиной прихода Путина к власти.

Никогда еще инаугурация в Кремле не была такой пышной. Государственное торжество в отремонтированных палатах

дворца проводилось впервые. И еще ни разу в истории страны не случилось такой мирной передачи власти от одного правителя другому. Должно быть, Ельцину было горько смотреть на это золото и роскошь – ведь именно они его и уничтожили. Но он тоже стоял в зале, гордый, смелый, с прямой спиной, и когда он заговорил о том, с каким трудом стране досталась свобода, то едва сдерживал эмоции.

— Сегодня впервые за столетие приходит законная передача полномочий от одного главы государства другому. Конечно, это непросто, и мы должны гордиться, что это происходит без переворотов, без путчей, без революций – происходит мирно, уважительно, достойно, – сказал он. – Такое возможно только в свободной стране, в стране, которая перестала бояться не только других, но и самой себя, собственной власти, освободившей граждан и давшей им свободы. Это, конечно, возможно только в новой России, которая научила людей свободно мыслить и жить. Да, мы писали историю новой России с чистого листа, что называется, методом проб и ошибок, было много нелегких испытаний, много трудностей, но сейчас всем нам есть чем гордиться – Россия изменилась. Изменилась потому, что мы берегли ее как зеницу ока и твердо защищали главное наше завоевание – свободу. Мы сохранили достойное место России в мировом сообществе, не дали стране скатиться к диктатуре, не допустили смуту, открыли путь к нормальному жизнеобеспечению людей, а успехи на этом пути – дело времени и напряженной работы.

Прощальные слова Ельцина прозвучали предостережением. Но человек, который в тот день вступал в должность президента, был решителен и сосредоточен, а когда взял слово, то заговорил о возрождении российского государства, о том, как важно знать

историю, включая самые тяжелые моменты, и как важно относиться к истории с уважением. И хотя он вскользь упомянул о том, что нужно почтительно относиться и к демократическим достижениям, его основной посыл разительно отличался от речи Ельцина.

— Ради сегодняшнего торжественного события мы собрались сегодня здесь, в Кремле, в святом для нашего народа месте. Здесь, в Кремле, – средоточие нашей национальной памяти, здесь, в стенах Кремля, веками вершилась история нашей страны, и у нас нет права быть Иванами, не помнящими родства. Мы не должны забывать ничего, мы должны знать свою историю, знать ее такой, какая она есть, извлекать из нее уроки, всегда помнить о тех, кто создал Российское государство, отстаивал его достоинство, делал его великим, мощным, могучим государством. Мы сохраним эту память, и мы сохраним эту связь времен, и все лучшее из нашей истории мы передадим потомкам. Мы верим в свои силы, в то, что мы можем по-настоящему преобразовать и преобразить страну. [...] Могу заверить вас, что в своих действиях буду руководствоваться исключительно государственными интересами. Считаю своей святой обязанностью сплотить народ России, собрать граждан вокруг ясных целей и задач и каждый день и каждую минуту помнить, что у нас одна Родина, один народ, у нас с вами одно общее будущее.

Среди тех, кто аплодировал ему из первых рядов, была и Семья – те самые официальные лица, которые помогли Путину прийти к власти. Там находился и Александр Волошин, в прошлом – талантливый экономист, а теперь – руководитель администрации президента. Рядом с ним сидел плотный хриплоголосый Михаил Касьянов. Этот чиновник из команды

Ельцина на пике своей карьеры возглавлял министерство финансов и распоряжался выплатами внешних стратегических долгов России, а когда в канун Нового года Ельцин передал правление Путину, последний, во исполнение пакта о преемственности между ним и Семьей, сделал Касьянова премьер-министром, а позже, в мае, утвердил Волошина главой администрации.

Никем не замеченные, затерявшиеся в толпе официальных лиц были здесь и люди Путина из КГБ, которых он привез из Петербурга. В те дни о них почти никто ничего не слышал. Это и были те самые *силовики*, которые готовились продемонстрировать свою власть: вначале – в союзе с чиновниками Ельцина, а затем – и самостоятельно. Уже вскоре после инаугурации они ясно дали понять, что десятилетие свободы, которым так гордился Ельцин, подходит к концу.

Среди связанных с КГБ бизнесменов присутствовал и Юрий Ковальчук – физик, владелец контрольного пакета акций петербургского банка «Россия», учрежденного коммунистами на закате СССР. Был в зале и Геннадий Тимченко – предположительно бывший агент КГБ, который тесно сотрудничал с Путиным в северной столице, занимался экспортом нефти. Закаленные в жестоких битвах за наличность в Санкт-Петербурге, теперь они готовились удовлетворить свои аппетиты и в Москве. В безликой толпе затерялись и никому не известные коллеги, с которым Путин начинал службу в Ленинградском КГБ и которых он назначал своими заместителями, став директором ФСБ в 1998 году. На них тогда мало кто обратил внимание.

Среди этих соратников был и кряжистый Николай Патрушев – опытный шпион, который, по словам бывшего кремлевского

чиновника, попался с поличным на организации взрывов жилых домов в Рязани. Патрушев сменил Путина на посту директора ФСБ, когда тот стал премьер-министром, и оставался в этой должности до конца его второго президентского срока. С 1994 года, задолго до карьерного взлета Путина, он занимал высшие должности в ФСБ в Москве. Патрушев был старше Путина всего на год, в конце семидесятых годов они вместе работали в контрразведке КГБ. Когда Путин стал вице-мэром Петербурга, Патрушев в новоиспеченном петербургском ФСБ возглавил отдел борьбы с контрабандой, а группа бывших кагэбэшников из числа людей Путина приступила к захвату главного канала контрабанды в городе – Балтийского морского пароходства и стратегического морского порта. Вскоре Патрушева перевели в Москву, где он быстро вырос до главы ФСБ. Изрядно пьющий, он изящно сочетал этику безжалостного капитализма и страсть к накоплению богатств с амбициозными планами по возрождению Российской империи.

— Он – простой парень, советский человек старой формации. Он хочет вернуться в Советский Союз, но только при капитализме. Капитализм для него – средство восстановления имперской мощи России, – сказал близкий к Патрушеву человек.

Близкий соратник Путина с этим согласился:

— У него всегда были очень независимые и смелые суждения.

Иными словами, Патрушев всегда был провидцем и идеологом возрождения Российской империи.

— Он – очень сильная личность. Один из тех, кто действительно верит в возрождение империи, и он заразил

этими идеями Владимира Владимировича, – заявил один из приближенных.

Патрушев складно сочинял программные тексты, расписывая геополитические амбиции России, однако цели у него оправдывали любые средства. Он не умел разговаривать без мата, а если вы не матерились в ответ, он просто переставал вас уважать.

– По-другому он не понимал, – сказал его приближенный. – Он не мог говорить или вести себя иначе. Он приходил на собрания и произносил: «Ну что, хуесосы, опять все проебали?»

Другой соратник Путина утверждал, что Патрушев всегда был жестким, тогда как сам Путин поначалу исповедовал либерализм. Один из приближенных говорил, что Патрушев всегда считал себя умнее и сообразительнее Путина:

– Он никогда не считал Путина своим начальником.

В свое время Патрушев объявил вендетту повстанцам из мятежной Чеченской республики – он яростно ненавидел и «чеченов», и всех, кто с ними работал.

Среди неприметных силовиков, аплодировавших Путину в Андреевском зале, присутствовал и Сергей Иванов – старший офицер внешней разведки КГБ. За изящными манерами и свободным английским он искусно скрывал жесткий нрав и острый язык. Он тоже работал с Путиным в Ленинградском КГБ, оба они – выходцы из Большого дома КГБ на Литейном, два года делили там один обшарпанный кабинет. Задолго до того, как Путин поступил в Институт имени Андропова, Иванов ушел на повышение – уехал в Финляндию, а потом – предположительно в Великобританию. Затем некий шпион перебежал на сторону Британии, чем разрушил легенду, и Иванова назначили главой представительства в Кении.

В девяностые годы он был первым заместителем директора Европейского департамента СВР под непосредственным руководством Примакова и стал самым молодым генералом со времен развала СССР. Заняв пост директора ФСБ, Путин назначил Иванова и Патрушева своими заместителями, а став премьер-министром, сделал Иванова секретарем Совета безопасности, то есть назначил его на второй по значимости пост в Кремле. По мере укрепления режима Путина росло и влияние Иванова.

Присутствовал на церемонии и усатый офицер КГБ старой школы Виктор Иванов – он воспринимал происходящее только сквозь призму холодной войны. На два года старше Путина, он был партийным функционером, затем работал на Ленинградский КГБ. Он начал службу вскоре после Путина и почти двадцать лет строил карьеру – от начальника отдела кадров до начальника отдела Петербургского ФСБ по борьбе с контрабандой. Пост достался ему по наследству от Патрушева – это случилось в тот момент, когда молодчики Ильи Трабера захватывали морской порт. По словам бывшего коллеги из отдела по борьбе с контрабандой, Иванов прославился тем, что и пальцем не пошевелил, чтобы чему-то воспрепятствовать:

— Его любимыми словами были «потом» и «не сейчас» .

В докладе старшего офицера КГБ из внешней разведки было выдвинуто предположение о причинах такой пассивности Иванова: он помогал Тамбовской группировке (к которой причисляли и Трабера) с захватом морского порта, а порт, в свою очередь, использовался для контрабанды наркотиков из Колумбии в Западную Европу. В докладе, который позднее был зачитан в лондонском суде, также утверждалось, что Путин

обеспечил Иванова защитой на весь период его работы в Петербурге, но сам Иванов этот факт яростно отрицал.

Став президентом, Путин назначил Иванова заместителем главы своей администрации. Его работа заключалась в том, чтобы внимательно следить за каждым. Как утверждал один из его приближенных, у Иванова была «феноменальная память», и он помнил персональные особенности всех и каждого. Юрий Шве́ц, впрочем, отзывался о нем не так снисходительно. Задача кадровика, сказал он, заключалась в сборе компрометирующей информации на коллег, что потом использовалось для воспрепятствования карьере:

— Где бы ни работал Иванов, он целенаправленно настраивал людей друг против друга, создавал напряженную обстановку, а затем брал ситуацию в свои руки и разрешал конфликты. Он прекрасно понимал расстановку сил вокруг себя.

Но, вероятно, ближайшим другом нового президента был Игорь Сечин. Младше Путина на восемь лет, он тенью следовал за ним повсюду с самого назначения того на должность вице-мэра: в должности секретаря он, как караульный, нес вахту в приемной перед кабинетом Путина в Смольном, исполняя роль сурового привратника. Он контролировал доступ к Путину и проверял все документы, которые передавались боссу. Любой, кому нужна была подпись Путина для открытия бизнеса, сначала должен был потолковать с Сечиным. Когда один петербургский бизнесмен запросил разрешение на открытие совместного российско-голландского предприятия по торговле углем и нефтью, друзья организовали ему встречу с Путиным. После обсуждения последний отправил бизнесмена к секретарю Игорю Сечину со словами: «Он скажет, какие принести документы, а я подпишу».

— Я вышел из кабинета и пошел к Сечину, не задумываясь о том, кто он вообще такой, — вспоминал бизнесмен Андрей Корчагин. — Только удивился, что это парень, а не девушка, ведь секретари обычно девушки. В те дни мы обращались с чиновниками довольно вальяжно. Мы начали обсуждать, какие надо принести документы, и тут Сечин вдруг что-то написал на бумаге. Он сказал: «И принесите...» и показал листок, на нем было написано «10 тысяч долларов». Я был вне себя. Я сказал: «Вы что? Совсем с глузду съехали?» А он ответил: «Так у нас делается бизнес». Я послал его к чертям, и в итоге мы ничего не зарегистрировали. Но то были абсолютно другие времена. Я понятия не имел, кто такой Сечин. Они тогда промышляли мелким взяточничеством.

По свидетельству бывшего соратника Путина, Сечин всегда выступал барьером, прикрывал босса и организовывал встречи с людьми, желающими его видеть. Даже если встреча уже была внесена в календарь, Сечин говорил, что организовывать надо все только через него:

— Связи у нас устанавливаются именно так. А если человек не слушал Сечина, он становился врагом и списывался со счетов.

По словам двух приближенных, Сечин долгое время служил именно в КГБ, а не в военной разведке, как часто предполагали. Его завербовали в конце семидесятых годов, когда он учился на филологическом факультете ЛГУ. Как сказал один близкий к нему человек, его обязали писать доносы на однокурсников. Родители Сечина развелись, когда он был маленьким, и он усердно учился, стремясь преуспеть в жизни и вылезти из нищеты — детство он провел в мрачном спальном районе Ленинграда.

— Он всегда вел себя агрессивно. У него был комплекс неполноценности, — сказал бывший кремлевский чиновник, хорошо знакомый с Сечиным. — Его детство прошло в беднейшем районе Ленинграда, но потом он поступил в университет, на филологию, а там учились сплошь дети дипломатов.

Сечин всю жизнь работал под прикрытием на КГБ, но в его официальной биографии об этом никогда не упоминалось. Вместо этого говорилось о том, что он работал переводчиком в Мозамбике, где пригодилось его знание португальского — шла гражданская война, и советские военные готовили и оснащали национальную армию. Затем официально в роли переводчика его отправили в Анголу, где Советская армия, снова разыгрывая партию в холодной войне в Африке, оснащала и готовила повстанцев для другой гражданской войны. По возвращении Сечин получил должность в ЛГУ — там он и познакомился с Путиным. Они долгое время работали вместе: сначала занимались внешними связями института, затем сотрудничали с городами-побратимами в горсовете, но при этом Сечин оставался агентом КГБ под прикрытием. С тех пор он всегда держался рядом с Путиным, вел себя, как верный слуга, в поездках носил за Путиным чемоданы и везде следовал по пятам. Сечин был заместителем Путина в Кремле, где занимался иностранным имуществом, сидел в том же маленьком кабинете, в бывшей штаб-квартире ЦК КПСС, затем, по мере карьерного продвижения Путина, получал новые назначения в администрации. Когда Путин стал президентом, он сделал Сечина заместителем главы администрации. Но за сечинской раболопной манерой крылось отчаянное желание контролировать всех и вся и невероятное умение строить

заговоры. И, как сказали два его приближенных, он ненавидел своего шефа.

Пока Сечин исподтишка подкидывал Путину разные идеи, сам Путин смотрел на него, как на тень, как на серого слугу режима.

— Он относился к Сечину, как к парню, что таскает за ним чемоданы, — сказал приближенный к ним бывший кремлевский чиновник.

Путин всегда был дотошен в вопросах рангов и субординации. В начале работы в Кремле, в середине девяностых годов, управделами президента Павел Бородин обеспечил Путина и Сечина квартирами в центре Москвы. Проблемы возникли тогда, когда Путин узнал, что квартира Сечина оказалась больше. Вскоре после переезда Сечин пригласил Путина в новую квартиру и показал, какие из нее открываются виды. Путин спросил о площади квартиры, а Сечин, посмотрев в документы, ответил: 317 квадратных метров. Путин тут же сказал: «А у меня всего 286». Он сухо поздравил Сечина и тут же ушел, словно Сечин ограбил его или цинично предал.

— У Путина были проблемы с завистью, — сказал знакомый с инцидентом чиновник. — Нужно хорошо его знать, чтобы понимать, что это означает. Игорь сказал мне, что все понял в тот момент, когда Путин сказал: «Поздравляю». На самом деле Путин хотел его пристрелить, просто выстрелить контрольным в голову. Он сказал, что после этого случая они неделями не разговаривали. А ведь это была такая мелкая, незначительная вещь... Но у Путина есть такие комплексы. На встрече с ним лучше жаловаться и говорить, что у тебя все плохо. И Игорь этому быстро научился.

Это красноречиво свидетельствует о менталитете Путина, о том, как легко он готов был придумывать несуществующие обиды, что стало заметно в последующие годы. Как и Сечин, Путин выбрался из нищеты, из грязных ленинградских улиц, где, чтобы заработать уважение, приходилось драться. Агрессия и комплекс неполноценности никуда не делись.

Последним из этой группы соратников по КГБ, которых Путин привел с собой в Кремль, был Виктор Черкесов. Он возглавил ФСБ Петербурга в тот момент, когда Путин стал заместителем мэра. На два года старше Путина, Черкесов почти восемь лет занимал руководящие посты в Ленинградском КГБ и был начальником Путина до того, как последнего отправили на учебу в Москву. На закате советского режима Черкесов возглавлял один из самых зловещих отделов КГБ, занимавшийся диссидентами. Но после краха СССР он радостно приветствовал теневой капитализм Петербурга и стал одним из связующих звеньев между мэрией, спецслужбами и организованной преступностью, ключевой фигурой, стоявшей за Тамбовской группировкой в период захвата Балтийского морского пароходства и морского порта. Путин же всегда относился к нему исключительно уважительно.

— Он занимал высшие должности уже тогда, когда Путин был никем, — сказал человек, близкий к обоим. — Он из ближнего круга. Он из элиты.

Когда Путин выбирал премьер-министра, на место директора ФСБ он собирался поставить Черкесова, но Патрушев подсуетился раньше. Юмашеву же было сказано, что не стоит выполнять каждое желание Путина — нужно сохранять некий баланс. Поэтому Черкесова назначили заместителем.

В первые годы президентства Путина людям из Ленинградского КГБ – силовикам – приходилось делить власть с наследниками ельцинского режима. Они учились и наблюдали, как хитроумный руководитель кремлевской администрации Волошин, которого Путин оставил в должности, передавал последнему «хорошо смазанную машину». Волошин считался главным представителем Семьи в Кремле – его взгляды на экономику были либеральными, но в политике он склонялся к государственности. Он входил в число тех, кто помогал обустроить передачу власти в пользу КГБ. Экономист по профессии, Волошин окончил Академию внешней торговли. Академия всегда ассоциировалась с 1-м отделом КГБ, то есть с отделом внешней разведки. Затем, в годы перестройки, он работал заместителем заведующего отделом исследований текущей конъюнктуры Научно-исследовательского конъюнктурного института (ВНИКИ). Позднее Путин отправил Волошина, свободно владевшего английским, в качестве уполномоченного на обсуждение военных вопросов с генералами США. Вначале Волошин был ценным кадром для силовиков – он помогал Путину избавляться от политических врагов.

Волошин работал также в тандеме с другим деятелем эпохи Ельцина – Михаилом Касьяновым, которого Путин снова назначил премьер-министром. На своем предыдущем посту первого замминистра финансов Касьянов разбирался с внешним долгом, то есть занимался мутными сделками, напрямую связанными с тайным финансированием режима. И хотя он слыл прозападным либералом, его считали человеком надежным. При этом он фактически олицетворял саму эпоху

Ельцина. В то же время из-за своих закулисных махинаций он заслужил прозвище Миша Два Процента.

Сразу заявив о стремлении построить здоровый рынок, Путин завоевал доверие Семьи, а затем, уже произнося клятву президента, анонсировал серию либеральных реформ, которые позже принесут ему признание экономистов всего мира и убедят инвесторов в надежности рынка. Он ввел один из наиболее выгодных подоходных налогов в 13%, что тут же решило массу проблем с неуплатами налогов, оставшихся со времен правления Ельцина. Он провел земельную реформу и разрешил продажу и покупку частного имущества, что освободило дорогу инвесторам. В качестве экономического советника президента он нанял Андрея Илларионова – его считали одним из самых принципиальных экономистов-либералов. И в этом движении к свободному рынку цены на нефть, на которых базировался российский бюджет, стали постепенно расти. Получив огромные вливания, правительство начало расплачиваться с долгами перед МВФ, которые успело набрать правительство Ельцина. Казалось, что нестабильности и турбулентности ельцинских лет положен конец.

В мире приветствовали и желание Путина восстановить связи с Западом. Одним из первых президентских указов он закрыл станцию прослушки «Лурдес» на Кубе, которую с такой яростью отвоевывал Егор Гайдар. Путин старался наладить теплые отношения с президентом США Джорджем Бушем и стал первым мировым лидером, выразившим соболезнования после атак 11 сентября 2001 года. Он даже не прислушался к совету министра обороны – на тот момент Сергея Иванова – и открыл США доступ к военным базам в Средней Азии, откуда можно было предпринимать атаки на соседний Афганистан. О его

прошлом в КГБ забыли, а Джордж Буш даже заявил, что «посмотрел в глаза Путина и понял суть его души».

Но все это длилось недолго. Начало президентства Путина теперь кажется эпохой мечтаний и невероятной наивности. По словам Пугачева, попытки восстановить связи с Западом строились не на щедрости – Путин ожидал получить что-то в ответ. Когда в июне 2002 года после нескольких теплых встреч с Путиным Джордж Буш объявил, что Соединенные Штаты в одностороннем порядке выходят из Договора об ограничении систем противоракетной обороны – главного договора по вооружениям со времен холодной войны, Путин и его советники решили, что их предали. Выход из договора давал США право начать тестировать противоракетные системы, которые предполагалось размещать в бывших странах Варшавского договора. В США заявили, что системы планировалось использовать в качестве обороны против ракет Ирана, но администрация Путина решила, что это прямая угроза России.

— Ясно, что противоракетный щит не может быть использован против какой-либо другой страны, кроме России, – сказал журналистам Волошин, добавив, что у американских официальных лиц «в голове сидят тараканы со времен холодной войны».

В то же время НАТО упрямо продвигалось на восток. Заверения о недопустимости экспансии на восток, данные Горбачеву западными лидерами, были грубо попораны. В последний год правления Ельцина в НАТО вступили Польша, Чехия и Венгрия. В ноябре 2000 года НАТО пригласило присоединиться еще семь стран из Центральной и Восточной Европы. В Кремле решили, что США буквально сует под нос России факты превосходства Запада.

С самого начала усиление контроля государства стало доминирующей силой, несмотря либеральную экономику. Фактически с первыми реформами Путина должен был установиться режим по типу Аугусто Пиночета, а экономические реформы предполагалось реализовывать «тоталитарными силами» могущественного государства. Почти сразу после своего назначения возвращенный Гайдаром и получивший образование в связанном с КГБ институте экономики в Австрии очкастый экономист Петр Авен призвал Путина управлять страной так, как Пиночет управлял Чили. Как недвусмысленно намекал Авен, согласно плану Андропова, Путин должен был завершить переход России к рынку, пока процесс не вышел из-под контроля. Будучи министром внешней торговли, Авен в свое время одобрил схему «сырье в обмен на продовольствие» от лица премьер-министра Гайдара; он же инициировал международное расследование с участием фирмы Kroll, которой предстояло найти «золото партии», и сам же отказал фирме в доступе к материалам, которыми располагала российская прокуратура. К этому моменту он объединил усилия с Михаилом Фридманом – бывшим комсомольским функционером и одним из первых предпринимателей страны. Авен стал президентом фридмановского Альфа-банка – центральной компании крупнейшего финансово-промышленного конгломерата с долями в нефтяном бизнесе и телекоммуникациях. В финансовую сеть «Альфа-Групп» вошел и директор одной из главных компаний холдинга в Гибралтаре Франц Вольф, сын знаменитого шефа отдела разведки Штази Маркуса Вольфа.

Признаки того, что Путин собирается создавать другую структуру власти, проявились сразу. Вначале оптимисты надеялись, что это просто политическая эквилибристика –

попытка уравновесить относительно либеральный и относительно прозападный фланг Семьи и людей из спецслужб Санкт-Петербурга. Однако вскоре влияние силовиков начало преобладать. Они принимали решения, опираясь на логику холодной войны, и эта логика постепенно меняла и формировала взгляды самого Путина. Мечтая восстановить мощь России, люди из КГБ воспринимали США как угрозу целостности страны и причину ослабления своей власти. Они считали, что экономику можно использовать как оружие для восстановления влияния государства и их самих, а затем направить это оружие против Запада. До какого-то момента Путин все еще находился под влиянием либерально настроенного Собчака. Но в конце концов, как сказал Пугачев, «его создало ближайшее окружение. Они переделали его в другого человека. Он разочаровался в США и захотел разбогатеть. Именно внутреннее окружение заставило его заняться восстановлением государства».

В частности, директор ФСБ Патрушев намеревался сделать Путина частью клана КГБ и заразить идеологией времен холодной войны. Когда Путина назначили директором ФСБ, а затем продвинули в президентское кресло, Патрушев отнесся к этому скептически и решил, что сможет им манипулировать.

— Он всегда был более решительным. Путина и сравнивать с ним нельзя, — сказал кремлевский инсайдер.

Патрушев хотел связать Путина с президентством, сделать так, чтобы тот не смог уйти. И эта работа началась с момента его выдвижения в президенты — со взрывов жилых домов, которые закончились войной в Чечне. Впрочем, в первый год правления Путина Семья, казалось, решила не вспоминать об этом, решив,

что теперь ее позиции надежно защищены, она просто не хотела знать ничего лишнего.

Все это время Пугачев пребывал за сценой. Словно хищник, он наблюдал за своим протее и пытался уравновесить влияние противоборствующих сил – Семьи и спецслужб. Он сказал, что старался оградить Путина от взяток и потому сам оплатил все необходимое. В первый год правления Путина Пугачев, по его словам, потратил около 50 миллионов долларов на нужды семьи, он занимался всем – вплоть до покупки домашних столовых приборов. Он приобрел квартиры для прокуроров, таким образом взяв их под свой – и президентский – контроль. Он утверждал, что это было необходимо, чтобы президента и прокуроров нельзя было подкупить.

— Им всегда предлагали деньги – то за одно, то за другое. В основном все обстряпывалось через Юрия Ковальчука, – сказал он, ссылаясь на петербургского коллегу, которому достался банк «Россия», – главный общак с наличностью питерских союзников Путина.

Пугачев заявил, что попытался положить конец установленной олигархами традиции: в годы Ельцина те верили, что контролируют Кремль через пожертвования в пользу кремлевских чиновников, вероятно, не понимая, что, по сути, он делал то же самое.

— Я просто пытался сделать так, чтобы этого больше не случалось. Правила должны были измениться, – сказал он.

Когда Путин занял президентское кресло, олигархи ельцинской эпохи все еще были сильны. Московские бизнесмены, взращенные Комитетом и первыми рыночными экспериментами эпохи перестройки, к этому моменту давно

порвали с бывшими наставниками и заняли элитные места в российской власти. Они прибрали к рукам значительную часть экономики страны, а затем, накануне выборов 1996 года, нащупали уязвимое место Ельцина и убедили его передать в свое управление крупнейшие предприятия национальной промышленности. Почти 50 процентов богатства России было передано через залоговые аукционы в руки «великолепной семерки», что только усилило зависимость и слабость Ельцина. Отчасти он зависел от средств олигархов, которые спонсировали его перевыборы в 1996 году. Сами же олигархи убедились в том, что могут не только поддерживать режим, но и диктовать свои правила.

По некоторым данным, с 1994 года на западные банковские счета ежегодно утекало по 20 миллионов долларов наличными, в то время как казна правительства неуклонно пустела. Олигархи типа Ходорковского и Березовского переправляли деньги за границу, и это ослабило государство до такой степени, что, по заявлениям людей Путина из КГБ, страна балансировала на грани краха. В 1990-х годах наблюдались массовые задержки зарплат и неуплаты налогов. Россия оказалась в серьезном долгу перед западными организациями – такими, как МВФ и Мировой банк, а дефолт по долгу составлял 40 миллиардов долларов. Более трети из этого долга не получили западные кредиторы, что еще больше подорвало репутацию финансовой системы страны. По мнению людей из КГБ, политические свободы эпохи Ельцина в регионах только подталкивали страну к хаосу. Последний год Ельцина был особенно беспокойным: некоторые региональные губернаторы отказались переводить часть налогов в федеральный бюджет.

— Мы видели, как на наших глазах разваливается страна, — сказал Сергей Богданчиков, близкий соратник Путина, приближенный Примакова и руководитель одной из последних государственных компаний «Роснефть». — По сути, Путин получил в управление руины государства. Все зашло так далеко, что губернаторы собирались вводить свою валюту... Если бы не Путин, то через два-три года не осталось бы никакой Российской Федерации. Были бы отдельные государства, как на Балканах. То, что страну ждет крах, для меня было абсолютно очевидно.

Люди из КГБ давно и пристально наблюдали за ситуацией. Добродушный и грубоватый Владимир Якунин, старший офицер КГБ, работавший под прикрытием в ООН, а по возвращении из Нью-Йорка в Ленинград получивший в управление банк «Россия», подготовил исследование собственности в российской экономике: согласно ему, в 1998–1999 годах почти 50% национального валового продукта производилось компаниями, которыми владели всего восемь семей.

— Если бы все продолжилось в том же духе, вскоре они прибрали бы больше 50%, — сказал Якунин через двадцать лет. — Все доходы оседали в частных карманах. Налоги не платились. Это было обычное мародерство. Требовалась серьезная реконструкция государства, иначе это был путь в никуда — и я это понимал.

Якунин сказал, что передал Путину отчет со своими комментариями. Это случилось вскоре после того, как Путин стал президентом.

В итоге люди из спецслужб вцепились в олигархов. Факт переправки наличности на Запад стал хорошим предлогом для укрепления власти КГБ. Силовики заявили, что олигархия

представляет угрозу национальной безопасности, хотя на самом деле олигархия угрожала только им самим. Себя же они рисовали рыцарями, призванными восстановить Российскую империю, и полагали, что возрождение государства неразрывно и гармонично связано с их собственным продвижением к успеху.

Как вспоминал Якунин, вскоре после инаугурации Путина советник по национальной безопасности президента США Джимми Картера Збигнев Бжезинский расхохотался, когда ему задали вопрос о зарубежных счетах российской элиты. Если все деньги хранятся на западных счетах, сказал он, тогда чья же это элита? Российская или западная? Услышав это, люди из КГБ пришли в ярость. Тем более обидно было услышать такое от политика времен холодной войны – именно его они считали одним из создателей западной программы по демонтажу советского режима.

Наиболее одиозным был офшорный фонд Valmet, долю в котором имел советник Ходорковского Кристиан Мишель. Через фонд проходили миллионы, его представительства были открыты в Лондоне, Женеве и на острове Мэн. Фонд также занимался зарубежными счетами принадлежавшей Ходорковскому Group MENATEP и счетами швейцарской нефтяной компании Runicom, которая экспортировала нефть из «Сибнефти», созданной Борисом Березовским и Романом Абрамовичем. Ходорковский и Березовский были самыми независимыми олигархами, а Valmet во многом олицетворял новый мировой порядок после холодной войны. Теперь на лидирующие позиции вышли США, а российские деньги независимых олигархов уходили на западные счета. Такая расстановка сил стала еще более очевидна, когда старейший и уважаемый Riggs National Bank of Washington приобрел

в Valmet долю в 51%. Банк, который десятилетиями занимался счетами посольств США по всему миру, собирался обосноваться в Восточной Европе и в России, а Valmet служил мостом. Символизм победы Запада в холодной войне прослеживался повсюду. Глава международного банковского бизнеса и бывший постоянный представитель США при НАТО Элтон Кил видел свою миссию в том, чтобы «вырастить частные предприятия в ранее недружественной среде». Ярый либерал Кристиан Мишель был убежден, что операции банка Riggs по приобретению Valmet были нацелены на высвобождение российских предпринимателей из-под гнета государства. А когда «Менатеп» Ходорковского тоже приобрел долю в Valmet, Мишель решил, что такая инвестиция символизирует «новый мировой порядок, которым гордился бы президент Буш-старший. [...] Старейший банк США и развивающийся банк России объединили свой капитал в компании Valmet. Я думал, что это заговор».

Но для людей из петербургского КГБ и поддерживающих их генералов коалиция Riggs-«Менатеп» символизировала возврат к эпохе Ельцина – к бандитскому капитализму западного образца, в котором олигархи типа Ходорковского диктовали свою волю власти. Автора программы приватизации Анатолия Чубайса они тоже считали марионеткой Запада.

Согласно взглядам этих людей, построенным на логике холодной войны, любой ход в этой игре вел к проигрышу: американские экономисты, ринувшиеся в Россию консультировать Чубайса, были шпионами ЦРУ, их цель заключалась в том, чтобы уничтожить последние остатки российской индустрии, передать все в частные руки и постепенно разрушить военную промышленность. КГБ

стремился вернуть контроль над промышленными денежными потоками, но национальные предприятия уже были раздроблены и переданы независимым собственникам – над этим поработал Чубайс.

— США послали в Россию шпионов ЦРУ, чтобы протолкнуть приватизацию, – сказал близкий соратник Путина, даже через двадцать лет после приватизации Чубайса он по-прежнему испытывал ярость. – Они воспользовались ситуацией и заработали много денег. У них не было права зарабатывать на приватизации.

На самом же деле, заявляя о поддержке дальнейшего движения России к рыночной экономике, Путин с начала предвыборной кампании не скрывал своего отношения к олигархам. Первый намек был сделан 28 февраля 2000 года на его встрече с доверенными лицами. Путина спросили, когда он избавится от присосавшихся к власти «пиявок», имея в виду олигархов, и тот ответил, что режим должен сделать больше, чем просто их уничтожить:

— Равноудаленное положение всех субъектов рынка от власти, с одной стороны, и гарантии прав собственника, с другой стороны, – один из краеугольных камней в политической и экономической сфере. [...] Ни один клан, ни один олигарх не должны быть приближены к региональной и федеральной власти, они должны быть равноудалены от власти.

Следующее предупреждение было озвучено за неделю до выборов: выступая на радиостанции «Маяк», Путин сказал, что хочет устранить всех олигархов:

— Если под «олигархами» понимать представителей групп, которые сращиваются или способствуют сращиванию власти

с капиталом, то таких «олигархов» не будет как класса. Потому что если мы не создадим равных условий для всех, то мы не сможем вытащить страну из того состояния, в котором она находится сегодня.

Такие заявления, конечно, уставшее от эксцессов ельцинской эпохи население только приветствовало. О бесконечных коррупционных расследованиях ежедневно писали пока еще относительно свободные СМИ – независимые олигархи использовали журналистику как способ свести счеты с конкурентами. Путин практически повторил слова Примакова – тот призывал освободить места в тюрьмах для бизнесменов и коррумпированных чиновников. Но если от заявлений Примакова у членов Семьи стыла кровь в жилах, то слова Путина, казалось, никого больше не пугали. Путин был агентом Семьи в Кремле, и она была уверена, что ее это не затронет.

— Близкое окружение и олигархи думали, что Путин – фигура временная, они действительно полагали, что смогут удержать его под своим контролем, – сказал близкий Путину человек.

По некоторым свидетельствам, перед президентскими выборами один олигарх обратился к Путину в Белом доме – он все еще числился в правительстве и имел там свой кабинет. Олигарх недвусмысленно заявил, что без поддержки бизнеса его никто не выберет и, следовательно, ему нужно знать правила поведения. Путин в ответ и глазом не моргнул, только бросил:

— Посмотрим.

— Он никого не уволил. Но, конечно, он играл в свои игры. Его совершенно точно недооценивали.

Вероятно, обратившимся к Путину олигархом был Борис Березовский. На тот момент, казалось, только он задумался

о том, не допустили ли все они фатальную ошибку. Завершив операцию по уничтожению тандема Примакова-Лужкова, Березовский с новой подругой отправился на Ангилью и пробыл там практически всю предвыборную кампанию, а по возвращении был поражен переменами.

— Он вернулся с отдыха, и увидел то, что ему не понравилось, — сказал человек, приближенный к Березовскому. — Он пошел к Путину обсудить кандидатуру на президентство в 2004 году, предложил ему отсидеть в президентском кресле всего четыре года, пока он, Березовский, не создаст оппозиционную партию. Он хотел, чтобы в стране была настоящая демократия.

Но даже если такой разговор и состоялся, из этого определенно ничего не вышло. За несколько дней до инаугурации Путина газета Березовского «Коммерсантъ» опубликовала материал о просочившихся планах слияния Кремля с ФСБ для обуздания всех оппозиционных партий, всех критически настроенных оппонентов и всей свободной прессы. Статья наделала много шума. И хотя слияния как такового формально не произошло, планы, описанные в статье, теперь кажутся зловещим пророчеством. Восхождение Путина к власти, конечно, способствовало захвату Кремля людьми из КГБ. Эти два института действительно сливались воедино. Словно Березовский внезапно осознал глубину своей ошибки.

«Новый президент, если он действительно хочет установить порядок и стабильность, не нуждается в саморегулируемой политической системе, — вот каков был явный посыл Кремля. — Политическому управлению президента (оно станет центральным в администрации) ставится очень конкретная задача — «реальный контроль над политическими процессами в России» (читай — подчинение политических процессов). Во-

вторых, раз уж речь зашла о «подчинении политических процессов», без наследников КГБ не обойтись. И документ это честно признает: «Программа определяет стратегической необходимостью подключение ФСБ и других спецслужб к деятельности Политического управления президента РФ». ФСБ предполагалось использовать для защиты репутации в случаях, когда просочившаяся информация служила не на пользу президенту или его внутреннему окружению.

В Кремле же отрицали сам факт того, что такие предложения вообще когда-либо выносились на обсуждение. Однако есть основания предполагать, что реализация первой фазы этого плана началась за четыре дня до инаугурации. План определенно имел целью приструнить медиа. В офисы Владимира Гусинского ворвались правоохранители в масках и с автоматами наперевес. Медиамагнату в то время принадлежала группа компаний «Медиа-Мост», куда входил и телеканал НТВ, критично настроенный по отношению к Путину. НТВ был вторым по популярности телеканалом в России, и сам Гусинский никогда не стеснялся поднимать политические темы, особенно что касалось поддержки лужковского блока «Отечество» перед парламентскими выборами. К тому же канал давал непредвзятую картину войны в Чечне. Накануне президентских выборов обсуждение подозрительного инцидента в Рязани транслировалось в прайм-тайм – участники дискуссии открыто обсуждали, стоит ли ФСБ за взрывами жилых домов. Над Путиным издевались в еженедельном сатирическом шоу «Куклы». Не раз его рисовали злобным карликом из сказок Гофмана – крошкой Цахесом, без всяких усилий унаследовавшим богатое королевство.

Налет на Гусинского в первые дни правления Путина был не только явным сигналом от новых кремлевских хозяев из КГБ. Через десять дней после инаугурации Путин обнародовал свои далеко идущие новые планы по обузданию полномочий региональных губернаторов: эти меры были придуманы для того, чтобы предотвратить объединение губернаторов против Кремля, как уже однажды случилось, когда они выступили за Лужкова и Примакова. Предложенное законодательство лишало губернаторов мест в Совете Федерации. На тот момент они успели освоиться в СФ, долгое время препятствовали увольнению Скуратова с поста генпрокурора и стали довольно независимой политической силой. Лишение губернаторов парламентских мест означал и конец их депутатской неприкосновенности в уголовных преследованиях; кроме того, предложенные меры давали президенту право увольнять губернаторов, если против них инициировано расследование, что еще отчетливее указывало на невозможность дальнейшего отклонения от курса Кремля. В качестве следующего шага по установлению повсеместного контроля Путин назвал семерых кремлевских уполномоченных – в каком-то роде супергубернаторов – для наблюдения за семью регионами. Из них пятеро были генералами ФСБ и двое – лояльными Кремлю политиками. Все они быстро получили посты.

Березовский был уверен, что такое законодательство приведет к разрушению демократических достижений эпохи Ельцина. 31 мая он написал Путину открытое письмо, заявив, что его предложения являются «угрозой территориальной целостности России и демократии». Письмо опубликовали на первых полосах почти все московские газеты, а телеканал Березовского ОРТ осветил обращение во всех вечерних

новостных выпусках. Один из друзей Березовского, магнат, имевший тесные связи со спецслужбами, в частности, с Примаковым, посоветовал ему притормозить:

— Я сказал: «Боря, хватит. Что ты делаешь? Твой парень стал президентом. Чего тебе еще нужно?» А Березовский ответил: «Он диктатор». Он раньше всех заметил в нем диктаторские замашки.

Но тогда голос Березовского звучал одиноко, а его предупреждений об угрозе демократии никто не слышал. Заседавшие в Кремле близкие к Семье чиновники, в том числе глава администрации Александр Волошин и его заместитель Владислав Сурков, вошли в команду разработчиков плана по усмирению губернаторов. А в это время за сценой воплощались планы по обузданию медиа. Кремлевские чиновники словно мстили тем силам, из-за которых чуть не оказались в тюрьме и которые год назад принесли им столько неприятностей. Юмашев утверждал: на обсуждении этих вопросов с Путиным было четко оговорено, что любые нападки на НТВ будут считаться попранием свободы слова. Но ни Юмашев, ни Волошин и пальцем не пошевелили, чтобы остановить кампанию по возвращению телеканалов под контроль государства. Мало того, сам Волошин активно в ней участвовал.

— Путин сказал мне, что Ельцин останется позорным пятном в истории, — вспоминал Юмашев. — Он сказал, что все учебники по истории будут рассказывать о Семье, причем там будет сплошная ложь, и все из-за НТВ. Путин сказал: «Почему я должен с этим мириться? Почему мы должны позволять им дискредитировать режим? Почему я должен прощать им ежедневную ложь?» Я сказал, что свобода слова — самый важный институт власти. Нам следует об этом помнить. А он

сказал, что при слабом режиме мириться с этим нельзя. Мириться можно, когда режим силен, но когда он ослаблен, сносить такое нельзя. И поступил так, как посчитал нужным.

Манера Путина вести разговор представляла собой типичную манипуляцию по шаблону КГБ: он давил на тайную неприязнь Семьи к НТВ – ведь годом ранее канал постоянно унижал приближенных Ельцина и полоскал в коррупционных скандалах, именно это в конце концов и вынудило Ельцина досрочно передать власть. Путин сознательно эксплуатировал чужие страхи, заявляя, что подобная свобода слова в будущем отразится на Семье, так как для атаки на телеканал ему нужно было заручиться ее поддержкой.

— Он смотрел на НТВ как на канал, который не информирует людей, а протаскивает интересы владельца, – сказал Юмашев. – Он сказал: «Они под колпаком. Они задолжали государству. Если бы не этот долг, я бы их не тронул. Но они сами себя скомпрометировали, и нам следует этим воспользоваться».

Рейд на «Медиа-Мост» Гусинского стал началом беспрецедентной кремлевской кампании. Путин, Волошин и другие представители Семьи выступили против олигархов ельцинской эпохи. Путин убивал саму возможность противостояния своей власти. Всего-то и нужно было устроить так, чтобы цель сама себя скомпрометировала – а дальше подключался правоохранительный аппарат. В деятельности любой компании несложно было найти реальные нарушения закона, особенно после турбулентных лет правления Ельцина.

В то лето последовала целая серия спланированных и скоординированных рейдов, призванных изгнать магнатов из политики. Операция прошла четко, по всем канонам КГБ. Примерно через месяц после налета на «Медиа-Мост» в тюрьму

упекли Гусинского, обвинив его в хищении у государства 10 миллионов долларов. И хотя в печально известной Бутырке его продержали всего три дня, для олигархов, которые привыкли к своему почти неприкосновенному статусу, это было немыслимо. Словоохотливый и неординарный Гусинский всегда использовал свои СМИ для критики власти, и ему ничем это не грозило. Магнаты написали коллективное письмо в защиту Гусинского, назвав его арест «актом мести... политическому оппоненту». Вскоре последовало новое предупреждение. Неделей спустя московская прокуратура оспорила приватизацию «Норильского никеля» в 1997 году. Это полуторамиллиардное производство в свое время было продано через печально известные залоговые аукционы за 170 миллионов долларов Владимиру Потанину. Первый заместитель председателя «Медиа-Моста» Игорь Малашенко предупреждал: сам иск говорит о том, что любого участвовавшего в приватизации бизнесмена могут отправить в тюрьму хоть завтра. В стране устанавливался новый порядок, при котором все должно было перейти под контроль Кремля.

В начале июля люди Путина за два дня совершили еще три рейда. Это было очередным подтверждением того, что теперь ни один олигарх не мог чувствовать себя в безопасности. Целью первого рейда стал «Лукойл» – огромный энергетический конгломерат, принадлежавший хитроумному чиновнику советской закалки Вагиту Алекперову, которого обвинили в фальсификации возврата налогов. Затем повторился налет на «Медиа-Мост» – впервые под прицел попал сам телеканал НТВ. На следующий день зашатался еще один символ капитализма ельцинской эпохи – концерн АвтоВАЗ, крупнейший автопроизводитель страны, принадлежавший партнерам

Березовского. Глава налоговой инспекции заявил, что компании удалось уйти от налогов, а суммы долга исчислялись сотнями миллионов долларов.

В бизнес-сообществе началась паника. В тот день, когда налоговики сновали по АвтоВАЗу, Путин в телеинтервью оправдал эти налеты и призвал разобраться по справедливости с теми, кто сколотил состояние в «мутной воде» после краха СССР.

— Нельзя путать демократию и анархию, — предупредил он. — В русском языке есть выражение «ловить рыбу в мутной воде». Какие-то рыбаки уже наловили достаточно рыбы, но при этом хотят сохранить систему. Но я не думаю, что это одобрит наш народ.

На следующий день Путин дал интервью газетам и заявил, что все эти события не означают возрождение полицейского государства. Но при этом добавил, что бизнесу придется соблюдать «правила игры» — особенно теперь, с новым подходным налогом в 13%, что должно облегчить либерализацию бизнеса.

Использовалась типичная тактика КГБ «заманить и подменить», а хорошо смазанная пропагандистская машина теперь оказалась в распоряжении Путина. Кремлевская пропаганда и правоохранные органы работали в идеальном тандеме. Магнаты умоляли о встрече с Путиным, отчаянно пытаясь постичь новые правила игры. Ходорковский негласно предупреждал о том, что теперь попасть под обвинение может любой: постсоветские законы были прописаны довольно туманно, а судебная система оставалась слабой. И снова прозвучал одинокий голос протеста: Березовский со скандалом оставил свой пост в Думе и рассказал

на представительной пресс-конференции, что больше не хочет принимать участие в «развале России и насаждении авторитаризма». Этот поступок был отчаянным призывом к другим олигархам. Но все зашло слишком далеко.

В конце июля группа самых влиятельных магнатов числом двадцать один отправилась на встречу с Путиным. Заседание прошло за овальным столом Екатерининского зала и ничем не напоминало уютные тайные посиделки с Борисом Ельциным. Это было формальное мероприятие, фактически превратившееся в публичную порку. Комментарии Путина транслировали по телевидению на всю страну. Он заявил магнатам, что в рейдах налоговиков и криминальных расследованиях винить им нужно только самих себя:

— Вы должны помнить, что именно вы построили это государство, используя свои контролируемые политические и квази-политические структуры. Не стоит пенять на зеркало, коли рожа крива.

В конце выступления Путин заверил гостей, что пересматривать итоги приватизации 1990-х годов он не собирается, призвал поддержать свою экономическую программу и перестать использовать СМИ для «политизации» расследований в отношении крупного бизнеса. Когда телекамеры выключились, он наконец удосужился объяснить гостям новые правила игры. Отныне всем следовало держаться в стороне от политики. Березовский и Гусинский на эту встречу демонстративно не явились. Оба они активно выступали против политики Путина, то же самое делали и подконтрольные им СМИ.

Но был еще один олигарх, максимально приближенный к Путину. Справа от Путина, время от времени что-то

нашептывая ему на ухо, пристроился Сергей Пугачев. Все прочие нервничали, но Пугачев оставался спокоен. Пока Путин привыкал к своей новой роли, они общались много раз на дню. Позже в тот же день по предложению Пугачева Путин устроил для олигархов прием. Мероприятие проходило уже без телекамер, но тоже было весьма символичным. Пугачев предложил встретиться с магнатами в неформальной обстановке и убедить их в том, что президент не ставит целью развязать войну. Однако место, выбранное для «дружеской» вечеринки с шашлыком, таило некий посыл. Дача Сталина в лесном массиве на окраине Москвы практически пустовала после его смерти в 1953 году. Телефоны, по которым диктатор отдавал свои приказы, не демонтировали. Кушетка, на которой он спал, оставалась в его кабинете. Казалось, само время застыло в тот момент, когда Сталин, бодрствуя сутками, составлял здесь списки врагов народа из элиты страны. Олигархов пригласили на дачу, откуда Сталин отправлял людей на смерть, – тот период называли Великой чисткой. Путин, в рубашке и джинсах, пытался выглядеть расслабленным и понятным. Пугачев сказал, что до этого Путин видел магнатов только по телевизору и не понимал, как себя с ними вести. Но если ему пришлось нелегко, то олигархи чувствовали себя гораздо хуже. Никто не решался бросить вызов новому президенту.

— Достаточно уже того, что он позволил нам уйти, – вспомнил Пугачев слова одного из них.

Все это время Пугачев стоял за сценой. Когда магнаты столкнулись с рейдами и налетами налоговиков, он полагал, что обстановка все еще под его контролем. Он продвинул своего человека в кресло президента, а на место шефа ФСБ поставил союзника. Он лично выбрал нового руководителя Федеральной

налоговой службы – им стал Геннадий Букаев, его партнер из Башкортостана, где Пугачев имел долю в нефтяном секторе. Пугачев же способствовал назначению Владимира Устинова на место генпрокурора – нужно было положить конец расследованию по Mabetex. Через свой Межпромбанк Пугачев раздавал наличные направо и налево. Купил квартиру для Устинова, квартиру для его заместителя... Чтобы работать с Пугачевым, олигархи выстраивались в очередь.

— Они постоянно обращались ко мне со словами: «Нужно сделать рейдерский захват и отнять бизнес у такого-то». – И он рассмеялся – в его словах чувствовалась глубокая ностальгия.

По информации одного источника, на поклон к Пугачеву приходил даже бывший протеже Березовского Роман Абрамович, застенчивый и вечно небритый нефтяной трейдер. Впоследствии Абрамович жаловался тому же источнику, что даже успел обо всем договориться с Пугачевым, однако пресс-атташе Абрамовича отрицал сам факт подобного разговора. Одна московская газета окрестила Пугачева новым «фаворитом» Кремля, другие называли его новым «серым кардиналом», который вместе с людьми Путина из петербургского КГБ перехватывает финансовые потоки. Его представляли идеологом новой политики, предполагавшей держать олигархов на равном расстоянии от власти – в чем он, конечно, не признался, но в те времена, похоже, он поддержал эту идею, о чем свидетельствовало его привилегированное положение.

Несмотря на то, что некоторые олигархи, например, Пугачев и Абрамович, оказались более равными, чем остальные, власть постепенно нейтрализовала возможные угрозы. За несколько дней до встречи Путина с магнатами Гусинскому было сделано

предложение, от которого нельзя было отказаться. Новый министр печати Михаил Лесин сказал, что тот должен продать империю «Медиа-Мост» государственному монополисту «Газпрому» за 473 миллиона долларов долговыми обязательствами и 300 миллионов долларов наличными – в ином случае Гусинского ждет тюрьма. Долговые обязательства, про которые упомянул Путин в разговоре с Юмашевым, в основном принадлежали газовому гиганту, а «Медиа-Мосту» надо было платить по счетам. Гусинский быстро согласился – он не хотел больше ночевать в Бутырке. К моменту встречи олигархов в Кремле прокуратура заявила, что все обвинения против Гусинского сняты.

Вскоре после этого Гусинский покинул страну, а потом заявил, что его заставили подписать сделку «под дулом пистолета». Таким образом, он опроверг собственные заявления. Сообщения о сделке повергли элиту страны в шок. Становилось ясно, насколько далеко способен зайти режим в попытке получить контроль над независимыми медиа. Люди Путина использовали систему уголовных судов как грубый шантаж ради последующего захвата бизнеса. Для них такая тактика была обычным делом.

Однако Путину предстояло выдержать последнюю схватку с медиамагнатами. С самого начала Кремль нацеливался именно на них. Путин был одержим идеей власти над СМИ, он помнил, как с помощью телеканала Березовского из никому не известного чиновника он превратился в самого популярного лидера страны. Путин знал, что без контроля над федеральными телеканалами все может измениться в любую минуту.

Борис Березовский для людей Путина выглядел типичным олигархом времен Ельцина, причем самым ярким их представителем. Люди Путина проклинали, ненавидели и боялись его. Березовский стал символом темных сделок эпохи Ельцина, когда небольшая группа бизнесменов негласно скупала основные национальные активы и правительственные посты. Связи с сепаратистскими лидерами Чечни вызывали неприятие у людей из КГБ, в особенности у Патрушева – тот ненавидел все, что было связано с чеченцами. Березовский поддерживал лидера сепаратистов Аслана Масхадова и способствовал заключению мирного договора, поставившего точку в опустошительной первой чеченской войне Ельцина, на которой погибли тысячи русских солдат и еще больше мирных жителей Чечни. Согласно сделке, Масхадов получал гарантии автономии республики. По мнению людей Путина из КГБ, это превратило республику в черную дыру, в которой исчезали люди и деньги. Березовский ловко маневрировал между воюющими чеченскими кланами и делал деньги не только на переговорах по освобождению заложников, но и на самом бизнесе войны.

— Он – военный преступник. Он похищал людей, – заявил один из партнеров Путина. – Все это – война, чеченские командиры – это работа Березовского.

Но больше всего окружение президента боялось СМИ, которые были под контролем Березовского. По документам, 51% акций канала ОРТ принадлежало государству, Березовский владел остальными 49%. Однако в совете директоров сидели его друзья, и по факту главным был именно он.

В начале августа Березовский встал в жесткую оппозицию к новому режиму. В день, когда террористы взорвали бомбу в подземном переходе в центре Москвы, в результате чего

погибли семь человек и девяносто получили ранения, он провел пресс-конференцию, на которой объявил о создании оппозиционного блока для борьбы с «растущим путинским авторитаризмом». Он предупредил: если Кремль продолжит опасные операции по уничтожению повстанцев в Чечне, взрывы не прекратятся.

Если брать во внимание связи Березовского с чеченскими бунтовщиками, это выглядело как объявление войны режиму Путина.

И когда в том же месяце новоиспеченный президент столкнулся с последствиями катастрофы и первым крупным кризисом, Кремль еще отчетливее осознал необходимость убрать Березовского из медиаигры. На атомной подлодке «Курск» сдетонировала торпеда, и из-за повреждений подлодка вместе с командой затонула. На канале ОРТ Березовский жестко раскритиковал Путина и его действия после катастрофы. Шесть дней Путин не мог решиться на публичное заявление – все это время он прятался в своей летней резиденции в Сочи. Его показали только по ОРТ – видео запечатлело, как он резвится на водных лыжах. Флот давал о случившемся противоречивую информацию, но даже после подтверждения катастрофы Путин хранил молчание. Семьи членов экипажа пребывали в отчаянии, операция по спасению началась с большим запозданием: вначале Россия отказалась от иностранной помощи, испугавшись, что мир узнает об истинном состоянии атомного флота – это было государственной тайной.

По словам человека из кремлевского окружения, несмотря на многолетнюю работу с нелегалами на Западе и решительные действия в Чечне, Путин, все еще неоперившийся лидер страны, сидел парализованный страхом.

— Он был в ступоре. Вышел белый как мел. Не знал, что делать, поэтому игнорировал проблему. Мы знали, что был взрыв... Мы думали, что все погибли сразу после взрыва. И Путин просто не представлял, что с этим делать. А когда к нему пришли и спросили, что предпринять — начать операцию по спасению или объявить войну США (по одной из версий, «Курск» столкнулся с американской подлодкой), он начал тянуть время. И хотя мы понимали, что все они погибли, мы запустили операцию по спасению, и тогда всплыли все эти рассказы о подводниках, кричавших и стучавших в стены. Норвежцы и другие все время предлагали помощь. Но Путин не хотел, чтобы обнаружилось, что экипаж мертв, и отказывался от помощи, что, конечно, усугубило ситуацию. Вся эта ложь серьезно усугубила ситуацию.

Путин вернулся в Москву лишь на седьмой день трагедии, а появился на публике еще через три дня. После всех уговоров и увещаний советников он наконец решился лететь в Видяево — закрытый военный городок за Полярным кругом и порт базирования «Курска». За несколько дней до этого там собрались убитые горем семьи членов экипажа, тщетно надеющиеся на хорошие новости. Надежды сменились скорбью, гневом и отчаянием. За день до этого российские власти наконец признали факт гибели 118 членов экипажа, и СМИ уже успели раскритиковать Путина за бездействие. Главным критиком выступал канал Березовского, транслируя интервью с рыдающими родственниками, которые обвиняли президента в нерешительности. Посмотрев эти кадры, Путин пришел в бешенство и заявил, что, по данным спецслужб, женщины на экране — это не жены и близкие погибших, а нанятые

Березовским проститутки, потому что Березовский хочет дискредитировать его.

Но в Видяево Путину пришлось предстать перед вдовами и выслушать их гневные обвинения. Ярость жертв, показанная на ОРТ, была подлинной – сомнений в достоверности съемок не было. Первая реакция Путина снова выдала его паранойю и отсутствие эмпатии. Три часа он говорил с семьями, пытаясь унять их негодование. И хотя он заявил, что готов взять на себя ответственность за все, что случилось в стране за сто дней его президентства, он также добавил, что не готов нести ответственность за предыдущие пятнадцать лет:

— За те сто дней, которые я являюсь президентом, я готов ответить. За все остальные пятнадцать лет я готов сесть с вами на одну скамейку и задавать эти вопросы другим.

Неудачную операцию по спасению экипажа он списал на чудовищное состояние военной отрасли в целом, что стало результатом недостатка финансирования в годы Ельцина. Но свои главные обвинения он предъявил медиамагнатам. По мнению Путина, реальной причиной плачевного состояния армии и всей страны были Березовский и Гусинский – именно они играли на трагедии в попытке набрать политические очки:

— Там есть на телевидении люди, которые сегодня орут больше всех и которые в течение десяти лет разрушали ту самую армию и флот, на которых сегодня гибнут люди. Вот сегодня они в первых рядах защитников этой армии. Тоже с целью дискредитации и окончательного развала армии и флота! За несколько лет они денег наворовали и теперь покупают всех и вся! Законы такие сделали!

В конце концов Путин, казалось, выиграл раунд с родственниками погибших. Его комментарии с обвинениями

медиамагнатов в разграблении государства лишь означали, что Березовскому и Гусинскому не стоит даже пытаться сохранить независимые медийные каналы. И снова один из партнеров Березовского, имевший связи в спецслужбах, посоветовал ему отступить и остыть.

— Я сказал: «Боря, почему ты под него копаешь, почему не дать ему шанса? Как можно обвинять его в гибели подлодки?» Но Березовский был непреклонен — он боялся возрождения государства под КГБ и делал все возможное, чтобы помешать этому.

После эпизода с «Курском» Волошин сообщил Березовскому, что его владению ОРТ пришел конец, так как тот использовал канал для «работы против президента». Далее, по словам Березовского, ему велели в течение двух недель продать свою долю, иначе он последует в Бутырку вслед за Гусинским. Березовский расценил предупреждение как ультиматум, который положит конец «телевизионной информации в России»:

— Ее заменит телепропаганда, контролируемая кремлевскими советниками.

Он затеял с Кремлем опасную игру в кошки-мышки: объявил, что передает свою долю в ОРТ журналистам канала, добавив, что не позволит стране скатиться в бездну авторитаризма.

Березовский знал, что наследники Ельцина в Кремле будут следовать линии Путина и правоохранителей. Теперь кремлевская машина слаженно работала против Березовского и Гусинского, не оставляя им ни шанса. Глеб Павловский помогал создавать новую «доктрину информационной безопасности». Она, по его заявлению, позволит правительству

избавиться от «теневых информационных дельцов» типа Гусинского и Березовского, которые представляют «серьезную опасность для национальных интересов страны».

В середине октября прокуратура снова возбудила дело против Березовского – его обвиняли в выводе через швейцарские компании миллионов долларов из государственного «Аэрофлота», в котором он имел долю. Давление становилось невыносимым. К 13 ноября, когда прокуратура вызвала Березовского на допрос для предъявления обвинения, он покинул Россию и заявил, что никогда не вернется.

— Они заставили меня выбирать между политическим заключенным и политическим эмигрантом, – сказал он в заявлении, не раскрывая своего местоположения.

Та же тактика использовалась и против Гусинского. Его вызвали на допрос в тот же день. Но к тому моменту он также успел покинуть страну и находился вне досягаемости прокуратуры, на своей вилле в Испании. В июле он подписал сделку, отказавшись от своей доли в «Медиа-Мосте», и вскоре после этого уехал. А затем заявил, что сделка была совершена под чудовищным давлением в обмен на гарантии его свободы и что теперь он от нее отказывается. Но спрятаться от длинных рук российской прокуратуры не удалось. Заочно ему предъявили обвинения в неисполнении договора о продаже «Медиа-Моста» после того, как Газпром погасил свои долговые обязательства, и Интерпол получил ордер на его арест. Даже в изгнании оба олигарха пребывали под сильным давлением. В феврале 2001 года, после увещевания Волошина и призыва отказаться от ОРТ, Березовский продал свою долю Роману Абрамовичу. Российское правительство стало главным акционером и получило канал

в полное распоряжение. (В конце концов Абрамович продал большую часть своих акций одному из ближайших соратников Путина Юрию Ковальчуку, а оставшиеся акции – государству.) В апреле того же года «Газпром» взял под контроль и НТВ Гусинского, через суд потребовав возместить 281 миллион долларов в виде долговых обязательств, выданных в пользу «Медиа-Моста».

Путин и его люди разминались и применяли любимые тактики петербургских времен: тогда для захвата порта и Балтийского морского пароходства им всего-то нужно было отправить директора в тюрьму. Но в первые годы правления мало что можно было сделать без поддержки наследников Ельцина в Кремле.

— Именно они (Семья) продумывали схемы по возвращению СМИ в руки государства, что фактически привело к разрушению независимых медиа, – сказал бывший владелец «Менатеп» Леонид Невзлин, внимательно наблюдавший за происходящим со стороны. – Это все отдали Путину. Уже в первый год его правления нужно было понять, к чему это все ведет. Но мы предпочитали смотреть на мир сквозь розовые очки, потому что с экономикой все было хорошо.

Пугачев утверждал, что, спрятавшись за волшебным занавесом Кремля, за чудовищными демонстрациями силы, Путин по-прежнему пребывал в смятении. В январе 2001 года, еще до передачи НТВ «Газпрому», он пригласил ведущих журналистов канала в Кремль и попытался разъяснить им намерения государства. Он заметно нервничал, когда готовился войти в зал кремлевской библиотеки и поприветствовать журналистов. Пугачев вспоминал:

— Перед встречей он был страшно напуган. Он не хотел идти и говорить с ними. Я должен был придумать, что именно им сказать. Собрались сливки московской интеллигенции, самые известные имена.

Пугачев рассказал: Путин пребывал в такой тревоге, что даже решил предварительно вызвать одну журналистку в соседний зал и выяснить, что именно они хотят услышать. Светлана Сорокина в последние четыре года была лицом самого популярного на НТВ ток-шоу «Глас народа».

— Он ей сказал: «Вы и я, мы оба из Санкт-Петербурга, у нас есть что-то общее, скажите мне, как все должно быть», — рассказал Пугачев.

Остальные журналисты ждали в библиотеке — все были уверены, что он удалил Сорокину, чтобы устроить им нагоняй, сбить с них спесь. Однако Пугачев утверждал, что Путин просто не знал, что говорить. К тому же использовал классическую тактику вербовки союзников. Когда Путин наконец вошел в библиотеку и поприветствовал журналистов, то, словно хамелеон, повторил слова Сорокиной и сказал ровно то, что гости хотели услышать. Это была очередная операция КГБ. В течение следующих трех с половиной часов он заверял гостей в благих намерениях Кремля. Борьба, говорил он, шла только с Гусинским. Он не хотел менять редакцию. Он был бы рад приветствовать иностранных инвесторов канала. Он бы хотел, чтобы редакция сохранила свою независимость. По словам Путина, «Газпром» не олицетворяет государство. Что же касается прокуратуры, решившей заняться финансовыми взаимоотношениями отдельных журналистов с Гусинским, то это он контролировать не может, это вне его юрисдикции.

— В тот день мы узнали, что прокуратура — это абсолютно независимая организация. Путин повторил это несколько раз, — вспоминал эту встречу журналист Виктор Шендерович. Он не поверил услышанному. — Путин сказал, что готов нам помочь и что некоторые действия прокуратуры выглядят избыточными.

Путин сказал тогда:

— Вы не поверите, но тут я ничего не могу сделать. Вы хотите вернуться во времена телефонного права?

Это была отсылка к обычаю Политбюро диктовать решения судам и прокуратуре.

Под завесой призывов соблюдать законность и легальный статус Путин в своей типичной риторике играл во властные игры. Он идеально овладел искусством общаться с людьми по душам и притворяться заинтересованным их проблемами. Эту тактику он отрабатывал со времен Дрездена.

— Он становился зеркалом, — сказал Пугачев. — Он говорил людям исключительно то, что они хотели услышать.

Тем не менее, журналисты покинули Кремль с тяжелым чувством. Как можно было поверить услышанному? В начале апреля «Газпром» утвердил новый руководящий состав под предлогом того, что Гусинский не может платить по долгам, и журналисты устроили сидячую забастовку. Пытаясь спасти редакцию, они продолжали выпускать эфиры и критиковать Кремль, словно надеясь, что Путин сдержит данное слово.

Но на одиннадцатый день забастовки всем стали понятны истинные намерения Путина. Он, конечно, не собирался выполнять свои обещания и сохранять независимость редакции. В четыре утра в здание вошли военные и заменили охранников. Журналистов, пришедших на работу, впускали только в обмен на заверение в лояльности новому руководству. Лучшие

сотрудники массово уволились в знак протеста против тактики сильной руки. Канал в один момент лишился своей независимости, отвоеванной с таким трудом.

— В стране происходит ползучий переворот, — заявил сооснователь канала Игорь Малашенко. — Эта операция идет по тому же сценарию, что и организация путча в 1991 году, и за ней стоят те же люди из спецслужб.

— Мы все виноваты в том, что позволили КГБ вернуться к власти, — сказал репортерам известный правозащитник Сергей Ковалев.

Кремль Путина получил контроль над эфиром. Свободные медиа эпохи Ельцина перестали существовать.

Глава 7

Операция «Энергия»

К востоку от Москвы, за Уральскими горами, где березовые рощи сменяются тайгой и болотами, лежит обширная нефтеносная Западно-Сибирская равнина. В шестидесятые годы геологи обнаружили здесь огромные залежи нефти и газа, и с тех пор этот регион стал главной опорой советской империи и ее самых смелых амбиций. Именно здесь таился секрет имперской мощи.

Инженеров, бурильщиков и геологов, осваивавших эти суровые территории, почитали как героев. Зимой в мерзлоте, при экстремальных температурах, а летом среди непроходимых озер и кишящих комарами болот они возводили буровые установки и прокладывали трубопроводы. Благодаря их подвигу к концу восьмидесятых годов Советский Союз стал крупнейшим в мире производителем нефти и газа. Добыча велась безостановочно – необходимо было выполнять планы, которые составляло Политбюро ЦК КПСС. Скважины заливали водой, чтобы вытеснить нефть, которая кормила ненасытный военно-промышленный комплекс. Здесь добывалось две трети всей нефти, и советская система жила за счет этих месторождений. Без учета Ближнего Востока, советские ископаемые составляли 40% мировых запасов газа и 12% нефти.

Большая часть нефти и газа продавалась внутри страны по низким фиксированным ценам, что позволяло субсидировать массовое производство танков и другого вооружения. Однако экспорт нефти имел стратегическое значение: черное золото служило инструментом глобального влияния СССР. Экономика ГДР в основном строилась на торговле советской нефтью

и газом за долю от мировой цены, другие страны восточного блока тоже жили за счет подобных сделок.

За экспортом нефти ревниво следили и люди из КГБ. Прибыли, которые государственный монополист «Союзнефтеэкспорт» получал за счет разницы между внутренними и мировыми ценами (последние были в шесть раз выше), позволяли заполнять казну твердой валютой, финансировать операции на Ближнем Востоке и в Африке, подогревать восстания и вооруженные конфликты и стимулировать активные действия по расшатыванию Запада.

Когда СССР рухнул, а управленческо-производственные связи разорвались, нефтяная промышленность распалась на четыре вертикально интегрированные производственные компании: «Лукойл», ЮКОС, «Сургутнефтегаз» и «Роснефть». И хотя номинально они по-прежнему контролировались государством, в основном ими управляли директора – нефтяные генералы советских времен. Одновременно свою долю пытались урвать организованные преступные группировки, наводившие ужас на региональные города. Кроме того, за годы неумелого советского управления месторождения в Западной Сибири истощились, и объем добычи нефти значительно снизился. Однако, оставаясь за сценой, в первой половине 1990-х годов большую часть экспорта нефти контролировали люди из внешней разведки КГБ. До 80% выработки нефтедобывающая промышленность должна была продавать по фиксированным внутренним ценам государству, которое на тот момент разрешило использовать систему *спецэкспортеров* – специально назначенных экспортеров, тесно сотрудничавших с КГБ или с организованной преступностью. Разницу между внутренней и мировой ценами спецэкспортеры

забирали себе. Часть этих средств конвертировалась в черный нал для КГБ или Кремля и шла на спонсирование избирательных кампаний и обеспечение выгодного Кремлю голосования депутатов или расхищалась.

Однако в 1990-х годах стратегические и наиболее доходные секторы промышленности были распроданы через залоговые аукционы, и многие золотые жилы страны перешли в частные руки. Управление ЮКОСом и «Сибнефтью» выкупили приближенные к правительству молодые банкиры по цене 300 и 100 миллионов долларов соответственно. В их число вошли Ходорковский и Абрамович, а сделкам способствовал сам Березовский. Доступ к капиталу магнаты получили благодаря управлению государственными казначейскими счетами, что и помогло им выиграть битву за ресурсы страны. Агентам КГБ такие суммы и не снились.

Последствия были чудовищны. Продажа нефти, несмотря на низкие в тот момент мировые цены, по-прежнему составляла большую часть экспортных доходов. Например, заполучив компанию в 1996 году, люди Ходорковского сразу основали собственные торговые сети. Нефтяные доходы аккумулировались на частных офшорных счетах группы Ходорковского «Менатеп», а ее руководство нашло лазейки в законодательстве и минимизировало налоговые выплаты. Приватизация денежного потока от экспорта нефти изменила расстановку сил, и баланс власти неуклонно смещался в пользу магнатов. Ходорковский, Березовский и подобные им люди стали полноправными олигархами. Теперь они могли подкупать чиновников и оборачивать результаты парламентских выборов в свою пользу. По словам бывшего офицера КГБ и нефтяного трейдера Андрея Панникова, переход нефтяной

промышленности и торговли в частные руки угрожал целостности России, этого не должно было произойти:

— Я бы никогда не разрушил государственную монополию. Я бы оставил весь экспорт в руках государства.

Это стало объектом пристального внимания Путина и его людей из КГБ. Мировые цены на нефть начали расти почти сразу после того, как летом 1999 года Ельцин назначил Путина своим преемником. В середине 2002 года бывший комсомольский функционер Ходорковский предстал перед мировым сообществом как обладатель состояния в 7 миллиардов долларов благодаря 36-процентной доле в группе «Менатеп». В 1995 году на залоговом аукционе «Менатеп» приобрел погрязший в долгах ЮКОС за 300 миллионов долларов, но с тех пор его стоимость многократно возросла. В тот момент, когда государственный бюджет России составлял 67 миллиардов долларов, а рыночная капитализация самой крупной российской компании «Газпром» была равна 25 миллиардам, Ходорковский стал самым богатым человеком России.

Он и его партнеры из «Менатеп» первыми публично объявили о своем состоянии. Многие олигархи прятали имущество за сетью подставных компаний, опасаясь, что государство явится за своей долей — особенно с учетом сомнительности приватизаций. Ходорковский же решил поступить иначе — отчасти потому, что назначение Путина означало легализацию хаотичного перехода к рынку и признание завоеваний 1990-х годов. Это было одной из причин, по которой Путин получил широкую поддержку, особенно от Семьи. И хотя он жестко расправился с медиамагнатами, ничто не говорило о том, что он собирается

вернуть во владение государства и другие активы. Он заявлял, что олигархов пора прижать, но при этом обещал не пересматривать итоги приватизации. Казалось, что с обнародованием доходов Ходорковского Россия еще дальше продвинется к зрелой и развитой рыночной экономике. Этот шаг был воспринят как прорыв на пути к прозрачному рынку, но, вероятно, Ходорковский сознательно пошел на это, чтобы сохранить свое влияние и удержаться на плаву. Он решился играть по правилам Запада.

Для силовиков, которые пришли к власти при Путине, новый статус Ходорковского как самого богатого человека страны – и действующего вне их контроля – стал еще одной красной тряпкой. С момента краха СССР они ждали в засаде и мечтали восстановить мощь России. Президентство Путина, доставшееся ему благодаря его способности красиво лгать и давать радужные обещания, ознаменовало начало этого процесса. Люди из КГБ всегда смотрели на нефтяную промышленность страны как на валюту, необходимую для геополитических игр. На их взгляд, обретение контроля над нефтяными ресурсами было жизненно необходимо для, во-первых, защиты их собственного положения, а во-вторых, для восстановления статуса России как противника Запада. Конечно, при этом они попутно пополняли и свои карманы.

Вопрос заключался в том, как они собираются поступить. В отличие от коммунистов, новое поколение силовиков, в том числе те, кто затеял рыночные реформы, не собиралось анонсировать кампанию по ренационализации: наоборот, они всегда утверждали, что выступают за свободный рынок. Но они намеревались использовать рынок как оружие, а для этого надо было его изменить. Они хотели установить

квазигосударственный капитализм, который будет способствовать расширению их собственной – и, конечно, российской – власти.

Вопрос с газовой промышленностью решался гораздо легче, чем с нефтяным сектором. В отличие от нефти, газодобыча почти целиком сохранилась в виде мощной контролируемой государством монополии. «Газпром» был главным стратегическим активом страны. Имея самые большие запасы газа на планете, он стал крупнейшим в мире поставщиком газа и обеспечивал самый большой приток налоговых поступлений. «Газпром» не только нес свет и тепло в российские дома, он также закрывал 25% потребностей Европы, став главным поставщиком для стран Центральной и Восточной Европы, а также для Украины и Беларуси. Это означало, что его можно использовать как оружие политического влияния.

Огромные резервы наличности и финансовые активы открывали для людей Путина массу возможностей. При Ельцине управляющие «Газпрома» взяли работу компании под контроль и превратили ее в собственную вотчину. Но Путин заменил управляющий состав и поставил своих союзников – это было вопросом первостепенной важности. По итогам расследования обнаружилось, что менеджеры эпохи Ельцина передали ряд газовых месторождений и другие активы «Газпрома» в связанные с ними компании. После этого прошла большая чистка. Люди, которых назначил Путин, ранее работали на ключевых должностях в Петербургском морском порту – они прибрали к рукам этот стратегический ресурс, когда объединили усилия с Тамбовской ОПГ. Это был первый сигнал о том, что созданный в девяностые годы альянс силовиков и преступников способен добраться и до активов федерального

масштаба. Новым исполнительным директором «Газпрома» стал тридцатидевятилетний Алексей Миллер – невысокий усатый мужчина, ранее занимавший должность заместителя Путина в комитете по внешним связям мэрии Петербурга, а затем – директора порта.

Однако попавшая в частные руки нефтяная индустрия представляла более сложную задачу. В Петербурге силовики воспользовались правоохранительной системой города и с легкостью расправились со своими конкурентами. Но обуздание московских олигархов было принципиально иной задачей. Даже при всей власти, которой союзники Путина располагали через ФСБ, они не могли взять под контроль всю систему правоохранительных органов. К тому же московские магнаты были известными на Западе фигурами, а основанные ими компании торговали на западных рынках. На кону стояла способность страны привлечь внешние инвестиции, что, как понимал прагматичный Путин, было по-прежнему необходимо для ускорения экономического восстановления России после кризисов девяностых годов.

Силовики начали с так называемой операции «Энергия». Семья теперь чувствовала себя в безопасности и продолжала верить в то, что Путин – это человек рынка. Для нее он был президентом в процессе становления, постигающим искусство управления страной. В первый год Путин интенсивно осваивал английский язык и скорочтение, изучал администрирование и историю российского государства. Связанный с КГБ банкир сказал: «Система подготовки руководителей рухнула».

Семья не сомневалась в лояльности и послушании Путина и, похоже, была уверена, что пока сама управляет экономикой. К тому же он сразу дал понять, что надолго оставаться

в президентском кресле не собирается. Семья чувствовала себя настолько комфортно и была так далека от мысли, что какие-то петербургские кагэбэшники замахнулись на нефтяную промышленность, что заговорила о приватизации последней государственной компании «Роснефть». Роман Абрамович давно приглядывался к ней – еще в 1997 году они с Березовским хотели объединить ее с «Сибнефтью». Теперь, как сказал Пугачев они думали, что обеспечили свое будущее. Волошин даже успел подготовить указ о приватизации «Роснефти», и документ ждал подписи Путина. Абрамович аккуратно лоббировал сделку. По словам Пугачева, в знак признательности от Абрамовича в холле резиденции президента в Ново-Огарево внезапно появились коллекции дорогих итальянских костюмов и обуви.

— Я сказал: «Володя, зачем тебе это нужно? Ты – президент самой большой в мире страны. Ты сам можешь себе купить новый костюм! Тебе не нужны взятки. У тебя попросят что-то взамен».

Для Пугачева эти увертюры Абрамовича стали последней каплей. Впрочем, пресс-атташе Абрамовича категорически отрицает этот факт.

Пугачев полагал, что отдавать Семье последнюю государственную нефтяную компанию нельзя. Он привел Путина к власти, и благодаря этому его положение стремительно укреплялось. В зависимости от политического императива, он лавировал между петербургским силовиками и Семьей, часто скрывая свои истинные намерения. Однако сейчас он сознательно выбрал сторону силовиков.

— Они пригласили президента на дачу к Волошину. Вызвали его к себе. Это было совершенно ненормально, – вспоминал

Пугачев. – Я сказал: «Почему ты туда едешь? Зачем это нужно приватизировать, что ты об этом думаешь? В бюджете нет денег. Как ты будешь жить без «Роснефти», откуда возьмешь зарплаты?»

А петербургские силовики уже выстраивали собственную линию защиты, не собираясь отдавать «Роснефть» в частные руки. Как утверждал связанный со спецслужбами крупный банкир, за спинами Семьи они постепенно создавали систему параллельного управления. Процессом руководил преданный Путину замглавы администрации президента Игорь Сечин. По словам банкира, за этим процессом стоял также предположительно бывший агент КГБ и близкий соратник Путина по петербургскому нефтяному терминалу Геннадий Тимченко. В те дни, как утверждал банкир, Тимченко был одним из самых влиятельных фигур в окружении президента.

– Как только Путин стал президентом, Тимченко сразу получил безграничную власть. Но он был невидимкой. Нигде не светился, – сказал близкий к Путину человек. (Адвокаты Тимченко передали его слова: любое предположение о его причастности к созданию параллельного правительства были «ложью, граничащей с абсурдом». Тимченко «никогда не влезал в политические вопросы и никогда не обсуждал их ни с Путиным, ни с кем-либо из его администрации или министров».)

Первой задачей группы было добиться избрания Путина на второй срок, независимо от того, что думает об этом он сам. Для этого им следовало укрепить свои позиции.

– Их задачей было получить больше денег, – сказал банкир.
– Их беспокоило то, что некоторые секторы экономики находились под контролем Абрамовича и Семьи.

Многочисленная когорта комитетчиков уже выбирала мишени в нефтяном секторе. Поначалу первым в списке шел западносибирский «Сургутнефтегаз» под управлением Владимира Богданова – директора с советских времен. Но Богданов и «Сургутнефтегаз» уже успели установить тесные связи с людьми Путина через Тимченко, чья торговая компания обладала почти монопольными правами на экспорт продукции нефтеперерабатывающего завода «Кириши».

— Тимченко привел Богданова в Кремль на чай, чтобы познакомить с Путиным, – сказал связанный со спецслужбами банкир. – И Богданов сказал Путину: «Это ваша компания. Я к вашим услугам. Просто скажите, как тратить деньги».

Вначале силовики попрактиковались на «Лукойле» – на тот момент это был крупнейший нефтяной концерн страны, возникший после краха Союза в результате слияния трех западносибирских предприятий при участии бывшего замминистра СССР по нефти и газу Вагита Алекперова. Этот хитроумный азербайджанец стал одним из отцов-основателей обновленной российской нефтяной промышленности. Он всегда был близок к российской разведке. Раньше «Лукойл» продавал нефть через «Юралс» – торговую компанию, основанную партнером Тимченко Андреем Панниковым. Вскоре люди Путина взялись за «Лукойл».

Первый залп прогремел летом 2000 года, параллельно с первой атакой на олигархов. Налоговая полиция обвинила Алекперова в сокрытии налогов и открыла на него уголовное дело. Как утверждали правоохранители, налоговые расследования шли по всей отрасли. Позже было заявлено, что через офшорные зоны из России было выведено 9 миллиардов налоговых средств. Но давление на «Лукойл» начало

усиливаться только в сентябре 2002 года. Ранним осенним утром неизвестные люди в милицейской форме и в масках похитили вице-президента «Лукойла» Сергея Кукуру: их с водителем обездвигили, предположительно вколов героин, и надели им на головы мешки. Кукура вернулся лишь через тринадцать дней, очевидно, гадая, кто мог стоять за нападением. Спустя еще четыре месяца полиция прекратила расследование похищения. За неделю до этого правительство объявило о том, что «Лукойл» согласился выплатить 103 миллиона долларов в качестве возврата налогов – именно такая сумма, по утверждению правительства, была недополучена из-за операций «Лукойла» через внутренние офшорные зоны.

Алекперов и «Лукойл» пришли к компромиссу с правительством, и теперь, как и в случае с Сургутом, в формальной передаче активов государству не было необходимости. Позднее один из исполнительных директоров нефтяной отрасли рассказал мне, что Алекперов согласился выделить часть акций лично Путину и управлять ими от его имени. Такая схема работала для прикрытия Кремля и применялась в стратегических отраслях промышленности. (В самом «Лукойле» наличие такой системы отрицают.)

Несмотря на то, что «Лукойл» быстро пошел на уступки новым хозяевам, огромная часть нефтяного бизнеса еще оставалась вне досягаемости Кремля. Движимые желанием исправить такой недочет, силовики создали тупиковую ситуацию. Этот момент определил дальнейший курс правления Путина, изменил суть нефтяной промышленности и установил некую форму государственного капитализма под управлением круга доверенных лиц, где стратегические денежные потоки перенаправлялись в руки близких союзников. Власть людей

Путина укрепились, и теперь эта сила была готова вернуться на мировую арену. В результате конфликта богатейший бизнесмен потерпел крах, а юридическая система России изменилась до неузнаваемости.

Михаил Ходорковский стал самым активным адептом идеи западной интеграции: он открыто приглашал к сотрудничеству западных лидеров и инвесторов, первым попытался внедрить в своей компании западные методы корпоративного управления и обеспечения прозрачности процессов – и это после многолетних грязных игр на российской бизнес-сцене по всем канонам социального дарвинизма. Силовики же хотели отодвинуть его и перехватить контроль над месторождениями ЮКОСа. Этот конфликт стал битвой за будущее страны, а ее итог предопределял возрождение Российской империи и способствовал усилиям Путина по восстановлению страны как независимой и противостоящей Западу силы. Однако это был еще и очень личный конфликт, уходящий корнями в конец 1990-х годов, – именно тогда Ходорковский забрал один из последних каналов для перекачки черного нал у ближайших союзников Путина, которые раньше были ключевыми звеньями в операциях КГБ по переправке средств Компартии на Запад. Приобретение Ходорковским Восточной нефтяной компании (ВНК) стало одной из последних крупных приватизаций девяностых годов. Казалось, он увел ее прямо из-под носа у людей Путина, и это переполнило чашу их терпения.

— Это был первый конфликт между группировкой Путина и ЮКОСом, причем весьма серьезный, – сказал бывший замминистра энергетики Владимир Милов. – Именно тогда все и началось.

Отсюда все это кажется теперь невероятно далеким: мы сидим в отделанной дубом переговорной в лондонском офисе Михаила Ходорковского, окна выходят на зеленый Ганноверсквер. После десятилетнего заключения и вынужденной эмиграции он заявляет, что в те дни и понятия не имел о существовании связей между ВНК и людьми Путина из КГБ.

— Если бы я знал, что ВНК представляет интерес для ФСБ, я бы, вероятно, не стал бы так рисковать, — сказал он.

Он носит простые стеганные куртки, похожие на ватник заключенного, который ему приходилось носить в сибирской колонии, словно теперь это стало привычкой.

Ходорковский пробился в бизнес-элиту в конце девяностых годов на волне турбулентного перехода России к рынку. ВНК стала одним из последних его трофеев нефтяной индустрии. В 1997 году компанию выставили для приватизации, однако продажа не была похожа на торги на печально известных залоговых аукционах. Компания, возникшая на базе месторождений «Томскнефти» в Центральной Сибири и Ачинского нефтеперерабатывающего завода, была выставлена на аукцион за миллиард долларов, что в десять раз превысило стоимость ЮКОСа и «Сибнефти» на залоговых аукционах всего годом ранее. Анатолий Чубайс всеми силами старался убедить мировое сообщество в том, что Россия действительно превращается в классическую рыночную экономику. Он хотел, чтобы ВНК продавалась по реальной рыночной стоимости.

Единственная проблема заключалась в следующем: люди, которые управляли компанией, решили, что она достанется им. Предполагалось, что ВНК станет утешительным призом для людей из КГБ, так как до этого на их глазах большую часть нефтяной промышленности увели независимые магнаты.

С момента основания в 1994 году ВНК служила им источником наличности – *общаком*. Основной экспорт нефти осуществлялся через компании, связанные с малоизвестной австрийской фирмой IMAG, которой управлял старший офицер внешней разведки Андрей Акимов. До краха СССР он возглавлял советское представительство в Австрии – Donau Bank. Акимов оказался самым молодым советским руководителем банка: он возглавил Donau в возрасте тридцати четырех лет, получив это назначение в тот момент, когда КГБ начал разрабатывать схемы перекачки средств партии через счета западных банков, и Вена уже долгое время являлась стратегическим узлом переправки советских денег на Запад.

Связи Акимова в российской внешней разведке были обширными и разнообразными. Его заместителем в IMAG оказался экономист Александр Медведев, участвовавший при Примакове в разработке ранних перестроечных реформ в Институте мировой экономики, где ковались кадры внешней разведки. Медведев стал главным доверенным лицом Акимова, а IMAG – одним из первых источников финансирования торговых операций Тимченко.

Акимов был так уверен в исходе продажи ВНК, что еще до торгов назначил Медведева вице-президентом, ответственным за финансы. IMAG поставила на кон сотни миллионов долларов по нефтяным контрактам. Почти с момента основания нефть ВНК продавалась через торговую фирму East Petroleum Ltd, зарегистрированную по соседству с офисами IMAG и управляемую близким партнером Акимова Евгением Рыбиным.

Когда на аукцион было выставлено 84% государственных акций ВНК, Ходорковский решил сделать ставку и... угодил

в осиное гнездо. Акимов был настроен победить любой ценой – он рассчитывал на поддержку американского банкира Чарли Райана, знакомого с Путиным со времен работы в Европейском банке реконструкции и развития в Санкт-Петербурге в начале девяностых годов. Оба с самого начала знали, что играть против них будет Ходорковский.

— Мы приняли решение о покупке ВНК, – сказал Райан. – Саша [Медведев], Андрей и я собирались сделать соответствующую ставку.

Однако торги превратились в тупиковое противостояние между Ходорковским и людьми Акимова, а их результат был не менее туманным, чем результаты залоговых аукционов. 84% государственных акций ВНК продавались в два этапа: вначале 50% минус одна акция ушли за наличные, остальное реализовывалось как инвестиционный тендер. Но первая часть торгов проходила за закрытыми дверями без возможности изучить процесс, а вторая вообще отменилась, потому что участник был всего один – подставная компания, представляющая ЮКОС Ходорковского.

В итоге торги не стали новым стандартом прозрачности бизнеса. Продажа выглядела так же, как и все предыдущие подставные приватизации. Правительство объявило о победе ЮКОСа со ставкой в 775 миллионов долларов за 45% акций. Компания успела приобрести еще 9% на открытом рынке и таким образом стала обладателем контрольного пакета акций. ЮКОС был готов заплатить больше, чем любой другой участник торгов. Тем не менее, по словам Райана, Ходорковский подтасовал результаты и лишил шансов команду Акимова. Райан сказал, что люди Ходорковского угрожали Акимову и его коллегам, а между первым и вторым аукционами они заплатили

спецслужбам за рейд на Фонд федерального имущества, который и организовывал торги. В ходе рейда всплыли документы по ставкам Акимова, что, по мнению Райана, и предопределило результат.

— Они видели наши цифры и знали, что мы можем поставить больше. Тогда они достали наличные под залог своего нефтяного экспорта, включая экспорт ВНК. Еще до того, как к ним перешел контроль над компанией.

У команды Ходорковского было больше наличности, чем у Акимова, что и помогло ему выиграть. Участвовать во втором аукционе Ходорковский не собирался. Сам он свое участие в подобных аукционах отрицал.

Однако дальнейшие разборки превратились в длительную битву за экспорт продукции ВНК. Команда Акимова была обязана продавать экспортную продукцию в течение следующих двадцати лет через компанию Евгения Рыбина East Petroleum. Такая схема должна была послужить дополнительной защитой от попадания денежных потоков в чужие руки. Ходорковский отказался исполнять обязательства по этому контракту, что привело к досудебным и судебным спорам, а затем — и к уличным разборкам. На Рыбина было совершено два покушения. Первая попытка произошла поздним вечером в ноябре 1998 года — в него стреляли прямо на московской улице. Второе покушение случилось в марте следующего года — в машине взорвалась бомба, погиб водитель. Потрясенный и шокированный, Рыбин бежал из России и скрывался следующие пять лет.

ВНК досталась Ходорковскому, а Акимов и его люди почувствовали себя униженными. История битвы за компанию не попала в фокус общественного внимания — из-за паники

после финансового кризиса августа 1998 года событие прошло незамеченным. Но именно оно определило будущее российского нефтяного сектора. Теперь Акимов мечтал о мести. Рыбин, хоть и прятался в Вене, но начал собирать компромат на группу Ходорковского «Менатеп» и сливать информацию российским правоохранителям, в первую очередь своим друзьям-офицерам из ФСБ.

Однако первые попытки Акимова оказались безуспешными. После прихода к власти Путина изменилась сама атмосфера. По словам крупного банкира, знакомого с ситуацией изнутри, Сечин вместе с одним из партнеров Акимова начал убеждать президента в том, что Ходорковский представляет угрозу власти. Рыбин привлек на свою сторону Егора Лигачева, представителя старой гвардии, бывшего члена Политбюро, депутата от Томского региона, где располагались месторождения ВНК. Лигачев заявил Путину прямым текстом: Ходорковский ставит под угрозу само существование режима, его люди прибрали к рукам все финансовые потоки страны и вскоре у них будет больше денег, чем у государства. Ходорковский один скупил больше активов, чем половина чиновников.

Этот посыл Путин воспринял серьезно – он и сам обдумывал способы укрепления своей власти. Предстояла борьба с группами соперников. Но, несмотря на маневрирование, вначале на призывы расправиться с ЮКОСом он реагировал довольно вяло. Как сказал крупный банкир, связанный со спецслужбами, компания ЮКОС была слишком крупной, слишком хорошо интегрированной в западные рынки, поэтому задача казалась практически невыполнимой. Это была самая узнаваемая, самая активная торговая компания страны, символ рыночного успеха России.

Возможно, расправы удалось бы избежать, если бы не поведение Ходорковского. В отличие от «Лукойла» и «Сургутнефтегаза», решивших покориться воле Кремля, Ходорковский продолжал поднимать ставки. В итоге противостояние превратилось в битву за право управлять страной и определять ее курс развития. Ходорковский был готов биться об заклад, что люди Путина его не арестуют: он полагал, что они недостаточно сильны и не станут рисковать и без того шатким положением России на рынке. Во многих смыслах это был типичный для него ход.

— Он строил собственную империю с маниакальным упорством, — вспоминал его советник Кристиан Мишель. — Остановить его могла только пуля.

Ходорковский и сам теперь признает, что был *адреналинщиком*, что вел себя подобно наркозависимому, что восприятие риска у него было искажено. Впервые он узнал об этом за много лет до битвы за ЮКОС, еще во времена учебы в институте им. Менделеева в Москве, когда проходил специализацию по взрывчатым веществам.

— Я — человек, у которого по каким-то причинам отсутствует чувство страха, — сказал он с кривой усмешкой во время нашей беседы в баре Цюриха вскоре после освобождения из заключения. — Я не чувствовал опасности, когда делал или держал в руках бомбу. В прошлом я обожал скалолазание и никогда не пользовался страховкой. Не потому, что смог преодолеть свой страх, а потому, что у меня его не было. Все годы заключения я спал здоровым крепким сном. И хотя случалось, что на меня нападали с ножом, после этого я забирался на койку и мирно засыпал. Иногда мне самому было

смешно, когда меня спрашивали, понимаю ли я, что у меня за спиной может оказаться человек с ножом. Я просто этого не боялся.

О надвигающейся опасности Ходорковский узнал в середине 2002 года. «Лукойл» был уже под прицелом, а бывшие кагэбэшники, которые работали в его службе безопасности, предупредили об операции «Энергия», в рамках которой шел сбор компромата на крупнейшие энергетические концерны страны. В случае с ЮКОСом в фокус расследования попали операции компании с акциями ВНК. Но Ходорковский решил, что это обычный сбор компромата для борьбы с нефтяными баронами.

— Это была не первая подобная операция, и мы не думали, что она будет такой радикальной, — сказал он, когда мы встретились в его офисе на Ганновер-сквер. Теперь он был в безопасности.

В 2002 году Ходорковский обнародовал данные о своем состоянии в 7,6 миллиарда долларов за счет владения 36% акций «Менатеп». В этом смысле он стал образцом ведения прозрачного бизнеса в диких условиях тогдашнего бизнес-климата России. Свою компанию и свое будущее в России он связывал с интеграцией с Западом. Еще три года назад Ходорковский был символом дикого российского грабительского капитализма, и миноритарные западные акционеры обвиняли его в нарушении своих прав, а теперь он искал пути легитимации бизнеса и готовил почву для внедрения западных стандартов в корпоративное управление ЮКОСа.

С такой же страстью и задором он начинал заниматься бизнесом в комсомольскую пору. Теперь он поменял свои массивные очки с толстыми линзами на изящные дизайнерские,

и казалось, что даже внешнее преобразование свидетельствует о его стремлении к прозрачному бизнесу. И хотя он по-прежнему носил джинсы и темные водолазки, на смену копне густых темных волос девяностых годов пришел короткий седой ежик, а усы исчезли. Для контроля за финансами и производством в ЮКОСе он нанял западных менеджеров, что помогло восстановить добычу на западносибирских месторождениях до уровня, существовавшего до распада СССР. Частные нефтяные компании начинали сотрудничать с западными производителями бурильного оборудования, совершенствовали методы добычи, инвестировали в технику и приглашали западных консультантов. В тот момент ЮКОС производил больше нефти, чем Кувейт.

Западные партнеры восхищались Ходорковским – он стал практически другим человеком. Акции ЮКОСа стремительно росли, что еще больше укрепляло его связи с Западом. Он угощал элиту Вашингтона дорогими винами, учредил общественную организацию «Открытая Россия», в совет директоров которой вошли Генри Киссинджер и бывший посол США в России, отправил первый танкер с сырой нефтью в Техас, что стало первой прямой поставкой российской нефти в Америку, и лоббировал строительство трубопровода от Мурманска до США, который работал бы независимо от российского государства.

Вся эта активность еще больше обозлила людей Путина из КГБ. Ходорковский открыто флиртовал с Западом, что было воспринято как прямой вызов их авторитету. Его попытки объединиться с другими нефтяными баронами и выстроить собственный трубопровод были расценены как серьезная угроза.

Система нефтепроводов в России всегда служила защите государства, а допуск к ним использовался как один из немногих стратегических рычагов, с помощью которых правительство могло оказывать давление на нефтяных баронов. К началу 2003 года люди Путина из спецслужб начали разработку плана мести. Именно тогда в частной беседе Ходорковский впервые признался, что у него могут быть проблемы. Пасмурным февральским утром мы сидели при тусклом свете ламп в его похожем на пещеру кабинете в штаб-квартире «Менатеп» – огромной бетонной крепости в центре Москвы. Он понизил голос и сказал: есть подозрение, что «группа из Кремля хочет забрать мою компанию». Он сказал: эти люди снова хотят убедиться в том, что государственные компании могут работать более эффективно, нежели частные. Но он был уверен, что Путин такого не допустит, ведь он обещал не пересматривать результаты приватизаций. «Путин держит свое слово, – сказал Ходорковский. – Я совершенно спокоен».

Настроение того пасмурного утра никак не вязалось с растущим напряжением и закулисной подготовкой к предстоящей битве. Ходорковский по-прежнему верил, что у Путина, кроме его прошлого в КГБ, есть и иная сторона личности, сформировавшаяся во время работы в Санкт-Петербурге с либералом и демократом Собчаком. И, словно уповая на самое светлое в его душе, через несколько недель Ходорковский решил обратиться к Путину напрямую. Месяцем ранее он уже заявлял, что Россия оказалась на перепутье: страна либо свалится в государственную бюрократию, как Саудовская Аравия, где половина госбюджета уходит на зарплаты бюрократам, либо пойдет по пути западной экономики – с повышенной производительностью и пост-индустриальными

сообществами с развивающимся сектором услуг. Когда в том же феврале олигархи собрались вокруг овального стола в Екатерининском зале на тогда еще регулярную встречу с Путиным, Ходорковский решил поставить вопрос ребром и заговорил о проблеме растущего участия государства в экономике.

Он решил обратить внимание присутствующих на факты государственной коррупции и начал с презентации, смело озаглавленной «Коррупция в России: тормоз или экономический рост?» Он сказал, что уровень коррупции в стране достигает 10% ВВП, или 30 миллиардов долларов в год, в то время как ежегодная налоговая нагрузка составляет примерно 30% ВВП. Он спросил, почему российские большинство студентов предпочитает поступать в налоговую академию, если официальная зарплата чиновника составляет 150–170 долларов в месяц, и лишь немногие стремятся стать инженерами-нефтяниками, хотя там зарплаты в четыре раза выше.

— Это наводит на определенные мысли, — сказал он и взглянул на президента, тот сидел напротив.

Затем он обозначил еще одну проблему: государственный нефтяной гигант «Роснефть» за последние несколько лет сделал первое крупное приобретение и заплатил 600 миллионов долларов за компанию «Северная нефть», которая располагала богатыми ресурсами на Крайнем Севере. Частные компании следили за ходом сделки долгие месяцы, однако «Роснефть» переиграла всех, заплатив вдвое больше заявленной стоимости. Ходорковский спросил: куда делись переплаченные 300 миллионов? Он предложил начать расследование и выяснить

причины такой переплаты. Ходили слухи, что разница в цене составила откат, осевший в карманах чиновников.

Игра Ходорковского закончилась для него плачевно. Он наступил на больную мозоль Путина. Дискуссию транслировали по ТВ, и хотя Путин улыбался, он определенно был унижен.

— «Роснефть» — это госкомпания, которой нужно увеличить свои запасы, у которой запасов как бы не хватает, — сказал Путин. — А некоторые другие нефтяные компании, как, например, компания ЮКОС, имеет сверхзапасы. Как она их получила — это вопрос в плане обсуждаемой сегодня нами темы, в том числе и такие вопросы, как уплата или неуплата налогов.

— Когда я увидел это по ТВ, то понял, что нам конец, — сказал начальник информационного управления «Менатеп», генерал-майор КГБ в отставке Алексей Кондауров. — Раньше мы это не обсуждали. Когда он вышел после встречи, я сказал: «Михаил Борисович, почему вы не показали презентацию о коррупции кому-то другому?» Он ответил: «Как я мог показать ее кому-то другому? Среди нас мало бойцов». И у нас начались проблемы. Я знал, что он [Путин] никогда ему этого не простит. Люди Путина забрали себе 300 миллионов.

Если комитетчики Путина прикарманили 300 миллионов в виде откатов, то это была первая крупная сделка с тех пор, как он занял пост президента. Они увидели возможности для обогащения. Сделку провели через одного из первых владельцев «Северной нефти» и бывшего замминистра финансов Андрея Вавилова, тот, впрочем, отрицал факт владения компанией. (Согласно документам, «Северная нефть» принадлежала шести загадочным компаниям.) По словам человека, имеющего достоверную информацию о сделке, Вавилов возвращал деньги Путину через президента

«Роснефти» Сергея Богданчикова. В беседе Вавилов отрицал факт подобных откатов, в Кремле это тоже опровергли.

Но, судя по реакции Путина, Ходорковский ударил по больному. Для Путина было немыслимо слышать такие вопросы. Он был глубоко возмущен подозрениями в коррупции – ведь сам Ходорковский приобрел свое состояние, в частности ЮКОС, через коррупционные схемы.

Готовясь к нападению, Ходорковский выложил на стол все карты. Вызов пришлось принять – выбора не было. Сделка по «Северной нефти», пополнившая ресурсы «Роснефти», свидетельствовала о том, что правила игры существенно меняются в пользу государства. Теперь под угрозой оказалась вся бизнес-модель Ходорковского.

— Он понял, что действовать по-другому невозможно, — сказал Кондауров. — Он не мог развивать свой бизнес иначе и пошел ва-банк. Он понял, что в любом случае в будущем может быть только тупик.

С того момента, казалось, Ходорковский начал играть в открытую. Он еще интенсивнее стал расширять компанию: сделка стоимостью в 36 миллиардов долларов должна была обеспечить слияние ЮКОСа с «Сибнефтью» Абрамовича, в результате чего в мире появился бы четвертый крупнейший производитель нефти и второй по доле запасов. Сделку анонсировали без предупреждения в конце апреля в лучах прожекторов на сцене холла модного московского отеля Hyatt в двух шагах от штаб-квартиры ФСБ на Лубянке. Ходорковский словно был уверен, что это слияние даст ему дополнительную защиту, ведь его компания объединялась с Семьей. Теперь, однако, бизнес-партнер Ходорковского Леонид Невзлин считает,

что Абрамович устроил ему ловушку: через эту сделку он намеревался забрать ЮКОС и выдавить Ходорковского.

Но и это Ходорковского не остановило. Он ускорил свои попытки интеграции с Западом и начал исторические переговоры о продаже доли будущей компании ЮКОС-«Сибнефть» одной из американских нефтяных корпораций – ExxonMobil или Chevron. Это стало бы еще одним уровнем защиты для ЮКОСА и вывело компанию за пределы досягаемости государства. Три месяца назад другая группа олигархов во главе с бывшим комсомольским функционером Михаилом Фридманом из «Альфа-Групп» договорилась о принципиально новом партнерстве с British Petroleum (BP) на сумму в 6,75 миллиарда долларов, в котором британская компания должна была получить 50% акций Тюменской нефтяной компании (ТНК). И то, что ЮКОС последует этому примеру, казалось естественным. Вначале все думали, что Путин, теша свои амбиции, смотрит на эти переговоры одобрительно. Человек, знакомый с деталями, сказал, что ЮКОС-«Сибнефть», воспользовавшись займами в российских госбанках, возьмет под контроль одну из крупнейших энергетических компаний США.

Фридман и его бизнес-партнер Петр Авен, который когда-то тесно сотрудничал с Путиным в Петербурге по схеме «сырье в обмен на продовольствие», вели себя тихо и всеми способами демонстрировали лояльность режиму, в то время как Ходорковский развил бурную деятельность и на политическом поприще. Через «Открытую Россию» он перечислял деньги на благотворительность, старался привить подросткам принципы демократии и открывал летние лагеря, учредил в Москве школу для детей погибших на службе военных. Незадолго до

объявления о сделке между ЮКОСом и «Сибнефтью» он публично заявил о своих политических амбициях, пообещав, что покинет ЮКОС, когда ему исполнится сорок пять. Это должно было случиться в 2007 году – перед президентскими выборами 2008 года. Казалось, что это сигнал о его желании баллотироваться.

Ходорковский вел также переговоры с думскими лидерами о возможности трансформации России в парламентскую республику. Подобный шаг позволил бы расправиться с фатальным, по мнению многих критиков, недостатком политической системы страны – с чрезмерной концентрацией власти в руках президента. Система, в которой президент управлял страной через указы, появилась в 1993 году в результате жесткого конфликта между Ельциным и парламентом. Переход к парламентской республике лишил бы президента основных исполнительных полномочий, а управление передал бы избранному парламентом премьер-министру. Сейчас Ходорковский утверждает, что эти переговоры шли при полной осведомленности Путина и с его согласия. Он говорит, что целью было не ущемить власть Путина, а создать более сбалансированную систему после того, как тот после установленных конституцией двух сроков пребывания в должности президента уйдет. Но многие считали, что Ходорковский одержим мегаломанией и сам нацелился на место премьер-министра.

Как и другие магнаты, Ходорковский спонсировал политические партии в Думе. Это активно поощрялось главой администрации президента Александром Волошиным и его заместителем Владиславом Сурковым. Они надеялись, что это поможет трансформировать коммунистов в буржуазную партию

левого толка. Однако зрело и определенное беспокойство: некоторым казалось, что практика Ходорковского зашла слишком далеко. Он тратил десятки миллионов долларов на поддержку коммунистов и две либеральные партии – «Яблоко» и «Союз правых сил». Два исполнительных директора ЮКОСа возглавляли списки кандидатов от коммунистов, а один из бизнес-партнеров Ходорковского – сооснователь группы «Менатеп» Владимир Дубов – уже победил на выборах в декабре 1999 года и руководил влиятельным думским комитетом по бюджету и налогам.

Степень влияния Ходорковского на парламент становилась для власти проблемой. Ситуация стала критичной в мае 2003 года, когда ему удалось заручиться голосами депутатов и заблокировать усилия Кремля по реформированию нефтяного сектора – эти реформы были призваны реструктурировать экономику и впервые вывести ее из чрезмерной зависимости от нефтяных доходов. Быстрорастущие мировые цены на нефть – с 12 долларов за баррель в 1998 году до 28 долларов в 2003-м – способствовали стремительному заполнению государственной казны и выплате внешнего долга. Однако рост цен на нефть одновременно обусловил рост зависимости России от нефтегазовых доходов, необходимых для наполнения бюджета и экономического роста. В 2003 году нефтегазовые доходы составили 20% ВВП, 55% всех экспортных доходов и 40% всех налогов. Согласно отчету МВФ, зависимость России от мировых цен на нефть увеличилась в пять раз по сравнению с августом 1998 года, когда был объявлен дефолт. Именно тогда стало очевидно, что благосостояние страны не может быть привязано к мировым ценам на нефть. По утверждению МВФ, если бы

цены на нефть откатились к 12 долларам за баррель, страна потеряла бы 13 миллиардов долларов, то есть 3% ВВП.

Россия критически зависела от мировых цен на энергоносители, которые не могла регулировать. Либеральное крыло правительства Путина искало выход из этой ситуации. В эпоху Ельцина, когда кризисы следовали один за другим, правительство не могло заниматься ослаблением этой зависимости: налоговых сборов катастрофически не хватало и ему требовались любые источники денежных средств. Но теперь цены на нефть взлетели, и либеральная фракция, возглавляемая министром финансов Алексеем Кудриным и министром экономики Германом Грефом – оба работали в Петербурге одновременно с Путиным, – решила, что в условиях стабильности и роста можно заняться реструктуризацией экономики. В начале февраля 2003 года Греф анонсировал повышение налоговой ставки на доходы нефтяной промышленности, а полученные средства предполагалось направить на развитие высоких технологий и оборонного сектора.

Правительство считало необходимым поднять налогообложение для нефтяной промышленности через введение более высоких экспортных пошлин и налогов на пользование природными ресурсами. Ходорковский отчаянно сопротивлялся. В мае его людям в парламенте удалось отразить первую попытку введения налогов на добычу полезных ископаемых, однако Греф и Кудрин восприняли это как личную обиду. По словам близкого к Кудрину банкира, до этого момента они намеревались защищать Ходорковского от жаждущих расправы спецслужб. Но тот не только разрушил планы либералов, но и уничтожил все аргументы в свою защиту.

— Он стал крупнейшим инвестором в Думе, — сказал банкир. — Он спонсировал половину Думы. И, честно говоря, это уже пугало. На его стороне выступили не только связанные с бизнесом депутаты, но и старые коммунисты, сумасшедшие националисты, антисемиты, либералы и консерваторы. Вся эта безумная разношерстная компания единогласно проголосовала против увеличения налогов. Кудрин вызвал его и сказал: «Миша, ты все испортил. Нельзя покупать государственные органы. Есть люди, которые хотят поднять налог до девяносто процентов. Нужно было соглашаться». Знаете, что он ответил Кудрину? Он сказал: «Ты меня за кого принимаешь? Иди к черту. Я тебя уволю».

Греф и Кудрин понимали, что ситуация патовая, а Ходорковский, как утверждал банкир, ее только усугубил. Вдохновленный результатами голосования, он начал обзванивать кандидатов на должность премьер-министра и говорил им, чтобы те согласовывали свои планы лично с ним.

— Он говорил им, что голосование показало, насколько велико его влияние в Думе. Он сказал, что теперь имеет право выбрать следующего премьера.

Ходорковский отрицает сам факт подобных звонков. Однако через несколько недель в прессе появились сообщения о том, что он является лидером «опасной» группировки прозападных олигархов, стремящихся подорвать президентскую власть, взять под контроль парламентское большинство и превратить страну в парламентскую республику с номинальной ролью президента. В материале подробно описывались последние действия Ходорковского, что определенно должно было усилить паранойю людей Путина. Деятельность этой группы олигархов была названа «антинациональной». Их имущество было

зарегистрировано в офшорных зонах и не подпадало под юрисдикцию государства: «Олигархи осознанно или бессознательно апеллируют к ресурсу других государств как гарантов их интересов на политико-экономическом пространстве России. Можно констатировать, что олигархи, завершив первичную приватизацию основных объектов национальной экономики, перешли к своего рода приватизации политико-властного пространства России».

Этот материал полностью соответствовал настроениям людей Путина и, по словам не только автора, но и связанного со спецслужбами крупного банкира, передавал суть разговоров в офисах Ходорковского и его телефонных бесед с партнерами.

— Многие из тех, кто оказался в тюрьме, угодили туда потому, что при прослушке спецслужбы узнали, что те о них думают. Они слышали всевозможные оскорбления в свой адрес, — сказал политический аналитик и соавтор того материала Станислав Белковский.

Вскоре Путин перестал скрывать свои намерения. В мае он пригласил Ходорковского, Абрамовича и некоторых их заместителей свою резиденцию в Ново-Огарево. По словам одного из присутствовавших, за обедом они обсуждали сделку по Exxon/Chevron. Когда перешли к хорошему коньяку, Путин велел Ходорковскому прекратить спонсировать коммунистов. Ходорковский запротестовал, заявив, что обсуждал финансирование с Волошиным и Сурковым, но Путин отрезал:

— Оставь. У тебя большая компания, много других дел. У тебя нет на это времени.

Ходорковский упорствовал: сказал, что не может запретить другим акционерам ЮКОСа финансировать тех, кого они хотят, даже если сам полностью откажется от спонсирования

Коммунистической партии. Он сказал: «Если мы – открытая и прозрачная компания, я не могу запретить своим акционерам и сотрудникам выбирать политическую линию». Он пытался объяснить, что социальные проекты и поддержка демократии для него не менее важны, чем бизнес.

Разговор резко оборвался, гости ушли. Но Путин не собирался оставлять все как есть. В июне ему предстояла первая поездка в роли президента – государственной визит в Соединенное Королевство и встречи с премьер-министром Тони Блэром и королевой. Однако уже тогда он намекнул на возможные проблемы. На ежегодной пресс-конференции 20 июня он обрушился на бизнесменов, заблокировавших в парламенте реформы энергетической отрасли. И хотя Ходорковского он не назвал, намек был прозрачен.

— Это не значит, что мы должны позволить отдельным представителям бизнеса влиять на политическую жизнь страны в своих групповых интересах, – сказал он.

Путин впервые публично высказался против реформы политической системы и превращения страны в парламентскую республику. Он сказал, что это «не обсуждается и даже опасно». Было понятно, кому адресованы эти заявления.

И пока Путин общался с политиками в Букингемском дворце и подписывал соглашение между British Petroleum и ТНК, что Тони Блэр воспринял как гарантию «долгосрочной уверенности Британии в России», государственная машина закрутилась. Прокуратура предприняла первую атаку на ЮКОС, и все выглядело так, словно к Путину это не имело отношения. В сороковой день рождения Ходорковского глава отдела безопасности компании Алексей Пичугин был арестован и обвинен в убийстве семейной пары, которая, как считали

правоохранители, пыталась шантажировать его в связи с его приказом ликвидировать другого работника «Менатепе». Угроза Кремля обретала реальные черты. Однако если бы через неделю не задержали более известного деятеля, арест Пичугина остался бы незамеченным. Но теперь был арестован Платон Лебедев – саркастичный бессменный помощник Ходорковского, председатель совета директоров Group MENATEP и серый кардинал всего бизнеса. Мир Ходорковского начал рушиться.

Лебедева взяли прямо на больничной койке, из больницы его вывели уже в наручниках. Ему предъявили обвинение в присвоении 20% акций гигантского производителя удобрений «Апатит» – первого крупного предприятия, приватизированного «Менатепом». Об аресте сообщили все СМИ, и за один день рыночная стоимость ЮКОСа уменьшилась на 2 миллиарда долларов. Тогда же в отношении компании было возбуждено еще одно уголовное дело, связанное с приватизацией ВНК. Другого исполнительного директора компании вызвали на допрос. Расправа с Ходорковским началась.

В то лето новости о ЮКОСе не сходили с первых полос. Прокуратура вела расследование, акции компании падали. В конце июля, за четыре дня до возвращения Ходорковского из США, куда он ездил договариваться об инвестициях, Пичугину были предъявлены еще четыре обвинения – в убийстве и покушении на убийство. Самые жуткие кошмары Ходорковского становились явью. Под расследование попали не только покушения на Евгения Рыбина из-за акций ВНК, но и убийство мэра Нефтеюганска, где располагалось представительство компании. После приобретения ЮКОСа «Менатепом» у Ходорковского начался длительный конфликт с мэром города Владимиров Петуховым, которого застрелили по

пути на работу 26 июня 1998 года. Поползли слухи о том, что убийство могло быть организовано услужливым помощником в качестве подарка на день рождения Ходорковского.

Пытаясь оптимизировать расходы, ЮКОС решил разделить сервисные компании, на которых трудились 30 тысяч жителей Нефтеюганска, и сделать их независимыми предприятиями. Петухов написал письмо Ельцину и пожаловался на то, что с приходом ЮКОСа налоговые сборы города резко упали. На улицы вышли тысячи горожан и открыто обвинили Ходорковского в организации убийства мэра. Однако, по словам журналиста из *Financial Times*, который вскоре после этого сумел пообщаться с Ходорковским, он был искренне потрясен этим убийством.

Ходорковский категорически отрицал любую причастность к убийствам и покушению на убийство – и свою, и своих партнеров. В случае с мэром Нефтеюганска юристы компании указывали на опасные чеченские группировки, частично завладевшие экспортом ЮКОСа, которых позже вытеснили сотрудники Ходорковского. Затем, когда стало очевидно, что люди, с которыми Ходорковский боролся за ВНК, связаны с КГБ, один его приближенный предположил, что убийства могли быть организованы управляющими ВНК из КГБ, чтобы запятнать олигарха.

Ходорковский рассчитывал на поддержку США. Вскоре после ареста Лебедева он отправился в американское посольство и на фоне развешанных в честь Дня независимости звездно-полосатых флагов заявил репортерам, что, по его мнению, конфликт с государством долго не продлится. Затем полетел на конференцию в Сан-Валли, штат Айдахо, где по-дружески пообщался с Биллом Гейтсом и Уорреном Баффетом.

Вернувшись в Москву, он снова решил поднять ставки и заявил национальному телевидению, что продолжение атак на его организацию приведет к утечке капитала из России, разрушит инвестиционный климат и вернет страну в тоталитарное прошлое.

Однако заигрывания Ходорковского с США только больше обозлили Кремль. В сентябре Путин планировал важный государственный визит в Америку и переговоры с президентом Джорджем Бушем в Кэмп-Дэвиде. Для всех, кто считал, что Путин может повлиять на прокуратуру, был подготовлен жесткий ответ. Журналистам в США он сказал, что речь идет об убийствах. И спросил:

— Как я могу в таком случае вмешиваться в работу прокуратуры?

Если у Ходорковского и был шанс не попасть под разгоняющийся кремлевский каток, то после поездки в Америку он исчез и Путин принял окончательное решение. Он выступил перед ведущими специалистами США на Нью-Йоркской фондовой бирже и заверил слушателей, что Россия пойдет по пути рыночной экономики и итоги приватизации пересматриваться не будут. У него состоялась также частная встреча с исполнительным директором ExxonMobil Ли Рэймондом – он стоял во главе Exxon во время слияния с Mobil, в результате чего родилась крупнейшая в мире компания стоимостью 375 миллиардов долларов. Известный своей агрессивной манерой общения, Рэймонд решил и здесь обойтись без экивоков и в разговоре с Путиным честно признался, что его конечной целью является контрольный пакет акций компании ЮКОС-«Сибнефть». Это планировалось сделать после первого этапа, в котором Exxon приобретет миноритарный пакет.

Путин был ошеломлен. Энергетический американский гигант США хочет получить контроль над российскими ресурсами через Ходорковского или Абрамовича! Одобрить такой сценарий Путин не мог. Он предполагал, что Еххон или Chevron приобретут только миноритарный пакет, а ЮКОС-«Сибнефть» купит акции одного из энергетических гигантов США.

— Для Путина такой обмен акциями был бы важным шагом, — сказал человек, знакомый с теми переговорами. — Он выстроил бы между Россией и США энергетический мост.

Но поскольку тем летом давление на ЮКОС усиливалось, акционеры стремились ускорить сделку. Их целью был не обмен акциями — они хотели завершить продажу.

Для Путина же передача контрольного пакета акций ЮКОС-«Сибнефти» концерну ЕххонMobil была абсолютно неприемлема. Он не мог согласиться на покупку Соединенными Штатами российских стратегических запасов. Это шло вразрез с идеей КГБ о возрождении имперской мощи России. Фридман и Авен получили разрешение на партнерство с ВР в формате 50:50, но они, в отличие от Ходорковского, были предельно лояльными Кремлю и сделали все возможное, чтобы остаться у руля совместного предприятия ТНК-ВР.

Через неделю Ли Рэймонд прибыл в Москву с надеждой на завершение сделки. В тот день на первой полосе *Financial Times* появилась новость о том, что по итогам переговоров Еххон купит 40% акций компании ЮКОС-«Сибнефть» за 25 миллиардов долларов и планирует увеличить свою долю до 50%. Однако вместо рукопожатий и тостов Рэймонда ждало сообщение о том, что в офисах ЮКОСА по всей Москве идут обыски и в операции задействовано более пятидесяти вооруженных следователей

в бронежилетах. Обыски прошли также в домах ближайших партнеров Ходорковского –ключевых акционеров группы «Менатеп». Все они жили в охраняемом подмосковном элитном поселке Жуковка за высоким металлическим забором. Обыск прошел также в доме Лебедева, который уже находился под арестом. Когда Ходорковскому позвонила жена и сообщила, что в дверь ломаются правоохранители, он извинился и спешно уехал.

Сигнал от Кремля был однозначным – эту сделку ExxonMobil не заключит никогда. В момент звонка от жены Ходорковский и Рэймонд находились на Всемирном экономическом форуме, где Путин должен был произнести вступительную речь. Но Ходорковскому пришлось мчаться домой и надеяться на то, что с правоохранителями удастся разобраться, а Рэймонд остался на конференции. Ему оставалось только заявить, что если Россия хочет выйти на международные рынки, ей не следует ограничивать присутствие инвесторов. Путин сделал вид, что ничего не знает об обысках, и продолжал убеждать инвесторов в том, что инвестиционный климат станет максимально благоприятным и для этого предпринимаются все возможные меры. Это была его типичная демагогия – излюбленный прием с момента прихода во власть. Он воспевал рынок, а в это время спецслужбы пытались установить над этим рынком контроль.

И снова Ходорковский отказался отступать. Он заявил на весь мир, что готов сесть в тюрьму, если это потребуется для защиты компании, что не уедет из страны и не сдастся. Впрочем, в частных беседах он отчаянно искал выход из ситуации и даже обратился к своему давнему противнику Пугачеву в расчете на то, что тот, благодаря своим связям с петербургскими спецслужбами, прояснит ему мотивы Кремля. Пугачев навел справки и выдал недвусмысленный ответ: если Ходорковский

хочет остаться на свободе, то должен покинуть страну, иначе сядет в тюрьму. По словам Ходорковского, он в это не поверил: Кремль не решится его арестовать, а если и решится, то вмешаются США.

Ходорковского подвела самоуверенность. Он неверно оценил позицию Штатов –они не были готовы защитить олигарха, выстраивающего мосты между странами.

Это случилось, когда Ходорковский демонстративно разъезжал по Сибири. Днем ранее прокуратура вызвала его на допрос, но его не было в Москве. На рассвете субботы 25 октября 2003 года его частный самолет приземлился в Новосибирске для дозаправки. С криками «ФСБ! Оружие на пол! Не двигаться – или будем стрелять!» на борт вломились вооруженные спецназовцы. Ходорковского арестовали по обвинениям в мошенничестве в особо крупном размере и в уклонении от налогов, и к вечеру того же дня он оказался в печально известной московской тюрьме Матросская Тишина.

Политический и экономический курс страны необратимо отклонился от глобальной интеграции с Западом в сторону противостояния с ним. Это была точка невозврата для людей из спецслужб, которые давно вынашивали реваншистские планы и в конце концов убедили Путина в том, что это единственный способ вернуть России величие, а себе обеспечить финансовую стабильность. Но они вступали на неизведанную территорию. Никто не ожидал, что дело пойдет так далеко – в большинстве своем бизнес-сообщество надеялось, что все можно отыграть назад, что Ходорковского освободят и все между собой договорятся. Даже Пугачев утверждал, что и у силовиков оставалась надежда, что за снятие обвинений Ходорковский со

своими соратниками согласится выплатить Путину и его людям значительную сумму.

— Все ждали отката, — сказал он. — Никто не был к этому готов. Никто не знал, что делать с компанией. Ни у кого не было опыта, как поступать в таких случаях.

После ареста Ходорковского бизнес-сообщество пребывало в шоке. Он был самым богатым человеком страны, самым ярким игроком рынка, человеком, стоявшим в шаге от сделки столетия — продажи своей компании за 25 миллиардов долларов. Той самой, которую он семь лет назад приобрел за 300 миллионов. Если можно сломить его, значит, можно сломить и любого другого. В день ареста Ходорковского ключевые фигуры Российского союза промышленников и предпринимателей собрались на экстренную встречу в московском отеле «Балчуг». Многие были напуганы и не решались дать комментариев прессе, но, тем не менее, приняли заявление, в котором осудили арест и призвали к обсуждению ситуации: «Развернуть ситуацию может только ясная и недвусмысленная позиция Президента РФ В. В. Путина. Ее отсутствие сделает необратимым ухудшение экономического климата и превращение России в страну, неблагоприятную для развития бизнеса».

Анатолий Чубайс распространил это заявление и в телеинтервью сказал, что арест Ходорковского и возможные риски того, что за ним последуют другие бизнесмены, приведут к неконтролируемому расколу элит, что отразится на всем российском обществе.

Но теперь не собирался отступать Путин. Несмотря на то, что он всегда отрицал свою причастность к аресту Ходорковского, такое событие не могло произойти без одобрения сверху. Помимо этого, арест Ходорковского наглядно

продемонстрировал, что бывает с теми, кто не внял основным постулатам нового режима. Другим олигархам пришлось учиться на его ошибках, и они хорошо усвоили урок.

— Если ты в России покупаешь компанию за 150 миллионов долларов, используя средства министерства финансов, ты должен играть по российским правилам, — сказал юрист Ходорковского Дмитрий Гололобов. Позже он поменял свое мнение о происходящем. — Нельзя никому говорить, что ты — законный владелец бизнеса. Приватизация не означает появления легитимного имущества. Это очень хорошо понимали другие олигархи. Ни один из них в действительности не был владельцем бизнеса. Они были лишь его держателями.

Такая логика противоречила всем предвыборным обещаниям Путина. Она строилась на ложном представлении о том, что эти магнаты появились на свет благодаря усилиям людей из КГБ во время перехода к рынку и всем обязаны им. Случившееся с Ходорковским было мстью за девяностые — именно в те годы прозападные магнаты появились и стремительно разбогатели, а людям из КГБ пришлось ждать на задворках истории.

— То, что сейчас происходит с Путиным, — это реванш КГБ, — сказал отставной офицер военной разведки. — Комитет создал олигархию, а затем ее пришлось обслуживать. Теперь настало время мести.

На этом этапе КГБ нашел новое оправдание экспроприации активов. По заявлению комитетчиков, таким образом они препятствовали расхищению нефтяных богатств страны Западом.

— ЮКОС намеревался передать свои основные активы на Запад, — сказал человек из спецслужб. — Весь капитал, стремительно заработанный Ходорковским, все его активы

моментально уплыли бы на Запад через подставные офшорные компании. Если бы мы не вмешались, то потеряли бы контроль над нефтью и газом страны и превратились в вечную службу для западных промышленников.

После ареста Ходорковского другие миллиардеры с ужасом наблюдали за тем, как прокуратура в считанные дни конфисковала его 15-миллиардную долю в ЮКОС-«Сибнефть». Путин однозначно дал понять, что этот вопрос не обсуждается. Фондовый рынок рухнул. В первый же понедельник после ареста Ходорковского Путин кратко и резко ответил на воззвание олигархов:

— Никаких встреч, никакой торговли по поводу деятельности правоохранительных органов не будет. Если, конечно, эти органы действовали в рамках российского законодательства. Все должны быть равны перед законом. Иначе нам никогда не справиться с решением проблемы создания экономически эффективной и социально выверенной налоговой системы. Иначе мы никого не научим и не заставим платить налоги и отчисления в социальные фонды, в том числе и пенсионные, нам никогда не переломить оргпреступность и коррупцию.

Началась новая эпоха. Путин избавился от нерешительности, которая была характерна для первых двух лет его президентского срока. Новые хозяева Кремля готовились поделить между собой стратегические активы страны. Ни у Путина, ни у его людей пути назад уже не было.

Глава 8

После террора – пробуждение империализма

«Узел с тремя элементами»

Казалось, что Владимир Путин начинал свое президентство нерешительно. Когда ему предложили такой головокружительный взлет, он заявил Борису Ельцину, что к этой работе не готов, а перед Семьей предстал наемным менеджером, который, как предполагалось, прослужит лишь несколько лет. Когда случались трагедии – например, катастрофа подлодки «Курск», он бледнел и уходил в тень, парализованный страхом и неспособный что-то предпринять. Но теперь он приказал арестовать самого богатого человека России, и обратного пути не было. Даже если бы он захотел, то вряд ли смог повернуть события вспять. Ближнее окружение и силовики, которых он привез из Санкт-Петербурга, вынуждали его остаться.

— Они его запугивали, – сказал Пугачев. – Они сказали ему: «Никто не простит тебе ЮКОС и захват НТВ. А если поедешь на Запад, тебя там сразу арестуют».

Теперь, распробовав вкус власти, люди из КГБ готовились к дальнейшему захвату страны. Кроме того, переизбрание Путина в 2004 году освобождало его от обещаний, данных Семье в момент передачи власти.

Путин устранил медиамагнатов Владимира Гусинского и Бориса Березовского. Первые реформы его администрации существенно урезали полномочия региональных губернаторов за счет создания суперрегионов, которыми теперь управляли

люди, уполномоченные Кремлем. Меры, внедренные бывшим офицером военной разведки и петербургским прокурором Дмитрием Козаком, обнулили политику ельцинских лет, когда губернаторам предлагалось брать столько свободы, сколько они «смогут проглотить». Либералы и бывшие медиамагнаты предупреждали о реванше КГБ, об усилении авторитарной власти Кремля. Арест Ходорковского и отъем его доли в ЮКОС-«Сибнефти» обернулись волнениями на фондовой бирже и в бизнес-сообществе. Однако и Путин, и Кремль представляли это как единичный вопиющий случай, как наказание одного зарвавшегося олигарха. В то время страна процветала за счет доходов от взлетевшей стоимости нефти: с момента прихода Путина к власти цены поднялись с 12 до 28 долларов за баррель. Хаос девяностых годов закончился, олигархи были приструнены, и рейтинги Путина во время первого срока стабильно держались в районе 70%. Все говорило о том, что он останется на второй срок.

Однако захват НТВ и арест Ходорковского были не единственными событиями, омрачившими первый президентский срок. По внутренней информации, никогда не озвученной, некоторые силовики намеревались взять под контроль буквально все.

Вечером в среду 23 октября 2002 года в театр на Дубровке в Москве ворвались около сорока вооруженных чеченских боевиков. Заканчивалась первая сцена второго действия нового мюзикла «Норд-Ост». Около девятисот зрителей, в основном представителей среднего класса, пришли на представление о храбрых советских воинах Второй мировой войны, действие мюзикла переносило их в блокадный Ленинград. На сцену вышел боевик с автоматом и произвел несколько выстрелов

вверх, террористы заминировали помещение и перекрыли все выходы, а смертницы в хиджабах – «черные вдовы» в поясах шахида – рассредоточились по залу. Захват заложников растянулся на три дня.

Трагедия на Дубровке стала воплощением самого страшного кошмара Путина. Боевики под предводительством Мовсара Бараева потребовали прекратить войну в Чечне, начавшуюся в 1999 году после взрывов жилых домов, отвели России неделю на вывод войск и в противном случае обещали взорвать театр. Сразу после того, как о захвате объявили в новостях, к театру стали стекаться и оппозиционные политики, и люди из спецслужб. Они стояли на улице, в темноте, под дождем, с ужасом осознавая, что это происходит в пяти с половиной километрах от Кремля. Как вооруженные до зубов боевики с килограммами взрывчатки смогли у всех на виду проникнуть в театр?

В следующие три дня Путин не выходил из кабинета в Кремле и пребывал в панике. События стремительно выходили из-под контроля. Размышляя над вариантами выхода из кризиса, он отменил запланированный визит в Мексику на встречу с мировыми лидерами, в том числе с президентом США Джорджем Бушем. Боевики пропустили в театр несколько знаменитых персон, готовых вести переговоры. Среди них были депутат и певец Иосиф Кобзон, либеральный оппозиционный политик и журналист Анна Политковская, прославившаяся бесстрашными репортажами из Чечни. И хотя некоторых заложников, включая детей и иностранных граждан, удалось освободить, отозвать свои требования о прекращении войны захватчики отказались.

На третий вечер команда НТВ взяла интервью у Бараева.

— Наша цель, о чем мы уже не раз говорили, — это прекращение войны и вывод войск, — сказал он.

А шахидка заявила:

— Путь нам указал аллах. Мы умрем, но ничего не закончится.

И снова Путин был парализован страхом. Захватчики недвусмысленно заявили: если спецслужбы попытаются вмешаться, они убьют заложников и взорвут здание. Они уже начали выполнять обещание — во время попытки пробраться в театр застрелили двух гражданских и генерала ФСБ.

На рассвете 26 октября спецназ начал штурм здания. Чтобы не дать боевикам осуществить взрывы, через вентиляционную систему зал заполнили газом. Под его действием зрители и боевики потеряли сознание, а многие заложники погибли. Оказалось, что аварийно-спасательные службы не были готовы к последствиям газовой атаки и не имели средств для спасения выживших. Выведенные из театра люди лежали на обочине, кого-то тошнило, кто-то был без сознания, кто-то задыхался. Лишь через полтора часа после освобождения их начали развозить по больницам. Предполагая взрывы и стрельбу, 80% карет скорой помощи располагали оборудованием для обработки колотых и рваных ран, а не при отравлении газом. К концу следующего дня число погибших достигло 115 человек. Из них застрелены были только двое, остальные умерли от воздействия газа.

Путину пришлось принять на себя праведный народный гнев. Как вообще мог произойти захват заложников? Почему работников скорых не проинформировали о составе газа? По словам некоторых выживших, газ подавали в зал из-под сцены. В результате сознание потеряли боевики, стоявшие рядом со

сценой, но остальные террористы видели, как зеленый газ с ядовитым запахом медленно заполняет зал. От министра здравоохранения настойчиво требовали сообщить состав газа, и он наконец сказал, что это был мощный опиоид, производный от фентанила, широко используемый как болеутоляющее, и что «сам по себе он не мог быть летальным». Он заявил, что гибель заложников была вызвана истощением, трехдневным стрессом, обезвоживанием и голодом. В заключительном отчете московской прокуратуры газ был назван «неидентифицируемой химическим соединением».

То, что происходило в Кремле в ночь штурма театра, надежно спрятали под грифом «Секретно». Только сейчас один из очевидцев, который, по его словам, был участником кремлевских обсуждений, решил пролить свет на эти события. Он заявил, что случившееся стало результатом заговора, однако все пошло не по сценарию. По словам очевидца, атака на театр планировалась Николаем Патрушевым для дальнейшего усиления власти Путина. Изначально все задумывалось как псевдозахват, с которым президент легко и успешно разберется. Это повысит его авторитет и усилит поддержку войны в Чечне, которая на тот момент стала заметно ослабевать. Патрушев, по словам свидетеля, сказал Путину, что наемные террористы не вооружены настоящим оружием и боеприпасами (у них только болванки) и что после окончания операции их отлет в Турцию обеспечит ФСБ. Путин же предстанет перед нацией героем, мировым лидером, который освободил заложников и предотвратил гибель гражданских лиц— это позволит ему усилить контроль в Чечне.

Но уже в первый день захвата события пошли не по плану: один из боевиков застрелил гражданского, пытавшегося

проникнуть в театр. Путин запаниковал. Как утверждал очевидец, «все вышло из-под контроля. Никто не знал, кому и во что верить». К тому моменту, когда спецназ был готов штурмовать здание, захват заложников выглядел как настоящий теракт. На помощь был призван Игорь Сечин. По словам чиновника, ставшего свидетелем обсуждений, зная чрезмерное усердие Сечина, Патрушев одобрил его участие.

— Он сказал: «Игорь, у тебя есть армейский опыт. Помоги нам разобраться».

По словам очевидца, именно Сечин предложил использовать газ. Он поговорил с командующим химическими войсками, однако тот ответил, что газ просрочен и не подействует.

— Сечин сказал мне, что именно поэтому он и решил применить десятикратную дозу, — сообщил бывший чиновник и добавил, что сразу после этого Путин, в ужасе от случившегося, написал заявление об отставке.

Но к тому моменту он уже слишком глубоко увяз, и ему приказали остаться. Казалось, что Патрушев намеренно вносит сумятицу и в планирование захвата театра, и в действия спецслужб.

— Все было организовано так, чтобы вынудить Путина остаться на второй срок. Все должно было пойти не по плану, чтобы он увяз еще глубже. Если бы в тот момент Путин ушел, для Коли (Патрушева) это был бы конец. Поэтому он решил замазать Путина кровью.

Пресс-секретарь Кремля Дмитрий Песков назвал эти слова «полной ерундой» и заявил, что этот якобы очевидец «ничего не знает». Теперь уже невозможно выяснить, как все было на самом деле. Только узкий круг людей был в курсе того, как разворачивались те чудовищные события. Однако бывший

чиновник, изложивший мне эту версию, все же кое-что знал. Несомненно, его слова можно было бы принять за очередную теорию заговора, которые в большом количестве циркулировали вокруг тайных решений Кремля, особенно в мрачном свете взрывов жилых домов, если бы не отчет московской прокуратуры, появившийся годом позже и никем не замеченный. Когда прокуратура закончила расследование, обнаружилось, что две заложенные в зале самые большие бомбы оказались имитацией. Так что по меньшей мере часть истории чиновника оказалась правдивой. «Бомбы не были готовы к применению: у взрывателей отсутствовали элементы питания – батарейки, что делало их безопасными болванками», – говорилось в отчете. То же самое относится и к поясам шахидок, и к другим взрывным устройствам. Смертницы стояли в толпы заложников, но погибли они от газа, а не от самоподрыва. Кроме того, спецслужбы перестреляли всех террористов, и выяснить у них подробности подготовки теракта было невозможно.

Несмотря на то, что газ начал действовать лишь через пятьдесят минут, прокуратура не нашла ничего, что свидетельствовало бы о попытках привести в действие взрывные устройства. Неужели действительно никто ничего не собирался взрывать и только использование газа привело к такому количеству смертей? Неназванные источники в ФСБ и министр внутренних дел рассказали «Коммерсанту» – единственной газете, обнародовавшей отчет прокуратуры, что террористы сами сняли детонаторы, так как опасались случайных взрывов. Либеральный политик Ирина Хакамада, присутствовавшая на переговорах в захваченном здании, также выразила сомнения: «Я пришла к убеждению, что террористы не планировали

взрывать театральный центр, а власть не была заинтересована в спасении всех заложников. Главные события произошли, когда я вернулась с переговоров. Глава администрации президента А. Волошин угрожающим тоном приказал мне не вмешиваться в эту историю».

Возникли вопросы и относительно некоторых террористов. Их лидер Мовсар Бараев предположительно был арестован властями за два месяца до захвата заложников. Неужели его выпустили из тюрьмы, чтобы он принял участие в теракте? Та же самая ситуация была и с одной из смертниц – она находилась в заключении, но ее опознала мать на кадрах, сделанных во время захвата. Неужели власти решили вытащить их из тюрьмы и отправить к театру?

Уже не в первый раз поднимались вопросы о причастности спецслужб к организации террористических атак в России, в том числе к взрывам жилых домов, после которых Путин пришел к власти. Но теракт на Дубровке, впрочем, не вызвал столько споров. Главные вопросы касались применения газа и обнаруженных прокуратурой болванок бомб, о чем в конце публикации упоминал «Коммерсантъ». Все это должно наталкивать на мысль, что террористическая группа будет планировать и другие атаки.

Однако когда все закончилось, вопросы о том, как развивались события, были забыты. Люди вздохнули с облегчением, полагая, что погибших могло быть гораздо больше. Местные политики и зарубежные лидеры выражали Путину признательность за грамотное разрешение ситуации. Рейтинг президента взлетел до максимума с момента его избрания. Спецслужбы, проморгавшие группу вооруженных террористов в центре Москвы, вместо наказания получили

дополнительное финансирование. И, конечно, захват развязал руки людям Путина в Чечне: планы по сокращению войск в республике были пересмотрены. В ходе ночных рейдов в Чечне стали массово пропадать люди. Больше никто не решался предъявить Кремлю требование начать мирные переговоры с чеченским лидером Асланом Масхадовым. А когда общественность массово высказалась в поддержку войны, он был полностью дискредитирован. Российские власти обвинили его в организации атаки, однако это не подтверждалось ничем, кроме старой видеозаписи с обещаниями новых терактов. Сам Масхадов свое причастие к этому теракту отрицал.

Теперь, после захвата заложников на Дубровке, Кремль представлял войну в Чечне как борьбу с мировым терроризмом, с которым воюет Запад. Еще за несколько месяцев до трагедии предпринимались попытки установить связи между чеченскими повстанцами и исламскими боевиками. Захват заложников послужил лишь дополнительным аргументом. На кадрах, транслируемых каналом *Al Jazeera*, боевики называли себя учениками чеченцев. За их спинами развевались полотна с фразой «Аллаху Акбар». Путин назвал атаку на театр «чудовищной манифестацией терроризма», спланированной в «зарубежных террористических центрах». В дальнейшем США изменили мнение о чеченских повстанцах. Три группировки, причастные к захвату заложников, были названы террористическими организациями, связанными с «Аль-Каидой», а на Масхадова перестали смотреть как на умеренного политического противника.

— Наша политика по Чечне теперь совпадает с российской, — сказал американский дипломат после атаки. — Захват заложников серьезно подорвал аргументацию чеченцев.

Люди из КГБ хотели сделать Путина бессменным президентом. Но на самом деле, если не брать в расчет ужасные события типа теракта на Дубровке, и сам Путин уже начал чувствовать себя в этой роли довольно комфортно.

— Ему это начинало нравиться — все эти церемонии, «Большая восьмерка», признание, — сказал Пугачев.

Окружение восхваляло его и называло спасителем России. Ему говорили, что он спас страну от краха, от разграбления олигархами и от разрушительного влияния Запада. Перед ним склонялись даже его бывшие начальники из КГБ. Однажды во время первого срока Путин собрал на свой день рождения близких друзей. Один из его руководителей в Дрездене Сергей Чемезов поднял тост за его приход к власти.

— Это был очень близкий Путину человек, старше его, который в предыдущей жизни, до того, как Путин стал президентом, был выше по должности и которого сам Путин очень уважал, — вспоминал Пугачев. — Он сказал ему: «Владимир Владимирович, я хочу поднять бокал. Много времени прошло с тех пор, как я впервые услышал, что вы стали президентом, но это чувство, которое я испытал тогда, остается со мной и сейчас. Я подумал, что солнце взошло над Россией. [...] Теперь я понимаю, что сто процентов населения разделяет со мной это чувство».

Пугачеву эта речь показалась подобострастной. Он перебил Чемезова, желая продолжить обсуждение политической ситуации и серьезные задачи. Но Путин, по словам Пугачева, сердито посмотрел на него и велел не перебивать его друга.

— И тот посмотрел ему в глаза и сказал, что он — дар Божий. Он сказал, что Бог даровал стране правителя, который положит

конец великим страданиям русского народа. Что этого парня он знал пятнадцать лет и что был его начальником... Я видел такое впервые. И так было с самого начала, фактически с первого дня. Путин оказался потрясающе тщеславным. Чтобы задать ему вопрос, вначале полагалось произнести какие-то лестные слова. Сечин умел делать это очень хорошо. Он говорил ему с низким поклоном: «Владимир Владимирович, я помню, как вы сделали то-то, и это изменило мир». Когда я впервые это услышал, я решил, что попал в психушку. Ему говорили: «Вы потрясли все человечество. Вы – потрясающая личность».

Постепенно Путин привык к этому раболепию, поверил в свою силу, в свое высокое предназначение и, когда принимал все жесткие и авторитарные решения, включая арест Ходорковского и его людей, то видел, что окружение его одобряет.

— По сути, перед ним склонился весь олигархат. Ему все подносили на блюдечке, к нему обращались за разрешением даже по мелочам, – говорил Пугачев. – И ему это действительно нравилось. Каким-то образом все это уживалось в его голове. Это был медленный процесс. У него всегда была склонность к самолюбованию, но в какой-то момент он изменился, по-настоящему поверил в то, что он – император.

Если вначале Путин управлял государственной машиной вместе с людьми из Семьи, то после ареста Ходорковского государственный аппарат полностью перешел в его распоряжение. Шокированный таким поворотом событий, Александр Волошин, занимавший пост главы президентской администрации с марта 1999 года, подал в отставку. Он несколько раз обсуждал с Путиным политическую расправу над

Ходорковским и до последнего момента был уверен, что все можно отыграть назад:

— Я действительно не думал, что они посадят его в тюрьму. Ясно, что это была кампания и это было плохо. Я считал, что это навредит развитию страны.

Вместо Волошина Путин назначил своего питерского коллегу Дмитрия Медведева, ничем не примечательного юриста, который занимался правовыми вопросами, например, разбирался с последствиями скандала вокруг схемы «сырье в обмен на продовольствие». Медведев заработал репутацию человека исключительно прилежного и аккуратного, но весьма робкого. Но что важнее, фактически Путин выпестовал его сам — ведь Медведев пришел в администрацию Санкт-Петербурга в возрасте двадцати пяти лет.

— Путин взрастил Медведева, — сказал советник по правовым вопросам в горсовете Собчака Валерий Мусин. — Медведев всегда смотрел на Путина как на человека, у которого можно многому научиться.

Самый влиятельный наследник эпохи Ельцина был заменен на петербургского соглашателя с опытом работы чуть более трех лет в роли заместителя главы кремлевской администрации. В день объявления о назначении Медведева питерские силовики громко и внятно озвучили свои намерения. Прокуратура заявила, что замораживает 15 миллиардов ЮКОСа, то есть 44% акций, принадлежащих Ходорковскому в объединенной компании ЮКОС-«Сибнефть». Это было сделано якобы для того, чтобы он не смог их продать. Шокированный рынок расценил этот жест как намерение силовиков не только посадить Ходорковского, но и забрать у него ЮКОС, а также как закат эпохи олигархов и Семьи, чьи интересы почти четыре года

нужно было учитывать наравне с интересами силовиков. У кого-то, вероятно, еще оставались сомнения, но министр финансов Алексей Кудрин открыто назвал отставку Волошина окончанием ельцинской эпохи.

— Византия закончилась! — провозгласил он. — При всем моем уважении к Александру Волошину, хочу обратить внимание, что его отставка совпала с концом эпохи Ельцина. Олигархов равноудалили, вернули в их родную предпринимательскую среду, в которой исключительности можно добиться только в честной конкуренции.

Выглядело все так, словно механизм параллельного управления, где тайно орудовали Сечин и другие силовики, включился и пришел в движение. Была запущена соответствующая PR-кампания. В день, когда акции ЮКОСа были экспроприированы, а Медведев назначен руководителем администрации президента, Путин провел закрытое совещание с главами крупнейших финансовых учреждений, включая CitiGroup, Morgan Stanley и ABN Amro. Руководитель местного представительства брокерской компании United Financial Group Чарли Райан также присутствовал на встрече. Он всегда выполнял роль кремлевского спикера — его задачей было доносить сообщения Кремля глобальному финансовому сообществу и внешнему миру. Путин заявил инвесторам, что кампания против ЮКОСа ни в коем случае не означает массовое наступление на частный бизнес, что отъем акций был не конфискацией, а погашением задолженностей, что все это делается строго в рамках закона. В каком-то смысле ему удалось убедить мировые банки. Некоторые из них, включая CitiBank, хранили миллиарды долларов ЮКОСа, которые теоретически могли быть изъяты в счет его долгов. Однако банки не стали

отзывать кредиты, в противном случае сбылись бы мрачные предсказания Ходорковского о крахе экономики. Власть в Кремле изменилась, и люди Путина начинали выстраивать собственную систему коммуникации с глобальными финансовыми институтами, с титанами, которым в один прекрасный день придется склониться перед Кремлем, потому что активы на сотни миллионов долларов окажутся под контролем Путина.

Отставка Волошина расценивалась как переход власти от Семьи к силовикам, а парламентские выборы, случившиеся месяцем позже, лишь укрепили их политические позиции. В эпоху Ельцина прозападные либеральные партии, представленные «Союзом правых сил» Анатолия Чубайса и «Яблоком» Григория Явлинского, имели в Думе внушительное количество мандатов. Но все изменилось после выборов в декабре 2003 года. Монополизированные государством телеканалы лишили их эфира, при этом Кремль оказывал широкую медийную поддержку новой провластной партии – избирательному блоку «Народно-патриотический союз «Родина». Его лидеры Сергей Глазьев и Дмитрий Рогозин объявили о новом жестком курсе Кремля: отнять и вернуть государству доходы олигархов. «Вернем богатство страны народу!» – гласил один из предвыборных лозунгов. Это точно соответствовало настроению момента: государственные телеканалы неустанно транслировали новости об аресте Ходорковского. У «Союза правых сил» и «Яблока» не было шансов. Они не смогли даже преодолеть пятипроцентный барьер для прохождения в Думу, в то время как появившаяся из ниоткуда «Родина» набрала 9% голосов. Прокремлевская партия «Единая Россия», созданная четырьмя годами ранее

в качестве инструмента, который поможет Путину прийти к власти, сохранила большинство, не представив никакой программы, кроме выражения лояльности президенту. Коммунисты набрали 12,6% голосов.

Было понятно, что теперь у Путина развязаны руки и он может проводить любую политику. Протестных голосов либералов никто не слышал. Прокремлевские партии составили в Думе подавляющее большинство. В таких условиях избрание Путина на второй срок было predetermined. Его рейтинги превышали 70%. Но даже тогда и он, и его люди позаботились о том, чтобы ничто не вышло из-под контроля.

С июля, то есть с момента ареста Платона Лебедева, росло напряжение между Путиным и премьером Михаилом Касьяновым, последним человеком из команды Ельцина. При прежней власти он был министром финансов, и с Семьей его связывали тесные и длительные отношения. Как заявил крупный банкир со связями в спецслужбах, после прихода Путина к власти Абрамович настаивал на назначении Касьянова премьер-министром, видя в нем своего сторонника. Пресс-атташе Абрамовича, впрочем, это отрицает. Касьянов неохотно согласился на пост главы правительства: ему было комфортно в министерстве финансов, где он в должности замминистра отвечал за внешний долг. Оказаться в эпицентре борьбы за власть и балансировать между Семьей и Путиным не входило в его планы и даже казалось опасным. Однако его удалось убедить, и постепенно он привык к новой роли.

— Три с половиной года я считал, что правильные люди собрались в правильном месте и делают правильное дело, —

сказал он. – Но когда они закрыли Лебедева и начались другие скандалы, я понял, что все кончено.

В течение первого срока Путина правительство Касьянова проводило относительно либеральные экономические реформы: подоходный налог был сокращен до 13%, земельная реформа открыла путь приватизации земель. Премьер-министр также возглавлял переговоры с Ли Рэймондом и обсуждал возможность продажи ЮКОС-«Сибнефти» компании ExxonMobile.

— В те дни мы дружили с Соединенными Штатами, – сказал он. – У нас были прекрасные отношения с Бушем и с вице-президентом Чейни. Мы тесно сотрудничали после трагедии 11 сентября, наши правительства работали над транзитом в Афганистан. [...] С Чейни мы много говорили про энергетические активы. И если бы обмен активами между ЮКОСом и ExxonMobile состоялся, энергетический сектор был бы другим, более либеральным.

Но к 2003 году разногласия между Касьяновым и людьми Путина из КГБ усилились. Вначале конфликт затронул «Газпром». Управлять государственным газовым гигантом Путин назначил своего человека – Алексея Миллера. Кремль словно разминался перед тем, как усилить контроль над бывшими советскими республиками, которые называл «ближнем зарубежьем». В соответствии с указаниями Путина, «Газпром» вел жесткую политику в отношении платежей за поставки газа в Украину и Беларусь. В Кремле хотели приструнить бывшие советские республики.

Касьянов же пытался реализовать реформу «Газпрома», которую поддержало еще либеральное правительство Ельцина. Она заключалась в либерализации газового рынка и разделении

«Газпрома» на добывающие и транспортные подразделения, что отрезало бы добытчиков от газопровода. Такая реформа рассматривалась как необходимая для стимулирования развития экономики. Но теперь люди Путина сжимали хватку, и реформу пришлось отложить – это произошло в тот момент, когда Касьянов собирался объявить о таком важном решении. В сентябре на заседание правительства, где первым пунктом стояла газовая реформа, пришли журналисты. И тут Касьянову позвонил Путин.

— Он сказал: «Я настаиваю на том, чтобы вы сняли этот пункт с повестки дня», – вспоминает Касьянов. – До заседания оставались считанные минуты. Мы были готовы. Мы даже успели обогнать Европу. Но из-за звонка Путина все отменилось.

Позиция Касьянова была слабой. Когда через месяц арестовали Ходорковского, Касьянов оказался одним из двух высших чиновников, открыто выступивших против. На заседании правительства прилюдно Путин велел Касьянову «прекратить истерику».

— Это прозвучало как предупреждение, – сказал Касьянов.

Однако это его не испугало. В январе 2004 года, когда налоговая служба решила изъять у ЮКОСа 3 миллиарда долларов в счет задолженности за 2000 год, он снова выразил свое несогласие, заявив газете «Ведомости», что налоговое законодательство не имеет обратной силы и такие задолженности не могут быть взысканы в рамках закона.

Касьянов также был единственным, кто высказался против захвата Путиным энергетического сектора. Они продолжали сотрудничать, но теперь Путин разговаривал с премьером холодно и подозрительно, а порой даже с трудом мог смотреть на него. В середине февраля, когда грянули морозы, «Газпром»

предпринял первый шаг по сокращению поставок газа Беларуси, и напряжение между президентом и премьером вылилось в открытый конфликт. «Газпром» вел сложные переговоры с Беларусью, пытаясь остановить поставки газа по льготным ценам и при этом приобрести долю в газотранспортной сети страны. Российский гигант угрожал перекрытием газа, лоббируя свои интересы в переговорах, но Касьянов упрямо сопротивлялся.

— Я запретил Миллеру отключать газ Беларуси. В Минске было минус 25. А в середине февраля мне позвонили премьер-министры Польши и Литвы и сказали, что у них нет газа. Меня никто не предупредил. Случился общественный скандал. Миллер заявил, что выполнял указания Путина. И мы начали орать друг на друга, а заодно и на Путина. Остальные министры готовы были залезть под стол.

Такого Путин спустить не мог, и через десять дней премьер был уволен.

— У него все получилось, — сказал Касьянов. — Ходорковский, Еххон, газовая реформа, Беларусь с Украиной. А я устроил скандал. Он не мог меня больше терпеть.

До президентских выборов оставалось две недели. Предполагалось, что Путин сделает перестановки в кабинете министров после голосования. Но ни он, ни его люди не готовы были полагаться на волю случая. По конституции, если что-то случается с президентом, управление страной переходит к премьер-министру.

Предвыборная кампания ничем не напоминала конкурентную борьбу. Путин устранил последний источник риска, последнего министра эпохи Ельцина, способного ему противостоять, и на место Касьянова назначил Михаила

Фрадкова, никому не известного технократа, который много лет проработал в службе безопасности. До этого назначения он был полномочным представителем России при Евросоюзе, и его имя мало кто знал. Однако люди Путина из КГБ считали его проверенным человеком – с начала восьмидесятых годов он играл роль ключевого помощника в стратегических операциях внешней торговли, включая сотрудничество с «дружественными фирмами», поддерживавшими советский режим из-за рубежа. Во время реализации схемы «сырье в обмен на продовольствие» он занимал должность замминистра внешнеэкономических связей РФ и как человек Петра Авена давал добро на контракты, которые Путин распределял в узком кругу союзников и «дружественных фирм», в результате чего был сделан стратегический запас черного нала.

Даже после бесславного ухода Касьянов по-прежнему думал, что Путин может измениться. Он не понимал, что курс, которым шла Россия с момента развала Союза, стал иным.

— Через полгода после ухода из правительства я все еще верил, что Путин ошибся, что все можно исправить. И только позже – после теракта в Беслане – я понял, что все это было спланировано ради изменения всей политической системы.

Президентские выборы в марте 2004 года прошли мимо общественного внимания. Путин с легкостью победил, набрав более 71% голосов. Главный политический противник времен Ельцина глава Компартии Геннадий Зюганов и Владимир Жириновский из Либерально-демократической партии в выборах решили не участвовать и выдвинули вместо себя представителей. Кандидат от коммунистов Николай Харитонов пришел вторым, набрав всего 13% голосов. Такое нельзя даже

назвать политической конкуренцией. Но и тогда Кремль взял действо под контроль. Государственное телевидение не предоставило эфирное время оппозиционным кандидатам: Харитонов подсчитал, что его встречи с избирателями транслировались в общей сумме четыре минуты пятьдесят секунд, тогда как время Путина было неограниченно. Вскоре люди из КГБ заняли все руководящие посты в правительстве. Теперь, на втором сроке президентства, они могли действовать без оглядки на серых кардиналов эпохи Ельцина.

Единственным человеком, возражавшим против второго срока Путина, оказалась его жена Людмила. Она выросла в деревушке под Калининградом, и она с трудом приспосабливалась к процедурам и условностям президентской жизни.

— Когда Путин объявил ей, что остается на второй срок, она хотела уйти, — сказал Пугачев, у которого с ней установились близкие отношения. В последнее время они часто засиживались на кухне президентской резиденции, дожидаясь возвращения Путина. — Она сказала, что согласилась на четыре года и не больше. Ему пришлось уговаривать ее не бросать его. Развод плохо бы отразился на рейтингах. Он не мог выдвигаться на президентство во время развода. А она, как всегда, много пила.

Людмила с трудом приспосабливалась к постоянному отсутствию Путина. Он и раньше часто задерживался на работе, но теперь его вообще никогда не было дома. Словно бы стесняясь ее, Путин все реже брал ее с собой в официальные поездки, а когда возвращался домой, часто поздно ночью, внимания ей не уделял: обычно садился перед экраном и смотрел комедии.

Все это время Пугачев наблюдал за тем, с какой легкостью силовики забирали власть. Он сталкивался с КГБ восьмидесятые годы, когда жил в родном Ленинграде. В те времена он торговал валютой на черном рынке, и кагэбэшники были его заклятыми врагами. Ему грозили арест и тюрьма. Но он научился подкупать комитетчиков, а теперь с новыми властителями даже дружески общался, приглашал к себе домой, обменивался шутками с Витей (Ивановым) и Игорем (Сечиным). Он стал сенатором в Совете Федерации, но за кулисами его по-прежнему считали серым кардиналом. Какое-то время за ним держали кабинет в Кремле – аккуратно напротив кабинета главы администрации. И какое-то время Путин оставался его постоянным компаньоном.

Но, как говорит теперь Пугачев, его не покидало беспокойство. Он видел, что идет наступление на свободы, а некоторые события позволяют Путину усиливать свои позиции. И хотя он признается, что свои сомнения часто озвучивал, но в тот момент решил ничего не предпринимать. Тогда, говорит он, казалось, что можно влиять на ситуацию изнутри, и необходимости в протестах или уходе не было. Он думал, что близость к власти поможет ему приглушить авторитарные тенденции Путина и его людей. На самом деле ему, как и всем остальным, нравились и власть, и высокий статус. В любом случае, думает он, выбора не было:

— Представьте, что вы садитесь в машину, двери закрыты, а вы видите, что водитель – чокнутый, – сказал он. – Но двери закрыты, и машина уже мчится по дороге. А вы решаете, что опаснее – остаться или выпрыгнуть. Момент, когда можно спокойно выйти из машины, уже был упущен.

Люди из КГБ начали внедрять новую идеологию. Основной движущей идеей стало восстановление величия российского государства и укрепление связей с бывшими советскими республиками. Первым делом, к великому разочарованию Пугачева и Волошина, Путин вернул советский гимн «Союз нерушимый республик свободных». Торжественная музыка Александра Александрова не просто пробуждала ностальгию по СССР – она служила призывом к возрождению советского и имперского прошлого. Первая версия гимна прославляла Сталина и территориальные завоевания страны, ради которых ей пришлось принести чудовищные жертвы. Правящая элита решила воспеть не только советское прошлое, но и православную церковь. В серии интервью, опубликованных за несколько месяцев до выдвижения на первый срок, Путин поведал миру о своих религиозных верованиях. Он с гордостью рассказывал о том, как мать и сосед по коммунальной квартире тайно его окрестили, ничего не сказав отцу-коммунисту, как в начале девяностых годов, перед поездкой в Израиль в должности вице-мэра Петербурга, он получил от матери крестильный крестик, который он благословил у гроба Господня. «С тех пор я его никогда не снимал», – сказал Путин. Во время первой встречи с президентом Джорджем Бушем в 2011 году он очаровал его историей о том, как спас крестик из пожара, в котором в середине девяностых годов сгорела его дача. После этого Буш заявил, что «понял суть его души».

Такие заявления от офицера КГБ, всю свою жизнь посвятившего служению государству, выглядели странно – ведь именно советское государство запрещало православной церкви проповедовать религиозные догмы. Впрочем, люди из КГБ, стоявшие за его восхождением и пришедшие вместе с ним

к власти, один за другим следовали его примеру в поисках новой национальной идентичности. Постулаты православия должны были служить мощной объединяющей силой, увязывающей и советскую эпоху, и имперское прошлое России. Вероисповедание было неразрывно связано с идеей великой жертвенности, страдания, долготерпения русского народа и мистического видения России как Третьего Рима – следующей правящей империи на земле. После стольких лет тягот и потерь вера казалась идеальным материалом для строительства новой нации. По словам олигарха, воспринимавшего возрождение православия с большим скептицизмом, по сути, оно было удобной идеологией, которая позволила бы снова превратить россиян в крепостных и загнать их в Средневековье, чтобы царь-Путин правил ими при абсолютной власти:

— Двадцатый век в России, а теперь уже двадцать первый, стали продолжением шестнадцатого столетия. Над всеми стоит царь в священной и сакральной ипостаси. Священная власть окружает себя непроницаемым кордоном невиновности. Власти не могут быть виноватыми, ведь у них есть священное право на все.

По словам Пугачева, который исповедовал православие с юности, Путин мало что понимал в истинной вере. Пугачев часто винил себя за то, что все обернулось таким образом: ведь именно он привел Путина к отцу Тихону Шевкунову, который и стал его духовником. Но, по словам Пугачева, такой альянс был выгоден обеим сторонам. Шевкунов был доволен тем, что продвигает православное учение и обеспечивает финансирование и поддержку Сретенского монастыря, а Путину православие служило лишь как средство общения с массами.

— Если бы я знал, чем все закончится, я никогда бы не привел Путина в церковь, — сказал Пугачев.

Однажды Путин и Пугачев присутствовали на службе в Прощеное воскресенье — последнее воскресенье перед Великим постом, и Пугачев сказал, что по православному обычаю нужно пасть ниц перед священником и попросить прощения.

— Он посмотрел на меня с изумлением. «С чего бы? — спросил он. — Я — президент Российской Федерации. Почему я должен просить прощения?»

Теперь, через десять лет после краха Союза, Путин и его сторонники окончательно осознали, что коммунистическая идея не сработала. Нужно было придумать новую идеологию, которая сплотит нацию.

— Коммунизм наглядно продемонстрировал неспособность к саморазвитию и обреч нашу страну на чудовищное экономическое отставание от более развитых стран. Это был путь в никуда, на задворки цивилизации, — сказал Путин накануне своего избрания.

В первые годы его правления приглашенным экспертам предстояло вписать в историю российского государства нового лидера, и для этого пришлось обратиться к православному имперскому прошлому России. Путину поведали о белых эмигрантах, которые покинули страну во времена большевистской революции и в изгнании пытались создать новую идеологию возрождения на случай краха СССР. Например, рассматривались труды религиозного философа Ивана Ильина, который полагал, что новая российская национальная идентичность должна основываться на православной вере и патриотизме — именно на эти постулаты

опирался Путин в своих посланиях во время второго срока. Использовались также труды лингвиста Николая Трубецкого и историка и этнолога Николая Гумилева, которые представляли истинную природу России как смешение славянской, европейской и тюркской культур. Эти мыслители утверждали, что у России – уникальный евразийский путь, и продвигали философию евразийства как альтернативу атлантизму Запада. Путин сослался на эту философию, когда решил создать Евразийское экономическое сообщество (ЕЭС), которое поначалу объединило Беларусь, Украину и Казахстан, а в будущем могло расшириться за счет бывших советских республик и, как он надеялся, рано или поздно – Европы.

Определение идентичности было необходимо для укрепления режима, чтобы империя могла выстоять как в случае внутреннего раскола, так и при внешних атаках. Прямые потомки белых эмигрантов – многие из них позже тесно сотрудничали с КГБ – примкнули к ближнему кругу Путина и приняли активное участие в выстраивании параллелей с имперским прошлым России. Один из них описал философию правления Путина как «узел с тремя элементами. Первый элемент – самодержавие, сильное правительство, сильный лидер, отец, дядя, босс. Это авторитарный режим. Второй элемент – территория, отечество, патриотизм и так далее. Третий элемент – Церковь. Он все связывает. Это, если угодно, цемент. Неважно, Церковь это или Коммунистическая партия. Разницы никакой. Если посмотреть на историю России, вы всегда найдете эти три элемента. Путин очень тщательно следит за тем, чтобы присутствовали все три элемента. Это единственный способ сохранить целостность страны. Если убрать один из элементов, все рухнет».

Эта философия почти целиком была заимствована из государственной доктрины «Православие, самодержавие, народность» Николая I, одного из самых реакционных властителей, прославившегося жестокими расправами с декабристами. Теперь люди Путина думали, как приспособить эту идеологию для усиления собственной власти и оправдания расправ над любой оппозицией.

Однако все это предвещало грядущие перемены. Ближе к 2004 году стало ясно, что у Кремля не так много рычагов влияния на Украину. Тогда же в России случился еще один ужасный теракт, из-за чего число сторонников Путина снова уменьшилось. И лишь после этого он, опираясь на идеи российского имперского православия, нащупал путь, который позволил бы ему расправиться с остатками демократии и попытаться объединить страну, настроив ее против Запада.

Люди Путина были уверены, что понимают причины кризиса в Украине: они полагали, что на Западе готовится заговор, призванный вывести Киев из-под влияния Москвы. Но что они не сумели понять, так это причины следующего кровавого теракта, в котором погибли более 300 заложников. После этого Кремль еще сильнее сжал тиски.

Утром 1 сентября 2004 года нарядные дети с цветами, в торжественной обстановке начали новый учебный год. Они собирались у своих школ на линейку, вручали цветы учителям, а взволнованные родители толпились у ворот, фотографируя своих отпрысков. Но в чеченском Беслане традиционная школьная линейка не состоялась. И хотя опустошительная война в Чечне официально была закончена, российские войска по-прежнему находились в республике, и в регионе было очень неспокойно.

Примерно в 9.10 утра, когда дети Беслана собрались на линейку, во двор въехал милицейский автобус. Вооруженные террористы расстреляли горстку охранявших школу милиционеров и взяли в заложники более 1128 человек – учителей, родителей и детей. Некоторые из них рассказывали, что боевики доставали боеприпасы из-под половых досок. Как потом заявили правоохранительные органы, боеприпасы спрятала бригада рабочих во время ремонта школы перед началом учебного года. Террористы загнали заложников в спортзал, натянули проволоку между баскетбольными корзинами, развесили на ней взрывные устройства и заминировали всю школу. Чтобы заложники не вздумали бежать, вокруг школы тоже растянули проволоку. Помня о штурме театра на Дубровке и пытаясь защититься от возможных газовых атак, террористы надели противогазы и выбили стекла в зале. Несмотря на жару, в течение двух дней заложникам не давали ни еды, ни питья. Детям пришлось пить свою мочу и есть цветы, которые они принесли учителям. Время от времени раздавалась стрельба. На второй день террористы расстреляли две машины, решив, что они слишком близко подъехали к школе. Они потребовали немедленного вывода войск, признания независимости республики и завершения военных действий.

Начались переговоры. На второй день захватчики впустили в школу экс-президента соседней Ингушетии Руслана Аушева, и он договорился об освобождении двадцати шести матерей с младенцами. Советник президента России по проблемам Северо-Кавказского региона Асламбек Аслаханов договорился о том, что на следующий день семьсот известных деятелей добровольно станут заложниками в обмен на освобождение

детей, и срочно вылетел из Москвы в Беслан, надеясь, что его план будет реализован. Позже выяснилось, что местные власти даже связались с помощником Аслана Масхадова, и тот сообщил, что бывший лидер сепаратистов якобы готов приехать и провести переговоры и требует только предоставления безопасного коридора. Однако главу Чечни девяностых годов Кремль по-прежнему считал персоной нон грата, врагом и террористом, ответственным за захват театра на Дубровке. Но ситуация была отчаянной.

На третий день осады в школе раздался взрыв. За ним последовал второй, третий, а затем началась стрельба. Школу накрыло ракетным огнем: российский спецназ атаковал здание огнеметами «Шмель». Загорелась крыша. В 14.30, по свидетельствам очевидцев, по школе вел стрельбу как минимум один танк. Начался пожар. Террористы перевели заложников из горящего спортзала в столовую и выставили их напротив окон, как живой щит. Как позже показало независимое расследование, в тот момент погибли 100 человек. Пожар распространялся по всей школе, но пожарные прибыли лишь через два часа. К этому моменту обрушилась крыша. Многие заложники, включая детей, сгорели заживо, некоторых застрелили при попытке бегства. У школы дежурило лишь несколько карет скорой помощи – они должны были развозить раненых по больницам. Стрельба продолжилась и ночью.

Асламбек Аслаханов прибыл в Беслан, когда почти все было кончено.

— Когда я летел туда, то надеялся, что мы наконец освободим детей, – сказал он. – Но когда сошел с самолета, меня охватила растерянность. Я спрашивал себя – как это могло случиться?

Всего погибли 330 заложников, более половины из них – дети. До сих пор никто не смог объяснить, почему было столько смертей, почему российский спецназ ударил по зданию ракетным и автоматным огнем и, что важнее, почему произошел первый взрыв. Никто не знал, сознательно террористы взорвали первую бомбу или это случилось из-за действий спецназа. И что стало причиной пожара – взрыв в школе или огнеметный огонь?

Путин неохотно согласился на парламентское расследование. Впрочем, возглавил его Александр Торшин, близкий Путину сенатор с давними связями в ФСБ. Вряд ли это расследование можно было назвать независимым. Через два года оно было завершено, и в отчете сообщалось, что разрушение школы произошло из-за того, что один из террористов намеренно взорвал бомбу: «Он действовал согласно разработанному плану». Там же утверждалось, что федеральные власти действовали в полном соответствии с законом и что по мере развития трагических событий предпринимались все возможные меры для спасения жизни людей. Согласно отчету, танковая стрельба и огнеметы были задействованы только после того, как из здания вышли все заложники. Это полностью противоречило показаниям свидетелей, а заявление о том, что первый взрыв произошел по вине террориста, не соответствовало выводам других независимых расследований. Одно из них провел заместитель председателя парламента Северной Осетии Станислав Кесаев, присутствовавший при захвате школы. В его отчете были приведены показания допрошенного захватчика, и, согласно его словам, первый взрыв произошел после того, как снайпер застрелил террориста, державшего ногу на детонаторе.

Комиссия Торшина легко оспорила эти показания: окна школы были непрозрачными, поэтому снайпер не мог видеть, что происходит внутри. Гораздо сложнее было привести контраргументы против третьего расследования, которое предпринял эксперт по оружию и взрывчатым веществам независимый депутат Госдумы Юрий Савельев. Он установил, что первые взрывы мог вызвать только ракетный огонь извне. В заключении его отчета говорилось, что спецназ без предупреждения начал стрельбу из гранатометов – несмотря продолжающиеся переговоры. По сути, говорил он, именно вмешательство российского спецназа стало причиной серии взрывов, повлекших такое число смертей.

В своей области Савельев пользовался непререкаемым авторитетом. Вначале он принимал участие в расследовании Торшина, где отвечал лишь за баллистическую экспертизу, но вскоре отказался от дальнейшего участия, так как стало ясно, что официальная версия принципиально противоречит его данным. Его выводы перекликались с видеозаписью, которая появилась через три года после событий в Беслане – вероятно, это была беседа военных инженеров с прокуратурой после теракта. Инженеры изучили несколько собранных террористами самодельных взрывных устройств, которые остались неиспользованными. Это были пластиковые бутылки, начиненные шрапнелью и подшипниками.

— Дыры в стенах школы не могли появиться вследствие взрыва таких устройств, – говорит один из них. – Утверждается, что подшипники разлетались в стороны, но дети, которых мы вывели из школы, не имели подобных ранений. И другие тоже.

— Значит, внутри здания взрывов не было? – спрашивает другой инженер.

— Внутри здания взрывов не было, — отвечает первый.

Масштабы этой кровавой трагедии означали, что доказательства нельзя рассматривать как окончательные. Однако заявление о том, что бойня началась не внутри школы, подтверждалось показаниями проинтервьюированных газетой *Los Angeles Times* свидетелей. Один очевидец сказал, что взрывы шокировали самих террористов.

— Они не ожидали взрывов. И эта фраза — я ее никогда не забуду: «Ваши же вас и взорвали». Один из захватчиков повторил ее несколько раз, очень тихо. Я никогда это не забуду.

Могло ли, как утверждал кремлевский инсайдер, случиться так, что российские власти сами приказали открыть огонь по школе и затем начать штурм, потому что никто не хотел рисковать и принимать бывшего лидера повстанцев, заклятого врага Масхадова и вести с ним переговоры? Первый взрыв прозвучал через час после того, как помощник Масхадова сообщил, что тот готов прибыть на переговоры. Эти слухи были настолько пугающими, что никто не захотел копать дальше.

Из-за очередного бездарного решения на Путина снова обрушились волны гнева. Вместо похвал, которые звучали после Дубровки, теперь множились вопросы. Непонятны были не только причины штурма школы спецназом, что привело к кровопролитию, но и то, как в школу смогли пробраться снова у всех на виду вооруженные до зубов террористы, а также как Путин собирается обеспечить безопасность нации. Об этом говорили немногочисленные независимые депутаты в Думе. Одним из ключевых пунктов общественного договора, который предложил Путин народу, когда пришел к власти, было прекращение террора и взрывов жилых домов. Однако, как утверждали критически настроенные оппоненты, спецслужбы

не усвоили урок театра на Дубровке. Политический комментатор Сергей Марков, которого считали прокремлевским, назвал это «колоссальным кризисом». Даже коммунисты, давно превратившиеся в молчаливую и беспомощную оппозицию, заявили, что Путин так занят борьбой с оппозицией, что ему некогда разбираться с более серьезной проблемой терроризма.

— Они выстроили вертикаль власти, которая оказалась бессильной против террористических угроз, — сказал первый заместитель председателя ЦК КПРФ Иван Мельников.

Из-за усталости от бесконечной войны в Чечне после переизбрания Путина его рейтинг стабильно снижался, а после Беслана упал до минимальных за четыре года 66%.

Путин появился на публике бледный и решительный — он понимал, что число погибших достигло катастрофических значений. Он заявил, что атака была подготовлена террористами за пределами России, стремившимися подорвать территориальную целостность страны и добиться ее раскола. Через день после освобождения заложников в прямом обращении к народу он так отозвался о трагических событиях:

— Это вызов всей России. Всему нашему народу. Это — нападение на нашу страну. Мы имеем дело с прямой интервенцией международного террора против России. С тотальной, жестокой и полномасштабной войной, которая вновь и вновь уносит жизни наших соотечественников. — Вместо того, чтобы снова обвинить во всем чеченских террористов, он заявил, что атака стала частью масштабного заговора, который готовился на Западе. — Одни хотят оторвать от нас кусок «пожирнее», другие им помогают. Помогают, полагая, что Россия — как одна из крупнейших ядерных держав мира — еще представляет для кого-то угрозу. Поэтому эту угрозу надо

устранить. И терроризм – это, конечно, только инструмент для достижения этих целей.

Путин утверждал, что терроризм стал следствием развала СССР, который произошел из-за происков Запада. Россия, «огромное великое государство», не проявила «понимания сложности и опасности процессов, происходящих в своей собственной стране и в мире в целом. Во всяком случае, не смогла на них адекватно среагировать. Проявила слабость. А слабых – бьют. В этих условиях мы просто не можем, не должны жить так беспечно, как раньше. Мы обязаны создать гораздо более эффективную систему безопасности, потребовать от наших правоохранительных органов действий, которые были бы адекватны уровню и размаху появившихся новых угроз».

На ежегодной встрече с западными учеными он повторил эти заявления, проведя прямые параллели между атакой на Беслан и противостоянием с Западом в холодной войне:

— Это повторение менталитета холодной войны. Есть определенные люди, которые хотят, чтобы мы сфокусировались на внутренних проблемах, и они дергают здесь за ниточки, чтобы мы не поднимали головы на мировой арене.

Последующие расследования показали: гибель людей стала следствием в основном атаки спецназа. Но, несмотря на это, Путин решился на дальнейшее изменение России, а его люди из КГБ продолжили усиливать хватку. Он объявил, что ответом на теракты станут крупнейшие в постсоветской истории страны изменения Конституции, и через десять дней после трагедии в Беслане отменил выборы региональных губернаторов. Это было больше, чем желание взять под контроль региональных губернаторов, в этом Кремль уже преуспел. Теперь были отменены сами выборы. Отныне губернаторы назначались

Кремлем и утверждались региональными парламентами. Такой шаг гораздо лучше защищал систему от внешних угроз. Путин сказал:

— Организаторы, преступники, совершившие теракт, стремятся развалить наше государство, расколоть Россию. [...] Система государственной власти должна не только измениться после бесланской трагедии, но также предотвратить повторение подобного кризиса.

Некоторые политические комментаторы типа Николая Петрова, а также независимые депутаты в Думе предупреждали, что это может быть сигналом к возврату советских практик – например, к однопартийной системе. Люди Путина отняли у страны одну из важнейших свобод, отвоеванных во времена Ельцина, – разрушили систему, которая служила и избирателям, и региональным элитам важнейшим оплотом демократии. Но в Кремле утверждали, что на самом деле это поможет избавиться от коррумпированности: по их словам, выборы региональных губернаторов подтасовывались людьми, которые могли за это заплатить. Молодая демократия России еще слишком слаба, чтобы позволить себе прямые выборы, а внешняя угроза ее существованию слишком ощутима. Люди Путина строили из России крепость и утверждали, что страна находится в осаде, а они пытаются защититься от внешних угроз. Но на самом деле их целью было сохранение собственной власти. Путин давно начал обвинять Запад в укрывании чеченских террористов – Ахмеда Закаева в Великобритании и Ильяса Ахмадова в США. По-прежнему было неясно, использовали ли чеченцы Панкисское ущелье – узкую долину вдоль российско-грузинской границы – как маршрут для переправки террористов в Россию. Но до этого люди Путина

редко публично заявляли о том, что Запад стремится расколоть Россию.

По словам кремлевского инсайдера, об участии Запада в атаке на Беслан Путину поведал Патрушев. И, конечно, его слова были восприняты без всяких сомнений.

— Путин верил во все это, потому что это укладывалось в его парадигму. Главным было создать миф, обвинить во всем Запад. Именно этим они все и пытались прикрыться. А трагедия стала прекрасным поводом заодно отметить и выборы губернаторов.

На самом деле такой шаг планировался уже давно. Просто спецслужбы ждали подходящего момента.

Впрочем, насчет причастности Запада к атакам на Дубровке Путин ничего не говорил. Более того, не было приведено никаких свидетельств в пользу причастности Запада к трагедии в Беслане. В докладе спецслужб сообщалось, что в захвате принимали участие резиденты Великобритании: один из них был прихожанином радикальной мечети в Лондонском Финсбери-парке, а два других – лондонскими алжирцами. После этого других упоминаний не появилось.

На самом деле угроза со стороны России становилась ощутимой для ее соседей. Той осенью в Украине проходили выборы. Конституционный срок бывшего руководителя Компартии Леонида Кучмы, который с 1994 года ловко балансировал между Востоком и Западом, подходил к концу. Прокремлевскому кандидату и премьер-министру Украины Виктору Януковичу, ранее судимому промышленному магнату из Донецка, предстояло сразиться с Виктором Ющенко, выступающим за интеграцию с Западом. Ющенко тоже успел побывать в роли премьер-министра. Если бы его намерения реализовались, это похоронило бы планы Путина на Украину.

После краха СССР Москва острее всего ощущала потерю Украины, она стала для бывшей империи фантомной болью. В Кремле не сомневались, что третья по величине советская республика (после России и Казахстана) по-прежнему должна принадлежать России. Почти для 30% ее населения русский язык был родным, а экономика с советских времен строилась на торговле с Россией. Политбюро щедро инвестировало в индустриализацию аграрной Украины и превратило ее в основного поставщика для оборонного сектора. Сталелитейная промышленность составляла существенную часть плановой экономики, отсюда же шла значительная доля сырья для российской алюминиевой отрасли. Украина оставалась важной транзитной территорией России – 85% экспорта газа в Европу шло через украинский трубопровод, выстроенный в советские времена, а полуостров Крым использовался как стратегическая военно-морская база России.

Путин мечтал о возрождении Российской империи и не хотел, чтобы Украина пошла по западному пути. Долгое время страна была разделена, являясь перекрестком между Востоком и Западом. После тридцати лет войны в 1686 году Россия и Польша поделили между собой украинские территории, и с тех пор Польша и Литва контролировали существенную часть Западной Украины. Советский режим фактически уничтожил свободную Украину, однако западные области всегда оставались под европейским влиянием, а демократическое движение постепенно набирало силу. Во время своего президентства Кучма искусно балансировал между прозападными и пророссийскими силами страны. Но появление Ющенко грозило сорвать планы Путина по созданию крепкого союза в рамках ЕЭС. В апреле парламенты обеих стран

ратифицировали договор о создании общей экономической зоны. Однако Путин утверждал, что Ющенко пользовался поддержкой западных правительств, решительно настроенных воспрепятствовать возрождению России.

Ющенко полностью поддерживал интеграцию Украины в Евросоюз и НАТО – из-за таких прозападных взглядов Кучма сместил его с поста премьера. Украинско-американская жена Ющенко выросла в Чикаго и работала в Госдепе. Путин решил, что Ющенко завербован ЦРУ.

Путин и его люди пребывали в ужасе: они расценили приход Ющенко как прямую угрозу своему влиянию и евразийской интеграции. Тем летом, за несколько месяцев до атаки на Беслан, Путин даже успел высказать Западу свои опасения по поводу Украины. На кону стояли планы Кремля, были сделаны первые шаги по пути восстановления Российской империи, создавалось единое экономическое пространство между Россией, Украиной, Беларусью и Казахстаном.

— Сближаясь, мы повышаем нашу конкурентоспособность. И это понимаем не только мы, но и другие серьезные люди, наши западные партнеры, – заявил Путин на встрече с Кучмой в июле. – Их агенты, как внутри наших стран, так и за пределами, пытаются сделать все возможное, чтобы скомпрометировать интеграцию между Россией и Украиной.

Путин был аккуратен в выборе слов – встреча с Кучмой состоялась в том историческом Ливадийском дворце в Ялте, где в конце Второй мировой войны Сталин, Рузвельт и Черчилль делили Европу на сферы влияния. Путин заявил о своем новом историческом праве и обозначил сферу влияния России – в пределах соседних стран.

Но его заявление воздействия не имело. Несмотря на все усилия кремлевских политтехнологов по продвижению Януковича, популярность Ющенко стремительно росла. К 5 сентября, всего за день до речи Путина о Беслане и о том, как вражеские силы стремятся «оторвать от России кусок «пожирнее», оппоненты Ющенко решили взять реванш. Он отправился на ужин на дачу к главе Службы безопасности Украины генералу Игорю Смешко, а на следующий день слег. Вскоре его лицо покрылось ужасными кистами. Он полетел в Австрию, и там врачи пришли к заключению, что его отравили высокотоксичным диоксином.

Однако предвыборная кампания Ющенко набирала силу. И хотя он на время ушел в тень, в его отсутствие продолжила действовать националистка Юлия Тимошенко. Кампания была разработана грамотно, оранжевые плакаты и знамена с коротким слоганом «Так!» развевались повсюду. Попытка Путина приехать в Киев за несколько дней до голосования и поддержать Януковича встретила отчаянное сопротивление. После десятилетий советской гегемонии такие действия лишь множили тревоги электората. Российское телевидение пиарило необразованного партийного лидера, и это возымело эффект на пророссийском востоке Украины. В те времена Янукович, едва способный связать пару слов, проигрывал эрудиту Ющенко, и последний стал народным героем. Тот выжил после попытки отравления, но остался с изуродованным лицом и с серьезно подорванным здоровьем.

В ноябре страна вышла на выборы. Путин поздравил Януковича еще до обнародования результатов голосования, хотя опросы отдавали победу Ющенко. За официальными подсчетами следил союзник Путина, а когда наконец было

объявлено о победе Януковича, оппозиция заявила, что голоса подтасованы. Десятки тысяч сторонников Ющенко вышли на Майдан и разбили палатки. Несмотря на холод, протесты продолжались и множились, насчитывая миллионы несогласных. Кучма вынужден был объявить новое голосование. На этот раз выборы проводились под полным контролем местных и международных наблюдателей и завершились победой Ющенко. Западный кандидат победил.

Поражение в «оранжевой революции», перечеркнувшее все планы Кремля, стало для Москвы катастрофой, и Путин, по свидетельствам двух приближенных, даже собирался подать в отставку. Однако никто из его близкого окружения не хотел занимать его место и брать на себя такую огромную ответственность. Это была уже вторая прозападная революция у России под носом. Годом ранее в Грузии президентом стал Михаил Саакашвили, получивший образование в Колумбийском университете.

Путину и его людям казалось, что силы Запада сжимают кольцо, подбираются к России, усиливают свое влияние и вот-вот проникнут в страну. Больше всего они боялись, что, вдохновленные событиями в соседних странах, спонсируемые Западом российские оппозиционеры тоже попытаются свергнуть существующий режим. Эта мрачная паранойя обусловила многие контрмеры.

И снова ответом Путина и его окружения стал призыв к сплочению перед внешней угрозой. События в Украине и Грузии предопределили действия Кремля на много лет вперед. В битве за империю и за самосохранение они не могли допустить никакого влияния извне – именно из-за этого они решили отменить выборов губернаторов.

В декабре, за несколько дней до повторного голосования в Украине, Путин провел свою ежегодную пресс-конференцию. Он жестко высказался в отношении Запада, который, как он заявил, стремится изолировать Россию и поэтому подстрекает к революциям соседние страны. И снова связал это с волнениями в Чечне:

— Если США стремятся изолировать Россию от Украины, то тогда позиция по Чечне также становится понятной: значит, создаются элементы, раскачивающие позицию России в Чечне.

Он заявил, что революции в бывших советских республиках «планировались в других местах», и добавил, что новому правительству Грузии платит зарплату американский миллиардер Джордж Сорос.

Для своего ежегодного послания в апреле Путин успел проработать идеи, которые он почерпнул в трудах русских эмигрантов о прошлом империи. Ссылаясь на Ивана Ильина, религиозного философа, покинувшего страну после революции 1917 года, и Сергея Витте, премьера-реформатора при последнем русском императоре, Путин заявил, что у России – уникальный путь и собственная судьба и что ее форма демократии не будет копировать западные шаблоны. Крах СССР, как впервые заявил Путин, стал величайшей трагедией XX века.

— Многие тогда думали, многим тогда казалось, что наша молодая демократия является не продолжением российской государственности, а ее окончательным крахом, является затянувшейся агонией советской системы. Те, кто так думал, ошиблись, – сказал он. – Именно в этот период в России происходили крайне значимые события. В нашем обществе вырабатывалась не только энергия самосохранения, но и воля к новой свободной жизни. [...] Мы должны были найти

собственную дорогу к строительству демократического, свободного и справедливого общества и государства.

Прежние послания Путина в основном касались экономических вопросов, мер по удвоению ВВП, созданию комфортной жизни для граждан России и интегрировании страны в Европу и глобальную экономику.

— Нужно, чтобы расширение Евросоюза сближало нас не только географически, но и экономически, и духовно, — говорил он в послании всего годом ранее. Однако теперь он использовал иные аргументы: — Безусловно и то, что цивилизаторская миссия российской нации на евразийском континенте должна быть продолжена. Она состоит в том, чтобы демократические ценности, помноженные на национальные интересы, обогащали и укрепляли нашу историческую общность. Для нас, кроме того, остается важнейшим вопросом международная поддержка в обеспечении прав российских соотечественников за рубежом. И это не предмет для политического или дипломатического торга.

Россия, пусть и с запозданием, обозначила сферу своих интересов в бывших советских республиках. Построение связей с имперским прошлым стало новой траекторией ее развития.

Глава 9

«Аппетит приходит во время еды»

4 июня 2004 года закованного в наручники Михаила Ходорковского ввели в зал заседаний московского суда. Начался процесс, которому суждено было изменить всю экономику и перекроить судебную систему под нужды людей Путина. О Ходорковском ничего не было слышно с момента его ареста. А теперь он сидел в зале суда в металлической клетке, в которой, по драконовским судебным законам, положено сидеть обвиняемым. Какое стремительное падение! За фанерной кафедрой заседала тройка судей, все – женщины, с пышными прическами, с каменными лицами, с опущенными вниз глазами. Вокруг клетки выстроились вооруженные охранники.

Жара в тесном зале суда в тот летний день была невыносимой. Адвокаты в строгих костюмах сидели на кустарно сколоченных лавках почти вплотную к журналистам и членам семьи Ходорковского, включая пожилых родителей. В воздухе кружились пылинки. «Свободу!» – время от времени выкрикивал за окном кто-то из протестующих – их было немного. Ходорковский, в джинсах и коричневом пиджаке, выглядел спокойным и собранным. Он требовал выпустить его под залог и негромко объяснял, что его содержание в Матросской тишине незаконно, что это превышение властных полномочий и прецедент, позволяющий государству взяться за преследование остальных:

— Мое дело – это прецедент для правосудия в целом. Оно приведет к тому, что люди окажутся в заключении еще до суда.

После одиннадцати месяцев процессуальных действий, сотен часов перекрестных допросов и показаний появилось дело,

которое затем было положено в основу государственного капитализма по модели Путина. Теперь люди из КГБ могли беспрепятственно брать стратегические «командные высоты» экономики страны. Был создан прецедент для перекраивания системы правосудия. Именно с того судебного заседания началось превращение всей правоохранительной системы – полиции, прокуратуры и судов – в хищнический механизм, служивший для отъема бизнесов и устранения политических конкурентов правящей элитой. Когда система была окончательно перекроена, ежегодно под стражу в изоляторы отправляли тысячи бизнесменов и многих из них выпускали лишь после того, как те соглашались отдать бизнес. Это стало страшным оружием в правовом арсенале людей из ФСБ и правоохранителей и теперь использовалось ими по всей стране и на любом уровне. После расправы над Ходорковским спецслужбы получили карт-бланш – бизнес стали отнимать в таких масштабах, что к 2012 году более 50% ВВП России оказалось под непосредственным контролем государства и бизнесменов, тесно связанных с Путиным. С момента суда над Ходорковским, когда более 70% экономики все еще находилось в частных руках, случился стремительный и масштабный поворот. Это сопровождалось появлением теневой экономики с черным налом, предназначенным для увеличивающегося числа сотрудников спецслужб: денежный поток обеспечивали взятки и шантаж. В итоге огромное число правоохранителей и офицеров ФСБ обзавелось роскошными автомобилями и огромными квартирами, которые нельзя было купить на официальную зарплату. Силовики получили неограниченный доступ к внутренним сделкам и заработали триллионы наличных, которые отмывались на Западе.

В сущности, то судебное заседание изменило буквально все. Оно состоялось в то время, когда люди Путина пытались объединить страну против сил Запада – и все это на фоне Беслана и революций в Украине и Грузии. Захват ЮКОСа стал важнейшим шагом к восстановлению имперской славы, усилению контроля над населением и финансовыми потоками.

— В КБГ поняли, что сами создали монстра Франкенштейна, который зажил своей жизнью. Этот монстр называется капитализм, – сказал Кристиан Мишель. – Комитетчики увидели, что порожденные ими олигархи теперь делают миллиарды, а им не перепадает ничего, и принялись отбирать ресурсы якобы на благо страны. Они оправдывали это так: «Мы забираем ресурсы, которые принадлежат народу. Иначе все это достанется американцам».

Этот удобный миф стал не только движущей силой – он развязал людям Путина руки. Они позиционировали себя хранителями России, залогом ее возрождения и поэтому считали, что заслуживают богатств. Как и предыдущее поколение советских лидеров, они стали персонифицированным государством: их собственные интересы полностью совпадали с государственными. Но если раньше государство означало партию, то теперь начиналась эра государственного капитализма – их личные интересы и стратегические интересы страны были неотличимы друг от друга.

— Все это преподносилось как следование высокой цели. Но оно служило также личному обогащению, и именно с этого момента начались проблемы, – сказал Мишель.

Государство забирало экономику в свои руки, и это снискало широкую поддержку у населения: люди ненавидели миллиардеров эпохи Ельцина так же сильно, как и люди Путина

из КГБ. За неделю до ареста Ходорковского Путин обрушился на магнатов девяностых годов, обвинив их в создании системы «олигархического правления». Такие обвинения позже стали повсеместно порочной практикой:

— У нас есть категория людей, которая разбогатела и стала миллиардерами, как у нас говорят, в одночасье. Их государство назначило миллиардерами: просто раздало огромные куски государственного имущества практически бесплатно. Они так сами и говорили: меня назначили миллиардером. Потом, по ходу пьесы, у них создалось впечатление, что на них Боженька заснул, что им все можно.

В Кремле даже попытались представить захват ЮКОСа как часть борьбы с терроризмом. Через три недели после трагедии в Беслане уже попавший под контроль государства телеканал НТВ заявил, не предоставив, впрочем, никаких, доказательств, что Ходорковский с партнерами финансировал чеченских террористов.

Министр обороны Сергей Иванов первым открыто заявил о том, что ждет страну в будущем.

— Государство не должно потерять контроль над стратегическими секторами экономики, — сказал он в ноябре 2003 года, через месяц после ареста Ходорковского. — Мы должны контролировать нефтедобычу и нефтепоисковые работы. [...] Советский Союз вложил огромные ресурсы в разведку и разработку нефтяных месторождений, а теперь главы нефтяных компаний получают с этого огромные прибыли. В любом случае, нефтяные скважины и ресурсы являются собственностью государства, а не частной собственностью. И у государства есть полное право контролировать этот процесс.

И хотя из такого заявления было ясно, что принципы управления серьезно изменятся, западные правительства, казалось, пока не представляли, как далеко это может зайти. Американские официальные представители не могли понять, стал мишенью кампании только Ходорковский или это начало захвата всего энергетического сектора. США отказывались осознавать тот факт, что в России начался передел законодательной и политической систем и что ресурсы, которые получают силовики, в итоге будут обращены против Запада. Впрочем, Сергей Иванов настаивал на том, что ни он, ни другие люди Путина не собираются пересматривать итоги приватизаций 1990-х годов в попытках усилить контроль государства и что процесс Ходорковского – это дело против одного зарвавшегося олигарха, а право частной собственности в целом нарушаться не будет и Россия останется рыночной экономикой, готовой к интеграции с Западом.

Ходорковский рассчитывал, что на его арест резко отреагирует администрация США и он будет немедленно освобожден, но такого не произошло. Наоборот, не последовало практически никакой реакции. Отдельные политики – например, сенатор-республиканец Джон Маккейн и филантроп и в прошлом валютный трейдер Джордж Сорос – призывали исключить Россию из «Большой восьмерки», куда ее приняли после того, как Путин стал президентом. Но, похоже, только Маккейн понимал, какие последствия повлечет расправа государства с ЮКОСом:

— Ползучий переворот против демократии и рыночного капитализма в России угрожает самым основам российско-американских отношений и возвращает призрак эпохи холодного мира между Вашингтоном и Москвой, – заявил он

в Сенате, комментируя арест Ходорковского. – США не могут иметь нормальных отношений, не говоря уже о партнерстве, со страной, у которой больше общего со своим советским и имперским прошлым, нежели с современным государством, которое, как утверждает Владимир Путин, он мечтает построить.

Но для администрации Джорджа Буша дело не выходило за рамки обычного бизнеса. В те дни, особенно после атак 11 сентября, контртеррористическим операциям уделялось особое внимание. Таким образом, когда Россия заявила Западу о существовании связи между чеченскими повстанцами и глобальной террористической угрозой, необходимо было сохранить открытый диалог. К тому же США сильно зависели от помощи Москвы в Афганистане, так как для поставок военного снаряжения использовали транспортные маршруты через Россию.

— США как минимум не хотели, чтобы Россия вмешивалась в их дела и планы, – сказал Томас Грэм. – Например, были споры по Ираку, и Вашингтон хотел содействия в контртеррористических операциях, в том числе в Афганистане.

Тем не менее, по словам Грэма, в ходе переговоров с Кремлем администрация США задавала неприятные вопросы о процессе над Ходорковским и об экспроприации ЮКОСа.

— Но тогда в США не акцентировали внимание на внутренних делах России.

Как утверждал Грэм, в тот момент еще не было ощущения, что Россия отходит от демократического курса, а попытки Путина восстановить власть государственного аппарата после хаоса эпохи Ельцина не выглядели опасными. Вынужденный отъезд медиамагнатов Гусинского и Березовского, а также возвращение государству телеканалов воспринимались как

внутренние разборки. Как сказал Грэм, ни Березовский, ни Гусинский не выглядели поборниками демократии – они использовали свои медиаимперии для продвижения собственной повестки. Однако Ходорковского относили к иному классу олигархов – особенно с тех пор, как он избавился от имиджа барона-разбойника, начал внедрять продвинутую систему корпоративного управления, а также договариваться с США о продаже компании.

— Но для администрации это было не столь важно и не могло стать причиной пересмотра политики в отношении России и отзыва договоренностей.

По сути, американское правительство бросило Ходорковского на съедение волкам – это все, что он получил за все свои попытки наладить связи с США.

Впрочем, для мировых инвесторов, веривших в рыночную трансформацию России, арест Ходорковского и последующий захват его компании значили нечто большее. С момента ареста олигарха и замораживания 44% акций ЮКОСа они пристально следили за компанией, пытаясь угадать, станет ли суд над Ходорковским инструментом ее демонтажа. ЮКОС был лидером добычи нефти в России, а ее объемы превышали объемы Кувейта. Он стал самым известным брендом страны, первым открыл двери западным инвестициям, и любые нападки на компанию со стороны государства могли свидетельствовать о потенциальных широких пертурбациях рыночных реформ. Инвесторы боялись, что чем дольше Ходорковский останется в тюрьме, тем выше риск того, что компанию заберут силовики, а это, в свою очередь, обрушит поток инвестиций в российский рынок. Они опасались повторения истории с НТВ Гусинского, в частности, того, что заключение Ходорковского будет

использовано для отъема его доли – такая тактика применялась людьми Путина из КГБ еще в Санкт-Петербурге. Несмотря на высокие мировые цены на нефть и растущую экономику, за год российский фондовый рынок откатился назад, а с пикового момента предыдущей осени акции ЮКОСа потеряли более половины своей стоимости. Ближайший партнер Ходорковского Леонид Невзлин предложил акционерам «Менатэпа» передать контроль над ЮКОСом государству в обмен на «освобождение заложников», пояснив, что лишь озвучил то, что услышал от посредников, специализирующихся на подковерных сделках.

Но Кремль и слышать не хотел о подобных предложениях, одновременно пытаясь удержать западных инвесторов и Запад на своей стороне. Люди из КГБ понимали, что теперь нужно продумывать каждый шаг. Процесс над Ходорковским и обвинения в мошенничестве и уклонении от налогов должны были выглядеть легитимными и служить весомым и приемлемым для Запада оправданием для захвата ЮКОСа. В те дни окружение Путина все еще опасалось последствий международных судебных разбирательств. Приходилось доказывать, что Россия стремится к интеграции с глобальными рынками, к тому же оно понимало важность западных инвестиций для дальнейшего восстановления экономики. Российскому государственному капитализму надо было расширяться и просачиваться на Запад, но при этом не выглядеть угрозой.

Вместо того, чтобы просто забрать у «Менатэпа» доли ЮКОСа, государственные мужи развернули настоящую правовую кампанию. Суд над Ходорковским стал лишь эпизодом в акции отрубания хвоста по кусочкам и ознаменовал собой начало чудовищной трансформации: отныне жестко

контролируемые судебные решения и сама судебная система использовались силовиками как прикрытие для экспроприации активов.

По сути, в 1990-х годах передел имущества был игрой без правил, и это существенно облегчало процесс. В те времена олигархи, включая Ходорковского, то и дело подтасовывали карты и фальсифицировали результаты приватизации, грубо попирая права миноритарных инвесторов и других правообладателей. Фактически они действовали в правовом вакууме, а государство в силу своей слабости не могло обеспечить соблюдение законов. Судебная система и правоохранители были коррумпированы. Но теперь люди Путина развернули ситуацию на сто восемьдесят градусов. В случае с Ходорковским судебные решения были, по сути, продиктованы Кремлем. Дело велось с многочисленными процессуальными нарушениями, законы применялись выборочно и часто задним числом. Вместо того, чтобы укреплять законность и не повторять ошибок прошлого, союзники Путина просто воспользовались положением во власти и монополизировали беззаконие.

Помимо этого, в российских законах оставалось много лазеек, которые позволяли объявить нарушителем любого. Законы трактовались произвольно и значили гораздо меньше, чем мафиозные «понятия», то есть договоренности между партнерами: чтобы остаться на плаву, достаточно было просто не перечить Кремлю.

К моменту первого суда над Ходорковским ЮКОС уже находился на грани банкротства. Параллельно с делом против олигарха прокуратура предприняла атаку и на компанию, выставив задним числом счет в 3,4 миллиарда долларов за

неуплату налогов в 2000 году. Инвесторы опасались, что правоохранители намеренно обанкротят ЮКОС и передадут его государству. Западные кредиторы боялись, что компания не сможет выплатить миллиардный кредит. Правительственные чиновники во главе с либеральным министром финансов Алексеем Кудриным долгое время не понимали, что делать с нефтяными компаниями, которые минимизировали свои налоги через внутренние офшорные зоны. ЮКОС был не единственной компанией, использовавшей такие схемы, более того, на тот момент эти схемы были законными. Действующая налоговая ставка для ЮКОСа была такой же, как для других частных компаний, включая принадлежащие Абрамовичу «Сибнефть» и ТНК-ВР. Инвесторы боялись, что подобные обвинения в неуплате налогов предъявят и другим компаниям, однако Кремль и зависимые от него западные банкиры упорно твердили, что дело касается только Ходорковского.

Кремль, казалось, издевался особенно изощренно: на следующий день после того, как Ходорковского предъявили народу в суде за решеткой, Путин публично обратился к инвесторам. Во время официального визита в Узбекистан он решил поиграть в великодушного лидера, что окончательно решило судьбу Ходорковского.

— Официальные органы Российской Федерации, правительство и экономические власти страны не заинтересованы в банкротстве таких компаний, как ЮКОС, — сказал он.

В этот день инвесторы облегченно вздохнули, а акции ЮКОСа выросли на 34%. Но Путин оставил себе пути отступления. Государство по-прежнему могло забрать активы

компании – для этого процесс был обставлен как легитимный и рассматриваемый независимым судом:

— Правительство сделает все возможное, чтобы предотвратить крах компании. Но суды у нас работают независимо. Они должны решать сами.

Конечно, он не упомянул о том, что всем судебским действием с самого начала дирижировал заместитель главы администрации и ответственный за правовые аспекты атаки на Ходорковского Игорь Сечин. Словно стремясь упрочить связи с правоохранителями, он породнился с семьей генпрокурора – в ноябре 2003 года, практически сразу после начала процесса, его дочь вышла замуж за сына Владимира Устинова. Циничный бывший офицер КГБ видел новые возможности для своего благополучия. Для Сечина ЮКОС стал уникальным шансом попрощаться наконец с ролью бессменного и подобоострастного слуги Путина. Он долгие годы таскал за ним чемоданы и дежурил в приемной, но теперь пришло время переломить ситуацию. Как сказал мне один кремлевский инсайдер, однажды Сечин «потерял» уже утвержденный указ Путина:

— Все спрашивали, где это опубликовано. Указ нигде не был напечатан. Путин сказал, что подписал и передал Игорю. Я пошел к Сечину, а тот говорит: «Ой, наверное, бумаги за шкаф завалились. У меня тут так много документов». Так оно и началось. Сечину хотелось показать, что именно он решает, что выполнять, а что нет, и что за решениями я должен обращаться именно к нему.

В случае с ЮКОСом Сечин не упустил шанс укрепить свою власть и урвать кусок для себя.

— Он понимал, что может убить двух зайцев – забрать активы и подмять под себя полицию, – сказал акционер ЮКОСа

Александр Темерко.

Когда дочь Сечина вышла замуж за сына генпрокурора, «это стало семейным бизнесом».

Темерко, единственный оставшийся в Москве акционер ЮКОСа, пытался найти выход из тупика. Остальные бизнес-партнеры Ходорковского, включая Невзлина, опасаясь арестов, эмигрировали в основном в Израиль. Но Темерко был другим. Когда-то под его руководством работали генералы, и он до сих пор считался неприкосновенным. В начале президентства Ельцина он занимал пост председателя комитета по социальному обеспечению военнослужащих, был на короткой ноге с министрами обороны и отвечал за работу оборонных отраслей промышленности. Он знал Ходорковского еще по комсомолу и помог ЮКОСу получить главный контракт на поставки топлива для армии. Очаровательный и вспыльчивый, с круглым брюшком и густыми усами, Темерко был прирожденным лоббистом, и если кто-то и мог вывести ситуацию с Кремлем из тупика, то только он. Темерко был связующим звеном между Ходорковским и кремлевскими силовиками, и поговаривали, что он прятельствовал даже с всевластным шефом ФСБ Николаем Патрушевым.

Западные инвесторы возлагали надежды на переговоры, которые предстояло вести остававшимся на ключевых постах ЮКОСа американцам Стивену Тиду из ConocoPhillips и Брюсу Мисамору из Marathon Oil. Истинные профессионалы, они внедряли в компании принципы западного менеджмента и предпочитали добираться до работы на метро, но и они не представляли всех перипетий этих переговоров. Справиться с этим мог только мастер подковерных сделок Темерко. В надежде перекинуться словечком с Сечиным он мог часами

просиживать в его приемной. Но на этот раз он попытался обойти Сечина и обратиться к Путину напрямую: договорился с одним чиновником, что прошмыгнет с черного хода на заседание Совета безопасности и попыбует отловить президента. Но об этом плане узнал Сечин и пришел в ярость. Операция сорвалась.

— Работа Сечина заключалась в том, чтобы лично ходить с такими вопросами к президенту, — сказал Темерко. — Но он всегда говорил: «Это нельзя, это недостаточно конфиденциальный вопрос». В итоге приходилось все начинать заново.

Люди Ходорковского пытались выиграть битву, которая была проигрышной изначально. В июле, через три недели после вдохновляющего выступления Путина, давление на ЮКОС усилилось. Созданная президентом система показала свой оскал. По московским офисам ЮКОСа сновали десятки правоохранителей, изымали компьютеры и замораживали банковские счета. Словно пытаясь упрочить свои позиции, вооруженные налоговики вручили Стивену Тиду новый счет за 2001 год на 3,4 миллиарда долларов, что удвоило налоговую задолженность компании. И это случилось в тот момент, когда выяснилось, что компания не сможет погасить предыдущий долг. Приближались последние сроки оплаты.

— Это убьет ЮКОС, — сказал представитель лоббирующей группы олигархов Игорь Юргенс.

Вскоре после этого рейда Ходорковский публично заявил из СИЗО, что для погашения налоговой задолженности готов отдать долю «Менатепе» в ЮКОСе. Топ-менеджмент ЮКОСа во главе с Тидом и Мисамором разработал план реструктуризации,

позволяющий компании за три года выплатить 8 миллиардов долларов – при условии, что правительство разморозит счета.

Но все усилия были тщетны. Переговоры продолжались весь июль, затем правительство внезапно заявило, что планы по реструктуризации не рассматривает и в счет погашения налоговой задолженности хочет продать главный производственный комплекс компании – «Юганскнефтегаз». Он производил 60% всей продукции ЮКОСа, что превышало добычу Ливии. Решение снова взволновало рынок – перспектива дробления ЮКОСа становилась реальной. Через несколько дней после заявления правительства в игру вступил Сечин, негласно руководивший процессом. Его назначили председателем государственной компании «Роснефть», и поползли слухи о покупке активов ЮКОСа «Роснефтью».

Каждая пущенная в ЮКОС стрела укрепляла позиции Сечина. Из доверенного лица, привратника, отвечающего за донесение информации и допуск просителей к президенту он превращался в независимого игрока. Для переговоров он выбрал роль смиренного помощника и предлагал обращаться то в налоговую службу, то в министерство юстиции, а порой советовал адресовать предложения о переговорах с «Менатепом» прямо Путину.

— Вначале Сечин пытался дистанцироваться. Он никогда не признавался, что руководит процессом, – сказал Темерко. – Но каждый раз, когда нам казалось, что мы достигли понимания, они арестовывали очередной счет, и мы не могли заплатить. Сечин только сокрушенно качал головой и сожалел, что снова не договорились. Он говорил, что мы недоговороспособны. Но на самом деле именно он вынуждал

нас идти на немыслимые компромиссы и делиться конфиденциальной информацией.

При этом правительство не хотело отпускать западных инвесторов и обещало продать «Юганскнефтегаз» по рыночной стоимости. Впрочем, оценить комплекс поручили московскому представительству банка «Дрезднер», возглавляемому одним из ближайших друзей Путина Маттиасом Варнигом. Западный рынок доступа к информации не имел. Наблюдая за непрекращающимися атаками на компанию, Запад постепенно свыкался с мыслью о дроблении ЮКОСа. К моменту, когда правительство анонсировало продажу «Юганскнефтегаза», крупные западные нефтяные компании уже готовы были сами вырвать его из рук Ходорковского, что противоречило заявлениям администрации США в отношении ЮКОСа.

— Проблема заключалась в следующем: каждый раз, когда мы заявляли русским, что их действия негативно отразятся на инвестиционном климате в России, какая-то западная компания тут же выступала с предложением купить ЮКОС, — сказал Томас Грэм. — Кремль получил два или три предложения о покупке акций компании. Очевидно, что имидж России не сильно пострадал.

Такие предложения подтверждали заявления Путина о западном цинизме: он неоднократно утверждал, что на Западе все покупается, а коммерческие интересы всегда перевешивают моральные и иные соображения. Вскоре Кремль, стремясь завоевать расположение западных инвесторов и заручиться их поддержкой при захвате государственных активов, сделал очередной шаг.

К этому моменту в Кремле начали действовать довольно продуманно. По делу ЮКОСа правительство консультировали

западные инвестиционные банкиры, включая Чарльза Райана, возглавлявшего московское представительство United Financial Group. В середине сентября, после трагедии в Беслане, Путин объявил, что в целях безопасности отменяет одно из главных достижений демократии России – выборы губернаторов. На фоне неприкрытых попыток государства раздробить и экспроприировать ЮКОС эта новость прозвучала зловеще.

Однако для иностранных инвесторов Путин приготовил приятный сюрприз. В день, когда Кремль объявил об отмене губернаторских выборов, рынок узнал о планах создания крупнейшего в мире энергетического концерна. Газовый государственный гигант «Газпром» ждало слияние с последней государственной нефтяной компанией «Роснефть» – в результате появился бы настоящий монстр, второй по величине после Агамсо из Саудовской Аравии и в пять раз превосходящий ближайшего соперника на Западе – ExxonMobil. В отличие от Агамсо, российский гигант был открыт для западных инвестиций.

Анонсированная сделка красноречиво говорила о глобальных амбициях Путина и его окружения. В те времена интерес Запада к России как к поставщику энергии продолжал расти, этому способствовали и волнения на Ближнем Востоке. С момента, когда премьер Михаил Касьянов поднял вопрос о либеральных реформах и дроблении «Газпрома», что лишило бы того статуса монополиста в газовом секторе, прошло полгода, и за это время произошли колоссальные изменения. Либеральные реформы Путин отверг, но планируемое слияние газового гиганта и «Роснефти» говорило о том, что в энергетическом секторе будет преобладать государственное управление.

И все же для западных инвесторов это выглядело хорошими новостями. Усиление государственного контроля над экономикой, которого все так долго боялись, нивелировалось обещаниями поделиться частью нового энергетического гиганта. Через эту сделку государство получило бы в объединенной компании «Газпром-«Роснефть» контрольный пакет в 51%, что автоматически снимало ограничения на доли западных инвестиций в «Газпром». Планы на снятие ограничений в правительстве обсуждались давно, но теперь, казалось, наконец был дан зеленый свет, и цена акций резко подскочила. Западные инвесторы уже облизывались, подсчитывая возможные прибыли от инвестиций в нефтегазовый гигант.

— Это будет крупнейшая нефтегазовая компания в мире. Теперь, когда цены на нефть и газ достигли космических высот, в компанию смогут инвестировать и иностранцы, — сказал глава Hermitage Capital Management и обладатель внушительной доли в «Газпроме» Уильям Броудер. Он добавил, что эта «сладкая микстура поможет проглотить горькое лекарство ЮКОСа».

Глава нью-йоркского фонда Firebird Йан Хейг высказался более однозначно:

— Они покупают лояльность зарубежного сообщества инвесторов и устанавливают политическую диктатуру. И это работает.

Пока все выглядело как начало прекрасной дружбы: Кремль утверждал, что пока у руля стоят люди Путина, западные инвестиции всячески приветствуются. Мрачные опасения по поводу захвата ЮКОСа испарились: чтобы вложиться в новое государственное образование, инвесторы выстроились в очередь. И лишь главе «Роснефти» Сечину не нравилась такая

перспектива. Планы по слиянию «Роснефти» и «Газпрома» грозили разрушить его личные планы – государственный энергетический гигант он хотел оставить себе.

Несмотря на недовольство Сечина, кампания по продаже «Юганскнефтегаза» набирала обороты. Произошла утечка информации: выяснилось, что банк «Дрезднер» оценивал производственный комплекс в сумму от 15,7 до 17,3 миллиарда долларов, что казалось адекватной рыночной ценой. Именно поэтому западные менеджеры ЮКОСа решили, что выручка от продажи «Юганскнефтегаза» поможет им спасти то, что останется от компании. Однако в конце ноября их надежды были похоронены окончательно: во-первых, министерство юстиции назвало стартовую цену «Юганскнефтегаза» на государственном аукционе – всего 8,65 миллиарда долларов, а во-вторых, ЮКОСу предъявили два новых астрономических счета за неуплату налогов за 2002 и 2003 годы. В итоге его налоговая задолженность достигла 24 миллиардов, что в четыре с лишним раза превышало рыночную стоимость разоренной компании. Менеджмент ЮКОСа понял: игра окончена, и оставшаяся часть компании будет раздроблена и распродана по бросовой цене.

Государство постаралось донести сигнал до адресата всеми возможными способами. В ночь перед предъявлением новых счетов вооруженные силовики прошли по квартирам менеджеров ЮКОСа – последние говорили, что это напомнило сталинские чистки 1937 года. По словам одного из них, «они боялись ночевать дома, боялись за своих близких». После ночных рейдов страну вынужден был покинуть один из западных сотрудников, приглашенных на работу Ходорковским, – уроженец Техаса Брюс Мисамор. Именно он внедрял

принципы прозрачного управления по посту руководителя финансового отдела. В тот день он находился в Лондоне. После звонка Темерко он еще раздумывал, стоит ли рисковать и возвращаться в Россию. Темерко предупредил: Брюса арестуют сразу по прибытии. Мисамор никуда не поехал. То же самое произошло и со Стивом Тидом, президентом ЮКОСа с июня 2004 года. В тот день он тоже был в командировке. Обыск в его офисе стал явным сигналом – возвращаться в Москву нельзя. Как он сказал, анонсированная властями низкая цена «Юганскнефтегаза» – это «государственный грабеж, цель которого – сравнять политический счет».

Брюс Мисамор понимал: все усилия менеджмента по улаживанию конфликта оказались тщетными. Налоговая задолженность в 24 миллиарда долларов давала государственным компаниям возможность распродать по частям все активы ЮКОСа. Мисамор полагал, что это и было изначальной целью Кремля. Из-за заморозки активов и счетов шансы компании погасить долги были равны нулю.

— Вначале мы думали: если мы им заплатим, они, может быть, отстанут, – говорил он. – Столько раз мы пытались выйти на нужных людей в Кремле и договориться об условиях сделки. С нами разговаривали, и мы жили в ощущении, что все вот-вот уладится, но затем кто-то встречался с Путиным, и все переговоры шли насмарку.

Наконец и Александр Темерко понял, что переговоры ни к чему не приведут и что Сечин, Путин и его люди лишь прикрывались ими, на самом деле имея целью захват компании. Но в то же время Кремлю нужно было убедить рынок и западных лидеров в том, что процесс абсолютно легитимен.

— Нас тоже обманули, — сказал Темерко. — Нам все время давали ложную информацию. Высшие чиновники из окружения Путина говорили: «Это все игра. Если они взялись за компанию, то обглодают ее до костей». Вероятно, они думали, что нужно создать некую видимость переговоров. Но потом, когда все привыкли к происходящему, они словно проснулись: «А зачем нам соглашаться? Пусть все перейдет к нам». Оценка компании банком «Дрезднер», пустые обещания потенциальных сделок — это все были типично чекистские приемы. Нам скармливали ложную информацию, а под шумок проворачивали свои делишки.

Эту тактику Кремль использовал снова и снова и повторил ее много лет спустя при захвате Крыма в 2014 году. Вначале заявлялось, что внезапное появление военных на полуострове не имеет к Кремлю никакого отношения. Но сразу после аннексии Крыма Путин признал, что на там находились российские войска.

— Они лгали главам западных государств, — говорил Темерко. — Они уверяли всех, что преступники — это мы, но при этом божились, что не будут отнимать компанию, что хотят лишь найти общий язык. Путин много раз повторял: «Мы не хотим банкротить ЮКОС». Но его обанкротили. На ЮКОСе они отточили свое искусство лжи. И теперь они лгут профессионально.

В России готовились к продаже «Юганскнефтегаза». Между людьми Путина, представляющими две разные фракции спецслужб, разразилась настоящая война. «Газпром», заручившийся поддержкой Путина и рассчитывавший на слияние с «Роснефтью», тоже хотел приобрести «Юганскнефтегаз». На его стороне стояли либерально

мыслящие технократы правительства во главе с министром финансов Кудриным. Он лично позаботился о том, чтобы ограничить власть главы «Роснефти» Сечина – самого опасного соперника и хищного представителя противоборствующего блока. Либералы требовали, чтобы «Юганскнефтегаз» был продан по рыночной цене, и настаивали на том, чтобы его приобретение «Газпромом» было завизировано Западом и одобрено западными институтами, выдавшими миллиардные займы. Они считали, что это реализует более мягкую версию государственного капитализма и Запад согласится играть на таких условиях. К моменту аукциона «Газпром» получил от банковского синдиката во главе с немецкими «Дойчебанком» и «Дрезднером» самый крупный кредит за всю корпоративную историю России – более 13 миллиардов долларов. С поддержкой выступили также крупные нефтяные компании США Chevron и Exxon – когда-то они чуть не подписали сделку с Ходорковским, но теперь были готовы играть против него. По сообщениям инсайдеров, знакомых с деталями сделки, часть «Юганскнефтегаза» могла быть приобретена в консорциуме с «Газпромом». Royal Dutch Shell из Великобритании тоже присоединилась к переговорам о покупке акций.

Путин еще раз убедился в том, что для Запада коммерческие интересы значат больше демократических ценностей. Однако для партнеров Ходорковского подобная сделка не выглядела законной. Попытки Кудрина привлечь западные институты и компании и выставить продажу как легитимный процесс служили только завесой, а Запад с легкостью отступил от своих принципов. Продажа «Юганскнефтегаза», по мнению людей Ходорковского, была настоящим грабежом, и они пытались сделать все возможное, чтобы воспрепятствовать ей.

Кремль был готов к многообещающей сделке века. Аукцион сулил главный приз в нефтяной индустрии – при участии и с одобрения западных банков и крупнейших нефтяных компаний самый большой и лакомый кусок должен был вернуться под контроль государства. Однако за четыре дня до продажи «Юганскнефтегаза» топ-менеджеры ЮКОСа под руководством Тида и Мисамора, на тот момент находившихся в Лондоне, решились на последнюю контратаку. Удар пришел откуда не ждали: в суд Хьюстона без всякой шумихи был подан иск о банкротстве ЮКОСа по главе 11, в результате чего продажа была приостановлена. Внезапно «Газпром» остался без поддержки. Менеджеры ЮКОСа заявили, что компания находится в юрисдикции США, так как миноритарным инвесторам из Америки принадлежало 10% акций, а сама компания вела в США «значительный бизнес».

Эта последняя контратака привела Путина в неописуемую ярость.

— Не уверен, что судья вообще знает, где находится Россия, – рявкнул он.

Заявив, что суды США не имеют юрисдикции над процессами в России, Кремль решил ускорить сделку. Но для «Газпрома» участие в таком аукционе становилось рискованным. Сложная схема владения активами включала также хранилища, торговые центры и совместные предприятия по продаже газа, разбросанные по всей Европе. Если бы «Газпром» решил участвовать в торгах, нарушив судебный запрет США, зарубежные активы могли стать объектами судебных исков. И тут ситуацией воспользовался интриган Сечин: прозванный среди банкиров Черным Властелином, он и купил «Юганскнефтегаз». Его «Роснефть» не имела западных активов.

В отличие от залоговых аукционов, где по бросовой цене передавали самые ценные активы советской промышленности в руки связанных друг с другом магнатов, «Юганскнефтегаз» должен был продаваться максимально прозрачно. И хотя в ЮКОСе сделку окрестили грабежом, российское правительство настаивало, что торги пройдут по общепринятым правилам рынка. словно пытаясь подчеркнуть разницу между этой продажей и мутными торгами девяностых годов, для освещения аукциона государство пригласило журналистов: в устланном красными дорожками конференц-зале Российского фонда федерального имущества на двух экранах велась прямая трансляция. Планировалось создать прецедент прозрачной работы. Однако иск о банкротстве, поданный в последнюю минуту в хьюстонский суд, говорил в пользу того, что и эти торги стали подставными. Журналисты следили за трансляцией. Была сделана только одна ставка, и никто не знал, кто стоял за ней. За столами в отделанной деревом комнатке сидели две группы исполнителей, но публика знала людей лишь из одной команды. Это были люди из «Газпром нефти», нефтяного крыла «Газпрома», учрежденного неделей ранее. Два других уполномоченных – высокий мужчина в сером костюме и полная женщина в очках – были таинственными незнакомцами. Их компания зарегистрировалась для участия в аукционе лишь тремя днями ранее, при этом ставки сделали только они. Высокий мужчина торжественно поднял табличку и поставил 9,37 миллиарда долларов, что лишь на 500 миллионов превышало стартовую цену. Люди из «Газпром нефти» позвонили куда-то и затем отказались от участия. Долгожданные торги внезапно завершились – удар молотка прозвучал чуть ли не сразу после начала аукциона.

Производственный комплекс, дающий больше нефти, чем вся Ливия, был продан предприятию под названием «Байкал Финанс Групп», о котором никто никогда не слышал. Даже председатель Российского фонда федерального имущества Юрий Петров понятия не имел, кто были эти люди.

— Об этой компании нам ничего не известно, — сказал он.

Выяснилось, что «Байкал Финанс Групп» учредили за две недели до торгов. Офисы компании находились в дореволюционном здании над баром «Лондон» в Твери. Никто не знал, кто владеет компанией.

Путин заявил, что для беспокойства причин нет. Он точно знал, кто стоял за последней ставкой, и заверил, что представляющие компанию люди имеют «годы опыта в энергетическом секторе». Выяснилось, что указанные персоны были связаны с двумя его ближайшими соратниками. Одного из них в девяностые годы выдавил Ходорковский, забрав «Восточную нефтяную компанию». За сделкой стояли нефтяной трейдер Геннадий Тимченко и бывший совслужащий Госбанка, финансировавший компанию Тимченко Андрей Акимов — тот самый, кто пытался отыграть ВНК. Исполнители, сделавшие от их имени ставки на аукционе, были менеджерами среднего звена из «Сургутнефтегаза», крупной лояльной Кремлю компании и основного поставщика Тимченко — к моменту продажи «Юганскнефтегаза» последний приобрел в ней значительную долю. Об этом сообщил бывший замминистра по энергетике, крупный российский банкир и бывший партнер Тимченко Владимир Милов. Тимченко же заявлял, что ему принадлежало менее 0,01% акций в «Сургутнефтегазе». Как уверяли его юристы, его ничто не связывало и с «Байкал Финанс Групп».

Люди Путина из КГБ наконец отомстили Ходорковскому за ВНК. Более года маневрирования и интриг ушло на то, чтобы убедить Путина начать атаку на Ходорковского. Теперь воротилы Кремля завладели первым и самым большим куском ЮКОСа. Выглядело так, словно «Байкал Финанс Групп» наспех зарегистрировали как подставную компанию, чтобы избежать открытого участия в торгах и не попасть под санкции из-за американского судебного ордера. Через четыре дня «Байкал Финанс Групп» продала «Юганскнефтегаз» сечинской «Роснефти».

За одну ночь «Роснефть» из 6-миллиардного карлика превратилась в мирового нефтяного гиганта с активами 30 миллиардов долларов, что, конечно, сыграло на руку и самому Сечину. Дело ЮКОСа не стало препятствием для торгов. Наоборот, силовик, который руководил кампанией по захвату ЮКОСа, получил новый источник власти.

Если бы «Газпром» мог купить «Юганскнефтегаз» без правовых рисков, то, скорее всего, «Роснефть» тоже стала бы частью «Газпрома» и Сечин лишился бы основного актива. Но теперь его компания превратилась в нового государственного нефтяного гиганта, и он, оставив позади роль запасного игрока, вышел из-за кулис Кремля и стал отдельной экономической силой. Изменение статуса Сечина лишь усугубило проблемы, связанные с разрекламированным слиянием «Роснефти» и «Газпрома». Сечин хотел, чтобы «Роснефть» оставалась независимой.

Один из западных банкиров, тесно сотрудничавший с «Газпромом» и собравший средства на приобретение «Юганскнефтегаза», расценил ордер из суда Хьюстона как катастрофу и подрыв власти силовиков. Он считал, что стоявшие

за «Газпромом» либеральные технократы во главе с Кудриным были дружественной силой и в будущем помогли бы созданию более мягкого инвестиционного климата в России.

— Мы готовились к сделке, которая могла бы повысить прозрачность бизнеса и усилить влияние Запада, — сказал он. — Мы планировали, что Exxon, Chevron или Shell примут участие в сделке. Мы собирались сделать одну из таких фирм своим стратегическим партнером. Но затем случился судебный запрет, и в дело вмешались плохие парни. Игорь Сечин мог потерять и власть, и положение, и влияние. Вот какую глупость сотворил тот американский судья.

Если западный банкир действительно верил, что покупка «Юганскнефтегаза» «Газпромом» поможет легитимировать процессы, он, вероятно, рад был обманываться. Значение имело лишь то, что эта продажа была государственной экспроприацией и произошла потому, что государство произвольно и задним числом предъявило налоговый счет за схемы, которые в те времена считались законными. Любое участие западных банков было лишь очковтирательством, а разочарование технократов можно было объяснить тем, что им не достался лакомый кусок пирога. Продажа в пользу «Газпрома» была более приемлемой для Запада, но, по сути, конечный результат не менялся.

Сечин, несомненно, праздновал победу. Однако для прозрачности бизнеса и для бюджета это была очередная потеря. Сделка, которая должна была финансироваться западными банками, закончилась тем, что оплату провели втихую из средств российского бюджета. Несмотря на то, что Юганское месторождение продавалось якобы вынужденно для погашения налоговой задолженности на миллиарды долларов,

которые должны были пойти в российский бюджет, согласно данным Центрального банка, федеральное казначейство перевело «Роснефти» 5,3 миллиарда долларов через государственный Внешэкономбанк для оплаты покупки. Россияне были убеждены, что в девяностые годы олигархи залезали в федеральную казну, средства которой держали на своих счетах, чтобы использовать их на покупку ресурсов, и это вылилось в громкие скандалы вокруг залоговых аукционов. Теперь «Роснефть» сделала примерно то же самое. Но на этот раз скандала никто не ждал. О сделке сообщила единственная газета – деловой ежедневник «Ведомости», а по существу высказался единственный госчиновник. Потраченные средства вернулись в казну только в 2005 году, когда «Роснефть» и Внешэкономбанк договорились с китайскими банками об экстренном финансировании сделки на 6 миллиардов долларов в рамках нефтяных поставок, условия которой никогда не были обнародованы.

Единственным негативно высказавшимся об этих торгах кремлевским чиновником был советник Путина по экономическим вопросам Андрей Илларионов, назвав их «грабежом среди бела дня». По его словам, финансирование покупки из федеральной казны противоречило заявлению о том, что дело ЮКОСа затевалось ради возврата налогов. Илларионова уважали за принципиальность, но теперь и ему пришлось нелегко. Он не знал, как долго сможет оставаться на своем посту в условиях, когда страна отворачивается от либерального рынка, а крепнущий государственный капитализм насквозь коррумпирован. По его словам, официальные объяснения узаконенной атаки на ЮКОС «не имели под собой основания».

— Речь идет не о налоговой задолженности, потому что никто в этом деле не заинтересован в возврате налогов, — сказал Илларионов. — Компания начала погашать задолженности, даже не признав их. В ЮКОСе были готовы выплатить любые суммы, но это никого не интересовало. В Кремле отказались от дополнительных налогов ради захвата имущества. Это наиболее точное и верное описание истинного интереса к делу ЮКОСа.

В следующие месяцы и годы западные институты покорно соглашались с новыми правилами путинской экономики. Вскоре в деле была поставлена точка. В тысячах километров от Москвы, в зале судебных заседаний в Хьюстоне, в феврале 2005 года, через два месяца после торгов, судья наконец вынес отказ в требовании защиты ЮКОСа в рамках банкротства, выслушав неоспоримые контраргументы от представителей «Газпрома». В слушаниях принимали участие блестящие адвокаты из техасской фирмы Baker Botts. И хотя временный ордер был выдан в момент торгов, после рассмотрения аргументов второй стороны судья решил, что ЮКОС не имеет достаточного представительства в США и не может обращаться за защитой в американские суды. Так рухнуло последнее препятствие — теперь можно было расправиться с тем, что оставалось от ЮКОСа. Сразу же подключились падкие на лакомые куски западные компании. Имущество компании пошло с молотка.

Темерко сказал, что, ознакомившись с таким решением, он понял, что «битва окончена и США не будут стоять на пути». По его словам, в Кремле в ожидании ответа от США заметно нервничали. И хотя Госдеп продолжал осуждать эту сделку, перспективы дальнейших протестов со стороны Запада, на что так надеялись Ходорковский и его партнеры, постепенно таяли. Наоборот, западные нефтяные гиганты с удвоенным желанием

выстраивались в очередь – они приняли новый порядок Путина и готовы были стать инвесторами и партнерами разросшейся «Роснефти». «Дойчебанк» и западные юристы «Газпрома» этому лишь поспособствовали. Основным игроком оставался Чарли Райан, глава московского представительства United Financial Group, в котором в конце 2003 года «Дойчебанк» приобрел 40% акций. Райан помогал «Газпрому» с получением западных кредитов, а затем представил газовый гигант фирме Baker Botts, которая умело опротестовала петицию о защите на время банкротства в суде Хьюстона.

Райан работал над улучшением имиджа России и в США. Он действовал через одну из самых престижных адвокатских контор в самом сердце республиканского истеблишмента. Адвокаты из Baker Botts, сражаясь в суде за интересы Кремля и за его энергетических гигантов «Газпром» и «Роснефть», работали по обкатанной модели, к тому моменту они успели посотрудничать со многими автократическими режимами. Многие годы фирма защищала интересы крупных нефтяных компаний США по всему миру. Главного партнера фирмы, бывшего госсекретаря США Джеймса Бейкера представили соратнику Путина и исполнительному директору «Газпрома» Алексею Миллеру. За завтраком в ресторане гостиницы «Россия» напротив Кремля Бейкер согласился защищать «Газпром».

— Я сказал ему, что Ходорковский – убийца, – заявил участвовавший в разговоре западный посредник. – Догадливый Бейкер сразу все понял.

Привлечь техасскую фирму помог и некий нравственный релятивизм. Люди, с которыми американские адвокаты имели дело в России, казались не столь опасными, как лидеры Ближнего Востока, с которыми им тоже приходилось сотрудничать.

— Из всех мест в мире, где Богу с его безграничной мудростью вздумалось разместить нефтяные месторождения, Россия казалась одним из самых цивилизованных регионов, если сравнивать с прочими мерзавцами типа Каддафи и Хусейна, — сказал западный посредник. — В этой шайке Миллер выглядел пай-мальчиком.

Алексей Миллер являлся всего лишь представителем Путина. Даже если он и был похож на пай-мальчика, это не имело значения, потому что на самом деле «Газпромом» командовал Путин. Однако фирме Baker Botts новые связи должны были принести выгоду. Она тесно работала с «Газпромом», затем более десяти лет сотрудничала с «Роснефтью», что в итоге открыло возможности и для Еххон: с «Роснефтью» была заключена стратегическая сделка на 3,2 миллиарда долларов, планировалось совместное исследование Арктики и Черного моря и поиск новых нефтяных месторождений. Фирма также помогла «Роснефти» отбиться от исков, предъявленных менеджерами ЮКОСа и «Менатепе». Как свидетельствует электронная переписка, фирма даже шла на нарушение закона, помогая юристам «Роснефти» в подготовке решений для суда в Армении. Так государственный нефтяной гигант защищался от исков «Менатепе».

В процессе продажи «Юганскнефтегаза» Путин нащупал главную слабость Запада: в конечном итоге его финансовые интересы перевесили опасения по поводу злоупотребления его режимом законами и демократией. На Западе же самонадеянно считали, что Россия больше не представляет опасности, что после развала СССР она прошла через ужасные потрясения и теперь Западу остается только прибрать к рукам ее энергетические ресурсы. Интеграция России с Западом

означала, что со временем она станет частью глобальной системы, в которой ей придется следовать тем же правилам, что и другим странам. Темерко считал, что США и Россия заключили некий пакт о ненападении, и теперь Путин и его люди могли вести себя так, как им заблагорассудится.

Между тем Кремль забирал под контроль новые значительные денежные потоки, что однажды могло бы позволить ему помериться силами с Западом. Государственный захват нефтяного сектора продолжился летом 2006 года, когда «Роснефть» провела первичное размещение акций на западных рынках на сумму в 10,4 миллиарда долларов. К тому моменту компания стоила уже около 80 миллиардов – до приобретения «Юганскнефтегаза» ее стоимость не превышала 6 миллиардов. ВР урвала кусок за миллиард долларов, другие международные нефтяные компании также приобрели внушительные доли. Мировые инвесторы не сомневались, что Кремль и далее будет поддерживать «Роснефть» в ее желании забрать остатки ЮКОСа, а цены на нефть будут стремительно расти. Все это служило легитимации путинского режима, способствовало дальнейшей интеграции в рынки Запада и усиливало влияние Кремля. В перспективе открывались безграничные возможности.

— Раньше им хотелось просто кофе и, возможно, салат, – сказал Темерко. – Но когда принесли салат, выяснилось, что они готовы съесть все, что предлагается. Аппетит приходит во время еды, – усмехнулся он.

В 2007 году остатки ЮКОСа ушли с молотка, а западные нефтяные компании и финансовые институты этому лишь поспособствовали. Фактически Путину и его людям было предоставлено удобное прикрытие. Во-первых, не российское

государство, а консорциум западных банков, возглавляемый французским Société Générale, подал в 2006 году заявление о банкротстве ЮКОСа на 482 миллиона долларов непогашенных займов. И хотя о банкротстве заявили западные банки, за процессом стояли «Роснефть» и Кремль. Лондонский адвокат Тим Озборн, представлявший интересы осажденного «Менатепа», сказал, что западные банки, несомненно, действовали в интересах «Роснефти». И, конечно, через три дня после подачи заявления именно «Роснефть» выкупила у них невыплаченные долги.

Другой консорциум западных банков предоставил «Роснефти» рекордный заем на 22 миллиарда долларов, а три крупные нефтяные компании, несмотря на протесты «Менатепа» и заявления о том, что торги – это настоящий грабеж, обеспечили легитимность процесса. На первых торгах по банкротству 9,4% акций ушло в пользу «Роснефти», а ТНК-ВР – совместное предприятие, наполовину принадлежащее ВР, остановило свое участие уже через десять минут после начала аукциона, чтобы дать «Роснефти» сделать последнюю ставку. Затем, когда на продажу выставили газовые активы ЮКОСа, итальянские энергетические гиганты Eni и Enel сделали ставку в 5,6 миллиарда долларов и тут же передали контроль «Газпрому» – в рамках договора с газовым гигантом. В обоих случаях иностранные участники, по оценкам маркетологов, пытались завладеть частью российского энергетического сектора и потому действовали в интересах государства. В тот момент они искали расположения Кремля.

— Кремль хотел, чтобы компании типа Eni и ВР участвовали в торгах, потому что, несмотря на разгром ЮКОСа, нужно было показать, что международные нефтяные компании

выстраиваются в очередь за право войти в энергетический сектор России, – сказал главный стратег Альфа-Банка Крис Уифер.

По завершении разгрома ЮКОСа государство взяло под контроль 55% национальной нефтедобычи. Это ознаменовало экономический разворот: когда Путин пришел к власти, 80% этого сектора находилось в частных руках. Некоторые западные юристы и банкиры, оказавшие помощь Кремлю, отчаянно пытались оправдаться.

— На налоговом фронте Ходорковский вел себя чрезвычайно агрессивно, – сказал Франк Куилаарс, возглавлявший тогда нефтегазовый международный отдел в ABN Amro – не существующий уже нидерландский банк, который щедро финансировал «Роснефть» в момент захвата ЮКОСа. – Он пытался максимизировать возврат средств и использовал каждую лазейку в законе. Это не было противозаконным, но игра была на грани.

Пока западные юристы и банкиры, воспользовавшись ситуацией с захватом ЮКОСа, набивали свои карманы, реальность, в которой оказался Ходорковский, оказалась довольно мрачной. Почти каждый день в течение одиннадцати месяцев его, закованного в наручники, приводили в один и тот же зал судебных заседаний в Москве, заставляли отсиживать долгие часы и выслушивать свидетельские показания, а Кремль, стремящийся всеми способами доказать легитимность процесса, предъявлял все новые обвинения. Однако все эти показания не выдерживали критики – это подтверждали даже западные банкиры, помогавшие Кремлю в отъеме активов компании. Одно обвинение строилось на приватизации Ходорковским

компании «Апатит» в 1994 году. Огромный завод по производству удобрений располагался на Крайнем Севере, в состав предприятия также входил научно-исследовательский институт, который он приобрел годом позже. Это были первые крупные приватизации, в которых участвовала группа Ходорковского «Менатеп». И пока адвокаты доказывали, что эти обвинения не имеют под собой ни фактической, ни юридической основы, по этому делу скоро заканчивался десятилетний срок давности. Второе обвинение строилось на использовании налоговых убежищ на территории России в 1999 и 2000 годах, что прокуратура сочла нарушением закона. Однако такие схемы практиковались также другими крупными нефтяными компаниями и не являлись нарушением законов того времени. Как заявляли юристы, Ходорковский стал мишенью, а обвинения были предъявлены задним числом.

Когда ему наконец предоставили слово, он разразился длинной тирадой и детально опроверг все обвинения.

— Нет ни одного, подчеркиваю, вообще ни одного документа, равно как ни одного свидетельского показания, которые указывали бы на мои противоправные действия или на получение нами с Платоном средств из криминальных источников, — сказал он. — Два года бесчеловечных трудов прокуратуры — и нулевой результат!

Он заявил, что дело было инициировано как показательный процесс ради прикрытия экспроприации ЮКОСа государственными чиновниками в погоне за наживой.

— Вся страна знает, почему меня посадили в тюрьму — чтобы я не мешал разграблению компании. При этом люди, организовавшие гонения на меня лично, пытались напугать власть и общество моими мифическими политическими

амбициями. Когда говорят, что «дело ЮКОСа» способствовало укреплению роли государства в экономике, это вызывает у меня лишь горький смех. Те люди, которые заняты сегодня расхищением активов ЮКОСа, не имеют никакого отношения к российскому государству и его интересам. Это просто нечистоплотные своекорыстные бюрократы.

Он завершил свою страстную речь воззванием к чувству справедливости судей, заявив, что, конечно, такой «прямой и неприкрытый обман суда прокурором» не пройдет:

— Я верю в то, что моя страна, Россия, будет страной справедливости и закона. И потому суд должен принять решение на основе справедливости и закона.

Но несмотря на то, что, казалось, тройка судей слушала его речь внимательно и даже делала пометки, решение было predetermined.

В рассказе очевидца впервые подробно было описано, как именно Сечин и один из его заместителей участвовали в процессе и контролировали каждый этап. Чтобы гарантировать нужное решение, Кремль отправил судей в подмосковный санаторий и оплатил все расходы, чтобы они там написали свой вердикт. В те дни в Кремле по-прежнему не были уверены в их лояльности. Именно в этот момент под давлением Кремля обрушилась вся судебная система. Нужно было сделать так, чтобы бизнес-партнеры Ходорковского не смогли подкупить судей и смягчить приговор. В санатории агенты спецслужб не сводили с судей глаз.

Сечин и его заместитель в администрации президента генерал ФСБ Владимир Каланда, жена которого, по чистой случайности, конечно, была вице-президентом «Роснефти» по правовым вопросам, пристально наблюдали за ситуацией. Когда

одна из судей отказалась ехать в санаторий в сопровождении полиции, Каланда наведлся к председателю Мосгорсуда Ольге Егоровой, работавшей в судебной системе с советских времен, и напомнил, что ее подчиненные должны выполнять все указания начальства.

За месяц в санатории судьи так и не смогли закончить с вердиктом – выяснилось, что пожеланиям Кремля хоть как-то соответствовала лишь часть решения. В дело вмешалась Егорова и велела коллегам отбросить все сомнения. По свидетельствам очевидца, одна из судей заговорила о безосновательности обвинений, но Егорова с самого начала знала, как должен выглядеть вердикт.

— Если я приняла решение, я никогда его не изменю, — сказала она коллеге.

Мосгорсуд отказал в рассмотрении свидетельств этого очевидца, назвав его показания «выдумкой», не требующей комментариев. И когда наконец вердикт был зачитан в суде, выяснилось, что он мало чем отличался от обвинений прокуратуры. Выглядело так, словно текст скопировали из прокурорских бумаг. Решение включало массу свидетельских показаний, которые прокуроры цитировали дословно. Судьи отвергли все аргументы защиты, за исключением обвинения, связанного с приватизацией «Апатита», по которому вышел срок давности.

— Ощущение такое, что это просто несколько видоизмененные слова прокурора, — качая головой, сказал пожилой отец Ходорковского, услышав первую часть вердикта.

— Суд полностью встал на сторону прокуратуры, — прокомментировал один из адвокатов Ходорковского.

Вердикт, который судьи зачитывали в течение двенадцати бесконечных дней, был суровым. Ходорковского приговорили к девяти годам лишения свободы за уход от налогов, обвинение было предъявлено задним числом. Один пункт обвинения в мошенничестве был связан с приватизацией НИИ «Апатит» в 1995 году, и по нему еще не вышел срок давности.

И хотя решение было predetermined, оно стало для всех шоком. В зале суда слышались рыдания. Жена Ходорковского едва сдерживала эмоции. Сам он был бледен как мел – словно не ожидал такого, словно надеялся, что кремлевская машина вдруг проявит к нему снисходительность или что справедливость восторжествует. И хотя все то время, пока зачитывались остальные части приговора, Ходорковский сидел в клетке и, глядя в потолок, слушал свой приговор, в конце он собрался с силами и выступил с последним протестом. Когда посетители начали выходить из зала, он встал на скамейку и прокричал репортеру «Это противозаконно!» Вооруженные приставы пытались ему помешать, а он кричал: «У вас нет законных оснований!»

Ходорковский, возможно, все еще надеялся на снисхождение, но к моменту рассмотрения апелляции – что произошло через пять месяцев, в сентябре 2005 года – Кремль еще сильнее сжал тиски. Сечин потребовал от Егоровой ускориться с апелляцией: в Кремле нервничали из-за того, что скоро заканчивался семилетний срок давности по делу о мошенничестве с приватизацией НИИ «Апатит». Остальные обвинения предполагали лишение свободы только на четыре, три и полтора года. И хотя в деле было еще одно обвинение в мошенничестве с использованием векселей для налоговых схем, срок давности по которому тоже составлял семь лет,

Кремль, по-прежнему озабоченный приданием легитимности этому процессу, опасался, что он выглядит не слишком законно. Дело против Ходорковского должно было восприниматься как торжество правосудия – только тогда отъем «Юганскнефтегаза» был бы оправдан. Егоровой пришлось состряпать апелляционное решение до истечения срока давности по «Апатиту», иначе Кремлю грозил бы иск в Европейский суд по правам человека.

С самого начала апелляционного суда Сечин ежедневно вызывал Егорову в свой кремлевский кабинет. Она появлялась там так часто, что охранники уже узнавали ее в лицо. Сечин вместе с заместителем главы администрации Виктором Ивановым, пристально отслеживающим ход дела ЮКОСа, постоянно намекал Егоровой, что вердикт по обвинениям в мошенничестве нужно вынести как можно скорее. Они опасались, что в случае истечения срока давности число обвинений уменьшится и Ходорковский сможет выйти на свободу до начала президентских выборов в 2008 году. А тогда весь процесс с захватом ЮКОСа может быть пересмотрен. Их так напугали прошлогодние события в Украине, что теперь они боялись оранжевой революции дома. Они думали, что если Ходорковский освободится раньше, он сможет организовать восстание.

— Через три года тут будет сумасшедший дом, – сказал, по словам очевидца, Сечин Егоровой. – Осужденный должен быть в тюрьме.

В первый день судебного заседания, 14 сентября, никто из команды защитников Ходорковского не явился. У Сечина случился нервный срыв. Ходорковский заявил суду, что ведущий адвокат попал в больницу. Егоровой ничего не оставалось,

кроме как отложить заседание до 19 сентября. Разъяренный Сечин снова вызвал ее в Кремль и распорядился начать процесс без защиты. Егорова упорствовала, ее вызвали во второй раз. Иванов и заместитель генпрокурора потребовали ускорить процесс. В Москве прошел слух, что партнеры Ходорковского из «Менатеп» дали ей взятку в миллиард долларов, чтобы отложить слушания и развалить дело.

Эти слухи сыграли злую шутку. Егорова не могла допустить, чтобы Кремль обвинил ее в коррупции, но продолжала настаивать на том, что Ходорковский имеет право на защиту. Однако Сечину и главе администрации Дмитрию Медведеву она пообещала, что в любом случае осудит Ходорковского на восемь лет заключения – с вычетом одного года.

— Всю ответственность за это дело я беру на себя. Если я вас подведу, то уволюсь. Меня это все достало, – сказала она.

Слушания продолжались, несмотря на отсутствие главного защитника Ходорковского Генриха Падвы. Напряжение росло. По-прежнему ходили слухи о том, что Егорова получила взятку.

— Тогда пусть меня арестуют, – ответила она. – Пусть делают что хотят. Никогда меня так не оскорбляли. Я дам ему восемь лет, чтобы вы не думали, что я взяточница, – сказала она Сечину и Медведеву.

В последний момент Ходорковский согласился заменить Падву другим адвокатом. Слушания завершились за один день. Это было 22 сентября.

Команда защитников Ходорковского не один раз пыталась опротестовать столь стремительное рассмотрение дела.

— Мы имеем дело не с прокурорами и не с судьей. Это вся мощь государственной машины, – сказал ведущий адвокат. – То, что происходит здесь, продиктовано политической властью.

Дело первой инстанции было изложено на шестистах страницах, и защита жаловалась, что ей не дали достаточно времени на доскональное изучение томов. Но судьи настаивали на продолжении. Ходорковский начал выступать с заключительным словом, но через час его прервали.

— У нас есть все документы. Фактически мы готовы вынести приговор, — сказали судьи.

Было уже 19.20, обычно суды прекращают работу гораздо раньше. Судьи позволили Ходорковскому продолжать еще час, но его речь не имела значения. Все уже было решено. Они вышли в совещательную комнату и буквально через минуту вернулись для оглашения вердикта: восемь лет, как и обещала Егорова. На тот момент срок давности по мошенничеству еще не истек.

Ходорковскому и его бизнес-партнеру Платону Лебедеву предстояло отправиться в неизвестную пока исправительную колонию. Бледного и измученного Ходорковского вывели из зала суда, на этот раз он воздержался от выражения протеста. Его родители Борис и Марина плакали и махали ему. Через три недели в вагоне без окон его повезли по степям на край земли — в уранодобывающий город Краснокаменск на востоке Читинской области. Двумя столетиями ранее туда отправляли декабристов.

Этот суд изменил путинскую Россию. Давление, которое Сечин оказывал на судей, скорость, с которой рассматривалась апелляция, отсутствие оснований для обвинений — все это безвозвратно вернуло судебную систему под контроль силовиков. Если раньше судьи из-за низких зарплат были

вынуждены брать взятки у олигархов, то теперь в игру вступил Кремль.

— Это было дело государственного значения, — сказал Путин Егоровой.

Он поздравил ее и поблагодарил за проделанную работу, об этом рассказывал очевидец. Путин оправдывал стремительный суд над Ходорковским так: «Страной правил иностранный капитал, и потому повсюду царил хаос». Кремль рисовал олигарха и его соратников агентами Запада, готовыми заплатить 10 миллиардов долларов, чтобы вмешаться в процесс. Эти заявления не были подкреплены фактами и являлись частью изощренной и продуманной лжи.

Кремль стремительно расширял сферу контроля. Суд над Ходорковским ознаменовал начало так называемого ручного управления: механика всех процессов оставалась под жестким контролем Кремля. Путин всегда утверждал, что дело ЮКОСа не имеет отношения ни к нему, ни к политической власти страны. Однако с самого начала каждый шаг и каждое решение находились под пристальным вниманием его соратников. Захват судебной системы строился на обвинениях и слухах о взяточничестве судей. Судьи же, стремясь опровергнуть такие заявления и доказать свою лояльность Кремлю, выносили вердикты в пользу государства.

В советские времена все были под подозрением, за всеми наблюдали, а коллеги доносили друг на друга. И эта паранойя никуда не делась. Страна скатывалась во времена «своих» и «чужих», во времена страха перед внешним врагом, угрожающим подорвать систему. Однако судей развратил сам Кремль. Мужа одной из судей в день его рождения подкараулили у дома, отвезли в салон «Субару» и велели

выбрать себе машину. Все понимали, что такую машину он не мог приобрести на свою зарплату. Все понимали, чем занимается его жена и какое дело она только что закончила рассматривать. Все понимали, что это взятка, и как бы ни протестовал муж судьи, выбора у него не было. Такими методами действовал Кремль, приручая и развращая потенциальных союзников. Время шло, режим Путина и укреплялся, и масштабы таких «подарков» стремительно росли.

Для Егоровой тот суд стал поворотной точкой: ее муж стал генералом ФСБ, а она обрела репутацию «железной леди» правовой системы и установила жесткий контроль над судами. В случае отказа следовать ее инструкциям она угрожала судьям потерей работы и жилья.

Страна возвращалась во времена ГУЛАГа. Советская система «телефонного права» заработала снова. Кремль подмял под себя правовую систему. Власть спецслужб укреплялась. Ходорковский, когда-то самый богатый человек страны, прозябал в исправительной колонии Краснокаменска. А Запад оказался соучастником этого процесса.



Инаугурация Владимира Путина (Андреевский зал Кремля) — май 2000 г.
Продолжительные аплодисменты. (Фото: AFP via Getty Images)



Более сотни заложников погибли после распыления неизвестного газа во время штурма спецназом зала московского Театра на Дубровке. Октябрь 2002. (Фото: Антон Денисов/AFP via Getty Images)



Согласно рассказу одного из приближенных лиц, захват огромного количества заложников на Дубровке и неконтролируемое развитие событий повергли Путина в панику. (Фото: AFP via Getty Images)



Золотые времена ближайших соратников Путина. Пугачев встречал высокопоставленных друзей у себя в гостях на широкую ногу. На фото Тихон Шевкунов, Игорь Сечин и Николай Патрушев.



Владимира Путина и его жену Людмилу встречали с большим почетом во время государственного визита в Великобританию в 2003 году. В это же время в России началась расправа над самым богатым человеком — Михаилом Ходорковским.

(Фото: Pool photographer, Corbis/ Corbis via Getty Images)



Родственники погибших в спортзале бесланской школы, которую захватили и заминировали вооруженные чеченские террористы. Тогда погибло 330 заложников, преимущественно дети. (Фото: Shutterstock)



Переговоры об освобождении заложников в Беслане зашли в тупик. После серии взрывов российский спецназ начал штурм школы с применением огнеметов. До сих пор неизвестно, почему начались взрывы. (Фото: Shutterstock)



Семен Могилевич 18 месяцев провел в заключении по обвинению в уклонении от уплаты налогов в особо крупном размере. Он был связующим звеном между российскими спецслужбами и организованной преступностью и стоял за теневыми схемами отмывания на Западе денег, принадлежащих российской организованной преступности. (Фото: Алексей Филипов/TASS via Getty Images)



Рейд московского ОМОНа на загородный дом Сергея Михайлова, предполагаемого главы солнцевской организованной преступной группировки в 2002 году. Впоследствии никаких официальных обвинений предъявлено не было. (Фото: Kommersant Photo Agency/SIPA USA/PA)



Владимир Якунин принял православие одним из первых среди приближенных Путина. И это после неустанной борьбы с религией в Советском Союзе в рядах КГБ.
(Фото: Михаил Мецел/TASS via Getty Images)



Российский миллиардер Роман Абрамович стал знаменит в мире английского футбола после покупки футбольного клуба «Челси» в 2003 году. (Фото: AMA/Corbis via Getty Images)



Путин обронил слезу, объявив себя победителем на президентских выборах 2012 года. Ранее, когда после четырех лет относительно либерального правления Дмитрия Медведева Путин объявил о намерении баллотироваться в президенты, в России прошли первые серьезные протесты. (Фото: Наталия Колесникова/AFP via Getty Images)



На третьем сроке правления Путина личные состояния его близких друзей (например, Геннадия Тимченко) продолжали расти как на дрожжах. (Фото: Sasha Mordovets, Getty Images)



Дональд Трамп в своем казино «Тадж-Махал» в Атлантик-Сити (штат Нью-Джерси, США) за несколько недель до открытия. Любимое место встреч российского криминалитета. (Фото: Joe Dombroski/Newsday RM via Getty Images)



Дональд Трамп вместе с Тевфиком Арифом и Феликсом Сатером, советскими эмигрантами и учредителями девелоперской фирмы «Бэйрок Групп» (Bayrock Group), специализирующейся на элитной недвижимости в Нью-Йорке. (Фото: Max von Holden/WireImage)

ЧАСТЬ 3

Глава 10

Общак

Пока Москва летом 2004 года с ужасом следила за расправой над ЮКОСом, на фондовой бирже прошла серия странных транзакций, на которые почти никто не обратил внимания. Акции малоизвестной принадлежащей «Газпрому» страховой компании «Согаз» были проданы тремя траншами: 49,95%, 26% и 12%. По сути, сделка не выглядела значимой. Оказалось, что эти акции купили по сниженной стоимости три загадочные компании, связанные с банком «Россия». Когда-то он служил коммунистам для перекачки средств на Запад, а затем его использовали соратники Путина из КГБ.

Транзакции прошли незаметно, без обсуждений в правительстве и указов, которыми должны сопровождаться подобные продажи государственных активов. Годами правительство думало о том, что делать с «Согазом» и другими финансовыми активами «Газпрома». Но вместо аукциона и вливания средств западных инвестиционных банков, как планировало правительство Касьянова, состоялась незаметная продажа.

— Тот факт, что «Согаз» продали так быстро и по такой низкой цене, стал для нас неожиданностью, — сказал замминистра по энергетике в кабинете Касьянова Владимир Милов. — Мы это никогда не обсуждали. С уходом Касьянова подобным сделкам был дан зеленый свет. Вопрос о том, что компанию продадут каким-то доверенным лицам, вообще

никогда не поднимался. Но тогда я не понимал, что продажа «Согаза» стала лишь началом новых масштабных процессов. А это была лишь страховая компания.

Продажа «Согаза», как выяснилось, открыла серию транзакций, через которые в банк «Россия» потекли десятки миллиардов долларов из финансовых, промышленных и медийных активов, когда-то принадлежавших «Газпрому». Банком управлял приятель Путина со времен работы в Петербурге Юрий Ковальчук. Эти транзакции также прошли незамеченными. Все эти операции служили формированию огромного *общака* для стратегических и личных нужд Путина. Тогда же образовалась и новая каста олигархов: все они были связаны с Путиным по петербургскому КГБ, а основные акционеры банка «Россия» оказались еще и знакомыми по дачному кооперативу «Озеро».

Пока Путин выдавливал олигархов эпохи Ельцина, расправлялся с Ходорковским и угрожал остальным их истреблением как класса, вокруг Ковальчука объединились лояльные Путину люди из КГБ, готовые заменить ельцинских олигархов во время второго срока президентства. Они начали зарабатывать на внутренних сделках – вначале незаметно, а затем и открыто. Например, банк «Россия» благодаря трансферам из «Газпрома» превратился из обычного регионального банка в серьезный финансовый институт власти со щупальцами по всей России. С 2004 года его активы выросли в сорок раз и за восемь лет достигли 8,9 миллиарда долларов. Благодаря этим трансферам банк «Россия» также получил в управление третий крупнейший банк страны – Газпромбанк, где хранились активы газового гиганта на десятки миллиардов долларов.

Эти сделки были бы невозможны, если бы в самом начале президентства Путина его люди не забрали «Газпром». Как только Путин решил, что замена старого кабинета министров на своих питерских сторонников является делом первостепенной важности, в распоряжении его ближнего круга оказались огромные денежные потоки и финансовые активы. Это открывало безграничные возможности. Если бы в правительстве остались либералы эпохи Ельцина типа Касьянова и Волошина, продажа этих активов никогда бы не состоялась.

— Раньше все нужно было обсуждать, — сказал Владимир Милов. — Но в какой-то момент во время второго срока Путина группа из Санкт-Петербурга забрала то, что отчаянно не хотела отдавать московская группа.

Один за другим люди Путина брали под управление целые сектора экономики, подминали под себя судебную систему, федеральную налоговую службу и другие правительственные подразделения, до которых раньше не могли дотянуться.

Это стало частью процесса, названного «Кремль Инкорпорейшн»: во время своего второго срока Путин передал управление стратегическими секторами экономики своим самым лояльным соратникам. Когда его окружение взяло под контроль не только энергетические гиганты «Газпром» и «Роснефть», но и другие государственные компании, процесс стал очевиден. Первой ласточкой была компания «Аэрофлот», когда-то принадлежавшая Семье Ельцина. К концу 2004 года ее возглавил заместитель руководителя администрации президента Виктор Иванов. Затем пришла очередь «Российских железных дорог» (РЖД) — огромной империи с 1,3 миллиона сотрудников и выручкой почти в 2% ВВП. В июне 2005 года президентом РЖД был назначен отставной офицер КГБ, главный акционер

банка «Россия» и член дачного кооператива «Озеро» Владимир Якунин. Прибывший из Вены Андрей Акимов, в прошлом – служащий советского госбанка со связями во внешней разведке, возглавил Газпромбанк. Бывший советский дипломат Андрей Костин получил в управление Внешторгбанк (ВТБ) – преемник советского внешнеторгового банка. В 2004 году Путин назначил коллегу по работе в Дрездене Сергея Чемезова главой государственного агентства по экспорту вооружений «Рособоронэкспорт».

— Теперь здесь всем распоряжаются люди из КГБ и финансисты КГБ, – с гордостью сказал один из ключевых участников действия. – В конце концов они забрали себе то, что было заработано на первой волне капитализма.

— Олигархи 1990-х годов перестали быть олигархами и снова стали бизнесменами. Теперь у нас олигархия чекистов, – с сарказмом заметил лидер политической оппозиции Борис Немцов.

Но быстрее всех богатели акционеры банка «Россия», хотя об этом мало кто знал. На тот момент в их число входил и Геннадий Тимченко, который после ареста Ходорковского и перехода ЮКОСа к сечинской «Роснефти» начал продавать ту нефть, которой раньше торговал ЮКОС, через новую зарегистрированную в Швейцарии фирму Gunvor. Акционеры банка «Россия» превратились в элиту близкого окружения Путина. В течение второго срока президентства банк стремительно развивался, и одновременно увеличивались жилища акционеров. В основном они теперь селились на Каменном острове в дельте Невы, где когда-то жили советники царя. Дворцовый комплекс роскошных таунхаусов, опоясанный широким рвом с висячими мостами, находился под постоянной

охраной. Новые обитатели обновленных особняков – финансовые придворные – примеряли мантии современных аристократов: облачались во фраки и красовались на закрытых балах в своих роскошных поместьях с женами и подругами в бальных платьях времен Екатерины Второй. Поп-звезды, которых нанимали для выступлений, не знали, кто будет их публикой, а гонорары выплачивались бриллиантовыми кольцами, наручными часами и иконами, то есть ценными вещами, не оставляющими финансовый след.

История стремительного взлета банка «Россия» во время второго срока Путина красноречиво свидетельствует о формировании кремлевского *общака*, деньги из которого шли и на личные нужды Путина, и на поддержку клана КГБ. Как и в случае с резервными фондами для Путина и его питерских соратников, созданными в начале 1990-х годов в Лихтенштейне и других странах, грань между личными и стратегическими нуждами была размыта. Например, перевод акций «Согаза» стал началом процесса, в результате которого в руках лояльного Ковальчука оказалась национальная медиаимперия и укрепились стратегическая медиа-монополия Кремля. Появились средства, которые можно было потратить, например, на строительство дворца для Путина на Черном море. Сотни миллионов долларов, спрятанных в стоящих за банком «Россия» компаниях, казалось, вели прямо к Путину. По словам финансиста, работавшего с такими схемами, эти деньги были частью его личного состояния.

Первым, кто приоткрыл завесу тайны и рассказал, как работает система, был Сергей Колесников – человек из узкого круга финансистов, занятых в операциях банка «Россия». Его

интересовало, каким образом стремительный рост банка связан с явным отсутствием системы сдержек и противовесов.

— Я с большой радостью встретил приход Путин к власти, — сказал он. — Мы все считали, что в роли президента он наведет порядок в стране. В первые три года я его поддерживал: все, что он делал, было правильно. Даже когда Ходорковского швырнули в тюрьму, я считал, что и это было правильно. Но после переизбрания в 2004 году до меня вдруг дошло, что теперь он будет править вечно. [...] Они заполучили контроль над медиа, а потом, через дело Ходорковского, — и над бизнесом. Затем расчистили политическое пространство — отменили выборы губернаторов и мэров крупнейших городов. Это было их главной задачей. Теперь у независимых людей не было шансов появиться и развиваться.

Колесников говорил, что правление Путина превратилось в царствование: царь сидел на троне и управлял феодальной экономикой. Олигархов эпохи Ельцина усмирил суд над Ходорковским — они боялись, что подобная судьба может постичь любого из них. Колесников понимал, что Путин, несмотря на свои обещания ликвидировать олигархов как класс, сделал новой олигархией людей из банка «Россия».

Колесников и сам был раньше одним из них. Он досконально знал, как работала система Путина. Он жил на Каменном острове среди акционеров банка «Россия». Заметив, что перекачка активов из «Газпрома» резко возросла, он ужаснулся:

— Как только вы получаете контроль над финансовыми ресурсами, остановиться уже невозможно. Это закон бизнеса.

К осени 2010 года он понял, что терпеть это больше не может. Налегке, с одной сумкой, прихватив флешки с документацией по всем транзакциям, которые проводил для

людей Путина, он вышел из своего таунхауса на Каменном острове, приехал в аэропорт, купил билет до Турции, а оттуда полетел в США. Документы, которые он забрал, давали представление о том, как выглядит президентский *общак*.

Колесников начинал как ученый-физик. В советские времена он трудился в секретном научно-исследовательском институте над разработками медицинских и прочих приборов. Два человека, с которыми он потом начал бизнес, работали в той же области. Первым был Дмитрий Горелов, на тот момент – главный резидент КГБ в Дании; Путин тесно сотрудничал с ним в Дрездене, когда занимался контрабандой технологий через западное эмбарго. Другим человеком был Николай Шамалов, еще один друг Путина, представитель немецкого технологического гиганта Siemens в Петербурге. Эту компанию в те времена буквально осаждала советская агентура: кагэбэшникам необходимо было организовать поставки оборудования двойного назначения.

— Понятно, что они были знакомы еще до девяностых годов, – сказал Колесников. – Однако совать нос в такие вещи было нельзя.

Колесников, Горелов и Шамалов открыли бизнес в начале 1990-х годов. Они учредили компанию «Петромед», которая поставляла медицинское оборудование Siemens в больницы Санкт-Петербурга, и входили в число близких друзей Путина – особенно Шамалов из дачного кооператива «Озеро». Благодаря их деятельности были возобновлены старые связи с КГБ.

— Фрагменты этой системы уцелели, – сказал бывший офицер КГБ, работавший с Путиным в Петербурге. – Одной из них была команда Путина.

Когда Путин стал президентом, «Петромед» превратился в центр сбора сотен миллионов долларов пожертвований якобы на закупку медицинского оборудования от Siemens и General Electric для Военно-медицинской академии. К пожертвованиям олигархи относились как к неизбежной мзде новому царю. По словам Колесникова, часть этих средств позже ушла в резервный фонд путинского правления. Именно большой приток этих денег обусловил стремительный рост банка «Россия». Банк приобрел принадлежавшую «Газпрому» страховую компанию «Согаз», Горелов и Шамалов стали акционерами банка, а председателем – Маттиас Варниг. Это свидетельствовало о том, что старые сети КГБ Путина не просто сохранились, а возродились и через перекачку средств «Газпрома» получили в распоряжение десятки миллиардов долларов.

Спустя много лет Колесников рассказал мне о своей работе с Шамаловым и Гореловым. «Пожертвования» для «Петромед» перекачивались через сеть офшорных компаний – от Лихтенштейна и Британских Виргинских островов до Панамы. К тому моменту Колесников уже вышел из бизнеса и, пребывая все еще в шоке от увиденного, делился с миром ужасными секретами. 35% одного такого пожертвования – из 203 миллионов долларов, перечисленных Романом Абрамовичем в июле 2001 года, – «Петромед» перевел компании Rollins International, зарегистрированной на Виргинских островах, а 50 миллионов ушло в панамскую компанию Santal Trading, которую Колесников называл «сейфом». Пресс-атташе Абрамовича утверждал, что деньги предназначались для покупки медицинского оборудования и шли на благотворительность. Колесников и сам подтвердил в серии интервью, что Абрамович мог не знать о том, каким

образом используются его средства. «Сейф» был хранилищем, из которого извлекались средства на расширение банка «Россия», а деньги из Rollins International ушли на покупку 12,6% акций банка «Россия», что и предопределило его стремительный рост. Вначале, как утверждал Колесников, Rollins выплатил дивидендами Горелову и Шамалову 22,3 и 21,8 миллиона долларов соответственно, и они использовали их на покупку акций. Затем летом 2004 года Santal перевел займами и векселями 18 и 41 миллион долларов двум малоизвестным компаниям «Акцепт» и «Аброс», которые были связаны с банком «Россия». Банк же использовал наличность, чтобы приобрести 13,5% и 51% акций «Согаза» соответственно. Еще 12,5% акций было приобретено через инвестиционную группу «Лирус», во главе которой стоял Колесников.

По сравнению с десятками миллиардов долларов, которыми оперировало окружение Путина, эти суммы могли показаться незначительными. Однако именно те трансферы положили начало созданию огромного запаса активов. Приобретение «Согаза» запустило примечательный процесс: как только фирма перешла в руки людей Путина, ее прибыли резко подскочили, и крупнейшие государственные компании поспешили стать ее клиентами. Теперь «Согаз» работал не только для «Газпрома», а обслуживал также «Роснефть», РЖД и других крупных клиентов. Клан Путина расширялся: во главе совета директоров «Согаза» встал сын министра обороны и соратника Путина по Петербургу Сергея Иванова. К 2006 году доходы компании увеличились более чем втрое.

Затем «Согаз» стал плацдармом для розыгрыша еще более смелой партии. В августе 2006 года через серию сделок было приобретено 75% акций компании с непонятным названием

Leader Asset Management, сумма сделки не разглашалась. Эта компания занималась активами пенсионного фонда «Газпрома» – «Газфонда», в этом крупнейшем пенсионном фонде страны хранилось более 6 миллиардов долларов. Компания получила также в распоряжение 3% акций «Газпрома», на тот момент на сумму 7,7 миллиарда долларов. Главой «Газфонда» назначили сына Шамалова Юрия.

Как только с этим было покончено, банк «Россия» захватил более крупную добычу. Это было проведено через «Газфонд». И снова сделка прошла почти незамеченной. Не было аукциона и торгов, никто не привлек западные инвестиции, как когда-то предлагало правительство Касьянова, сделка стала простым обменом активов. Это произошло уже ближе к концу второго срока Путина. «Газпром» выменял свою долю в «Мосэнерго» – поставщике электричества, который оценивался в 1,8 миллиарда долларов, – на контрольный пакет акций Газпромбанка, а затем передал его компании Leader Asset Management, принадлежавшей банку «Россия». Теперь Банк «Россия» контролировал третий по величине банк страны. Этого практически никто не заметил.

— «Газпром» отдал это бесплатно, просто так, – сказал Милов.

Выглядело так, словно контроль над третьим по величине банком страны передавался банку «Россия» через матрешечные схемы. Это была искусная сделка: конечный выгодоприобретатель терялся в хитросплетениях схем, а сами манипуляции привлекли минимум внимания. Позже «Газпром» заявил, что обмен активами прошел в соответствии с рыночной оценкой банка «Дрезднер». При этом сам «Газпром» через несколько месяцев оценил Газпромбанк в 8 миллиардов, тогда

как сумма сделки составляла 1,8 миллиарда. Во времена правления Путина прибыли банка стремительно росли – вскоре его стоимость удвоилась.

В ходе сделки «Газпром» безвозмездно передал также свои промышленные и медийные активы стоимостью в десятки миллиардов долларов, например, приобретенные им федеральные СМИ, в том числе отобранный у Гусинского канал НТВ. За год до этого «Газпром» продал свои медийные активы Газпромбанку за 166 миллионов долларов, а через два года, когда медиаимперия уже была в надежных руках Ковальчука и банка «Россия», глава администрации Путина Дмитрий Медведев оценил эти активы в 7,5 миллиарда. В результате Ковальчук стал крупнейшим медиамагнатом страны – главой так называемого медийного конгломерата «под частным управлением». Империя расширялась, теперь ей принадлежал Первый канал, которым ранее владел Березовский, а также каналы СТС, РЕН ТВ, популярная газета «Известия», самый читаемый таблоид «Комсомольская правда» и любимая радиостанция интеллигентов «Эхо Москвы». В ходе таких операций выстраивалась пропагандистская машина Кремля.

Затем был «Сибур» – крупнейшая нефтехимическая компания, в которой доля «Газпром» составляла 75%, а «Газфонда» – остальные 25%. Через год после передачи Газпромбанка банку «Россия» за 1,8 миллиарда долларов «Сибур» оценивалась в 4–5 миллиардов, прибыль – в 6 миллиардов, а операционная прибыль – в 1,2 миллиарда. И опять передача компании банку «Россия» прошла незамеченной. В 2011 году банк «Россия» передал «Сибур» двум близким к Путину бизнесменам – Геннадию Тимченко

и Леониду Михельсону, стоимость сделки не разглашалась. Газпромбанк заявил, что оценил компанию в 7,4 миллиарда.

По оценкам Владимираилова, такая перетасовка акций помогла незаметно выкачать из государственного «Газпрома» 60 миллиардов долларов и передать их в распоряжение банка «Россия». Некоторые активы затем попали в руки ближайших друзей Путина. Все эти операции не вызвали ни у правительства, ни у акционеров, ни у депутатов никаких вопросов. Подразумевалось, что «Газпром» – это крупнейшая и системообразующая компания страны, главный генератор прибыли, но при этом перетасовка активов проходила без обсуждений и за закрытыми дверями.

— Все финансовые и прочие активы просто раздали. «Газпром» ничего не получил. Фантастическая история, – сказал Милов.

Милов, которому в то время было чуть за тридцать, был одним из самых перспективных чиновников в правительстве Путина во время его первого срока. Но менее чем через год, разочаровавшись, он ушел: реформы, призванные раздробить монополию «Газпрома», всячески саботировались. Он был одним из немногих, кто решился выступать с критикой политики правительства. Учрежденный Миловым независимый исследовательский центр обоснованно критиковал энергетическую политику правительства, а сам он завоевал репутацию проницательного и либерально мыслящего эксперта. В 2008 году, когда правительство все больше скатывалось в клептократию, Милов примкнул к либеральному оппозиционному движению, возглавляемому бывшим вице-премьером Борисом Немцовым. Вместе они написали несколько докладов о недостатках режима Путина, один из них назывался

«Путин и «Газпром» и рассказывал о перекачке активов газового гиганта.

В те дни критика Милова была гласом вопиющего в пустыне – он почти кричал о чудовищных масштабах перекачанных активов. Постепенно все уровни власти заполнялись людьми Путина, а расследованиями сомнительных трансферов занимались инвестиционные банки и отдельные инвесторы. В ходе нашего разговора Милов то и дело сетовал на иронию судьбы: как утверждали люди Путина, они забрали «Газпром» в надежде положить конец перекачке активов, которой промышляли дельцы времен Ельцина, но, заполучив газовый гигант, качать активы стали гораздо интенсивнее. И это выглядело предельно циничным.

— Предыдущий менеджмент «Газпрома» дробил активы, потому что на то были причины, – сказал Милов. – Они раздавали по льготным ценам те подразделения, которые «Газпром» не мог развивать самостоятельно, но когда в дело вступили люди Путина, они начали раздавать активы беспричинно и почти бесплатно.

Оказавшись на Западе, Сергей Колесников заявил, что у происходящего была единственная причина – Путин сделал «Газпром» своей вотчиной, своим имуществом и использовал его и как геополитический инструмент для укрепления власти Кремля, и как источник денежных средств для своего окружения.

— Вы знаете, кто настоящий владелец «Газпрома»? – спросил меня Колесников. – Тот, кто говорит исполнительному директору Алексею Миллеру, что ему делать, с кем и по какой цене заключать контракты, по какой ставке работать

с «Согазом», кому продать его и кому продать Газпромбанк. Это Путин.

Колесников имел доступ к конфиденциальной информации. Он точно знал, как работала система резервных фондов. Помимо разграбленных активов «Газпрома» все больше средств во вверенной ему системе уходило на персональные нужды Путина, и это его беспокоило. Один из фондов, которым управлял Колесников, планировал перенаправить часть денег из «пожертвований» на инвестиции в реальную экономику, в том числе в судостроительные компании Санкт-Петербурга. Вначале такое перераспределение средств выглядело для Колесникова приемлемым – по крайней мере, хоть какая-то часть денег использовалась на создание рабочих мест и развитие экономики. Однако другая часть пошла на возведение роскошного дворца на побережье Черного моря. Согласно проекту, это должен был быть относительно скромный дом площадью тысяча квадратных метров, но со временем он почему-то превратился в итальянский дворец в четыре тысячи квадратов, с тремя вертолетными площадками, амфитеатром, выходом к морю и чайным домиком с бассейнами, а цена постройки достигла миллиарда долларов. После финансового кризиса 2008 года Путин приказал потратить все оставшиеся в резервном фонде «Петромед» средства на свой дворец, а не на судостроение и другие проекты. С этого момента Колесников стал продумывать план бегства.

— Оказалось, что последние пятнадцать лет я работал по десять часов в день лишь ради того, чтобы строить дворец для царя, – сказал он. – Смириться с этим я не мог. Но когда я стал возражать, они сказали: «Против кого ты выступаешь? Против царя?»

То, что средства пошли на строительство президентского дворца, говорило о том, что сеть вверенных Колесникову компаний непосредственно занималась личными сбережениями Путина – резервный фонд он использовал для собственных нужд. Колесников подозревал, что Шамалов получил указание от Путина увеличить траты на дворец и не инвестировать в реальную экономику. Действительно, финансирование строительства дворца шло через компанию Шамалова.

— Шамалов представлял Путина, – сказал инсайдер. – Именно Шамалов получал указания, на что тратить деньги.

И тут возникает интересный вопрос: если при строительстве дворца Шамалов представлял интересы Путина, то являлись ли его акции в банке «Россия» тоже личным имуществом Путина? Сам Шамалов комментировать это отказался. Об этом рассказал Колесников, но пресс-секретарь Путина Дмитрий Песков назвал его заявления «ерундой»:

— Путин никогда не имел и не имеет связей с банком «Россия», как и не имеет отношения к транзакциям и сделкам в любых офшорных компаниях. Он не имеет отношения к расширению банка.

Если бы средства не тратились на личные нужды Путина, найти следы было бы невозможно.

— Нет никаких документов, свидетельствующих о собственности Путина, – сказал Колесников. – Его специально учили не оставлять следов.

Люди, стоявшие за банком «Россия», проворачивали сделки в строжайшей тайне. Во время встреч они использовали систему прозвищ, чтобы в случае прослушивания никто не понял, о ком идет речь. Путин был Михаилом Ивановичем, как сыщик

в комедии «Бриллиантовая рука», Ковальчук получил кличку Косой.

— Когда они решили придумать прозвища, у него воспалился глаз, поэтому его так и прозвали, — сказал Колесников.

Шамалов стал Профессором — по имени персонажа из романа Михаила Булгакова «Собачье сердце», Алексей Миллер из «Газпрома» — Солдатом, как намек на образцового исполнителя, а Тимченко — Гангреной, поскольку его бизнес с торговлей нефтью стремительно разрастался.

Убегая за океан, Колесников успел прихватить не только документы по транзакциям, но и записи разговоров между членами этой группы. В частности, была записана встреча с Шамаловым в Петербурге, где обсуждалось, кому какие средства принадлежат в резервном фонде компании Rollins International — представительстве «Петромед» на Виргинских островах.

— У Михаила Ивановича 439 миллионов. Это деньги Михаила Ивановича, — произносит Колесников.

Создавалась запутанная система подставных компаний, которые действовали от лица Путина и его комитетчиков. Олигархи эпохи Ельцина своими манипуляциями заставили ослабленный Кремль отдать активы по заниженной стоимости, но Путин создал сеть лояльных подданных, группу хранителей из КГБ, и ее щупальца протянулись на Запад, достигли Лихтенштейна и Монако, а также Панамы и Виргинских островов. Тимченко давно покинул Петербург и теперь обжился в Женеве. Окруженная снежными вершинами Альп и горными хребтами, Женева как часть нейтральной буферной зоны между Востоком и Западом давно служила естественным

укрытием для российских денег и надежно хранила финансовые тайны представителей властных структур мира.

— Город был раем для обоих блоков, — сказал бывший офицер КГБ, работавший ранее в Швейцарии. — Словно ресторан между Чайна-тауном и Маленькой Италией, в котором могут встретиться, пообедать и обсудить дела два мафиози. Самый безопасный ресторан в мире.

Деньги КГБ долгое время прятали в женеvских хранилищах. Банкиры шепотом рассказывали истории о том, как в годы холодной войны советские бизнесмены привозили чемоданы наличности и звонили в банки из телефонных будок. Это были времена секретных счетов, кодовых слов и махинаций, совершавшихся по кивку головы. Теперь, после окончания холодной войны, Женева снова становилась важным форпостом. Именно здесь хранились нефтяные богатства, которыми распоряжались люди Путина из КГБ.

В фешенебельном здании с видом на Женеvское озеро разместилась нефтеторговая фирма Тимченко Gunvor. После захвата Кремлем ЮКОСа Gunvor стал первой компанией, чьи доходы резко возросли. Тогда такое стремительное обогащение оставалось одной из главных загадок в нефтепромышленности. После того, как «Роснефть» Сечина приобрела «Юганскнефтегаз», большую часть экспортных сделок новый государственной нефтяной гигант начал проводить через Gunvor, однако это заметили немногие. Затем, когда подконтрольный государству «Газпром» в 2005 году приобрел у Абрамовича «Сибнефть», крупные контракты «Газпром нефти» также пошли через Gunvor. Другие нефтяные компании, стремящиеся заслужить благосклонность кремлевских властителей, последовали этому примеру. Через четыре года

Gunvor уже имел 30% всего морского экспорта России. Экономический рост компании был столь стремительным, что скрывать это было невозможно: к 2008 году Gunvor стал третьим по величине нефтяным трейдером с доходами 70 миллиардов долларов.

Другие независимые торговцы нефтью, процветавшие в Женеве в годы правления Ельцина, один за другим закрывали фирмы. ЮКОС продавал нефть через женевскую фирму Petroval, в результате чего за границей оседали миллиарды долларов разницы между внутренними и мировыми ценами. И тогда это было для режима Путина большой проблемой. Но теперь нефтяные потоки шли через трейдерскую компанию, принадлежавшую ближайшему соратнику Путина, поэтому проблема исчезла. Лишившись нефти, Petroval, расположенный в двух шагах от офисов Gunvor на центральной улице Rue du Rhône, был вынужден закрыться. Как сказал бывший трейдер из Petroval, «Gunvor забрал все наши баррели».

Очевидно, правительство Путина положило конец торговым схемам с трансфертным ценообразованием девяностых годов, когда товары продавались через посредников и трейдеров по более низким внутренним ценам, а доход обеспечивался разницей с мировыми ценами. Gunvor же свои доходы никому не показывал, и долгое время и сама фирма, и ее основной поставщик «Роснефть» умудрялись избегать каких-либо проверок. До конца 2007 года «Роснефть» вообще не торговала сырой нефтью через открытую систему тендеров. Вначале «маржа была нереальной», – сказал человек, близко знакомый с торговыми операциями Gunvor. Через своих юристов Тимченко заявил, что все контракты с «Роснефтью» компания

получала честным путем «благодаря ее лидирующим позициям на рынке, а также профессионализму и опыту».

Кому же принадлежала компания Gunvor и какими финансами она владела? На тот момент это было тайной, покрытой мраком. Согласно документам, ее владельцами являлись Тимченко и его шведский бизнес-партнер Торбьорн Торнквист, но был и третий акционер, чье имя, по словам трейдера, не подлежало разглашению. Из всей путинской когорты КГБ, теперь стремительно осваивающей бизнес, Тимченко оставался самым загадочным. Перемещаясь между Москвой и Швейцарией, он осуществлял свои операции в полной секретности. Он инкогнито поселился в фешенебельном пригороде Женевы Колоньи, в замке с видом на Женевское озеро, окруженном ухоженными садами и высокими заборами. Его бизнес был настолько секретным, что он не пользовался электронной почтой и понимал, что его телефон прослушивают. До 2008 года он вообще не давал интервью, но затем, в связи с астрономическими прибылями Gunvor, был вынужден выйти из тени. До того момента была известна лишь одна его фотография.

Поначалу его не представляли даже ближайшим друзьям Путина. Сергей Пугачев проводил много времени с Юрием Ковальчуком и ему подобными деятелями, однако с Тимченко удалось встретиться только раз.

— Путин его всегда прятал от меня, — сказал он.

Однажды зимним вечером Пугачев приехал к Путину в Ново-Огарево и обнаружил на кухне Тимченко. Путин тут же приказал последнему подождать на улице, хотя валил снег, тот стоял там все то время, пока они с Пугачевым обсуждали дела. Словно Путин хотел доказать, как мало значит для него

Тимченко. Но конфиденциальность их отношений стала для Пугачева очевидной.

Причина такой секретности выяснилась в конце 2003 года, когда на встречу с Пугачевым прилетел банкир из Швейцарии. Он спросил его о Тимченко и сказал, что, по некоторым сведениям, тот является держателем средств президента:

— Он сказал мне: «Этот парень по фамилии Тимченко принес нам уйму денег». Он сказал, что это деньги Путина, — заявил Пугачев.

В какой-то момент информация о финансовых связях между Gunvor и Путиным получила огласку. Однако Тимченко всегда отрицал, что процветание компании имеет какое-то отношение к президенту, и приписывал успех своим бизнес-способностям. Политический аналитик Станислав Белковский в конце второго срока Путина публично заявил, что конечным бенефициаром Gunvor является сам Путин, однако тот отреагировал на заявление с презрением. Отвечая на вопрос репортера, он назвал это «болтовней и чушью», которую «выковыряли из носа и размазали по своим бумажкам».

Но для Пугачева строгая конфиденциальность отношений с Тимченко могла значить только одно: с самого начала президентства Путина Тимченко был его главным бизнес-партнером и имел больший вес, чем кто-либо из приближенных. Именно потому, сказал он, вопрос о Тимченко шокировал Путина — Пугачев задал его после визита к Березовскому, который к тому моменту успел сбежать в Лондон. По словам Пугачева, Березовский грозил международным скандалом, в котором был замешан Тимченко.

— Он стал белым как мел, — сказал Пугачев. — И тут же оборвал разговор. Даже не спросил, в чем суть скандала.

По мнению двух бывших офицеров КГБ, партнеров Тимченко и близких друзей Путина, причиной успеха Gunvor могли быть только финансовые связи с президентом.

— Конечно, там лежат деньги Путина, — сказал один из них. — Как бы еще Тимченко стал миллиардером?

— В момент учреждения Gunvor был на 100% компанией Путина, — сказал близкий к президенту олигарх. — Тимченко лишь — держатель кошелька, на счету лежало 10 миллионов долларов. Сколько-то из этой суммы могло принадлежать Тимченко, а сколько-то — Путину. Но на самом деле это не имеет значения.

Позднее Минфин США заявил, что «у Путина есть инвестиции в Gunvor и он может иметь доступ к финансам этой компании».

Тимченко утверждал, что санкции — это лишь попытка давления на российский режим. Но и в самой Женеве нашлись работавшие с Тимченко богачи, которые подтвердили наличие связей между компанией и Путиным и заявили об амбициозных стратегических целях последнего. Среди них были потомки аристократов белогвардейцев, которые имели тесные контакты с КГБ и мечтали о возрождении Российской империи. Все они горячо поддерживали идею восстановления имперской мощи России, и когда люди Путина захватили экономику, эмигранты искреннее поддержали их.

Одним из этих потомков был банкир, в 2007 году возглавивший в женевском HSBC отделение по работе с частными российскими клиентами — сразу после этого его клиентами стали Тимченко и его дочь. Банкир Жан Гучков, по

словам двух инсайдеров, тесно сотрудничал с Тимченко в ведущих частных банках Женевы. (Тимченко же через своих юристов заявил, что был знаком с Гучковым, но не имел с ним деловых отношений, и повторил, что никакой связи с Путиным не было.)

Гучков был внуком аристократа, председателя III Государственной Думы, а затем, до прихода к власти большевиков, – главы либерально-консервативной партии «Союз 17 октября», выступавшей за установление конституционной монархии. Гучков даже внешне хотел походить на своего великого предка. Он зачесывал волосы назад, открывая высокий лоб, и смотрел на мир холодным взглядом голубых глаз. Долгие годы он тесно сотрудничал с режимом Путина, частенько навещался в Москву и обслуживал российских богачей – сначала как представитель Inter-maritime Bank of New York, затем – Julius Baer, а потом – и HSBC. Большинству его московских коллег такие перемещения казались загадочными.

— Он никогда заранее не сообщал о своих визитах в Москву и никогда не говорил, с кем собирается встречаться, – сказал его коллега из HSBC. – Он приезжал и уезжал совершенно неожиданно.

По словам его знакомых, такая конфиденциальность щедро оплачивалась.

— Этот парень угодил в самый эпицентр российской власти, – сказал его женевский соратник.

В 1990-х годах Гучков представил Тимченко бизнес-партнеру Торбьорну Торнквисту, и это имело историческое значение. Об этом событии рассказали два его женевских сотрудника. В те времена Гучков и Торнквист работали в бизнес-империи весьма

противоречивого швейцарского финансиста Брюса Раппапорта, который долгое время сотрудничал с СССР. Гучков представлял интересы Inter maritime Bank, а Торнквист работал в нефтеторговой компании Petrotrade. (Сам Тимченко утверждал, что познакомился с Торнквистом позже, когда шведский коллега работал в торговом предприятии Эстонии.) Гучков отрицал факт знакомства с Путиным. Однако трое его коллег сказали, что Гучков стал приближенным после того, как Путин занял президентское кресло. После смерти жены в 2010 году Гучков вместе с Путиным и Тимченко ездил в монастырь на Ладожском озере, об этом рассказал один из его приближенных. Позже они повторили эту поездку дважды или трижды. В благодарность за услуги Путин наградил Гучкова российским паспортом – об этом также рассказали два приближенных. Когда женевскому партнеру Гучкова задали вопрос, подразумевают ли дружеские отношения с Путиным дополнительное финансирование, он неохотно ответил:

— Это гораздо больше, чем дружба. Все строится на стратегии. Чего бы Путин ни пожелал, Гучков выполнит все.

Как и в случае с Ковальчуком и банком «Россия», близкие отношения Гучкова с президентом могли свидетельствовать о том, что продвижение Тимченко было обусловлено не только личными финансами Путина. Оно было связано с созданием резервного фонда для людей Путина из КГБ, а средства фонда должны были использоваться для сохранения и усиления власти. Тимченко и Гучков, вероятно, стали частью стратегической сети, которая, как и действовавшие в интересах коммунистов подпольные финансовые сети КГБ времен СССР, финансировала стратегические цели режима.

— Конечно, Тимченко действовал в интересах Путина, — сказал высший чин КГБ в отставке, партнер женеvских финансистов. — Он необязательно должен был управлять личными средствами президента. Ему могли доверить черный нал для финансирования партий или благотворительные фонды, которые влияют на результаты выборов. Это были стратегические ресурсы.

— Тимченко делает то, что необходимо, — сказал соратник Путина по КГБ. — Он является источником ресурсов для реализации определенной программы в определенных интересах. — Это мнение разделили и два высокопоставленных чиновника из США.

Такая деятельность была для КГБ вполне естественна, словно их работа заключалась лишь в том, чтобы создавать мутные финансовые схемы советского образца, которые использовались для контрабанды технологий, финансирования кампаний влияния КПСС и осуществления тайных операций за границей. Люди Путина копировали методы работы КГБ прошлого века, когда экспорт нефти был ключевым источником черного нала. Россия отказалась от плановой экономики и стала полноправным игроком на глобальном рынке. Но теперь, когда власть перешла к силовикам Путина, менялся сам характер отношений между ней и внешним рынком. Россия перешла к государственному капитализму и теперь доверяла хранителям типа Тимченко действовать от своего имени, как и было описано в методичках КГБ по переходу к рыночной экономике. Хранители представляли интересы Кремля, они не были независимыми компаниями, а следовали лишь целям собственного обогащения, естественным для западной экономики.

Согласно методичке КГБ, учрежденные за границей компании должны быть «любыми информационными или посредническими фирмами: торговыми, брокерскими, сервисными компаниями или представительствами», в которых «акционеры становились бы доверенными лицами». В частности, в методичке говорилось, что операции нужно проводить «в капиталистических странах с дружественным налоговым режимом, например, в Швейцарии».

Для людей Путина было логичным вверить близкому союзнику стратегические денежные нефтяные потоки. Политические амбиции Ходорковского лишь убедили их в верности такого решения.

— Можно сказать, что все деньги в Gunvor принадлежали Путину, — заявил Андрей Панников. — Но все гораздо сложнее: если рынок находится в лояльных руках, это дает возможность контролировать цены. Что, в свою очередь, гарантирует, что прибыли не пойдут на поддержку финансового терроризма.

Панников одним из первых начал работать через финансовые системы Запада. В восьмидесятые годы он изучал офшорное финансирование в Академии внешней торговли, и в тот период КГБ начинал готовиться к новой фазе противостояния с Западом.

Изобретенная КГБ система торговли по заниженным ценам теперь, очевидно, была реанимирована Путиным и широко использовалась в обход обычной государственной отчетности, при которой траты на разведку, выборы, правовую систему и политику одобряются парламентом. Вместо этого создавались резервные фонды, а отсутствие прозрачности и отчетности играло на руку авторитарному правлению и служило восстановлению геополитической мощи России.

Жан Гучков вырос в парижской общине потомков русских аристократов. Из того же круга происходил другой представитель женевской группы финансистов Серж де Пален, высокий сутулый человек с кустистыми бровями и высоким лбом. Он тоже долгое время довольно близко общался с Путиным.

— Де Пален — один из ближайших друзей Путина. Он родом из аристократической русской семьи, — сказал его женевский партнер.

После бегства из России в 1917 году Гучковы и де Палены оказались в закрытой диаспоре Парижа. Их объединяла тоска по потерянной империи, преданность русской культуре и православной церкви. По большей части эмигранты жили в Париже очень скромно, а потомки великих князей часто работали таксистами и официантами. В диаспоре процветали интриги, заговоры, действовали двойные агенты. Одни открыто выступали против большевиков и пытались организовывать оппозиционные ячейки за границей, другие становились информаторами и доносили Советам на соотечественников. Для вербовки агентов советские спецслужбы внедрялись в диаспору эмигрантов, в первую очередь в оппозиционные движения, а завербованные получали деньги, в которых остро нуждались. Для некоторых такая работа оставалась связью с Российской империей, в которую они по-прежнему верили независимо от того, кто находится у власти.

По словам старшего офицера российской внешней разведки в отставке, Серж де Пален и сын князя Александр Трубецкой оказались среди тех почитателей империи, которых в восьмидесятые годы завербовал КГБ. Они стали частью сети, руководимой Игорем Щеголевым, который при Путине занял

пост министра связи. На тот момент он работал под прикрытием корреспондента ТАСС в Париже. Во времена контрабанды находящихся под эмбарго технологий Трубецкой служил в фирме Thompson, выпускавшей полупроводники и микроэлектронику. Советская агентура осаждала фирму с незапамятных времен. Де Пален в это время курсировал между Москвой и Парижем – он работал на французскую компанию, поставлявшую оборудование советским нефтеперерабатывающим заводам. Фирму относили к категории «дружественных», через которые, вероятно, финансировались операции советского влияния. В 1981 году де Пален разыграл великолепную партию, женившись на дочери главы компании «Фиат» Маргерите Аньелли, и сразу стал вице-президентом, отвечающим за международные отношения. Он и дальше частенько наведывался в Москву, дружески общался с партийными боссами и иностранными банкирами, которые поддерживали советский режим. «Фиат» всегда был ключевым партнером Кремля: по словам двух бывших посредников из КГБ, через «дружественные фирмы» компания поставляла Советам технологии двойного назначения. Гучков же работал в Москве и отвечал за группу французских банков, финансировавших советскую нефтяную промышленность. Оба они были частью агентурной сети советского режима.

Де Пален впервые встретился с Владимиром Путиным в ноябре 1991 года, когда последний был вице-мэром Санкт-Петербурга. Де Пален организовывал возвращение в Россию наследника российского престола Великого князя Владимира Кирилловича. Через русскую диаспору в Париже он уже познакомился с Анатолием Собчаком, а с Путиным у них был

мимолетный контакт. Де Пален «выделил» Путина. Еще один адепт Российской империи Константин Малофеев вспоминал:

— Он сказал: «Этот парень думает так же, как и мы».

Оба они видели Россию мощной державой и были шокированы развалом страны и хаосом после августовского путча. В каждый свой приезд в Париж Путин встречался с Паленом, семья Собчака тоже поддерживала с ним теплые отношения.

Когда Путин стал президентом, де Пален сразу поддержал его. Накануне первой встречи с французским коллегой Жаком Шираком Путин обратился к де Палену за советом. Они обедали в приватном зале парижского ресторана, и де Пален заявил ему, что тот должен править тридцать лет, как Екатерина Великая, и что это единственный способ восстановить порядок и вернуть России глобальную мощь.

Гучков и де Пален стали ключевыми фигурами в среде белоэмигрантов, которые помогали Путину продвигать идею возрождения империи. Путин заинтересовался трудами и философией русских эмигрантов, писавших об уникальном пути России как евразийской империи, о ее предназначении противостоять Западу. Он был занят поисками новой национальной идентичности и думал о том, как связать ее с дореволюционным имперским прошлым. Казалось, мысли философов произвели на него глубокое впечатление. И Гучков, и де Пален совершенно искренне поддерживали Путина, когда он, став президентом, решил ограничить власть олигархов эпохи Ельцина, и одобрили идею построения новой системы, основанной на лояльных Кремлю людях.

— Если вы имеете дело со стратегическим сектором, вы являетесь частью государства, — сказал женеvский партнер. —

Нефть, газ, телекоммуникации – это все по определению стратегические секторы. Если вы в этом секторе, вы служите. Вы не можете быть независимыми от государства.

Приближенный к Гучкову человек сказал, что «у Путина есть сакральная миссия по спасению страны». Сам же де Пален во время нашей встречи в его заставленном книгами женевском офисе утверждал, что Путин – это ключ к возрождению России:

— Он остановил развал страны и начал восстановление новой России. Это должна учитывать Америка, которая не хочет многополярного мира. Им не нужна сильная Россия. – И добавил, что «приватизации девяностых были варварством».

Гучкова и де Палена, казалось, не смущало то, что люди Путина из КГБ применяли варварские методы и попирали закон, когда брали экономику под контроль. Они были убеждены, что такое пренебрежение законами Кремлем является частью исторической миссии по восстановлению мощи России в противовес Западу.

— Воровали все, – сказал женевский партнер. – Но затем пришел Путин и сказал: «А теперь хватит. Теперь Россия станет величайшей силой двадцать первого столетия. Вы получили много российских ресурсов, теперь пришло время их вернуть». Насколько я понимаю, с точки зрения закона все могло быть сделано иначе. Но у Путина не было времени. Он выбрал кратчайший путь. Может быть, Ходорковский пострадал, но Путин делал то, что должен был делать. Патриотизм был важнее.

Казалось, их не заботило и то, что люди Путина тоже воровали, причем в более значительных масштабах, особенно когда взлетели цены на нефть. Главной их идеей было укрепление власти Кремля. И неважно, какими способами.

— Деньги и власть идут рука об руку со времен фараонов, — сказал женеvский партнер. — Всегда существовали высшие сферы, где пересекаются деньги и власть. Люди в России не столь глупы. Конечно, у Путина есть и личные интересы. Но важно то, что другого настолько популярного лидера просто нет. Люди хотят иметь холодильник, телевизор, дом, детей, машину. Вас обычно не заботит то, что происходит вокруг, если ваше материальное положение не страдает.

Целью стало восстановление позиций России как геополитической державы.

— То, что мы видели в последние двадцать-тридцать лет, после прихода Горбачева, было моментом временной слабости. Такое бывает и с великими державами. Но теперь, когда экономика восстанавливается, Путин хочет вернуть свои сферы интересов.

Другой сотрудник КГБ, связанный с женеvскими финансистами, выступал против чрезмерного влияния США на Германию после окончания Второй мировой войны и заявил, что однажды это прекратится.

Пока все эти цели казались мечтами, а про второй срок Путина никто не думал. Однако попытки восстановить влияние России уже были предприняты, и мишенью стали ближайшие соседи.

В ноябре 2005 года, через год после «оранжевой революции», которая позволила Украине вырваться из российской орбиты и устремиться в объятия Запада, шеф администрации президента Виктора Ющенко Олег Рыбачук ехал в Москву и очень нервничал. Целью его визита были переговоры о поставках газа, и перспективы казались

не радужными. Украина зависела от России, в основном от поставок газа, и экономика страны начинала буксовать. Кремлевские чиновники уже с лета предупреждали, что цены существенно вырастут. А теперь, когда президентское кресло занял прозападный Ющенко, Кремль заявил, что не собирается субсидировать экономику Украины, особенно когда лидеры страны, явно или тайно, сидят на зарплатах из Америки.

Статус «Газпрома» как ключевого поставщика газа бывшим советским республикам со всеми его огромными запасами и бесконечными трубопроводами позволял сделать его основным рычагом влияния на ближайших соседей. Среднеазиатские республики располагали собственными месторождениями газа, но Грузия, Беларусь и Украина зависели от поставок «Газпрома» и связанных с ним компаний. В основном газ продавался по льготным ценам, как и во время нахождения республики в составе СССР. Кроме того, Украина служила важным транзитным коридором для поставок газа в Европу – он закрывал 25% потребностей континента. Но теперь, когда у руля встали прозападные лидеры, Кремль заявил, что субсидирование должно прекратиться.

Путин озвучил свои намерения сразу по прибытии Рыбачука в Кремль: Россия хочет существенно поднять цены, и Украине придется согласиться на «определенные условия», в противном случае поставки прекратятся. На следующей встрече Дмитрий Медведев, на тот момент глава администрации и председатель совета директоров «Газпрома», предложил компромиссную сделку: если Украина согласится покупать большую часть газа через компанию, которая будет рекомендована Кремлем, то общая цена останется низкой. Медведев сказал, что раскроет детали после того, как Рыбачук заручится одобрением Ющенко,

но для затравки заявил, что такая сделка позволит каждой стороне зарабатывать по 500 миллионов долларов в квартал, или 2 миллиарда в год, при этом поставки дешевого газа продолжатся.

— Он сказал, что эта доля будет нашей, то есть правительства Украины, — заявил Рыбачук, не веривший своим ушам. То, что ему предлагали, выглядело как схема отката: — Эта сделка должна была подкупить наше правительство.

В качестве посредника Кремль назвал торговую компанию «Росукрэнерго», однако имена ее владельцев не озвучил.

Фактически Медведев предложил обновленный вариант теневых схем, по которым осуществлялась торговля газом между Россией и Украиной, а также Туркменистаном. Огромные объемы дешевого туркменского газа должны были идти через российскую трубопроводную систему, смешиваться с российским газом и затем доставляться в Украину. Это позволило бы удерживать низкие цены на газ для Украины даже в том случае, если бы Россия подняла собственные расценки. Вместо прямых поставок через «Газпром» с прозрачным ценообразованием газ предлагалось продавать через теневого посредника, что открывало путь для миллиардных прибылей и потенциальных откатов.

Схема реализации сделки впервые была подробно описана американцем Уильямом Браудером. Этот смелый темноволосый мужчина был управляющим Hermitage Capital — крупнейшего инвестиционного фонда России с иностранным капиталом. Внук бессменного лидера Коммунистической партии США Эрла Браудера, Уильям оказался убежденным капиталистом и одним из самых принципиальных поборников прозрачности корпоративной культуры в России. Перед тем, как принять

решение о вложении средств, его инвестиционный фонд изучил бухгалтерию «Газпрома», особенно случаи потенциальной перекачки средств. В конце лета 2003 года расследователи наткнулись на странную компанию Eural Trans Gas, которой «Газпром» передал права на транспортировку газа из Туркменистана в Украину, причем сделал это за день до регистрации самой компании. В рамках этой сделки, по заявлению Браудера, «Газпром» получил прибыль примерно миллиард долларов до налогообложения. Компания Eural Trans Gas была зарегистрирована в венгерской деревне, четверо учредителей совершенно не подходили для выполнения подобных задач. Трое из них были румынского происхождения и не имели опыта в бизнесе: актриса, которая надеялась на заработанные деньги оплатить телефонные счета, медсестра и программист, а также израильский юрист, среди российских клиентов которого значился известный бандит. Как утверждал Браудер, не было очевидных причин, по которым «Газпром» мог передать свой торговый канал сторонней компании, не говоря уже о том, что с такими учредителями фирма выглядела подставной. Однако «Газпром» выдал Eural Trans Gas грант почти на 300 миллионов долларов в займах и гарантиях. Посол США в Украине Карлос Паскаль выразил озабоченность, так как связь фирмы с российской оргпреступностью была совершенно очевидна.

Предчувствуя скандал, «Газпром» тихо прикрыл Eural Trans Gas и заменил его на более респектабельное «Росукрэнерго», 50% акций которого принадлежало «Газпрому». Управление осуществлялось через австрийский «Райффайзен банк», однако оставалось непонятно, кому принадлежали остальные 50%, поскольку участие компании в торговой схеме с Украиной по-

прежнему обходилось «Газпрому» потерей более миллиарда долларов, если считать выручку за 2004 и 2005 годы. Об этом и заявил Браудер. Какое-то время он яростно критиковал «Росукрэнерго», информировал прессу об очевидной коррупции, но обнаруженная им схема представляла собой нечто большее, чем получение прибыли для личного обогащения. Фактически Браудер ступил на минное поле – перед ним были доказательства попыток России влиять на ближайших соседей. «Росукрэнерго», по сути, работало как резервный фонд, который можно использовать как инструмент политического влияния на соседние государства, подкупа и коррумпирования чиновников и подрыва демократии. Из этого фонда спонсировались операции путинского режима, заново выстраивалась экономика контрабанды, а основной мотивацией служило влияние, а не прибыль. Это была первая операция людей Путина с черным налом, о которой узнали на Западе.

К тому моменту, когда Рыбачук доехал до Кремля, чтобы обсудить поставки газа, Браудеру запретили въезд в Россию. Его желание рассказать всему миру о схемах сыграло с ним злую шутку. По словам министра иностранных дел, он представляет угрозу для национальной безопасности. Новое прозападное правительство Украины заявило, что не собирается участвовать в мутных схемах торговли газом.

— Когда договаривающиеся стороны получают тонны наличности, это свидетельствует о коррупции, – сказал Рыбачук.

Он добавил, что за подобными компаниями-посредниками всегда стоит КГБ, а зарегистрированное в швейцарском городе Цуг «Росукрэнерго», два из трех директоров которого связаны с КГБ, – такая же подставная компания.

Но теперь Кремль предлагал новую газовую сделку, и роль «Росукрэнерго» в ней была решающей. Рыбачук вернулся в Киев в полной уверенности, что Ющенко, активно выступающий за новый путь развития Украины и отказ от коррупционных махинаций прошлого, на эту схему не согласится. Более того, текущий контракт Украины с Россией, в котором цена на газ была обозначена как 50 долларов за тысячу кубометров, действовал до 2009 года. Когда Рыбачук доложил о поездке, Ющенко распорядился обратиться к западным союзникам – в Госдеп США и в министерство иностранных дел Германии – и спросить, смогут ли они организовать альтернативные поставки, если Россия перекроет газ. Через две недели Рыбачук получил заверения Запада в поддержке.

— Они сказали, что давление на нас оказывать не будет, – сказал он.

Убежденный в том, что правительство не прогнется под российские требования, Рыбачук с семьей уехал на новогодние каникулы в Словению. То, что Россия решит пойти на риск и примет крайние меры, то есть перекроет газ, казалось маловероятным.

Но перед новым годом он включил телевизор и узнал о кризисе из новостей CNN: Россия перестала поставлять газ в Украину. А поскольку последняя была важным коридором для транзита российского газа, под удар попали контрагенты по всей Европе. В тот год зима была особенно люттой, и западные лидеры пребывали в шоке. В тот же день Россия возглавила «Большую восьмерку». Это должно было ознаменовать ее серьезное продвижение и интеграцию в глобальную экономику, а темой саммита значилась энергетическая безопасность.

Однако прекращение поставок газа дало четко понять всем сторонам, как именно Россия понимает глобальную интеграцию. Она собиралась действовать в своих интересах и подорвать глобальную систему, но не играть по правилам Запада. Прекращение поставок, как заявили в Госдепе США, «поднимает серьезные вопросы об использовании энергии для оказания политического давления».

Рыбачук все еще надеялся, что Запад поддержит Украину. Он знал, что Россия не сможет держать вентиль закрытым дольше трех дней, иначе пострадает ее трубопровод. На следующий день в 15.00 поставки возобновились. Ющенко, не поставив в известность Рыбачука, согласился на предложенную Медведевым сделку, условия которой удивили всех. «Росукрэнерго» рынок не потеряло, наоборот, обрело монополию на поставки газа в Украину и доступ к половине внутреннего распределительного рынка. Такие условия позволяли России сохранить лицо и создать видимость того, что газ продается Украине по довольно высокой цене – за 230 долларов за кубометр. Но этот газ смешивался с дешевым газом из Средней Азии, что позволяло Украине платить только 95 долларов за кубометр. Ющенко заявил, что это был «здоровый компромисс», а Путин высоко оценил «взаимовыгодные решения». Но Рыбачук пребывал в оцепенении.

— Я не понимал. Было правительство России и было правительство Украины. Зачем нам нужен был посредник?

Ничто из этого не отвечало идеям «оранжевой революции», которая стремилась превратить Украину в прозрачную экономику западного типа. Более того, «Газпром» заявил, что просто применил к цене на газ рыночную формулу.

— «Газпром» никогда не пользовался рыночными инструментами, — сказал Рыбачук. — Для определения цены газа всегда учитывались политические моменты.

Беларусь продолжала платить «Газпрому» 49 долларов за кубометр, а «Росукрэнерго» вот-вот готово было уйти со сцены с миллиардами прибыли.

Рыбачук сказал, что никогда не забудет слова посла США в Украине после возвращения в Киев:

— Добро пожаловать в клуб коррупционеров.

Сделка ввергла украинское правительство в хаос. Возникли непримиримые разногласия между президентом Ющенко и премьер-министром Юлией Тимошенко — значимой фигурой «оранжевой революции». Она жестко возражала против «Росукрэнерго» и его газоторговых схем. Однако президент, министр топлива и энергетики и глава государственной компании «Нафтогаз» решительно поддержали такое сотрудничество. Выяснилось, что Ющенко еще до поездки Рыбачука в Москву вел собственные переговоры и тайно встречался с Дмитрием Фирташем. Этот сорокалетний украинский газовый трейдер негласно и с благословения Кремля стал держателем оставшихся 50% акций в «Росукрэнерго».

Рыбачук до сих пор толком не знает, как все произошло, но выглядит так, что Ющенко пошел на компромисс и согласился на сделку. Подозрение Рыбачука пало на тесные взаимоотношения, которые Фирташ поддерживал с братом Ющенко и с сирийским бизнесменом, близким к семейству президента:

— Мы этого не докажем. Но это единственное логичное объяснение одобрения сделки.

Юлия Тимошенко с фирменной косой вокруг головы также выступила против сделки.

— Такой договор невозможен без коррупционной составляющей, — сказала она.

После подписания сделки раскол в украинской прозападной коалиции усилился, страна погрузилась в политические дразги. Парламент выразил вотум недоверия правительству. Новые парламентские выборы планировались провести в марте 2006 года. Росла популярность пророссийского кандидата бывшего премьера Виктора Януковича, потерявшего свой пост после «оранжевой революции», и его Партии регионов. Рейтинг Ющенко, ослабленный внутренними разборками и экономическим кризисом, рухнул — из-за газовой сделки его подозревали в коррупции. В августе Янукович снова стал премьер-министром. Мечта «оранжевой революции» о тесных политических и экономических связях с Европой казалась несбыточной, хотя с Майдана прошло не более года.

Рыбачук заявил, что сделка с «Росукрэнерго» выглядела как типичная российская операция влияния:

— Пытаясь отстранить от власти прозападный альянс, они использовали все способы коррупции. Ющенко стал первым украинским президентом, не одобренным Москвой, и это привело Путина в ярость. Он хотел расколоть «оранжевую» коалицию и вернуть пророссийского кандидата.

Сделка также говорила о том, что люди Путина успешно реализуют операции влияния в сотрудничестве с организованной преступностью. Фирташ, негласный владелец 50% акций «Росукрэнерго» и украинец по национальности, всегда заявлял, что когда силовики отстранили от власти магнатов эпохи Ельцина, только благодаря своей смекалке

и бизнес-связям с туркменским руководством он смог наладить торговлю газом между Туркменией и Украиной. Но на самом деле он никогда бы не смог это сделать без поддержки Кремля.

— Он был на 100% человеком Путина, — сказал человек, знакомый и с Фирташем, и с Путиным.

Крое того, Фирташ не смог осуществить это без содействия ключевой фигуры российской организованной преступности, израильскому юристу которого принадлежала компания Eural Trans Gas.

Бандит, который скрывался за Eural Trans Gas, имел несколько паспортов и две даты рождения. Иногда его называли Шимоном, иногда он представлялся Сергеем Шнайдером. Но знакомые обычно звали его Севой. В действительности это был Семен Могилевич — бывший борец, с массивными габаритами, с руками-тарелками, с изрытым оспинами лицом и вечной сигаретой в зубах. В прошлом он отсидел за поджог, а теперь стал генератором идей и организатором перекачки денег российской ОПГ на Запад. Начинал он в семидесятых годах — сначала помогал первой волне выпущенных из СССР евреев-эмигрантов распродавать имущество для оплаты переезда и обычно безбожно обирал их — об этом свидетельствовали его бывший партнер и бывший чиновник с Запада. Позже Могилевич стал ключевой фигурой, решающей вопросы с отмыванием денег на Западе для российских преступников.

Сам Могилевич всегда утверждал, что он — не более чем бизнесмен, и не скрывал своих амбиций однажды войти в список самых богатых людей Британии по версии Sunday Times.

— Его просто сделали козлом отпущения, Запад решил повесить на него все грехи, — сказал мне его адвокат Зеев Гордон.

Однако по информации ФБР и по свидетельствам двух его ближайших партнеров, Могилевич работал с самой влиятельной ОПГ тех времен. Солнцевская группировка опутала своими щупальцами всю России, а затем добралась до Украины, Средней Азии и Венгрии. Возглавляли ее круглолицый розовощекий бандит с ангельской улыбкой Сергей Михайлов по прозвищу Михас и его партнер Виктор Аверин – Авера. Михайлов тоже любил заявлять, что он – просто бизнесмен. Однако обоих считали самыми опасными людьми в России. Первые деньги они заработали на сутенерстве, затем стали торговать оружием и наркотиками.

— Кто такой Михас? Между нами, он был официантом и сутенером, – сказал его бывший партнер. – Как официант он имел доступ к твердой валюте, а как сутенер – к большим объемам валюты, которой расплачивались с проститутками.

Михас и Авера заработали репутацию отморожков – некоторые даже называли их психопатами. Однако они понятия не имели, что делать со своими быстро растущими долларовыми капиталами. По словам бывшего партнера, «Сева был единственным человеком, знавшим толк в инвестициях», он изучал финансирование в университете Западной Украины. «Авера и Михас поставляли нал. Сева занимался логистикой».

Могилевич к тому же служил связующим звеном между КГБ и организованной преступностью: КГБ нужно было переправлять деньги из СССР, а сети ОПГ использовались как прикрытие. Путин продолжил эту практику, начав сотрудничать с Тамбовской группировкой в Петербурге, а затем укрепил связи с ОПГ во время своего президентства. Могилевич был завербован КГБ в семидесятых годах.

— Он должен был доносить на еврейское сообщество, а взамен ему позволили забирать имущество эмигрантов, — сказал бывший чиновник с Запада.

Сферы делового сотрудничества Могилевича с ведущими фигурами преступного мира расширились, как и его связи с КГБ.

— Сева всегда работал на спецслужбы, — сказал его бывший коллега. — Он был криминальной частью российского государства.

Как утверждали посвященные люди, за Eural Trans Gas и другими сделками стоял Могилевич, и это было выгодно Кремлю. Его могли подключать в наиболее острый момент переговоров с Киевом о ценах на газ: он имел тесные связи с местными организованными преступными группировками, и это должно было напомнить украинским чиновникам, с какой властью они имеют дело.

— Он должен был постоянно напоминать украинцам о том, что их просто купили, — сказал бывший чиновник с Запада.

Однако открытое участие юриста Могилевича в регистрации Eural Trans Gas обернулось слишком высокими политическими рисками для «Газпрома». И хотя газовый гигант отрицал существование любых связей с Могилевичем, участие последнего в сделке было более чем очевидным. В те дни Могилевич возглавлял список из десяти самых опасных преступников, которых разыскивало ФБР: Министерство юстиции США обвинило его и партнеров в мошенничестве с ценными бумагами. Могилевич и его компания выманили у американских инвесторов 150 миллионов долларов инвестиций под предлогом торговли акциями производителя магнитов YBM Magnex, которые котировались на фондовых биржах США и Канады.

— Более того, по заявлению ФБР, он мог быть причастен к торговле оружием, заказным убийствам, вымогательству, наркоторговле и проституции в международном масштабе.

Фирташ должен был его заменить, так как выглядел более прилично. Он всегда утверждал, что сразу после сделки по туркменско-украинским поставкам газа порвал все связи с Могилевичем, выкупил долю его жены в компаниях, которыми тот управлял с 2003 года, и никогда не имел деловых отношений с самим Могилевичем. Однако остались свидетельства работы многочисленных компаний, стоявших за «Росукрэнерго». Позднее Фирташ признался послу США в Украине, что получил от Могилевича разрешение на открытие бизнеса. Он сказал, что после распада СССР резко выросла преступность. Нельзя было выйти на правительство Украины, минуя преступные группировки. Другие люди, впрочем, утверждали, что этим его связи с ОПГ не ограничивались.

— Без Севы Фирташ был бы никем, — сказал мне партнер Могилевича. — Кем бы ни был Фирташ, его поставил Сева.

Сети российских ОПГ через Австрию распространились по Европе и дотянулись до США. Связь Фирташа и Могилевича стала уязвимым звеном в путинских операциях влияния. Однако счета «Росукрэнерго» пополнялись наличностью, и Фирташ превращался в респектабельного бизнесмена. В Украине он начал играть роль политического маклера, и после раскола правящей коалиции его влияние только росло. Вначале он работал с Ющенко, а когда тот потерял популярность, стал тесно сотрудничать с Януковичем — тот почти сразу попытался вернуться на политическую сцену. Затем Фирташ оказался в компании украинских олигархов, которые работали с Полем Манафортом. Этого обходительного американца

и политического лоббиста пригласили поработать над имиджем Януковича – нужно было представить его как борца с коррупцией.

Деньги, которые Фирташ заработал в Украине, нескончаемым потоком потекли в Европу. «Росукрэнерго» отчиталось о чистом годовом доходе примерно в 700 миллионов долларов, а принадлежащая Фирташу группа торгующих химикатами компаний заработала миллиарды. Он открыл штаб-квартиру в Вене, которая с советских времен считалась центром перекачки российского нала, а также зарегистрировал свою долю в «Росукрэнерго», став частью более крупной компании под названием GroupDE.

Фирташ строил плацдарм в городе, полном тайн. Вена располагалась на стыке великих держав, участвующих во Второй мировой войне, а во времена холодной войны оказалась на границе между Востоком и Западом. Именно поэтому город стал шпионской столицей мира. С 1995 года Австрия являлась нейтральной страной, а законы о шпионаже были на удивление мягкими. Когда-то Вена была переполнена голодными беженцами, готовыми выложить тайны своей родины за краюху хлеба и кружку пива. Теперь же исторические улицы города стали прибежищем для тысяч шпионов. Кому-то, вероятно, политический шпионаж казался историческим пережитком, особенно теперь, во времена доминирования Запада по окончании холодной войны, однако мало кто замечал, что российские агенты обстряпывают свои дела именно в Вене – например, сделки, которые Фирташ проводил через «Росукрэнерго» и других теневых посредников «Газпрома», включая Centrex. Эти подставные компании использовались для осуществления политических операций – вероятно, схожих

с операциями Путина в Украине. С одной стороны, экономическое влияние России росло, с другой – Путин был одержим идеей восстановления геополитического значения страны, а в это время множились бесчисленные компании с неизвестными владельцами, и все это предоставляло огромные возможности для перекачки нала и усиления влияния.

В Вене Фирташ объединил усилия с одним из главных финансистов путинского режима Андреем Акимовым. Банкир из КГБ, финансировавший Геннадия Тимченко, Акимов в 1990 году учредил в городе инвестиционное предприятие IMAG. Он был самым незаметным дельцом из всех людей Путина и наладил связи со многими посредниками из «Газпрома». Вскоре после прихода Путина к власти Акимова назначили главой Газпромбанка. Банк располагал активами на десятки миллиардов долларов и стал источником финансирования людей Путина благодаря выводу средств в банк «Россия». «Газпром» держал свою долю в «Росукрэнерго» через связанную с Газпромбанком кипрскую офшорную компанию, а Акимов занял место в координационном комитете «Росукрэнерго». К нему примкнули Фирташ и другие партнеры, а также его бессменный заместитель Александр Медведев, который к тому моменту стал главой стратегического подразделения «Газпрома» – «Газэкспорта», отвечавшего за весь экспорт газового гиганта. Вместе они обеспечивали перекачку миллиардов долларов из казны «Газпрома» в пользу «Росукрэнерго», которое самостоятельно экспортировало излишки газа из Украины в Европу.

Старые связи времен холодной войны были восстановлены, а «Росукрэнерго» увеличило число раскиданных по всей Европе посреднических компаний «Газпрома». В Берлине находилась

фирма «Газпром Германия», в которой работали также бывшие агенты Штази. Как сказал крупный банкир со связями в Кремле, внешние операции «Газпрома» всегда «манили русских разведчиков».

В самой Вене партнеры Акимова и люди, стоящие за «Росукрэнерго», общались с Мартином Шлаффом – связанным с Путиным бывшим агентом Штази, чья работа в Дрездене заключалась в организации контрабанды западных технологий в обход эмбарго, а также в перекачке сотен миллионов дойчмарок через липовые контракты для поддержания функционирования сетей Штази после падения Берлинской стены. Шлафф обжился в Вене и стал одним из наиболее влиятельных бизнесменов страны. К моменту, когда Путин пришел к власти, Шлаффу уже было под пятьдесят. Он расширил сферу деятельности и после краха СССР взял на работу шефа отдела внешней разведки дрезденского Штази Герберта Колера. Миллиардер, любитель кубинских сигар, которые, как говорили, ему доставляли от самого Фиделя Кастро, владел сетью казино в Центральной и Восточной Европе и Израиле. Он имел связи в верхах банковской системы Австрии и в политических кругах, а его знакомства с российской оргпреступностью были далеко не шапочными.

Когда «Газпром» с помощью Акимова учредил еще одну посредническую фирму Centrex для поставок газа в Австрию, Швейцарию, Италию и Венгрию, Шлафф и его ближайший бизнес-партнер стали акционерами компании в венских представительствах Centrex Europe Energy и Gas AG. Centrex стал еще одним форпостом торговой империи «Газпрома» и вскоре начал получать миллионы евро через мутные торговые схемы и непрозрачные структуры собственности. Все проходило через

ту же кипрскую офшорную компанию, через которую «Газпром» держал долю в «Росукрэнерго». Однако финансовые отчеты за 2005 и 2006 годы она не подала. Торговые предприятия составляли сложную структуру и, казалось, работали в обход «Газпрома». Для некоторых экспертов такая запутанность воспринималась как тревожный знак.

«Отсутствие прозрачности, привычка скрывать имена бенефициаров, использование офшорных компаний для прикрытия и секретный характер контрактов «Газпрома» с клиентами выглядело для Евросоюза ненормально, – писал эксперт по энергетике Роман Купчинский в подробном отчете об этих схемах. – Такая сложная многослойность является свидетельством отмыwania денег и возможных откатов официальным лицам, причастным к созданию этих схем».

Однако в те дни политики не обращали на это внимания. Впрочем, само участие Шлаффа уже говорило о том, что газоторговые схемы, подобные «Росукрэнерго», использовались не только для перекачки денег. Шлафф представлял агентурные сети времен холодной войны, торговал сферами влияния и попал в орбиту внимания израильской полиции – его подозревали в подкупе премьер-министра Ариэля Шарона. Влияние Шлаффа было повсеместным и не ограничивалось Австрией, оно распространялось и на Ближний Восток, где он тесно общался с израильскими и арабскими политиками, включая лидера Палестины Ясира Арафата, Муаммара Каддафи из Ливии и Башара аль-Асада из Сирии. Казалось, Шлафф был неотъемлемой частью сети влияния, сохранившейся с советских времен. Лидеры арабского мира, с которыми он строил тесные взаимоотношения, оказались теми же людьми, с которыми

советская внешняя разведка сотрудничала в годы холодной войны.

В 2005 году Centrex угодил в грандиозный скандал. Итальянский парламент обнаружил, что фирма причастна к операциям по перекачке средств на счета близкого друга итальянского премьер-министра Сильвио Берлускони. «Газпром» пошел на соглашение с итальянским энергетическим гигантом Eni и договорился о продаже газа через очередную мутную компанию, 41% акций которой принадлежал компании Centrex, а 25,1% – экспортному подразделению «Газпрома» «Газэкспорт». Остальными 33,9% владели две компании, принадлежащие другу Берлускони. Когда эта связь обнаружилась, итальянские политики возмутились. Они узнали, что ожидаемая прибыль фирмы в миллиард долларов предназначалась тому другу, который, как предполагали, был прикрытием самого президента.

Сделка была заблокирована. Однако позже члены партии Берлускони сообщили послу США в Италии, что, как они полагали, он извлекает выгоду и из других сделок в энергетической промышленности. Люди Путина возобновили связи, созданные еще в советские времена, когда Берлускони был одним из посредников, тесно работавших с Политбюро ЦК КПСС.

Целью таких операций было создание плацдарма для дальнейшего расширения российского влияния на европейскую политику. Об этом мне рассказал бывший шеф безопасности Австрии, который когда-то сотрудничал с Акимовым. В 2009 году посол США в Италии заявил, что публичные пророссийские заявления Берлускони подрывают единство Запада по вопросам

инициатив США в сфере безопасности, таких, как противоракетный щит в Восточной Европе и расширение НАТО.

Люди Путина активно окапывались в Европе, и одной из главных их целей стал Лондон. Фирташ занял место в среде городского истеблишмента, а его главный лондонский ставленник перечислял щедрые пожертвования в пользу Консервативной партии. Если изначальным планом был подрыв единства Запада в вопросах безопасности, то дальнейшие намерения выглядели еще более зловещими. Бывший руководитель администрации Виктора Ющенко Олег Рыбачук считал инвестирование Фирташа в лондонские связи реализацией разработанного плана.

— Украина была для России тренировочным плацдармом. Теперь они займутся подрывом ЕС, — сказал он.

Операции с черным налом через посредников «Газпрома» положили начало кампании по восстановлению глобального влияния России. В самой России шла постепенная трансформация — люди Путина прибирали к рукам остальные сферы экономики, которая к концу второго президентского срока напоминала феодальный уклад. Женевский банкир Жан Гучков и его партнеры считали, что российские бизнесмены должны чувствовать себя обязанными новому царю.

— Это восточные люди. У них другое понимание жизни, существования, — сказал женевский финансист. — Из-за масштабов территории у них абсолютно иное понимание собственности. Владение людьми было центральным пунктом культуры. Столетиями они принадлежали своим хозяевам, потом стали принадлежать партии. Им нужен хозяин, сильный царь.

Усмиренные после судебной расправы над Ходорковским уцелевшие олигархи эпохи Ельцина один за другим присягали на верность режиму Путина. Неуправляемые медиамагнаты Гусинский и Березовский покинули страну, их активы отошли государству. Промышленные активы консолидировались, в частности, в секторе стратегических металлов, а новые лидеры склонялись перед мощью Кремля. Но самую убедительную клятву верности первым принес Путину Роман Абрамович – миллиардер, разбогатевший на торговле нефтью, которого когда-то считали приближенным к Семье Ельцина.

Глава 11

Лондонград

В первый год президентства Путина Роман Абрамович готовился занять кресло губернатора Чукотки – дальневосточного региона, протянувшегося от Берингова пролива до Аляски. Абрамович направлялся в это богом забытое место, на край земли, за 6000 километров от Москвы. Чукотка всегда была малонаселенным регионом, после распада Советского Союза почти все ее жители уехали. К моменту приезда Абрамовича численность населения упала со 153 тысяч до 56. Оставшиеся обитатели с трудом выживали в нищете и алкоголизме. В одном из немногих интервью Абрамович признался, что поехал на Чукотку, потому что «устал от зарабатывания денег». Он всегда утверждал, что это было его собственным решением, что он хотел возглавить «революцию и перейти к цивилизованной жизни». Пообещав изменить регион к лучшему, в декабре 2000 года он победил на губернаторских выборах с 92% голосов.

Чукотка обожала Абрамовича. Небритый, с застенчивой улыбкой, он вырос в нищем холодном северном городке России, который держался только на добыче нефти. Абрамович был сиротой – его вырастили дедушка и бабушка. Он собрал команду менеджеров, и те занялись улучшением жизни: открыли новый телеканал и радиостанцию, построили кегельбан, крытый каток и кинотеатр. Абрамович потратил десятки миллионов из личного состояния. Выглядело так, словно он первым принес клятву вассальной верности, услышав призыв Путина к большому бизнесу: брать на себя больше социальной ответственности, чтобы справиться с последствиями эксцессов девяностых годов.

Некоторые утверждали, что выбора у Абрамовича не было. По словам приближенного магната, на Чукотку его отправили по приказу Путина, так как он сам хотел распоряжаться долями Абрамовича в компании «Сибнефть» и в алюминиевом гиганте «Русал», на который приходилось более 90% национальной выработки. Благотворительный фонд Абрамовича «Полюс надежды» уже готов был передать 203 миллиона долларов «Петромеду», связанному с банком «Россия» и поставляющему медицинское оборудование, но выяснилось, что этого недостаточно. Путин хотел получить доступ ко всем активам Абрамовича, прекрасно понимая, что, по законам того времени, лучше иметь подконтрольного чиновника, чем бизнесмена, так как первого легче посадить.

Абрамович инвестировал в Чукотку огромные суммы из собственных денег, ему казалось, что это поможет снизить риски. Однако угроза получить иски о неуплате налогов по примеру ЮКОСа висела над «Сибнефтью» дамокловым мечом. Личные вложения Абрамовича в Чукотку выглядели как двусторонний договор, позволивший Кремлю посадить Абрамовича на крючок. Вскоре после того, как Абрамович занял кресло губернатора, «Сибнефть» передала право на продажу большей части своей нефти зарегистрированным в Дальневосточном регионе торговым компаниям, которые сразу получили налоговые льготы на сотни миллионов долларов. Представитель Абрамовича отрицал корыстную заинтересованность босса. Подобные налоговые схемы удивительным образом были похожи на те, за которые Ходорковский угодил в тюрьму. Теперь благодаря им «Сибнефть» платила даже меньше налогов, чем ЮКОС.

Отсидев несколько месяцев в губернаторском кресле, Абрамович был вызван на допрос в московскую прокуратуру. Это уже выглядело как предупреждение. Ему попытались вменить небольшое налоговое мошенничество – всего 350 тысяч долларов недоплаты. Однако через три года, в марте 2004-го, сразу после того, как налоговая служба задним числом предъявила ЮКОСу первые иски, сумма долга Абрамовича резко возросла. Теперь «Сибнефть» должна была государству более миллиарда долларов неуплаты налогов за 2001 год.

Следствие закончилось ничем, а в самой «Сибнефти» всегда утверждали, что подобные схемы не противоречили законам. Однако вечная угроза обвинения в мошенничестве с налогами стала одним из инструментов системного давления на олигархов эпохи Ельцина. Их нужно было сделать слугами режима. Некоторым казалось, что Абрамович сдался первым. Ходили слухи, что Путин пригрозил Абрамовичу через восемь лет губернаторства на Чукотке отправить его в другой нищий регион на Дальнем Востоке.

— Он молодой, так что пусть работает, – сказал тогда Путин.

— Он должен был поехать на Камчатку и вложить туда еще больше своих денег, – заявил близкий к Абрамовичу человек.

В конце концов после долгого торга Абрамович сорвался с крючка.

После суда над Ходорковским российские бизнесмены наконец поняли, что в любой момент могут стать фигурантами уголовного дела независимо от того, совершали они преступления или нет. Возрождалась феодальная система, и владельцы крупнейших компаний, особенно в секторе стратегических ресурсов, становились похожи на нанятых государством менеджеров. Они были лишь хранителями

и управляли бизнесом с позволения Кремля. Такой образ мышления уходит корнями в царизм, в представления, которые разделяли люди типа Жана Гучкова и Сержа де Палена. Люди Путина стали новыми империалистическими правителями страны, полноправными владельцами ее ресурсов, а активы должны были распределяться между фаворитами Кремля, обязанными работать на государство и платить дань хозяевам.

— К 2003 году Россия завершила первый этап олигархического капитализма и перешла ко второму — дружественному капитализму, — сказал Евгений Ясин, влиятельный экономист, стоявший за этим трансформационным процессом. — Пришедшие к власти люди из КГБ верили, что спасают страну от тотального развала. Но на самом деле они удерживали власть и управляли страной, чтобы сохранить ее для правящей элиты.

Это были тревожные знаки. Однако довольно долго казалось, что Запад не понимает глубину изменений в России. Люди Путина из КГБ получили контроль над стратегическим энергетическим сектором страны, заняли места в советах директоров крупнейших государственных компаний, и триумфальное возвращение спецслужб было очевидно. Но Запад считал, что национальный бизнес остается независимым. Олигархи эпохи Ельцина, подобные Абрамовичу, символизировали прозападные силы модернизации экономики, и казалось, что экономический рост обусловит и другие перемены, а зарождающийся средний класс однажды решит вмешаться и в политические процессы.

С тех пор, как Путина назначили преемником Ельцина, цена на нефть продолжала расти, а к 2005 году утроилась. Это

способствовало восстановлению экономики. Теперь и чудовищный долг России по дефолту в 40 миллиардов долларов, и девальвация рубля 1998 года казались далеким прошлым. К этому моменту страна накопила 150 миллиардов долларов валютных резервов, поднявшись на пятое место в мире. Под руководством либерального министра финансов Алексея Кудрина правительство, используя огромные нефтяные доходы, создало стабилизационный фонд. После внесения поправок в налоговый кодекс, которым так сопротивлялись нефтяные бароны, государство получало огромную выручку. Фонд должен был служить буфером на случай резкого падения цен на нефть. В 2005 году его запасы составляли 30 миллиардов долларов, в следующем году – 70 миллиардов, а внешние резервы выросли до 260 миллиардов. Цены на нефть к тому моменту перевалили за 60 долларов за баррель. Для сравнения: в 1999 году баррель стоил 17,4 доллара, и Россия с трудом справлялась с последствиями экономического кризиса. Именно в тот момент Ельцин назначил Путина своим преемником. Все изменилось с ростом цен на нефть. Теперь экономические волнения, из-за которых Семья согласилась передать власть спецслужбам, казались далеким прошлым.

Пока Роман Абрамович занимался улучшением жизни на Чукотке, в Москве и региональных столицах шла спонтанная трансформация иного рода. Вначале медленно, а затем стремительно на центральных улицах городов стали появляться яркие торговые комплексы, выстроенные по европейским стандартам. Бренды Mango, Benetton, Diesel и Adidas сменили унылые столовые и советские универмаги. В шикарных ресторанах сибирских городов подавали ягнятину из Новой Зеландии, телятину из Австралии и французские вина.

Потребительские траты резко увеличились, и в стране внезапно обозначился средний класс. Десять лет назад люди за один день потеряли все сбережения, а теперь снова потекли наличные, которые можно было тратить в свое удовольствие. В годы президентства Путина благодаря растущим ценам на нефть экономический рост достиг 6,6%, а средняя зарплата увеличилась вчетверо.

Это был период изобилия и стабильности. И хотя сам Путин влиять на рост нефтяных цен не мог, в те дни формировался образ президента как бога, царя и спасителя России. Казалось, это стало частью негласного договора между россиянами и президентом. Они были согласны не обращать внимания на рост коррупции и усиливающееся давление правоохранительной системы на большой и малый бизнес. Людей не заботило отсутствие свободной прессы, когда доходы населения росли и страна наконец обрела долгожданную стабильность. Россияне теперь жили почти так же, как их европейские соседи. Средний класс давал Путину и его силовикам негласное разрешение при необходимости упечь в тюрьму кого угодно, если это не мешало отдыху в Турции.

Тот факт, что КГБ захватил власть, выкачал активы из страны и повернул вспять развитие правовой системы, прошел мимо внимания большинства россиян. Кремль взял под контроль медиа, истребил политическую конкуренцию и захватил все рычаги власти. Население было отстранено от политических процессов. Аналитик Мария Липман позднее назвала это «пактом невмешательства»: люди позволяли Кремлю монополизировать принятие решений по политическим и экономическим вопросам до тех пор, пока это не мешало их собственной жизни. Эта модель кардинально отличалась от

советской, когда всемогущая партия и вездесущий КГБ вторгались во все сферы жизни. Теперь же, если не страдали интересы спецслужб, людей никто не трогал. По большому счету, россияне с готовностью приняли новые правила игры, что только укрепило исторически присущую России систему власти. Как писала Липман, это был «вечный русский порядок – доминирующее государство и бессильное раздробленное общество».

Связанные с КГБ бизнесмены, с которыми мне удалось побеседовать, часто ссылались на особую российскую ментальность. Именно этим они пытались оправдать действия КГБ во власти. Трагедия России в том, говорили они, что люди не хотят участвовать в политике, они просто не знают, как это делается. С древних времен, говорили бизнесмены, грустно качая головами, это вшито в национальный менталитет. Такое объяснение, очевидно, было весьма удобным и позволяло лишний раз убедиться в правоте своего решения не допускать людей к демократии. В КГБ хорошо усвоили уроки прошлого. Теперь силовики делали что хотели не потому, что за ними стояло мощное государство, а потому, что их новым инструментом стал капитализм. Как цинично выразился женовский товарищ Жана Гучкова, они и в самом деле верили, что населению нужны только «холодильник, телевизор, дом, дети и машина. Если ваше материальное положение не страдает, все прочее вас не волнует».

Впрочем, некоторые западные законодатели все еще думали, что растущий российский средний класс начнет мечтать о чем-то великом. Они надеялись, что, увеличив доходы, получив возможность ездить в западные страны, россияне со временем потребуют больше политических прав. Запад, вдохновленный

своей победой в холодной войне и экспансией Евросоюза, в который вошел и бывший восточный блок, поверил в глобальную интеграцию России и гостеприимно распахнул двери на свои рынки. Никто не сомневался в силе глобализации, свободном рынке и демократии. Расширение Европы на восток стало «главным вкладом в дело мира, стабильности и процветания в Европе за последние годы», сказал в 2004 году еврокомиссар по расширению Гюнтер Ферхойген. В те времена все были полны надежд.

Российские компании размещали свои акции на западных фондовых биржах, в частности в Лондоне. Только в 2005 году продажи акций в Лондоне достигли 4 миллиардов долларов, что показало существенный рост по сравнению с 1,3 миллиарда на всех рынках за тринадцать лет после краха СССР. На Западе твердо верили, что компании, за которыми в основном стояли олигархи эпохи Ельцина, представляют будущее России. Несмотря на опасения, возникшие после трагедии ЮКОСа, все были уверены, что рост предложений на рынке был явным признаком взросления России как рыночной экономики.

Бизнес устремился в Лондон. Для выхода на Лондонскую фондовую биржу требовалось предоставить выписки со счетов минимум за последние три года в соответствии с международными стандартами и подтверждение того, что акции компании продавались в Москве минимум в течение последнего полугодия. Многие законодатели верили: чем больше российских компаний будет представлено на Западе, тем быстрее Россия примет западные стандарты корпоративной прозрачности и эффективного управления.

— Все думали, что олигархи, разместившие свои акции на бирже, подчинятся правилам корпоративного управления

и станут частью глобальной системы, – сказал Найджел Гулд-Дэвис, атташе по экономическим вопросам посольства Великобритании в Москве, а затем – посол в Беларуси.

Он сказал, что агрессивное поведение переходного периода девяностых годов останется в прошлом и «они начнут вести себя иначе, потому что поймут, что так надо». Торги на Лондонской бирже также гарантировали дополнительный уровень защиты от путинских силовиков и желанный статус уважаемого бизнеса.

Западные банкиры и законодатели возлагали большие надежды на растущую армию представленных в Лондоне российских компаний. Стремительно развивался средний класс. Все думали, что однажды новое поколение бизнесменов потребует от правительства Путина либерализации политической и экономической среды.

– Шансы на то, что все будет развиваться в нужном направлении, были велики. Этому поспособствуют изменения в обществе, – сказал глава крупного московского инвестиционного банка «Ренессанс Капитал» новозеландец Стивен Дженнингс. – В какой-то момент потребуются, чтобы к власти пришел более либеральный и прогрессивно мыслящий лидер. Мы просто не знаем, будет это следующий президент или тот, кто придет за ним.

Западные банкиры устремились в Москву за капиталами. Некоторые твердо верили в то, что служат благому делу, развивая локальные рынки и освобождая людей от гнета государства. Регулярно из Лондона в Москву приезжали целые делегации – их целью было развитие бизнеса, и они акцентировали внимание на преимуществах мягкого законодательства Лондона. Во времена мирового рыночного

бума, особенно в Китае и Индии, Россия стала крупнейшим поставщиком предложений по акциям на Лондонской фондовой бирже.

Возможно, из-за того, что в Лондон хлынули потоки денег, банкиры и инвесторы не хотели думать о том, что на смену ельцинским олигархам пришел совершенно иной бизнес. Однако осваивающие Лондон компании в основном были новыми гигантами путинского государственного капитализма с нулевым интересом к либерализации экономики. Также в Лондоне игнорировали тот факт, что у некоторых компаний были довольно мутные структуры собственности, а выписки со счетов вызывали много вопросов. Почему российские компании косяками устремились в Лондон? Одна из причин заключалась в том, что требования к участникам торгов на Лондонской бирже были гораздо мягче, нежели в Нью-Йорке. В США закон требовал, чтобы исполнительные и финансовые директора желающих принять участие в торгах компаний собственноручно заверяли корректность выписок со счетов. Если что-то оказывалось недостоверным или сомнительным, это считалось уголовным преступлением.

— К такому не была готова ни одна российская компания. Должно было пройти еще пять лет, а может, и больше, чтобы они смогли перестроиться, — сказал Дмитрий Гололобов, российский юрист, работавший над американским листингом глобальных депозитарных расписок ЮКОСа.

Из-за потенциальных рисков от таких планов пришлось отказаться. Однако в Лондоне приветствовались компании с глобальными депозитарными расписками. К ним предъявлялись более мягкие требования, а проверка

достоверности представленной информации оставалась на усмотрение инвесторов.

Лондонская газета *Financial Times* саркастично заметила, что на страницах буклета с предложением компании «Новолипецкая сталь» в преддверии торгов в Лондоне «разворачивалась драма, достойная пера Достоевского». В истории компании были факты вопиющих внутренних сделок и непрозрачные транзакции. Каким-то неизвестным фирмам были выданы десятки миллионов фунтов беспроцентными кредитами – позднее эти фирмы выкупил главный акционер «Новолипецкой стали». Тот же человек получил миллионы в качестве «вознаграждения за консультации». Что более примечательно, приватизация «Новолипецкой стали» случилась в лихие девяностые годы, и компания признавалась, что и ее право собственности, и право собственности на любую другую приобретенную компанию может быть оспорено в любой момент. Но инвесторы были готовы. Казалось, что правительство Тони Блэра дало указание распахнуть двери Лондона для российских денег независимо от их происхождения.

Лондонские торги российскими акциями приносили огромные прибыли банкирам, юристам, консультантам и PR-фирмам. Город затопило российским налом. При этом интеграция в западные рынки Россию не изменила – сама Россия меняла Запад. Прибывающие в Лондон магнаты, которых Запад рассматривал как потенциальную независимую движущую силу и залог будущих изменений в России, впадали в еще большую зависимость от Кремля и становились заложниками путинского авторитарного и клептократического государства. Россия не стала играть по правилам честного рынка

– наоборот, медленно коррумпировался Запад. Словно туда проник вирус.

Летом 2003 года Роман Абрамович купил лондонский футбольный клуб «Челси», и это, как все предполагали, должно было изменить общественное мнение о России в лучшую сторону. Покупка за 150 миллионов фунтов (240 миллионов долларов) выглядела как PR-ход. Лондонские газеты восторгались частным Боингом-767 олигарха, на котором он прилетел в Лондон познакомиться со своим клубом. Газеты взахлеб и красочно описывали его роскошные яхты, включая самую длинную в мире яхту «Эклипс» – 168-метровый плавучий дворец с двумя вертолетными площадками и собственной подлодкой. Стеснительному небритому олигарху в джинсах пели дифирамбы, а он швырялся огромными суммами, покупая для «Челси» игроков мирового уровня и вкладываясь в реновацию стадиона «Стэмфорд Бридж».

– Очень хороший результат, – сказал бывший партнер Абрамовича. – Он купил «Челси», и теперь газеты посвящают ему по три полосы. И ничего плохого не говорят. Никто в нем не сомневается.

Как сказал Сергей Пугачев, в Кремле вычислили, что путь к сердцу британцев лежит через футбол – национальный спорт и любовь всей страны. Предполагалось, что такое приобретение послужит росту российского влияния в Великобритании.

– Путин сам рассказал мне о планах купить «Челси». Он хотел усилить влияние России, улучшить имидж страны и завоевать популярность не только у элит, но и у обычных британцев, – сказал Пугачев, ссылаясь на встречу, которая, по его словам, случилась за год до того, как Абрамович купил клуб.

Другой олигарх и бывший партнер Абрамовича также утверждал, что, вероятно, приказ о покупке клуба исходил от Путина. Это приобретение моментально сделало Абрамовича британской знаменитостью. Приглашение посмотреть игру из его частной ложи было самым желанным предложением сезона. Для Абрамовича, по словам российского магната, «это был входной билет в высшее общество Соединенного Королевства». Бывший партнер Абрамовича также предположил, что вхождение олигарха в Премьер-лигу имело целью усилить влияние России на Международную федерацию футбола, которая позже выбрала Россию страной проведения чемпионата мира-2018.

— Путин просил Романа заняться футболом, — сказал бывший партнер Абрамовича. — Он считал, что это нужно, чтобы повлиять на ФИФА — всем известно, насколько коррумпирована эта организация.

— Через «Челси» он получил входной билет в мир футбола и мог лоббировать чемпионат мира, а это много значило для Москвы, — сказал другой российский магнат. — Они хотели получить право принимать чемпионат, чтобы показать, что Россия не в изоляции. Это для них было очень важно.

Кроме частных заявлений Пугачева, бывшего партнера Абрамовича и российского магната, не было никаких доказательств того, что вышесказанное послужило причиной такой покупки. Человек, близкий к Абрамовичу, настойчиво отрицал, что олигарх действовал по указке Кремля. По его свидетельствам, Абрамович вначале изучил клубы в Италии и Испании, но все они имели «множество проблем». Он рассмотрел также четыре клуба в Великобритании и только потом сделал выбор в пользу «Челси», так как клуб находился

«в плачевном состоянии». Он добавил, что президент, вероятно, был проинформирован о сделке. Сам Абрамович говорил, что через покупку «Челси» он добился двух целей: «собрал футбольную команду мирового класса и улучшил имидж клуба во всех соответствующих сообществах». Представитель Абрамовича указал на то, что на прежних судебных заседаниях в Британии Пугачева признали ненадежным свидетелем, и заявил, что покупка «Челси» не ставила целью усилить давление России на ФИФА, поскольку клуб был приобретен за много лет до того, как Россия высказала желание принять ЧМ-2018. Абрамович обычно сидел в своей ложе с семьей и друзьями и никогда не приглашал туда британских политиков, утверждал представитель олигарха. В момент сделки некоторые говорили, что покупка клуба была способом сохранить хотя бы часть состояния на случай потенциальной атаки Кремля.

Однако независимо от мотивации, покупка «Челси» стала символом огромных российских денег в Великобритании. Абрамовича приняло британское сообщество, а российский капитал стал частью лондонской жизни.

Вопросов к Абрамовичу не возникало – наверное, отчасти потому, что он, как казалось, не имел связей с людьми Путина из КГБ, но поддерживал тесные отношения с семьей Ельцина – с Валентином Юмашевым и Александром Волошиным. Абрамович выглядел как адекватный представитель российского бизнеса и либерального крыла российского элиты, которую с таким восторгом принимали в Британии. Однако бывший акционер ЮКОСа, сбежавший в Великобританию в конце 2004 года, Александр Темерко сказал, что такой имидж играл на руку Путину.

— Путину нравится, когда люди типа Юмашева и Абрамовича ездят по миру и рассказывают, что он – не такой уж и крокодил. Поэтому они ему и нужны. Они его добровольные и бесплатные амбассадоры.

Представитель Абрамовича такое утверждение опроверг.

Российский государственный капитализм крепчал и продвигался за Запад, а цены на энергоносители продолжали расти. Продажа Абрамовичем компании «Сибнефть» стала частью этого трансформационного процесса. В сентябре 2005 года «Сибнефть» также проглотило государство – Кремль продолжал прибирать к рукам стратегический энергетический сектор. Но Абрамович не сел в тюрьму, как Ходорковский, а его компания не обанкротилась, задолжав миллиарды налогов, – он просто продал «Сибнефть» за 13 миллиардов долларов наличными. Некоторым казалось, что Абрамович подчинился новому порядку Кремля – он не пытался слиться с ЮКОСом и продать новоиспеченную компанию американским Exxon или Chevron, как когда-то планировал Ходорковский. Хотя выбора у него не было. Продажа «Сибнефти» «Газпрому» в конце 2005 года ознаменовала очередной этап развития: захват Кремлем энергетического сектора был признан мировым сообществом. Все это стимулировало дальнейший рост российского фондового рынка.

Сделка проходила в несколько этапов. Все началось в мае 2005 года, через две недели после того, как московский суд наконец объявил Ходорковского виновным. Именно тогда правительство намеревалось привлечь как можно больше иностранных инвесторов и объявило, что собирается взять кредит в иностранных банках на 7 миллиардов для увеличения государственной доли в «Газпроме» до контрольного пакета

в 51%. Иностранные инвесторы долго ждали этого шага. Должно быть, странно было радоваться тому, что государство усиливает контроль над «Газпромом», однако долгие годы инвесторы вообще не могли покупать эти акции, потому что контрольный пакет крупнейшего в мире производителя газа формально государству не принадлежал. В действительности оно, конечно, контролировало газовый гигант, но по документам его доля составлял лишь 38%, и правительство боялось, что без введения ограничений на долю собственности иностранные инвесторы заберут стратегическую компанию целиком. В предыдущий год, когда планировалось слияние «Газпрома» и «Роснефти», правительство планировало получить контрольный пакет и снять ограничения, сделав энергетический гигант открытым для иностранных инвестиций. Но этим планам не суждено было сбыться: ЮКОС на последнем издыхании подал иск суд в Хьюстона о защите на время банкротства, и, чтобы избежать правовых рисков, вместо слияния с «Газпромом» «Роснефть» приобрела «Юганскнефтегаз». Эта покупка была на руку Игорю Сечину – теперь он лелеял мечты о создании собственного и независимого от «Газпрома» энергетического гиганта. Противостояние между двумя государственными титанами разрушило планы по слиянию.

Теперь, когда пыль улеглась, правительство объявило о более понятных намерениях – с помощью иностранного кредита увеличить свою долю в «Газпроме» до контрольного пакета. Акции приобретались у самой компании. Фондовый рынок уже оправился после дела Ходорковского и снова был на подъеме. Теперь, когда суд над ним завершился, инвесторы решили, что все позади. Снятие кольцевых ограничений на иностранное владение акциями Кремль рассматривал как

способ задобрить иностранных инвесторов, особенно после вынужденной и неправомерной продажи «Юганскнефтегаза». Теперь иностранные инвесторы надеялись, что вердикт Ходорковскому станет последним в государственной расправе, что осуждение олигарха останется единичным случаем и что Кремль не планирует забирать другие активы. Фондовый рынок процветал: за полгода индекс РТС увеличился вдвое. Рост, замедлившийся во время дела Ходорковского, полностью восстановился благодаря подорожавшим более чем на 100% акциям «Газпрома». Бизнес словно не хотел замечать тотального расширения государственного контроля – пока акции росли, это не имело значения.

В свою очередь, «Газпром» объявил, что собирается использовать полученные от государства деньги на покупку собственных акций – отпала необходимость банкротить «Сибнефть» Абрамовича и потом брать под свой контроль, ее нужно было просто купить. Это решение стало компромиссом в противостоянии с Сечиным – «Газпром» получал собственную нефтяную компанию. В конце концов, «Газпром» купил у Абрамовича «Сибнефть» за 13 миллиардов долларов. Эта сделка красноречиво говорила о том, как сильно судьба Абрамовича отличается от судьбы Ходорковского. В результате сделки еще одна крупная частная нефтяная компания перешла из частных рук к людям Путина. Абрамович, похоже, был доволен: он продал компанию по рыночной стоимости, избежал вынужденной продажи, банкротства и предъявленных задним числом налоговых счетов, как это было в случае с Ходорковским. И все это несмотря на то, что «Сибнефть» платила даже меньше налогов, чем ЮКОС. Сделку встретили аплодисментами, признав ее крупнейшей в российской истории.

Рынок решил, что дело ЮКОСа Кремль оставил в прошлом и дальнейших экспроприаций не планирует.

Но по факту это было эволюцией кагэбэшного капитализма. Борис Березовский публично заявил, что львиной долей из тех 13 миллиардов Abramovich вынудили поделиться с людьми Путина.

— Я давно говорю, что Путин — это бизнес-партнер Abramovich, — сказал бывший деловой партнер Березовского. — Я не сомневаюсь, что прибыли от продажи «Сибнефти» будут поделены между Abramovich и Путиным, а также другими лицами.

Представитель Abramovich в ответ на просьбу прокомментировать такие заявления сказал, что он «никогда не видел доказательств этого». Позднее другой представитель Abramovich жестко отверг такие заявления и сказал, что на суде против Abramovich Березовский не предоставил никаких доказательств в обоснование своих слов.

Формировалась система, в которой от расположения Кремля зависел бизнес любого масштаба. Если магнаты хотели сохранить свое положение и богатство, они должны были служить государству. Постепенно эта система получала признание и становилась легитимной за рубежом. Запад радостно принял в свои объятия либерально настроенных миллиардеров типа Abramovich и стал постепенно адаптироваться к новому энергетическому порядку Кремля. На следующий год, летом 2006-го, мысли о фактической конфискации главного производственного комплекса ЮКОСа — «Юганскнефтегаза» — были забыты и «Роснефть» получила право провести первичное публичное размещение акций на открытых торгах на Лондонской фондовой бирже. Именно в тот

момент появились первые сомнения в реальной интеграции России с западными рынками.

Продажи акций «Роснефти» Игоря Сечина в тот год достигли пика. Изначально в компании заявили, что планируют продать их на 20 миллиардов долларов – это было бы рекордом. И хотя позже на торги была выставлена только половина акций, западные банкиры поспешили урвать свою долю в виде 120 миллионов комиссионных. Первичное публичное размещение акций, третье в мире по объемам, по сути, было референдумом среди инвесторов. В конце концов, они признали, что теперь энергетический сектор России принадлежит Кремлю. Западные управляющие ЮКОСа, продолжающие руководить остатками компании из-за границы, выступили против торгов и заявили, что это равносильно продаже краденого имущества. Они обратились в британский орган – Управление финансовых услуг – с требованием остановить торги и заявили, что все связанное с получением «Роснефтью» «Юганскнефтегаза» является незаконным – от предъявленных задним числом исков о неуплате налогов до вынужденной продажи актива по заниженной цене в нарушение временного ордера, выданного судом Хьюстона.

Всего годом ранее общество с ужасом наблюдало за тем, как люди Путина перекраивают судебную систему ради получения контроля над «Юганскнефтегазом», а теперь у некоторых сам факт торгов вызывал морально-этические вопросы. Джордж Сорос в *Financial Times* утверждал, что таких торгов вообще не должно быть. «Заявления о том, что такие торги способствуют прозрачности ведения бизнеса, не принимают во внимание тот факт, что «Роснефть» является инструментом государства, используемым для достижения политических

целей России. Интересы акционеров при этом учитываться не будут». Некоторые защитники ЮКОСа считали, что успешное первичное публичное размещение акций на бирже будет воспринято Кремлем как знак одобрения рынком. «Западные лидеры должны трезво и реалистично оценивать долгосрочные перспективы подобного подыгрывания русским, строго следовать соблюдению прав человека и верховенства закона, – писал адвокат Ходорковского Роберт Амстердам, пока сам Ходорковский уже год сидел в исправительной колонии на Дальнем Востоке. – В противном случае те, кто сейчас у власти в России, истолкуют эти двойные стандарты Запада как лицензию на безнаказанность. Отрицать, отмахиваться или недооценивать серьезность последствий – значит, закрывать глаза на уроки истории».

И хотя то, что написал Амстердам, теперь кажется зловещим пророчеством, люди Путина пришли к выводу, что для Запада деньги всегда будут в приоритете.

— В итоге все спешили делать деньги, и Кремль об этом знал, – сказал глава нью-йоркского инвестиционного фонда Firebird Management Харви Савикин.

Несмотря на все протесты и угрозы судебного преследования, первичное публичное размещение состоялось. Путин праздновал победу – тем летом он принимал в Петербурге «Большую восьмерку». «Роснефть» оценивали в 80 миллиардов, что означало фантастический рост: до приобретения ею «Юганскнефтегаза» за 9,4 миллиарда ее стоимость не превышала 6 миллиардов. Раздутая стоимость лишь подтверждала факт влияния кремлевской команды. Все понимали, что за «Роснефтью» стоят люди Путина, и это служило гарантией дальнейшего развития. Поддержка Кремля

не оставляла сомнений, что остатки имущества обанкротившегося ЮКОСа тоже будут распроданы с молотка.

И все же первичное публичное размещение на самом деле было чем-то иным. По сути, оно больше походило на частное размещение. Иностранные нефтяные компании, включая BP, Petronas и China National Petroleum Corporation, стремясь получить одобрение Кремля, скупили почти половину общего объема размещения, а связанный с КГБ Газпромбанк приобрел акции на 2,5 миллиарда. Сообщалось, что Кремль, который не мог допустить срыва торгов, принудил участвовать в них олигархов типа Абрамовича, который приобрел акции на 300 миллионов. Его представитель пояснил, что инвестиции в акции «Роснефти» имели исключительно финансовые причины и основывались на финансовых перспективах «Роснефти» на время первичного публичного размещения. В BP не скрывали, что покупка открывала перед компанией перспективы улучшить отношения с Кремлем – это была попытка «построения отношений».

— Мы полагаем, что это хорошие стратегические инвестиции в наш бизнес в России и в наши взаимоотношения с российской нефтяной промышленностью и властями, – сказал представитель компании. Однако другие инвесторы заявили, что торги выглядели как типичная операция КГБ. Инвесторы и нефтяные компании США воздержались от участия – их пугали возможные правовые риски.

— Это крупнейшая операция по вымогательству, – сказал управляющий одного фонда. Он считал, что цены на торгах были чрезмерно завышены. – Они использовали инвесторов, чтобы гарантировать успех продаж. Узнаваемый стиль КГБ.

Инвесторы, однако, не задумывались о том, что своим участием способствуют легитимации захвата ресурсов людьми Путина. Не волновало их и то, что собранные средства минуют российский бюджет и будут потрачены на выплату 7 миллиардов долларов специально созданному невнятному государственному образованию под названием «Роснефтегаз». Кредиты брались у международных банков – годом ранее государство решило увеличить свою долю в «Газпроме». Это стало частью операции, которую бывший министр энергетики Владимир Милов назвал «трюком с тремя картами». Целью операции было избежать прозрачности, обычно необходимой при государственных приватизациях:

— Это очень характерно для существующего режима. Он работает через непрозрачные схемы, где люди Путина становятся бенефициарами и, никем не видимые, делят прибыли между собой.

Для Андрея Илларионова, в прошлом кремлевского советника по экономическим вопросам, на тот момент уже покинувшего свой пост, продажа акций «Роснефти» была «преступлением против российского государства и российского народа». Принимая участие в торгах и способствуя им, «западные компании фактически выстраивали долгосрочные отношения с теми силами России, которые подрывали основы современного общества: рыночную экономику, право частной собственности и демократию». Однако для людей из КГБ, стоявших за трансформацией «Роснефти», это выглядело как знак одобрения, которого они так отчаянно добивались. Теперь им было позволено продолжать внедряться в международные рынки.

Оставшиеся активы ЮКОСа пустили с молотка – их прибрала к рукам «Роснефть». Западные инвесторы постепенно свыкались с кремлевскими порядками. Два других государственных гиганта быстро последовали примеру и предложили свои акции на миллиарды долларов. Эти компании не могли похвастаться прозрачным бизнесом, являясь представителями расширяющейся системы, за которой стоял Кремль. В феврале 2007 года были выставлены акции «Сбербанка» на 8,8 миллиарда долларов. Торги привлекли и иностранных, и внутренних инвесторов. Естественно, поднимались и вопросы о непрозрачности бизнеса: банк мог открыть доступ к стремительно развивающейся потребительской экономике России, а государственное владение рассматривалось скорее как преимущество. Второй по величине банк России ВТБ, также принадлежащий государству, выставил в Лондоне акции на 8,2 миллиарда в рамках первичного публичного размещения – это был рекорд того года. Репутация ВТБ как карманного банка Кремля, банка-спонсора «специальных проектов», тесно связанного с людьми из КГБ, не повлияла на энтузиазм инвесторов. Исполнительный директор Андрей Костин, бывший советский дипломат в Лондоне, особых талантов финансиста не проявил, за исключением способности получать миллиарды долларов господдержки. Двумя годами ранее бывший председатель Центробанка называл ВТБ «тонущим Титаником». Но когда той весной его акции были выставлены на первичное публичное размещение, спрос инвесторов в восемь раз превысил предложение. В 2007 году глобальный инвестор показал свою чрезвычайную заинтересованность. Цены на нефть поднялись до рекордных 70 долларов за баррель, и даже титан с Уолл-стрит, председатель Goldman Sachs Ллойд Бланкфейн обратился

к Путину и попросил о встрече. Об этом с гордостью сообщалось на сайте Кремля.

Мировые инвестиционные банки, привлеченные миллиардными сделками, устремились в Москву. Для некоторых это было первым возвращением после августа 1998 года. Слияния и поглощения только в 2006 году достигли 71 миллиарда долларов. Но магнаты, с которыми иностранные инвесторы весело проводили время в самых дорогих московских ресторанах и клубах, в основном продвигали интересы Кремля. Среди них был неугомонный дагестанец Сулейман Керимов. В 2006 году он попал на первые полосы газет после того, как врезался на своем «Феррари» в дерево на Английской набережной в Ницце и едва не умер от полученных ожогов. Подлечившись, он появился в своем слабоосвещенном, но хорошо охраняемом офисе на верхнем этаже московского таунхауса. Обожженные руки Керимова прятались в тонких перчатках без пальцев. Позже он не раз еще засветился в таблоидах благодаря своей склонности к роскошным вечеринкам, например, он мог пригласить к себе на виллу в Кап д'Антиб Бейонсе, чтобы та выступала перед банкирами из Morgan Stanley и Goldman Sachs. К началу 2007 года Forbes оценивал состояние Керимова в 14,4 миллиарда долларов, посчитав его вторым богатейшим человеком России после Абрамовича.

Керимов принадлежал к новому поколению дельцов, появившихся на волне кагэбэшного капитализма, при котором крупные частные бизнесы работали на государство, получая прибыли за счет доступа к его ресурсам. Если ельцинские магнаты разбогатели благодаря тому, что хранили в своих банках средства государственной казны, а затем использовали их

для выкупа крупнейших промышленных активов, то состояние Керимова почти полностью было «бумажным». В 2004 году он взял в «Сбербанке» кредит на 3,2 миллиарда долларов и приобрел на него 6% акций самого «Сбербанка» и 4,2% акций «Газпрома». Стоимость «Сбербанка» выросла в десять раз, а стоимость «Газпрома» – в шесть раз, в связи с чем состояние Керимова достигло 17,5 миллиарда долларов. Акции «Газпрома» и «Сбербанка» продавались по всему миру. Теперь благодаря своим капиталам Керимов мог строить отношения с западными финансовыми рынками и приобрел значительные доли в Morgan Stanley, Lehman Brothers, Fortis и Credit Suisse.

Проблема заключалась в том, что никто не понимал, можно ли считать эти деньги собственностью Керимова. Он всегда работал в секретной сфере, представляющей интересы российской внешней разведки. Ранее о нем мало что знали, но теперь он вышел из тени, воспользовавшись многомиллиардным займом у государственного банка. Даже работавшие с ним западные банкиры до конца не понимали, с кем имеют дело.

— Одно время я интересовался, не является ли он подставным лицом Кремля, – сказал один из банкиров.

— Если и так, то никто бы не удивился, – сказал другой банкир. – Всегда были предположения о том, что он хранитель кремлевских денег, – сказал третий. – Но как это доказать? Реальных денег нет, управлять нечем. Это все только кредитные средства.

Состояния, сколоченные при Путине, во много раз превышали прибыли ельцинских времен, различался также и сам способ заработка. Теперь все диктовал Кремль. Возможности ведения бизнеса зависели от Путина, которого

магнаты и их приспешники, указывая пальцем на потолок, шепотом называли «папа» или «номер первый». (Часто перед началом встреч меня просили оставить телефон в приемной того, к кому я приходила за интервью, они опасались прослушки.) Путина боялись и почитали, так как от его благосклонности зависел доступ к кредитам в государственных банках и к госконтрактам, что к тому времени стало основным способом зарабатывания денег. В такой мафиозной системе бизнес вели «по понятиям», как в бандитском мире. Если система строится на коррупции, откатах и доступе к ресурсам, под колпаком находятся все участники. Путин и его люди собирали компромат на всех – от бизнесменов до взяточников-госчиновников. Это позволяло держать каждого на крючке: если вдруг кто-то решит соскочить, то тут же окажется в тюрьме. Государственная власть превратилась в крупный бизнес, и каждый чиновник должен был использовать служебное положение, чтобы зарабатывать. Об этом свидетельствовали два инсайдера из Кремля.

Олег Дерипаска, молодой магнат, возглавивший алюминиевую промышленность страны после жестоких переделов девяностых годов, первым выразил публичное одобрение меняющемуся климату.

— Если государство говорит нам, что нужно завязать, мы должны завязать, – сказал он мне в 2007 году, имея в виду свой алюминиевый гигант «Русал». – Я не отделяю себя от государства. У меня нет других интересов.

В 2008 году, когда разразился финансовый кризис, зависимость бизнеса от Кремля стала еще очевиднее. Крах банка Lehman Brothers рикошетом ударил по всему российскому фондовому рынку – только в тот год из 300 миллиардов его

стоимости испарилось 230 миллиардов. Российские миллиардеры ринулись за займами в западные банки – нужны были средства, чтобы финансировать стремительную экспансию бизнес-империй. Широко применялась практика маржинального кредитования, а магнаты под залог миллиардных кредитов отдавали доли в бизнесе. Теперь, когда акции рухнули, иностранные банки вспомнили про кредиты. Значительные доли в «Русале» Дерипаски и «Вымпелкоме» Михаила Фридмана, втором по величине мобильном операторе страны, могли перейти в собственность западных банков.

Правительство Путина решило спасти национальных миллиардеров, но не перераспределять активы. Велась тонкая закулисная игра. Вместо того чтобы забрать у них акции, государственные банки – Сбербанк, ВТБ и Внешэкономбанк – предоставили миллиардные кредиты проблемным магнатам, оставив их на крючке режима. А решение госбанков продлить кредиты спасло многих бизнесменов.

— Они вели очень осторожную политику, – сказал магнат, чье состояние было спасено срочными государственными кредитами. – Путин хотел, чтобы люди были ему благодарны. Он спас крупные компании. Если государство дает тебе два или три миллиарда займов, а затем тебе звонят из Кремля и просят выделить миллиард на проект, отказать ты не можешь. Нужно соответствовать.

И это стало краеугольным камнем политики путинского режима.

— Путин видит это так, – сказал олигарх. – Я даю вам кредиты – вы остаетесь лояльными. Это восточный подход. Это феодальная система.

Круг кремлевских хранителей вышел далеко за пределы союзников Путина по Санкт-Петербургу.

Западные банкиры, которые так усердно пытались интегрировать российских миллиардеров в глобальную экономику, всегда считали проблему чрезмерной зависимости от Кремля второстепенной. Ослепленные хлынувшим в Лондон денежным потоком, они сами со временем впали в зависимость от этих средств. Западная банковская система быстро катилась к финансовому кризису 2008 года. В те дни один западный банкир рассказал мне, как вместе с коллегами заказывал отчеты о добросовестности новых клиентов и эти отчеты самоуничтожались с компьютеров после прочтения, чтобы не вызвать какие-либо подозрения. В дополнение к этому выросла целая индустрия в виде фирм, которые занимались корпоративными расследованиями и писали отчеты о предыдущей деятельности клиентов: грязные истории российских магнатов переписывались так, чтобы представить их бизнесы в самом выгодном свете.

Данных о величине денежных потоков из России в Лондон было катастрофически мало. В основном деньги поступали через подставные офшорные компании Кипра, Британских Виргинских островов, Панамы или с территорий в юрисдикции Британской короны – Джерси, Гернси и острова Мэн. Там ловко прятали бенефициаров за многочисленными слоями подставных собственников. Один из женеvских финансистов рассказал мне, что многие российские клиенты сначала переводили деньги на Кипр или в Австрию – у обеих стран был договор с Россией об избежании двойного налогообложения. Оттуда деньги поступали в Великобританию, а затем –

в анонимный траст в Панаме. В такой системе использовались несоответствия между континентальной и англосаксонской системами налогообложения, и в итоге налоги снижались практически до нуля. По большей части наличность, поступившая в Лондон в течение последних десяти лет, имела неизвестное происхождение. Например, только во втором квартале 2009 года три территории в юрисдикции Британской короны принесли Лондону чистых финансов на сумму 335,2 миллиарда долларов. Предполагалось, что большая часть этих средств – иностранные капиталы, но выяснить их истинное происхождение не представлялось возможным. Однако лондонские агенты недвижимости очень хорошо знали, что их самые крупные клиенты, не жалеющие миллионы на лучшие особняки британской столицы, были родом из бывшего Советского Союза, а юристы и банкиры Лондона выстраивались в очередь, чтобы обслуживать миллиарды долларов, оказавшихся в распоряжении российских магнатов. Агентов не интересовало ни происхождение денег, ни то, кто действительно за ними стоит.

Ходили слухи, что британские лорды получали щедрое вознаграждение за то, что соглашались занять места в советах директоров российских компаний, однако при этом информации о деятельности компаний они не получали.

— В Лондоне деньги правят всем, – сказал российский магнат. – Можно купить всех и вся. Русские приехали в Лондон, чтобы подкупить британские политические элиты.

— Русские очень хорошо знают, как играть в эту игру, – сказал в прошлом крупный банкир из Лондона, имевший связи с верхами Кремля. – С помощью денег можно манипулировать огромным числом людей. Я могу назвать пятьдесят имен. Как вы

думаете, что все эти лорды делают в советах директоров российских компаний? Им просто платят по 500 тысяч фунтов в год.

Лондон теперь называли Лондонградом и Москвой-на-Темзе. Два богатейших магната России, Роман Абрамович и Алишер Усманов – урожденный узбек, торговец металлами, чей бизнес всегда шел рука об руку с российским государством, поселились в Лондоне и заняли верхние строчки в списке десяти самых богатых людей города по версии *Sunday Times*. Их представители упорно отрицали приписываемые им попытки подкупить или склонить на свою сторону британскую политическую элиту. Одному российскому миллиардеру этот процесс напомнил старый советский анекдот. В дни, когда Союзу грозило банкротство, КГБ готовило агента к отправке в США. Агент придумал красивую легенду: он прибывает в Америку под видом богача, на шикарной яхте, покупает дорогой особняк, и к нему на поклон приходит весь высший свет. Он рассказывает шефу свой план, и тот его одобряет. Но когда дело доходит до согласования с финансовой службой КГБ, концепцию приходится изменить, и агенту говорят, что денег на такую схему нет и он должен отправиться в США как бомж.

— Тогда ситуация была именно такой, — сказал магнат. — А теперь мечты сбылись. У них есть шикарные яхты и частные самолеты. И эти огромные особняки... На Запад прибыла целая группа. Проникновение в тыл противника прошло успешно.

Глава 12

Битва начинается

Ничто из этого не имело бы значения, если бы управляющие страной люди из КГБ решили использовать богатства нации для укрепления рынка и демократических институтов, а не для усиления и расширения своей власти. Проблем бы не возникло, если бы собравшиеся вокруг Путина силовики увидели в Западе возможного партнера, а не злобного врага, намеренного ослабить Россию и ограничить ее глобальное влияние. Но они были родом оттуда, где холодная война не закончилась и где имеет значение только восстановление геополитической мощи России. В их мире с момента перехода России к рынку капитализм рассматривался как оружие, которое позволит им однажды свести счеты с Западом. В их мире Путин верил, что может купить любого. Приближение НАТО к границам России люди Путина рассматривали как экзистенциальную угрозу, а демократические движения, свергнувшие пророссийские правительства в Украине и Грузии, считали не выражением воли народа, а революциями, спонсированными США. Эта паранойя развилась после краха империи, после сокрушительного падения коммунистической системы. Проблема заключалась в том, что паранойей были одержимы люди из КГБ – и в своем стремлении к власти они стали еще более беспощадны.

Впервые обратившись к мировым лидерам в феврале 2007 года на Мюнхенской конференции по безопасности, Путин четко обозначил свои позиции. Многие считали, что это его последний год президентства. Скоро заканчивался второй срок, и, в соответствии с конституцией, он должен был уйти. Путин

начал свою речь с воинственного предупреждения, что некоторым его слова могут не понравиться, а затем двадцать минут критиковал мировой порядок, установившийся после холодной войны, где США доминировали как единственная сверхдержава:

— Мы видим все большее пренебрежение основополагающими принципами международного права. Больше того – отдельные нормы, да, по сути – чуть ли не вся система права одного государства, прежде всего, конечно, Соединенных Штатов, перешагнула свои национальные границы во всех сферах: и в экономике, и в политике, и в гуманитарной сфере навязывается другим государствам. Ну, кому это понравится? Кому это понравится?

Он резко высказался об экспансии НАТО в страны бывшего Варшавского договора. Запад, сказал он, грубо нарушил обещания, данные Советскому Союзу после падения Берлинской стены. Он осудил планы Америки по созданию противоракетного щита над Чехией и Польшей. США заявляли, что это необходимо, чтобы защитить Европу от иранских и северокорейских ракет, однако в Кремле всегда считали, что щит будет использоваться только для того, чтобы Москва не могла противостоять ядерному удару. В России были убеждены, что ни Северная Корея, ни Иран не смогли бы дотянуться до Европы, и даже если бы Северная Корея попыталась запустить ракеты в сторону США, они полетели бы не через Европу.

— Да и гипотетический пуск, например, северокорейской ракеты по территории США через Западную Европу – это явно противоречит законам баллистики, – сказал Путин. Он

предупредил, что создание противоракетной обороны на границах России лишь спровоцирует новую гонку вооружений.

Тирада Путина завершилась предупреждением Западу. Он сказал, что «холодная война» оставила «неразорвавшиеся снаряды», «идеологические стереотипы, двойные стандарты, иные шаблоны блокового мышления». Однако однополярный мир, в котором доминируют США, тоже обречен на провал:

— Это мир одного хозяина, одного суверена. И это в конечном итоге губительно не только для всех, кто находится в рамках этой системы, но и для самого суверена, потому что разрушает его изнутри.

Мир быстро меняется, отметил он. Страны группы БРИК – развивающиеся рынки Бразилии, России, Индии и Китая – растут быстрыми темпами, а значит, вскоре бросят вызов экономикам развитых стран.

Но в те дни на Западе были озабочены другими проблемами. Еще были свежи в памяти террористические атаки 11 сентября, сказывались последствия военных действий в Ираке и Афганистане. Угроза терроризма оставалась весьма ощутимой. Последнее, что хотел услышать Запад, так это претензии от выскочки России и ее заявления о намерениях занять ключевые позиции в глобальной архитектуре безопасности. Все были убеждены, что противостояние завершено и России как глобальной силы уже не существует. Это мнение кратко выразил тогдашний министр обороны США Роберт Гейтс – по окончании речи Путина он со вздохом сказал: «Хватит с нас и одной холодной войны».

К концу 2007 года Запад возлагал большие надежды на человека, которого Путин выбрал на пост следующего президента. Это был Дмитрий Медведев – ничем

не примечательный юрист, заместитель Путина с питерских времен, высокопарный самопровозглашенный либерал. Его детство прошло в пригороде Ленинграда, он много читал, стоял в очередях за классической литературой и покупал на черном рынке пластинки западных рок-музыкантов. Сорокаоднолетний Медведев начал свое восхождение к президентству с громкого заявления «Свобода лучше, чем несвобода» и пообещал ограничить участие государства в экономике. На Западе надеялись, что с его президентством Россия вернется на путь нормальной рыночной экономики и дальнейшая интеграция страны в глобальную систему будет способствовать развитию политически активного среднего класса. Выбор Медведева был многообещающим – в этом видели знак того, что на смену Путину приходит либеральное крыло администрации и с эксцессами власти силовиков, включая перекраивание судебной системы и уничтожение политической оппозиции, будет покончено. Оставались надежды, что теперь Россия начнет играть по общепринятым правилам. В январе 2009 года начала работу администрация Обамы, и вскоре США анонсировали «перезагрузку» отношений двух стран, несмотря на военный конфликт России с прозападной Грузией в августе 2008 года.

Ранее в том месяце произошли столкновения между грузинскими военными и сепаратистами Южной Осетии с применением тяжелого российского вооружения. Конфликт перерос в пятидневную войну. Грузинские танки обстреливали сепаратистов, которые в ответ бомбили грузинские деревни, а затем вошли в региональную столицу Цхинвали. Погибли десятки, если не сотни гражданских лиц. Россия и Грузия разразились взаимными обвинениями, и ситуация выходила из-под контроля. Российские самолеты начали наносить удары по

военным позициям Грузии, а танки вторглись на грузинскую территорию. Президент Грузии Михаил Саакашвили утверждал, что приказ наступать на Цхинвали был отдан только после того, как российские войска вошли на территорию страны с севера, через Рокский тоннель. Россия же заявляла, что военные появились в республике только после атак Грузии. Правда, казалось, была окутана дымной завесой войны. Однако, по заявлениям нескольких независимых военных экспертов, Россия давно готовила ловушку для Саакашвили и подстрекала сепаратистов к военным выступлениям, а вторжение планировалось заранее. В итоге Грузия потеряла большой кусок территории и оставила надежду стать членом НАТО – разговоры о вступлении в альянс велись годом ранее. Россия в одностороннем порядке признала независимость Южной Осетии и назвала ее «зоной замороженного конфликта». Сомнений не оставалось: агрессивный ответ России свидетельствовал о твердом намерении взять под контроль ближнее зарубежье.

— Россия заявляет о своей новой роли, и это будет иметь далекоидущие последствия, – сказал, политолог из Московского центра Карнеги Дмитрий Тренин. – Россия начнет активнее теснить США. Такого не было еще месяц назад – теперь мы оказались в другой среде. Россия хочет утвердить региональную гегемонию.

Несмотря на агрессию России, новая администрация Барака Обамы дала понять, что хочет строить отношения с чистого листа. Это положило бы конец длительному противостоянию, а ему на смену пришли бы взаимодействие, сотрудничество и партнерство. Медведев назвал президентство Обамы «очень хорошим шансом» построить «хорошие отношения

сотрудничества» и сообщил о желании России продолжить интеграцию в мировую финансовую систему. Был обозначен план реформирования международной финансовой системы:

— Россия готова к сотрудничеству со странами ЕС и другими партнерами и хотела бы принять участие в создании новой финансовой архитектуры.

Одной из главных тем его президентства была трансформация Москвы в «международный финансовый центр». Медведев предложил также отказаться от планов размещения ракет «Искандер» с ядерными боеголовками в Калининграде в ответ на размещение противоракетных систем США. Такие ведущие внешнеполитические стратеги США, как заместитель государственного секретаря в 1994–2001 годах Строуб Толботт, полагали, что глобальный финансовый кризис ослабил Россию и теперь она как «нефтяная супердержава» не представляет опасности. Толботт верил, что дальнейшая интеграция России в глобальную систему будет означать установление «международного порядка на основе законности».

Медведев и Обама обменивались любезностями. Обама назвал президента России «умным человеком, смотрящим в будущее». Начались дискуссии о приостановке американских планов по противоракетной обороне в обмен на помощь России в попытке помешать Ирану в производстве стратегических ракет дальнего радиуса действия. Было достигнуто «взаимное понимание» по сокращению ядерного арсенала обеих стран и по укреплению сотрудничества в Афганистане. Во время первого визита Обамы в Москву в 2009 году они с Медведевым, казалось, сразу нашли общий язык. Когда на следующий год Медведев приехал в США с ответным визитом, темой переговоров стало укрепление бизнес-связей. Медведев хотел казаться

модернизатором, современно мыслящим президентом – с айпадом в руках и аккаунтом в Twitter. Он отправился в Кремниевую долину и выразил надежду на сотрудничество, которое увенчает усилия России в развитии высоких технологий. С той же доброжелательностью Обама и Медведев посетили любимую бургерную американского президента. В США возлагали на Медведева большие надежды – предполагалось, что он возглавит дальнейшую интеграцию России.

Но хотя после ухода с поста президента Путин занял место Медведева в кресле премьер-министра, за кулисами он продолжил управлять страной. Медведев принял лишь несколько самостоятельных решений, и его реформы, которые должны были ограничить роль государства в экономике, оказались не более чем витриной. По сути, Медведев стал номинальным президентом. Путин выбрал его в качестве преемника именно потому, что из всего близкого окружения он с наименьшей вероятностью мог забрать власть в свои руки. Путин изначально планировал вернуться в президентское кресло – после того, как Медведев отработает свой срок.

— Понятно, что вся эта операция с Медведевым была задумана для того, чтобы гарантировать его возвращение, – сказал Сергей Колесников.

Став главой государства, Медведев сразу увеличил сроки президентства с четырех до шести лет для того, кто придет после него. Он словно готовился к возвращению Путина.

Попытки США заигрывать с Медведевым не улучшили политический климат – наоборот, лишь обострили подозрительность Путина в отношении Запада, а позднее вызвали непримиримые разногласия. В сентябре 2011 года Путин объявил, что снова выдвигается в президенты, и надежды

Запада рухнули. Эксперимент с Медведевым, казалось, был завершен – а возможно, он даже не начинался.

И все же той зимой в какой-то момент показалось, что Россия сможет изменить свой политический пейзаж и надежды на либерализацию реальны. Объявив о своем возвращении, Путин впервые столкнулся с реальным политическим противостоянием. Вскоре после его заявления стало ясно, что все пошло не по плану: Путина освистали, когда он вышел на ринг поздравить борца Емельяненко с победой. Бой транслировался по телевидению. Это случилось впервые за двенадцать лет его правления: восемь – в роли президента и почти четыре – в роли премьер-министра. И хотя бой транслировался в прямом эфире, редакторы государственного телеканала сумели приглушить неодобрительные крики толпы.

Но через полтора месяца, 10 декабря 2011 года, на Болотной площади в Москве собрались десятки тысяч протестующих. Они несли плакаты «Россия без Путина» и требовали положить конец режиму. Заглушить эти крики было гораздо сложнее. Эта демонстрация стала самой массовой с момента распада СССР. Протестующие кричали «Путин – вор!», «Вор должен сидеть в тюрьме!», и от стен Кремля их отделяла только Москва-река.

Триггером демонстрации стали сообщения о подтасовках голосования во время парламентских выборов, которые прошли неделей раньше. Активисты гражданского общества ловили Кремль с поличным на вбросах бюллетеней и фальсификациях результатов в пользу «Единой России» – партии бюрократов, чья лояльность государству строилась на коррупции и личном продвижении. Но за криками отчаяния пряталось глубокое разочарование. Когда Путин решил вернуть себе президентство, люди поняли, что их обманули. И хотя большинство смотрело

на Медведева как на члена путинского клана, четыре года его либеральной риторики пробудили надежды на политическое возрождение, особенно среди московских элит. Люди чувствовали, что над ними издеваются. Путин держал в неизвестности всю страну, заставлял мучиться в догадках. Никто не знал, останется Медведев на второй срок или вернется Путин. Но когда в сентябре на съезде «Единой России» Путин объявил о своем выдвижении, он уточнил, что к такому решению они с Медведевым пришли еще год назад. Выглядело это так, словно Путин вышел и заявил, что все сказанное за четыре года было ложью. Его решение «унизило всю страну», сказала Евгения Альбац, редактор *The New Times* – одного из немногих независимых журналов, выступавших с критикой Кремля.

Негодующие и разочарованные банкиры и бизнесмены встали плечом к плечу с пенсионерами и подростками, анархисты левого толка шли рядом с либералами и ультранационалистами. Демонстрации продолжились и зимой. В России наконец появился новый харизматичный лидер, сумевший объединить людей впервые со времен Бориса Ельцина. Очаровательный и слегка неуклюжий юрист Алексей Навальный давно искал путь в политику. У него была огромная аудитория: во время президентства Медведева он в своем блоге рассказывал о государственной коррупции, и многие считали, что его внешнее сходство с молодым Ельциным – пророческий знак. Он стал одним из немногих храбрецов, выступавших против откатов и фиктивных контрактов, распространенных в крупнейших корпорациях страны. Той зимой на протестах он, как рок-звезда, выступал перед публикой и скандировал:

— Кто здесь власть? Мы здесь власть!

И толпа повторяла за ним эти слова.

Он произносил страстные речи, обличал коррупцию путинского режима и назвал его властью «жуликов и воров». Протесты продолжались вплоть до президентских выборов в марте. Ходили слухи о растущем противостоянии между либеральными и консервативными силами Кремля. Некоторых прогрессивно мыслящих представителей большого бизнеса России новости о возвращении Путина повергли в шок.

— Словно твой родственник тяжело болен, — сказал один из них. — Когда он умирает, ты понимаешь, что это было предсказуемо, но тебе от этого не легче.

Несмотря на гнетущую атмосферу той зимы, некоторые питали надежды на политическую оттепель. В реальности же шансов у несогласных не было. С протестом выступило городское меньшинство, но силовики контролировали правоохранительную систему. Путин обратился к глубинному народу, к так называемому молчаливому большинству страны, к государственным служащим — превыше всего они по-прежнему ценили стабильность и восхваляли Путина за то, что он положил конец хаосу ельцинских лет. Путин же не верил, что волна протестов была искренним выражением недовольства и отчаяния, народным негодованием — ведь теперь стало ясно, что заявления Медведева об открытости оказались пустым звуком. За протестами ему мерещился Госдеп. А как иначе, по его мнению, могли выйти на улицы почти сто тысяч человек? Путин считал, что США инспирировали протесты в Украине и Грузии, а теперь проникли и в Россию.

— Мы не допустим, чтобы кто-нибудь вмешивался в наши внутренние дела, мы не допустим, чтобы кто-нибудь навязывал нам свою волю, потому что у нас с вами есть своя воля! — заявил

он в феврале на митинге в Лужниках перед президентскими выборами. – Она всегда помогала нам во все времена побеждать! Мы с вами народ-победитель! Это у нас в генах, в нашем генном коде! Это передается у нас из поколения в поколение! Мы и сейчас победим!

Этот посыл нашел отклик у большинства россиян. Люди еще помнили крах Советского Союза и относились к Западу с подозрением, что и помогло Путину выиграть выборы с 64% голосов. Когда после голосования уже ночью он вышел к собравшимся у Кремля избирателям, чтобы объявить о своей победе, то не смог сдержать слез. И хотя его помощники говорили, что глаза слезились от ветра, выглядело так, словно его преследовала мысль об «арабской весне» – движении, опрокинувшем авторитарные режимы на Ближнем Востоке в 2010–2011 годах. В Кремле были уверены, что продемократические движения финансируются США и московские протесты – не исключение. (Сенатор-республиканец и яростный критик Путина Джон Маккейн написал зимой в Twitter: «Дорогой Влад, «арабская весна» уже пришла и обосновалась по соседству с тобой в скованном морозами и протестами центре Москвы». Но не помогло.) Казалось, в этой битве Путин намерен идти до конца и восстановить глобальные позиции России любой ценой, словно он действительно верил в то, что предотвращает американский заговор.

После возвращения Путина на пост президента началось жесткое подавление политических оппонентов, что лишь подчеркнуло бессилие российской либеральной элиты. В июне были арестованы и отправлены в тюрьму десятки протестующих, которые принимали участие в демонстрации накануне

инаугурации Путина. Там не обошлось без эксцессов. Протестующим вменили участие в массовых беспорядках и применении насилия к полиции. Затем прошли обыски в домах лидеров оппозиции, включая Навального. Через месяц ему предъявили обвинение в хищении в крупном размере, что грозило тюремным наказанием до десяти лет. Новый закон накладывал существенные ограничения на любые неправительственные организации с иностранным финансированием. Результаты таких нововведений ужасали. Вместо ослабления контроля над политической системой, о чем так часто говорил Медведев, люди Путина резко сжали хватку и еще крепче вцепились во власть. Они по-прежнему контролировали судебную и правоохранительную системы и могли посадить любого, кто осмеливался перебежать им дорогу. Олигархи эпохи Ельцина при всем желании не смогли сдвинуть страну с новой траектории развития, к тому моменту они сильно увязли.

— Все они зависят от номера один, — сказал партнер одного олигарха. — Россия — единственное место, где они могут делать деньги. Они все зависят от одобрения Путина.

— Как мы можем выступить против них, если у них в руках вся власть? — спросил один из миллиардеров.

Так что после четырехлетнего правления Медведева вместо долгожданной либерализации родилась система, в которой государство еще четче обозначило свое присутствие в экономике. Не только из-за государственных кредитов, которые спасли магнатов от санкций западных кредиторов после финансового кризиса 2008 года, но и потому, что во время президентства Медведева под знаком модернизации экономики

в экспериментальные государственные проекты были вложены миллиарды долларов.

Первым таким проектом стала корпорация «Роснано», созданная как инкубатор нанотехнологий. Эту область науки люди Путина считали важнейшей для успешной конкуренции с Западом в военных технологиях и искусственном интеллекте. В 2010 году был создан центр разработок высоких технологий «Сколково» для стимулирования технических стартапов. Оба предприятия превратились в огромные черные дыры для правительственных денег – при этом никто не контролировал, как и на что они тратятся. «Роснано» инвестировало более миллиарда долларов в американские технологические фирмы, а «Сколково» укрепило сотрудничество с Кремниевой долиной и Массачусетским технологическим институтом. Американские правоохранители подозревали, что Россия возвращается к старым добрым методам холодной войны. ФБР предупредило руководителей технических компаний в Бостоне, что российские государственные проекты – это хитроумные подставные фирмы, призванные получить доступ к американским военным технологиям и технологиям двойного назначения.

Разморозка отношений с США во времена Медведева и последовавший стабильный поток западных инвестиций лишь укрепили власть людей из КГБ.

— Запад оказался очень наивным, – сказала политолог из Chatham House Лилия Шевцова. По ее словам, содействие, которое обеспечил режим Обамы, стало для путинской системы технологической и финансовой «виагрой». Рост цен на нефть гарантировал дополнительную поддержку. К моменту возвращения Путина цены взлетели почти до 100 долларов за баррель, то есть почти утроились по сравнению с финансовым

коллапсом 2008 года – тогда нефть стоила 35 долларов. Российские валютные резервы достигли 500 миллиардов и вышли на четвертое место в мире.

Феодальная система, в которой личные состояния зависели от прихотей Кремля, укреплялась. Несмотря на все речи Медведева о борьбе с коррупцией, два крупных западных банкира заявили, что он использовал в роли доверенных лиц сразу нескольких миллиардеров. Еще один магнат придумал схему, в которой любая сделка требовала одобрение Кремля, что гарантировало Медведеву долю в каждой из них. И хотя он клялся, что будет содействовать снижению роли государства в экономике, богатства, принадлежавшие близким бизнес-партнерам Путина, только увеличивались.

Если состояние путинской команды росло, то люди типа Пугачева оказались за бортом. Пугачев стал анахронизмом, символом эпохи ельцинских лет, когда бизнес наслаждался свободой, и ненужным напоминанием о том, как именно Путину досталась власть. После атаки на Ходорковского Пугачева начали постепенно отодвигать в сторону.

— После того, как власть ушла к КГБ, я больше не мог ни на что влиять, – сказал он. – Они накрыли все, как цунами.

В какой-то момент во время второго срока Путина Пугачев отказался от кабинета в Кремле. Казалось, он был больше не нужен, к тому же сильно бросался в глаза. При этом магнат сохранил близкое общение с Путиным, помогал ему летом 2007 года организовывать отдых с принцем Монако Альбертом в Туве – этот регион Пугачев представлял как сенатор. В окружении прекрасных гор гости рыбачили на Енисее, а Путин в стиле мачо

эффектно позировал с обнаженным торсом в брюках цвета хаки и с удочкой в руках.

Однако Пугачев не хотел раболепствовать перед Путиным, подобно остальным соглашателям, вел себя недостаточно почтительно и часто говорил то, что думал. Между ними всегда были трения, словно Путин не хотел помнить о том, что он в долгу перед Пугачевым. Постепенно разногласия усиливались. Тучи над пугачевской бизнес-империей начали сгущаться еще до финансового кризиса и назначения Медведева преемником. Под удар попали два крупных судостроительных завода в Санкт-Петербурге, обширные месторождения коксующегося угля в Сибири и строительные проекты.

В 2001 году, вскоре после того, как Путин стал президентом, Пугачев ушел с поста председателя Межпромбанка, передав собственность в новозеландский траст. Но, несмотря на личную непочтительность по отношению к Путину, все равно финансировал все проекты, о которых тот просил. Его по-прежнему считали кремлевским банкиром. В первый год президентства Медведева Путин попросил Пугачева проспонсировать одного лояльного магната. Близился глобальный финансовый кризис 2008 года, и олигархи со свободными средствами становились редкостью, но Пугачев еще был в их числе. Летом 2008 года ему позвонил Путин и попросил о кредите в 500 миллионов долларов на помощь его другу Аркадию Ротенбергу.

— Он сказал мне: «Это всего лишь кредит. Через полгода тебе его вернут», — сказал Пугачев.

Ротенберг и Путин были знакомы с детства, вместе дрались на улицах Ленинграда, вместе занимались дзюдо в спортклубе. Ротенберг проявил интерес к бизнесу уже после того, как Путин

стал президентом. Вместе с братом Борисом он основал в Петербурге банк СМП. Однако к тому моменту о Ротенберге почти никто ничего не знал. Пугачев помог ему расширить бизнес – банк должен был тоже стать спонсором путинского режима. Ротенберг ждал, пока подвернется сделка, которая принесет миллиарды долларов по госконтрактам. Той весной Ротенберг приобрел у «Газпрома» несколько строительных компаний, а через несколько недель «Газпром» передал холдинговой компании Ротенберга «Стройгазмонтаж» многомиллионный контракт на строительство российской части стратегического газопровода по Балтийском морю в Германию. Единственная проблема была в том, что к тому моменту Ротенберг так и не расплатился с «Газпромом» за строительные компании. Тогда-то Путин и позвонил Пугачеву. Тот ответил, что с радостью поможет. Но такая заинтересованность Путина в этом деле выдавала его: стало ясно, кто стоит за строительным бизнесом Ротенберга.

— Путин захотел подключить Ротенберга, потому что действительно мог его контролировать, – сказал Пугачев. – Тот был полностью под колпаком. В отличие от других питерских союзников Путина, «ранее Ротенберг не имел никакого реального бизнеса».

В результате той сделки Ротенберг стал миллиардером. Он отрицал тот факт, что его растущее состояние имеет какое-то отношение к Путину и их дружбе, но быстро примкнул к Тимченко, Сечину и Ковальчуку и стал очередным союзником. Более того, ему достались и более лакомые куски российской экономики.

Это была последняя услуга Пугачева Путину – после этого его выкинули на улицу. Через несколько месяцев после

выданного Ротенбергу кредита разразился финансовый кризис. Банковскую систему трясло. Межпромбанк, сооснователем которого был Пугачев (но заявлял, что уже не являлся прямым владельцем), оказался в чудовищных долгах, как и многие другие банки. Однако Центробанк не спешил пересматривать или реструктуризировать срочные кредиты, которые Межпромбанк взял в трудные времена. Другие перекредитованные банки оказались в более выгодном положении: вначале Центробанк оказал срочную помощь всей пострадавшей от кризиса банковской системе и выделил Межпромбанку 2,1 миллиарда срочных займов. Однако к лету 2010 года вернуть Центробанку кредит Межпромбанк не смог, и этот огромный долг стал рычагом, посредством которого правительство решило получить контроль над двумя судостроительными предприятиями Пугачева – «Северной верфью» и Балтийским заводом.

Несмотря на оптимистичные заявления Медведева о том, что степень участия государства в экономике снизится, Путин решил основать государственную судостроительную корпорацию и назначить председателем ближайшего соратника и автора схемы экспроприации ЮКОСа Игоря Сечина. Судостроительные предприятия Пугачева в Санкт-Петербургском морском порту были серьезными активами. «Северная верфь» и Балтийский завод считались крупнейшими оборонными судостроительными заводами страны, производителями военных кораблей. В модернизацию производства Пугачев вложил огромные средства, и судостроительные верфи стали первыми претендентами на заключение многомиллионного контракта между Россией и Францией. Планировалось строительство двух военных кораблей типа «Мистраль» для российского флота.

Когда Путин впервые приехал на верфи по случаю спуска на воду первого атомного ледокола «50 лет Победы», он не поверил своим глазам.

— Я помню его изумление, — сказал Пугачев. — На ледоколе были бассейн, сад, оранжерея. Он стоил более миллиарда долларов. Но Путин не мог этого понять. На его взгляд, частый владелец может печь булочки, но не может производить военные корабли и ледоколы. Мне принадлежало оборонное судостроительное производство, и Путина это не устраивало. Он считал, что я не должен быть владельцем. Он — советский человек, чекист. Я думаю, именно тогда он и решил забрать у меня заводы.

В ноябре 2009 года Путин позвонил Пугачеву, предложил встретиться и сказал, что правительство собирается основать судостроительную корпорацию. Пугачев понял, что его судостроительному бизнесу пришел конец. Путин сказал, что председательствовать будет Сечин.

— Он сказал мне: «Слушай, у тебя с ним будут большие проблемы. Не хочешь продать?»

Но в те дни Пугачев все еще надеялся прийти к каким-то соглашениям. Производство стоило ему уйму денег. Заводы имели государственные контракты на десятки миллиардов долларов. Он попросил 10 миллиардов. После недолгих переговоров министр финансов Алексей Кудрин сказал, что правительство выплатит 5 миллиардов. Пугачев согласился.

Но, как сказал Пугачев, Сечин решил получить эти заводы за часть стоимости. Это был послекризисный год, и у новоиспеченной государственной корпорации вообще не было денег. И хотя Пугачев заявил, что к менеджменту Межпромбанка отношения больше не имеет, он согласился

отдать свои доли в судостроительных предприятиях в рамках двустороннего соглашения с Центробанком как возврат 2,1 миллиарда долларов срочных займов. Независимые аудиторы из BDO оценили их в 3,5 миллиарда долларов, японский инвестиционный банк Nomura – от 2,2 до 4,2 миллиарда. Продажа активов должна была с лихвой покрыть долги.

Однако вместо подготовки к торгам в октябре 2010 года Центробанк внезапно отозвал лицензию у Межпромбанка за непогашение процентов, а затем подал иск на изъятие акций судостроительных предприятий. Это повлекло за собой цепь событий, завершившихся в 2012 году вынужденной продажей активов. Процедуры подозрительно напоминали схему отъема ЮКОСа. Московский суд на закрытом заседании санкционировал продажу «Северной верфи» и Балтийского завода за часть цены – они отошли сечинской государственной Объединенной судостроительной корпорации за 415 и 7,5 миллиона соответственно.

Государству не нужны были те огромные суммы, которые позволили бы Межпромбанку оплатить свои долги – вместо этого оно купило судостроительные верфи Пугачева за мизерную долю от их реальной стоимости. И снова люди Путина для отъема стратегических активов использовали судебную систему.

— Они отзывали лицензию Межпромбанка, это стало началом рейдерского захвата. После этого могло случиться все что угодно.

На Пугачева был открыт сезон охоты – вскоре у него забрали последние активы. Проект недвижимости на Красной площади, в рамках которого Путин несколько лет назад передал ему права на строительство, был отозван Управлением делами президента

без всякой компенсации. Затем рейдеры принялись за коксодобывающую «Енисейскую промышленную компанию» (ЕПК). И хотя Пугачев считал, что уже договорился о ее продаже консорциуму во главе с близким другом президента Чечни Русланом Байсаровым (покупатели даже анонсировали сделку в прессе) за 4 миллиарда долларов, сразу после первого транша в 150 миллионов правительство отозвало лицензию ЕПК на право разработки и добычи Элегестского месторождения и передало ее новой компании Байсарова.

Пока Медведев взывал к необходимости сократить присутствие государства в экономике и требовал от силовиков «прекратить кошмарить бизнес», Путин и Сечин инициировали прицельную атаку. Это наглядный пример того, какими изощренными методами стало пользоваться путинское государство. Вместо того, чтобы через продажу судостроительных заводов получить деньги для покрытия долгов, Пугачева обвинили в банкротстве Межпромбанка, что грозило ему уголовным преследованием. Его обвинили в том, что на пике кризиса 2008 года он перевел на швейцарский счет 700 миллионов собственных средств со своего личного счета в банке.

Человек, который сумел привести Путина в Кремль, становился изгоем. Пугачев больше не соответствовал целям режима и не считался достаточно лояльным. КГБ следил за ним и прослушивал в московском офисе его встречи с Юмашевым, Авенотом, министром финансов Алексеем Кудриным и главами крупных государственных банков. Комитетчики слышали, каким непочтительным тоном они обсуждали Путина и как резко критиковали работу его системы.

— Он поплатился за свой язык, — сказал один олигарх.

Пугачев попытался получить гражданство Франции, где он с начала девяностых годов владел виллой и куда позже решил бежать из страны. Это еще больше разозлило сторонников жесткой политики.

Мы встретились в сентябре 2014 года в офисе Пугачева в Найтсбридже – излюбленном лондонском районе российских олигархов. За углом располагался роскошный отель Mandarin Oriental, где двумя годами ранее Игорь Сечин, уже прославившийся как сторонник жесткой политики Кремля, впервые обратился с речью к мировым инвесторам. Это случилось накануне захвата «Роснефтью» остатков частного нефтяного сектора. Напротив, в зеленом Лоундс-сквере, Роман Абрамович приобрел два особняка с лепниной. Все это – в двух шагах от эксклюзивных торговых гигантов – Harrods и Harvey Nichols. Чуть дальше, на Итон-сквер, расположилась резиденция Олега Дерипаски стоимостью 25 миллионов долларов. Этот магнат и торговец металлами женился на дочери зятя Ельцина Валентина Юмашева, а затем публично принес клятву верности государству Путина. Пугачев сказал, что лучше бы его офис был в другом месте. «Отвратительно», – заключил он. Такая концентрация денег Путина в пределах одной квадратной мили ни на секунду не давала забыть, как глубоко Россия проникла в элиты Лондона.

К тому моменту Пугачев разбирался с ордером на заморозку его активов, выданным Верховным судом Лондона. Кремль расширял свой правовой фронт. Суд, казалось, не интересовало, что один из двух главных свидетелей обвинения, бывший президент Межпромбанка, бесследно исчез, а второй, бывший исполнительный директор банка Александр Диденко, заключил

сделку с прокуратурой, в рамках которой в обмен на показания против Пугачева получил более мягкий приговор. (Позднее Диденко стал сотрудником банка, управляемого тем же государственным подразделением, которое охотилось на Пугачева.) Кремль решил судить Пугачева за трансфер 700 миллионов, но он считал, что это лишь часть масштабной кампании по захвату его бизнес-империи. Документы по государственным искам против Пугачева не уместались в коробки. Среди них нашлась записка от Сечина с обсуждением отъема судостроительных заводов, копия которой была отослана в ФСБ, в Следственный комитет прокуратуры и в Московский арбитражный суд. В записке было указано, по какой именно уголовной статье открывать дело против Пугачева. Как видно из записки Сечина, Кремль не гнушался давать правоохранительным органам прямые указания для отъема собственности противника.

Но захват активов далеко не всегда служил укреплению государственной власти или созданию эффективной экономики. По мере того, как люди Путина расширяли свою сферу влияния, экономика начала пробуксовывать. Сечинская судостроительная корпорация получила пугачевские заводы, но после этого производство военных кораблей застопорилось. Новых менеджеров одного за другим арестовывали по обвинениям в коррупции и хищениях: драка за наличность становилась все отчаяннее. После того, как Руслан Байсаров забрал проект по коксующемуся углю, ранее принадлежавший ЕПК, прекратились и добыча, и разработка. Когда ЕПК принадлежала Пугачеву, объемы добычи составляли 10 миллионов тонн; планировалось строительство железной дороги стоимостью в 1,5

миллиарда – от угольного месторождения до Китая. Теперь ЕПК не производила ничего.

То же самое произошло и с сечинской «Роснефтью». В конце 2004 года государственный нефтяной гигант забрал «Юганскнефтегаз», и после этого выработка сошла на нет. Рост добычи «Роснефти» обеспечивался, по большому счету, приобретением новых активов, в то время как долг компании достиг 80 миллиардов долларов. В частных разговорах исполнительный менеджмент жаловался, что Сечин пытается контролировать все решения – вплоть до согласования командировок.

Все это указывало на более серьезную проблему. Экономический рост, ознаменовавший первые два срока Путина и возобновившийся после кризиса медведевских лет, начинал замедляться. В первые два срока Путина повышение цен на нефть обусловило средний рост экономики в 6,6%, но в 2013 году он упал до 1,3%. Многие экономисты предсказывали рецессию. Первородный грех путинского режима – захват судебной власти для экспроприации ЮКОСа – ударил по самой системе. Страх перед рейдерскими захватами блокировал поток инвестиций. Люди Путина перекроили под себя правовую систему, чтобы безнаказанно забирать чужие активы. В результате государственные гиганты так разрослись, что теперь было непонятно, что с этим делать.

— Дело ЮКОСа стало дополнительным импульсом роста коррупции в правоохранительных органах, – сказал бывший кремлевский чиновник. – После этого они начали расширяться, решив, что получили карт-бланш на дальнейший захват экономики. Все пребывали в страхе и потому урезали инвестиции.

Печальное положение в экономике отразилось на рейтинге Путина – он упал до 47% – минимальной отметки за все его президентство. Казалось, режим движется в тупик. Единственным способом стимулировать рост были реформы, отменяющие экспроприацию экономики государством и урезающие власть путинского окружения – но его люди никогда бы такого не допустили. Процветала только коррупция.

Сидя с Пугачевым в его офисе, мы пытались разобраться, почему все зашло так далеко. А в этот момент сам Путин, вместо того чтобы решать экономические проблемы, резко изменил нарратив. Беспокойство по поводу спада экономики и популярности президента в первые два года его возвращения и страхи повторения уличных протестов были забыты. Путин сосредоточился на новом этапе имперского возрождения страны: он решил разыграть масштабный гамбит и вписать Россию в мировой порядок. В марте 2014 года Россия аннексировала Крым. Впервые с момента окончания холодной войны она вторглась на территорию другой страны. Режим Путина вошел в жесткий клинч с Западом.

Лондонские банкиры, всеми силами старающиеся помочь России интегрироваться в мировые рынки, не могли понять причин такого хода событий. Казалось, они вышли из-под контроля. Однако все выглядело так, что военные действия были запланированы. Между Россией и Западом давно зрели серьезные разногласия по поводу будущего Украины. Где должна была оказаться страна – в ЕС или в ЕАЭС?

— Давно ли Путин готовил этот план? – сказал крупный западный банкир. – Он должен был провести подготовительную работу. Единственный способ разогнать экономику – это децентрализовать власть. Но когда настал момент принятия

решений, победила жажда контроля и желание остаться во власти. То, что мы видим, кажется частью старой стратегии уйти от проблем и быстро завоевать поддержку электората.

Могли ли внутренние экономические проблемы России усилить решимость людей Путина сохранить влияние на Украину и спровоцировать кризис, закончившийся аннексией Крыма? Когда и как это началось?

Впервые о том, что Россия может ввязаться в более серьезный конфликт с Украиной, в Кремле заявили в сентябре 2013 года. К тому моменту Виктор Янукович при содействии Фирташа и Пола Манафорта стал президентом Украины. Репутация «оранжевой коалиции» и президента Виктор Ющенко серьезно пострадала в результате конфликтов и подозрений в коррупции после газовой сделки в 2006 году. Янукович пришел к власти в 2010 году и взял курс на укрепление своей и государственной независимости. Несмотря на прокремлевские взгляды, Янукович, поощряемый украинскими олигархами, вел переговоры о заключении Соглашения об ассоциации Украины и Европейского Союза, что укрепило бы политические и экономические связи с Западом. Эти переговоры пробудили давние страхи России, причем в самый критический для нее момент. Любой шаг Украины в сторону Запада, особенно после политических протестов на Болотной, представлял серьезную угрозу для людей Путина из КГБ. Под удар попадала вся модель государственного капитализма в России. Скорее всего, евроинтеграция Украины упрочила бы позиции российских либералов. Подписание соглашения с ЕС было намечено на ноябрь, и по мере приближения этого события давление России на Украину

усиливалось. В сентябре посланник Кремля Сергей Глазьев публично заявил, что в случае подписания этого соглашения Украину ждет катастрофа – Россия введет штрафные тарифы, которые обойдутся в миллиарды долларов и приведут к дефолту по 15 миллиардам долларов займов. Более того, Глазьев утверждал, что евроинтеграция станет крахом Украины как государства, поскольку освободит Россию от соблюдения договора о признании границ. В случае если пророссийские регионы Украины обратятся за помощью к Москве, Кремль вмешается.

— Подписание такого документа приведет к политическим и общественным беспорядкам, – сказал Глазьев. – Уровень жизни серьезно упадет. Наступит хаос.

Янукович испугался угроз Глазьева и отозвал подписание соглашения с ЕС. И хотя следующие события приняли неожиданный оборот, предостережения Глазьева сбывались с поразительной точностью. Многолетняя надежда на то, что Украина наконец выберет западный путь, снова потерпела крах. Сторонники евроинтеграции выразили яростный протест: сотни тысяч людей вышли на улицы, студенты выступали плечом к плечу с олигархами, уставшими от лицемерной коррупции режима Януковича. Протестующие снова разбили палаточный город на главной площади Киева – Майдане, где уличные протесты 2004 года закончились «оранжевой революцией». Почти три месяца костяк самых активных протестующих находился на площади под снегом и дождем, время от времени вступая в столкновения со спецназом, когда администрация президента пыталась зачистить площадь. Противостояния ужесточились, когда Янукович ввел драконовский закон о запрете уличных демонстраций – это грозило серьезными

штрафами и тюремными сроками. В ответ на это демонстранты захватили автобусы – один сожгли, остальные выставили против колонны спецназа. Оружием против полиции стали железные прутья. Среди протестующих были представители радикального ультраправого крыла, поэтому сопротивление становилось все более организованным. Группа националистов руководила действиями на баррикадах по периметру площади. Ультраправые были первой линией фронта – они использовали даже катапульты. Протесты грозили вылиться в масштабную катастрофу. И она произошла.

Ранним утром 20 февраля 2014 года был открыт снайперский огонь. До сих пор никто не знает, как это произошло и какая из сторон начала стрелять первой. За два часа погибли сорок шесть протестующих, а к концу дня их число достигло семидесяти. Янукович в ужасе звонил министрам иностранных дел Франции, Германии и Польши, чтобы обсудить свою политическую судьбу, и по итогам этих переговоров согласился провести внеочередные президентские выборы и конституционно ограничить полномочия президента. Но российская риторика становилась все агрессивнее. Высокопоставленный российский чиновник заявил *Financial Times*: если Украина продолжит евроинтеграцию, Россия пойдет войной на Крым, так как должна защитить свои военные базы и этническое русское население:

— Мы не позволим Европе и США забрать у нас Украину, – сказал представитель министерства иностранных дел. – Они думают, что Россия так же слаба, как в начале 1990-х годов, но это не так.

Утром 22 февраля мир проснулся и узнал, что Янукович бежал, несмотря на достигнутые соглашения о досрочной

отставке. Вероятно, он больше не чувствовал себя в безопасности. Президентская охрана отказалась выполнять свои обязанности, а радикальные лидеры оппозиции не хотели признавать его компромиссные договоренности и заявляли, что протесты продолжатся до тех пор, пока он не уйдет. В этом политическом вакууме у руля встало временное проевропейское правительство.

Но этим конфликт в Украине не закончился. Не прошло и недели, как дело приняло новый оборот. Россия решила осуществить свои угрозы. Вечером 27 февраля военные в балаклавах и без опознавательных знаков ворвались в парламент Крыма и водрузили над ним российский флаг. На экстренном заседании был назначен новый региональный премьер-министр и прозвучало предложение о референдуме по присоединению к России. К границам Украины подтянулись 150 тысяч российских военных. События развивались с невероятной скоростью – точно так, как предсказывал Глазьев. Позже западные чиновники поразятся, с какой тщательностью была подготовлена эта операция.

Запад воздерживался от опрометчивых выпадов в сторону режима Путина. Россия оправдывала свои действия необходимостью защиты собственных интересов и заявляла, что это контрмеры в ответ на подготовленный США переворот в Киеве.

— Мы являемся свидетелями масштабной геополитической игры, цель которой – уничтожить Россию как геополитического оппонента США и глобальной финансовой олигархии, – сказал Владимир Якунин.

Мы встретились с ним в тот напряженный момент, и он заявил мне, что Америка продолжает следовать доктрине ЦРУ,

реализуемой с шестидесятых годов. Цель ее – отделение Украины от России. Бывший советник по национальной безопасности США Збигнев Бжезинский писал в 1996 году, что вместе с Украиной Россия является великой державой, а без нее она слаба.

— Эта идея не нова, – сказал Якунин. – Более сорока лет назад США разрабатывали планы по уничтожению Советского Союза. Согласно документам ЦРУ, планы включали отделение Украины от России. Где-то на полках у шефов ЦРУ лежат документы с этими проектами, и их пересматривают каждые три года.

Не позаботившись предоставить какие-либо доказательства, российские официальные лица и государственные медиа запустили беспрецедентную пропагандистскую кампанию – заявлялось, что за протестами, опрокинувшими режим Януковича, стоят США, а сами протесты инспирировали неонацисты. В реальности же в протестах участвовали те же прозападные образованные украинцы, которые возглавили «оранжевую революцию» в 2004 году. Украинские элиты вымотала коррупция, ставшая неотъемлемой частью режима Януковича. Российская сторона утверждала, что в тот судьбоносный февральский день, когда на Майдане погибли более семидесяти человек, огонь открыли неонацистские «вооруженные боевики». Однако пропаганда не упомянула о том, что бойцы «Беркута» – подразделения украинских спецслужб, отправленные в тот день штурмовать баррикады, – потом массово бежали в Россию или в подконтрольные России регионы Украины, а использованное оружие бросили в озеро. «Беркут» снискал дурную славу: было известно, что в подразделение просочились многочисленные российские

агенты, особенно во время правления Януковича. Прокуратура Украины подозревала, что кровопролитие произошло по вине российских спецслужб. После того как судебные эксперты изучили видеозапись, прокуратура обвинила элитное подразделение «Беркут» в убийстве тридцати девяти протестующих. Официальный представитель прокуратуры и офицеры из украинских спецслужб заявили газете *Financial Times*, что огонь с крыш зданий, окружавших Майдан, открыли неопознанные силы, стреляя как по протестантам, так и по полицейским.

Ничто из этого не состыковывалось с заявлениями российской пропаганды. Пресса нагнетала истерию. Янукович бежал через два дня после перестрелки, однако российская пропаганда обвиняла в трагедии США, которые якобы устроили государственный переворот. Никто не удосужился упомянуть, что президента бросила собственная охрана.

Как заявляли официальные российские лица, последней каплей, переполнившей чашу терпения, стала отмена закона о языке 2012 года, который защищал права русскоязычных в Украине. Экстренно созданное прозападное правительство Украины решило, что это было ошибкой, и заблокировано его. Однако российское вторжение произошло бы в любом случае.

К моменту моей встречи с Якуниным Путин продолжал нагнетать обстановку и призвал к размещению российских войск в Украине. Якунин надеялся, что предостережения президента послужат для западных лидеров холодным душем:

— Будет прекрасно, если они поймут, что ходить в сапогах в чужом доме неприлично.

Казалось, в риторике и пропаганде вокруг военных действий отразилась глубокая паранойя Путина и страхи, преследовавшие

его и его людей с «оранжевой революции» 2004 года или еще раньше – с момента, когда он наблюдал крушение советской империи из дрезденской виллы КГБ в видом на Эльбу. Люди Путина полагали, что Запад плетет заговоры, направленные на подрыв российской мощи. Такая уловка оправдывала любые действия Кремля. Были забыты все разговоры о глобальной интеграции России, о прямых инвестициях Запада, о модернизации экономики и достижении соглашений с США – словно режим Путина внезапно показал свое истинное лицо. Бывший помощник Михаила Горбачева сказал: атмосфера в те дни была такая, словно распахнулись двери кремлевских подвалов и на свет вырвались призраки и смрад советского прошлого.

Аннексия Крыма стала для Путина официальным поводом триумфально провозгласить новый мировой порядок – впервые после окончания холодной войны. Россия начала дерзко возражать США и отказывалась признавать американское господство. Крымчане подавляющим большинством проголосовали за присоединение к России. Чиновники, собравшиеся под высокими сводами Георгиевского зала, приветствовали Путина, стоя, длительными аплодисментами. Он даже не сразу мог продолжить речь.

— В ситуации вокруг Украины как в зеркале отразилось то, что происходит сейчас, да и происходило на протяжении последних десятилетий, в мире, – сказал он в своей Крымской речи. – Наши западные партнеры во главе с Соединенными Штатами Америки предпочитают в своей практической политике руководствоваться не международным правом, а правом сильного. Они уверовали в свою избранность и исключительность, в то, что им позволено решать судьбы

мира, что правы могут быть всегда только они. [...] Россия оказалась на рубеже, от которого не могла уже отступить. Если до упора сжимать пружину, она когда-нибудь с силой разожмется. Надо помнить об этом всегда.

К концу этой речи одни чиновники утирали слезы гордости, другие скандировали «Россия! Россия!» Путин взывал к глубокой и тайной тоске многих россиян по славным дням советского имперского прошлого. Играя на тех же ностальгических чувствах, он уже трижды смог прийти к власти – как *кандидат-резидент*, как человек КГБ в Кремле. Но только теперь в глазах многих россиян началось настоящее действие. Крым был потерян за много лет до краха СССР, в 1954 году, когда лидер КПСС Никита Хрущев передал полуостров Украине. Однако россияне обвиняли в этом Бориса Ельцина, который подтвердил эту передачу одним росчерком пера в декабре 1991 года, когда вместе с лидерами Украины и Белоруссии положил конец существованию СССР.

— И когда Крым вдруг оказался уже в другом государстве, вот тогда уже Россия почувствовала, что ее даже не просто обокрали, а ограбили, – сказал в тот день Путин в Георгиевском зале Кремля. – Миллионы русских легли спать в одной стране, а проснулись за границей, в одночасье оказались национальными меньшинствами в бывших союзных республиках. [...] Российское государство, что же оно? Ну что, Россия? Опустила голову и смирилась, проглотила эту обиду.

Теперь, когда Путин впервые предпринял активные действия по восстановлению Российской империи, его рейтинг поднялся выше 80%. Он не смог предъявить никаких доказательств участия США в народных протестах против Януковича, однако кремлевская пропаганда удивительным образом нашла отклик

у населения. Люди по-прежнему были убеждены, что после краха СССР Россия оказалась в унижительном положении. Достаточно было показать по ТВ фото заместителя госсекретаря Викторию Нуланд, которая раздает протестующим на Майдане печенье. Позже пропаганда стала использовать более изощренные методы. Киберподразделения российской военной разведки из Государственного разведывательного управления (ГРУ) завалили Facebook и российские социальные сети фейками. Эта информационная атака была призвана оправдать вторжение в Крым и заклеить революцию как неонацистскую. Украину представляли гнездом чеченских террористов. Когда вспыхнул конфликт на востоке Украины, телевидение заявило, что украинская армия проводит геноцид, и даже запустило утку о том, как солдаты распяли трехлетнего мальчика. Массовое промывание мозгов постепенно приносило нужные результаты.

Западу пришлось осознать, сколь агрессивно настроена Россия. После маленькой победоносной войны в Грузии в 2008 году верить в это почему-то отказывались. Запад боялся, что война России с соседом может перекинуться на Европу. Никто не знал, насколько далеко готов зайти Путин. Его действия в Украине «поставили под вопрос весь мирный европейский порядок», заявила канцлер Германии Ангела Меркель.

Правительства стран Европы и США тщетно пытались найти решение. Кремль продолжал гнуть свою линию – в марте 2014 года в Крыму прошел референдум о присоединении к России. В ответ на это правительство США ввело экономические санкции, нацеленные на близкое окружение Путина. У двадцати россиян заморозили активы и запретили въезд в страну. В список вошли высокопоставленные чиновники – глава

администрации президента Сергей Иванов, бывший заместитель руководителя администрации и сотрудник Совета безопасности Виктор Иванов, глава военной разведки Игорь Сергун, а также бизнес-партнеры Путина и его доверенные лица – трейдер из компании Gunvor Геннадий Тимченко, главный акционер банка «Россия» Юрий Ковальчук и бывший партнер Путина по дзюдо Аркадий Ротенберг.

Впервые правительство США открыто решилось назвать этих людей кассирами Путина. Было заявлено, что «Путин располагал инвестициями в Gunvor и мог иметь доступ к средствам компании», Ковальчук «был персональным банкиром высших чинов Российской Федерации, включая Путина», а Ротенберг заработал миллиарды долларов на госконтрактах, включая госзаказ на 7 миллиардов на строительство проектов для Олимпийских игр в Сочи в 2014 году. Теперь правительство США решило рассказать широкой общественности о принципах работы системы ближайших подставных лиц Путина. Высокопоставленный американский чиновник сказал, что отныне у этих людей не будет доступа к финансовым сервисам США и любым транзакциям в долларах:

— Возможность работать в условиях мировой экономики для этих лиц будет серьезно ограничена.

Евросоюз также ввел санкции против депутатов парламента и недавно назначенных руководителей Крыма, а затем к США присоединилась Европа и приостановила членство России в «Большой восьмерке». Раньше Россия отчаянно хотела попасть в группу промышленно развитых государств, словно в подтверждение своих намерений интегрироваться в глобальную экономику. Однако в опасении более жестких экономических мер, подобных тем, что подорвали экономику

Ирана, российский фондовый рынок быстро восстановился, а военные продолжали скапливаться у границы с Украиной.

Конфликт набирал обороты. Наемные боевики – Россия утверждала, что это были «добровольцы» – поехали на восток Украины и пополнили многочисленное местное пророссийское народное ополчение. Бойцов снабжали российским оружием. К апрелю они свергли администрации в Донецке, Луганске и на какое-то время – в Славянске. Для западных правительств и руководства Украины ситуация напоминала захват и аннексию Крыма. Полномасштабное вторжение в Украину предотвратила угроза более суровых экономических санкций. Однако разразилась гибридная война: российские наемники воевали против слабо подготовленной украинской армии. Киевское правительство пыталось отразить вторжение. Десятки тысяч военных стояли вдоль границы, а российское вооружение и «добровольцы» незаметно прибывали на восток Украины.

В попытке заставить Россию отступить в июле 2014 года США и ЕС ввели новые санкции. На этот раз под прицел попали титаны государственного банковского сектора: Газпромбанк Андрея Акимова, ВТБ Андрея Костина, Внешэкономбанк и другие были лишены долгосрочного американского финансирования. В черные списки попали также государственный гигант «Роснефть» и газодобывающая компания «Новатек». Двумя неделями позже похожие меры ввел Евросоюз. Противостояние обострилось 17 июля – в этот день над территорией, удерживаемой пророссийскими сепаратистами, был сбит пассажирский самолет Малазийских авиалиний. Все 298 человек погибли.

Россия поддерживала тлеющий конфликт на территории соседней страны, опустошающий восточные области Украины.

Западные правительства начинали прозревать. Пришло понимание, что дружественная политика сотрудничества, проводимая с момента краха СССР, и надежды на то, что Россия войдет в западный мир, были иллюзорными. Теперь предстояло вступить в схватку с режимом, который агрессивно продвигал свои интересы и не задумывался о последствиях в отношениях с Западом. Единственным его приоритетом было восстановление глобального влияния. Россия не хотела встраиваться в установленный Западом миропорядок, она хотела диктовать свои правила.

Запад начинал понимать, что при достижении своих целей режим использует множество масок. Такая тактика наконец стала очевидной: вначале Путин отрицал присутствие российских военных в Крыму, а затем, когда процесс аннексии был завершен, признался, что неопознанные «зеленые человечки» были российскими военными. Режим был одержим идеей восстановления империи и игнорировал западные санкции. К сентябрю 2015 года было достигнуто временное соглашение о прекращении огня, однако на тот момент опосредованная война унесла уже более восьми тысяч жизней. В Донецке и Луганске остались опорные пункты пророссийских сепаратистов. России удалось расколоть Украину; несмотря на условное прекращение огня, периодические столкновения продолжаются до сих пор. Уже погибли 13 тысяч человек, более четверти из них – гражданские.

Вероятно, мы никогда не узнаем, с чего все началось и кто сделал первый выстрел. Но выглядит так, будто Россия долго готовилась к непредвиденным ситуациям. Если реванш был запланирован, подготовительная работа должна была начаться много лет назад, в последние годы существования СССР, когда

КГБ задумался о выживании и начал перекачивать наличность через агентурные сети и «дружественные фирмы». Когда Путин стал президентом, кагэбэшники, начав с ЮКОСа, перехватили контроль над стратегическими денежными потоками, а затем забрали остальные сектора экономики.

Если у олигархов эпохи Ельцина еще сохранялись какие-то надежды на независимость, то аннексия Крыма стала для них последним звонком. Даже один из самых лояльных магнатов Владимир Евтушенков вынужден был передать государству свою крупную компанию «Башнефть». Его арестовали, а контрольный пакет акций сначала национализировали, а затем передали «Роснефти» Сечина.

Это стало свидетельством того, что рыночная экономика России – не более чем симуляция. За кулисами шло бесконечное перераспределение денежных потоков. Все средства направлялись в общую кремлевскую копилку – *общак*, и даже самая мелкая сделка должна была согласовываться с номером один.

— Евтушенко думал, что «Башнефть» принадлежит ему и что он за нее заплатил, – сказал высокопоставленный кремлевский чиновник. – Но выяснилось, что компания ему не принадлежит и ее в любую минуту могут забрать. Для русского бизнеса сейчас абсолютно очевидно, что Кремль может забрать все у любого и в любой момент. Собственность в России не является чем-то сакральным, особенно собственность, приобретенная в девяностые годы. Она может быть защищена только властью Путина.

Российская экономика пребывала в боевой готовности, и все было подчинено воле Кремля.

— Теперь приказы отдает только Путин и его приспешники, — сказал Пугачев. — Все заработанные деньги лежат у него на балансе. Страна находится в состоянии войны. Крупный бизнес не может жить так, как раньше, он живет по военным законам.

Почти вся экономика оказалась в распоряжении Путина, и он мог ее использовать так, как считал нужным.

— Это все деньги Путина, — сказал банкир со связями в спецслужбах. — Придя к власти, он часто называл себя наемным менеджером, но потом стал главным акционером России. Ему выдали часть, а он захватил все. Акционерное общество закрытого типа.

— Путин — это царь, император всех земель, — сказал другой магнат.

Внесение ближайшего соратника Путина Владимира Якунина в черный санкционный список США оказало бы ему честь. Но в этом случае правительство США опоздало, считая, что кассирами Путина являются только Тимченко и Ковальчук.

— У президента есть доступ к деньгам всей страны, — сказал Якунин.

То же самое повторил и другой бывший партнер — Тимченко. Мы встретились с ним дождливым ноябрьским днем, и он ошарашил меня своим заявлением: по его мнению, США со своими санкциями опоздали. На путинский режим же работала огромная система финансистов и магнатов.

— Тогда придется наложить санкции на каждого, — сказал он.

В декабре 2014 года под давлением санкций и в отсутствие возможности рефинансирования российского корпоративного долга рубль рухнул, но экономика страны устояла. Правительство приостановило действие законов нормальной рыночной экономики. Когда компании срывали сроки

платежей, государственные банки не отзывали кредиты. Выплаты откладывались, а долги реструктурировались – это было частью пирамиды рефинансирования. Правительство запустило руки в стабилизационный фонд, который формировался в течение предыдущего десятилетия из огромных нефтяных доходов, а его средства должны были пойти на кредитование связанных с государством компаний, отчаянно нуждавшихся в рефинансировании. Более всего, как с улыбкой сказал мне российский финансист, Запад недооценил масштабы серой экономики – разветвленная сеть резервных фондов не отражалась в официальных цифрах ВВП. Но именно в этих фондах хранились огромные средства.

Запад продолжал угрожать дальнейшими санкциями и настаивал на прекращении огня. Путин в ответ потребовал изменить правила глобальной архитектуры безопасности и предоставить России более широкие полномочия. После очередных переговоров Ангела Меркель сказала, что он потерял связь с реальностью. Однако Андрей Илларионов утверждал, что связь с реальностью потерял именно Запад:

— Люди на Западе думают, что Путин иррационален или не в своем уме. На самом деле в рамках своей логики он очень рационален и очень хорошо подготовлен.

Российские деньги, которые лились в Европу в предыдущие десять лет, оказали свое влияние. Сначала возникли разногласия между странами Евросоюза: прийти к единому мнению в вопросе усиления или ослабления санкций не удалось. В Великобритании сотрудник министерства иностранных дел был сфотографирован с документом, в котором утверждалось, что Британия не должна «закрывать финансовый центр Лондона для россиян», а группа лоббистов

предупреждала о потенциальных последствиях для статуса Лондона как центра урегулирования правовых споров.

Пугачев понимал, что опасность реальна. Система черного нала, с помощью которого подкупали чиновников, пустила корни и уже не ограничивалась первыми доверенными лицами режима – Ковальчуком, Тимченко и Ротенбергом. Внутри системы оказались все российские миллиардеры – они работали как подставные лица и выполняли команды Кремля.

— Им всем звонят и приказывают перевести деньги туда-то и туда-то. И все они отвечают: «Мы готовы. Что еще сделать?» Это и есть система. Все зависит от человека номер один, потому что у него неограниченная власть. Все готовы играть по этим правилам. А те, кто не готов, – или в тюрьме, или за границей.

СССР проводил свои операции влияния на Ближнем Востоке и в Африке, но путинский кагэбэшный капитализм глубоко проник и в Европу.

— Этот черный нал, как грязная атомная бомба, – сказал Пугачев. – Так она есть, а так ее нет. Теперь отследить это стало гораздо сложнее.

Украинское правительство понимало: то, что Кремль делает с их страной, может быть только началом. Существовал реальный риск того, что Россия начнет расшатывать изнутри и страны Запада.

— Поддерживая ультраправые политические движения, Россия пытается создать волнения в Евросоюзе, – сказал в начале 2015 года прозападный украинский премьер Арсений Яценюк. – Так же, как она это делает в Украине.

Глава 13

Черный нал

Когда таинственный разоблачитель по имени Джон Доу выложил в публичный доступ огромный массив данных панамской юридической фирмы, об операциях путинского режима с резервными фондами узнал весь мир. Эти данные назвали «Панамским досье», а само оно стало окном в секретный мир. Там были и номинальные офшорные директора, и сотни подставных компаний, зарегистрированных на Сейшелах, Британских Виргинских островах и в Панаме, и секретная система кодовых имен для защиты клиентов и сокрытия информации об их состоянии. Утечка данных Mossack Fonseca, четвертой крупнейшей в мире компании, предоставлявшей консультации по офшорным операциям, пролила свет на структуру финансовой системы, которая в большинстве случаев работала в обход законов.

Среди гигабайтов данных Международный консорциум журналистских расследований (ICIJ) наткнулся на Сергея Ролдугина, с 2005 года являвшегося акционером петербургского банка «Россия». Казначейство США охарактеризовало учреждение как «личный банк высокопоставленных чиновников Российской Федерации, включая Путина». Судя по документам, в сети связанных с банком «Россия» компаний от Виргинских островов до Панамы Ролдугин играл ключевую роль. В 2009–2012 годах через сеть было перекачано более 2 миллиардов долларов.

В отличие от других названных в документах исполнителей, Ролдугин был не обычным анонимным оператором, а известным виолончелистом, солистом петербургского Мариинского театра,

ректором Санкт-Петербургской консерватории и близким другом Путина. Они познакомились в конце семидесятых годов – брат Сергея Ролдугина Евгений служил с Путиным в ленинградском КГБ. Они вместе колесили по Ленинграду в несуразном «запорожце» – в те времена любая машина считалась роскошью, вместе пели песни и ходили в театр. Иногда ссорились. Когда Ролдугин начал встречаться со стюардессой «Аэрофлота» из Калининграда, он представил Путина ее коллеге, голубоглазой блондинке Людмиле. После долгих ухаживаний она согласилась выйти замуж за Путина, а когда у них родилась первая дочь Мария, Ролдугин стал ее крестным отцом.

Резервный фонд, упомянутый в «Панамском досье», казалось, был из числа наиболее засекреченных. Из всех приятелей Путина, имевших акции банка «Россия», Ролдугин оставался незамеченным дольше всех, даже после того, как выявились тесные связи Шамалова, Горелова, Тимченко и Ковальчука с Путиным. Ролдугин был самым неподходящим кандидатом – профессиональный музыкант без собственного бизнеса. Как сказал приближенный к Путину магнат, Ролдугин казался последним, кто мог спрятать президентские деньги. Он был «золотым парашютом» Путина.

До утечки данных Ролдугину не задавали вопросов о том, как он стал акционером банка «Россия». В 2014 году его впервые спросила об этом газета *New York Times*, и он расплывчато ответил, что купил акции, так как «нужны были какие-то деньги – нигде не было денег на искусство», добавив, что собирал средства путем кредитов и «множества манипуляций». Но он никогда не распространялся о том, когда именно он приобрел эти акции и сколько они стоили. Обнародованные документы по

банку «Россия» показали, что он купил акции в 2005 году на 13,5 миллиона долларов. До сих пор непонятно, как виолончелист мог получить доступ к таким деньгам. К 2014 году доля Ролдугина выросла до 350 миллионов. Он же всегда утверждал, что живет скромно. После публикации «Панамского досье» он сказал репортеру:

— У меня даже виолончель подержанная.

Согласно «Панамскому досье», связанные с Ролдугиным офшорные компании получали непрямыми платежами миллионы долларов от близких к Путину магнатов. Офшоры, ассоциированные с Ролдугиным, торговали акциями задним числом – это ежедневно приносило десятки миллионов рублей. Одна из зарегистрированных на Кипре компаний – Sandalwood Continental – без всякого поручительства получила максимальный кредит в 650 миллионов долларов у кипрской дочерней компании ВТБ – государственного банка для «специальных проектов» во главе с бывшим советским дипломатом. Эта кипрская компания была печально известна тем, что использовалась как канал для откатов, а сам банк ВТБ с 2007 года, то есть с момента размещения первичных акций в Лондоне, стал популярным местом работы сыновей высокопоставленных российских офицеров спецслужб.

Одна из компаний Ролдугина – International Media Overseas S.A. (ИМО) – тайно владела 20% акций крупнейшего российского рекламного агентства Video International, ежегодные доходы которого превышали 800 миллионов долларов. В документах Ролдугин значился как бенефициар ИМО, что открывало ему доступ к активам в 19 миллионов фунтов (26,6 миллиона долларов) наличными.

Публикация «Панамского досье» рассекретила Ролдугина и двухмиллиардную офшорную схему. Позднее Путин выразил недовольство этими публикациями и заявил, что данные всплыли из-за заговора «оппонентов», которые пытаются дестабилизировать Россию через сфабрикованные обвинения в коррупции.

— Они хотят настроить одних против других, раскачать ситуацию. Сделать нас более покладистыми и причесать нас так, как им хочется, — сказал он.

Другие российские официальные лица выразились более прямолинейно, заявив, что в ICIJ работают бывшие сотрудники Госдепа и ЦРУ. Схема, опубликованная ICIJ, давала четкое представление об одном из «кумовских» резервных фондов — неотъемлемой части путинского режима. Фонд работал как денежная машина: магнаты перечисляли «пожертвования», или дань, в путинский *общак*, порой в обмен на сделки.

Документы проливали свет на то, каким образом часть наличности переправлялась на нужные Путину и его людям проекты. Журналисты ICIJ обнаружили следующую схему: миллионы долларов уходили в компанию, которой принадлежал любимый горнолыжный курорт Путина «Игора» недалеко от дачного кооператива «Озеро». В 2011 году связанная с Ролдугиным компания Sandalwood Continental перечислила 3 миллиона беспроцентных кредитов в пользу компании «Озон», которая сразу купила курорт и приступила к постройке роскошного отельного комплекса с ледовым дворцом и эксклюзивным спа. В 2013 году заброшенный в прошлом курорт стал местом проведения особого мероприятия — пышной свадьбы. Имена гостей держались в строжайшем секрете. Невестой, которую привезла санная упряжка, оказалась

младшая дочь Путина Екатерина, а женихом – сын акционера банка «Россия» Шамалова Кирилл. Год спустя Кирилл получил от Геннадия Тимченко 17% акций крупнейшей нефтехимической компании России «Сибур», а с приобретением ему помог прокремлевский Газпромбанк, выдав кредит на миллиард долларов.

Схема, изложенная в «Панамском досье», напоминала офшорную схему с «пожертвованиями», впервые описанную Сергеем Колесниковым. Компании, которыми он руководил, предоставляли банку «Россия» средства для расширения бизнеса. В результате акционеры сказочно разбогатели, а средства банка позже пошли на строительство роскошного дворца на Черном море. «Панамское досье» пролило свет и на эволюцию резервных фондов: ближайшие соратники президента теперь прибрали к рукам еще более крупные финансовые потоки. Обширная сеть офшорных компаний становилась все более запутанной.

Система, описанная в «Панамском досье», позволяла не только накапливать личные богатства – она сообщалась с более широким резервным фондом черного нала, размер которого позволял проводить операции влияния за рубежом. Среди сотен тысяч документов имелись свидетельства масштабного политического гамбита. Выяснилось, что швейцарский юрист Фабио Делько, руководивший связанными с Ролдугиным и с банком «Россия» компаниями, имел представительства в Чехии, а его сотрудники обеспечивали более половины пожертвований в фонд партии президента Милоша Земана, которого долгое время считали союзником Путина.

Само по себе наличие резервного фонда у Ролдугина свидетельствовало о существовании более широких схем. Масштабы оттока капитала из России на счета западных банков шокировали. Согласно оценке Национального бюро экономических исследований США и оценке французского экономиста Томаса Пикетти, после распада СССР в офшорах хранилось 800 миллиардов долларов, что превышало состояние всего населения России. Системой пользовались не только преступники – рядовые бизнесмены также хотели сохранить нажитые капиталы. Это говорило о серьезных внутренних рисках российской экономики. Высокие цены на нефть и растущая стабильность времен Путина замедлили скорость оттока капитала, однако после его возвращения в президентское кресло вывод денег из страны увеличился в разы, по сравнению с временами Ельцина.

Из-за оттока капитала снизились налоговые сборы, ослабла валюта, резко сократились инвестиции. Но Путин даже не пытался этому воспрепятствовать. Он запустил кампанию, а затем принял грабительский закон, обязывающий бизнесменов хранить средства внутри страны. На самом деле эти меры не имели эффекта. Напротив, неотъемлемой частью системы перекачки средств стал круг его доверенных лиц. Правившие Россией люди из КГБ прятали свои состояния в бесчисленных офшорных фирмах и за счет систематического грабежа государственных компаний и откатов не только стали новой элитой, но и создали стратегические резервы черного нала, которые шли на подрыв западной демократии. В распоряжение силовиков попали даже офшорные средства олигархов эпохи Ельцина.

Вначале, по мнению Запада, все это выглядело как банальное кумовство и клептократия. Дворцы возводились не только для Путина, но и для его придворных. Один из них был создан по образцу Петергофа, с декоративными садами и живописным каналом – предполагалось, что он принадлежит исполнительному директору «Газпрома» Алексею Миллеру. Под Москвой возвели поместье на семидесяти гектарах: отделанный мрамором особняк, 50-метровый бассейн, гараж на пятнадцать машин и комната для хранения мехов – подозревали, что это дворец акционера банка «Россия» Владимира Якунина. С 2005 года он занимал должность президента государственной монополии «Российские железные дороги», ежегодные доходы которой составляли 42 миллиарда долларов, то есть примерно 2% ВВП страны.

Доступ к миллиардам долларов через раздутые госконтракты стал новым способом обогащения и использовался исключительно людьми Путина. Это выяснилось, когда Россия начала реализацию показательных инфраструктурных проектов. Стоимость Олимпийских игр в Сочи увеличилась почти вчетверо – с 12 миллиардов, озвученных в 2007 году, до 50 миллиардов и выше к моменту Игр в 2014 году. Это были самые дорогостоящие Олимпийские игры в истории, опередившие даже 40-миллиардную летнюю Олимпиаду в Пекине 2008 года. В основном контракты распределялись между ближайшими соратниками Путина. Самым дорогим оказалось строительство 48-километровой дороги и железнодорожных путей от Олимпийского парка в Сочи через тоннели и мосты к вершинам гор и горнолыжному курорту. Строительство обошлось в астрономическую сумму – 9,4 миллиарда долларов, что, по оценкам Бориса Немцова, в три с половиной раза превышало

проект НАСА по запуску вездехода на Марс. «СК-Мост» была одной из первых компаний, без тендера получивших право на строительство путей и дороги. Частично она принадлежала Геннадию Тимченко – он приобрел ее в 2012 году в ходе расширения своего строительного бизнеса. Аркадий Ротенберг получил на строительные проекты 235 миллиардов рублей, или 7,2 миллиарда долларов. В отличие от людей Путина, олигархи эпохи Ельцина не получали многомиллионных госконтрактов, напротив, они терпели убытки. Титаны приватизаций девяностых годов Олег Дерипаска, Владимир Потанин и Виктор Вексельберг по приказу Кремля вложили миллиарды из собственных средств.

Ближайшие бизнес-партнеры Путина имели исключительные права на все.

— Люди из близкого окружения живут на другой планете, – сказал крупный российский банкир. – У них есть собственные банки. Они даже ездят по другим дорогам. Есть дороги для всех, и, если ты нарушаешь правила, то платишь штраф. Но такие, как Ротенберг, ездят по собственным дорогам, и там нарушить правила просто невозможно.

Бывшие агенты КГБ, получившие доступ к таким состояниям, не сомневались, что они это заслужили. Они искренне считали, что спасают Россию от краха и ослабляют хватку ельцинских олигархов: страна снова обретала мощь и готовилась вступить в противостояние с Западом. Люди из КГБ награждали себя за свои достижения. В 1990-х годах Ротенберг едва сводил концы с концами, а теперь заказал себе семейный герб.

Потоки денег, попавшие в руки людей Путина, увеличились до таких масштабов, что идея самообогащения отошла на второй

план. Экономика контрабанды, всегда питавшая операции КГБ, теперь была восстановлена. Доступ к раздутым госконтрактам и наличности помог сформировать параллельные бюджеты. Неподконтрольные никому, эти деньги шли на обеспечение нужных результатов выборов, на подкуп чиновников в стране и за границей. Об этом говорили участники самого процесса. Такой механизм помогал укреплять авторитарное правление и подрывать институты Запада.

«Молдавская прачечная»

Одна из таких схем вскрылась в марте 2012 года, когда на сооснователя запутанной банковской сети Германа Горбунцова было совершено покушение возле его дома в Лондоне. Он выжил и, очнувшись после искусственной комы, рассказал историю, которая пролила свет на масштабную схему отмывания денег под названием «молдавская прачечная». По этой схеме с 2010-го по 2014 год из России через молдавские, латвийские и эстонские банки в офшорные укрытия на Западе было незаконно перекачано более 20 миллиардов долларов. Деньги, перечислявшиеся через «молдавскую прачечную», имели отношение к группе подрядчиков РЖД под руководством партнера Якунина Андрея Крапивина и Валерия Маркелова. Подозревая, что за покушением стояли именно они, Горбунцов передал полиции Скотланд-Ярда базу данных по некоторым транзакциям.

В 2014 году молдавская прокуратура начала расследование схемы, а через четыре года с ней наконец ознакомились и российские правоохранители: к этому моменту подрядчики сами стали жертвами разборок в Кремле. Когда российские

правоохранители наведались с обыском в квартиру полковника МВД, они нашли специальный сейф, в котором в винных ящиках и полиэтиленовых пакетах хранилось более 124 миллионов долларов наличными. Частично эти деньги были получены от подрядчиков РЖД – за эту сумму полковник должен был закрыть глаза на аферу. После допроса выяснилось, что из РЖД было выведено более 3 миллиардов долларов. Затем деньги отмывались через молдавскую схему и отправлялись на Запад.

Эти 3 миллиарда затерялись среди крупных потоков незаконных денег. В основном схемой пользовались российские бизнесмены для уклонения от уплаты таможенных сборов и налогов. Банкиры, стоящие за «молдавской прачечной», придумали гениальный способ вывода средств из России через сеть зарегистрированных в Великобритании подставных компаний, которые выдавали друг другу липовые кредитные соглашения. Поручителями фиктивных займов выступали российские компании и граждане Молдовы. После этого банкиры через прикормленных молдавских судей получали судебные решения, и должникам приходилось выплачивать наличные британским компаниям. Таким образом, до того, как молдавская прокуратура обнаружила и закрыла схему, из России в офшор успели переправить более 20 миллиардов долларов. Деньги, украденные у РЖД, смешивались с более масштабными потоками: предприниматели хотели спрятать свои накопления подальше от длинных рук государства. Отследить деньги было практически невозможно, в основном они оседали в офшорных компаниях с мутной схемой владения.

Таким был отток денег из России. Выведенные средства инвестировались в роскошные квартиры и товары.

— Торговлю характеризует тотальный отток капитала. Необходимо снижать таможенные пошлины и налоги, — сказал крупный банкир. — Ежедневно в Москву прибывают огромные партии товаров. Возьмем, например, телевизор. Чтобы снизить таможенную пошлину и налоги, он должен проходить по заниженной стоимости в 100 долларов. Но цена производства — 300. Так что 100 платят непосредственно в России, а 200 — за границей. И эти деньги нужно вывести из России, чтобы оплатить товар. Так выглядит денежный поток. Главные клиенты — трейдеры.

Однако молдавская прокуратура опасалась, что в рамках схемы перекачивался также черный нал российских спецслужб, предназначенный для операций влияния за рубежом. Деньги предполагалось тратить на финансирование ультралевых и ультраправых политических партий для расшатывания и подрыва институтов Запада. Молдавская прокуратура столкнулась с жестким сопротивлением российских спецслужб. Это, в свою очередь, говорило о том, что перекачка денег контролировалась сверху. Когда для расследования аферы 2017 года прокурор Молдавии поехал в Россию, на границе его задержали и обыскали, а российская прокуратура проигнорировала запросы о содействии в расследовании. Как выяснилось позже, за схемой стояла сеть российских банков. Это также говорило о том, что трансферы служили не только для перекачки наличности. Расследование вышло на двоюродного брата президента Игоря Путина и на высокопоставленных офицеров спецслужб.

Журналисты из Проекта по расследованию коррупции и организованной преступности отследили один из таких трансферов. Они вышли на маленькую неправительственную

организацию в Польше, которой руководил прокремлевский политик Матеуш Пискорский. Он публично призывал к деамериканизации Европы и поддерживал другие аргументы российской риторики. Позднее его арестовали за шпионаж в пользу России и взяточничество. В 2018 году, когда российские правоохранители наконец взялись за участников аферы, высокопоставленный чиновник, занимавшийся контрактами РЖД, признался мне, что перекачка денег предназначалась для создания параллельного бюджета из черного нала для стратегических операций Кремля. По его словам, в условиях неподконтрольности и беззакония не всегда можно было разграничить стратегические и личные нужды. Но в такой системе, лишившись благосклонности верхов, можно было сразу стать мишенью правоохранителей:

— Вроде бы сверху все разрешили и одобрили, и внезапно выясняется, что нет, – сказал он.

То, что в перекачке средств по молдавской схеме участвовал один из крупнейших банков страны, свидетельствовало о том, что разыгрывается серьезный гамбит. Российский земельный банк (РЗБ) частично принадлежал бывшему боксеру и дерзкому питерскому бизнесмену со связями в ОПГ Александру Григорьеву. Долгое время он пользовался поддержкой верхов, в 2012 году совместно с партнерами приобрел РЗБ, а Игорь Путин стал председателем совета директоров. Год спустя Владимир Путин вернулся в президентское кресло, после чего Григорьев, Игорь Путин и банкир Александр Куликов вошли в совет небольшого Промсбербанка. Вскоре банк запустил очередную масштабную аферу по перекачке денег.

«Зеркальные торги»

Промсбербанк входил в сеть финансовых учреждений, созданных той же небольшой группой силовиков и представителей ОПГ. Через эту сеть Европу накачивали незаконными деньгами. С 2011-го по 2014 год это был главный канал трансфера из России более 10 миллиардов долларов. Деньги переводились под эгидой одного из крупнейших западных финансовых институтов – Deutsche Bank. В этом случае не требовалось получать, как в Молдове, фиктивные судебные решения, так как была задействована система торгов акциями. С 2011 года группа связанных между собой российских компаний и брокеров начала размещать в московском представительстве Deutsche Bank заказы на покупку крупных пакетов российских голубых фишек в рублях, и одновременно с этим на первый взгляд несвязанные между собой компании из Великобритании или офшорных зон, например, Британских Виргинских островов, размещали заказы на продажу тех же акций и в том же количестве через Deutsche Bank в Лондоне. Покупка акций оплачивалась в долларах или евро. Повторяющиеся имена директоров, владельцев и адреса свидетельствовали о взаимосвязях компаний. Схема получила название «зеркальных торгов» и служила не для заработка, а для обхода российских законов и вывода средств из страны.

Многие брокерские компании, участвовавшие в этих торгах, были связаны с Промсбербанком. Акционер Промсбербанка компания IK Financial Bridge стала одним из главных игроков, размещавших заказы на акции в московском Deutsche Bank. Другая московская брокерская компания Lotus Capital, по информации Центробанка, оплачивала акции с рублевого счета в Промсбербанке и хранила акции в депозитарии Laros Finance, который также принадлежал Промсбербанку. Один из

владельцев последнего Алексей Куликов встречался с представителями Deutsche Bank в Москве и, как позже выяснилось из его допроса, пытался уговорить их продолжить работать с подобными схемами.

Казалось, банкиры придумали идеальный канал. Deutsche Bank в Москве всегда поддерживал особые отношения с путинским режимом. С 2000 года он был вотчиной американского банкира Чарли Райана. Он основал в Москве брокерскую компанию United Financial Group, которую купил Deutsche Bank, и обслуживал верхушку путинского режима. Сменивший Райана Игорь Ложевский занимал ключевые должности в российских государственных банках и недолго замещал коллегу Путина из Штази Маттиаса Варнига в должности главы банка «Дрезднер» в Москве. Считалось, что у него были тесные связи с российской внешней разведкой.

Молодое поколение западных банкиров, работавших в Москве на Deutsche Bank, вело беспечную жизнь богатых экспатов. В ночных клубах были девицы на любой вкус, деньги лились как из рога изобилия. У трейдеров ценными акциями вопросов о «зеркальных торгах» не возникало.

— Через «зеркальные торги» проходила половина дневного объема торгов, — сказал трейдер. — Никто не заострял на этом внимания. Сделки обсуждались открыто.

Но в какой-то момент этот мир затрещал. Московский специалист по внутреннему контролю решил, что сделки выглядят подозрительно, и запросил расследование. Некоторые компании, размещавшие заказы на акции, за нарушение законодательства о ценных бумагах и отмыwanie средств лишились лицензий. В феврале 2015 года полицейские в рамках расследования мошеннических схем одной брокерской фирмы

навелись в московский офис Deutsche Bank. По итогам внутреннего расследования руководство Deutsche Bank решило переложить всю вину на менеджера среднего звена Тима Уисвелла, вежливого и общительного 36-летнего руководителя отдела по операциям с акциями. Возможно, для руководства Deutsche Bank это было оптимальным решением: на офшорном счете жены Уисвелла нашлись неучтенные средства в размере 3,8 миллиона долларов, 250 тысяч из которых поступили от компании, участвовавшей в «зеркальных торгах». Коллеги пребывали в шоке. Конечно, высшее руководство было в курсе этих дел.

— Нельзя взять и незаметно отправить в офшор 10 миллиардов. И делать так четыре года, — сказал топ-менеджер. — Тим постоянно общался с парнями из Лондона. Все знали, что и как они покупали и продавали каждый день в течение четырех лет. Довольно сложно держать такое в секрете. Этот парень в Лондоне если и говорит, что ничего не знал, но он знал, кто его клиенты. Четыре года он обслуживал своих VIP-клиентов.

Когда московские правоохранители наконец прикрыли схему, они расправились и с нижним звеном игроков. Под следствием оказался акционер Промсбербанка Куликов, пытавшийся организовать сделки с Deutsche Bank. Его подозревали в хищении 3,3 миллиарда рублей из Промсбербанка. Владельца Промсбербанка и РЗБ Григорьева обвинили в организации преступной группировки — он был причастен к молдавской схеме. Однако и Куликов, и другой хорошо знакомый со схемой крупный банкир утверждали, что на самом деле все решалось в верхах. «Молдавская прачечная» и «зеркальные торги» тесно переплетались и были настолько

масштабными, что не могли быть реализованы без участия и контроля ФСБ.

— Это операция в промышленных масштабах, — сказал бывший сотрудник Deutsche Bank Роман Борисович.

— При таком масштабе без участия ФСБ ничего был не произошло, — сказал другой высокопоставленный сотрудник Deutsche Bank со связями в спецслужбах.

Переправленные средства осели на счетах подставных компаний в Лондоне и США. Деньги шли через такие многослойные схемы, что невозможно было понять, на что в итоге их тратили. Бывший топ-менеджер Deutsche Bank говорил, что «зеркальные торги» не были похожи на уход от налогов и таможенных сборов и скорее служили для создания огромных запасов черного нала, который шел на подкуп чиновников в России и за рубежом. Через процесс обналичивания деньги компаний превращались в неотслеживаемый черный нал.

— В девяностые годы обналичивание помогало избежать налогов. Теперь оно служит коррупции и подкупу государственных лиц. Это нужно только преступникам и ФСБ, — сказал банкир.

Куликова обвинили в хищении, после чего он и топ-менеджер Промсбербанка указали на другого тайного акционера — Ивана Мязина. Худощавый и спортивный 50-летний бизнесмен, любящий щеголять в дорогих костюмах, служил связующим звеном между ОПГ и ФСБ и отвечал за организацию трансферов незаконных средств. По словам Куликова, именно Мязин стоял и за «молдавской прачечной», и за «зеркальными торгами» Deutsche Bank.

— Это очень интересный персонаж, — заявил крупный российский банкир, знакомый с обеими схемами. — Реальный человек, который и придумал эти аферы. Он дружит с высокопоставленными чинами из ФСБ.

Однако за Мязиным стояли фигуры покрупнее — нить вела к верхам ФСБ и к главарям организованной преступности. 2018 году наконец был арестован сам Мязин — пал очередной жертвой жестоких разборок между спецслужбами и МВД. Стоявшие за ним люди в верхах снова спрятали концы в воду. В пользу того, что за Мязиным стояла влиятельная группа, говорила давняя дружба Мязина с одним из самых опасных преступников — Вячеславом Ивановичем по прозвищу Япончик. Невысокий, худой, с клокастой бородой и стальными глазами, Япончик сублимировал недостатки внешности в разрушительную энергию. Его боялись из-за жестокого нрава. В начале девяностых годов он какое-то время жил в Нью-Йорке и проворачивал операции для самой мощной в России Солнцевской группировки. ФБР называло его «одним из наиболее влиятельных главарей международной евразийской преступности». В 1995 году его осудили в США за вымогательство 3,5 миллиона долларов у двух российских бизнесменов. Он угрожал им расправой и организовал нападение на отца одного из потерпевших. Спасти его не удалось. Мязин называл Япончика «тихим, умным, простым человеком» — в Нью-Йорке они дружили домами и вместе встречали Новый год.

В американской тюрьме Япончик обрел близкого друга Евгения Двоскина — русского бандита с Брайтон-бич, сидевшего за мошеннические схемы в торговле топливом. Оказалось, что он — племянник Япончика. Оба они в 2004 году вернулись

в Москву. С помощью связей Япончика Двоскин стал главной движущей силой, теневым банкиром, королем черного нала и стоял за многими схемами отмыwania денег.

— Оказалось, что все они связаны — Мязин, Япончик и Женя, — сказал крупный банкир, поработавший со всеми тремя. — Вместе они решили покорить мир.

Япончика застрелили в Москве в 2009 году. Но Двоскин уцелел — он имел способность чудесным образом оставаться безнаказанным и не попадать под расследования преступных схем. У него была серьезная защита — он сотрудничал с генералом ФСБ Иваном Ткачевым, возглавлявшим всемогущее Управление К. Этот отдел должен был заниматься расследованиями экономических преступлений, но, по сути, делал противоположное — отслеживал и контролировал крупные каналы отмыwania и перекачки денег на Запад. Об этом мне рассказали два российских банкира, хорошо знакомые с ситуацией.

Бывший глава Центробанка Сергей Игнатьев публично намекнул на системность таких схем с широким участием спецслужб. Это был первый звоночек. В 2013 году в интервью газете «Ведомости» он заявил, что только за прошлый год из страны было выведено 49 миллиардов долларов. Более половины этой суммы перекачивалось через связанные между собой фирмы:

— Создается впечатление, что все они контролируются одной хорошо организованной группой лиц.

Бывший офицер ФСБ, а также один крупный банкир считали, что Игнатьев говорил о ФСБ. Позже Игнатьев пожаловался коллеге: каждый раз, когда он пытался прикрыть эти схемы, он сталкивался с жестким саботажем со стороны ФСБ:

— Он сказал мне, что давно прикрыл бы эти аферы, если бы ФСБ не постучало к нему в дверь и не пытались его остановить, — сказал коллега.

Дисконт-банк

У Игнатьева были все причины проявлять осмотрительность. Заместитель главы Центробанка Андрей Козлов попытался положить конец одной из первых афер по выкачиванию денег и в 2006 году отозвал лицензию у банка «Дисконт». Через две недели его застрелили. Незадолго до этого Козлов внезапно наведалься к коллегам в Эстонию, предупредил главу отдела по борьбе с отмыванием денег о том, что в отмывании миллиардов рублей грязного российского нала замешано эстонское отделение Samro Bank, и потребовал закрыть указанные счета. Согласно публикации в журнале *The New Times*, в ходе расследования убийства было установлено, что схема отмывания денег связана с высокопоставленными кремлевскими чиновниками и заместителем главы ФСБ. Но факт причастности властей быстро замяли, и следствие остановилось на сотруднике московского банка, которого и отправили в тюрьму за убийство. Другие фигуранты были связаны с Двоскиным и Мязиным и снова ушли от наказания.

Пока австрийская и российская прокуратуры разбиралась с банком «Дисконт», появились другие схемы. Поток черного нала через Эстонию увеличился. Когда в 2007 году Danske Bank, несмотря на многократные предупреждения российского Центробанка, взял под контроль эстонский Samro Bank, он стал одним из главных каналов для перекачивания наличности через «молдавскую прачечную» и «зеркальные торги» Deutsche Bank.

Как позднее показало расследование, всего через счета Danske Bank прошло более 200 миллиардов черного нала и перечислено 200 миллионов долларов в виде якобы налоговых льгот от Налоговой службы РФ – это было частью отдельной аферы. В 2007 году схему раскрыл аудитор Сергей Магнитский – он поднял вокруг этого дела большой шум и вскоре умер в московской тюрьме. Дальнейшие расследования показали, что в 2006–2010 годах из страны через мошеннические налоговые схемы было выведено более 800 миллионов долларов, частично через те же компании и банки.

Число операций по этим схемам – «молдавская прачечная», фальшивые скидки и «зеркальные торги» – зашкаливало. Для одного банкира участие в них оказалось смертельным. Александр Перепеличный был владельцем компании IK Financial Bridge, которая являлась акционером Промсбербанка и в рамках «зеркальных торгов» размещала большие заказы в московском отделении Deutsche Bank. Перепеличный поделился с инвесторами информацией о трансферах через мошеннические схемы с возвратом налогов, в которых участвовал и сам, а затем при невыясненных обстоятельствах умер от инфаркта по время пробежки по лондонскому парку.

И хотя в итоге все эти схемы привлекли массу внимания и были прикрыты, каждый раз это происходило с опозданием. Когда к делу наконец подключались российские правоохранители, на Запад уже успевали переправить десятки миллиардов долларов. Двоскин и его высокопоставленные подельники из ФСБ снова вышли сухими из воды. В случае с «молдавской прачечной» и «зеркальными торгами» Deutsche Bank Игорь Путин успел уйти из совета директоров банков-участников до того, как в дело вмешались следователи. Каналы

по отмыванию денег просто переходили в другие банки и к другим банкирам. Когда «зеркальные торги» были прикрыты, на их месте появились другие механизмы вывода денег, например, через фальшивые судебные ордера или аферы с перестрахованием.

— Объект можно использовать ограниченное количество раз, — сказал знакомый со схемами крупный российский банкир. — Нельзя, например, сто лет смотреть один и тот же фильм. То же самое и с банками. Есть определенные рамки, и когда исполнители выходят за них, все летит в тартарары. Потому что это начинает привлекать внимание.

Он сказал, что Мязин, например, «любил красиво одеваться и тратиться на дорогие путешествия. А это не соответствовало его должности. В России есть два типа схем. Одни проворачивают с такими, как Ваня Мязин, — у него повсюду связи, он слишком заметный. А есть структуры практически полувоенные, дисциплинированные, и никто о них не знает». Такие схемы все время мутируют. Как только закрывается один канал, открывается другой.

— Эту схему невозможно отследить. Деньги уходят и смешиваются с другими потоками. Бесполезно даже пытаться, — сказал крупный российский банкир.

Bank of New York

Первые свидетельства того, что перекачкой миллиардов долларов на западные рынки заняты российские спецслужбы в альянсе с ОПГ, стали известны летом 1999 года. Результаты расследования в США появились во всех новостях: один из столпов американской банковской системы — Bank of New York —

успел отмыть более 7 миллиардов долларов, потенциально связанных с русским бандитским налом. Это был первый тревожный звонок. Разразился чудовищный скандал. Как мы уже знаем, после расследования угроза нависла и над счетами Семьи Ельцина. Именно из-за скандала в прессе Ельцин поспешил передать власть Путину. Весь Вашингтон, округ Колумбия, замер в тревожном ожидании. Слишком пугающе звучали новости о черном российском нале, который успел просочиться в США. Два дня в Конгрессе обсуждали возможные связи между операцией по отмыванию денег, КГБ и организованной преступностью. Конгрессмены заслушали бывшего директора ЦРУ Джеймса Вулси и других экспертов по России. Служивший в Вашингтоне бывший офицер КГБ Юрий Шве́ц высказался прямо:

— Широкомасштабное внедрение российской организованной преступности в западную финансовую систему началось перед развалом СССР. Главными игроками были высокопоставленные чиновники КПСС, руководство КГБ и главари криминального мира.

Операции Bank of New York поражали дерзкой простотой. Применялись не такие изощренные схемы, как «молдавская прачечная» и «зеркальные торги», все это появилось позже. Два банкира из небольших российских банков переводили деньги своих русских клиентов – часто через подставные офшорные компании и зарегистрированный в Науру подставной Sinex Bank – на счета мутных компаний Venex и Besc в Bank of New York. После этого средства тут же уходили на счета третьей стороны. Следователи обнаружили, что счет Venex использовался в среднем «для перевода средств каждые пять минут, днем и ночью, двадцать четыре часа в сутки в течение восемнадцати

месяцев». К 1998 году объемы достигли 200 миллионов долларов в месяц.

Больше всего следователей США и Великобритании озадачил тот факт, что некоторые транзакции Venex привели к одному из самых опасных русских бандитов – Семену Могилевичу. Британские следователи впервые натолкнулись на Venex, просматривая документы по делу о биржевом мошенничестве, в котором была замешана его подставная компания. Затем ФБР обнаружило, что связанное с компанией Venex турагентство оплачивало заявления на визы в США некоторым его партнерам. Западные правоохранители начали подозревать, что за схемой по отмыванию денег может стоять сам Могилевич. Как сказал бывший заместитель советника по национальной безопасности Джонатан Файнер, свидетельствуя по этому делу в Конгрессе, сама по себе такая связь приводит к ошеломительным выводам:

— Весьма вероятно, что Venex – это многомиллиардный бизнес по отмыванию денег, которым управляют два россиянина, причем один из них – инсайдер в крупном банке США. Также есть основания полагать, что Venex в Нью-Йорке отмывал средства опасных представителей русской мафии. Когда я узнал об этом, у меня челюсть отвисла.

Могилевич использовался людьми Путина в качестве посредника в темных схемах торговли газом между Туркменистаном, Россией и Украиной и всегда был связан с русскими спецслужбами. Согласно показаниям трех его бывших партнеров и досье ФБР, плотнее всего он сотрудничал с Солнцевской группировкой и имел тесные отношения с правительством Москвы.

— У них была уйма твердой валюты, и они не знали, что с ней делать. Сева занимался инвестициями, — сказал бывший партнер.

— Он у них банкир, — сказал другой партнер. — Они делают деньги, но не знают, что с ними делать дальше.

В ФБР считали, что теперь Могилевич управляет собственной империей: его бизнес зиждется на проститутках, торговле оружием и наркотиками. Все операции он осуществляет в сотрудничестве с КГБ.

— Половина Севиного бизнеса изначально была связана со спецслужбами, — сказал бывший партнер. — Он всегда на них работал. КГБ никогда его не подставит. Он и есть преступная часть российского государства.

В афере с перекачкой денег в Bank of New York не было ничего нового. Она стала продолжением процесса, который начался перед развалом СССР: люди из КГБ объединились с организованной преступностью и занялись переправкой золота партии на западные счета. Вывод средств через Venex на счета Bank of New York был бы невозможен без координации с ФСБ и службой внешней разведки. Как сказал Джонатан Файнер, прокуратура Нью-Йорка была уверена: российская организованная преступность все чаще использует сложные офшорные механизмы, включая манипуляции с акциями для публичных торгов, ранее столь популярные среди торговцев кокаином.

Такая архитектура сделок предполагала, что за рычагами управления стоит альянс из КГБ и организованной преступности, а участником мог стать любой, кто хотел вывести деньги из России в безопасное место на Западе. Как и с последующими схемами по переправке черного нала —

«молдавской прачечной» и «зеркальными торгами» Deutsche Bank, – большая часть прошедших через Venex денег принадлежала российским бизнесменам. Они искали способ уйти от налогов и таможенных пошлин. Однако в число бенефициаров входили также бандиты, организованная преступность Италии и, вероятно, члены Семьи Ельцина. Финансисты из КГБ и ОПГ работали в формате свободного объединения: сначала они придумывали схемы, а потом предлагали их всем желающим.

— Если есть такой механизм, его нужно рекламировать, – сказал эксперт по вопросам международной преступности и проблемам безопасности, связанным с Россией, Марк Галеотти.

Джонатан Файнер сравнил это с походом в продуктовый магазин:

— Вы можете наведываться в ту же лавочку десять раз за неделю. Что не означает, что вы – часть организации. – Люди, стоявшие за организацией, оказались случайными исполнителями. – Они скоординировались, чтобы переправлять свои деньги. Это люди, способные решить проблему. Но никто из них не является постоянным исполнителем.

Тревожные звоночки вокруг операций Bank of New York звучали давно. Но когда выяснилось, что с организованной преступностью связаны далеко не все транзакции, шумиха стала утихать. Вместо полномасштабного расследования скандал замяли, и вскоре все было забыто. Два русских эмигранта, оба граждане США – Люси Эдвардс, возглавлявшая европейское отделение Bank of New York, и ее муж Питер Берлин, руководивший фирмой Venex из маленького офиса в Квинсе, – получили тюремные сроки за отмывание денег. Ни один топ-

менеджер банка не понес наказания. В итоге банк уладил дело с прокуратурой и выплатил 38 миллионов штрафа. Юрий Швец полагал, что это была фатальная ошибка:

— Следствие не продвинулось. Оно встало. Президенту Клинтону было не до того. Он знал, что Ельцин – тот еще сукин сын. Но он был наш сукин сын. США давали России деньги, деньги разворовывались. И это никого не волновало. Но операции через Bank of New York проводила через Могилевича служба внешней разведки. Типичная операция российской внешней разведки, хотя США это не признали. В результате у нас есть то, что есть: в США – Трамп, а в Великобритании – все то же самое.

Схема положила начало следующим аферам, включая «молдавскую прачечную» и «зеркальные торги» Deutsche Bank, благодаря чему на Запад потекли миллиарды долларов российского черного нала. Часть этих денег уходила на приобретение роскошных квартир и особняков, часть оседала на частных банковских счетах, часть вернулась в Россию на реинвестиции. А еще часть, вероятно, через сложную систему брокерских фирм и фондов, связанных с организованной преступностью, была вложена в фондовый рынок США. На случай, если когда-нибудь придется покупать влияние, создавались резервные фонды. И у истоков всего этого стоял Могилевич. В начале девяностых годов он совместно с КГБ пытался освободить из тюрьмы вора в законе Япончика, который позже вместе с Евгением Двоскиным придумал более изощренные схемы. К тому моменту Могилевич же успел засветиться в скандале с Bank of New York и в газоторговых махинациях и стал слишком заметным. В 2007 году он получил

небольшой срок и, по утверждению бывшего партнера, был вынужден передать часть бизнеса ФСБ.

— Двоскин определенно принадлежит к новому поколению, — сказал Марк Галеотти. — Ему могли передать счета, которыми распоряжался Могилевич.

После скандала с Bank of New York и терактов 11 сентября США ужесточили законы, которые, на первый взгляд, должны были сильно усложнить перекачку российского нал в Америку. Патриотический акт потребовал от американских банков идентифицировать подлинных владельцев счетов и запретил использование подставных банков. Теперь такие простые схемы, как с Venex, стали неосуществимы. Однако появились более сложные аферы.

Лондон еще шире распахнул двери русскому налу, и, как показали «молдавская прачечная», «зеркальные торги» Deutsche Bank и аферы Danske Bank, теневые банкиры России часто учреждали в Великобритании компании типа Limited Liability Partnership (LLP), то есть партнерства с ограниченной ответственностью, которые позволяли вести абсолютно непрозрачный бизнес. Британские LLP появились в начале 2000-х годов, после скандала с Enron и краха Arthur Andersen. Такие образования нужны были для того, чтобы партнеры большой аудиторской четверки не несли личную ответственность за долги компаний. Кажется, никто не понимал, что создание таких фирм повлечет далекоидущие последствия. К середине 2000-х годов британские партнерства с ограниченной ответственностью стали удобным механизмом для отмыwania денег, а Лондон, по оценкам Национального агентства по борьбе с преступностью Соединенного Королевства, приобрел репутацию мировой прачечной, ежегодно отмывая

сотни миллиардов фунтов грязного нала. Формат LLP не только позволял регистрировать в Британии компании без необходимости ведения бизнеса в стране, но и давал возможность регистрировать фальшивые счета. Партнерства не облагались налогами, поэтому не было способа проверить, внесены ли счета в официальный реестр Великобритании и корректны ли представленные данные. Владение такими компаниями оформлялось через печально известные теневые офшорные юрисдикции – Маршалловы острова и Сейшелы.

— Мы понятия не имеем, что происходит с этим налом дальше, – сказал независимый эксперт по финансовой преступности Грэм Бэрроу.

Западные банки становились все более уязвимы: из-за приближающегося кризиса 2008 года финансовые учреждения отчаянно нуждались в наличности.

Глубину проблемы осознали лишь тогда, когда стало слишком поздно. Отважная мальтийская журналистка Дафне Каруана Галиция, известная своими расследованиями коррупции в ее родной стране, в разговоре с британским членом парламента предупреждала о серьезных последствиях. Вскоре после этого, в 2017 году, она погибла от взрыва.

— Она пришла в мой кабинет и рассказала, что правительство Мальты живет на российские и азербайджанские деньги и что деньги переправляются в Лондон. Она сказала: «Огромные потоки нала уходят в Лондон». Но я не отреагировал. Я – семейный человек. У меня дети, – сказал политик.

Во многих смыслах мягкие законы Запада превратились в механизм саморазрушения. Запад открыл двери для КГБ и в итоге невольно взрастил у себя обширные сети с черным налом. Эти системы были гораздо масштабнее и сложнее тех, которые

использовались для операций влияния в дни советского противостояния с Западом. На закате СССР КГБ начал готовиться к переходу к рыночной экономике, и все свои сети ему удалось сохранить. Но схемы стали настолько запутанными, что западные правоохранители, в отсутствие достаточного финансирования и кадров, ничего не могли отследить. Бывший офицер КГБ потратил годы на изучение работы офшорных систем и пришел к выводу, что через операции с черным налом Россия получила уникальное и мощное оружие:

— Ядерным оружием каждый день пользоваться невозможно, но черный нал можно использовать ежедневно. Он нужен, чтобы расшатывать западную систему изнутри.

Высокопоставленный российский чиновник, стоявший во главе РЖД в тот момент, когда контрактные деньги уходили из страны через молдавскую схему, долгое время активно действовал и на Западе. Созданная им система аналитических центров и альянсов пробралась в спецслужбы Германии, в британский парламент и в высшие круги французской политики. Владимир Якунин покинул пост главы РЖД за два года до того, как сын его близкого соратника Андрея Крапивина предстал перед судом за получение 277 миллионов долларов через «молдавскую прачечную». Якунин заявил, что об этих финансовых махинациях ничего не знал.

Глава 14

Мягкая сила в железном кулаке: «Я называю их «православным Талибаном»

Операции влияния начались в Украине незаметно и задолго до того, как российская агентура просочилась в региональные администрации на востоке страны и помогла прокремлевским сепаратистам с легкостью взять под контроль эти регионы. Российский черный нал имеет разрушительную силу – об этом не раз предупреждали украинских политиков. Степень влияния России можно было оценить на примере теневых газоторговых махинаций: многие полагали, что благодаря им удалось подкупить не одного президента Украины. Россия все больше инвестировала черный нал и в деятельность Русской православной церкви, историческими корнями уходящей в Украину. Православные священники возносили молитвы за Москву и Святую Русь задолго до того, как регионы Украины захватили прокремлевские ополченцы. Сотни лет назад именно Киев стал колыбелью зарождающейся российской империи. Украина, Россия и Беларусь как отдельные образования появились гораздо позднее. Постепенно ценности Русской православной церкви все чаще противопоставлялись либеральным ценностям Запада, а деятельность Церкви спонсировалась православными олигархами – сначала в Украине, а затем – и в странах Запада.

К православным причислял себя бывший шеф РЖД с чекистским прошлым Владимир Якунин, а также финансист Константин Малофеев, участник женевской финансовой структуры и протеже потомков белоэмигрантов Сержа де

Палена и Жана Гучкова. Они оба были близки к Путину и Геннадию Тимченко. 17-летний монархист Малофеев познакомился с Путиным в Санкт-Петербургском Петропавловском соборе, где, впервые оказавшись на могиле своих предков, возносил молитву последний наследник российского престола Великий князь Владимир Кириллович. До падения Советского Союза оставался месяц. Дружба Малофеева с де Паленом и Путиным началась в тот серый ноябрьский день 1991 года. Малофеев сказал, что «де Пален сыграл огромную роль» в его персональной судьбе.

— Он — уникальный человек. Носитель всей русской истории.

Малофеев стал ключевым звеном сети, объединившей агентов КГБ и адептов имперской власти. После прихода Путина они мечтали о возрождении имперской мощи России. Сторонники Малофеева хвастливо называли его русской версией Джорджа Сороса — миллиардера, вложившего огромные средства в развитие либерализма в странах советского блока. Хотя, по сути, Малофеев скорее был его антагонистом.

В 2005 году 31-летний Малофеев основал инвестиционный фонд Marshall Capital, который владел активами в сфере телекоммуникаций, детского питания, отелей и недвижимости на сумму более миллиарда долларов. Он никогда не называл инвесторов, но примерно в то же время вместе с де Паленом, входившим в совет директоров, основал православный благотворительный Фонд святителя Василия Великого якобы для продвижения православных ценностей и консервативных идеалов в Украине, Европе и США. Вскоре Малофеев заручился поддержкой высокопоставленных чиновников из окружения Путина, а к 2009 году стал независимым председателем совета директоров государственных гигантов «Связьинвест»

и «Ростелеком», которые в это время проходили масштабную реструктуризацию. Партнер Малофеева по Marshall Capital был избран президентом «Ростелекома», после чего Газпромбанк, находившийся под контролем банка «Россия», негласно купил через Малофеева 7% акций «Ростелекома». Ближайшие партнеры Малофеева – например, Якунин – становились выгодоприобретателями благодаря такому негласному захвату активов. Речь шла о миллиардах рублей наличными. По госконтрактам «Ростелеком» выплатил свыше 12 миллиардов рублей – более 80% от сделки – компании, которую возглавлял другой партнер Малофеева по Marshall Capital.

— Малофеев был центральной фигурой по перекачке наличности из «Ростелекома», – сказал экс-глава вошедшей в состав «Ростелекома» компании «Связьинвест» Евгений Юрченко.

Благодаря господдержке Малофеев быстро стал миллиардером, а средства его фонда Marshall Capital росли еще быстрее. Причина крылась в том, что его Фонд святителя Василия Великого стал полноценным игроком в амбициозном политическом проекте по расширению влияния России. Малофеев оказался в первых рядах борцов России против Запада. Вскоре после «оранжевой революции» в Украине Кремль приступил к созданию многочисленных неправительственных организаций и прогосударственных групп, которые, как предполагалось, сначала должны были обосноваться в Украине, а затем двинуться и на Запад. Малофеев был полноценным участником процесса. Такие группы создавались в противовес финансируемым США неправительственными организациями типа «Национальный фонд демократии», «Фридом Хаус» и «Открытое общество»

Джорджа Сороса. Путин и его окружение относились к подобным организациям с нескрываемым презрением и верили, что все эти общества вступили в сговор с Госдепом США и хотят подорвать влияние России в Украине. По мнению Кремля, вопросы прав человека, гражданских свобод и поддержки демократии служили лишь циничным предлогом, а истинная цель организаций заключалась в том, чтобы перетянуть бывшие советские республики на сторону Запада. Москва же всегда считала страны бывшего СССР сферой своих интересов.

В отличие от Сороса, который был фигурой публичной, Малофеев действовал в тени. Он никогда не публиковал информацию о планах и бюджетах. Вместо либерализма и открытости, за которые выступало «Открытое общество» Сороса, люди Путина продвигали идеологию, основанную на ценностях русского православия, прямо противоположных западным либеральным ценностям и толерантности. Русское православие видело себя единственной истинной верой и считало иные верования ересью. Согласно православию, индивидуальное право должно подчиняться традиции и государству, гомосексуализм – это грех. Стремясь возродить российскую империю, люди Путина выбрали удобное идеологическое обоснование. Оно как нельзя лучше совпадало с ожиданиями россиян, почувствовавших себя за бортом глобализации. В расчет брались также вековые предрассудки. Люди Путина обращались к маргинальным философам типа Александра Дугина – этот бородатый политический мыслитель словно сошел со страниц романов Достоевского. Дугин размышлял о судьбе России как евразийской империи, которая займет свое место в качестве единственной истинной мировой

державы и станет Третьим Римом. Люди Путина ухватились за идеологию, стремясь объединить союзников в борьбе против либерального Запада. Путин долго размышлял над этими идеями и обсуждал их с потомками эмигрантов де Паленом и другими финансистами.

— Нам очень повезло с командой, — сказал Малофеев. — Такой цивилизационный проект родился благодаря их опыту и пониманию прошлого и будущего страны. Путин много говорил с этими людьми.

С момента краха СССР КГБ периодически прикармливал ультраправые националистические и империалистические группы, а в конце 2004 года, после «оранжевой революции» в Украине, начал незаметно вытягивать их с периферии политической жизни и увеличивать дотации.

Малофеев и Якунин — последний через свой православный благотворительный Фонд апостола Андрея Первозванного — были не единственными участниками процесса. В России множились легальные и нелегальные богатства, и это означало, что в сеть государственных образований, созданных для продвижения «мягкой силы» России за рубежом, теперь можно было вливать астрономические суммы. В число подобных организаций входили «Россотрудничество» и «Русский мир», учрежденные в 2008 и 2007 годах соответственно. Они открывали культурные и языковые программы для русских диаспор и других заинтересованных лиц и тратили миллионы на популяризацию кремлевской версии событий. Как утверждал «Русский мир», они предоставляли «объективную информацию» о современной России и ее гражданах. По словам офицера советской внешней разведки, эти организации, по сути, служили прикрытием для русских разведчиков. Ни

«Россотрудничество», ни «Русский мир» никогда не публиковали свои финансовые отчеты. И хотя государственная поддержка таких операций (на основании данных, опубликованных на официальном сайте госконтрактов) в 2015 году оценивалась примерно в 130 миллионов долларов, эта цифра не отражала весь объем финансирования, так как по требованию Кремля средства предоставляли и магнаты.

В дело вступили и другие доверенные организации. Русские казаки устраивали военные лагеря для молодежи. Расположение Путина снискала пропагандистская милитаризованная группа байкеров «Ночные волки». За четыре года до появления «зеленых человечков» в Крыму Путин с ревом моторов и в облаках пыли триумфально въехал на полуостров на трехколесном Harley Davidson в сопровождении байкеров в кожаных куртках и банданах. Никто и никогда не смог точно подсчитать объемы финансирования таких групп. Например, в 2014 году «Ночные волки» получили от Кремля 18 миллионов. Это был один из самых больших грантов, выданных на «патриотическое воспитание молодежи». Однако поскольку Кремль, и в частности ФСБ, мог обратиться за средствами к любому магнату и использовать любой свой резервный фонд, неофициальных источников финансирования хватало с лихвой.

Операция в Украине началась почти незаметно. Когда в 2005 году, вскоре после «оранжевой революции», группа пророссийских сепаратистов основала политическое движение «Донецкая республика», это никто не воспринял всерьез. Лидерами стали «трое сумасшедших» с невнятными биографиями: один из них, русский националист Андрей Пургин, коренастый мужчина с курчавой бородой, прежде чем податься в сепаратисты, успел сменить порядка семидесяти

работ, в том числе в цирке. Группа собирала немногочисленные митинги, на которых требовала предоставить Донецку особый федеральный статус. Сепаратисты раздавали унылые листовки и называли украинских националистов фашистами. Постепенно их связи с группами русских националистов крепили, «Донецкая республика» начала посещать прокремлевские молодежные лагеря и примкнула к основанному Александром Дугиным Евразийскому союзу молодежи. Именно с ним и работал Малофеев. На тот момент украинское прозападное правительство запретило «Донецкую республику», но группа продолжала действовать подпольно.

— Они ездили в Москву и принимали участие в программах «Россотрудничества», — сказал советник бывшего губернатора Донецка и промышленника Сергея Таруты Константин Батозский. — Их никогда не воспринимали всерьез.

Их игнорировала даже прокремлевская администрация Януковича.

Однако в какой-то момент все изменилось. К 2012 году движение «Донецкая республика» разбогатело настолько, что открыло собственное «посольство» в штаб-квартире дугинского Евразийского союза молодежи в Москве. Началась раздача паспортов никем не признанной Донецкой республики. А затем, по словам Батозского, когда в январе-феврале 2014 года Украина тонула в хаосе протестов на Майдане, в один прекрасный день в «посольстве» появились русские и заявили лидерам «Донецкой республики», что теперь им придется поработать и их поддержит Россия.

Вскоре после кровопролитий на Майдане Янукович бежал, и политические цели периферийной группы внезапно стали реальными. Неизвестные молодчики взяли штурмом здание

администрации Донецка и водрузили российский флаг. И хотя первая попытка создания Донецкой Народной Республики закончилась через несколько дней, после чего бойцов вытеснил из здания спецназ, ДНР стала авангардом «русской весны» – первый реальный ответ Кремля демократическим движениям мира. «Донецкая республика» проводила демонстрации: численность участников стремительно росла, вместо нескольких десятков протестующих в марте 2014 года теперь пришли тысячи. К движению примкнули перешедшие границу российские националисты. Украинские официальные лица заявляли, что некоторые въезжали как туристы, но были и офицеры военной разведки, контрабандой перевозившие оружие.

К апрелю демонстрации трансформировались в полноценное военное сопротивление: сотни вооруженных людей в масках врываются в административные здания по всей Украине. И хотя внутренняя поддержка по-прежнему исчислялась сотнями, по мере того как украинские войска возвращали под контроль региональные администрации, то, что начиналось с протеста пары десятков «сумасшедших», к маю превратилось в армию хорошо организованных и вооруженных сепаратистов. Всплыли и лидеры движения «Донецкая республика»: Андрей Пургин стал первым вице-премьером самопровозглашенной Донецкой Народной Республики, а прибывшие из Москвы военачальники встали у руля нового сепаратистского образования. Правительство России утверждало, что это были добровольцы, однако некоторые имели давние и тесные связи с прокремлевскими бизнесменами.

Война в Украине, которая, по подсчетам, уже унесла 13 тысяч жизней, спровоцировала глобальный кризис на Западе. Без

российского черного нала этого никогда бы не случилось. Часть денег поступала через сложные схемы отмывания, часть просто перекачивалась. Черный нал стал ключевым элементом в этой опосредованной войне, где нелегальным было все: от возглавлявших борьбу российских военных до контрабандного оружия. Все это можно было отрицать, так как ничего нельзя было отследить. Вероятно, часть денег для сепаратистов переправлялась той весной через украинскую границу самими повстанцами. Между Украиной и Россией всегда шла активная нелегальная торговля, существовала теневая экономика, граница была прозрачной, и попытки отследить перевозимый нал успеха не имели.

— Это был черный нал, его ввозили чемоданами, — сказал Батозский. — Мы никого не смогли поймать за руку.

Украинские официальные лица полагали, что поначалу практически все деньги ввозились в страну российскими спецслужбами, которые прибыли в регион почти сразу после аннексии Крыма.

В центре всего этого стоял Малофеев. В его московском кабинете хранились не только уникальные антикварные иконы и редкие карты царских времен — теперь здесь собирались лидеры российского влияния в Украине: бывший шеф службы безопасности Малофеева офицер внешней разведки Игорь Стрелков, он же Стрелок, он же Игорь Гиркин, возглавил российских повстанцев, прибывших на восток Украины из Крыма, а его советник по связям с общественностью стал новым лидером Донецкой Народной Республики. В ноябре 2013 года, до начала столкновений, Малофеев продал свои акции в «Ростелекоме» государственной компании за 700 миллионов долларов и сосредоточился на «гуманитарных проектах».

Игорь Стрелков ранее участвовал в военных действиях России в Чечне и Боснии. Министр внутренних дел Украины называл его «монстром и убийцей». За месяц до начала массовых волнений Гиркин сопровождал Малофеева в триумфальном турне под эгидой Русской православной церкви. Из греческого монастыря они везли «дары волхвов» — сначала в Москву, а затем — в Киев и Крым. Стрелков якобы отвечал за сохранность церковного золота, ладана и мирры — на дары приходили посмотреть тысячи верующих. Однако в Крыму у них была иная миссия. Они встретились с Сергеем Аксеновым, и через месяц он стал новым пророссийским главой Крыма. Он появился из ниоткуда, из малоизвестной промосковской партии «Российское единство» и внезапно занял пост почти сразу после того, как неопознанные российские войска вошли в Крым.

— В этих поездках Малофеев и Стрелков стали близкими друзьями, — сказал Батозский. — То, что случилось потом, прошло без свидетелей.

Один из бывших чинов Русской православной церкви заявлял, что тур со святыми дарами был лишь прикрытием разведывательной миссии. Готовились к серьезной акции.

— Дары везли в Крым, чтобы подготовить почву и собрать разведданные, — сказал Валерий Отставных. Позже он ушел из церкви, заявив, что не хочет быть инструментом путинского государства.

Считалось, что вся перекачка наличности в пользу прокремлевских сепаратистов держится на Малофееве. Он действовал через благотворительные организации, связанные с Фондом святителя Василия Великого. Позднее, согласно просочившейся информации из украинских спецслужб, выяснилось, что разговоры между ним и Стрелковым

прослушивались: они обсуждали успехи военного отражения украинской армии. В соответствии с расшифровкой одного такого звонка, Стрелков сказал Малофееву:

— Мы не сдали ни одной позиции, то есть в Краматорске все позиции удержаны. Константин Валерьевич, со своей стороны прошу уточнить, кого мы все-таки побили.

Малофеев ответил, что во время визита расскажет об успехах Стрелкова главе Крыма Сергею Аксенову.

Малофеев отрицал свое участие в конфликте. Он утверждал, что только выделял средства на беженцев, спасавшихся от войны, а его связь с повстанцами — не более чем «совпадение». Но на самом деле он увяз в этом по уши: это доказали даже в Евросоюзе и ввели против него санкции за связь с сепаратистами. Украинское правительство открыло в отношении него уголовное расследование — его обвиняли в финансировании террористов.

Впрочем, для Кремля Малофеев был идеальной фигурой. Его причастность к конфликту давала правительству возможность действовать опосредованно, не марая рук, и отрицать собственное участие. Его называли безумным империалистом, действовавшим самостоятельно. В некоторых интервью Малофеев даже не сдерживался. Агентству *Bloomberg* он заявил:

— Прошу прощения за отсутствие политкорректности, но Украина — часть России.

Он считал, что Украина является «искусственным образованием на руинах российской империи». Мне же он сказал следующее:

— Для России это битва за историческое выживание. Россия — империя по своей природе. Она уже была империей, когда США

еще только зарождались. В другом качестве мы существовать не можем.

Однако он никогда не признавался, что имел прочные и длительные связи в верхах Кремля. Помимо дружбы с де Паленом он поддерживал и отношения с Путиным через всемогущего духовника президента Тихона Шевкунова.

Малофеев способствовал росту влияния России на востоке Украины, а стоявшие за сценой связанные с КГБ женевские финансисты смотрели на это одобрительно.

— Это действительно священная война, — сказал один из них. — Предки людей из Харькова и Донецка были русскими. Они всегда были русскими.

Вероятно, с самого начала операции действия Малофеева координировались с российской разведкой. Сектор телекоммуникаций, в котором он сколотил огромное состояние, всегда был сферой повышенного интереса военной разведки. Кремль оказывал поддержку ультраправым националистским группам, поставив целью расколоть Украину и предотвратить вступление в ЕС — теперь это выглядело как дежавю путинских времен в Дрездене. В те дни КГБ (и, по словам упомянутых ранее двух бывших коллег, при активном участии Путина) внедряло своих агентов в немецкие неонацистские группировки и в леворадикальную Фракцию Красной армии, радикалы которой ради дестабилизации убивали американских военных и видных западногерманских промышленников. Нападение Кремля на Украину было разыграно по методичке КГБ: в советские времена агентам предписывалось разделять, разрушать и передавать оружие и наличность через подставных лиц и посредников. В те дни экономика стратегических операций строилась на контрабанде, советские лидеры

не брезговали выбором средств, их интересовало только расширение сферы влияния и борьба с Западом за превосходство. Люди Путина вернулись к старым тактикам. И тогда, и сейчас Россия не была готова к прямым военным действиям и использовала отвлекающие маневры, действуя через посредников, агентов влияния и фасадные организации и стремясь ослабить оппонента, подорвать его позиции изнутри с помощью пропаганды и откровенной лжи.

В советские времена такие тактики назывались «активными мерами». Но к 2014 году, когда Россия наконец завершила переход к собственной искаженной версии государственного капитализма, Кремль снова был готов вступить в противостояние с Западом. Некоторые тактики, уже обкатанные на Украине, стали применяться в Восточной Европе и на Западе. Старые агентурные сети возобновили работу, и система открыла несколько новых фронтов. События в Украине красноречиво говорили о том, что возрожденная Россия стремится посеять противоречия на Западе.

— Все думали, что русские просто воруют, — сказал Константин Батозский. — Но на самом деле они давно возвращают и прикармливают коррумпированных политиков. Россия подорвет Европу. Она закладывает мощную бомбу под основы Европейского Союза, ищет уязвимые места. Сегодня существует гигантский риск. Российские неправительственные организации работают очень активно, раздают гранты ультралевым и ультраправым группировкам.

Некоторые эксперты на Западе все отчетливее начинали понимать, что российские операции влияния, основанные на черном нале, вряд ли ограничатся Украиной.

— Россия финансирует партию «Национальный фронт» во Франции, «Йоббик» в Венгрии, «Лигу Севера» и «Движение пяти звезд» в Италии, — сказал мне в сентябре 2015 года Майкл Карпентер, на тот момент директор по делам России в Совете национальной безопасности США и советник вице-президента Джо Байдена. — Они финансировали греческую партию «Сириза» и, как мы подозреваем, «Левую партию» в Германии. Они атакуют все радикальные партии, левые и правые. В этом плане они довольно беспринципны, а для финансирования используют свои резервные фонды. Их цель — расшатать страны Европы, ослабить Евросоюз и воспрепятствовать достижению консенсуса по санкциям. Это очень серьезно. Они потратили на это уйму времени и денег. — Но подобные опасения вскоре были забыты, а политики, не слишком хорошо разбирающиеся в вопросах России, переключили свое внимание на, как им казалось, более актуальные и реальные проблемы. — Нам сказали, что мы предвзяты по определению: «Вы работаете в России, поэтому воспринимаете ее как угрозу».

Европа уже была измотана конфликтом в Украине, нарастающим напряжением на Ближнем Востоке и огромными потоками беженцев. На Западе бытовало мнение, что путинская Россия не сможет проникнуть в европейские политические и экономические институты. Несмотря на очевидный успех ее попыток расколоть Украину, Запад считал это пирровой победой. Долгое время экономика России считалась слабой, а внешняя разведка — кастрированной. Хлынувшие на Запад русские деньги казались не более чем ворованными активами. Никто не думал, что черный нал из резервных фондов пойдет на стратегические цели.

Однако по всей Европе начали работу старые сети КГБ. Когда Константин Малофеев ребенком жил на окраине Москвы, Серж де Пален уже работал под прикрытием на КГБ в Париже в составе созданной Игорем Щеголевым агентурной сети и вместе с Жаном Гучковым сотрудничал с «дружественными фирмами», которые поставляли оборудование для советской промышленности. Еще один верный союзник из числа потомков белоэмигрантов Александр Трубецкой вошел в команду Щеголева, занятую обеспечением Советов французскими компьютерными технологиями. А теперь все они поддерживали Малофеева: де Пален заседал в совете директоров Фонда святителя Василия Великого, Гучков вошел в совет директоров одной из его компаний, Трубецкой в 2011 году был назначен главой «Связьинвеста» – государственного гиганта в составе «Ростелекома», частично принадлежавшего Малофееву, и заседал в совете директоров Фонда святителя Василия Великого, а Щеголев как министр связи контролировал развитие бизнеса Малофеева.

Без их покровительства Малофеев, вероятно, никуда бы не пробился. В начале деятельности Фонда святителя Василия Великого в Восточной Европе кураторы старались не светиться. В Чехии Малофеев запустил хаотичную кампанию поддержки разношерстных антизападных политиков и передал на это минимум 100 тысяч евро через посредника белорусского происхождения. Тот, судя по информации из взломанной переписки, попытался привести к власти пророссийские группы. Однако эти утечки обнажали лишь вершину айсберга, коим, по сути, и являлась масштабная и сложная операция, в которой Малофеев был лишь одним из игроков. Задолго до того, как Милоша Земана избрали президентом Чехии (это случилось

в 2013 году), его начал обрабатывать Якунин. Глава чешского представительства «Лукойла» Мартин Неедлы стал главным советником Земана и сооснователем политической партии, финансировавшей его президентскую кампанию. Другими спонсорами Земана были сотрудники компаний, принадлежащих одному из швейцарских юристов банка «Россия». Он же, в свою очередь, был последовательным сторонником Путина и первым из европейских лидеров открыто призвал откатить санкции ЕС против России.

В Венгрии интересы Кремля представляла быстро развивающаяся ультраправая партия «Йоббик». С 2005 года она влачила жалкое существование, однако в какой-то момент все изменилось. Как следует из взломанной электронной переписки, политический посредник Малофеева также сотрудничал с партией «Йоббик». Однако катализатором, превратившим ее в самую мощную оппозиционную партию Венгрии, стало появление вынырнувшего из ниоткуда венгерского бизнесмена Белы Ковача. Много лет он работал в России, а теперь примкнул к «Йоббику» и спас его от банкротства. Ковач утверждал, что финансировал партию из личных средств. В 2014 году венгерская прокуратура предприняла попытку выяснить, не является ли он агентом Кремля, и начала расследование. В итоге Европарламент получил достаточно убедительные доказательства связи Ковача с российскими спецслужбами и лишил его депутатской неприкосновенности. Но расследование ни к чему не привело: президент Венгрии Виктор Орбан также стал союзником Москвы.

Поддерживая ультралевые и ультраправые группировки, Кремль стремился поднять волну недовольства в Восточной

Европе. Страны советского блока уже десять лет являлись членами Евросоюза, и манящий блеск западного либерализма начинал тускнеть. Голод по потребительским товарам, возникший после дефицита плановой экономики, был давно утолен: в Восточной Европе выросли огромные торговые центры и продавались последние модели айфонов. Но необходимость следовать либеральным порядкам ЕС оставляла горькое послевкусие, а призраки советского прошлого – агентурные сети КГБ – не желали уходить.

В 2015 году Россия, вдохновившись успешной операцией по расколу Украины, вторглась на Ближний Восток и начала бомбить Сирию. Это объяснялось стремлением защитить режим давнего кремлевского союзника Башара Асада. В результате проблемы Европы только усугубились. Из-за бомбежек увеличился и без того стабильный поток беженцев – в поисках спасения сотни тысяч людей ринулись на Запад. В 2015 году в Европу прибыло более полумиллиона сирийцев. Все это давало Путину отличную возможность посеять волнения, ненависть и пробудить сопротивление либеральному порядку. Особенно хорошо тактика Кремля работала в Восточной Европе: в бывшем советском блоке экономические блага распределялись неравномерно, а консервативные воззвания Русской православной церкви и критика либеральных свобод нашли благодарную аудиторию.

В Женеве близкий к Тимченко швейцарский банкир Жан Гучков открыто призывал к созданию Славянской Европы, которая объединила бы Польшу, Чехию, Болгарию, Россию и Украину, протянулась до Венгрии и отделилась от Евросоюза, в котором доминируют Франция и Германия. В мае 2014 года, на пике украинского кризиса, Гучков заявил, что Евросоюз

проклят, а лидеры Германии и Франции хотят создать новую Европу без проблемных новых членов с востока. Это положило начало процессу, который, как надеялись люди Путина, в конце концов расколет Евросоюз.

Применяя уже обкатанные на востоке тактики, Кремль начал накачивать ресурсами Запад. Женевские финансисты уже давно общались с французскими элитами. Когда Геннадий Тимченко решил наладить деловые отношения с энергетическим гигантом Франции фирмой Total, то фактически распахнул двери перед российскими агентами влияния в верхи французского общества. В 2009 году женевский адвокат Ален Бионда, сотрудничавший с Гучковым и Тимченко, обхаживал двух топ-менеджеров из Total, а Тимченко в это время занимался приобретением второго по величине газового гиганта России «Новатек». В начале 2013 года Гучков встретился в Москве за завтраком с Франсуа Олландом – это был его первый визит в должности президента Франции.

При содействии женевских партнеров Тимченко успешно налаживал связи с французами – за 4 миллиарда долларов он продал фирме Total 12% акций «Новатек» и 20% акций в проекте по производству сжиженного природного газа, а двумя годами позже получил высшую французскую награду – орден Почетного легиона. Его избрали также председателем экономического совета Франко-российской торгово-промышленной палаты, в которую вскоре вошли и ведущие промышленники Франции, и путинские капиталисты высшего звена. Среди них были связанный с КГБ глава Газпромбанка Андрей Акимов и коллега Путина по дрезденским временам генеральный директор «Ростеха» Сергей Чемезов. В санкционный список Евросоюза, введенный после аннексии

Крыма, Тимченко и Акимова не внесли, хотя под санкции США они попали. А Чемезов, несмотря на санкции ЕС, даже умудрился остаться в экономическом совете. В Total призвали к полному снятию санкций.

Россия стремилась не только укреплять деловые связи и влиять на ЕС в вопросе санкций. Государственные образования типа «Россотрудничества» и «Русского мира» пустили корни в Париже. В 2008 году на тихой улочке в седьмом округе Парижа открыл представительство российский Институт демократии и сотрудничества, созданный в противовес американскому Фонду Карнеги за международный мир и призванный развенчивать негативные представления западного мира о России, а также бороться с явлениями, которые основатель фонда назвал «западной монополией» на права человека в России. Все это делалось в рамках агрессивной кампании правительства одновременно с запуском глобальной телесети Russia Today с вещанием на английском. По замыслу, Russia Today должна была пошатнуть гегемонию западных телеканалов CNN и BBC и др. Однако на величественном особняке института не было никаких опознавательных знаков. Главой этой организации стала тайная агентесса русской разведки, в прошлом высокопоставленный дипломат в ООН Наталия Нарочницкая. По словам бывшего офицера российской разведки, она работала на КГБ со времен СССР. Изящная миниатюрная брюнетка была протеже разведчика Евгения Примакова – в годы перестроечных реформ она училась в московском Институте мировой экономики. Институт в Париже занимался продвижением повестки путинских силовиков, поиском и вербовкой будущих агентов влияния, а финансировали его мутные источники – как сказал основатель

института послу США в Москве, учредителями являются «десять бизнесменов».

Нарочницкая имела тесные отношения с Владимиром Якуниным. Через благотворительный православный Фонд апостола Андрея Первозванного и исследовательский институт «Диалог цивилизаций» он завязывал тесные связи с европейскими политическими кругами, в том числе с руководством Республиканской партии Франции. С партией также был связан Серж де Пален. В мае 2014 года мне удалось пообщаться с де Паленом в его женеvском офисе. На столе лежало несколько книг, отпечатанных в его издательстве (за которым стоял загадочный инвестиционный фонд). Де Пален тогда заявил, что дни гегемонии США сочтены.

— Мягкая сила США на исходе, — сказал он, нависая над столом великаном. — У них больше нет сил. Дни их доминирования в ЕС подошли к концу. Теперь Россия стала такой же огромной, как и Китай. США больше не заслуживают доверия. То, что они натворили в Ливии, сейчас они повторяют в Украине. Возможно, Америка не понимает, что ее власть кончается. — Я спросила, пытался ли он восстановить советские агентурные сети влияния в Европе, он посмотрел на меня с недоверием и рассмеялся: — Если вас интересует лоббирование, то да. Этим занимаются все.

Во времена холодной войны через сеть «дружественных фирм» СССР финансировал политических союзников и партии Европы, стремясь подорвать целостность Запада. Теперь, используя те же методы, Москва развивала новую сеть с подставными людьми и посредниками для финансирования ультраправых и ультралевых сил по всему Западу. В строю оставались элементы старых агентурных сетей и некоторые

финансисты, включая Гучкова и де Палена. Теперь к ним потекли новые потоки наличности. В случае с Францией Москву больше интересовали правые партии. И хотя среди ультралевых ей удалось найти одного идейного сторонника – Жан-Люка Меланшона (к тому моменту он уже открыто выступал против США и НАТО, не получая поддержки от Москвы), финансирование получили лидер Национального фронта Жан-Мари Ле Пен и его дочь Марин. Оно снова шло через посредников, поэтому Кремль мог убедительно отрицать свою причастность. Впрочем, некоторые источники отслеживались довольно легко. Например, в ноябре 2014 года стало известно, что в связанном с Геннадием Тимченко чешском банке Национальный фронт взял кредит на 9,4 миллиона евро. (Адвокаты Тимченко заявили, что он не мог влиять на решение банка, никогда не занимался управлением и не был бенефициаром.) Константин Малофеев в это время помогал оформить заем на 2 миллиона евро для Жан-Мари Ле Пена. Французскому документалисту удалось заснять, как Ле Пен входит в московский офис Малофеева Marshall Capital, а затем выходит с алюминиевым ящиком в руках. Предполагали, что ящик был забит наличностью, однако это отрицал и Ле Пен, и Малофеев.

Затем были предприняты активные шаги. До этого Москва долго наработывала связи в Европе. В Германии у Путина был верный союзник – бывший канцлер Герхард Шрёдер. За выступления в оправдание действий России в Украине и Сирии, а также за борьбу с демократией он получил щедрое вознаграждение: вместе с Маттиасом Варнигом Шрёдер заседал в совете директоров газопроводного консорциума «Северный поток». Этот российский проект стоимостью 14,8 миллиарда

евро предназначался для поставок газа по дну Балтийского моря из России в ЕС, минуя Украину.

В Италии у Путина был давний друг Сильвио Берлускони. Они вместе отдыхали на Сардинии, а Берлускони частенько навещал российского президента в его резиденции в Сочи. Берлускони тоже был связан с агентурной сетью, занимавшейся финансированием операций влияния и существовавшей с советских времен. В конце восьмидесятых годов его медиахолдинг «Фининвест» получил от телевизионной корпорации эфирное время для показа итальянских фильмов. Берлускони также тесно сотрудничал с банкиром Антонио Фаллико, знакомым со схемами финансирования Компартией зарубежных операций изнутри. Его Intesa Bank продолжал оказывать финансовую поддержку путинскому капитализму. Когда парламент Италии установил попытку отправки денег Берлускони через посредническую фирму «Газпрома», политики из его партии и оппозиции заявили послу США в Риме, что это не единственная кремлевская схема, использованная Берлускони ради личной выгоды.

Об этих отношениях, впрочем, было известно довольно давно. Однако активность России на Западе определенно вступала в следующую фазу. По всей Европе Малофеев продвигал ультраправую популистскую повестку и призывал восстать против либерального истеблишмента. В июне 2014 года он провел конференцию правых сил в Вене: племянница Марин Ле Пен Марион непринужденно общалась с лидерами австрийской правой Партии свободы и болгарской ультраправой партии «Атака», а также с Сержем де Паленом. Малофеев всегда утверждал, что продвигает религиозные ценности, поддерживает и защищает христиан, а не политиков. Однако его

союзники обнаружились и в набиравшей силу радикальной левой партии «Сириза» в Греции, которая пришла к власти в 2015 году. Утечка электронной переписки свидетельствовала о том, что стратегию и PR-кампанию партии разрабатывал соратник Малофеева Александр Дугин. Малофеев завел также тесные знакомства с правоцентристами – «Независимыми греками» во главе с ярким националистом и министром обороны Паносом Камменосом. Он часто навещался в Москву и имел близкие отношения с Малофеевым, а его Институт геополитических исследований в Афинах подписал «договор о взаимопонимании» и сотрудничестве с влиятельным российским Институтом стратегических исследований. Афинский институт также тесно сотрудничал с учреждением Наталии Нарочницкой в Париже и фактически служил отделением российской внешней разведки.

В марте 2014 года США и Европа ввели санкции против России, однако ее подрывная деятельность не остановилась ни на секунду. Наоборот, Россия только усилила свои попытки расколоть Запад. Альянс с Италией укреплялся: как выяснилось, еще один партнер Малофеева плотно сотрудничал с Джанлукой Савоини – первым помощником главы ультраправой партии «Лига Севера» Маттео Сальвини. Они учредили культурную ассоциацию «Ломбардия – Россия», которая поначалу занималась пропагандой ультраправых взглядов Кремля, а затем провозгласила своей целью «изменение всей Европы». Для Савоини нефтяные сделки Кремля служили средством финансирования предвыборной кампании «Лиги Севера». Вначале о сделках договаривались с неизвестной нефтяной компанией «Авангард», которая, согласно расследованию итальянской газеты *L'Espresso*, была зарегистрирована по тому

же адресу, что и московский офис Малофеева. Затем Савоини заговорил о переправке десятков миллионов евро для нужд партии посредством продажи нефти из «Роснефти» через посредников итальянской фирме Eni. Эти операции ничем не отличались от прежних сделок по иностранному финансированию, когда КГБ действовал от имени КПСС. Нефть по заниженной цене продавалась через посредников, что позволяло им удерживать разницу и переправлять выручку (примерно 65 миллионов долларов в течение года) в казну «Лиги Севера». Об этом сообщило издание *BuzzFeed*.

— Финансирование было организовано точно так же, как через «дружественные фирмы», — сказал офицер КГБ, причастный к нефтеторговым сделкам советской эпохи.

Сальвини утверждал, что сделка не состоялась. Однако его помощник Савоини был уверен, что альянс, созданный в результате этой сделки, станет точкой опоры для пророссийской коалиции по всей Европе. Об этом свидетельствовали расшифровки их обсуждений, опубликованные *BuzzFeed*.

— Новая Европа должна быть ближе к России — мы хотим сохранить суверенитет. Мы не должны зависеть от решений, принимаемых брюссельскими или американскими иллюминатами. Сальвини — первый человек, кто захотел изменить всю Европу. Вместе с нашими союзниками, — сказал он и перечислил другие ультраправые прокремлевские партии — австрийскую «Партию свободы», немецкую «Альтернативу для Германии» и «Национальный фронт» Марин Ле Пен во Франции. — Мы действительно хотим создать с этими пророссийскими партиями мощный альянс.

Чтобы выйти из-под санкций, Россия не стала следовать западному либеральному порядку, а попыталась откупиться. Однако в процессе изменились и сами цели. Теперь люди Путина хотели укрепить пророссийский блок внутри Европы и перекроить политический ландшафт всего континента. При этом многие ультраправые политики с радостью готовы были воспользоваться кремлевским черным налом и возможностями влияния. После публикации видео с пьяной вечеринки на вилле в Ибиче вице-канцлер и лидер австрийской Партии свободы Хайнц-Кристиан Штрахе был вынужден уйти в отставку. На видео он просил политической поддержки у женщины, которая якобы является племянницей российского газового магната. Штрахе предлагал выгодные государственные контракты, а в обмен хотел получить поддержку на выборах, в том числе публикации в крупнейшей австрийской газете *Kronen Zeitung*, которую предполагалось купить и сделать пророссийской.

Со своими прозападными магнатами Путин и его люди разобрались гораздо раньше. В марте 2014 года, сразу после введения санкций, Путин провел закрытую встречу с ведущими промышленниками. Один из них попытался объяснить, что после выхода России на мировые рынки нахождение под санкциями будет для нее губительным. При этих словах сидящий за столом Путин сжал кулаки и заявил: ему плевать, нравится это им или нет. «Будет так», – сказал он. Все это описал женевский партнер одного из присутствовавших на встрече олигархов. Вероятно, магнаты были огорчены, но выбора у них не оставалось, и они вынужденно согласились. После аннексии Крыма страну охватила патриотическая эйфория.

По словам друзей Тимченко, обнаружив себя в секционных списках США, он погрузился в глубокое отчаяние, так как всегда мечтал вести международный бизнес. И хотя в европейских санкционных списках его не было, он, опасаясь «провокаций» со стороны США и даже, вероятно, ареста, – по сообщениям, Министерство юстиции США инициировало расследование по отмыванию денег, – он собрал вещи, покинул свой роскошный особняк на берегу Женевского озера и двинулся на восток, в Китай, где при содействии своего женевского адвоката Алена Бионды начал укреплять связи с китайским руководством. Его частный самолет Gulfstream стоял на приколе из-за санкций (пилоты не могли пользоваться навигационными картами, а американская корпорация Gulfstream аннулировала контракт на обслуживание судна). Однако, если не считать этого, бизнес продолжал развиваться.

Тимченко вращался в политических кругах Запада и, вероятно, был предупрежден о внесении его в санкционные списки США. За несколько дней до анонсирования санкций в женевском офисе Бионды собралась небольшая группа сотрудников. Они работали допоздна – нужно было срочно реструктуризировать холдинговую компанию одного из российских клиентов.

— На месте была вся команда, – сказал один из присутствовавших. – В кабинетах висел дым от сигар. Один из клиентов очень переживал из-за санкций. Ему сказали, что его имя внесено в расширенный список.

Бионда отрицал факт связи этой активности с делом Тимченко, однако когда на следующий день объявили о санкциях, нефтеторговая компания Тимченко Gunvor была к ним готова: Тимченко продал свою долю в компании

шведскому бизнес-партнеру Торбьорну Торнквисту. Так что Gunvor продолжал деятельность, несмотря на санкции. По словам партнера Бионды, сделка по сути являлась «подставной операцией»:

— Пока о сделке объявлено не было, все кредитные линии были заморожены. Но как только стало известно о продаже акций, проблемы испарились.

Тимченко сказал, что Бионда не имел отношения к транзакции и переговоры о продаже начались задолго до санкций, а любое предположение о «подставной операции» в корне неверно.

Из-за санкций его жизнь существенно усложнилась. Банковские счета пришлось открывать в Китае и Гонконге. Проводились реструктуризации. Вероятно, опасаясь возможных проверок в отношении связей с Тимченко, Жан Гучков тихо ушел с поста главы отдела по работе с частными клиентами в женевском банке Société Générale.

— Сегодня такие связи грозят уголовной ответственностью, — сказал его партнер.

Однако санкции не остановили бизнес: женевские финансисты продолжали проводить свои операции влияния. Например, Бионда имел выходы на титанов мировой энергетической индустрии и кое-что знал об их частной жизни — одной из его компаний принадлежала доля в гоночной команде Формулы-1 Lotus Cars.

— В Шанхай и Сингапур руководители нефтяной промышленности обычно приезжают с любовницами, это правило хорошего тона, — сказал женевский финансист.

После введения санкций приятель Бионды начал переводить деньги Консервативной партии Британии.

Через Тимченко и Гучкова Бионда долгое время служил связующим звеном с русскими деньгами и властью. Его офис находился на Place du Port, 1, в самом начале финансового района Женевы, он также владел долей в компании Genii Energy. Его партнером по Genii и Lotus Cars был испанец Жерар Лопес, который заработал свой первый миллиард на инвестициях в Skype, а затем завел тесную дружбу с российским президентом. Лопес посещал Путина в его летней резиденции, кормил яблоками животных и слушал игру на фортепиано. Другая компания, в которую были вложены инвестиции Лопеса – Rise Capital, – вскоре начала получать миллиарды долларов по российским госконтрактам. В июне 2016 года Британия запланировала референдум по выходу из Евросоюза, и Лопес сделал щедрое пожертвование – 400 тысяч фунтов – в фонд Консервативной партии. Вопросов ни у кого не возникло.

Часть денежного потока из России была перенаправлена в британскую политику. Получателями, среди прочих, стали два видных деятеля со связями в КГБ, которые также щедро жертвовали в фонд тори. Одним из них оказался уже знакомый нам Александр Темерко, в прошлом – акционер ЮКОСа, начавший бизнес-карьеру в оборонной промышленности. Когда акционеры ЮКОСа разбежались, он остался в России и вел переговоры с Кремлем, затем в 2011 году стал гражданином Великобритании и пожертвовал партии более миллиона фунтов. Представлялся Темерко диссидентом и критиком путинского режима, но в частных беседах продолжал лестно высказываться о руководителях российских спецслужб, включая всемогущего секретаря Совета безопасности Николая Патрушева. Он обхаживал консервативных сановников и пытался подружиться с Борисом Джонсоном, возглавившим кампанию по выходу из

ЕС. Публично же Темерко всегда высказывался против Брекзита, но в личных разговорах время от времени называл это «революцией против бюрократии», а все его ближайшие союзники ратовали за Брекзит. Его бывшие партнеры утверждали, что он имеет давние отношения с российскими спецслужбами. Леонид Невзлин заявил, что Темерко изначально взяли в ЮКОС из-за его связей с ФСБ и Министерством обороны, и добавил, что к тому же он «близко» знал Патрушева.

Но в основном российская активность сосредоточилась вокруг неизвестно откуда появившихся британских бизнесменов, возглавивших финансирование кампании по выходу из ЕС. Одним из них был миллионер Аррон Бэнкс. Состояние он сделал в страховом бизнесе, а затем занялся добычей алмазов в ЮАР. Русская жена Бэнкса приехала в Британию в конце девяностых годов по студенческой визе и едва избежала депортации после того, как к ее первому браку возникло много вопросов – она вышла замуж за моряка торгового флота в отставке вдвое старше себя. (После недолгого расследования она приобрела номерной знак XMI5 SPY.)

Бэнкс был ведущим спонсором кампании Leave.EU и пожертвовал 8,4 миллиона фунтов. Однако парламентский комитет, расследовавший финансирование референдума, заявил, что происхождение денег осталось неясным. Избирательная комиссия передала расследование Национальному агентству по борьбе с преступностью, полагая, что есть достаточные основания не считать Бэнкса «истинным источником» этих средств. Однако расследование закончилось ничем – фактов нарушения закона агентство не обнаружило. Оказалось, что он занял 6 миллионов фунтов у компании Rock

Holdings Ltd, зарегистрированной на острове Мэн, в которой имел долю. Агентство сочло, что у Бэнкса были на это все законные основания. Однако избирательная комиссия и Transparency International заявили, что на примере этого расследования стали очевидны «слабые места» британских законов: допустимость иностранного финансирования политики страны.

Бэнкс упорно отрицал существование деловых связей с Россией. Однако из взломанной переписки выяснилось, что за месяц до референдума он встретился с высокопоставленными российскими дипломатами и рассмотрел несколько выгодных контрактов. После этого возникли резонные подозрения. Сам Бэнкс сказал, что не подписал ни одной сделки, однако реальный источник денег компании Rock Holdings Ltd оставался неясным. Между тем у бизнес-партнера Бэнкса Джима Меллона нашлись свои связи с Россией: совладелец разросшейся компании Manx Financial Group (которой Бэнкс владел через Rock Holdings) оказался основателем инвестиционного фонда, заработавшего в девяностые годы сотни миллионов долларов на инвестициях в российский фондовый рынок. Не так давно Меллон владел примерно 20% акций в российском фонде Charlemagne Capital, который до конца 2016 года работал как соинвестор в тесной связке с суверенным фондом Кремля.

Наступали самые сложные времена с момента окончания холодной войны, и ставка делалась на раскол Европы.

С Владимиром Якуниным мы встречались несколько раз: в Санкт-Петербурге, в Москве, а потом и в Лондоне – его сын стал гражданином Великобритании. Сам Якунин любил позиционировать и себя, и путинский режим как борцов за

консервативные ценности, забытые Западом в лихорадке глобализации, и играл роль доброго патриота, критично настроенного к западному мироустройству.

Одна из первых встреч произошла в июне 2013 года, сразу после того, как подконтрольный Кремлю парламент принял Закон о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних. Закон широко раскритиковали в Европе: процветающая в России гомофобия теперь получила правовую поддержку. Геев в стране нередко избивали, в Чечне их выслеживали, сажали и пытали. Однако Якунин гордился этим законом и заявлял, что в частных беседах многие европейские политики признавались ему в желании иметь подобное законодательство и в своих странах.

— Представители французских общественных организаций, выступавшие на демонстрациях против однополых браков, сказали, что среди союзников в борьбе с такими извращениями видят только Россию, — сказал он. — Они не рассчитывали на то, что их слова будут переданы Путину, не думали о награде, а просто кричали от отчаяния. Я часто бываю в Греции. И сегодня практически любой грек скажет вам, что в защите православных ценностей рассчитывает на поддержку России. Западные политики и партнеры тоже говорят, что объективно понимают: сегодня Россия является лидирующей положительной силой, которая предотвратит падение человечества в бездну. И это не для того, чтобы польстить Путину. Это просто констатация факта.

Так называемая защита семейных ценностей и выступления против толерантности и либерализма Запада становились лейтмотивом путинского режима. Такая риторика снискала одобрение у ультраправых националистов и консерваторов

в России, Европе и США. Якунин одним из первых силовиков Путина принял православие – и это после долгих лет воинствующего советского атеизма. Его благотворительный Фонд апостола Андрея Первозванного щедро жертвовал на восстановление православных храмов и укрепление форпостов церкви. Константин Малофеев тоже выступал в защиту христианских ценностей и критиковал извращения Запада. Они с Якуниным объединили усилия и в сентябре 2014 года провели в Москве мероприятие для Всемирного конгресса семей – странной американской гомофобной организации, имеющей тесные отношения с самым влиятельным религиозным движением в США. Малофеев выступил перед собравшимися – в число гостей вошли лидеры французского «Национального фронта» и австрийской Партии свободы – и сказал, что «мир наблюдает триумф православия», Россия остается бастионом христианских ценностей и выступает против антиклерикализма Запада.

Однако это новообретенное религиозное рвение было не более чем прикрытием. В самой России объединение церкви и государства стало очередным гвоздем, вбитым в гроб демократии. Поголовное обращение правящих элит в православие давало им дополнительный инструмент для расправы с теми, кто хотел действовать вне системы.

— Я называю их «православным Талибаном», – сказала Людмила Нарусова. – Это в каком-то смысле возвращение в Средневековье. Религия используется для подрыва конституционного строя и базовых прав граждан России.

Якунин и люди из окружения Путина опробовали эту тактику давно. В начале своей службы в КГБ он работал в отделе по борьбе с диссидентами, геями и инакомыслящими. Теперь те же

самые тактики использовались для проникновения в западные политические круги. Отношения со Всемирным конгрессом семей стали одним из механизмов, посредством которого люди Путина проникли в правый консервативный истеблишмент США. Якунин укреплял связи с республиканцем Даном Рорабакером, который прославился своими пропутинскими взглядами. Одновременно с этим Малофеев и де Пален через противников абортс налаживали взаимоотношения с сенатором-республиканцем Рэндом Полом – его отец, либертарианец Рон Пол, основал «Движение чаепития».

Все эти тактики были взяты из советской методички. Используя те же методы, кагэбэшники внедрялись в американские движения против атомного оружия и войны во Вьетнаме. Теперь союзники Путина с помощью примитивного популизма вызвали к предрассудкам против эмигрантов и меньшинств. И для многих людей, оставшихся за бортом глобализма и мультикультурализма, такие призывы звучали заманчиво. Сказывалась ностальгия по старым добрым временам: после финансового кризиса 2008 года, который увеличил разрыв между богатыми и бедными, такой контингент только множился.

Но даже Якунин признавал, что эта «битва цивилизаций» была лишь идеологическим прикрытием старой геополитической борьбы за превосходство. Россия вступила в противостояние с Западом еще с началом холодной войны:

— Если раньше это была битва идеологий – коммунизм против капитализма, то теперь это конфликт между идеями гуманистического традиционного общества и общества потребления. Россия действительно пытается восстановить свои глобальные позиции. И, конечно, идеологическая битва всегда

является формой государственной политики и должна преследовать конкретную цель. Но давайте вернемся к Мюнхенской речи Путина. Он тогда открыто сказал о том, что стало поводом для беспокойств в России. Он этого не скрывал, никуда не отправлял российские спецслужбы. Он просто вышел и сказал: «Ребята, нас беспокоит это и это. Это несправедливо». А потом его сделали изгоем. Его отовсюду выгнали. Понимаете?

Это и было причиной возросшей активности России, желания Кремля разделить и расшатать Запад и попыток положить конец мировому порядку, установившемуся после холодной войны. Во время первого президентского срока Барак Обама заигрывал с Дмитрием Медведевым, но от Путина и его спецслужб администрация держалась подальше, словно надеясь, что они сами канут в прошлое. Путин был уверен: когда он вернется во власть, протесты против него будут организованы с подачи США.

В своей Мюнхенской речи Путин обратил внимание на подъем развивающихся экономик Индии, России и Китая. Запад всегда рассматривал Россию как слабую экономику, опирающуюся на природные ресурсы и неспособную тягаться с Западом по уровню производительности труда. Однако такая оценка не учитывала краткосрочные цели людей Путина. Их не волновало благосостояние народа – экономика давала достаточно ресурсов, чтобы сохранять власть и проецировать ее на мировую арену. Теперь российский ВВП достигал 1,6 триллиона долларов, и половину этой суммы, если не больше, люди Путина спрятали на офшорных счетах.

Именно на это периодически намекал Якунин, хотя делал это с большой осторожностью. Он любил рассказывать историю о том, как в первые дни своего президентства Путин и его приближенные встречались с советником по национальной

безопасности США времен холодной войны Збигневом Бжезинским. Путин, печально качая головой, упомянул, что российские элиты до сих пор хранят на тайных зарубежных счетах миллиарды долларов. Бжезинский ответил: если все деньги хранятся на западных счетах, тогда чья же это элита? Он предположил, что теперь все эти люди попали под контроль Запада. Тогда россиян возмутил подобный комментарий противника в холодной войне. Якунин констатировал: «Фон изменился». Теперь все деньги были под контролем людей Путина.

Некоторые наблюдатели полагали, что причиной решения Путина влиять на западную политику стала утечка информации из «Панамского досье», обнародовавшего банковские данные людей Путина. Но дело было не в этом. Битва путинских кагэбэшников с Западом началась задолго до этого. Война готовилась еще до падения Советского Союза: в преддверии перехода к рыночной экономике определенные структуры КГБ спасали свои агентурные сети и средства, которые позже помогли привести Путина к власти.

— Буш провозгласил победу в холодной войне, и это все определило. Они решили, что, если они победили, то могут диктовать свою волю. Но внезапно выяснилось, что не все готовы жить по их правилам. Усилия Путина не увенчались успехом. А теперь мы все пожинаем плоды недальновидной политики Запада, — сказал Якунин, добавив, что санкции, которые Запад ввел против России после вторжения в Украину, лишь обострили это противостояние: — Вы же хорошо знаете русских. Мы, возможно, ленивые, много пьем. Можем исколоть себя до крови. Но когда появляется внешняя угроза — и это наш генетический код, — сражаться идет и стар и млад. Эти санкции

сплотили российское общество сильнее, чем любая информационная кампания Кремля. Почему мы должны утираться, когда в нас плюют? Введение санкций фактически было объявлением войны.

Противостояние России и Запада обострялось. У администрации Обамы росла обеспокоенность ростом влияния путинского режима. Одним из наиболее активных оппонентов стал вице-президент Джо Байден. Он утверждал, что Кремль в своих геополитических стратегических операциях может использовать лояльных миллиардеров, а коррупция – это способ подрыва демократических режимов.

— Коррупция – это новый инструмент внешней политики, – сказал Байден. – Никогда ранее она не была такой полезной и удобной для стран, стремящихся внести раскол в мировой порядок при содействии олигархов. Это как криптонит функционирующей демократии. Сделаны стратегические и экономические ставки. Россия и другие страны используют коррупцию и олигархов как инструмент принуждения.

Для западных экспертов по России настало время неприятных размышлений. Первые тревожные звонки в отношении истинной природы путинского режима прозвучали в ноябре 2006 года. Министерство юстиции США и ФБР больше не могли игнорировать очевидное. После отравления полонием в муках умер бывший офицер ФСБ Александр Литвиненко, который раньше работал в Испании и занимался расследованием дел русской мафии. При его содействии прокуратура смогла выследить группировку по отмыванию денег, в которую входили члены Тамбовской ОПГ – той самой, с которой Путин сотрудничал в Петербурге. Находки

прокуратуры, в том числе результаты прослушивания телефонных разговоров, были ошеломляющими. Главари группировки, включая бывшего акционера банка «Россия» Геннадия Петрова, находились в постоянном контакте с высокопоставленными лицами российской правоохранительной системы. Одним звонком можно было, например, остановить расследование, которое подбиралось к фигурантам слишком близко, или надавить на таможенную и организовать пропуск грузов через петербургский морской порт, который оставался шлюзом для наркотрафика в Европу. За счет выплат старшим офицерам можно было расправиться с конкурентами, отправив их под арест, и изъять улики из правительственных баз данных. Петров регулярно общался с российским министром обороны, тоже выходцем из Петербурга.

Как заявил следователь прокуратуры Испании коллегам из Минюста США, Россия – «это, по сути, мафиозное государство». Альянс, который сформировался в мэрии Санкт-Петербурга, теперь распространил свою власть на всю Россию: представители ОПГ действовали в связке с высокопоставленными сотрудниками спецслужб. Деятельность Тамбовской группировки в Испании включала торговлю наркотиками и контрабанду оружия. Как сказал бывший офицер военной разведки Антон Суриков, этот форпост позволял контролировать нелегальные каналы продажи оружия в Сирию и Иран.

Российская организованная преступность фактически слилась с властью, и это вызывало все большее беспокойство. Участились операции российской разведки на Западе. В 2010 году ФБР обвинило в шпионаже десятерых россиян. Среди них

была рыжеволосая *femme fatale* Анна Чапман, которая управляла своим онлайн-агентством по операциям с недвижимостью в Нью-Йорке и одновременно искала выходы на высокопоставленных американских политиков. Восемь из них были обвинены в том, что действовали под глубоким прикрытием как «нелегалы» с использованием поддельных документов, то есть, по сути, ничем не отличались от обычных граждан. Ознакомившись с деятельностью этой шпионской группы, многие комментаторы отметили значительную деградацию российской внешней разведки после окончания холодной войны. Но для западных разведчиков это было свидетельством того, что агентурные сети разведки живут и процветают. По словам одного из них, группа, попавшая под арест, была лишь «верхушкой айсберга».

— Русских агентов разведки в США гораздо больше, чем вы думаете, — сказал офицер.

Однако, все еще питая надежды на перезагрузку отношений с Россией во время президентства Медведева, администрация Обамы решила не обращать внимания на многочисленные предостережения экспертов.

— У них был реальный интерес к перезагрузке, — сказал Фрэнк Монтойя-младший, на тот момент глава отдела контрразведки ФБР. — Отчасти они рассчитывали на то, что смогут влиять на российскую политику через Медведева и это будет совсем другой мир.

В 2015 году вице-президент Байден снова выступил с предостережениями, и мир наконец осознал, что угроза для Запада стала более чем реальной. Слабость западной политической системы необратимо изменила общество. Рост неравенства и политика аскетизма, последовавшая за

финансовым кризисом 2008 года, сделала Запад уязвимым. Россия же оттачивала тактику и продолжала накачивать ультраправых и ультралевых.

— Мы заметили рост активности в Грузии, в Крыму и странах Балтии, — сказал Монтойя. — Мы испытывали серьезное беспокойство по поводу потенциальных рисков. Но ничего не случилось. А потом вдруг это случилось — как гром среди ясного неба.

Утром 24 июня 2016 года жители Великобритании проснулись и узнали шокирующие результаты референдума: большинство проголосовало за выход из Евросоюза. Порядок, установленный после холодной войны, начал меняться. В США близились президентские выборы, которые, по сути, тоже становились референдумом о сохранении установленного порядка. Казалось, правящие элиты напрочь забыли о нуждах простых американцев, рабочего класса. Эта ситуация открыла путь во власть предпринимателю и королю недвижимости — он стал кандидатом от Республиканской партии.

— Если Дональд Трамп победит, он похоронит Евросоюз, — сказал Александр Темерко, у которого были тесные связи со сторонниками Брексита в Британии. — На этом Трансатлантический альянс закончит свое существование.

Глава 15

Сеть и Дональд Трамп

Вы, которые на Западе, вы думаете, мы играем тут в шахматы. Но вам никогда не выиграть, потому что мы никогда не играем по правилам.

Российский бандит своему адвокату

Однажды советского агента закинули в Англию, и у него вдруг кончились деньги. Его привели в клуб игроков в покер, и, чтобы спасти ситуацию, он решил сыграть. Он заметил, что в Англии при игре в покер никто не смотрит на карты. Все верят слову джентльмена. Он выигрывал раз за разом, потому что никто не смотрел в его карты. Он выиграл огромные деньги. Так и здесь.

Российский магнат первой волны «нелегалов», отправленных на Запад в эпоху перестройки

В ноябре 1990 года в казино «Тадж-Махал» в Атлантик-Сити Шалва Чигиринский познакомился с Дональдом Трампом. К тому моменту Шалва уже три года прожил на Западе. Он уехал из России еще до развала Союза – правительство позволило ему воссоединиться с женой, гражданкой Испании: она выросла в СССР, а затем, в начале восьмидесятых годов, уехала на волне репатриации. Однако, как признавался сам Чигиринский, этот брак был фиктивным. Задолго до отъезда из СССР он подружился с двумя выдающимися деятелями советской внешней разведки и рассказал им, что из-за махинаций на черном рынке попал под прицел КГБ. За ним неустанно следили, за пять лет он ни разу не воспользовался телефоном. Так он завел приятельские отношения с разведчиком Евгением Примаковым и бывшим главой советской военной разведки в США Михаилом Мильштейном,

которого называл Профессором и частенько бывал у него в гостях.

— Он был генерал и мой друг, — сказал мне Чигиринский. — Он меня очень любил, а я любил подискутировать с ним на исторические темы.

Этнический грузин Чигиринский, харизматичный мужчина с гривой черных волос, учился в Москве на врача и параллельно занимался контрабандой антиквариата — продавал на Запад старинные иконы, картины и другие ценности. В то время как агенты КГБ преследовали его за операции на черном рынке, ведущие умы внешней разведки были к нему благосклонны и не препятствовали его выезду на Запад. Ситуация отражала принципиальный раскол в советских спецслужбах: если прогрессивно мыслящие круги готовились к переходу на рыночную экономику и считали, что это единственный способ выжить в противостоянии с Западом, то старая гвардия сопротивлялась любым переменам. Прогрессивные силы начали создавать на черном рынке агентурные сети и переправлять через них на Запад сырье и антиквариат. Для этого пришлось обратиться к организованной преступности. Бандиты, в свою очередь, на волне эмиграции на рубеже 1970–1980-х годов отправляли за границу своих людей, те открывали торговые представительства в Австрии и Швейцарии, а затем проникали далее на Запад. Люди из спецслужб типа Примакова из Московского института мировой экономики и Михаила Мильштейна из Института США и Канады руководили продвижением реформ. Когда под давлением этих реформ Советский Союз рухнул, а активы мощным потоком устремились на Запад, выяснилось, что люди из КГБ успели подготовиться.

Агенты уже работали на местах, а агентурные сети по переправке наличности находились под их полным контролем.

Чигиринский отрицал любую причастность к этому процессу. Однако, строя карьеру по ту сторону «железного занавеса», он по-дружески общался с определенным кругом людей, и у некоторых это вызывало вопрос: не было ли у него поддержки в самых верхах? По словам Чигиринского, в первые месяцы после отъезда из СССР в 1987 году он жил в нищенских условиях:

— Два месяца я спал на полу в квартире у друга.

Однако в том же году он учредил первое советское совместное предприятие. Он арендовал квартирку на главной улице Западного Берлина Курфурстендамм, аккурат над казино, которым владели советские эмигранты, и вскоре стал завсегдатаем роскошных залов ближайшего отеля «Бристоль», обзавелся полезными знакомствами и подружился с советским консулом Рудольфом Алексеевым, а в год падения Берлинской стены в компании Алексеева и других высокопоставленных советских чиновников присутствовал на праздновании Дня победы в Шпандау.

К моменту знакомства с Дональдом Трампом в 1990 году Чигиринский преуспел. Его совместное предприятие, как и многие компании тех времен, сначала занималось продажей компьютеров, затем строительством. Заручившись одобрением покровителей из советского МИДа, Чигиринский получил контракт на строительство в Москве первого бизнес-центра для иностранных компаний – офисы должна была занять французская энергетическая фирма Elf Aquitaine. МИД, в свою очередь, имел возможность не только пристально следить за иностранными арендаторами, но и получать от них кругленькие

суммы. Чигиринский к тому моменту обзавелся завидным состоянием и перешел в категорию крупных игроков. Ему очень понравилось казино «Тадж-Махал» в Атлантик-Сити – 39-этажный дворец с куполом и золотыми канделябрами. Игровые залы с сотнями столов перемежались с комнатами отдыха, барами и ресторанами.

— Впервые я увидел его в три часа утра, – вспоминал Чигиринский. – Внезапно в зале появился Трамп, и с ним – еще человек сорок. Мы уже провели там несколько дней, а он приходил каждую ночь часа в три-четыре. Это был уникальный проект. Огромные вложения. Трамп потратил уйму денег. Он был привлекательным мужчиной – ухоженный, энергичный. Мы играли в казино, к тому моменту у нас были уже большие деньги. Трамп показал нам «Тадж-Махал», показал, где хранились наличные, сейфы, компьютеры. Он там жил, и вокруг него всегда крутились красивые женщины.

Зародившаяся в ту ночь дружба Чигиринского с Трампом положила начало отдельной агентурной российской сети, в которой работали разведчики, магнаты и представители ОПГ. С тех пор все они тем или иным образом поддерживали отношения с Трампом, например, грузин Тамир Сапир, его бизнес-партнер Сэм Кислин и азербайджанец Арас Агаларов – последний еще до падения Союза учредил несколько совместных советско-американских предприятий и торговых фирм. Все они вошли в разветвленную сеть, а само ее существование стало очередным свидетельством деятельности всемогущих структур, оперирующих черным налом и созданных в последние годы советского режима. Некоторые из них впоследствии работали в строительных фирмах Трампа. Ему помогли выпутаться из финансовых неурядиц, предложили

выгодные контракты на строительство в Москве, а в 2013 году Агаларов взялся за организацию принадлежавшего Трампу конкурса «Мисс Вселенная». По словам Юрия Швеца, именно эти люди помогли «спасти Трампа от банкротства».

Про потоки денег, вливавшиеся через эту сеть в бизнес Трампа, известно еще далеко не все. Между Trump Organization и Конгрессом до сих пор идут судебные разбирательства, и пока нет понимания, какие конфиденциальные документы следствия будут раскрыты. Но, тем не менее, уже появились некоторые свидетельства того, что Москва пыталась влиять на Трампа. Агаларов, Сапир и Кислин стояли у истоков эксперимента КГБ с перекачкой денег на Запад. Они курсировали между российскими спецслужбами и бандитами, которые использовали друг друга в своих интересах. Про Чигиринского ходили слухи, которые он сам, конечно, отрицал, о его связях с Солнцевской ОПГ. Группировка появилась в конце восьмидесятых годов, имела связи в правительстве Москвы и считалась одной из самых могущественных в России. При переправке на Запад комитетских и криминальных денег с ней тесно сотрудничал Семен Могилевич. И хотя Чигиринский всегда отрицал свою связь с организованной преступностью, он признался в том, что был знаком с Могилевым и его ближайшими соратниками.

В ту ночь Чигиринского с Трампом познакомил видный игрок в индустрии казино Атлантик-Сити адвокат Мартин Гринберг. Именно он работал над законом об игорном бизнесе в Нью-Джерси в начале восьмидесятых годов, затем стал президентом одного из крупнейших казино штата – «Голден Наггет». Гринберг познакомился с Чигиринским в 1989 году, когда прогрессивные люди из внешней разведки ударными темпами начали перевозить «золото партии» в заграничные

укрытия. Он участвовал в переговорах с Чигиринским вместе с помощником генпрокурора Альфредом Лучиани, который также разрабатывал игорные законы для штата Нью-Джерси, а затем занял место вице-президента «Голден Наггет». Слухи о баснословном богатстве Коммунистической партии дошли и до Америки. Эти трое встретились в Ялте и обсудили потенциальные инвестиции, включая строительство казино в Крыму. Однако Чигиринский сказал:

— Американцев интересовали также инвестиции в их собственные казино. Они наслушались мифов о «золоте партии» и заявили, что казино — это отличные инвестиции.

Чигиринский утверждал, что по итогам переговоров никаких инвестиций сделано не было. Однако вскоре после этого он вместе с сыном своего друга-разведчика отправился в Атлантик-Сити. Гринберг пригласил их в «Тадж-Махал» и познакомил с Трампом. К тому времени Чигиринский вел совместный бизнес с сыном Михаила Мильштейна Вадимом. Экономист по образованию, он открыл бюро переводов, которое выглядело как подставная фирма, а его бизнес-партнерами были член элитного подразделения КГБ «Альфа» и бывший советский посланник в ООН.

К моменту знакомства с Чигиринским Трамп, вложивший в «Тадж Махал», который он называл «восьмым чудом света», колоссальные средства (более миллиарда долларов), теперь погряз в долгах и был близок к банкротству. По воспоминаниям Чигиринского, Трамп называл игорный бизнес «бесконечной борьбой», а в интервью журналу *New York Magazine* признался, что в 1990 году его долги составляли 5 миллиардов долларов плюс 908 миллионов под личные гарантии. «Я стоил минус 900 миллионов», — сказал он. Рынок недвижимости падал. Как

рассказал Трамп в интервью, как-то раз, проходя в Нью-Йорке мимо Tiffany, он увидел слепого уличного попрошайку и сказал своей бывшей жене Марле Мейплс, гламурной блондинке, победительнице конкурса красоты: «Этот бродяга стоит на 900 миллионов больше, чем я».

Однако к 1992 году положение Трампа резко улучшилось. Он сократил свои персональные обязательства до 115 миллионов, распродав самолеты и яхты, и добился реструктуризации остатков долга. В июле 1991 года казино «Тадж-Махал» готовилось к процедуре банкротства, однако за Трампа поручились держатели облигаций и предоставили рассрочку в обмен на 50% доходов от казино. Ему помогали два титана с Уолл-стрит: владелец инвестиционного фонда Карл Икан и глава отдела по банкротству в инвестиционном банке [Rothschild](#) Уилбур Росс. Они уговорили держателей облигаций согласиться на сделку. Познакомивший Чигиринского с Трампом Мартин Гринберг представлял интересы владельцев облигаций. Чигиринский подтвердил факт своего знакомства с Иканом.

Мы никогда не узнаем, какое отношение имел Чигиринский к заключению пакта между держателями облигаций и «Тадж-Махалом». Он утверждал, что никогда не инвестировал в «Тадж-Махал», но когда мы заговорили о финансовых трудностях, с которыми столкнулось казино, он принялся описывать этот бизнес как собственный.

— Мы никогда не занимались таким бизнесом, — сказал он. — Мы вообще мало что понимали в таком бизнесе.

Во всяком случае, вскоре «Тадж-Махал» снова был на плаву. В сентябре 1992 года Трамп хвастался рекордными доходами — только за два предыдущих месяца он получил более 80

миллионов прибыли. С момента открытия в казино толпами шли русские эмигранты, очарованные роскошью, блеском заведения и именем Трампа. Выступления российских поп-звезд только повышали привлекательность казино. Крупные российские игроки могли спустить за ночь до 100 тысяч долларов. Их обслуживали как VIP-клиентов: бесплатный номер в отеле, бесплатное питание и алкогольные напитки, транспорт – их возили на роскошных лимузинах и даже на вертолетах. В «Тадж-Махале» не задавали лишних вопросов, поэтому он стал удобным местом для отмыwania денег. Позднее Минфин США в своем расследовании обнаружил, что казино не всегда сообщало о подозрительных транзакциях и не отчитывалось, как требовал закон, о клиентах, чьи ставки превышали 10 тысяч долларов в сутки.

Казино стало любимым пристанищем Вячеслава Иванькова, или Япончика. Он приехал в Нью-Йорк в марте 1992 года вслед за Могилевичем. В России он был осужден за подделку документов и наркоторговлю, но благодаря своим договоренностям с КГБ освобожден досрочно. ФБР полагало, что, обосновавшись на Брайтон-Бич, Япончик взял на себя руководство международной преступной организацией, которая занималась наркотиками, вымогательством и заказными убийствами, а также представляла интересы Солнцевской группировки в США. ФБР пристально следило за его перемещениями между кондоминиумом в Trump Tower на Манхэттене и казино «Тадж-Махал»: в марте-апреле 1992 года он посетил казино 19 раз и спустил там 250 тысяч долларов.

В первый раз Трамп сумел избежать банкротства, и спасали его в том числе русские. «Тадж-Махал» стал настолько

популярным среди эмигрантов, что в его стенах даже сняли комедию, в которой по сюжету казино владеют русские бандиты.

Пока Трамп разбирался с рисками банкротства, Чигиринский был рядом с ним. Он сблизился с владельцем аукционного дома [Sotheby's](#) Альфредом Таубманом и его зятем Луисом Дубиным – нью-йоркским застройщиком и другом Трампа. Он нанял вице-президента Trump Organization Луизу Саншайн и чуть было не купил роскошную резиденцию Мар-а-Лаго в Палм-Бич, однако передумал, потому что, как заявил Траубман, над именем слишком низко летали самолеты. Он дружески общался с владельцем казино «Голден Наггет» Стивом Уинном, который, в свою очередь, сначала был соперником, а потом стал близким другом Трампа.

Чигиринский отличался учтивостью и обходительностью. В ходе расширения своего московского бизнеса он заработал сотни миллионов долларов и благодаря этому вошел в высшее общество США. Он тесно сотрудничал с мэром Москвы Юрием Лужковым, делил кабинет с высшими чиновниками городского строительного департамента и вместе с правительством Москвы приобрел акции московского нефтеперерабатывающего завода, который почти полностью закрывал потребности столицы и области. Через нью-йоркские связи Тамира Сапира завод подписал контракт на поставку нефтепродуктов минимум на 800 миллионов долларов.

Сапир эмигрировал из СССР в Нью-Йорк в 1975 году и при поддержке КГБ одним из первых ввязался в нефтеторговые операции в США. Вначале работал таксистом, затем занялся поставками новейшей американской электроники своей клиентуре из числа советских чиновников и офицеров КГБ. В те дни он представлял манхэттенский магазин Joy Lud, а в число

клиентов входили министр иностранных дел СССР Эдуард Шеварднадзе и Евгений Примаков. Используя магазин как прикрытие для более масштабных операций, Сапир получал выгодные лицензии на продажу крупных партий удобрений и нефтепродуктов и вскоре стал миллиардером. Его партнером по бизнесу оказался одесский эмигрант Сэм Кислин. Он также торговал металлами с Михаилом Черным, предположительно одним из первых бандитов, занятых в перекачке советских активов через связанные с КГБ фирмы. Ни один из них не смог бы заниматься подобными операциями в Нью-Йорке без поддержки и участия КГБ. Кислин познакомился с Трампом еще в семидесятых годах, а позже утверждал, что выдал Трампу кредит на 700 телевизоров.

Затем Сапир объединил усилия с партнером Кислина – бывшим советским торговым представителем Тевфиком Арифом, и они решили финансировать строительство Trump Tower на Манхэттене, в Сохо. Трамп в тот момент отчаянно нуждался в деньгах. Кислин завел близкие отношения с тогдашним мэром Нью-Йорка Руди Джулиани, который позже стал личным адвокатом Трампа.

Агаларов

Миллиардер и строительный магнат Арас Агаларов был протеже Чигиринского. Именно он пригласил Трампа на конкурс красоты «Мисс Вселенная-2013» в Москву и устроил судьбоносную встречу с таинственным московским адвокатом, который пообещал предоставить компромат на кандидата в президенты Хиллари Клинтон. Бывший функционер КПСС Агаларов в соответствии с руководством КГБ по переходу

к рыночной экономике открыл одно из первых совместных предприятий и был среди немногих, кому разрешили уехать в США. В 1989 году он основал советско-американскую фирму Crocus International.

— Это мой ученик, — сказал Чигиринский. — Я очень давно его знаю.

И пояснил, что научил Агаларову всему, что сам знал о строительстве. 1990-е годы Агаларов провел в основном в США, занимаясь импортом и экспортом. Сначала у него была маленькая контора в центре Манхэттена, а затем — в Нью-Джерси. Он приехал в Москву и занялся строительством только в конце 1990-х годов. По словам Юрия Швеца, вероятно, Агаларов был одним из агентов, завербованных КГБ на закате СССР и задействованных в переправке денег на Запад.

— В те дни любое советско-американское предприятие можно было открыть только с разрешения КГБ, — сказал Швец. — Учитывая специфику работы российских спецслужб, мой профессиональный анализ говорит о том, что его завербовали.

Как многие руководители совместных предприятий того времени, Агаларов начинал с импорта компьютерных технологий, в СССР на них был огромный спрос. После развала Союза бизнес расширился, Агаларов начал торговать потребительскими товарами, в том числе китайскими, и приобрел долю на Черкизовском рынке. Этот крупнейший в Европе рынок под открытым небом на окраине Москвы представлял собой бесконечные ряды палаток и был меккой для китайских контрабандных товаров, «государством в государстве»: имел собственные «полицию, таможню, суды» и миллионы работников-мигрантов. В число сооснователей рынка вошли и другие азербайджанские приятели Тевфика

Арифа, который позже спонсировал строительство Trump Tower в Сохо.

В девяностых годах экспортно-импортный бизнес Агаларова быстро расширялся. Вскоре его ближайший партнер Ираклий Кавеладзе попал под следствие по подозрению в отмывании денег. Американские чиновники знали, что в страну начинают ввозить черный русский нал, и подозревали, что Кавеладзе имеет к этому отношение. Юрий Швец утверждал, что этот ловкий грузин был «нелегалом», то есть внедренным в США агентом российских спецслужб под прикрытием, и, согласно плану, должен был получить американское гражданство. Поначалу КГБ для своих «нелегалов» использовал хитроумную схему с краденными документами западных граждан. Однако в 1970-х годах поток эмиграции из СССР существенно вырос, и теперь стали искать агентов среди эмигрантов. Швец сказал, что Кавеладзе был одним из них. В 1989 году в возрасте 28 лет по окончании Финансового университета при правительстве РФ Кавеладзе получил разрешение на выезд в США. Там он подружился с американской семьей из Геттисберга, штат Пенсильвания, и уже через два года стал обладателем американского гражданства: выяснилось, что он был «усыновлен» матерью семейства Джудит Шоу. (Она умерла в 1993 году в 49 лет, и в ее завещании Кавеладзе был указан как «приемный сын».)

— Его закинули в Штаты по линии эмиграции, — сказал Швец. — Советская разведка всегда завидовала китайцам и Моссаду, поскольку в любой стране есть огромная китайская или еврейская диаспора. Всегда можно обратиться к соотечественникам. До развала СССР огромная группа

эмигрантов оставалась под контролем КГБ. Кавеладзе заслали как эмигранта.

Сам Кавеладзе на просьбу прокомментировать это не ответил.

Лет десять он обеспечивал денежные трансферы. С его помощью на банковские счета в США удалось перевести более 1,4 миллиарда долларов российского и восточноевропейского черного нала. Он быстро нашел работу – стал вице-президентом в совместном предприятии Crocus International, а октябре 1991 года, воспользовавшись американским гражданством, открыл в США сразу несколько банковских счетов. Потом учредил собственное предприятие – International Business Creations – и зарегистрировал его по тому же адресу на Манхэттене, где были оформлены компании Агаларова. Это дало следствию зацепку: позднее выяснилось, что он открыл более сотни счетов для подозрительных клиентов в крупнейшем банке США Citibank и еще порядка сотни – в Commercial Bank of San Francisco. Этим банком владел выходец из Латвии, у которого тоже, по слухам, были связи с КГБ. Позднее сотрудники Citibank заявили следователям, что Кавеладзе умудрялся открывать счета, даже не приводя своих клиентов в банк и не предъявляя документы об их деятельности. Кроме того он зарегистрировал в Делавере около 2000 корпораций для российских клиентов, о которых, по его признанию, он сам почти ничего не знал, даже их настоящих имен.

По словам бывшего кремлевского чиновника, часть денег переправлялась на Запад из многомиллиардного фонда, созданного Национальным фондом спорта. В середине девяностых годов Ельцин предоставил фонду право на беспошлинный импорт в Россию алкоголя и табака, в итоге

организация превратилась в инструмент контрабанды. Фонд работал под контролем высокопоставленных офицеров спецслужб, включая охранника Ельцина Александра Коржакова. Следователи были обеспокоены тем, что часть открытых Кавеладзе счетов не использовалась ни разу, а часть – для одноразовых переводов. Как сказал знакомый с расследованием человек, это выглядело как создание ячеек под будущие операции.

— Он учредил столько этих чертовых компаний! И пользуется ими тогда, когда понадобится – прямо как одноразовыми мобильниками.

Счета Кавеладзе оказались лишь верхушкой айсберга. Как выяснилось, некоторые переводы через Commercial Bank of San Francisco были частью более масштабной операции: Bank of New York угодил в скандал по отмыванию 7 миллиардов. По сути, средства, которые перераспределял Кавеладзе, были частью мощного потока черного нала, который шел в США еще до развала Союза. Архитектура системы трансферов говорила о том, что перекачкой занимались КГБ и ОПГ.

Денежный канал в Bank of New York был связан с Семеном Могилевичем. Швец назвал его «исключительно важным агентом российской внешней разведки». Долгое время он занимался переводами денег Солнцевской группировки и КГБ на Запад. Однако летом 1999 года схема была засвечена, но скандал замяли. Уголовного расследования не было, а саму схему сочли типичной попыткой ухода от налогов и таможенных пошлин, как это часто делал российский бизнес. Про связь схемы с Могилевичем и российскими спецслужбами решили умолчать, не стали распространяться и о причастности американских брокерских компаний, и об аферах с акциями.

Швец счел это фатальной ошибкой. Запад был ослеплен своей победой в холодной войне.

— Они думали, что с Россией покончено навсегда. Их не волновало воровство, пока оно не становилось слишком явным. Когда Буш-старший объявил об окончании холодной войны и начале новой эпохи сотрудничества, он уже проиграл. Потому что русские использовали сотрудничество, чтобы обманывать Штаты. Американцы — они же, как дети. Если вам нравится сотрудничество, вы сотрудничаете. И все, никто не задает никаких вопросов, даже если при этом русские держат за спиной кирпич.

Теперь разведчики и их подельники из ОПГ могли перейти к другим методам переправки денег в США — путь был открыт. Новое поколение теневых банкиров, связанных с теми же бандитами и людьми КГБ, придумало «зеркальные торги» и «молдавскую прачечную». Но, по словам Швца и партнера Могилевича, до этого одним из излюбленных каналов перекачки стали предприятия Дональда Трампа.

— Нужно было найти более изящные способы отмывания наличности — через бизнес, а не непрямую через банки США, — сказал Швец. — А тут подвернулся Трамп со своими финансовыми проблемами, и вскоре созрело отличное решение.

Нет никаких доказательств того, что Трамп знал о проблемах с бизнесменами из СССР — в начале 2000-х годов они выстраивались к нему в очередь с предложениями выгодных сделок. Генеральный советник Trump Organization Алан Гартен сказал, что у него не было причин подвергать сомнениям источники их средств. Однако в те дни Трамп погряз в долгах. В начале девяностых годов он избежал личного банкротства, но был вынужден распродать такие ценные объекты, как отель

«Плаза», престижный строительный проект в Верхнем Вест-Сайде на Манхэттене, а также часть казино «Тадж-Махал». Было непонятно, что делать с остальной империей недвижимости, к тому же он выплачивал долги по облигациям за Trump Hotels & Casino Resorts. Западные банки, за исключением Deutsche Bank, давали ему деньги с большой неохотой. И в этот момент к нему один за другим потянулись бизнесмены из числа советских эмигрантов с предложениями построить сразу несколько Trump Tower. Впервые в жизни ему предложили солидные лицензионные и управленческие гонорары за возможность использовать его бренд. Как минимум в одном случае он получил 18% акций без всяких инвестиций. Более счастливой случайности, чем эти сделки, и быть не могло. А главное – никто не задавал никаких вопросов.

— Дональд обычно не слишком придирчив, – сказал бывший исполнительный директор Trump Organization Эйб Уоллак.

Бизнесмены, обращавшиеся к Трампу, в основном были связаны с одним и тем же звеном финансистов из КГБ, у некоторых, например, у Тамира Сапира и Тевфика Арифа, были контакты с Солнцевской группировкой. За Арифом стояли три казахстанских магната, которые, как предполагалось, раньше вели бизнес с членом Солнцевской группировки. Торговец металлами, зять дельца, связанного с Солнцевской ОПГ, Алекс Шнайдер на закате советского режима был задействован в трансферах «золота партии».

Эффективная масштабная сеть по перекачке наличности заработала в полную силу после включения в нее сына сообщника Семена Могилевича. Парень вырос на Брайтон-Бич – излюбленном районе русских эмигрантов и мафиозных структур.

Сатер

Когда в 2001 году Феликс Сатер впервые обратился к Трампу, он уже успел прожить несколько жизней и, как сам признавался, долгое время работал с высокопоставленными фигурами российской разведки. Дерзкий, с лицом боксера, он покинул Советский Союз вместе с родителями на волне еврейской эмиграции в возрасте восьми лет: они уехали в начале восьмидесятых годов и поселились на Брайтон-Бич. По свидетельствам двух сообщников Могилевича, отец Сатера Михаил Шеферовский стал местным «решалой» и представлял интересы Могилевича. Сатер рос в мире, где бандитские перестрелки и разборки между мафиозными группировками были обычным делом, где русские ОПГ укрепляли связи с итальянскими мафиозными семействами, и преступными становились целые корпорации. Вначале такие альянсы занимались продажей контрабандной нефти, затем принялись за алмазную индустрию в Сьерра-Леоне, потом переключились на биржевые манипуляции, мошенничество, изощренные схемы торговли товарами, и наконец – на оружие и наркотики.

Сатер заявлял, что никогда ни в чем подобном не участвовал, но в ходе нашей беседы не скрывал, что гордится своим происхождением.

— Мы с друзьями выросли в Бруклине. Страх нам был неведом, — сказал он, выпятив грудь. — Я бы сказал, что это уникальная группа людей.

Он успел поработать биржевым маклером в нескольких фирмах на Уолл-стрит, но вскоре у него начались проблемы с законом. В 1991 году он получил 15 месяцев тюрьмы за то, что ударил брокера в лицо расколотым коктейльным бокалом.

Затем ему грозил срок за аферы с акциями на 41 миллион долларов в сговоре с мафиозными итальянскими семьями Гамбино и Гравесе, с которыми он познакомился через отца. Вместе с партнерами Сатер тайно закупал крупные партии акций через брокерские фирмы Нью-Йорка, где сам был соучредителем, а затем искусственно взвинчивал цену, подкупая брокеров и используя как рычаг давления свои итальянские криминальные связи. Некоторые причастные брокерские фирмы попали под расследование – выяснилось, что они были связаны со схемой отмывки в Bank of New York. В 1996 году схема была раскрыта, Сатер отправился в Москву и благодаря своим знакомствам на Брайтон-Бич вышел на высокопоставленных чинов российской разведки. Он утверждал, что поехал в Россию в качестве консультанта телекоммуникационной американской фирмы AT&T для обсуждения 100-миллионной сделки об аренде протянутого к США трансатлантического кабеля и что именно благодаря этому познакомился с офицерами российской военной разведки, ответственными за государственные телекоммуникации. Но вряд ли это было возможно без связей с российской организованной преступностью. В число контактов Сатера входил Могилевич, который, как утверждали Юрий Швец и знакомый с Сатером сообщник Могилевича, сотрудничал с российской внешней разведкой.

В январе 1998 года ФБР обнаружило в Нью-Йорке многочисленные документы, проливающие свет на мошеннические схемы с акциями. Вскоре после этого Сатер связался с сотрудниками американской разведки в Москве и предложил поставлять информацию о деятельности Талибана и Северного альянса в Афганистане, где давно действовали

российские спецслужбы и ОПГ. Для Сатера и российской разведки это стало началом прекрасной дружбы. Вначале он поставлял информацию о пропавших ракетах Stinger, которые давно разыскивало правительство США, и даже передал серийные номера и сведения о том, что ракеты находятся у Северного альянса и он планирует их продажу. Затем, передав информацию о местонахождении лагерей Аль-Каиды, а также, по его словам, номера пяти спутниковых телефонов Усамы бен Ладена, он вернулся в США и пошел сдаваться. Заключив сделку с ФБР, он избежал судебного преследования и в перспективе – двадцатилетнего тюремного срока за аферы с акциями. Наоборот, он заручился одобрением властей и в течение десяти лет плодотворно сотрудничал с ФРБ.

При этом Сатер оставался верен давней традиции: еще с советских времен подельники русской мафии с Брайтон-Бич соглашались работать информаторами ФБР в обмен на защиту от уголовного преследования. Однако связи Сатера с российскими разведчиками и ОПГ должны были, по идее, вызвать подозрения. Он даже содействовал ФБР в раскрытии мошеннической схемы с акциями: оставил кипу документов в депозитарной ячейке, которую не оплатил, а затем помог агентам с их расшифровкой. В мае 2018 года во время нашей встречи он рассказал мне, что его информаторы из российской разведки, включая ГРУ, в те времена были готовы поставлять ему информацию, так как отчаянно нуждались в наличности.

— На тот момент никого из ГРУ не смущал тот факт, что секретные сведения передаются Америке. Они не слишком хорошо разбирались в финансах, а я работал на Уолл-стрит, свободно говорил по-русски и по-английски и понимал

в финансовых схемах. Я обсуждал с ними сделку, которая в перспективе должна была принести 100 миллионов.

Сделка так и не состоялась, и Сатер не уточнил, платил ли он информаторам, и, если да, то сколько.

По словам Юрия Швеца, Сатер поддерживал отношения с высокопоставленными чинами российской разведки, следуя старой советской традиции доставлять информацию через агента для повышения своего авторитета и влияния. Без активного сотрудничества и помощи высокопоставленных офицеров разведки и представителей ОПГ он не смог бы получить доступ к подобной информации. Швец сказал, что, по его мнению, своими связями Сатер был обязан Могилевичу и связанному с КГБ члену Солнцевской ОПГ Шабтаю Калмановичу, которого в 1980-х годах осудили в Израиле за шпионаж в пользу Советов:

— Калманович все решил за Сатера.

Могилевич и Калманович стояли в центре империи, занимавшейся контрабандой оружия, и торговали со всеми: как с Талибаном, так и с его противниками из Северного альянса, а заодно выполняли задания российской разведки. По словам сообщника Могилевича, Сатер никогда не бывал в Афганистане, так что информация о телефонных номерах бен Ладена и пропавших ракетах Stinger, «скорее всего, поступала от Севы».

С детства Сатер принадлежал жестокому миру, в котором двойная или тройная игра и смена масок в зависимости от обстоятельств была залогом выживания.

— Все они были многолики, очень сложно сказать, какая личина настоящая, а какая нет, — сказал бывший партнер Могилевича. — Чтобы выжить, нужно было быть такими.

Они с советских времен жили в мире подковерных сделок и теневой экономики, где из-за единственной ошибки можно было получить пожизненное тюремное заключение или, что более вероятно, пулю в голову.

Сатер утверждал, что никогда не общался с Могилевичем и тот никогда не передавал ему информацию о местонахождении оружия и лагерях Аль-Каиды для ФБР. Он отвергал любые предположения о возможных связях с Могилевичем.

— А я вам говорю, что это абсолютное и полное вранье. Полная, черт возьми, ложь. Если бы он вошел и сел рядом с нами, я бы его не узнал. Любое заявление о моих контактах с Могилевичем — это оскорбление. Я работаю на более высоком уровне.

Фактически Сатер сотрудничал с новым поколением бандитов — с теми, кто прибрал к рукам нелегальные схемы трансфера черного нал после того, как Могилевич засветился в скандале с Bank of New York. Другом детства Сатера был Евгений Двоскин — теневой банкир, работавший в тесной связке с высокопоставленным генералом ФСБ. Именно Двоскин придумал «молдавскую прачечную» и «зеркальные торги» в Deutsche Bank, через которые тайными трансферами десятки миллиардов долларов перекачивались на Запад. Они оба выросли на 12-й улице в Брайтон-Бич.

— Я очень хорошо его знаю, — сказал Сатер. — Я был знаком с его первой женой и знаю вторую. Мы выросли вместе. Он мой старый и очень дорогой друг.

Сатер гордился знакомством с Двоскиным. По его словам, «если бы Могилевич горел в огне, Двоскину было бы запахло даже обоссать его». Сатер рассказывал, что Двоскин тесно

сотрудничал с другим влиятельным бандитом – Дедом Хасаном, которого застрелили в московском ресторане. Когда я спросила, не беспокоило ли его то, что его близкий друг был в деловых отношениях с Дедом Хасаном, он презрительно фыркнул:

— Видите, что случилось с Дедом Хасаном? Беспокоиться надо тем, кто делает бизнес с Двоскиным.

К моменту знакомства с Трампом в 2001 году Сатер объединил усилия с Тевфиком Арифом, сделавшим состояние на торговле казахским хромом как агент корпорации TransWorld Group Михаила Черного. Затем наладил тесные партнерские отношения с группой казахстанских металлургических магнатов. Это «трио» возглавлял Александр Машкевич; он начинал бизнес с Борисом Бирштейном, предположительно партнером Солнцевской группировки. (На просьбу прокомментировать Машкевич не ответил.)

— Ариф вел бизнес с Машкевичем. Они знают друг друга двадцать или тридцать лет, – сказал Сатер. – Это все TransWorld Group и Михаил Черной. Вначале он работал с Черным.

Сатер заявил, что познакомился с Арифом за три месяца до того, как они открыли общий бизнес. Ариф оказался его соседом в Сандс-Пойнт – дорогом районе Лонг-Айленда. Они учредили строительную фирму Bayrock Group и переехали в офис этажом ниже главного офиса Trump Organization в Trump Tower на 5-й авеню, 725. В офисах Трампа работали привлекательные женщины из Восточной Европы. Один менеджер из Trump Organization частенько заглядывал к ним и вскоре представил Сатера Трампу. Сатер говорит, что встреча произошла спонтанно и по его инициативе:

— Я вошел к нему в кабинет и сказал: «Я стану самым крупным застройщиком в Нью-Йорк Сити». Он расхохотался. Думаю, ему понравился мой «трампиистский» подход. И мы сразу начали работать вместе.

Сатер и Ариф предложили Трампу сделку, от которой тот не смог отказаться. Фирма Bayrock Group брала на себя финансирование и строительство серии элитной недвижимости, а Трамп получал лицензионное вознаграждение за использование бренда. В конце 2013 года должен был открыть свои двери роскошный курортный комплекс в Форт-Лодердейл во Флориде. Примерно в это же время компания Bayrock Group купила за 200 миллионов долларов комплекс Trump International Hotel & Residence в Фениксе, штат Аризона, а в 2005 году – участок на Манхэттене, на котором вырос небоскреб Trump SoHo – 46-этажная стеклянная башня стоимостью 450 миллионов долларов с роскошными апартаментами, гостиницей и мебелью Fendi. Не вложив ни цента, Трамп, получил 18% акций и стабильный поток оплаты за управление. К 2004 году сеть казино и гостиниц империи Трампа подала, в соответствии с главой 11 Кодекса о банкротстве США, заявку о защите от банкротства и план по реструктуризации долга.

Это сотрудничество было выгодно и для компании Bayrock Group. Через строительство можно было обойти банковские законы США, которые после скандала с Bank of New York и терактов 11 сентября сильно ужесточились.

— Больше нельзя было просто ввозить деньги через подставные компании, – сказал специализирующийся на корпоративных финансовых преступлениях вашингтонский адвокат Джек Блум. – Теперь деньги потекли в недвижимость

Майами, Нью-Йорка и Лондона. Недвижимость не подпадает под мониторинги подозрительной активности. Внезапно кругом выросли роскошные кондоминиумы. И никто не спрашивал, на какие деньги они построены. Если я жулик и ищу способы отмыwania денег, то лучшей сделкой будет инвестирование в недвижимость. «Я займусь строительством, а ты обеспечишь покрытием и даже заработаешь на этом». Именно такую модель широко использовала Trump Organization.

Потребовалось почти два десятилетия, чтобы Казначейство США наконец выступило с предостережением: американская элитная недвижимость превратилась в механизм для отмыwania грязных денег, которым воспользовались коррумпированные иностранные чиновники и международные преступники. В ходе расследования Казначейства в 2018 году обнаружилось, что подозрения вызывал каждый третий покупатель люксовой недвижимости за наличные, при этом чаще всего имущество продавалось на пике цены и через компании с неустановленным владением. Следователь заявил, что даже если стоящие за схемами люди продавали квартиры себе в убыток, они выигрывали за счет отмыwania денег.

Для бывшего финансового директора Bayrock Group Джоди Крисса источник финансирования компании стал большим вопросом. Позднее он подал против компании иск и указал, что Bayrock Group работает «в интересах дельцов из России и Казахстана» и является лишь прикрытием для отмыwania денег. «Уход от налогов и отмыwanie денег – ключевые принципы бизнес-модели Bayrock», – указывалось в иске и утверждалось, что компания в значительной степени является «принадлежащим и управляемым мафией бизнесом с доступом

к счетам хромового завода в Казахстане». В Bayrock Group все эти обвинения отвергли.

Хромовый завод, о котором упоминал Крисс, – это Актюбинский завод хромовых соединений, второй в мире производитель химикатов на основе хрома. Над бескрайней казахской степью днем и ночью из заводских труб валил дым, а из-за сброса вредных веществ вода в местных водоемах стала непригодной для питья. Завод принадлежал Ариффу и его брату, который в девяностых годах был высокопоставленным чиновником в министерстве промышленности Казахстана. Самой хромовой шахтой, которая поставляла заводу сырье, владели магнаты из «трио» или, если официально, Евразийской корпорации природных ресурсов (ENRC).

Город, окружавший завод, являл собой убогое пристанище рабочих мигрантов. Все доходы завода уходили в другие места. Наличие у фирмы Bayrock Group всегда была в избытке. Как утверждал Крисс, Ариф и Сатер приносили деньги «каждый месяц в течение двух лет, а по факту и чаще – когда Bayrock требовалась наличность». В соответствии с иском, каждый раз, когда возникала нужда в деньгах, «волшебным образом появлялись владельцы с переводом «откуда-то» и выдавали нужную для продолжения работы сумму». Однако сам Трамп, похоже, никаких вопросов не задавал. На слушаниях в суде он даже признался, что «никогда не понимал, кто на самом деле был владельцем Bayrock Group».

В это же время Трамп начал заключать схожие сделки с другими бывшими советскими предприятиями. В начале 2002 года советский израильский эмигрант Майкл Дезер и его сын Гил подписали с Трампом договор о лицензировании строительства 600-миллионного Trump Grand Ocean Resort &

Residences на великолепных пляжах Санни- Айлс в Майами. По оценкам исследователей Reuters, все расходы и риски взяло на себя семейство Дезеров, а Трамп заработал на этой сделке десятки миллионов долларов. В семи роскошных башнях Трампа на юге Флориды россияне скупили недвижимость на сумму более 98,4 миллиона долларов. Шесть башен строили Дезеры. Треть квартир из более двух тысяч приобреталась через механизм анонимного владения, то есть через компании с ограниченной ответственностью (LLC). Связанные с политическими кругами российские бизнесмены второго и третьего эшелонов, или «минигархи», включая трех бывших госчиновников, заплатили миллионы долларов за квартиры в зданиях Трампа.

Затем появился 36-летний торговец металлами Алекс Шнайдер. Он сколотил двухмиллиардное состояние, когда приобрел сталелитейный завод в Украине, а затем расширил деятельность на Восточную Европу, включая Сербию, Черногорию и Армению. В Армении он стал владельцем национальной электросети. Шнайдер, с боксерским телосложением, короткой стрижкой и квадратной челюстью, оказался зятем Бориса Бирштейна, который, по информации ФБР, был подельником Солнцевской группировки. В 2003 году принадлежавшая Шнайдеру компания Midland Resources начала строительство 500-миллионного Trump International Hotel & Tower в Торонто – 65-этажного здания с квартирами и гостиничными номерами. В советские времена тесть Шнайдера был учредителем фирмы Seabeco, которая торговала потребительскими товарами и одной из первых под патронажем КГБ начала перекачивать деньги партии на западные счета. Бирштейн часто выполнял задания Солнцевской группировки.

Как указывалось в отчете ФБР, в октябре 1995 года он встречался с боссами Солнцевской ОПГ в своем тель-авивском офисе в здании Diamond Center. В числе гостей были Семен Могилевич и глава группировки Сергей Михайлов. Предметом дискуссии, согласно отчету ФБР, было «распределение сфер влияния в Украине».

Не только ФБР занималось расследованием подобных связей на Западе. В 2007 году разведка Швейцарии также упоминала в своем отчете «тесные связи» Бирштейна с Солнцевской группировкой. Полиция Швейцарии сообщала: когда в конце девяностых годов Бирштейн закончил дела с Seabesco и основал новый бизнес в Антверпене, как минимум одна из его компаний – MAB International – была учреждена вместе с Михайловым. Однако через своего адвоката Бирштейн заявил, что никогда не сотрудничал с Солнцевской группировкой. У него были тесные взаимоотношения и с казахстанским «трио», которое, в свою очередь, сотрудничало с Арифом и Baugrock Group. Один член «трио» – Патох Шодиев – открыл в 1991 году представительство Seabesco в Брюсселе, а другой, Александр Машкевич, начинавший в конце 1980-х как вице-президент Seabesco, – брюссельскую компанию с партнером Seabesco. Шнайдер заявлял, что не участвовал в делах тестя, но его бизнес-партнер, давая показания в Верховном суде Лондона, сказал, что именно отношениям с Бирштейном он обязан своей карьерой.

Вскоре Трампа начали обхаживать и другие желающие поспособствовать в развитии бизнеса. В 2005 году ливанский делец Роджер Хафиф, занимавшийся импортом и экспортом и не имевший опыта в строительстве, предложил Трампу возвести гостиничный комплекс Trump Ocean Club International

Hotel and Tower в Панаме. Сияющее 70-этажное здание принесло Трампу 75 миллионов долларов. Брокер Александре Вентура Ногейра, которого Хафиф нанял для продажи квартир в башне, оказался бывшим торговцем автомобилями из Бразилии. Их обсуждение схемы отмыwania «денег за наркотики» было записано бывшим бизнес-партнером. Теперь же Ногейра занимался продажей квартир в Trump Ocean Club в компании с двумя советскими эмигрантами Александром Альтшулем и Станиславом Каваленкой, ныне гражданами Канады. Канадские власти подозревали обоих в связях с организованной преступностью. Альтшулю предъявили участие в ипотечном мошенничестве, а Каваленке – похищение людей и торговлю проститутками. Эти обвинения позже были сняты.

Юрист Trump Organization Алан Гартен заявил агентству Reuters, что ни один человек в компании не помнит каких-либо сделок с Ногейрой, исключено также его участие в продаже квартир. Гартен также сказал, что Трамп просто выдал лицензию на пользование брендом и предоставлял услуги управления. Независимо от того, кто или что стоит за ними, для Трампа эти сделки не представляли особой сложности, а служили подтверждением стабильности его финансовой империи. Когда в конце 2007 года США столкнулись с кредитным кризисом, Трамп смог доказать, что его империя твердо стоит на ногах. «В условиях, когда застройщики вообще не получают финансирования за выполненную работу, в последние три месяца мы успешно обеспечили финансирование для Trump International Hotel & Tower в Торонто, Trump SoHo и Trump International Hotel & Tower в Панаме, – писал он в письме в *Wall Street Journal* в ноябре

2007 года. – Эти факты служат доказательством того, что имя и бренд Трампа имеют вес в финансовом сообществе».

Люди, сотрудничавшие с Трампом, были взаимосвязаны, а к моменту написания письма они действительно постарались увеличить финансирование. В 2006 году натурализованный житель Нью-Йорка Тамир Сапир, сколотивший состояние на торговле советской нефтью, приступил к работе над строительством Trump SoHo в компании Bayrock Group. В начале 2007 года через свою холдинговую компанию ENRC официально вступило в дело казахское «трио», став стратегическими партнерами Bayrock, предоставляющими акционерное финансирование. Непонятно, какое финансирование они могли обеспечить без доступа к финансам Bayrock Group, однако сеть замкнулась. Шалва Чигиринский оставался более или менее свободным участником, но Машкевич, Сапир, Ариф и Сатер были связаны и деловым партнерством, и дружескими отношениями: они дружили домами, гуляли на свадьбах своих детей и вели общий бизнес с Трампом.

По мере приближения финансового кризиса 2007 года компания Bayrock Group все больше нуждалась в помощи. В мае 2007 года с мутной исландской финансовой компанией FL Group был подписан договор о кредите на 50 миллионов долларов на приобретение контрольного пакета акций нового совместного предприятия, объединившего четыре проекта Bayrock Group, включая Trump SoHo. За следующие два года проекты должны были принести акционерам более 500 миллионов долларов дохода, но контрольный пакет приобретался заранее. Фактически, в соответствии с первой версией иска финдиректора Bayrock Group Джоди Крисса, через

новое предприятие FL Group Сатер и Ариф планировали получить сотни миллионов долларов прибыли, а других кредиторов оставить ни с чем. Однако вскоре иск был отозван. Было неясно, переводились ли в новое предприятие наличные и активы, чтобы компания главного застройщика Baugock Group оставалась лишь оболочкой, и получал ли Трамп доходы со своей доли в 18% в Trump SoHo. Владельцев исландской компании вычислить было невозможно, так как за ней стояла запутанная сеть фирм, которые, по настойчивым слухам, были связаны с Кремлем. Вскоре на фоне финансового кризиса и обвинений в финансовых преступлениях все эти фирмы потерпели крах. Бывший финдиректор Baugock Group Джоди Крисс позже заявил, что FL Group была «непосредственно связана с Путиным», об этом он слышал от Арифа и Сатера. Но найти концы после кризиса не представлялось возможным.

Последствия недофинансирования становились все ощутимее. Однако в этот момент появился еще один российский магнат, готовый помочь Трампу. В июле 2008 года, накануне кризиса, Дмитрий Рыболовлев, сделавший состояние на производстве удобрений, согласился купить у Трампа особняк на Палм-бич за 95 миллионов долларов – цена более чем в два раза превышала сумму, уплаченную Трампом. (Рыболовлев никогда не жил в этом особняке. В итоге он снес строения и распродавал землю по частям.)

Владельцы, казалось, не слишком огорчились, когда после финансового кризиса многие проекты перестали существовать. Вначале обанкротились комплексы Baugock в Форт-Лодердейл, на строительство которых было потрачено более 140 миллионов долларов. В 2009 году, когда башня была еще бетонной конструкцией, Трамп отозвал свое имя у проекта, а Baugock

Group лишил миллионов долларов тех покупателей, которые положили деньги на депозит, а заодно и свой основной кредитующий банк. На тот момент компания уже успела передать контрольные пакеты акций в этом и других проектах новому предприятию, за которым стояла FL Group. Роскошный комплекс в Фениксе, штат Аризона, обещанный компанией Bayrock Group, даже не начал строиться. Фирма судилась с местным инвестором, который обвинил Феликса Сатера в хищении проектных средств. Trump SoHo торжественно открыли в 2010 году, однако и Bayrock Group, и Трамп столкнулись с судебными исками покупателей, утверждающих, что их обманом заставили приобрести недвижимость по искусственно раздутой цене. Три года спустя Trump SoHo был лишен права выкупа. В 2012 году, спустя четыре года после открытия построенной Алексом Шнайдером Trump International Hotel & Tower в Торонто, треть объекта по-прежнему пустовала. К 2016 году комплекс обанкротился, а основанная Шнайдером строительная компания обанкротилась еще в 2015 году, не сумев погасить кредит в 300 миллионов от Raiffeisenbank – австрийского банка, тесно связанного с кремлевской элитой, а ранее – с трансферами черного нала через банк «Дисконт».

Это было похоже на мираж. Трамп, тем не менее, хорошо заработал на комиссионных за лицензии и управление (суммы не разглашались), а Bayrock Group и Шнайдер пропустили деньги через эти проекты и, вероятно, получили хороший навар.

— Во многих случаях банкротство бывает очень выгодным, — сказал специалист по корпоративным преступлениям Джек Блум. — Вы занимаете деньги у банка под проект, затем объявляете о банкротстве и забираете деньги, выданные на строительство.

Соблазн

После серии сделок с недвижимостью в США те же люди предложили Трампу построить грандиозную «Башню Трампа» в Москве: он снова получил бы щедрые проценты за использование бренда, не вкладываясь в строительство. Эта сделка не состоялась, однако Трамп заинтересовался предложениями и вместе с семьей то и дело наведывался в Москву. В 2005 году через представителей фирмы Baugosk Group Сатер заявил, что башню возведут на месте старой карандашной фабрики на берегу Москвы-реки. Земля принадлежала двум банкирам, и один из них входил в совет директоров банка «Дисконт» – того самого банка, который оказался в центре скандала с отмытием денег, приведшего к убийству зампреда Центробанка Андрея Козлова. Сделка сорвалась, так как после скандала банкиру пришлось бежать из страны: он заявил, что некоторые финансовые операции проводил под давлением спецслужб. К этому моменту Сатер уже не раз съездил в Москву, сопровождая дочь Трампа Иванку и Дональда-младшего, а зимой 2006 года даже устроил для Иванки экскурсию по Кремлю.

Вскоре в дело вступил Чигиринский. Грузинский бизнесмен часто встречался с Иванкой и Дональдом-младшим в Москве и Лондоне. В строящемся финансовом квартале Москвы он предложил возвести сияющий небоскреб по проекту Нормана Фостера. Небоскреб должен был стать самым высоким в Европе, его стоимость, по расчетам, была равна 2,2–2,5 миллиарда долларов. Чигиринский сказал, что готов отдать Трампу 20% доходов только за право пользоваться его брендом. Проект

сорвался из-за финансового кризиса 2008 года, и тогда же, не выдержав, рухнула бизнес-империя Чигиринского.

Бывший партийный функционер и протеже Чигиринского Арас Агаларов успел перехватить тонущую компанию. Начав свой бизнес с первых советско-американских совместных предприятий, он со временем переквалифицировался в строительного магната и возвел на окраине Москвы крупнейший в России торгово-выставочный центр «Крокус Сити Холл». В ноябре 2007 года Агаларов пригласил Трампа в «Крокус» на «Ярмарку миллионеров» – ежегодную выставку предметов роскоши. Трамп посетил фестиваль экстравагантности и блеска, где на продажу были выставлены яхты, инкрустированные бриллиантами мобильные телефоны и даже острова, и анонсировал запуск собственной марки водки Trump 24K Super Premium в позолоченных бутылках. Попытку запуска водочного бренда в Москве можно было сравнить с желанием продать снег зимой, однако через Агаларова Трамп приобрел новое судьбоносное знакомство.

В ноябре 2013 года Агаларов снова принимал Трампа в Москве, на этот раз на конкурсе красоты «Мисс Вселенная», который принадлежал Трампу. Агаларов славился своей гостеприимностью, и, по словам западного банкира, у него всегда работали самые красивые девушки. Трамп провел две ночи в роскошном пентхаузе отеля Ritz-Carlton с видом на Красную площадь и пребывал в прекрасном настроении. Он рассчитывал встретиться и с Владимиром Путиным, но этого не случилось, однако он не расстроился. «Провел отличные выходные в Москве с тобой и твоей семьей, – написал он в Twitter Агаларову. – Башня Трампа теперь в Москве». Проект по строительству башни был реанимирован, и Агаларов

приступил к обсуждению далекоидущих планов. Возглавлял переговоры Ираклий Кавеладзе, который открывал для Агаларова многочисленные банковские счета в США. Планы включали строительство 12 объектов недвижимости вокруг «Крокус Сити Холла», а сам проект назывался «Манхэттен». В центре предполагалось построить две башни, одну назвать в честь Трампа, а другую – в честь Агаларова. Средства на строительство должен был дать Сбербанк. Однако этому проекту тоже не суждено было осуществиться.

Агаларов не только укреплял отношения с Трампом, но и стремительно продвигался по карьерной лестнице в Москве. Правительство поручило ему реализацию серии престижных государственных инфраструктурных объектов: сначала он получил контракт на 73 миллиарда рублей на возведение университета на Дальнем Востоке, а затем – на строительство двух футбольных стадионов в преддверии чемпионата мира по футболу 2018 года, каждый – за 18 миллиардов рублей.

В 2015 году Трамп решил баллотироваться в президенты. Шалва Чигиринский был рядом. Он рассказывал мне: когда решение было озвучено, рядом с ним находился близкий друг и партнер Трампа Стив Уинн, который стал главным спонсором предвыборной кампании Трампа, а затем – и ответственным за финансы Республиканской партии. Вспоминая это, Чигиринский радостно качает головой, но, кажется, до сих пор не верит в случившееся:

— Уинн сказал: «Шалва, это продлится максимум два месяца, потом ему надоест. И он это знает». Но Трамп не сдался и через три месяца. Он завоевывал бешеную популярность, выступал по всем Соединенным Штатам. У него было столько энергии! Мы

с ним поговорили, и я был удивлен его решимостью, энергией и уверенностью.

В ходе предвыборной гонки Трамп повышал ставки. Для поддержки в игру вступила та же самая российская сеть. Феликс Сатер появился на сцене почти сразу после объявления о решении баллотироваться и начал работать с личным адвокатом Трампа Майклом Коэном – они дружили с детства, оба выросли на Брайтон-Бич. Тесть Майкла Ефим Шустерман, владелец таксопарка и украинец по национальности, поддерживал связи с правительством Москвы. Они подыскивали другой московский проект для строительства «Башни Трампа», более грандиозный, чем все предыдущие. Сатер хвастался, что башня будет самым высоким в Европе 100-этажным стеклянным обелиском и принесет Трампу 100 миллионов в рамках лицензионной сделки. В письме Коэну в октябре 2015 года он обещал задействовать все свои кремлевские связи: «Я привлеку к этой программе Путина, и Дональд победит на выборах, – писал он. – Мы оба понимаем: никто знает, как воплотить это в жизнь и застраховаться от человеческой глупости и жадности. Я привлеку к участию всю команду Путина».

Сатер обратился за финансированием в ВТБ – государственный банк для специальных кремлевских проектов, а затем – и в Генбанк. Этим странным находившимся под санкциями крымским банком частично владел друг детства теневой банкир Евгений Двоскин. Сатер действовал так, словно его не волновал возможный конфликт интересов: для него самого и для российской разведки важно было, вероятно, другое – максимально скомпрометировать кандидата. Сатер даже предложил по завершении строительства башни подарить Путину пентхауз за 50 миллионов. Такая задумка вряд ли была

осуществима, но могла скомпрометировать будущего президента США. Строительство башни обсуждалось в электронной переписке в июне 2016 года, когда Трамп официально был назван кандидатом в президенты от Республиканской партии.

Пока Сатер и Коэн прорабатывали свою схему, Агаларов зашел с другой стороны и организовал встречу московской адвокатессы Натальей Весельницкой с Дональдом-младшим. За встречу отвечал сын Агаларова Эмин – на тот момент он успел стать известным на постсоветском пространстве поп-исполнителем. Он пригласил на встречу своего музыкального менеджера Роба Голдстоуна из Северной Англии, а тот шепнул Дональду-младшему, что Весельницкая готова собрать компромат на соперницу Трампа от демократов Хиллари Клинтон. Подробности этой встречи в нью-йоркской «Башне Трампа» 9 июня 2016 года всплыли после того, как связанный с Кремлем американский лоббист Пол Манафорт дал показания в Конгрессе США. Манафорт возглавлял предвыборную кампанию Трампа и присутствовал на этой встрече. Позже из утечек электронной переписки выяснилось: Голдстоун открытым текстом писал Дональду-младшему, что Арас Агаларов «встретился с главным прокурором России», и предлагал «обеспечить кампанию Трампа официальными документами и информацией, которые изобличат Хиллари в ее отношениях с Россией и будут очень полезны вашему отцу. [...] Так мистера Трампа поддержит Россия и ее правительство, а также Арас и Эмин». «Если все так, как вы пишете, то мне нравится», – ответил ему Дональд-младший.

Впрочем, если верить свидетельствам участников встречи, она оказалась провальной. Весельницкая стала уговаривать американских гостей отменить Акт Магнитского – комплекс

карательных санкций против российских законодателей за нарушения прав человека. Акт был принят Конгрессом благодаря усилиям американского инвестора Уилла Браудера – ранее его адвокат Сергей Магнитский погиб в московской тюрьме. У Весельницкой на соперницу Трампа был единственный и неубедительный компромат – документ подтверждал, что какой-то связанный с Браудером инвестиционный фонд пожертвовал на кампанию Клинтон несколько миллионов долларов. Встреча обескуражила даже самого Голдстоуна. Однако на следующий день он передал Трампу новое сообщение от Агаларовых: Эмин и Арас Агаларовы «приготовили роскошный подарок ко дню рождения». Трамп отмечал его через несколько дней, 14 июня. Вскоре после этого доставили картину, к которой прилагалась записка. Вероятно, записку прочел только Трамп. Через несколько дней в новостях прошла информация, что весной компьютерные серверы Национального комитета Демократической партии подверглись хакерским атакам, очевидно, за атаками стояла русская группа Guccifer2.0.

Прочее – уже история. За месяц до выборов WikiLeaks начал публиковать добытые русскими хакерами электронные письма из аккаунта возглавлявшего кампанию Клинтон Джона Подесты. Теперь эти письма кажутся сущей мелочью по сравнению с махинациями, в которых засветилась Trump Organization. Но шумиха вокруг этого сработала на руку Трампу. Согласно его популистским заявлениям, Вашингтон превратился в болото, из которого внутренние элиты правят страной исключительно ради собственной выгоды. Еще до утечек близкий союзник Трампа Роджер Стоун дважды писал в своем Twitter, что WikiLeaks обрушит карьеру Клинтон.

В ноябре 2016 года Трамп победил на президентских выборах. Поначалу россияне не могли поверить своей удаче. В Государственной Думе царила эйфория: утром один депутат вбежал на заседание и сообщил о победе Трампа, а зал встал и разразился аплодисментами. В тот вечер шампанское лилось рекой.

— Все американцы и весь мир празднуют сегодня победу Трампа, — заявил член националистической ЛДПР Борис Чернышев. — Сегодня мы вместе с мистером Трампом можем сказать: «Да, мы сделали это», — процитировал он слоган Барака Обамы 2008 года.

— Великий день для американской демократии, — заявил кремлевский идеолог Сергей Марков. — Мы должны уважать американскую демократию.

Пресс-секретарь Путина Дмитрий Песков, якобы случайно оказавшийся на шахматном турнире в Нью-Йорке, не мог скрыть свои эмоции: Путин и Трамп «одинаково сформулировали принципы внешней политики, и это поражает. Просто феноменально, насколько они близки в концептуальном подходе к внешней политике».

Неужели Россия сумела провести грандиозную операцию и поставить в Белом доме своего человека? Если нет, то какой смысл был в этих обхаживаниях и выгодных сделках, которые в преддверии выборов предлагали связанные с российской разведкой дельцы? Было это чистым оппортунизмом или тщательным планированием? Действительно ли русские смогли повлиять на Трампа? По словам Юрия Швеца, Трамп давно вызывал их интерес. Первые попытки сблизиться с ним начались в июле 1987 года, когда он впервые посетил Москву по

приглашению посла СССР в США Юрия Дубинина. Трампа впечатлили столичная архитектура, щедрое гостеприимство, а особенно женщины.

— Он всегда интересовался русскими и славянскими девушками, — с многозначительной ухмылкой сказал мне близкий к Путину бывший офицер КГБ.

Как утверждал Швец, некоторые кагэбисты считали, что Трампа завербовали именно тогда. Знал ли об этом сам Трамп, история умалчивает. Однако вскоре после возвращения из Москвы он на правах рекламы опубликовал в трех американских газетах статью, в которой утверждал, что Америке следует отказаться от поддержки и защиты ключевых стратегических союзников — Японии и стран Персидского залива. «Пришло время закрыть наш огромный дефицит и заставить платить Японию и прочих союзников — они платежеспособны, — писал он. — Защита мира обходится нам в сотни миллиардов долларов — мы тратим на эти страны собственные средства, в то время как именно они должны быть в первую очередь заинтересованы в своей обороне». Такая политика должна была разрушить позицию США как сверхдержавы. Как утверждал Швец, «Трамп целиком и полностью транслировал взгляды и интересы КГБ».

Наверное, мы никогда не узнаем, получал ли он в то время деньги от России. Сам Трамп всегда отрицал наличие любых деловых связей с Россией. «Я НЕ ИМЕЮ НИЧЕГО ОБЩЕГО С РОССИЕЙ — НИ СДЕЛОК, НИ ЗАЙМОВ, НИЧЕГО!» — писал он в Twitter в январе 2017 года. Однако с момента появления в 1990 году Чигиринского в казино «Тадж-Махал» рядом с Трампом всегда находились люди из московской/Солнцевской группировки и российские разведчики. Деловое сотрудничество

с ними началось после 2000 года, когда на сцену вышла компания Bayrock Group.

Договор о строительстве «Башни Трампа» в Москве так и не был подписан. Впрочем, теперь не так уж и важно, соглашался Трамп на эту сделку или нет: достаточно того, что его настойчиво соблазняли. Как бы там ни было, те аферы с недвижимостью в США, реализованные бывшими советскими бизнесменами в связке с Солнцевской группировкой, обеспечивали поток наличности. С теми же целями в июне 2016 года организовывалась и встреча в Нью-Йорке, на которой обсуждалось строительство «Башни Трампа» в Москве. Достаточно того, что на переговорах Дональду-младшему подкинули идею очернить оппонента, пообещав привлечь «генерального прокурора» и заручиться его одобрением. По мнению Швеца, эта встреча являлась не чем иным, как игрой разведчиков. Они получили серьезный компромат на будущего президента.

Мы все еще не знаем, сколько заработала Trump Organization на лицензионных сделках и 18-процентной доле в Trump SoHo, имел ли он скрытые активы в строительных проектах Bayrock Group и в Trump International Hotel & Tower, возведенной Алексом Шнайдером в Торонто. В 2008 году на одном из допросов Сатер сказал, что Trump Organization получала от Bayrock Group регулярные ежемесячные платежи за «услуги по проектированию» Trump International Hotel & Residence в Фениксе, хотя строительство даже не началось. Однако сумму платежей Сатер не назвал, упомянув лишь трансфер в 250 тысяч долларов «за оказанные услуги». Теперь, не имея доступа к финансовой отчетности Трампа, невозможно сказать, сколько всего средств было переведено компанией Bayrock Group.

Советский эмигрант Сергей Миллиан, утверждавший, что работал агентом по недвижимости в корпорации Трампа во Флориде, сказал в интервью американскому каналу ABC, что знает ответы на некоторые вопросы. Он занимался российскими клиентами и часто встречался с Трампом и Коэном. По его словам, у Трампа был «серьезный бизнес с русскими», и он получал «сотни миллионов долларов в результате общения с российскими бизнесменами». В основном Миллиан ссылаясь на грузинского бизнесмена Тамира Сапира, который в партнерстве с Bayrock Group финансировал Trump SoHo. Как сказал Миллиан, некоторые россияне, с которыми работал Трамп, в результате потеряли «десятки миллионов долларов». При этом пока одни теряли, «Дональд Трамп сделал на бизнесе с русскими огромные деньги».

Ходили слухи, что через Deutsche Bank Москва все так же оказывала финансовую поддержку: в начале девяностых годов, когда Трампу грозило личное банкротство, банк выдал более 4 миллиардов долларов кредитными обязательствами и облигационными займами. Немецкий банк стал спасительной соломинкой – банки с Уолл-стрит сочли финансовые риски непомерными. После 2011 года отдел Deutsche Bank по работе с частными клиентами выделил более 300 миллионов кредитов на проекты Трампа, включая Trump International Hotel & Tower в Чикаго, а также Doral Golf Resort & Spa во Флориде. Это привело к серьезным разборкам: на тот момент Трамп уже был должен 334 миллиона коммерческому отделению Deutsche Bank в Чикаго – кредит выдавался на строительство «Башни». У Deutsche Bank всегда были особые взаимоотношения с Кремлем. Банком руководил Чарли Райан, знакомый с Путиным еще по Петербургу, поэтому московское

представительство с легкостью открывало счета его ближайшим союзникам – Тимченко, Ротенбергу и Ковальчуку. Параллельно Deutsche Bank укреплял связи с влиятельным государственным банком ВТБ, например, взял на работу сына главы ВТБ Андрея Костина. Йозеф Акерман, на тот момент шеф Deutsche Bank, был на дружеской ноге с Костиным и частенько его консультировал. Московское отделение Deutsche Bank позднее было использовано как механизм нелегальных трансферов: более 10 миллиардов долларов было переведено на Запад через «зеркальные торги». Схемы придумывал близкий друг Феликса Сатера Евгений Двоскин.

Вначале бизнес Трампа использовался как удобный инструмент для перекачки денег в США.

— Не думаю, что это была тщательно спланированная стратегическая операция, – сказал Юрий Швец.

Но в какой-то момент Трамп стал политической возможностью.

Месть КГБ

Люди Путина праздновали победу Трампа. Многие увидели в этом долгожданный шанс отомстить за развал СССР.

— Пока Запад играл в Джеймса Бонда, мы возвращали себе уважение, – сказал депутат Константин Затулин. – На Западе решили, что противостояние в холодной войне закончено, и потеряли уважение к оппоненту. Но теперь они проснутся.

Когда шумиха улеглась, Путин решил выразить радость публично. Аналогично выступили популистские лидеры Европы. С избранием Трампа и грядущим выходом Британии из

ЕС установившийся после холодной войны миропорядок грозил обрушиться.

— Идея [либерализма] себя изжила, она вступила в противоречие с интересами подавляющего большинства населения, — сказал Путин газете *Financial Times* в июне 2019 года. — [Либералы] не могут диктовать никому и ничего, что они пытаются делать последние десятилетия.

Как-то раз, еще до победы Трампа, Владимир Якунин попытался провести параллели между волной популизма на Западе и требованиями разрушить политическую монополию коммунистов, что предшествовало краху СССР. По факту это были два абсолютно разных процесса, однако Якунин утверждал, что западные элиты устарели и оторвались от народа так же, как советские элиты в ее последние дни.

— Брекзит и Трамп пойдут всем на пользу. Это расшевелит политические элиты. Они наконец поймут, что зашли слишком далеко, — сказал он летом в год выборов Трампа. — Они потеряли способность реагировать на политическую ситуацию и отделились от масс. [...] Это естественный процесс. Когда элиты стареют, им на смену приходят новые силы. Неоконсерваторы думали, что контролируют мир, они держали весь мир за яйца, а теперь получили такой удар, что зашаталась земля под ногами. Построенная ими система не выстоит, если есть альтернатива. Альтернатива — это худшее, что может с ними случиться. Путин — это альтернатива. Появление Трампа — альтернатива. Волнения в Европе — альтернатива.

Он признался, что Россия, как любая сверхдержава, использовала спецслужбы, чтобы играть на слабостях Запада.

— Все разведслужбы предпринимают активные меры, — сказал он. — Я знаю, о чем говорю. Конечно, каждая сторона

стремится использовать конфликт для своей выгоды. Это делают немцы. Это делают французы. И это делают русские. У них никогда не было цели на кого-то повлиять. Была цель поднять Россию с колен. И это стало возможно через политику независимости. А для этого нужен круг друзей. При Советском Союзе, вы помните, было широкое движение за мир. Теперь у нас абсолютно иная конфигурация. Проблема в том, что наши политики пока не поняли – победителей в этой битве не будет.

Такие «активные меры» дали обратный результат. В США родились подозрения, что Россия каким-то образом вмешалась в предвыборный процесс. Началось расследование. Советник Трампа по внешней политике проговорился, что заранее знал о взломе русскими электронной почты Клинтон. Это повлекло за собой расследование ФРБ, а увольнение Трампом директора ФБР Джеймса Коми усугубило ситуацию. В итоге для расследования действий России по вмешательству в американские выборы был назначен специальный прокурор, который среди прочего рассмотрел вопросы о том, препятствовал ли Трамп расследованию увольнением Коми и существовал ли сговор между Россией и кампанией Трампа. В США пришли к выводу, что российская военная разведка действительно взломала серверы Национального комитета Демократической партии и предпринимала попытки повлиять на общественное мнение в пользу Трампа через кампанию в социальных сетях. Самые воинственные члены администрации Трампа ужесточили санкции против России и ее дельцов. Больше двух лет заголовки газет пестрили подозрениями в причастности России к выборам, многолетние операции оказались тщетными.

Для Юрия Швеца кампания путинского режима выглядела грубой, неуклюжей, оппортунистской операцией, напоминающей «колхоз».

— Как такая операция могла быть успешной?! — воскликнул он. — Они сделали изгоем всю страну!

Однако, несмотря на введенные администрацией санкции, Трамп оставался президентом, отвечающим ожиданиям путинских чекистов. Им двигали давние амбиции вернуть Америке былое величие, при этом решения он принимал весьма хаотично. Он сразу дал понять, что к Путину и его окружению относится с уважением. В начале своего президентства на встрече в Овальном кабинете он заявил министру иностранных дел Сергею Лаврову и послу в США Сергею Кисляку, что не обеспокоен заявлениями американской разведки о вмешательстве России в президентские выборы. Америка, сказал он, всегда делает то же самое. Он все чаще критиковал западный порядок и альянсы, стабильно работающие с момента окончания холодной войны. В ходе предвыборной кампании он заявлял, что НАТО — устаревшая организация, и намекал на возможное признание аннексии Крыма Россией. Став президентом, он выразил безоговорочную поддержку премьер-министру Великобритании Терезе Мэй, а затем — и ее преемнику Борису Джонсону, одоббив намерение выйти из ЕС, и угрожал приостановить торговое соглашение с США, если Брекзита не случится. Он постоянно обвинял страны — члены НАТО в невыполнении своих обязательств. Его отношения с канцлером Германии Ангелой Меркель, последним оплотом глобального либерального порядка, были в лучшем случае натянутыми — он активно критиковал ее иммиграционную

политику. В 2019 году он вывел войска США из Сирии, в результате чего союзники США курды остались без поддержки, а образовавший политический вакуум заполнили Россия и Иран. Трамп оказался неуправляемым, непредсказуемым, и казалось, что любое его заявление подрывает авторитет американского правительства. Во время его правления пошатнулись демократические институты США и усилилась разобщенность общества. Внешняя политика проводилась в угоду политических интересов Трампа. Отозванный им посол США в Украине заявил, что Госдеп «уничтожается и опустошается изнутри». К 2019 году Трамп открыто лоббировал возвращение России в «Большую восьмерку».

В тот момент Шалва Чигиринский не мог нарадоваться эффективности Трампа.

— Он делает все, что обещал, — сказал он во время нашей встречи в мае 2018 года.

Он злорадствовал. Советская мечта о том, что без военной поддержки США Европа погрузится в разборки между национальными государствами, обретала реальность.

— И ничего не останется. А тогда придут русские и заберут себе всех женщин, — расхохотался он.

Чигиринский, по-прежнему поддерживающий контакты с высокопоставленными чинами российской внешней разведки, включая бывшего министра иностранных дел Игоря Иванова, казалось, шутил. Но в этой шутке была доля правды: мир столкнулся с новой неприятной реальностью, где все встало с ног на голову. В июле 2018 года Трамп наконец встретился с Путиным в Хельсинки, и многие из тех, кто игнорировал утверждения журналистов о влиянии путинского режима на

Трампа, теперь увидели нелицеприятную картину. Президент США расхваливал Путина перед всем миром, упомянул прекрасно организованный чемпионат мира по футболу и назвал российского лидера «хорошим соперником». Выводы разведки США о вмешательстве России в президентские выборы 2016 года Трамп оспорил – перевел стрелки на Путина, а тот «однозначно и последовательно все отрицал». Улыбаясь и ухмыляясь, Путин перехватил инициативу и на пресс-конференции с сотнями журналистов доминировал почти во всем. Попытки России повлиять на результат выборов в США он назвал действиями «частных лиц» и сослался на заявления прокуратуры США в адрес его союзника Евгения Пригожина, прозванного «путинском поваром», и его компании «Конкорд». Пригожина обвиняли в использовании интернет-фабрики троллей для онлайн-кампании, призванной перетянуть избирателей на сторону Трампа.

— Ну, это позиция частного лица, — заявил Путин. — Даже если это так. Могу себе представить. Ну и что? Я уже приводил примеры — у вас есть много людей, в том числе с большим миллиардным состоянием, господин Сорос, например, тот везде вмешивается, но это разве позиция американского государства? Нет. Это позиция частного лица. Так и здесь.

Путин был весьма оживлен. Использование термина «частное лицо» было типичной тактикой КГБ, позволяющей искренне отвергать любую причастность Кремля. Именно на этих принципах зиждился режим Путина. Однако в условиях чекистского капитализма все более или менее значимые «частные» бизнесмены России уже стали агентами государства. После ареста Ходорковского в 2003 году предприниматели постепенно теряли независимость. Финансовый кризис 2008

года ускорил этот процесс, так как многие миллиардеры зависели от срочных государственных кредитов. В 2014 году, по мере обострения отношений России и Запада, «частникам» сделали последнее предупреждение, и даже суперлояльному миллиардеру пришлось передать свой бизнес государству. Всесильные когда-то олигархи теперь стали вассалами Кремля, любой их шаг жестко контролировался, а телефоны как правило прослушивались. Многие предпочли сохранить расположение Путина и продолжали выполнять его поручения.

— Они — как кошки, которые приносят Кремлю мертвых мышей, — сказал эксперт по вопросам международной преступности и проблемам безопасности, связанным с Россией, Марк Галеотти. — Чтобы выжить в бизнесе, избежать конфликтов с правоохранителями и соперниками-олигархами, им нужно одобрение Путина.

— Все они зависят от номера один, — сказал близкий партнер миллиардера. — Россия — это место, где делаются деньги и где все делается по кивку номера один.

Они стали частью феодальной системы, в которой Путин был верховным арбитром. На этом и строилась его власть. Почти любая сделка выше определенного уровня — говорили, что выше 50 миллионов долларов — требовала его одобрения. Впрочем, крупный западный банкир сказал, что иногда он вмешивался и в менее значительные сделки.

— Больше всего меня поразило то, что Путин влезал даже в 20-миллионные сделки. В том случае один бизнесмен решил все продать и уехать из страны. Но ему сказали, что он должен остаться и продолжать управлять своей компанией, — сказал банкир.

Несложно представить, что, выживая в такой системе, бизнесмены сами начинали склонять западных политиков на сторону Кремля, чтобы получить разрешение Путина или на застройку участка, или на лицензию, или просто не сесть в тюрьму. И в этой системе, особенно после аннексии Крыма, люди Путина давали бизнесу четкие и понятные сигналы и ждали беспрекословного подчинения.

— Идея очень простая, — сказал крупный российский бизнесмен. — Запад хочет разрушить Россию, потому что мы православные. У нас есть ресурсы, а они хотят их отнять. У нас есть талантливейшие спортсмены, артисты и балерины, и нам завидуют. Мы — самая продвинутая, самая образованная нация. Когда каждая часть машины выполняет свою функцию, машина работает сама по себе. Каждый делает то, что может.

Путин и его люди из КГБ зашли очень далеко. Агентурные сети, созданные накануне краха СССР для перекачки активов на Запад, сохранились, и теперь через них переправлялись новые партии нала. Сообщники из ОПГ типа Бориса Бирштейна были активны и доступны, а стоящие за ними респектабельные бизнесмены действовали исключительно по указке Кремля. Если во время недолгого правления Ельцина и существовал риск потерять контроль над элементами таких сетей, то при Путине спецслужбы снова взяли все в свои руки. Например, силовики держали под жестким контролем Шалву Чигиринского. Его брат Александр оставался в Москве, а Шалва после финансового кризиса 2008 года опять покинул Россию. Он всем говорил, что его выслали, что с братом больше не общается, что они разругались. Но он показал мне свою переписку, в том числе фото с проводов на пенсию высокого чиновника из правительства Москвы, и на церемонии

присутствовал Александр; кроме того, строительный бизнес Александра почти полностью зависел от хороших отношений с Кремлем. Непотопляемые многолетние сети с черным налом, в которых действовали Могилевич, его сообщники, Солнцевская группировка, Сэм Кислин, Тамир Сапир и Арас Агаларов, разрастались. Как сказал Томас Грэм, сети спецслужб «никуда не делись. Они всегда оставались на месте».

Московская сеть расширилась, теперь в нее вошло новое поколение дельцов с Брайтон-Бич (Сатер и Двоскин), однако Путин работал на всех уровнях влияния. Был и Дмитрий Рыболовлев, разбогатевший на производстве удобрений и щедро переплативший за особняк Трампа на Палм-Бич. Был и похожий на китайца Виктор Вексельберг, руководитель хайтек-центра «Сколково», часть своего состояния, заработанного на торговле нефтью, он потратил на американские активы, в том числе на контрольный пакет CIBC. Эта крупнейшая в США компания занималась обеспеченными кредитными обязательствами: ей принадлежало более 14 миллионов частного долга, и она стала инструментом потенциального негласного давления на американских бизнесменов-должников.

— У каждого из первой десятки бизнесменов — своя задача, — сказал партнер российского миллиардера. — У них очень много наличности. Они могут купить кого угодно. США хвастались, что у них есть Билл Гейтс и Марк Цукерберг, но русские разрушили эту иллюзию. Русские всегда оказываются умнее. Если смотреть трезво, Путин делает для России великое дело. Если можно обойти законы, они обходят. У них всегда есть три-четыре запасных варианта, а потом все следы теряются. 3 миллиона долларов на медицинский центр в Айдахо — небольшие деньги,

если это поможет продвинуть своего парня на выборах. Это дешево.

Бессменный пресс-секретарь Путина Дмитрий Песков как-то хвастливо упомянул, что попытки специального прокурора Роберта Мюллера расследовать связи Трампа с Россией завершились ничем.

— По-русски это называется пропустить воду через сито, — сказал он. — Процесс выглядит именно так.

Оказалось, что он был прав. Ознакомившись с опубликованными результатами расследования, бывший кагэбист Юрий Швец лишь усмехнулся.

— Не более чем подборка интервью, — сказал он. В публикации не было ничего, что говорило бы о работе контрразведки. — Как можно так вести расследования в отношении Трампа?

Расследование Мюллера, по заявлениям Трампа и Республиканской партии, закончилось пшиком. Но стало ясно, что части сети, в которую входили люди из Москвы, продолжали работать. В США приближались президентские выборы 2020 года, и они снова попытались подыграть Трампу. Бизнес-партнер Сапира Сэм Кислин был в тесных отношениях с Руди Джулиани, бывшим мэром Нью-Йорка, который к тому времени стал личным адвокатом Трампа. Кислин любил похвастаться своей дружбой с Трампом, к тому же в девяностых годах он пожертвовал серьезные суммы на предвыборную кампанию Джулиани. В 2019 году он уговаривал Джулиани заняться расследованием коррупции в Украине и призывал администрацию Трампа обратить внимание на бывшего президента Украины Петра Порошенко, на годы правления которого пришлась аннексия Крыма и военные столкновения

с прокремлевскими сепаратистами. Момент был решающим – Джулиани активно искал компромат на соперника Трампа Джо Байдена. Ему нужна была Украина. Казалось, Кислин мог в этом помочь.

В игру вступили советские бизнесмены Игорь Фруман и Лев Парнас. В конце концов их арестовали по обвинению в заговоре и нарушении законов об иностранном влиянии, однако тогда они были на дружеской ноге с Джулиани, а один из них заявил, что был в теплых отношениях с самим Трампом. Выступив посредниками, они познакомили Джулиани с тремя действующими и одним бывшим прокурором Украины. Те, в свою очередь, предоставили информацию о коррупционных сделках в украинской газовой компании «Бурисма», в совет директоров которой входил сын Байдена Хантер. Им нужно было найти доказательства любимой теории Трампа о сговоре Украины и демократов в 2016 году в противовес обвинениям о сговоре между Кремлем и Трампом.

Фруман и Парнас тратили десятки тысяч долларов на лимузины и номера в отелях Трампа и перекачивали сотни тысяч в комитеты политических действий. Как выяснилось позже, они работали на газового магната Дмитрия Фирташа, который при поддержке Кремля и Могилевича играл ключевую роль в газоторговой схеме Туркменистан-Россия-Украина. Средства, полученные в результате махинаций, ушли в резервный фонд и использовались для подкупа украинских президентов. С 2014 года Фирташ сидел под домашним арестом в Вене, а США пытались добиться его экстрадиции по обвинениям во взяточничестве. Однако несмотря на это Фирташ продолжал использовать свои связи в Европе и в Америке, где с 2019 года от его имени выступал Парнас. Деньги, полученные

от Фирташа, Фруман и Парнас спускали на красивую жизнь – и не стеснялись этим хвастаться. В конце концов, расследование дела о взятках Фирташа вывело федералов Чикаго на Парнаса и Фрумана.

Однако выяснилось, что российские агентурные сети с черным налом вышли на новый уровень. Работа агентов и открытое презрение Трампа к американским институтам и принципам демократии привело к системному противостоянию. 27 июля 2019 года Трампа поймали на звонке новому украинскому президенту Владимиру Зеленскому: он просил его встретиться с Джулиани и посодействовать расследованию в отношении Байдена. Для многих это выглядело превышением президентских полномочий. Трамп собирался выдвигаться в 2020 году и рассчитывал на поддержку зарубежных партнеров –его предложение, вероятно, заключалось в том, что военная помощь Украине со стороны США должна строиться на соблюдении подобных договоренностей. Казалось, подобные поступки Трампа ведут к подрыву демократических принципов и разрушению всего, за что американские дипломаты боролись с момента краха СССР. Долгое время правительство США пыталось содействовать укреплению демократии в Украине, обеспечивать защиту от российского вмешательства и бороться с коррупцией, которая подрывала управление страной.

— Странная политика Трампа противоречила долгосрочным целям внешней политики США, – прокомментировал этот звонок временный поверенный в делах США в Украине Уильям Тэйлор. Единственным способом покончить с этим был импичмент.

Кремлю же, казалось, нравился этот хаос, однако импичмент мог иметь неблагоприятные последствия. В результате скандала стало очевидно, насколько уязвима американская политическая система и как сильно она успела прогнать.

— Выглядит так, будто в США вся политика выставлена на продажу, — сказал крупный российский банкир со связями в спецслужбах. — Мы верили в западные ценности, но выяснилось, что все зависит от денег, а ценности — чистое лицемерие.

Однако российские сети с черным налом и создавались для того, чтобы подрывать систему изнутри и поощрять коррупцию на Западе. По мнению крупного российского бизнесмена, Россия Путина представляла собой растущую угрозу для западной либеральной демократии. И запущенная процедура импичмента, и сама президентская гонка в США в 2020 году высветили все противоречия между либеральными ценностями и авторитарным коррупционным порядком по путинскому образцу. Противостояние достигло высшей точки накала.

— Путин понимает: чтобы посеять хаос на Западе, Россия может потратить любые суммы. *Общак* — мешок с черным налом — принял размеры госбюджета, при этом можно задействовать и олигархов. Это мафия, которая захватила власть, и само государство ведет себя, как мафия.

Система кагэбэшного капитализма по-прежнему работала. Агентурные сети оставались на своих местах.

Эпилог

Система

Если для западного либерального порядка Кремль представлял растущую угрозу, то в самой России кагэбэшный капитализм постепенно костенел и, видимо, терял устойчивость. Мафиозная система, построенная на коррупции и жестком контроле, проникала во все слои общества, диктовала каждое политическое решение и каждую бизнес-сделку. После захвата ЮКОСа и расправы над Михаилом Ходорковским власть спецслужб достигла таких масштабов, что ФСБ могла повлиять на любого бизнесмена и политика независимо от их статуса. В системе шла борьба кланов и даже ветвей правоохранительных органов – они дрались между собой за право урвать кусок ресурсов страны, а умение сотрудничать давало шанс на выживание. Бунтовщики оказывались в тюрьме. Примером того, как работает система, служит история одного типичного бюрократа среднего звена. В отличие от тысяч других подозреваемых, попавших в СИЗО и затем бесследно исчезнувших, этот человек выбрал публичность и решил обнародовать документальные свидетельства коррупционной связи спецслужб и организованной преступности, без участия которой региональные власти не могли принять ни одного решения. Свидетельства указывали на генерала ФСБ, который работал над схемами с черным налом вместе с Сатером и Двоскиным.

Александр Шестун был главой Серпуховского района Московской области. В лихие девяностые он стремительно поднялся на торговле стройматериалами и стал одним из самых

богатых людей района – большая рыба в мелком пруду. В 2003 году его избрали главой района, и до какого-то момента он всеми способами выказывал свою преданность государству Путина: вступил в прокремлевскую партию «Единая Россия» и тесно сотрудничал с ФСБ, заработав кличку Торпеда. Он тайно записывал разговоры с местными бизнесменами и чиновниками и обеспечивал ФСБ компрометирующими материалами, что помогало силовикам расправляться с конкурентами. Это была возрожденная советская системой информаторов, когда граждане доносили на соседей, чтобы избежать тюрьмы, только теперь система стала гораздо изощренней.

Деятельность Шестуна оказалась чрезвычайно ценной: он сообщил о группе региональных прокуроров, владевших нелегальным казино, чем обеспечил силовикам карьерный рост. Однако в 2013 году в Московской области появился новый влиятельный губернатор, и дни Шестуна на посту главы района были сочтены. Губернатор оказался бывшим замом министра обороны Сергея Шойгу. Близкий соратник Путина Геннадий Тимченко вложил в его семейный бизнес огромные средства и решил заполучить кусок принадлежащей Шестуну элитной недвижимости. ФСБ завела уголовное дело по факту приобретения участка, на котором тот построил дом. Однако вместо того, чтобы смириться с неизбежным, он решил сопротивляться. Бывший коллега Иван Ткачев начал шантажировать Шестуна, тот записал их разговор и выложил на YouTube.

Ткачев возглавлял в ФСБ Управление К, которое должно было заниматься финансовыми преступлениями, но на самом курировало сделки с черным налом. По словам крупного банкира, знакомого с Евгением Двоскиным, Ткачев тесно

работал с Двоскиным и Мязиным и отвечал за бесчисленные трансферы. Как позднее утверждал Шестун, он часто видел Ткачева в компании Двоскина и банкира, стоявшего за схемами перекачки миллиардов на Запад. Ткачев использовал свое служебное положение, чтобы всячески препятствовать расследованиям МВД в отношении таких схем. В 2014 году следователи Денис Сугробов и Борис Колесников подошлись слишком близко, и Ткачев организовал их арест. Во время нахождения под стражей Колесников выпал с балкона и разбился насмерть.

На одной из выложенных Шестуном записей Ткачев и высокопоставленный кремлевский чиновник рассуждают о судьбе следователя, пытаясь таким образом вынудить Шестуна покинуть свой пост.

— Тебя не оставят в покое, — угрожает Ткачев. — Дело подняли на уровень президента. Об этом говорит директор, об этом говорит уже Кириенко. Ты шутишь, тебя просто катком переедут, и все. По Сугробову видел, как проехали? На хрен тебе это надо? Здесь вопрос не в том, что посадят. Здесь вопрос, зачем такие проблемы тебе, жене, детям. Тебя все равно подтянут, ты будешь сидеть, пока они тебя там держат, ты пойми. — Далее Ткачев говорит, что уже отправил в тюрьму нескольких влиятельных губернаторов, которые добровольно уходить не хотели. — Покажи мне Удмуртию, он там был царь и бог, покажи мне Марий Эл, покажи Сахалин. Владивосток — он был самый крутой, его на руках носили. Я работал по всем губернаторам, по всем главам, по всем краям. Ты — нормальный мужик, не предатель, всегда держал удар. Но сейчас ты реально попал под каток политики. Лучше бы ты с бандитами сцепился. — По словам Ткачева, Путин был на связи с главарем местной

ОПГ Сергеем Лалакиным по кличке Лучок. – Президент с ним общается. Медалью наградил. Думаешь, президент не знаком с Лалакиным? Жизнь такая, понимаешь?

Как сказал кремлевский инсайдер, система становилась неустойчивой. Внешнеполитические победы Путина ставили его выше остальных членов его окружения, но среди силовиков усиливался раздрай. Экономический спад, вызванный западными санкциями, только ожесточил борьбу за передел ресурсов и богатства страны. Кремлевский инсайдер шепотом сообщил, что теперь стремительно продвигается Игорь Сечин. Быстро и без помпы он получил звание генерал-полковника и расставил на высшие позиции в ФСБ своих приспешников, послушно выполняющих его указания. Выглядело так, будто у некогда всемогущего шефа РЖД Владимир Якунина настали трудные времена. Его ближайших партнеров арестовали. Российский магнат сказал, что все они были готовы дать показания на самого Якунина. Коррупция проникла во все звенья системы, и даже элитному подразделению охраны Путина – Национальной гвардии – колбасу и другие пайки поставляли по раздутым ценам, в соответствии с кумовскими сделками.

Борьба становилась все отчаяннее, а Россия скатывалась в изоляцию.

— Когда-то некоторых беспокоило, что скажет Запад. Кажется, об этом давно забыли, – сказал российский магнат. – Теперь только битва за выживание.

Одна высокопоставленная московская судья пыталась создать хотя бы видимость законности. Однако система проглотила ее с потрохами – дочь судьи получала огромную

зарплату в «Роснефти». Никто не собирался рисковать положением.

— Эти люди изменились, — сказал магнат. — Она будто питается человеческой кровью. Она стала частью системы. Теперь у них единственная задача — быть жестче и бесчеловечнее остальных.

После введения санкций вопрос иностранных инвестиций потерял для российских чиновников всякую актуальность. В ноябре 2019 года был арестован один немногих оставшихся в России западных инвесторов Майкл Калви, его активы заморозили. Спецслужбы предвкушали очередной лакомый кусок.

Однако санкции, междоусобицы и почти монопольное влияние людей Путина оказывали на экономику непрекращающееся давление. Как заметил один западный юрист, до Крымской кампании Россия была на пути к тому, чтобы к 2020 году стать пятой экономикой мира. Теперь же, сказал он, повезет, если она удержится на тринадцатом месте. Но это, казалось, больше никого не волновало. Рост колебался на уровне 1%. Если ранее основными клиентами юриста были частные бизнесмены, то теперь, как он утверждал, все они выступали представителями путинского государства.

— Вот что случается, когда к власти приходит КГБ. Все, что они знают, — это как проворачивать черные сделки, — сказал бывший высокопоставленный правительственный чиновник.

На волне патриотизма и всплеска национальной гордости после аннексии Крыма Путин смог переизбраться в марте 2018 года, набрав 77% голосов. Но вскоре общественная поддержка президента начала снижаться. Неписанное соглашение, которое

позволяло ему и его окружению править по своему усмотрению при условии роста доходов населения, больше не действовало.

Россия Путина, как и в советские времена, сосредоточилась на операциях влияния и восстановлении своих позиций за рубежом, не слишком заботясь о развитии экономики. Правительство, не стесняясь, увеличивало траты на военные операции на Ближнем Востоке и политическую поддержку стран-союзниц, стремясь расколоть западные альянсы. В репортаже независимого телеканала «Дождь» сообщалось, что расходы на военную кампанию в Сирии достигли 3 миллиардов долларов, а еще миллиард был выделен на восстановление инфраструктуры. Кроме того, Россия решила задействовать новое поколение ракет. Надеясь завоевать поддержку развивающихся стран в борьбе с либеральным Западом, Россия стала раздавать кредиты – Венесуэла получила более 20 миллиардов. И на фоне всего этого из страны снова выкачивались огромные суммы черного налота и тратились на тайные операции влияния и подкуп западных политиков.

Однако в 2018 году правительство заявило населению о сокращении пенсионного фонда и подняло пенсионный возраст.

— Люди знают, что у режима полно денег, – сказал Владимир Милов, бывший заместитель министра по энергетике, а теперь оппозиционный политик. – При этом правительство заявляет, что у него нет денег на пенсии. Это огромная ошибка. Пенсии – главные гарантии государства своему народу. Вокруг пенсий строятся жизненные стратегии. Кремль считал, что народ поддерживает Путина безоговорочно, как великого царя. Но простят ему далеко не всё.

По мере приближения выборов в Московскую городскую думу в сентябре 2019 года появились первые признаки потенциального противостояния между царем и народом. В то лето спецназ задержал сотни демонстрантов: люди выходили на улицу протестовать против отстранения оппозиционных кандидатов. Новые драконовские законы грозили несогласным тюремным заключением до 15 лет, лидеры оппозиции сидели за решеткой долгие недели. Жесткие расправы над мирными протестами означали только одно: путинские спецслужбы пребывают в страхе. Рейтинг доверия Путину упал до 31,7% – после этого Кремль спешно поменял методологию опросов общественного мнения.

Однако вскоре волнения стихли, и с помощью пропаганды и щедрых выплат рейтинг президента опять пополз вверх. Впрочем, Путин и его люди из спецслужб восприняли предупреждающие знаки всерьез. Время его власти истекало: в 2024 году заканчивалась его вторая каденция на посту президента, который он занимал с 2012 года, и, согласно конституции, теперь он должен был уйти. Неопределенность с преемником только обострила борьбу элит. Путинские приспешники отчетливо понимали, какими рисками может обернуться передача власти. Они видели, под каким давлением находилась Семья в последний период власти Ельцина. С каждым следующим годом двадцатилетнего правления Путина потенциальные угрозы, с которыми он или любой приближенный к нему человек мог столкнуться, выходили далеко за рамки всего, с чем сталкивалась Семья Ельцина. Опасной казалась даже передача власти внутри правящей элиты. За время правления Путина были и взрывы жилых домов, и захват театра на Дубровке, и бездарный штурм

в Беслане, и расправа над самым богатым человеком страны, и подрыв экономики и правовой системы. Сотни миллиардов долларов были потрачены сначала на укрепление власти людей Путина внутри страны, а потом – и за ее пределами. Никто не думал о последствиях. Окапываясь во власти, Путин и его силовики шли на такие ухищрения, что в итоге сами оказались в паутине компромиссов и преступности. Теперь продление путинского правления казалось единственным способом обезопасить себя или хотя бы отодвинуть момент смены власти.

Политическая система страны пребывала в таких жестких тисках, что извне ей вряд ли что-то угрожало. Однако систему делали уязвимой разброд и шатание внутри элит, а падающая поддержка правящей партии «Единая Россия» грозила обернуться еще большими рисками. 15 января 2020 года Путин выступил с ошеломительным заявлением: он предложил внести в конституцию изменения, которые позволили бы ему и дальше контролировать политическую систему. Предлагалось расширить не только полномочия парламента, что обеспечило бы контроль над правительством, но, что важнее, – и полномочия будущего президента, который сможет по своему усмотрению увольнять судей, министров и премьер-министров. Причем, согласно предложению, Путин получал возможность остаться на посту президента в том случае, если из-за роста социальных волнений или внутренних разборок передача власти станет небезопасной. Согласно поправкам, он имел право баллотироваться еще на два президентских срока. Фактически это означало, что он будет у власти до конца жизни. В качестве альтернативы он мог возглавить вновь созданный Государственный Совет, стать отцом нации и принимать политические решения на высшем политическом уровне. Такая

перспектива выглядела более реально, но в итоге была отброшена. Идея с Госсоветом прошла бы только в случае, если бы Путин мог отойти от активной политики постепенно и безопасно. Сам Путин четко дал понять, что для него это не вариант, и представил поправки в конституцию как необходимость для стабилизации страны в «период турбулентности».

Одним махом Путин хотел расправиться с любыми потенциальными политическими вызовами. До этого он не отваживался официально перекраивать конституцию страны. И хотя, по сути, его люди давно попрали ее основы, сам документ оставался нетронутым и служил гарантией стабильности нации. Более того, словно предвидя внешнюю угрозу, Путин призвал Россию отказаться от исполнения решений международных судов, что только усугубило изоляцию страны – на этот раз благодаря собственным решениям режима.

Но теперь, объявив о поправках в конституцию, Путин открыл ящик Пандоры. Его власть костенела и теряла силу.

Размышления

В 2013 году Путин досрочно выпустил Михаила Ходорковского, и это стало последним жестом великодушия российского президента. Это произошло накануне Олимпийских игр в Сочи, и теперь эти времена кажутся невероятно далекими. В ту досанкционную эпоху мир еще не осознавал всю губительность русского черного нала и не понимал масштаб амбиций России на мировой арене. Освобождение Ходорковского напоминало обмен заключенными во времена холодной войны и явилось символом грядущих перемен.

Десять лет Ходорковский питался кашей и картошкой, отсиживал смены в продуваемом всеми ветрами ангаре, занимаясь производством папок-скоросшивателей, а камеры наблюдения фиксировали каждое его движение. В один из дней его вывели с территории колонии, запихнули в автозак, отвезли на небольшой аэродром, посадили в двухмоторный самолет, который и доставил его в Шёнефельд – западный форпост советской эпохи. Ходорковского встретил бывший министр иностранных дел Ганс-Дитрих Геншер, когда-то возглавлявший переговоры по воссоединению Германии.

На следующее утро после короткого отдыха и трогательной встречи с родителями Ходорковский направился к Чекпойнт Чарли – бывшему контрольно-пропускному пункту между Востоком и Западом, сохранившемуся со времен холодной войны. Там его ждала небольшая группа журналистов – со многими он был знаком еще до заключения. С легкой улыбкой, безукоризненно выбритый, в костюме от Armani он выглядел так, словно только что вышел с совета директоров. О том, через что ему пришлось пройти, говорила лишь его бледность и настороженный взгляд. Его волосы были коротко острижены, но за прошедшие годы поседел.

— Я вижу много знакомых лиц, — сказал он. — Вы – мой мост к свободе. Сначала я поговорю с теми, кого я знаю.

Он рассказал о своем тюремном заключении и о предшествовавших этому событиях. Отвечая на вопрос о реакции Запада на его арест, он выдержал длительную паузу, а затем, покраснев, сказал, что действия некоторых его разочаровали.

Через четыре года мы беседовали с Ходорковским в его уютном лондонском офисе на Ганновер-сквер. Его по-прежнему

раздражал вопрос об участии западных банков и нефтяных компаний в захвате ЮКОСа. Я спросила, не подготовил ли Запад этими действиями в какой-то степени почву для последующего подрыва Россией западных институтов.

— Некоторые западные институты решили, что можно обойтись без принципов, и в этом была их стратегическая ошибка, — ответил он. — Они решили: отлично, будем работать с Путиным, потому что на этом можно заработать. Но идея оказалась не слишком хороша. Из-за отсутствия принципов Запад и сталкивается сейчас с последствиями. Постоянное лавирование между добром и злом привело к тому, что общество вообще лишилось принципов. А теперь у нас к власти приходят популисты. Все встало с ног на голову. Они показывают на Путина и говорят — смотрите, он всех обманул, но при этом политически успешен.

И хотя сам Ходорковский — далеко не святой и вряд ли годится на роль борца за свободу, поддержка Западом Кремля в захвате компании и узурпации верховенства закона, помогла продвижению людей Путина и интеграции в мировые финансовые рынки. Слабость западной капиталистической системы, в которой всегда и неизбежно перевешивают деньги, сделала ее уязвимой и доступной для кремлевских манипуляций.

При добровольном участии Запада в России создавалось подобие нормальной рыночной экономики, которая на самом деле находилась в руках КГБ. Институты власти и рынка, которые должны были сохранять независимость, по сути, стали форпостами Кремля. Постановления российских судов выглядели законными только на бумаге. Ходорковский прошел через два года судебных слушаний и два уголовных процесса —

на втором его обвинили в хищении всей нефти, произведенной ЮКОСом, той самой нефти, от налогов за которую он уклонялся и уже был обвинен. Но на самом деле решения суда были не чем иным, как директивами Кремля. То же самое происходило в парламенте, на выборах, в олигархии. Люди Путина из КГБ взяли под контроль всё и вся. Оставалась фантомная система фантомных прав, в которой жили и частные лица, и бизнес. Любой, кто отваживался перебежать дорогу Кремлю, рисковал оказаться в тюрьме по сфабрикованным обвинениям. Право собственности соблюдалось лишь при условии верности.

В системе, где процветало воровство, а имущество отнималось по кивку вышестоящей головы или за взятку какому-нибудь лицу в Кремле или силовику, люди Путина имели компромат практически на каждого. Страна вернулась в эпоху доносов. Все стучали друг на друга. Все прослушивалось. В декабре 2017 года министр экономического развития Алексей Улюкаев попался на взятке от Сечина в 2 миллиона долларов, которую засняли на камеру. Операцию готовил сам Сечин, чтобы убрать Улюкаева как политического противника. Последнего приговорили к восьми годам заключения. Бывшие олигархи братья Магомедовы, заправлявшие в стратегической портовой индустрии, в марте 2018 года были приговорены к тюремному заключению якобы за рэкетирство и хищение государственных средств. Однако настоящее их преступление, по словам крупного российского банкира, заключалось в том, что они слишком задержались на своих местах:

— Они зашли слишком далеко. Все очень просто: когда фильм заканчивается, нужно выйти из зала. Не надо ждать начала следующего сеанса.

— Теперь они могут утопить любого, — сказал другой магнат.
— Олигархов, министров. Никто не знает, что случилось с братьями Магомедовыми. Они были суперолигархами, а теперь никто не знает, где они.

Все стали заложниками системы. Даже кремлевские игроки эпохи Ельцина типа Александра Волошина и Михаила Касьянова, открывшие людям Путина дверь во власть, теперь не могли действовать и говорить открыто. Путин четко дал им понять: он знает, где хранятся их деньги.

Однако Путин и его силовики сами оказались заложниками системы. После всего, на что они пошли ради власти, они не могли никому доверять — даже в собственном кругу. Путин, избавляясь от политических противников и пытаясь сосредоточить власть в своих руках, загнал себя в угол — выхода у него практически не было. И даже те, кому удалось сбежать, например, Сергей Пугачев, понимали, что от системы убежать невозможно. Теперь о своих маневрах и манипуляциях в попытке привести Путина к власти 20 лет назад Пугачев вспоминает с раскаянием и сожалением.

— Я усвоил один важный урок, — сказал он во время нашей беседы у него дома во Франции в разгар последней атаки на него. — И да, власть священна. Если вы думаете, что люди глупы, что если вы ничего не предпримете, то они проголосуют за коммунистов, это большая ошибка. Мы все считали, что народ не готов, и потому поставили Путина. Но власть дается богом. И если власть от бога, нет необходимости вмешиваться. Народ ничего не знал о Путине. А мы за три месяца сделали его президентом. Конечно, мы считали, что он классный. Мы думали, что спасаем страну от коммунистов, от Примакова и Лужкова. А теперь непонятно, что было бы хуже. Наверное,

лучше бы к власти пришел Примаков. И через год его бы сместили. Я уезжал из России и думал, что все это осталось позади. А оно по-прежнему меня преследует. Моя судьба связана с Путиным. Мы связаны с ним навечно, что бы ни произошло.

В попытках быстро провести во власть своего человека и спасти Семейку Ельцина от ареста Пугачев проигнорировал предостережения Бориса Березовского. Тот говорил, что назначение человека из КГБ положит начало «порочному кругу. Они ничего не изменят». Он не обратил внимание и на реакцию бывшего наставника Путина Анатолия Собчака – тот, услышав о назначении Путина премьер-министром, сказал: «Не пугайте меня!»

— А я подумал, что он, наверное, завидует, – сдавленным голосом сказал покрасневший Пугачев. – Но он, конечно, все знал. Я и сам теперь в ужасе.

Однако новейшая история России начала писаться еще раньше. Жребий был брошен. КГБ проник в российские элиты. Идея люстрации – запрета занимать официальный пост бывшим офицерам КГБ – была высказана Ельциным, но ее быстро отвергли чиновники его администрации. И неудивительно – все они были людьми из КГБ с разными званиями и опытом.

— Его заверили, что это невозможно, – сказал Пугачев. – А кто тогда будет работать? Это 90% правящей элиты. Таких, кто отказывался сотрудничать, было очень мало.

Русская революция прошла полный круг. Реформаторы, тридцать лет назад объявившие миру о великих изменениях в стране, о переходе к рынку и о глобальной интеграции, либо вскоре оказались скомпрометированы, либо сотрудничали

с КГБ. Те, кто считал, что работает над созданием рыночной экономики, недооценили непреходящую силу спецслужб.

— Это трагедия России двадцать первого века, — сказал Пугачев. — Революция не закончилась.

С самого начала люди из спецслужб готовились к реваншу. И, вероятно, с самого начала были обречены на повторение ошибок прошлого.

Благодарности

Эта книга никогда бы не появилась на свет, если бы мои друзья и моя семья не оказали мне в этом начинании неоценимую поддержку. То, что планировалось как двухгодичный проект, превратилось в полноценное расследование.

Все началось много лет назад с наших долгих бесед в Москве и Санкт-Петербурге с бывшим заместителем министра по энергетике Владимиром Миловым. Он долгое время отслеживал действия людей из близкого окружения Путина, и это помогло нам понять используемые ими принципы схем перекачки активов. Мы много общались и с бывшим советником президента по экономическим вопросам Андреем Илларионовым. Предоставленная им фактура и информация о внутренних сделках стали основой первых глав книги. Пресс-секретарь Бориса Ельцина и экономический обозреватель «Комсомольская правда» Павел Воцанов помог пролить свет на забытые схемы перекачки активов КГБ на закате Советского Союза. Бизнесмен Сергей Колесников, сумевший вырваться из внутреннего круга Путина за пределы России, совершил отважный поступок, поделившись со мной секретными документами. Это и определило необходимость дальнейшего расследования. Очень ценным источником информации оказался Фелипе Туровер, бывший агент и информатор КГБ, инициировавший расследования по контрактам на реконструкцию Кремля с Mabetex. Экс-глава международного расследовательского агентства Kroll Томми Хелсби неизменно вдохновлял меня и давал ценные наводки в ходе моих поисков. Он скоропостижно скончался в 2019 году, и мне его очень не хватает.

Наши многочасовые беседы с Владимиром Якуниным сначала в Петербурге, а затем – в Лондоне были посвящены мировосприятию и действиям питерских соратников Путина. Зять Ельцина и глава его администрации Валентин Юмашев тоже не пожалел своего времени и подробно рассказал о том, как Ельцин пришел к власти. Бывший генпрокурор Юрий Скуратов на нашей встрече в Москве поведал о своем расследовании и о сопротивлении Семьи Ельцина. Освободившийся после десятилетнего заключения в исправительной колонии в Сибири Михаил Ходорковский помог мне понять суть его противостояния с российским государством.

Многие действующие и отставные государственные чиновники, включая высокопоставленных лиц из Кремля и магнатов, агентов КГБ и крупных банкиров, настоящих и бывших партнеров Геннадия Тимченко, долгими часами объясняли мне принципы работы путинской системы. Из-за серьезных рисков и ввиду конфиденциальности информации в большинстве своем они делали это на условиях анонимности, и я бесконечно им за это благодарна. Я также искренне признательна Н. и Г.

Конечно, все это было бы невозможно, если бы не издание *Financial Times*, в котором я проработала в качестве московского корреспондента шесть лет. Издание оказало мне невероятное доверие. Благодаря работе в FT я могла тесно общаться с олигархами, а также с действующими и бывшими кремлевскими и государственными чиновниками, что помогло сформировать основные идеи этой книги. Именно во время моей работы в FT мне удалось встретиться и проинтервьюировать людей из близкого круга Путина,

включая Игоря Сечина, Аркадия Ротенберга, Виктора Иванова и Сергея Чemezова. За предоставленную возможность работать в FT и быть в центре событий я благодарна Лайонелу Барберу, Нилу Бакли и Джону Торнхиллу – именно они дали мне эту работу и продолжали меня поддерживать. За вдохновение, советы и неоценимую поддержку я также благодарна моим московским и лондонским коллегам Чарльзу Кловеру, Кортни Уивер, Синтии О’Мурху и Майклу Стотту. Выражаю бесконечную признательность FT за частичное финансирование проекта расследования – для работы над книгой мне пришлось уйти в длительный отпуск. Хочу выразить огромную благодарность Елене Кокориной и Екатерине Шавердовой из московского представительства FT за бесценную информацию и помощь в организации интервью в тот период, когда я была в отпуске.

Без отважной и бесстрашной работы и помощи моих российских коллег, остающихся в немногочисленных расследовательских агентствах, невозможно было бы понять структуру сетей по переправке наличности и принципы распространения российского влияния. Роман Анин из «Новой газеты» щедро поделился со мной документами о деятельности Санкт-Петербургского морского порта и обеспечил важными контактами. Анастасия Кириленко из издания Insider собрала ключевые данные о связанных с Путиным сетях организованной преступности, а Роман Шлейнов из «Новой газеты», позднее перешедший в «Ведомости», предоставил документы расследования о деятельности Путина в должности вице-мэра Санкт-Петербурга и проделал важную подготовительную работу по расследованию сделок людей из путинского круга. Бесценными контактами поделилась со мной Ирина Резник,

ранее работавшая в «Ведомостях», а теперь перешедшая в московский филиал агентства Bloomberg. Без предварительных расследований этих четырех журналистов собрать паззл было бы невозможно. Исключительно важным источником информации был безвременно ушедший Владимир Прибыловский и созданная им база данных связей между людьми Путина.

Долгое время меня вдохновлял и обеспечивал ценными документами недавно почивший немецкий журналист-расследователь Юрген Рот, а Стивен Ли Майерс из *New York Times*, воспользовавшись связями своего бывшего ассистента в Берлине Альмута Шенфельда, поделился со мной очень важным контактом. Массу полезной информации я почерпнула из общения с американскими коллегами, включая Эндрю Вейсса и Юджина Румера из Фонда Карнеги за международный мир и бывшего директора российского отдела в Совете национальной безопасности США Томаса Грэма. На начальном этапе мне помогал Кристиан Мишель из Великобритании, а без базовых знаний о российской политике, полученных в магистратуре Школы славянских и восточноевропейских исследований в Университетском колледже Лондона я вряд ли смогла бы начать журналистскую карьеру в Москве.

Член Ордена Британской империи Фелисити Энн Брайан поверила в потенциал моей книги и согласилась стать моим агентом: благодаря ее усилиям был подписан договор с издательством William Collins в Великобритании и с Farrar, Straus & Giroux в США. Я благодарю Фелисити за ее труд и долготерпение, а также моих редакторов Арабеллу Пайк, директора издательства William Collins и исполнительного редактора Farrar, Straus & Giroux Алекса Стара. Другие издатели

давно бы бросили этот проект! Острый редакторский глаз Алекса и его советы существенно улучшили текст, а энтузиазм Арабеллы и ее глубокое понимание конфиденциальной природы расследования превратили рукопись в законченную книгу. Я бесконечно благодарна всей команде Арабеллы из William Collins: Джо Томпсон – за внимательную вычитку и предложенные сокращения, Роберту Лейси – за педантичное редактирование текста, а Йейн Хант – за ее терпеливую работу над финальной версией текста. Низкий поклон всей команде юристов.

На протяжении работы над книгой мне была оказана огромная честь – я получала советы и поддержку от пишущего редактора и бывшего шефа московского бюро *Washington Post* Дэвида Хоффмана, который скрупулезно изучал главы моей рукописи. Его книга 2002 года «Олигархи» стала не только вдохновением, но и прекрасным примером документального повествования и основой для всех материалов, посвященных болезненному переходу России к рыночной экономике.

И даже при такой профессиональной поддержке я никогда бы не смогла завершить эту работу без постоянного участия моих великолепных друзей. Бренд Кук, Мириам Элдер, Уильям Флемминг, Джину Скилбек и Эмма Уэллс не только поддержали меня морально, но и предоставили жилье во время моих командировок, а Эллен Бэрри, Кэтрин Белл, Ричард и Чарльз Эммерсоны помогали сохранять здравомыслие на протяжении этого бесконечного марафона.

Я всегда буду благодарна Крису за его моральную поддержку. Мои искренние слова признательности моим родителям Марджори и Дереку, а также Ричарду и Кэтрин

Биркетт. Без их неоценимого участия все это было бы невозможно.

Список использованной литературы

Пролог

1. Jane Croft and Neil Buckley. Kremlin Critic Loses \$6.5 Billion Lawsuit Against Fellow Oligarch. *Financial Times*, 1 сентября 2012 г.
2. Ирина Резник, Константин Кагаловский. Березовский был акционером «Сибнефти». «Ведомости», 24 марта 2013 г.
3. Roman Abramovich wins Court Battle against Berezovsky. BBC News, 31 августа 2012 г.
4. David Leppard. Berezovsky Cries Foul Over £3.5bn Abramovich Trial Judge. *Sunday Times*, 22 сентября 2012 г.
5. Jane Croft. Open Verdict Fails to Dispel Mystery Over Death of Kremlin Critic Berezovsky. *Financial Times*, 28 марта 2014 г.
6. Russia Spy Poisoning: Rudd Says Inquiry Widened to Other Deaths. BBC News, 13 марта 2018 г.
7. Илья Рождественский. Сбежавшие миллиарды: как банкир Пугачев выводил деньги из России. *RBC*, 14 ноября 2016 г.

Глава 1: Операция «Луч»

1. Игорь Шадхан. «Власть», 1992.
2. Владимир Усольцев. «Сослуживец».
3. Mark Franchetti. Germans Flush Out Putin's Spies. *Sunday Times*, 16 января 2000 г.

4. Andreas Forster. *Auf der Spur der Stasi Millionen: Die Wien-Connection.*
5. John O. Koehler. *Stasi: The Untold Story of the East German Secret Police.*
6. Kristie Mackrakis. *Seduced by Secrets: Inside the Stasi's Spy-Tech World.*
7. Deutscher Bundestag. Beschlussempfehlung und Bericht. 27 мая 1994 г.
8. Christopher Andrew and Vasily Mitrokhin. *The Mitrokhin Archive: The KGB in Europe and the West.*
9. Путин отвечает на вопрос воспитанников образовательного центра «Сириус» для одаренных детей в Сочи: https://www.youtube.com/watch?v=9PAQ_Y5ins8, 21/7/2017.
10. Michael Wines. Putin Was Once Decorated as a Spy. Few Agree on his Deeds. *New York Times*, 10 января 2000 г.
11. Guy Chazan and David Crawford. In From the Cold: A Friendship Forged in Spying Pays Dividends in Russia Today'. *Wall Street Journal*, 23 февраля 2005 г.
12. Karen Dawisha. Putin's Kleptocracy: Who Owns Russia.
13. Mark Franchetti. Germans Flush Out Putin's Spies. *Sunday Times*, 16 января 2000 г.
14. Geoffrey York. Putin Brings Spies in From the Cold. *Globe and Mail*, 8 мая 2000 г.
15. Natalia Gevorkyan, Natalia Timakova, Andrei Kolesnikov. *In the First Person: Conversations with Vladimir Putin.*
16. Tatiana von Metternich's obituary. *Daily Telegraph*, 19 августа 2006 г.
17. Putin Tenders Thanks to Leader of German Charitable Order. ITAR- TASS, 25 февраля 2003 г.

18. Архивы Штази. Дрезден. BSTU № 10448. Документ от 22 декабря 1988 г. с днями рождения советских товарищей в Дрездене.
19. Леонид Никитинский и Юрий Шпаков. Путин в разведке. Интервью с Владимиром Крючковым и Маркусом Вольфом. «Московские новости», 20 января 2000 г. <http://flb.ru/info/3508.html>
20. Deutscher Bundestag. 2 Untersuchungsausschuss DDR Vermögen, протокол свидетеля по Герберту Колеру. 27 февраля 1997 г.
21. Отчет комиссии Шалька. Beschlussempfehlung and Bericht des 2. Untersuchungsausschusses nach Artikel 44 des Grundgesetzes. Drucksache 13/10900, 1998, с. 221–3.
22. Дело Путина в Штази. Дрезден. BSTU MfS BV Dresden 1.Stellvertr. d. LTR. 3, BSTU 000004, 7 сентября 1989 г.
23. Christoph Seils. Was tat Putin in Dresden?. *Cicero Magazin*, ноябрь 2004 г.
24. «Путин рассказал о нелегальной разведке и своей работе в КГБ». РИА «Новости», 24 июня 2017 г. <https://ria.ru/politics/20170624/1497226538.html>
25. «Интервью с бывшим сослуживцем Владимира Путина». Радио «Свобода», 11 ноября 2003 г.
26. Dr. Marian K. Leighton. Strange Bedfellows: The Stasi and the Terrorists'. *International Journal of Intelligence and CounterIntelligence*, том 27, 2014 г.
27. Олег Калугин. Интервью CNN. 6 февраля 2007 г.
28. Ion Mihai Pacepa. Russian Footprints: What does Moscow have to do with the recent war in Lebanon? *National Review Online*, 24 августа 2006 г.

29. Butz Peters. Dresden Vergessen. *Sächsische Zeitung*, 1 августа 2017, <https://web.archive.org/web/20170802045025/http://www.sz-online.de/sachsen/dresden-vergessen-3739077.html>.
30. Steven Kinzer. Spy Charges Widen in Germany's East. *New York Times*, 28 марта 1991 г.
31. Jeffrey Steinberg. Arrests Prove Stasi-KGB Control of Baader-Meinhof Terrorists. *EIR*, том 17, № 27, 29 июня 1990 г.
32. Lally Weymouth. East Germany's Dirty Secret. *Washington Post*, 14 октября 1990 г.
33. David Crawford. The Murder of a CEO. *Wall Street Journal*, 15 сентября 2007 г.
34. David Crawford and Marcus Bensmann. Putin's Early Years. *Correctiv*, 30 июля 2015 г.
35. Владислав Крамар. «Группа в Дрездене была небольшая, но мощная». «Военно-промышленный курьер», 14 декабря 2005 г.
36. Masha Gessen. *The Man Without a Face: The Unlikely Rise of Vladimir Putin*, с. 97.
37. Thomas Schade. Verbrannte Vogel, *Sächsische Zeitung*, 15 октября 2015 г.
38. «Путин рассказал о нелегальной разведке и своей работе в КГБ». *РИА Новости*, 24 июня 2017 г.
39. Олег Блотский. Vladimir Putin: Doroga k Vlasti.
40. «Дело Собчака». фильм Ксении Собчак и Веры Кричевской, 2018 г.

Глава 2: Внутренняя работа

1. Совершенно секретно. «Тайна золота партии», 2007. Интервью с Валентином Фалиным.
2. Валентин Степанков, «Кремлевский заговор: версия следствия».
3. Soviet Turmoil. New Suicide: Budget Director. *New York Times*, 27 августа 1991 г.
4. Сергей Плужников и Сергей Соколов. Как КГБ сводил счета с КПСС. «Комсомольская правда», 1 января 1992 г.
5. Peter Torday and Tony Barber. Communists Pillaged Party Gold – Officials Investigate Flight of Soviet Billions. *Independent*, 27 марта 1992 г.
6. John Rettle. Russian government Launches Investigation into Missing Communist Party Billions. *Guardian*, 10 сентября 1991 г.
7. Stephen Handelman. How Man's Conscience Overcame His Fear. *Toronto Star*, 14 февраля 1992 г.
8. Mary Dejevsky. Maxwell's former firm on List of Soviet Favourites. *Independent*, 9 ноября 1991 г.
9. Peter Pringle. Soviets to Conduct Inquiry Over Friendly Firms. *Independent*, 11 ноября 1991 г.
10. Christopher Andrew and Vasily Mitrokhin. The Mitrokhin Archive: The KGB in Europe and the West, с. 597–8.
11. Вадим Белых и Валерий Руднев, «Известия». Деньги партии: миллиарды обнаружены, но следствие, похоже, в тупике». 10 февраля 1992 г.
<https://old.flb.ru/info/4896.html>
12. Соколов и Плужников. Золото КПСС: десять лет спустя. «Московские новости», 18 сентября 2001 г.
13. Ex-Aide to Gaidar Targets Rutskoi in business scandal. *Agence France-Presse*, 12 авг. 1993 г.

14. Андрей Иллеш и Валерий Руднев. Поиск денег КПСС: пессимистический конец. «Известия», 1 апреля 1993 г. <https://old.flb.ru/info/4910.html>
15. P.K. Semier. US Fugitive Rich Linked to Money Laundering; Russian-Mafia Prosecutors May Subpoena Him. *Washington Times*, 21 июня 2002 г.
16. David Remnick. Soviet Union's Shadow Economy – Bribery, Barter, Black Market deals are the Facts of Life. *Washington Post*, 22 сентября 1990 г.
17. David Hoffman. The Oligarchs: Wealth and Power in the New Russia. с. 11–20.
18. «Вести», программа «60 минут»: «Михаил Мильштейн: гениальный разведчик и борец с Холодной войной», 15 сентября 2010 г., <http://www.vesti.ru/doc.html?id=392836>
19. Михаил Ходорковский и Наталья Геворкян. «Тюрьма и воля».
20. Chrystia Freeland. *Sale of the Century*.
21. Artyom Tarasov. *Millionaire: The Sermon of the New Russia's First Capitalist*, Chapter 5.
22. Pete Earley. Comrade J: The Untold Secrets of Russia's Master Spy in America After the End of the Cold War, с. 285–8.
23. Yevgenia Albats. *KGB: State Within a State*, с. 303.
24. Андрей Илларионов. Трудный путь к свободе, часть 2. Журнал «Континент» № 146, 4 мая 2011 г., с. 13–17.
25. Jeffrey D. Sachs. Russia's Failure to Reform. *Project Syndicate*, 30 августа 1999 г.
26. Janine R. Wedel. The Harvard Boys do Russia. *The Nation*, 14 мая 1998 г.
27. Chrystia Freeland. John Thornhill and Andrew Gowers, Moscow's Group of Seven, *Financial Times*, 1 ноября 1996 г.

Глава 3: Вершина айсберга

1. Марина Салье. В. Путин – «президент» коррумпированной олигархии! Фонд «Гласность», 18 марта 2000 г.
2. Анастасия Кириленко. Почему Марина Салье молчала о Путине 10 лет? Интервью с Мариной Салье. *Радио «Свобода»*, 2-4 марта 2010 г.
3. Владимир Иванидзе. Спасая полковника Путина: вторая попытка. *Радио «Свобода»*, 16 марта 2010 г.
4. Марина Салье. Настал черед Путина – «президента» коррумпированного клана. 29 февраля 2012 г.
5. Из доклада Марины Салье и Юрия Гладкова, справка «О состоянии дел по выдаче лицензий под обеспечение города продовольствием» (прил. 16), В. Путин; таблица № 1 «Продовольствие, получаемое в счет выданной лицензии». http://www.compromat.ru/page_21848.htm
6. Ирен Питч. Пикантная дружба: моя подруга Людмила Путина.
7. Ирина Мокроусова и Ирина Резник. Человек с ресурсом. «*Ведомости*», 21 января 2013 г.
8. Александр Левинский, Ирина Малкова и Валерий Игуменов. Как Маттиас Варниг стал самым надежным «экономистом» Путина. *Forbes*, 28 августа 2012 г.
9. С. Очинский. Возрождение флота – залог стабильности развития России. «*Конкуренция и рынок*», 2013, № 4 (60).
10. «Вместе работали, вместе и сядем». «*Коммерсант*», 24 октября 1996 г.
11. «Убийство гендиректора пароходства». «*Коммерсант*», 4 октября 1995 г.

12. Документы из суда Испании: протоколы предварительного расследования дела № 321/06. Центральный суд первого отделения № 5, Fiscalía Especial Contra la Corrupcion y la Criminalidad Organizada; также записка от Interpol Монако от 3 июля 2006 г.
13. Телеканал «Дождь». Министр порта: как петербургский авторитет Илья Трабер связан с Владимиром Путиным и его окружением. 25 августа 2017 г.
14. Роман Анин. Друзья – не разлей нефть. *«Новая газета»*, 15 апреля 2011 г.
15. Ирина Малкова и Игорь Терентьев. Тот самый Тимченко: первое интервью богатейшего из друзей Путина. *Forbes* на русском, 26 октября 2012 г.
16. Анастасия Кириленко. Он просто писал сумму во время беседы. Интервью с Фридзоном. *Радио «Свобода»*, 24 мая 2015 г.
17. Записка Роберта Эрингера, на тот момент главы службы разведки Монако, главе администрации принца Альберта Жану-Люку Аллавене от 10 апреля 2006 г.
18. Дело о смерти Александра Литвиненко, председатель – сэр Роберт Оуэн, январь 2016 г. С. 100–1, https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/493860/The-Litvinenko-Inquiry-H-C-695-web.pdf; <https://www.litvinenkoinquiry.org/files/2015/03/INQ006481.pdf>
19. Константин Алексеев. Заветы Ильича. *«Версия» в Питере*. 28 сентября 2009 г.
20. Надежда Иваницкая. Намывное дело. *Forbes* на русском, 2 ноября 2012 г. <https://www.forbes.ru/forbes/issue/2012->

[11/169092-namyvnoe-delo](#)

21. Дмитрий Матвеев. Цапки министра Левитина, «Версия» в Питере», 20 декабря 2010 г.
22. Аркадий Бутлицкий. Роковая дружба. «Московская правда», 16 августа 2003 г.
23. Антон Гришин. Воротилы «Золотых ворот». «Версия», 9 октября 2001 г.
24. Анастасия Кириленко. 4% Путина. Как близкие к Кремлю криминальные авторитеты отмывают нефтяные деньги в Монако. *The Insider*, 19 декабря 2017 г.
25. Роман Анин. Заводы, цистерны, офшоры, соседи. «Новая газета», 20 апреля 2011 г.
26. Анатолий Собчак. Как Россия потеряла флот на Балтике и кто в этом виноват? «Московские новости», 6 октября 1998 г.,
<https://web.archive.org/web/20131029211741/http://datarhiv.ru/51/85>
27. Роман Шлейнов. Уголовные дела, в которых упоминался Владимир Путин, объясняют кадровую политику президента. «Новая газета», 3 октября 2005 г.
28. Илья Барабанов. Птенцы гнезда Петрова. Дело ХХ Треста. *The New Times*, 23 марта 2009 г.
29. Александр Бондаренко. Об этом, может быть, когда-нибудь расскажут. Интервью с Геннадием Беликом. «Красная звезда», 10 января 2002 г.
30. Мария Калужская. Десять лет без Старовойтовой: Валерия Новодворская о Старовойтовой. *gran.ru*, 20 ноября 2008, <https://graniru.org/Politics/Russia/m.144242.html>
31. Ветеран внешней разведки Игорь Прелин: открытое письмо Владимиру Путину: krasvremya.ru/veteran-

Глава 4: Операция «Преемник»: «Дело было уже за полночь»

1. Arkady Ostrovsky. Ailing Yeltsin will not Stand Down, *Financial Times*, 30 октября 1998 г.
2. Юрий Скуратов. Кремлевские подряды «Мабетекса».
3. Thane Gustafson. Wheel of Fortune: The Battle for Oil and Power in Russia. The Belknap Press of Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, 2012 г.
4. Michael Kramer. Rescuing Boris, *Time magazine*, 24 июня 2001 г.
5. Paul Beckett and David S. Cloud. Banking Probe Reaches Yeltsin Family – Cayman Accounts Now Draw US Scrutiny. *Wall Street Journal*, 22 сентября 1999 г.
6. Robert O’Harrow Jr Bank Subpoenas Trading Firm. *Washington Post*, 1 октября 1999 г.
7. «Подробности дела Мабетекса», *Время МН*, 28 января 1999 г.
8. David McHugh. Primakov Plan Sees Sidelined President. *Moscow Times*, 27 января 1999 г.
9. Simon Saradzhyan. Primakov to Clear Jails for Corrupt. *Moscow Times*, 2 февраля 1999 г.
10. Simon Saradzhyan. Prosecutor Resigns as Sibneft Oil Raided. 3 февраля 1999 г.
11. Michael Wines. Yeltsin Son- in- law at Center of Rich Network of Influence. *New York Times*, 7 октября 1999 г.
12. Sarah Karush. Kremlin Rulers Set Up at Elite Hospital. *Moscow Times*, 17 марта 1999 г.

13. Natalya Shulyakovskaya. Prosecutor Skuratov Slips Back to Work. *Moscow Times*, 10 марта 1999 г.
14. David McHugh. Upper House Reinstates Prosecutor. *Moscow Times*, 18 марта 1999 г.
15. Sarah Karush. Prosecutor Steps Up Pressure on Yeltsin. *Moscow Times*, 24 марта 1999 г.
16. «Илюхин нашел счета Ельцина», «Коммерсант», 24 марта 1999 г.
17. Valeria Korchagina. Yeltsin Loses Vote to Oust Skuratov. *Moscow Times*, 22 апреля 1999 г.
18. Сергей Правосудов. Блока ОВР вообще могло и не быть. Интервью с Сергеем Степашиным. «Независимая газета», 14 января 2000 г. https://www.ng.ru/politics/2000-01-14/1_ovr.html
19. Masha Gessen. The Man Without a Face: The Unlikely Rise of Vladimir Putin.
20. Melissa Akin and Natalya Shulyakovskaya. Swiss Tie Kremlin to Money- Laundering. *Moscow Times*, 15 июля 1999 г.
21. Andrew Higgins. Yeltsin Aide is Focus of Corruption Probe – Swiss Investigators Allege Money-Laundering. *Wall Street Journal*, 16 июля 1999 г.
22. «Лужков считает «политической провокацией» возбуждение ФСБ уголовного дела, в котором фигурирует фирма его жены», *Interfax*, 17 июля 1999 г.
23. Людмила Телень. Поколение Путина.
24. Борис Ельцин. Полуночные дневники.
25. Петр Авен. Время Березовского.
26. Brian Whitmore. Yeltsin Sacks Stepashin, Anoints Putin. *Moscow Times*, 10 августа 1999 г.

27. John Dunlop. The Moscow Bombings of September 1999.
28. Глеб Павловский. Экспериментальная родина. Москва, июль 2018 г.
29. Carlo Bonini and Giuseppe D'Avantso. Svizzera, carte di credito accusano Eltsin', *Corriere della Sera*, 25 августа 1999 г.
30. Andrew Higgins. Former Legislator Clears Yeltsin Family. *Wall Street Journal*, 28 сентября 1999 г.
31. Raymond Bonner and Timothy L. O'Brien. Activity at Bank Raises Suspicion of Russian Mob Tie. *New York Times*, 19 августа 1999 г.
32. Paul Beckett and David S. Cloud. Banking Probe Reaches Yeltsin Family – Cayman Accounts Now Draw US Scrutiny. *Wall Street Journal*, 22 сентября 1999 г.
33. Евгений Примаков. Восемь месяцев плюс.
34. Валентин Юмашев. Мы глотнули свободы и отравились ею. Интервью «Московскому комсомольцу», 31 января 2011 г.

Глава 5: Игрушки в грязной луже

1. Oksana Yablokova, Simon Saradzhyan and Valeria Korchagina. Apartment Block Explodes, Dozens Dead. *Moscow Times*, 10 сентября 1999 г.
2. Valeria Korchagina, Simon Saradzhyan. Tensions Grow as Toll Rises to 118', *Moscow Times*, 15 сентября 1999 г.
3. Said Islamyev. Thousands Flee Grozny as Bombs Fall. *Moscow Times*, 25 сентября 1999 г.
4. Brian Whitmore. Real Target of Airstrikes May Be PR. *Moscow Times*, 28 сентября 1999 г.

5. Путин в вертолете и в палатке:
<https://www.youtube.com/watch?v=8Xn7p-JQmATl>;
www.ntv.ru/video/1749560
6. Brian Whitmore. Prime Minister's Popularity Rating Skyrockets. *Moscow Times*, 30 ноября 1999 г.
7. Brian Whitmore and Simon Saradzhyan. Moscow Awash in Explosion Theories. *Moscow Times*, 14 сентября 1999 г.
8. «Геннадия Селезнева предупредили о взрыве в Волгодонске за три дня до теракта». Newsru.com, 21 марта 2002 г.
9. John Dunlop. The Moscow Bombings of September 1999: Examination of Russian Terrorist Attacks at the Onset of Vladimir Putin's Rule.
10. «Таймер остановили за семь часов до взрыва: теракт предотвратил водитель автобуса». «Коммерсант», 24 сентября 1999 г.
11. «Независимое расследование: рязанский сахар». НТВ, 24 марта 2000 г. https://www.youtube.com/watch?v=K-lEi_Uyb_U
12. Павел Волошин. Что было в Рязани: сахар или гексоген? «Новая газета», 14 февраля 2000 г.
13. Александр Литвиненко и Юрий Фельштинский. ФСБ взрывает Россию.
14. Александр Литвиненко и Юрий Фельштинский. ФСБ взрывает Россию. Документальный фильм. Режиссеры Жан-Шарль Деньо и Шарль Газель, 2002 г.
15. Anatoly Medetsky, Sacks in the Basement Still Trouble Ryazan', *Moscow Times*, 24 сентября 2004 г.
16. Игорь Корольков. Фоторобот не первой свежести. «Московские новости», 11 ноября 2003 г.

17. М.И.Трепашкин. На первом фотороботе был агент ФСБ. *chechenpress.com*, 18 сентября 2003 г.
18. Scott Anderson. None dare call it conspiracy. *GQ*, сентябрь 2009 г.
19. Brian Whitmore. Real Target of Airstrikes May be PR. *Moscow Times*, 28 сентября 1999 г.
20. Patrick E. Tyler. Russian Says Kremlin Faked "Terror Attacks". *New York Times*, 1 февраля 2002 г.
21. Alexander Goldfarb and Marina Litvinenko. Death of a Dissident.
22. Brian Whitmore. Agendas Clash on Sunday TV News. *Moscow Times*, 12 октября 1999 г.
23. Andrei Zolotov Jr. Media Wars Turn to Blood and Guts. *Moscow Times*, 26 октября 1999 г.
24. Michael McFaul. Russia's 1999 Parliamentary Elections: Party Consolidation and Fragmentation: *demokratizatsiya.pub/archives/08-1_McFaul.PDF*
25. Andrei Zolotov Jr. Shoigu's Unity Rides on Putin's Coattails. *Moscow Times*, 4 декабря 1999 г.
26. Putin Soars High on War's Wings. *Moscow Times*, 1 декабря 1999 г.
27. Sarah Karush. Pro-Kremlin Parties Sweep into Duma. *Moscow Times*, 21 декабря 1999 г.
28. Встреча Путина с ФСБ, декабрь 1999 г.: <https://www.youtube.com/watch?v=6xkLdz-rniyo>
29. Владимир Путин. Россия на рубеже тысячелетий. 27 декабря 1999 г. Статья доступна по адресу: myruwin.ru/Vladimir-putin-rossija-na-rubezhe-tysjacheletij
30. «Владимир Путин обнародовал свою программу». «Независимая газета», 30 декабря 1999 г.

31. Новогодняя речь Ельцина:
<https://www.youtube.com/watch?v=qoZb8QqXooA62>
32. Catherine Belton. Putin Campaign Cranks Through Regions. *Moscow Times*, 22 марта 2000 г.
33. Выборы Путина: <https://www.youtube.com/watch?v=DhQynqCX-WAkn>
34. Catherine Belton. Putin Walks his Way into Women's Hearts. *Moscow Times*, 9 марта 2000 г.
35. Catherine Belton. Luzhkov Shows Putin About Town. *Moscow Times*, 24 марта 2000 г.
36. Елена Масюк. Володя, только не бронзовей. Интервью с Людмилой Нарусовой. «Новая газета», 9 ноября 2012 г.
37. «Собчак оставил дверь открытой». «Коммерсант», 22 февраля 2000 г.
38. Kommersant Speculates about Sobchak's Death. *Moscow Times*, 23 февраля 2000 г.
39. Catherine Belton. Thousands Say Farewell to Sobchak. *Moscow Times*, 25 февраля 2000 г.
40. Catherine Belton. Putin Wins, Promises no Miracles. *Moscow Times*, 28 марта 2000 г.
41. Виталий Манский. Свидетели Путина. 2018.
42. Catherine Belton. Aluminum Sale Gets Stamp of Approval. *Moscow Times*, 10 марта 2000 г.
43. Sky's the Limit for reborn Urals Energy. Platts Energy in East Europe, 31 марта 2006 г.

Глава 6: «Его создало ближайшее окружение»

1. Речь Ельцина в 2000 году на президентской инаугурации Путина: www.youtube.com/watch?v=Q2AF_2gHHeQ

2. Инаугурационная речь Владимира Путина 7 мая 2000 г. «Московские новости», www.mn.ru/blogs/blog_reference/80928
3. Отчет Юрия Швеца со свидетельствами от бывшего офицера Александра Литвиненко, зачитанный в ходе заседания в Верховном суде Лондона: webarchive.nationalarchives.gov.uk/20160613091026/https://www.litvinenkoinquiry.org/files/2015/03/INQ006481.pdf
4. Catherine Belton. A Russian Volley over the ABM Treaty. *BusinessWeek*, 9 ноября 2001 г.
5. Svetlana Savranskaya, Tom Blanton, George Washington University. National Security Archive, NATO Expansion: What Gorbachev Heard, 12 декабря 2017: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/russia-programs/2017-12-12/nato-expansion-what-gorbachev-heard-Western-leaders-early>
6. Ian Traynor. Putin Urged to Apply the Pinochet Stick. *Guardian*, 31 марта 2000 г.
7. Hans Leyendecker and Frederik Obermaier. Diskrete Geschäfte am Affenfelsen. *Suddeutsche Zeitung*, 11 апреля 2013 г.
8. Prakash Loungani and Paolo Mauro. Capital Flight from Russia. International Monetary Fund Policy Discussion Paper, 1 июня 2000 г.
9. Alan A. Block and Constance A. Weaver. All is Clouded by Desire, с.125, *International and Comparative Criminology*, Westport, Connecticut, 2004.
10. Andrew Jack. Putin Appears to Distance Himself from Oligarchs. *Financial Times*, 29 февраля 2000 г.

11. Oligarchs Will Become Extinct. Putin Vows. *Agence France-Presse*, 18 марта 2000 г.
12. Николай Вардуль. Как Путин будет управлять страной. «Коммерсант», 3 мая 2000 г.
13. Maura Reynolds. Russia Raids Media Company Critical of Kremlin. *Los Angeles Times*, 12 мая 2000 г.
14. David Hoffman. Putin Moves to Bolster Central Rule; Plan would Rein in Regional Governors. *Washington Post*, 18 мая 2000 г.
15. Gregory Feifer. Berezovsky's Letter Dominates News. *Moscow Times*, 1 июня 2000 г.
16. Guy Chazan and Alan Cullison. Russia's Oligarchs Protest Arrest of Media Magnate. *Wall Street Journal*, 15 июня 2000 г.
17. Igor Semenenko. Suit Filed to Undo Norilsk Auction. *Moscow Times*, 21 июня 2000 г.
18. Dmitry Zaks. Tax Police Raid Russian Business Giants Following Putin Threat. *Agence France-Presse*, 11 июля 2000 г.
19. Andrew Kramer. Tax Police Open Case against Auto Giant. *Associated Press*, 12 июля 2000 г.
20. Dmitry Zaks. Putin Vows to Punish Russian Oligarchs as Tax Police Strike Again. *Agence France-Presse*, 12 июля 2000 г.
21. Sergei Shagorodsky. Russian President Defends his Heavy-Handed Policies. *Associated Press*, 13 июля 2000 г.
22. Marielle Eudes. Russian Business Barons Want Frank Talk with Putin. *Agence France-Presse*, 14 июля 2000 г.
23. Nick Wadhams. Berezovsky's Announcement he Will Resign from Russia's Parliament Another Riddle. *Associated Press*, 17 июля 2000 г.
24. Maura Reynolds. Putin Reaches Out to Oligarchs. *Los Angeles Times*, 29 июля 2000 г.

25. Андрей Савицкий. Фаворит. *«Независимая газета»*, 6 ноября 2001 г.
26. «Семья-копилка». *«Московский комсомолец»*, 28 июня 2000 г.
27. «Секретные друзья Путина». *«Московский комсомолец»*, 4 апреля 2001 г.
28. Константин Ремчуков. Бодрым шагом к BoNY-2. *«Ведомости»*, 27 ноября 2011 г.
29. Андрей Савицкий. Сын отвечает за отца. *«Независимая газета»*, 30 ноября 2001 г.
30. Михаил Козырев. Тувинец Пугачев. *«Ведомости»*, 26 декабря 2001 г.
31. Henry Meyer. Russian Media Magnate Says Government Forced Sale in Prosecution Deal. *Agence France-Presse*, 18 сентября 2000 г.
32. Berezovsky Warns About More Possible Terrorist Acts in Russia. *Interfax*, 10 августа 2000 г.
33. Guy Chazan. Putin Lambasts the Media Over Coverage of Sub Disaster. *Wall Street Journal*, 31 августа 2000 г.
34. Goldfarb and Litvinenko. Death of a Dissident.
35. Vladimir Isachenkov. Oligarch Says Kremlin Moves to Take His Share in Television Station. *Associated Press*, 4 сентября 2000 г.
36. Pavlovsky Outlines Kremlin's Information Security Plans. *IPR Strategic Information Database*, 26 сентября 2000 г.
37. Russian Tycoon Berezovsky Fears Return to Russia. *Agence France-Presse*, 14 ноября 2000 г.
38. Andrei Zolotov Jr. Putin Backs Foreign Investor at NTV. *Moscow Times*, 30 января 2001 г.

39. Media Most Chief Compares NTV Seizure to August 1991 Coup. *BBC Monitoring Report of Ekho Moskvy interview*, 14 апреля 2001 г.
40. NTV Raid Shows KGB in Power in Russia: Ex-Dissident. *Agence France-Presse*, 14 апреля 2001 г.

Глава 7: Операция «Энергия»

1. Sergei Yermolaev. The Formation and Evolution of the Soviet Union's Oil and Gas Dependence. Фонд Карнеги за международный мир. 29 марта 2017 г.
2. Sergey Yermolaev. The Formation and Evolution of the Soviet Union's Oil and Gas Dependence. Фонд Карнеги за международный мир:
<https://carnegieendowment.org/2017/03/29/formation-and-evolution-of-soviet-union-s-oil-and-gas-dependence-pub-68443>
3. Thane Gustafson. Wheel of Fortune: The Battle for Oil and Power in Russia. с. 76, The Belknap Press of Harvard University, Cambridge Massachusetts, 2012.
4. Goochoon Kwon. The Budgetary Impact of Oil Prices in Russia. *IMF Working Paper*, 1 августа 2003 г.:
www.imf.org/external/country/rus/rr/2003/pdf/o8o1o3.pdf
5. Robert Cottrell. Russia's Richest Man Reveals Himself. *Financial Times*, 21 июня 2002 г.
6. Melissa Akin. Tax Police Target Boss of Lukoil. *Moscow Times*, 12 июля 2000 г.
7. Elizabeth LeBras and Natalya Neimysheva. Report – Oil Evades \$9 Billion in Taxes. *Moscow Times*, 29 ноября 2000 г.
8. Anna Raff. Lukoil Financial Officer Abducted. *Moscow Times*, 13 сентября 2002 г.

9. Lukoil Case Closed. *Moscow Times*, 13 февраля 2003 г.
10. Наталия Неймышева. Иллюзия льгот. «Ведомости», 6 февраля 2003 г.
11. Jeanne Whalen. Oil Tender Pricing Formula Proposed. *Moscow Times*, 16 августа 1997 г.
12. Boris Aliabayev. Kremlin Pledges Fair Oil Auctions. *Moscow Times*, 12 ноября 1997 г.
13. Владимир Прибыловский. Биография Акимов: Anticompromat.org/akimov/akimbio.html
14. Irina Reznik and Anna Baraulina. Cold War Banker to Putin Billionaires Walks Sanctions Wire. *Bloomberg*, 24 октября 2014 г.
15. Ирина Мокроусова. Банкир под прикрытием. *Forbes* на русском, 2 апреля 2015 г.
16. Александр Бирман. Орден национального достоинства. Журнал «Компания», 16 мая 2005 г.
17. Официальная биография Дм. Медведева: <https://www.gazprom-neft.ru/company/management/board-of-directors/medvedev/>
18. Eastern Oil Bidding Has Begun. *Moscow Times*, 11 октября 1997 г.
19. Russia's Yukos Pays \$775 million for 45 per cent stake in Eastern Oil. *Dow Jones*, 8 декабря 1997 г.
20. John Thornhill. Russian Oil Group wins Control of Rival. *Financial Times*, 9 декабря 1997 г.
21. Илья Жегулев. Невзлин попросил защиты у генпрокурора. gazeta.ru, 21 июля 2004г.
22. «Дело о двух покушениях на убийство директора австрийской компании East Petroleum Евгения Рыбина». «Время новостей», 4 июля 2003 г.

23. Catherine Belton. Kremlin, Big Oil on Collision Course. *Moscow Times*, 28 января 2003 г.
24. Jeanne Whalen. In Russia, Politics vs Pipelines – Kremlin Hesitates to Give Oil Firms Power to Invest in Infrastructure. *Wall Street Journal*, 29 января 2003 г.
25. Dmitry Zhdannikov and Andrew Hurst. Standing at a Crossroads. *Reuters*, 27 января 2003 г.
26. Valeria Korchagina. Cabinet Agrees to Slash Tax Burden. *Moscow Times*, 24 апреля 2003 г.
27. Беседа Ходорковского с Путиным на встрече РСПП: https://www.youtube.com/watch?time_continue=20&v=u6NKb79VN8U
28. Torrey Clark. Tycoons Talk Corruption in Kremlin. *Moscow Times*, 20 февраля 2003 г.
29. Диалог Ходорковского с Путиным: <https://www.youtube.com/watch?v=u6NKb79VN8U>
30. Catherine Belton. \$36 Billion YukosSibneft Joins the Global Elite. *Moscow Times*, 23 апреля 2003 г.
31. Andrew Jack and Carola Hoyos. Yukos Eyes Up Western Partnership. *Financial Times*, 24 сентября 2003 г.
32. Arkady Ostrovsky. Yukos to Expand Beyond Russia. *Financial Times*, 28 сентября 2003 г.
33. Gregory L. White and Jeanne Whalen. Why Russian Oil is a Sticky Business – Energy Barons are Wielding More Clout in Parliament at a Critical Time for Putin. *Wall Street Journal*, 1 августа 2003 г.
34. Moises Naim. Russia's Dilemma: It's Sinking While it's Swimming in Oil. *The Australian*, 15 декабря 2003 г.
35. Goohoon Kwon. The Budgetary Impact of Oil Prices in Russia. Документ от 1 августа 2003 г.

www.imf.org/external/country/rus/rr/2003/pdf/o8o1o3.pdf

36. Victoria Lavrentieva. Gref Says it's Time to Squeeze Big Oil. *Moscow Times*, 20 февраля 2003 г.
37. Russian Oil Companies Got Richer by \$20 Billion. «Финансовые известия», 24 января 2003 г.
38. Доклад Совета по национальной стратегии: «Государство и олигархия»: <https://web.archive.org/web/20150325094708/http://www.utro.ru/articles/2003/05/26/201631.shtml>; доклад опубликован на новостном сайте utro.ru 26 мая 2003 г.
39. Стенограмма пресс-конференции Путина 23 июня 2003 г.: www.kremlin.ru/events/president/transcripts/2202870
40. Simon Saradzhyan and Valeria Korchagina. Head of Yukos's Parent Company Arrested. *Moscow Times*, 3 июля 2003 г.
41. Yukos Value Falls \$2 Billion on Arrests. Объединенный репортаж (*Reuters, MT*), *Moscow Times*, 4 июля 2003 г.
42. Valeria Korchagina. Four Yukos Murder Probes Opened. *Moscow Times*, 21 июля 2003 г.
43. Catherine Belton. The Oil Town that Won't Forget Yukos. *Moscow Times*, 25 апреля 2006 г.
44. Chrystia Freeland. A Falling Tsar. *Financial Times*, 1 ноября 2003 г.
45. Valeria Korchagina. Prosecutors Summon Khodorkovsky. *Moscow Times*, 4 июля 2003 г.
46. Catherine Belton. Stocks See Blackest Day Since 1998. *Moscow Times*, 17 июля 2003 г.
47. Catherine Belton. Khodorkovsky Sees Totalitarian Threat. *Moscow Times*, 22 июля 2003 г.
48. Putin Says Yukos Case All About Murder. *Moscow Times*, 22 сентября 2003 г.

49. Andrew Jack and Carola Hoyos. ExxonMobil May Offer \$25 Billion for 40 Per Cent of Yukos. *Financial Times*, 2 октября 2003 г.
50. Catherine Belton. Yukos Targeted in Three New Raids. *Moscow Times*, 6 октября 2003 г.
51. Caroline McGregor. President Reassures Investors. *Moscow Times*, 6 октября 2003 г.
52. Catherine Belton. Yukos Chief – “It’s Just Not Fair”. *Moscow Times*, 7 октября 2003 г.
53. Catherine Belton. Khodorkovsky Arrested on Seven Charges. *Moscow Times*, 27 октября 2003 г.
54. Valeria Korchagina. The Elite Demand Some Answers. *Moscow Times*, 27 октября 2003 г.
55. Valeria Korchagina and Maria Danilova. Putin Defends Attack on Yukos. *Moscow Times*, 28 октября 2003 г.

Глава 8: После террора – пробуждение империализма

1. Natalia Yefimova. Torrey Clark and Lyuba Pronina, Armed Chechens Seize Moscow Theater. *Moscow Times*, 24 октября 2002 г.
2. Steven Lee Myers. The New Tsar: The Rise and Reign of Vladimir Putin, Simon & Schuster, London, 2015.
3. Michael Wines. Chechens Kill Hostage in Siege at Russian Hall. *New York Times*, 25 октября 2002 г.
4. Russian NTV Shows Previously Filmed Footage with Hostage-Takers Leader. *BBC Monitoring Former Soviet Union*, 26 октября 2002 г.
5. Eric Engleman. Armed Chechens Hold Hundreds of People Hostage in Moscow Theater. *Associated Press*, 23 октября

2002 г.

6. Events, Facts, Conclusions – Nord Ost Investigation Unfinished. Региональная общественная организация содействия защите пострадавших от терактов.
7. Luc Perrot. Russia Marks Anniversary of Moscow Theater Hostage Siege. *Agence France-Presse*, 23 октября 2003 г.
8. Michael Wines. Hostage Toll in Russia Over 100; Nearly All Deaths Linked to Gas. *New York Times*, 28 октября 2002 г.
9. Сергей Тополь, Александр Жеглов, Ольга Алленова. Антракт после теракта. «*Коммерсант*», 23 октября 2003 г.
10. Susan B. Glasser and Peter Baker. Gas in Raid Killed 115 Hostages; Only 2 Slain by Rebels; More than 600 Remain Hospitalised in Moscow. *Washington Post*, 28 октября 2002 г.
11. Valeria Korchagina, Lyuba Pronina and Torrey Clark. Man, a Bottle, a Shot, Then Gas. *Moscow Times*, 28 октября 2002 г.
12. Michael Wines. Russia Names Drug in Raid, Defending Use. *New York Times*, 31 октября 2002 г.
13. David McHugh. Doctors Say Knockout Gas Killed All But Two of the Victims of Moscow Hostage Crisis. *Associated Press*, 27 октября 2002 г.
14. Ирина Хакамада. Обращение. 14 января 2004 г. <https://graniru.org/Politics/Russia/President/m.56704.html>.
15. Anne Nivat. Chechnya: Brutality and Indifference. *Crimes of War Project*, 6 января 2003 г.
16. Юрий Щекочихин. Незамеченные новости недели, которые меня удивили. «*Новая газета*», 20 января 2003 г.
17. Caroline Wyatt. Moscow Siege Leaves Dark Memories. *BBC*, 16 декабря 2002 г.
18. Valeria Korchagina. Duma Seeks Probe of Theater Attack. *Moscow Times*, 30 октября 2002 г.

19. Timur Aliyev. Chechens Vanish in Veil of Darkness. *Moscow Times*, 23 декабря 2002 г.
20. Moscow Gunmen Threaten to Begin Killing Hostages Sat. *Dow Jones*, 25 октября 2002 г.
21. John B. Dunlop. RFE/RL Organised Crime and Corruption Watch. 8 января 2004 г.
22. Steven Lee Myers. Russia Recasts Bog in Caucasus as War on Terror. *New York Times*, 5 октября 2002 г.
23. Andrew Jack. Moscow Siege May be Linked to Al Qaeda. *Financial Times*, 24 октября 2002 г.
24. Steven R. Weisman. US Lists 3 Chechen Groups as Terrorist and Freezes Assets. *New York Times*, 1 марта 2003 г.
25. Nabi Abdullaev. There are No Rebels Left for Peace Talks. *Moscow Times*, 1 ноября 2002 г.
26. Catherine Belton. Anointed Enigma: The Quiet Rise of a Dedicated Dmitry Medvedev. *Financial Times*, 28 февраля 2003 г.
27. Catherine Belton, Valeria Korchagina and Alex Nicholson. Yukos Shares Frozen, Voloshin is Out. *Moscow Times*, 31 октября 2003 г.
28. Петр Нетреба. Отставка Волошина совпала с концом эпохи Ельцина. Интервью с Алексеем Кудриным. «Коммерсант», 3 ноября 2003 г.
29. Catherine Belton and Lyuba Pronina. The Duma of a New Political Era. *Moscow Times*, 9 декабря 2003 г.
30. Catherine Belton. Homeland a Force to be Reckoned With? *Moscow Times*, 5 декабря 2003 г.
31. Francesca Mereu and Oksana Yablokova. United Russia Set to Get 300 Seats. *Moscow Times*, 22 декабря 2003 г.

32. Gazprom Off Reform Agenda. *Reuters, Moscow Times*, 29 сентября 2003 г.
33. President Putin Demands Stopping of Hysterics and Speculations about Arrest of Khodorkovsky, *ntv.ru*, 29 октября 2003 г.
34. Александр Беккер и Владимир Федорин. Интервью: Михаил Касьянов, председатель правительства РФ: реформы во всех сферах будут продолжены. «*Ведомости*», 12 января 2004 г.
35. Valeria Korchagina. Gazprom Cuts Supplies to Europe. *Moscow Times*, 19 февраля 2004 г.
36. Caroline McGregor. Putin Fires Kasyanov 19 Days Before Vote. *Moscow Times*, 24 февраля 2004 г.
37. Caroline McGregor. Putin Picks Fradkov for Prime Minister. *Moscow Times*, 2 марта 2004 г.
38. Simon Saradzhyan. Early Returns Give Putin 70 Per Cent. *Moscow Times*, 15 марта 2004 г.
39. Valeria Korchagina. Duma Set to Revive the Soviet Anthem. *Moscow Times*, 6 декабря 2000 г.
40. Natalia Gevorkyan, Natalia Timakova, Andrei Kolesnikov. In the First Person: Conversations with Vladimir Putin. Вагриус, Москва.
41. Ana Uzelac. Putin, Bush Reach Across the Divide. *Moscow Times*, 18 июня 2001 г.
42. Askold Krushelnycky. Parliaments Ratify Treaty on Single Economic Space. *RFE/RL*, 21 апреля 2004 г.
43. Simon Ostrovsky. Over 300 Killed in School Carnage. *Moscow Times*, 6 сентября 2004 г.
44. Simon Saradzhyan. 30 Women and Children Freed in Beslan. *Moscow Times*, 3 сентября 2004 г.

45. Hostage Takers Demands in N Ossetia Not Changed. *Interfax*, 1 сентября 2004 г.
46. Peter Baker and Susan B. Glasser. Hundreds Held Hostage at School in Russia; Many Children Seized in Town near Chechnya. *Washington Post*, 2 сентября 2004 г.
47. Kim Murphy. Critics Detail Missteps in School Crisis. *Los Angeles Times*, 17 сентября 2004 г.
48. Andrew Jack. Siege Gunmen Release 26 Mothers and Babies. *Financial Times*, 2 сентября 2004 г.
49. Kim Murphy. Critics Detail Missteps in School Crisis. *Los Angeles Times*, 17 сентября 2004 г.
50. «Свидетель на процессе по делу Кулаева утверждает, что Масхадов был готов приехать в Беслан для переговоров с террористами об освобождении заложников». *Interfax*, 22 декабря 2005 г.
51. Simon Ostrovsky. Over 300 Killed in School Carnage. *Moscow Times*, 6 сентября 2004 г.
52. C.J. Chivers. For Russians, Wounds Linger in School Siege. *New York Times*, 26 августа 2005 г.
53. Kim Murphy. Aching to Know. *Los Angeles Times*, 27 августа 2005 г.
54. Anatoly Medetsky and Yana Voitova. A Reversal Over Beslan Only Fuels Speculation. *Moscow Times*, 21 июля 2005 г.
55. Russia: Beslan Reports Compared. RadioFreeEurope/RadioLiberty, 3 января 2007 г.
56. «Зарема, а кого нам сейчас убивать?» *«Коммерсант»*, 23 декабря 2005 г.
57. Kim Murphy. Critics Detail Missteps in School Crisis. *Los Angeles Times*, 17 сентября 2004 г.

58. Николай Сергеев и Заур Фарниев. Комиссия завершила теракт. «Коммерсант», 23 декабря 2006 г.
59. Юрий Савельев. Беслан: правда заложников. www.pravdabeslana.ru/doklad/oglavlenie.htm
60. Maria Danilova. Russian Lawmaker Makes Beslan Claims. *Associated Press*, 30 августа 2006 г.
61. Andrew Osborne. Kremlin to Blame for Beslan Deaths, Claims Russian MP. *Independent*, 30 августа 2006 г.
62. Video Rekindles Russian Debate on Blame for Beslan Death Toll. *Associated Press*, 31 июля 2007 г.
63. Catherine Belton. Putin is Facing his Biggest Challenge. *Moscow Times*, 9 сентября 2004 г.
64. Poll: Putin's Popularity at 4- Year Low. *Moscow Times*, 23 сентября 2004 г.
65. Обращение Владимира Путина 4 сентября 2004 г. www.kremlin.ru/events/pres-ident/transcripts/2258999
66. Nabi Abdullaev. Putin: Scrap Popular Vote for Governors. *Moscow Times*, 14 сентября 2004 г.
67. Nikolai Petrov. Putin's Reforms are Dangerous for Russia. *Moscow Times*, 15 сентября 2004 г.
68. Simon Saradzhyan. Putin Lashes Out at the US. *Moscow Times*, 8 сентября 2004 г.
69. Guy Faulconbridge. Putin Targets Terrorist Financing. *Moscow Times*, 6 октября 2004 г.
70. Jason Burke. London Mosque link to Beslan. *Observer*, 3 октября 2004 г.
71. Valery Dzutsev. Report: 3 British Residents Assisted in Beslan Attack. *Moscow Times*, 5 октября 2004 г.
72. Valeria Korchagina. Putin Tells West not to Meddle in Ukraine. *Moscow Times*, 27 июля 2004 г.

73. Simon Saradzhyan. Putin Goes on Stump in Ukraine. *Moscow Times*, 27 октября 2004 г.
74. Francesca Mereu. Putin's Campaign has Kiev on Edge. *Moscow Times*, 28 октября 2004 г.
75. Anatoly Medetsky. Outrage as Yanukovych Takes the Lead. *Moscow Times*, 23 ноября 2004 г.
76. Oksana Yablokova. Youthful Pora Charges Up the People. *Moscow Times*, 3 декабря 2004 г.
77. Simon Saradzhyan. President Lashes Out at the West. *Moscow Times*, 24 декабря 2004 г.
78. Ежегодное послание Владимира Путина Федеральному собранию. 25 апреля 2005 г.
www.kremlin.ru/events/president/news/33219
79. Ежегодное послание Владимира Путина Федеральному собранию. 26 мая 2004 г.
www.kremlin.ru/events/president/news/31034

Глава 9: «Аппетит приходит во время еды»

1. Catherine Belton. Ex-Yukos Chiefs Face Trial Together. *Moscow Times*, 17 июня 2004 г.
2. Peter Baker. Russian Oil Tycoons Lose Bid for Release. *Washington Post*, 17 июня 2004 г.
3. Leonid Ragozin. When Russian Officials Nightmare Your Business, You Can Lose Everything – Even Your Life. *Bloomberg*, 29 января 2018 г.
4. Kathrin Hille. Business Behind Bars. *Financial Times*, 10 августа 2018 г.
5. Russian Anti- Monopoly Watchdog Says State Grip on Economy Rises. «Ведомости», 6 мая 2019 г.

6. Интервью с Владимиром Путиным. *New York Times*, 5 октября 2003 г.
www.nytimes.com/2003/10/05/international/o6PTEXT-CND.html
7. Catherine Belton. NTV Speculates on Yukos, Terrorists. *Moscow Times*, 27 сентября 2004 г.
8. Илья Булавинов. Сергей Иванов – это не смена эпохи, а наведение порядка. «Коммерсант», 17 ноября 2003 г.
9. Catherine Belton. Kremlin Playing Oil Game for Keeps. *Moscow Times*, 29 декабря 2003 г.
10. Джон МакКейн. Обращение к Сенату. 4 ноября 2003 г.
<https://www.aei.org/research-products/speech/senator-mccain-decries-new-authoritarianism-in-russia/>
11. Andrew Jack. Facing Judgment: Turmoil at Yukos Drains Investors of Their Confidence in Putin's Russia. *Financial Times*, 16 июня 2004 г.
12. Catherine Belton. Nevzlin Offers Shares for Freedom. *Moscow Times*, 17 февраля 2004 г.
13. Thomas Firestone. Criminal Corporate Raiding in Russia. *The International Lawyer*, Vol. 42, № 4 (Winter 2008), с. 1207–29
14. Catherine Belton. Banks Warn that Yukos May Default. *Moscow Times*, 27 апреля 2004 г.
15. Catherine Belton. Putin Tip Powers Yukos Recovery. *Moscow Times*, 18 июня 2004 г.
16. Catherine Belton. Police Surround Yukos Headquarters. *Moscow Times*, 5 июля 2004 г.
17. Peter Baker. Court Defeat Brings Yukos to Verge of Bankruptcy. *Washington Post*, 4 июля 2004 г.

18. Catherine Belton. Khodorkovsky Offers Deal, Deadline Passes. *Moscow Times*, 8 июля 2004 г.
19. Erin E. Arvedlund. Yukos Says it Offered to Pay \$8 Billion in Back Taxes. *New York Times*, 12 июля 2004 г.
20. Valeria Korchagina. Yukos Production Unit to be Sold. *Moscow Times*, 21 июля 2004 г.
21. Denis Maternovsky. Putin Aide Named Head of Rosneft. *St Petersburg Times*, 30 июля 2004 г.
22. Guy Faulconbridge. Dresdner Will Set a Price for Yugansk. *Moscow Times*, 13 августа 2004 г.
23. Gregory L. White and Chip Cummins. Russia to Form Energy Giant Open to West But Led by Kremlin. *Wall Street Journal*, 15 сентября 2004 г.
24. Peter Baker. Russia State Gas, Oil Firms Merge; Aim is to Create Dominant International Supplier. *Washington Post*, 15 сентября 2004 г.
25. Catherine Belton. Gazprom to Grab Rosneft, Alter Market. *Moscow Times*, 15 сентября 2004 г.
26. Guy Faulconbridge. Second Leak Puts Fair Price on Yugansk. *Moscow Times*, 4 октября 2004 г.
27. Guy Faulconbridge. Yugansk Goes on the Block for \$8.6 Billion. *Moscow Times*, 22 ноября 2004 г.
28. Martin Sixsmith. Putin's Oil: The Yukos Affair and the Struggle for Russia, с. 175.
29. Catherine Belton. Foreign Banks to Lend Gazprom \$13.4 Billion. *Moscow Times*, 8 декабря 2004 г.
30. Catherine Belton. Yukos Files for Bankruptcy Protection in Houston. *Moscow Times*, 16 декабря 2004 г.
31. Catherine Belton. Report: Gazprom Loan Put on Hold. *Moscow Times*, 17 декабря 2004 г.

32. Alex Nicholson. Putin Defends Yukos Unit Sale. *Associated Press*, 23 декабря 2004 г.
33. Guy Faulconbridge. Mystery Bidder Wins Yugansk for \$9.4 Billion. *Moscow Times*, 20 декабря 2004 г.
34. Catherine Belton. Putin Says He Knows Mystery Buyer. *Moscow Times*, 22 декабря 2004 г.
35. Andrew Osborn. Rumours Abound as Mystery Buyer is Tracked Down to London Bar. *Independent*, 21 декабря 2004 г.
36. Екатерина Дербилова, Ирина Резнки, Светлана Петрова. Победитель, похожий на «Сургутнефтегаз». «Ведомости», 21 декабря 2004 г.
37. Anna Raff. State-Owned Rosneft Buys Mystery Buyer of Yukos Unit Auction. *Dow Jones Newswires*, 23 декабря 2004 г.
38. «Кто оплатил Юганск». «Ведомости», 3 июня 2005 г.
39. Catherine Belton. The Money Trail Leading to Yugansk. *Moscow Times*, 6 июня 2005 г.
40. Catherine Belton. Chinese Lend Rosneft \$6 Billion for Yugansk. *Moscow Times*, 2 февраля 2005 г.
41. Catherine Belton. Putin Demotes Advisor Illarionov. *Moscow Times*, 11 января 2005 г.
42. Catherine Belton. Houston Court Rejects Yukos Appeal. *Moscow Times*, 28 февраля 2005 г.
43. Isabel Gorst. Exxon and Rosneft Sign Arctic Deal. *Financial Times*, 30 августа 2011 г.
44. Catherine Belton. Half of Rosneft IPO Goes to 4 Buyers. *Moscow Times*, 17 июля 2006 г.
45. Catherine Belton. Banks Want Yukos Ruled Bankrupt. *Moscow Times*, 13 марта 2006 г.
46. Catherine Belton. Creditor Banks Sell Yukos Loan to Rosneft. *Moscow Times*, 16 марта 2006 г.

47. Catherine Belton. Western Banks Fund Rosneft Move on Yukos. *Financial Times*, 21 марта 2007 г.
48. Catherine Belton. Analysts Skeptical as BP Quits Yukos Auction at First Stage. *Financial Times*, 28 марта 2007 г.
49. Catherine Belton. Russian Bargain That Comes at a Price. *Financial Times*, 5 апреля 2007 г.
50. Catherine Belton. The State's Unsated Appetite. *Financial Times*, 20 апреля 2007 г.
51. Catherine Belton. Yukos Finally Expires, Victim of its Battle with the Kremlin. *Financial Times*, 11 мая 2007 г.
52. Последнее слово Ходорковского, 11 апреля 2005 г.
www.freerepublic.com/focus/news/1382298/posts
53. Valeria Korchagina. Yukos Trial Ends with Applause. *Moscow Times*, 12 апреля 2005 г.
54. Valeria Korchagina. So Far, Verdict Appears to be Guilty. *Moscow Times*, 17 мая 2005 г.
55. Catherine Belton. Judges Drag Out Verdict for a Second Day. *Moscow Times*, 18 мая 2005 г.
56. Lyuba Pronina. Nine Years for Khodorkovsky and Lebedev. *Moscow Times*, 1 июня 2005 г.
57. Catherine Belton. Shock and Then Boredom in Court. *Moscow Times*, 1 июня 2005 г.
58. Valeria Korchagina. Court Rejects Khodorkovsky Appeal. *Moscow Times*, 23 сентября 2005 г.
59. Nabi Abdullaev. Khodorkovsky Jailed in Polluted Chita. *Moscow Times*, 21 октября 2005 г.
60. Kathrin Hille. Business Behind Bars. *Financial Times*, 10 августа 2018 г.

1. Павел Миледин, Анна Щербакова, Светлана Петрова. «Согаз продали в Питер. Самый прибыльный в России страховщик достался банку «Россия», «Ведомости». 21 января 2005 г.
2. Catherine Belton. A Realm Fit for a Tsar. *Financial Times*, 1 декабря 2011 г.
3. Neil Buckley and Arkady Ostrovsky. Putin's Allies are Turning Russia into a Corporate State. *Financial Times*, 18 июня 2006 г.
4. Олег Ролдугин. Как за Каменным островом, куда переселился знаменитый путинский дачный кооператив «Озеро». «Собеседник», 26 февраля 2014 г.
5. Наталья Ветлицкая. Нецензурная сказка. *LiveJournal*, 15 августа 2011 г.
6. Евгения Альбац. Чисто конкретный кандидат. *New Times*, 26 февраля 2012 г.
7. Алексей Рожков, Ирина Резник, Анна Бараулина и Елена Мязина. Пристроили 3% «Газпрома». «Согаз» купил компанию, управляющую резервами «Газфонда». «Ведомости», 23 августа 2006 г.
8. Борис Немцов и Владимир Милов. Путин и «Газпром». Независимый экспертный доклад. 2 октября 2008 г.
9. Ринат Сагдиев и Ирина Резник. Трое из дворца. «Ведомости», 4 апреля 2011 г.
10. Belton and Buckley. On the Offensive: How Gunvor Rose to the Top of Oil Trading. *Financial Times*, 14 мая 2008 г.
11. Роман Шлейнов. Тайнственным третьим владельцем Gunvor был петербуржец Петр Колбин. «Ведомости», 8 октября 2012 г.

12. Андрей Ванденко. Геннадий Тимченко: за все в жизни надо платить. И за знакомство с руководством страны тоже. Интервью с Тимченко. *ИТАР-ТАСС*, 4 августа 2014 г.
13. Andrew Higgins, Guy Chazan and Alan Cullison. The Middleman: Secretive Associate of Putin Emerges as Czar of Russian Oil Trading – In First Interview, Gennady Timchenko Denies Ties. *Wall Street Journal*, 11 июня 2008 г.
14. Luke Harding. Secretive Oil Firm Denies Putin has Any Stake in its Ownership: Company Rejects Claims it Benefits from Kremlin Ties. *Guardian*, 22 декабря 2007 г.
15. Russian President Says Claims That He Has Amassed a Personal Fortune Are Nonsense. *Associated Press*, 14 февраля 2008 г.
16. US Department of Treasury, Treasury Sanctions Russian Officials, Members of the Russian Leadership's Inner Circle, and an Entity for Involvement in the Situation in Ukraine. 20 марта 2014 г.: <https://www.treasury.gov/press-center/pressreleases/Pages/jl23331.aspx>.
17. Stephen Grey, Andrei Kuzmin and Elizabeth Piper. Putin's Daughter, a Young Billionaire and the President's Friends. *Reuters*, 10 ноября 2015 г.
18. Jack Stubbs, Andrei Kuzmin, Stephen Grey and Roman Anin. The Man Who Married Putin's Daughter and then Made a Fortune. *Reuters*, 17 декабря 2015 г.
19. Интервью Жана Гучкова изданию banki.ru: Жан Гучков: Россия – одна из таких стран, куда сейчас выгодно инвестировать. 30 декабря 2015 г.
20. Роман Шлейнов. Как князя Александра Трубецкого завербовали в «Связьинвест». *«Ведомости»*, 15 апреля 2011 г.

21. Simon Saradzhyan. Russia Rethinks its CIS Policy. *Moscow Times*, 24 августа 2005 г.
22. Catherine Belton. The Mob, an Actress and a Pile of Cash. *Moscow Times*, 27 ноября 2003 г.
23. Andrew Kramer. Russia Cuts Off Gas to Ukraine as Talks on Pricing and Transit Terms Break Down. *New York Times*, 2 января 2006 г.
24. Andrew Kramer. Russia Restores Most of Gas Cut to Ukraine Line. *New York Times*, 3 января 2006 г.
25. Catherine Belton. Rosukrenergo Emerges as Winner in Gas Deal. *Moscow Times*, 10 января 2006 г.
26. Steven Lee Myers. Ukraine's Leader Dismisses Parliament's Vote to Fire Premier. *New York Times*, 12 января 2006 г.
27. Isobel Koshiw. Dmytro Firtash: The Oligarch who Can't Come Home. *Kyiv Post*, 26 декабря 2016 г.
28. Catherine Belton. Gas Trader Keeps Orange Team Apart. *Moscow Times*, 24 марта 2006 г.
29. Andrew Kramer. Ukraine Leader Forced to Name Ex- Rival as Prime Minister. *New York Times*, 3 августа 2006 г.
30. Архивы ФБР: FBI Ten Most Wanted Fugitives, 21 октября 2009 г.
https://archives.fbi.gov/archives/news/stories/2009/october/mogilevich_102109
31. Gregory L. White. David Crawford and Glenn R. Simpson, Ukrainian Investor Hid Identity to Win Business. *Wall Street Journal*, 28 апреля 2006 г.
32. Stefan Wagstyl and Tom Warner. Gazprom's Secretive Ukrainian Partner Tells of Lone Struggle to Build Business. *Financial Times*, 28 апреля 2006 г.

33. Tom Warner. Disputed Links to an Alleged Crime Boss. *Financial Times*, 14 июля 2006 г.
34. *Global Witness report*, It's a Gas: Funny Business in the Turkmen-Ukraine Gas Trade. 25 июля 2006 г.
35. Glenn R. Simpson. US Probes Possible Crime Links to Russian Natural Gas Deals. *Wall Street Journal*, 22 декабря 2006 г.
36. WikiLeaks: телеграмма после США в Украину: Ukraine: Firtash Makes his Case to the USG. 10 декабря 2008, https://wikileaks.org/plusd/cables/o8KYIV2414_a.html
37. President Yanukovych's US Advisor to be summoned as a respondent in Tymoshenko's claim against Rosukrenergo. *Gorshenin Weekly*, 13 февраля 2012 г.
38. Hans-Martin Tillack. A Tale of Gazoviki, Money and Greed. *Stern Magazine*, 13 сентября 2007 г.
39. Roman Kupchinsky. The Shadowy Side of Gazprom's Expanding Central European Gas Hub. *Eurasia Daily Monitor*, Vol 5, Issue 217, *Jamestown Foundation*, 12 ноября 2008 г.
40. Gidi Weitz. The Schlaff Saga: Money Flows into the Sharon Family Accounts. *Haaretz*, 7 сентября 2010 г.
41. Телеграмма от посла США в Италию Рональду П. Сполди от 26 января 2009 г. https://wikileaks.org/plusd/cables/o9ROME97_a.html

Глава 11: Лондонград

1. Andrew Higgins. You Don't Often Find this Kind of Mogul in the Arctic Snow – Russian Tycoon's Whim Drags Baffled Friends, Bodyguards into Aiding Blighted Region. *Wall Street Journal*, 13 июня 2001 г.

2. Catherine Belton. Shvidler Questioned Over Taxes. *Moscow Times*, 14 октября 2003 г.
3. Chelsea Boss made Millions from Tax Break; Insight. *Sunday Times*, 14 сентября 2003 г.
4. Igor Semenenko. Abramovich Questioned in Sibneft Fraud Case. *Moscow Times*, 31 мая 2001 г.
5. Catherine Belton. Sibneft Hit with \$1 Billion Tax Claim. *Moscow Times*, 3 марта 2004 г.
6. Arkady Ostrovsky. Economy: New Found Wealth Starts to Spread. *Financial Times*, 10 октября 2006 г.
7. Neil Buckley. Russia's Middle Class Starts Spending. *Financial Times*, 30 октября 2006 г.
8. Masha Lipman. Russia's Non- Participation Pact. *Project Syndicate*, 30 марта 2011 г.
9. Stefan Wagstyl. Challenge of Change Faces Old and New: The Citizens of All EU Member States Must Adapt to the Fulfilment of a Dream. *Financial Times*, 27 апреля 2004 г.
10. Arkady Ostrovsky. Equity Offerings Signal Maturity. *Financial Times*, 11 октября 2005 г.
11. Astrid Wendlandt. Russian Executives Become Hooked on Lure of London. *Financial Times*, 4 февраля 2004 г.
12. Nigel Gould- Davies. Russia's Sovereign Globalisation – Rise, Fall and Future. Исследование Chatham House, январь 2016 г.
13. Joanna Chung and Sarah Spikes. Rosneft Follows the Road to London. *Financial Times*, 24 июня 2006 г.
14. Kate Burgess, Joanna Chung, Arkady Ostrovsky and Helen Thomas. Dicey Russian Flotations challenge London Investors' Appetite for Risk. *Financial Times*, 6 декабря 2005 г.

15. Arkady Ostrovsky. Moscow Offers Gazprom \$7 Billion for Stake. *Financial Times*, 15 июня 2005 г.
16. Neil Buckley. Watchdog Alarmed at Russia's Market Growth. *Financial Times*, 16 февраля 2006 г.
17. Catherine Belton. Gazprom Scoops Up Sibneft for \$13 Billion. *Moscow Times*, 29 сентября 2005 г.
18. Catherine Belton. Fortunes Go to Kremlin Favourites. *Moscow Times*, 23 сентября 2005 г.
19. Neil Buckley and Arkady Ostrovsky. Rosneft Looks to US Banker to head IPO. *Financial Times*, 15 марта 2006 г.
20. Joanna Chung. Bankers to Reap \$120 Million on Rosneft IPO. *Financial Times*, 27 июня 2006 г.
21. Catherine Belton. Yukos Asks London to Halt IPO. *Moscow Times*, 26 июня 2006 г.
22. George Soros. Rosneft Flotation Would Spur Putin on. *Financial Times*, 26 апреля 2006 г.
23. Robert Amsterdam. Rosneft IPO Represents Nothing But the Syndication of the Gulag. *Financial Times*, 1 мая 2006 г.
24. Gregory L. White. Capital Gains: Flush with Oil, Kremlin Explores Biggest Ever IPO. *Wall Street Journal*, 18 апреля 2006 г.
25. Catherine Belton. Half of Rosneft IPO Goes to 4 Buyers. *Moscow Times*, 17 июля 2006 г.
26. Joanna Chung. Yukos Challenges Rosneft \$10 Billion Flotation. *Financial Times*, 17 июля 2006 г.
27. Catherine Belton. An IPO Built on Greed and Ambition. *Moscow Times*, 7 июля 2006 г.
28. Stephen Fidler and Arkady Ostrovsky. Yukos Case Highlights Role of Foreign Banks. *Financial Times*, 24 марта 2006 г.

29. Catherine Belton and Joanna Chung. Sberbank Issue to Fall Short of Russian Record. *Financial Times*, 22 февраля 2007 г.
30. Catherine Belton and Joanna Chung. VTB Sets Price for \$8.2 Billion Offering. *Financial Times*, 11 мая 2007 г.
31. Catherine Belton. VTB Chief Hopes Offering will Seal Bank's Independent Future. *Financial Times*, 2 мая 2007 г.
32. Catherine Belton. Risks Brushed Aside in Race to Take Part. *Financial Times*, 20 апреля 2007 г.
33. Catherine Belton. The Secret Oligarch. *Financial Times*, 11 февраля 2012 г.
34. Catherine Belton. I Don't Need to Defend Myself: An Old Dispute Returns to Haunt Rusal's Deripaska. *Financial Times*, 13 июля 2007 г.
35. Catherine Belton. Close to the Wind. *Financial Times*, 25 октября 2008 г.
36. Catherine Belton. Court Freezes Tycoon's Stake in Vimpelcom. *Financial Times*, 27 октября 2008 г.
37. Catherine Belton. Moscow to Lend \$50 Billion to Indebted Businesses. *Financial Times*, 30 сентября 2008 г.
38. Catherine Belton and Charles Clover. Moscow Dictates Rescue of Oligarchs. *Financial Times*, 14 октября 2008 г.
39. Catherine Belton. Too Big to Fail. *Financial Times*, 28 июля 2009 г.
40. Nicholas Shaxson. A Tale of Two Londons. *Vanity Fair*, 13 марта 2013 г.

Глава 12: Битва начинается

1. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. 10 февраля 2007 г.

www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034

2. Carl Schreck. Putin Castigates US Foreign Policy. *Moscow Times*, 12 февраля 2007 г.
3. Charles Clover, Catherine Belton, Dan Dombey and Jan Cienski. Countdown in the Caucasus: Seven Days that Brought Russia and Georgia to War. *Financial Times*, 26 августа 2008 г.
4. Peter Finn. A Two- Sided Descent into Full-Scale War. *Washington Post*, 17 августа 2008 г.
5. Dan Bilefsky, C.J. Chivers, Thom Shanker and Michael Schwartz. Georgia Offers Fresh Evidence on War's Start. *New York Times*, 16 сентября 2008 г.
6. Charles Clover. The Message from Moscow: Resurgent Russia Bids to Establish a New Status Quo. *Financial Times*, 12 августа 2008 г.
7. Stefan Wagstyl. Medvedev Signals He will Meet Obama Soon. *Financial Times*, 13 ноября 2008 г.
8. Russia Halts Missile Plans for Eastern Europe. *Financial Times*, 28 января 2009 г.
9. Strobe Talbott. A Russian Reset Button Based on Inclusion. *Financial Times*, 24 февраля 2009 г.
10. Stefan Wagstyl. Obama Signals Backing for Medvedev. *Financial Times*, 6 июля 2009 г.
11. Charles Clover and Daniel Dombey. Russia Hails New US Tone on Missiles. *Financial Times*, 3 марта 2009 г.
12. Stefan Wagstyl. Obama and Medvedev Agree Arms Deal. *Financial Times*, 6 июля 2009 г.
13. Medvedev Hopes his Visit to Silicon Valley will Boost Russian Business. *РИА «Новости»*, 24 июня 2010 г.
14. Obama Tries Burger Diplomacy with Medvedev. *Agence France-Presse*, 24 июня 2010 г.

15. Catherine Belton. Medvedev Plan could See Putin's Return. *Financial Times*, 5 ноября 2008 г.
16. Charles Clover. Putin is Booed at Martial Arts Fight. *Financial Times*, 20 ноября 2011 г.
17. Charles Clover, Courtney Weaver and Catherine Belton. Tens of Thousands Protest Against Putin. *Financial Times*, 10 декабря 2011 г.
18. Catherine Belton. Prokhorov Pushes to Exploit Shift in Mood against Putin. *Financial Times*, 29 февраля 2012 г.
19. Charles Clover. Putin Turns up Nationalist Rhetoric. *Financial Times*, 23 февраля 2012 г.
20. Charles Clover and Catherine Belton. I Will Transmit This to Vladimir. *Financial Times*, 5 мая 2012 г.
21. Neil Buckley, Charles Clover and Catherine Belton. Tearful Putin Claims Election Victory. *Financial Times*, 4 марта 2012 г.
22. Charles Clover. Protestors Defy Troops on Moscow Streets. *Financial Times*, 6 декабря 2011 г.
23. Catherine Belton. Navalny Charged with Large-Scale Embezzlement. *Financial Times*, 31 июля 2012 г.
24. Lucia Ziobro. FBI's Boston Office Warns Business of Venture Capital Scams. *Boston Business Journal*, 4 апреля 2014 г.
25. Kyle Alspach and Michael B. Farrell. FBI Warns of Russian Investors; Tells State Tech Firms that Venture Capitalists May Seek to Give Sensitive Data to Military. *Boston Globe*, 8 апреля 2014 г.
26. Peter Baker. Medvedev Aims to Lift Ties with US Business. *New York Times*, 23 июня 2010 г.
27. Елена Мазнева. Назвал хозяина. Один из крупнейших подрядчиков «Газпрома» – «Стройгазмонтаж» – раскрыл

- владельца. «Ведомости», 9 декабря 2009 г.
28. «Стройгазмонтаж» выиграл тендер на строительство участка «Грязовец – Выборг» (597–917 км) Северо-Европейского газопровода. *AK&M*, 26 мая 2008 г.
 29. Catherine Belton. Businessmen are Serfs in Putin's Russia, Warns Sergei Pugachev. *Financial Times*, 8 октября 2014 г.
 30. «Президент России призвал перестать «кошмарить» малый бизнес». *РИА «Новости»*, 31 июля 2008 г.
 31. Егор Попов, Иван Сафронов, Яна Циноева. Каков флот, таков и приход. «*Коммерсант*», 5 марта 2015 г.
 32. Егор Попов. Судостроение ушло в глухую оборону. «*Коммерсант*», 1 марта 2016 г.
 33. Александр Шварев. Суд изучит хищения на «Северной верфи», «*Росбалт*», 28 ноября 2014 г.
 34. Alexander Burgansk., Rosneft: Paradigm Shift. *Ренессанс Капитал*, 3 октября 2017 г.
 35. Support for Putin Sinks to Lowest Point in 12 Years, Poll Says. *Moscow Times*, 4 декабря 2013 г.
 36. Pollster Says Approval for Putin at 12-Year Low. *Moscow Times*, 25 января 2013 г.
 37. Russia Issues Dark Warning to Ukraine against EU Trade and Cooperation Deal. *Associated Press*, 21 сентября 2013 г.
 38. Ukraine's EU Trade Deal will be Catastrophic, says Russia. *Kazakhstan Newsline*, 23 сентября 2013 г.
 39. Roman Olearchyk. Ukraine Students: Youth of the Nation. .. for Euro Integration. *Financial Times*, 28 ноября 2013 г.
 40. Roman Olearchyk. Kiev Streets Erupt in Clashes with Police. *Financial Times*, 19 января 2014 г.
 41. Simon Shuster. Exclusive: Leader of Far- Right Ukrainian Militant Group Talks with TIME. *Time Magazine*, 4 февраля

2014 г.

42. Neil Buckley and Roman Olearchyk. Fringe and Extremist Groups Carve Role in Ukraine Protests. *Financial Times*, 30 января 2014 г.
43. Neil Buckley and Roman Olearchyk. Ukraine Commemorates Bloody Events that Led to War. *Financial Times*, 20 февраля 2015 г.
44. Ukraine Crisis: Pretext and Plotting Behind Crimea's Occupation. *Financial Times*, 7 марта 2014 г.
45. Kathrin Hille and Neil Buckley. Vladimir Putin, Strongman of Russia Gambling on Western Weakness. *Financial Times*, 7 марта 2014 г.
46. Catherine Belton. Putin Ally Accuses US of Trying to Destroy Russia. *Financial Times*, 7 марта 2014 г.
47. Neil Buckley and Roman Olearchyk. Crimea Tensions Echo Georgia of 2008. *Financial Times*, 1 марта 2014 г.
48. Roman Olearchyk, Jan Cieski and Neil Buckley. Russia Wages Media War on Ukraine. *Financial Times*, 4 марта 2014 г.
49. Mattathias Schwartz. Who Killed the Kiev Protestors? A 3-D Model Holds the Clues. *New York Times Magazine*, 30 мая 2018 г.
50. Buckley and Olearchyk. Ukraine Commemorates Bloody Events that Led to War. *Financial Times*, 20 февраля 2015 г.
51. Обращение Президента Российской Федерации. 18 марта 2014 г. www.kremlin.ru/events/president/news/20603
52. Dana Priest, James Jacoby and Anya Bourg. Russian Disinformation on Facebook Targeted Ukraine Well Before the 2016 US Election. *Washington Post*, 28 октября 2018 г.
53. Neil Buckley. Russia Relies on De stabilisation to Achieve Strategic Ends in Ukraine. *Financial Times*, 15 июля 2014 г.

54. Neil Buckley. Stefan Wagstyl and Peter Spiegel, How the West Lost Putin. *Financial Times*, 3 февраля 2015 г.
55. US Department of Treasury, Treasury Sanctions Russian Officials, Members of the Russian Leadership's Inner Circle, and an Entity for Involvement in the Situation in Ukraine. 20 марта 2014 г. <https://www.treasury.gov/press-center/press-releases/Pages/jl23331.aspx>.
56. Richard McGregor, Peter Spiegel and Jack Farchy. US Targets Vladimir Putin's Inner Circle. *Financial Times*, 20 марта 2014 г.
57. Andrew Jack and Roman Olearchyk. Pro-Russia Separatists Strengthen Grip. *Financial Times*, 14 апреля 2014 г.
58. Neil Buckley, Roman Olearchyk, Andrew Jack and Kathrin Hille. Ukraine Crisis: "Little Green Men" Carefully Mask their Identity. *Financial Times*, 16 апреля 2014 г.
59. Neil Buckley. Russia Relies on Destabilisation to Achieve Strategic Ends in Ukraine. *Financial Times*, 15 июля 2014 г.
60. Geoff Dyer, Peter Spiegel and Kiran Stacey. US Sanctions Target Major Russian Companies. *Financial Times*, 17 июля 2014 г.
61. Peter Spiegel and Geoff Dyer. EU and US Toughen Sanctions on Russia. *Financial Times*, 30 июля 2014 г.
62. Buckley, Wagstyl and Spiegel, How the West Lost Putin. *Financial Times*, 3 февраля 2015 г.
63. Roman Olearchyk. Weapons Withdrawal Agreement raises Hopes of End to 18 Months of Bloodshed. *Financial Times*, 2 октября 2015 г.
64. Death Toll Up to 13,000 in Ukraine Conflict, Says UN Rights Office. *Radio Free Europe*, 26 февраля 2019 г.

65. Kiran Stacey and Peter Spiegel. No 10 Denies Putting City's Interests First. *Financial Times*, 4 марта 2014 г.
66. Caroline Binham. Sanctions Proposals Threaten London's Role as Global Legal Hub. *Financial Times*, 10 апреля 2014 г.
67. Alex Barker and Peter Spiegel. Ukraine PM Warns EU Against Putin's Divide and Conquer Tactics. *Financial Times*, 19 марта 2015 г.

Глава 13: Черный нал

1. Bastian Obermayer and Frederik Obermaier. The Panama Papers: Breaking the Story of how the Rich and Powerful Hide Their Money. One World, 2016 г.
2. Luke Harding. Mossack Fonseca: Inside the Firm that Helps the Super-Rich Hide Their Money. *Guardian*, 8 апреля 2016 г.
3. Елена Виноградова, Иван Васильев и Ринат Сагдиев. Миллионер от музыки. «Ведомости», 4 апреля 2016 г.
4. Luke Harding. Sergei Roldugin, the Cellist Who Holds the Key to Tracing Putin's Hidden Fortune. *Guardian*, 3 апреля 2016 г.
5. Roman Anin. Olesya Shmagun and Dmitry Velikovsky, The Secret Caretaker. Organised Crime and Corruption Reporting Project, 3 апреля 2016 г.
6. Steven Lee Myers, Jo Becker and Jim Yardley. It Pays to be Putin's Friend. *New York Times*, 28 сентября 2014 г.
7. Luke Harding. Revealed: The \$2 Billion Offshore Trail that Leads to Vladimir Putin. *Guardian*, 4 апреля 2016 г.
8. Vladimir Soldatkin. Putin Says Panama Papers Leaks are Attempt to Destabilise Russia. *Reuters*, 7 апреля 2016 г.

9. Jack Stubbs, Andrei Kuzmin, Stephen Grey and Roman Anin. The Man who Married Putin's Daughter and then Made a Fortune. *Reuters*, 17 декабря 2015 г.
10. Filip Novokomet, Thomas Piketty and Gabriel Zucman. From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905–2016. National Bureau of Economic Research, август 2017 г. <http://www.nber.org/papers/w23712>
11. Татьяна Лиханова. Человек, похожий на Миллера, строит дачу, похожую на дворец в Петергофе. «Новая газета», № 39, 9–15 июня 2009 г. <http://novayagazeta.spb.ru/articles/5210/>
12. Роман Анин. Дача Якунина ушла в офшоры. «Новая газета», 17 июня 2013 г.
13. Борис Немцов и Леонид Мартенюк. Путин. Итоги: зимняя Олимпиада в субтропиках. Москва, 2013: <https://www.putin-itogi.ru/zimnyayaolimpiada-v-subtropikax/>
14. Александра Мерцалова. Малое кольцо построит компания Тимченко. «Известия», 9 июня 2012 г.
15. «Сочи-2014: дорога в список». *Forbes*, 18 февраля 2013 г.
16. «Тимченко опровергает получение подряда по дружбе». РИА «Новости», 5 февраля 2014 г.
17. Ilya Arkhipov and Henry Meyer. Putin Buddy Gets \$7 Billion of Deals for Sochi Olympics. *Bloomberg*, 19 марта 2013 г.
18. Бенефициары Олимпиады. Рейтинг-2014: <https://www.rospress.net/finance/13802/>, 30 января 2014 г.
19. Дмитрий Великовский, Олеся Шмагун и Роман Анин. Из страны вывели 700 миллиардов рублей. «Новая газета» отвечает на вопрос, кому досталась эта грандиозная сумма. «Новая газета», 19 марта 2017 г.

20. Luke Harding and Nick Hopkins. How Dirty Money from Russia Flooded into the UK – and Where it Went. *Guardian*, 20 марта 2017 г.
21. Юрий Сенаторов. Следы двух миллиардов вывели на хищения. «Коммерсант», 15 августа 2019 г.
22. Илья Рождественский. Обыски у крупнейшего подрядчика РЖД. «Ведомости», 15 августа 2019 г.
23. Jack Stubbs, Andrey Kuzmin, Stephen Grey and Roman Anin. Russian Railways Paid Billions of Dollars to Secretive Private Companies. *Reuters*, 23 мая 2014 г.
24. Irina Reznik, Evgeniya Pismennaya and Gregory White. The Russian Banker Who Knew Too Much. *Bloomberg*, 20 ноября 2017 г.
25. The Russian Laundromat. Organised Crime and Corruption Reporting Project, 22 августа 2014 г.
<https://www.reportingproject.net/therussianlaundromat/russian-laundromat.php>
26. Matthias Williams. Moldova Sees Russian Plot to Derail Money Laundering Probe. *Reuters*, 15 марта 2017 г.
27. «Двоюродный брат премьер-министра РФ Владимира Путина Игорь Путин вошел в совет директоров Русского земельного банка». РИА «Новости», 16 апреля 2012 г.
28. The Russian Laundromat Exposed. Organised Crime and Corruption Reporting Project, 20 марта 2017 г.
<https://www.occrp.org/en/laundromat/the-russian-laundromat-exposed/>
29. «У Промсбербанка сменились акционеры, а в совет директоров вошел кузен Путина». banki.ru, 24 октября 2012 г.

30. Татьяна Алешкина. «Зеркальные торги» Deutsche Bank связали с выводом денег через Промсбербанк. *RBC Daily*, 16 декабря 2015 г.
31. Ed Caesar. Deutsche Bank's \$10 Billion Scandal. *New Yorker*, 29 августа 2016 г.
32. New York State Department of Financial Services. DFS fines Deutsche Bank \$425 million for Russian mirror-trading scheme.
https://www.dfs.ny.gov/reports_and_publications/press_releases/pr1701301
33. Grant D. Ashley, Assistant Director, Criminal Investigative Division, Federal Bureau of Investigation. Senate Subcommittee on European Affairs, Washington DC, 30 октября 2003 г.
<https://archives.fbi.gov/archives/news/testimony/eurasian-italian-andbalkan-organized-crime>
34. Показания Роберта А. Левинсона в Окружном суде Делавэр, США, по делу Иванькова.
<https://www.deepcapture.com/wp-content/uploads/Ivankov-Case.pdf>
35. Леонид Никитинский. Who is Mister Dvoskin? «Новая газета», 22 июля 2011 г.
36. Анастасия Стогней и Роман Баданин. Федеральный резерв: расследование о том, как ФСБ крышует банки. Проект, 1 августа 2019 г.
37. Ольга Платонова. 11% организаций не платит налогов. Сергей Игнатъев, председатель Банка России. «Ведомости», 20 февраля 2013 г.
38. Catherine Belton. Austria Link to Moscow Bank Killing. *Financial Times*, 27 мая 2007 г.

39. Murdered Russian Central Banker's Visit to Estonia. Телеграмма из посольства США. https://wikileaks.org/plusd/cables/o6TALLINN1009_a.html
40. Nico Hines. Russian Whistleblower Assassinated After Uncovering \$200 Billion Dirty Money Scandal. *Daily Beast*, 10 октября 2018 г.
41. Наталья Морарь. Высшие чиновники уводят деньги на Запад. *New Times*, 21 мая 2007 г.
42. Catherine Belton. Austria Link to Moscow Bank Killing. *Financial Times*, 27 мая 2007 г.
43. Сергей Хазов-Кассия. Письмо из Лабытнанги. Банкир Френкель обвиняет генерала ФСБ. *Радио «Свобода»*, 7 августа 2019 г.
44. Luke Harding. Russian Millions Laundered via UK Firms, Leaked Report Says. *Guardian*, 26 февраля 2018 г.
45. Bruun and Hjejle. Report on the Non-Resident Portfolio at Danske Bank's Estonian Branch. 19 сентября 2018 г.
46. Catherine Belton. Tax Scam Points to Complicity of Senior Russian Officials. *Financial Times*, 13 апреля 2012 г.
47. Andrew Higgins, Ann Davis and Paul Beckett. Money Players: The Improbable Cast of Capitalist Converts Behind BONY Scandal. *Wall Street Journal*, 30 декабря 1999 г.
48. Robert O'Harrow Jr. 3 Firms Links to Russia Probed. *Washington Post*, 21 октября 1999 г.
49. Paul Beckett and Ann Davis. Fourth Firm, Sinex Bank, Called a Focus in Laundering Inquiry. *Wall Street Journal*, 15 октября 1999 г.
50. Timothy L. O'Brien and Raymond Bonner. Career Singed in Global Bank Fires. *New York Times*, 23 августа 1999 г.

51. Timothy L. O'Brien and Raymond Bonner. Banker and Husband Tell of Role in Laundering Case. *New York Times*, 17 февраля 2000 г.
52. Tom Hays. Bank of New York to Pay \$38 million in Fines. *Washington Post*, 8 ноября 2005 г.
53. Caroline Binham. Trail of Dirty Money from Danske Bank leads to London Laundromat. *Financial Times*, 3 октября 2018 г.
54. Roman Anin. The Russian Laundromat Superusers Revealed. Organised Crime and Corruption Reporting Project, Москва, 20 марта 2017 г.

Глава 14: Мягкая сила в железном кулаке: «Я называю их
«православным Талибаном»

1. Севастьян Козицын. На вольные хлеба. «*Ведомости*», 15 февраля 2005 г.
2. Бэла Ляув. Marshall вложится в отели. «*Ведомости*», 18 апреля 2006 г.
3. Анастасия Голицына. Сборщик контента. Marshall Capital Partners скупает провайдеров. «*Ведомости*», 25 июня 2007 г.
4. Гузель Губейдуллина и Мария Дранишникова. С точки зрения ликвидности земля сейчас обладает нулевой стоимостью. «*Ведомости*», 7 июня 2010 г.
5. Олег Сальманов и Игорь Цуканов. Независимые на связи. Государство меняет чиновников в советах госкомпаний на независимых директоров. «*Ведомости*», 12 января 2009 г.
6. Тимофей Дзядко и Игорь Цуканов. Директор Гостелекома. Руководителем Ростелекома, на базе которого

- объединяются крупнейшие государственные телекоммуникационные компании, будет бывший инвест-банкир из Marshall Capital. «Ведомости», 14 июля 2010 г.
7. Тимофей Дзядко, Ирина Резник и Игорь Цуканов. Как купили телекомы. Стать крупнейшим миноритарием дочек Связьинвеста Газпромбанку, возможно, помог сам Ростелеком. «Ведомости», 20 сентября 2010 г.
 8. Владимир Лавицкий и Инна Ерохина. Ростелеком зафиксировал нового акционера». «Коммерсант», 7 сентября 2010 г.
 9. Игорь Цуканов и Тимофей Дзядко. Евгений Юрченко против маршалов связи. «Ведомости», 15 сентября 2010 г.
 10. Orysia Lutsevych. Agents of the Russian World: Proxy Groups in the Contested Neighbourhood. Russia and Eurasia Programme, Chatham House, апрель 2016. www.chathamhouse.org/sites/default/files/publications/research/2016-04-14-agents-russian-world-lutsevych.pdf
 11. Валерий Литонинский. Назвали себя властью: новые начальники Донецка. korrespondent.net, 19 мая 2014 г.
 12. Борис Гонт. Донецкая республика 2005 и ДНР 2014: от фашистов к МММ-щикам. Буквы, 16 мая 2015 г.
 13. «В Росії видають паспорти громадян Донецької республіки», tsn.ua, 1 марта 2012 г. <https://tsn.ua/politika/v-rosiyi-vidayut-pasporti-gromadyan-doneckoyi-respubliki.html>
 14. Jan Cieski. Oligarch Tries to Stamp Kiev Authority on Restive East. *Financial Times*, 7 марта 2014 г.
 15. Roman Olearchyk. Ukraine Tensions Rise as Two Die in Donetsk Clashes. *Financial Times*, 14 марта 2014 г.
 16. Jan Cieski. Russian-Speaking Activists Demand their Own Referendums. *Financial Times*, 17 марта 2014 г.

17. Neil Buckley. Ukraine's Ousted President Demands Regional Referendum. *Financial Times*, 28 марта 2014 г.
18. Roman Olearchyk. Turchynov Blames Russia for Unrest in East Ukraine. *Financial Times*, 7 апреля 2014 г.
19. John Reed. Donetsk Governor Plays Down Rebel Threat. *Financial Times*, 25 апреля 2014 г.
20. John Reed. Mob Storms State Security HQ in Donetsk. *Financial Times*, 3 мая 2014 г.
21. Guy Chazan. Separatists Urge Russia to Annex Donetsk. *Financial Times*, 13 мая 2014 г.
22. Дарья Асламова. Вице-премьер Донецкой народной республики Андрей Пургин: Украина поставила на Донбассе крест. Ей люди здесь не нужны. «Комсомольская правда», 8 июля 2014 г.
23. Courtney Weaver. Donetsk Chaos Leads to Split in Separatist Ranks. *Financial Times*, 31 мая 2014 г.
24. Aleksandr Vasovic and Maria Tsvetkova. Elusive Muscovite with Three Names Takes Control of Ukraine Rebels. *Reuters*, 15 мая 2014 г.
25. Arkhipov, Meyer and Reznik. Putin's Soros Dreams of Empire as Allies Wage Ukraine Revolt. *Bloomberg*, 16 июня 2004 г.
26. «Маршал Малофеев. Как российский рейдер захватил юго-восток Украины». *The Insider*, 27 мая 2014 г.
27. Courtney Weaver, Kathrin Hille and Neil Buckley. Pretext and Plotting Behind Crimea's Occupation. *Financial Times*, 7 марта 2014 г.
28. Дмитрий Волчек. Операция «Дары волхвов». Как РПЦ стала отделом администрации Путина. *Радио «Свобода»*, 10 марта 2018 г.

29. Courtney Weaver. Oligarch Emerges as Link Between Russia and Rebels. *Financial Times*, 25 июля 2014 г.
30. Владислав Новый. Связисты подключили дипломатический канал. Экс-глава МИД Игорь Иванов вошел в совет директоров «Инфра Инжиниринг». *«Коммерсант»*, 7 августа 2012 г.
31. Andrew Higgins. Foot Soldiers in a Shadowy Battle Between Russia and the West. *New York Times*, 29 мая 2017 г.
32. Neil MacFarquhar. How Russians Pay to Play in Other Countries. *New York Times*, 30 декабря 2016 г.
33. Martin Nejedly: Zemanovci volici jedi gothaj, foie gras je pro jine. *denik.cz*, 4 октября 2014 г.
34. Zemanovce sponzorovala pavucina firem napojena na Putinova pravnika. *iDNES.cz*, 3 ноября 2018 г.
35. Ondrej Soukup, Hackeri odhali “otce” proruskych akci v Cesku. Na organizaci demonstraci ve stredni Evrope dostal 100 tisic eur. *Hospodarske Noviny*, 13 марта 2017 г.
36. Andrew Higgins. Out to Inflammе EU, Russians Stir up Fringe. *New York Times*, 25 декабря 2016 г.
37. Dezso Andras, A Glorious Match Made in Russia', *Index*, 28 сентября 2014 г.
https://index.hu/english/2014/09/28/a_glorious_match_made_in_russia/
38. Телеграмма посла США в Москву.
https://wikileaks.org/plusd/cables/o8MOSCOW375_a.html
39. Андрей Красавин. Радикальные связи. *Компания*, 28 марта 2016 г.
40. Karl Laske and Marine Turchi. The Third Russian Loan of Le Pen. *Media Part*, 11 декабря 2014 г.

41. Agathe Duparc. Les Casseroles de Konstantin Malofeev, oligarque Russe soutien du Front National. *Media Part*, 21 февраля 2016 г.
42. WikiLeaks:
https://wikileaks.org/plusd/cables/09ROME97_a.html
43. Bernard Odehnal. Gipfeltreffen mit Putins funfter Kolonne. *TagesAnzeiger*, 3 июня 2014 г.
44. James Marson. Deepening Ties Between Greece and Russia Sow Concerns in the West. *Wall Street Journal*, 14 февраля 2015 г.
45. Sam Jones, Kerin Hope and Courtney Weaver. Alarm Bells Ring over Syriza's Russia Links. *Financial Times*, 28 января 2015 г.
46. Robert Coalson. New Greek Government has Deep, Longstanding Ties with Russian Eurasianist Dugin. *Radio Free Europe*, 28 января 2015 г.
47. Антон Поспелов. Мировые элиты. Беседа с послом Всемирного конгресса семей в ООН Алексеем Комовым. *Pravoslavie.ru*, 5 сентября 2013 г.
48. Tizian di Giovanni and Stefano Vergine, 3 Million for Salvini. *L'Espresso*, 28 февраля 2019 г.
49. Alberto Nardelli and Mark di Stefano. The Far-Right Bromance at the Heart of Italy's Russian Oil Scandal. *BuzzFeed*, 12 июля 2019 г.
50. Sam Jones and Valerie Hopkins. Austrian Vice- Chancellor Filmed Seeking Covert Deals. *Financial Times*, 18 мая 2019 г.
51. Christopher M. Matthews and Andrew Grossman. US Money Laundering Probe Touches Putin's Inner Circle; Federal Prosecutors Investigating Financial Transactions Involving

- Billionaire Gennady Timchenko. *Wall Street Journal*, 5 ноября 2014 г.
52. Jesus Rodriguez. Gerard Lopez, manual para hacerse millonario. *El Pais*, 27 декабря 2015 г.
 53. Adam Ramsay. National Crime Agency Finds “No Evidence” of Crimes Committed by Arron Banks’s Brexit Campaign. *OpenDemocracy*, 25 сентября 2019 г.
 54. Caroline Wheeler, Richard Kerbaj, Tim Shipman and Tom Harper. Revealed: Brexit Backer’s Golden Connection. *Sunday Times*, 10 июня 2018 г.
 55. Josh Craddock. Russia Positions Herself as “Light to the World” During Pro- Family Conference. *Aleteia*, 23 сентября 2014 г.
 56. Anton Shekhovtsov. A Rose by Any Other Name: the World Congress of Families in Moscow. <http://anton-shekhovtsov.blogspot.com/2014/09/a-rose-by-anyother-name-world-congress.html?m=1>.
 57. Casey Michel. How Russia Became the Leader of the Global Christian Right. *Politico*, 9 февраля 2017 г.
 58. Joseph Biden. Brookings Hosts Vice President, Joe Biden, for Remarks on the Russia–Ukraine Conflict. Brookings Institution, 27 мая 2015 г. https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2015/05/20150527_biden_transcript.pdf
 59. Anastasia Kirilenko. Intercepted Calls Expose Ties between the Tambovskaya Gang, head of FSB’s Economic Security Service, and the Prosecutor of St Petersburg. *The Insider*, 8 января 2019 г.

1. Телеграмма от 12 февраля 2010 г., отправленная из посольства США в Москве. WikiLeaks: https://wikileaks.org/plusd/cables/10MOSCOW317_a.html
2. Николай Сергеев. Умер глава «Эвихона». «Коммерсант», 11 апреля 2014 г.
3. Chapter 11 for Taj Mahal. *Reuters*, 18 июля 1991 г.
4. Julie Baumgold. Fighting Back: Trump Scrambles off the Canvas. *New York Magazine*, 9 ноября 1992 г.
5. Taj Mahal is Out of Bankruptcy. *New York Times*, 5 октября 1991 г.
6. Судебное соглашение с Комиссией Нью-Джерси по контролю за казино. <https://www.washingtonpost.com/wp-stat/graphics/politics/trump-archive/docs/trump-financial-stabilityhearing-vol-iv-6-18-1991.pdf>
7. Josh Kosman. Icahn, Ross Saved Trump Brand from Taj Mahal Casino Mess. *New York Post*, 25 ноября 2016 г.
8. Robert L. Friedman. Red Mafia. Little, Brown, 2000.
9. The Tri-State Joint Soviet-Émigré Organized Crime Project. <https://www.state.nj.us/sci/pdf/russian.pdf>
10. Jose Pagliery. Trump's Casino was a Money Laundering Concern Shortly After it Opened. *CNN*, 22 мая 2017 г.
11. Seth Hettena. Trump/Russia: A Definitive History, *Melville House*, 2018
12. Екатерина Дранкина. Московская нефтяная выходит на рынок. «Эксперт», 24 апреля 2000 г.
13. Matthew Swibel. The Boomerang Effect: Billionaire Tamir Sapir Earned a Bundle Exploiting Russia. Now Crony Capitalism is Getting the Better of Him. *Forbes*, 17 апреля 2006 г.

14. Motoko Rich and William Neuman. \$40 Million Buys Ex-Cabby His Own Corner of 5th Avenue. *New York Times*, 10 января 2006 г.
15. Dan Morrison. A Man of Many Interests. *Newsday*, 31 декабря 2000 г.
16. Andrew E. Kramer. Huge Profits Spell Doom for a 400- Acre Market. *New York Times*, 28 июля 2009 г.
17. «Тельман Измаилов попал в скандальную историю. *Trend*, 4 октября 2010 г.
18. Jon Swaine and Shaun Walker. Trump in Moscow: What Happened at Miss Universe in 2013. *Guardian*, 18 сентября 2017 г.
19. United States General Accounting Office, Suspicious Banking Activities: Possible Money Laundering by US Corporations Formed for Russian Entities. Октябрь 2000 г.
20. Raymond Bonner. Laundering of Money Seen as “Easy”. *New York Times*, 29 ноября 2000 г.
21. Knut Royce. San Francisco Bank Linked to Laundering Probe at Bank of New York. Center for Public Integrity, 9 декабря 1999 г.
22. Sam Zuckerman. Russian Money Laundering Scandal Touches S.F. Bank. *San Francisco Chronicle*, 23 сентября 1999 г.
23. Robert O’Harrow Jr. 3 Firms Links to Russia Probed. *Washington Post*, 21 октября 1999 г.
24. Andrew Higgins, Ann Davis and Paul Beckett. Money Players: The Improbable Cast of Capitalist Converts Behind BONY Scandal. *Wall Street Journal*, 30 декабря 1999 г.
25. Tom Burgis. Dirty Money: Trump and the Kazakh Connection. *Financial Times*, 19 октября 2016 г.

26. Timothy L. O'Brien and Eric Dash. Is Trump Headed for a Fall?', *New York Times*, 28 марта 2004 г.
27. Пресс-релиз прокурора Восточного округа Нью-Йорка, США: 19 Defendants Indicted in Stock Fraud Scheme that was Protected and Promoted by Organised Crime. 2 марта 2000 г.
<https://www.washingtonpost.com/wp-stat/graphics/politics/trump-archive/docs/press-release-doj-howard-safir-bayrock.pdf>
28. Glenn R. Simpson and Paul Beckett. UK Probe Possible Link Between Russian Case, A.R. Baron. *Wall Street Journal*, 24 сентября 1999 г.
29. Andrew Rice. The Original Russia Connection', *New York Magazine*, 7 августа 2017 г.
30. Tom Stieghorst. Trump Eyes Oceanfront Land Aventura Firm to Market Project in Lauderdale. *South Florida Sun-Sentinel*, 12 декабря 2003 г.
31. Michael Sallah and Michael Vasquez. Failed Donald Trump Tower Thrust into GOP Campaign for Presidency. *Miami Herald*, 12 марта 2016 г.
32. Glen Creno and Catherine Burrough. Trump Raises Stakes: Camelback's Glitzy Boom Continues. *Arizona Republic*, 13 ноября 2003 г.
33. Michael Stoler. Parking Lots and Garages go the Way of the Dinosaurs. *New York Sun*, 16 февраля 2006 г.
34. Tom Burgis. Tower of Secrets: The Russian Money Behind a Donald Trump Skyscraper. *Financial Times*, 12 июля 2018 г.
35. Andrew Rice. The Original Russia Connection. *New York Magazine*, 7 августа 2017 г.
36. Trump-Linked Real Estate Firm Settles Suit by Ex-Employee. *Bloomberg*, 23 февраля 2018 г.

37. Marc Champion. How a Trump SoHo Partner Ended Up with Toxic Mining Riches from Kazakhstan. *Bloomberg*, 11 января 2018 г.
38. Craig Shaw, Zeynep Sentek and Stefan Candea. World Leaders, Mobsters, Smog and Mirrors. *Football Leaks, The Black Sea*, 20 декабря 2016 г.
39. Robyn A. Friedman. Trump Puts Stamp on Project; Father and Son Add Famous New Yorker as Partner to Build Sunny Isles Towers. *South Florida Sentinel*, 30 января 2002 г.
40. Nathan Layne, Ned Parker, Svetlana Reiter, Stephen Grey and Ryan McNeill. Russian Elite Invested Nearly \$100 Million in Trump Buildings. *Reuters*, 17 марта 2017 г.
41. Tony Wong. Meet the Man Behind Trump Tower. *Toronto Star*, 4 декабря 2004 г.
42. Heidi Brown and Nathan Vardi. Man of Steel: Alex Shnaider Became a Billionaire in the Dimly Lit Steel Mills of Eastern Europe. How Will He Handle the Glare of the Western World? *Forbes*, 28 марта 2005 г.
43. Michael Posner. The Invisible Man; But for the Car, it Might Be. *Globe and Mail*, 27 мая 2005 г.
44. Charles Clover. Questions over Kuchma's Advisor Cast Shadows. *Financial Times*, 29 октября 1999 г.
45. Mark MacKinnon. Searching for Boris Birshtein. *Globe and Mail*, 29 декабря 2018 г.
46. Ned Parker, Stephen Grey, Stefanie Eschenbacher, Roman Anin, Brad Brooks and Christine Murray. Ivanka and the Fugitive from Panama. *Reuters*, 17 ноября 2017 г.
47. Donald Trump. Mr. Trump Strongly Defends his Good Name. *Wall Street Journal*, 28 ноября 2007 г.

48. Ben Protess, Steve Eder and Eric Lipton. Trump Organization will Exit from Its Struggling SoHo Hotel in New York. *New York Times*, 22 ноября 2017 г.
49. Gary Silverman. Trump's Russian Riddle. *Financial Times*, 14 августа 2016 г.
50. Cribb, Chown. Blackman, Varhnham O'Regan, Maidenberg and Rust, How Every Investor Lost his Money on Trump Tower Toronto (but Donald Trump Made Millions Anyway). *Toronto Star*, 21 октября 2017 г.
51. «Испания вернет России хранителя компромата». «Росбалт», 10 июня 2013 г.
52. Николай Михалев. Россия уменьшилась в размерах. *RBC Daily*, 14 марта 2012 г.
53. Alan Cullison and Brett Forrest. Trump Tower Moscow? It was the End of Long, Failed Push to Invest in Russia. *Wall Street Journal*, 30 ноября 2018 г.
54. Ирина Грузинова. Миллиардер Арас Агаларов: «Я не умею зарабатывать на государственных стройках». *Forbes на русском*, 11 марта 2015 г.
55. Anthony Cornier and Jason Leopold. Trump Moscow: The Definitive Story of How Trump's Team Worked the Russia Deal During the Campaign. *BuzzFeed*, 17 мая 2018 г.
56. Matt Apuzzo and Maggie Haberman. Trump Associate Boasted that Moscow Business Deal "Will Get Donald Elected". *New York Times*, 28 августа 2017 г.
57. Read the Emails on Donald Trump Jnr. *New York Times*, 11 июля 2017 г.
58. Jo Becker, Adam Goldman and Matt Apuzzo. Russian Dirt on Clinton? "I Love it," Donald Trump Jnr. Said. *New York Times*, 11 июля 2021 г.

59. Philip Bump. A Timeline of the Roger Stone–Wikileaks Question. *Washington Post*, 30 октября 2018 г.
60. David Filipov and Andrew Roth. “Yes We Did”: Russia’s Establishment Basks in Trump’s Victory; Russians Couldn’t Help Gloating a Bit Over Trump’s Win. *Washington Post*, 9 ноября 2016 г.
61. Andrew Osborn. Donald Trump’s Foreign Policy “Almost Exactly the Same as Putin”, Kremlin Says. *Reuters*, 10 ноября 2016 г.
62. Открытое письмо Дональда Трампа. There’s Nothing Wrong with America’s Foreign Defense Policy that a Little Backbone Can’t Cure’, *Washington Post*, 2 сентября 1987 г.
<https://assets.documentcloud.org/documents/4404425/Ad-in-The-Washington-Post-from-Donald-Trump.pdf>
63. Shane Harris, Josh Dawsey and Ellen Nakashima. Trump Told Russian Officials in 2017 He Wasn’t Concerned About Moscow’s Interference in US Election. *Washington Post*, 28 сентября 2019 г.
64. Sharon LaFraniere, Nicholas Fandos and Andrew E. Kramer. Ex-Envoy to Ukraine Testifies “False Claims” Propelled Ouster. *New York Times*, 12 октября 2019 г.
65. Simon Shuster. How Putin’s Oligarchs got Inside the Trump Team. *Time*, 20 сентября 2018 г.
66. Kremlin Says Mueller’s Russia Investigation is Pointless. *Reuters*, 29 мая 2018 г.
67. Knut Royce. FBI Tracked Alleged Russian Mob Ties of Giuliani Campaign Supporter. The Center for Public Integrity, 14 декабря 1999 г.
68. «Я – кошмар Порошенко». Интервью Кислина НТВ.
<https://www.ntv.ru/video/1771880>

69. Darren Samuelson and Ben Schreckinger. Indicted Giuliani Associate Attended Private '16 Election Night Party for "Friend" Trump. *Politico*, 11 октября 2019 г.
70. Aubrey Belford and Veronika Melkozerova. Meet the Florida Duo Helping Giuliani Investigate for Trump in Ukraine. Organised Crime and Corruption Reporting Project, 22 июля 2019 г.
71. Rosalind S. Helderman, Tom Hamburger, Josh Dawsey and Paul Sonne. How Two Soviet- Born Emigres Made it Into Elite Trump Circles. *Washington Post*, 13 октября 2019 г.
72. Aram Roston, Karen Freifeld and Polina Ivanova. Indicted Giuliani Associate Worked on Behalf of Ukrainian Oligarch Firtash. *Reuters*, 11 октября 2019 г.
73. Michael Sallah and Emma Loop. Two Key Players Spent Lavishly as They Dug for Dirt on Biden. *BuzzFeed*, 9 октября 2019 г.
74. Vicky Ward and Marshall Cohen. "I'm the Best Paid Interpreter in the World": Indicted Giuliani associate Lev Parnas touted windfall from Ukrainian Oligarch. *CNN*, 1 ноября 2019 г.
75. Matt Zapotosky. Rosalind S. Helderman, Tom Hamburger, Josh Dawsey, Prosecutors Suspect Ties between Ukrainian Gas Tycoon, Giuliani Associates. *Washington Post*, 23 октября 2019 г.

Эпилог

1. Arkady Ostrovsky. A Russian Tale: The Rise and Fall of Alexander Shestun. *The Economist*, 22 декабря 2018 г.

2. Официальная биография А. Шестуна. cyclowiki.org/wiki/Aleksandr_Vyacheslavovich_Shestun
3. Анна Красноперева. Арестованный Александр Шестун рассказал о коррупции в ФСБ. *The Insider*, 26 июня 2018 г.: <https://theins.ru/news/107934>
4. «Тебя переедут катком – генерал ФСБ угрожает в Администрации президента». *pasmi.ru*, 20 апреля 2018: <https://pasmi.ru/archive/208765/>
5. «ФСБ считает губернатора Воробьева опаснее бандитов». *Pasmi.ru*, 11 ноября 2018 г. <https://pasmi.ru/archive/223752/>
6. Алексей Навальный. Кто объедает Росгвардию. *ФБК*, 23 августа 2018 г.
7. Philip Inman. Brazil passes UK to Become World's Sixth Largest Economy. *Guardian*, 26 декабря 2011 г.
8. «Коротко о том, сколько миллиардов и на какие страны тратит Россия». Телеканал «Дождь», 15 ноября 2018 г.
9. Andrei Biryukov and Evgeniya Pismennaya. Russia Dips into Soviet Playbook in Bid to Buy Allies Abroad. *Bloomberg*, 23 октября 2019 г.